

И. П. МЕДВЕДЕВ

Историки в истории:
поиски и свершения
Сборник статей

РОССИЯ
И
ХРИСТИАНСКИЙ
ВОСТОК

БИБЛИОТЕКА
ВЫПУСК 13

Ρωσική Ακαδημία Επιστημών
Ινστιτούτο Ιστορίας της Αγίας Πετρούπολης
Ινστιτούτο Παγκόσμιας Ιστορίας

I. P. Medvedev

Ιστοριογράφοι στην ιστορία: αναζητήσεις και επιτεύγματα

Συλλογή άρθρων

Β' έκδοση

Εκδόσεις ΓΣΠ
Μόσχα
2022

Российская Академия наук
Санкт-Петербургский институт истории
Институт всеобщей истории

И. П. Медведев

Историки в истории: поиски и свершения

Сборник статей

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Москва
2022

УДК 929
ББК 63.3
М42

Серия основана Б. Л. Фонкичем в 2001 г.

Редакционная коллегия:

С. М. Каштанов (отв. ред. серии), М. В. Бибиков, А. Г. Бондач, А. М. Бруни,
З. Е. Оборнева, А. А. Турилов, Н. П. Чеснокова, Д. Я. Яламас

Редакционный совет:

О. М. Александропулу, П. Р. Вайсенсел, Дж. Маджеска, И. П. Медведев,
Ф. Б. Поляков, Ф. Г. Ставр, И. А. Шалина

Отв. редакторы:

д. и. н. Б. Л. Фонкич, д. и. н. М. В. Бибиков, А. Г. Бондач

Составитель:

М. Н. Румынская

Медведев И. П.

М42 Историки в истории: поиски и свершения: Сборник статей / Сост. М. Н. Румынская; отв. ред. Б. Л. Фонкич, М. В. Бибиков, А. Г. Бондач. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. — 528 с. — (Россия и Христианский Восток. Библиотека; Вып. 13).

ISBN 978-5-907498-35-8

Основные персонажи книги — ученые XIX – 1-й трети XX в., в силу различных обстоятельств связанные с петербургской школой византиноведения. Акцент делается на выявлении (с помощью архивных изысканий) малоизвестных и неизвестных фактов научной деятельности таких основоположников русской византистики, как В. Э. Регель, В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, И. В. Помяловский, Н. П. Кондаков, свящ. Д. Лебедев и др. Персоналистский подход позволяет в новых ракурсах представить историю русского византиноведения. Книга предназначена для византистов, эллинистов, специалистов по истории России.

This book's main characters are 19th–1st third of 20th century scientists who, due to many reasons, are associated with St. Petersburg's school of Byzantine studies. Against a background of archival research, the emphasis is made on identifying little-known and totally unknown facts about scholarly activity of such founding fathers of Russian Byzantinology as Vasily Regel, Vasily Vasilievsky, Fyodor Uspensky, Ivan Pomyalovsky, Nikodim Kondakov, Rev. Dimitry Lebedev and others. The personalistic approach brings a new perspective to the history of Russian Byzantine studies. The book is intended for Byzantinists, Hellenists and specialists in Russian history.

УДК 929

ББК 63.3

ISBN 978-5-907498-35-8

9 785907 498358 >

© И. П. Медведев, 2022

© Указатели. А. Г. Бондач, 2022

© Составление. М. Н. Румынская, 2022

© Институт всеобщей истории РАН, 2022

© Издательский Дом ЯСК, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	9
Академик Филипп Иванович Круг и его архив	11
«История» Льва Диакона как один из источников «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (уточнения к комментарию)	25
К. Ф. Калайдович в свете неопубликованной переписки графа Н. П. Румянцева и академика Ф. И. Круга	32
История автора одной французской книги о греческих древностях с посвящением русскому императору	43
Рецепция византийского права на Руси по данным неопубликованных трудов Г. А. Розенкампа	57
Жюль Давид: штрих к портрету малоизвестного эллиниста	75
Алексей Николаевич Оленин как византинист	90
Петербургский след в биографии одного ученого грека: Андреас Пападопулос-Вретос	108
Письма К. Э. Цахариэ фон Лингентала в архиве А. А. Куника	121
Письма В. М. Ундольского к А. А. Кунику в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН	178
Русский вклад в создание «Греческой библиографии» Эмиля Леграна	200
И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого)	217
А. И. Пападопуло-Керамевс: «Петербургские ночи» ученого грека (по неизданным документам и письмам)	272
Последний год жизни и смерть В. Г. Васильевского (глава из неопубликованной монографии И. М. Гревса)	332
«Меня манят архивы, пока я молод» (малоизвестные страницы биографии Н. П. Лихачёва)	358

С. Ф. Платонов как ученик византиниста В. Г. Васильевского	366
В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского временника»	372
В. Э. Регель о своих занятиях в московских архивах	407
Труды В. В. Болотова на немецком языке (прерванный проект) . . .	423
Мир ученого одиночества: священник Димитрий Лебедев	431
О Ф. И. Успенском и его главном труде	462
О Ф. И. Успенском как редакторе «Византийского временника». . .	469
Указатель документов и рукописей	479
Указатель имен	489
Сокращения	521
Переходы	524

*Светлой памяти моего друга
Бориса Львовича Фонкича*

ОТ АВТОРА

Итак, еще один сборник некогда уже опубликованных в разных изданиях статей. Сразу оговорюсь, что и на сей раз идея собрать разные сочинения под одну обложку — не прихоть автора, а пожелание некоторых моих коллег (например, того же Бориса Львовича Фонкича). Да и само название сборника позаимствовано из одной работы, тоже некогда опубликованной и посвященной, извините, вашему покорному слуге¹, а так как это выражение («историк в истории») мне тогда понравилось, сегодня я хотел бы переадресовать его персонажам настоящего сборника. По-моему, они его вполне заслуживают.

Основные герои книги — ученые разных эпох и национальностей, которым в силу каких-то жизненных обстоятельств удастся совершить в науке (в данном случае исторической) те или иные, а иногда и весьма значимые открытия. В книге нет четкой сюжетной линии, а своих персонажей автор как бы вызволяет из небытия с помощью своих архивных изысканий. Именно во время занятий архивными материалами эти лица попадают в поле моего зрения, вызывая острое желание погрузиться в их творческую лабораторию, приоткрыть секреты, которыми эти ученые иногда делятся друг с другом, не всегда вынося их на страницы своих публикаций. В итоге (как считает К. К. Акентьев, в свое время подробно рассмотрев мои статьи) у вашего автора сам собою сложился своеобразный персоналистский подход к истории исторической науки, в новых ракурсах высветилась деятельность таких основоположников русской византистики, как В. Э. Ретель, В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский (добавлю сюда еще Н. М. Карамзина), обнаружилась ключевая роль в ее становлении филолога-классика И. В. Помяловского, выявлены неизвестные подробности творческой биографии Н. П. Кондакова, возвращен из бездны забвения такой «гигант науки», по определению В. Н. Бенешевича, как скромный сельский священник о. Димитрий Лебедев, значение

¹ *Акентьев К. К.* Игорь Павлович Медведев: историк в истории // Византиноведение. Т. 3: Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси. СПб., 2005. С. V–XI.

вклада которого в исследование календарно-литургических традиций христианского мира раскрывается лишь теперь, когда эта область знания поднялась на качественно новый уровень благодаря археографическим находкам последних десятилетий².

Думаю, что и о других персонажах сборника можно было бы сказать нечто подобное. Они, безусловно, очень разные, и мировоззренчески, и с позиций своих научных методологий, но их, мне кажется, объединяет желание следовать самым благородным традициям научного творчества. Вновь выявленные и здесь соединенные в одно целое нюансы, характеризующие этот своеобразный интеллектуальный мир, придают, надеюсь, сборнику внутреннее единство и дополнительную композиционную стройность, несмотря на некоторую фрагментарность, присущую этому жанру.

Хотелось бы поблагодарить инициатора этого издания, Бориса Львовича Фонкича, под редакцией которого вышел в свет и предыдущий аналогичный сборник моих статей о Владимире Николаевиче Бенешевиче³; издательство «Языки славянских культур», внезапно проявившее интерес к трудам автора, что для меня удивительно; наконец, мою дорогую помощницу Марину Николаевну Румынскую за то, что она взяла на себя труд отыскания текстов моих статей в разных изданиях (а они далеко не все присутствуют в моей домашней библиотеке) и их сканирования, технология которого для меня непостижима. Хотелось бы надеяться, что жизненные и творческие коллизии героев книги вызовут любопытство не только ее автора, но и читателей.

* * *

Редакционная коллегия серии «Россия и Христианский Восток. Библиотека» обращает внимание, что при подготовке выпуска 13 к печати было унифицировано оформление библиографических ссылок в примечаниях к статьям сборника (согласно рекомендации автора).

² Агентьев К. К. Игорь Павлович Медведев: историк в истории. С. IX.

³ Медведев И. П. Судьба ученого: Владимир Николаевич Бенешевич. Сб. статей. М., 2020. (Монфокоп. Вып. 6). 488 с.

АКАДЕМИК ФИЛИПП ИВАНОВИЧ КРУГ И ЕГО АРХИВ*

В С.-Петербургском филиале Архива РАН хранится интересный личный фонд (ф. 88, оп. 1–2) академика Ф. И. Круга, одного из тех немецких ученых (наряду с И. П. Колем, Г. З. Байером, Г. Ф. Мюллером, А. Л. Шлёцером, И. Г. Штриттером), которые, по оценке Ф. И. Успенского, стали «первыми глашатаями и проводниками научного византиноведения в собственном смысле»¹, принеся с собой в Россию «научный критический метод», выработанный уже богатой к этому времени исследовательским опытом европейской наукой. Восприняв «близко к сердцу» поставленную перед Академией наук задачу — исследовать корни русской истории, — академики пришли к необходимости заняться изучением и византийских источников по истории IX–X вв. в связи с вопросами об образовании Русского государства и о Крещении Руси.

Иоганн Филипп (в России — Филипп Иванович) Круг (1764–1844)², уроженец г. Галле, где он и получил университетское образование, в 1791 г. нанимается в качестве учителя в дом одного польского сановника, с семьей которого в 1794 г. оказывается в «собственно России»; с 1795 г. он в Москве, где становится воспитателем сына графини Орловой, вдовы графа И. Г. Орлова³; 15 августа 1803 г. Ф. И. Круг

* Опубликовано: Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 179–189.

¹ Успенский Ф. И. Из истории византиноведения в России // *Анналы*. № 1. 1922. С. 115.

² Единственным, но зато в высшей степени основательным и хорошо документированным очерком, воссоздающим творческую биографию Ф. И. Круга, является скромно озаглавленное «Введение» к посмертно опубликованным трудам ученого, написанное А. А. Куником: *Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*. St. Petersburg, 1848. Th. 1. S. I–CCLVI.

³ Источник этих сведений, которые сообщает А. А. Куник (см.: *Ibid.* S. IX–X), установить не удалось. В то же время известно, что брак И. Г. Орлова и Е. Ф. Орловой был бездетным.

переезжает в Петербург, оставшись здесь, вопреки первоначальному намерению, навсегда. Все эти годы он усиленно занимается нумизматикой, к которой пристрастился с детства, обменивает привезенную с собой в Москву немецкую коллекцию иностранных монет на коллекцию русских (у одного родственника графини), довольно быстро овладевает сначала церковнославянским, а затем и русским языком, получив в домашней библиотеке Орловых, изобиловавшей славянскими и русскими рукописями (некоторые из них были дарами императрицы Екатерины II), превосходную возможность познакомиться с источниками по русской истории (библиотека графа И. Г. Орлова, которого братья звали «философом», погибла в огне в 1812 г.). Именно как нумизмат Круг зачисляется в 1805 г. сотрудником («помощником библиотекаря») Эрмитажа, работая, правда, лишь в его Минцкабинете под начальством Г. К. Кёлера⁴, а его исследования о русской нумизматике древнейшего периода⁵ открывают ему двери в Академию наук (адъюнкт по русской истории с 27 марта 1805 г., экстраординарный академик с 11 марта 1807 г., ординарный академик с 16 августа 1815 г.).

Следуют труды Круга в области русской, а затем и византийской хронологии, долгое время остававшейся «ахиллесовой пятой» не только российского, но и западного византиноведения. Сосредоточившись в своем основном исследовании «Критический опыт объяснения византийской хронологии, с особым вниманием к ранней истории России»⁶ на изучении византийских хронистов Феофана, Никифора и Симеона, он внес значительный и общепризнанный вклад в выверку нескольких сотен хронологических дат и в пересмотр господствовавших тогда в науке ошибочных взглядов таких авторитетов, как Дюканж, Пажи, но прежде всего — бесконечно чтимого им Шлёцера, «победной полемикой» против которого называет труд Круга А. А. Куник.

⁴ Гинзбург Г. И. Г. К. Кёлер и библиотека Эрмитажа // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. Т. II. 2000. С. 94, примеч. 8.

⁵ См., например: [Krug Ph.] Zur Münzkunde Russlands. St. Petersburg, 1805. 200, [IV] S. Рус. пер.: [Круг Ф.] Критические разъяснения о древних русских монетах. СПб., 1807. 274, [III] с.

⁶ Krug Ph. Kritischer Versuch zur Aufklaerung der byzantischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. St. Petersburg, 1810. XVI, 328 S.

«Общепризнанность», впрочем, была несколько односторонней. Вот как расценивает действие своего детища сам автор (переводу с немецкого):

Моя «Хронология византийцев», которая написана лишь в связи с древнейшей русской историей, имела счастье найти замечательный прием *за границей* и публично быть прославленной в качестве классического произведения⁷. Геерен, например, называет книгу Фениксом в исторической литературе; Рюс, Хюльман, Шлоссер, Газе и др. заимствовали из нее множество исправленных данных в свои сочинения; от них они перешли в лучшие новейшие исторические труды, и до сих пор не нашлось ни одного человека, который считал бы ошибочным и опроверг хотя бы одно из более чем ста исправлений. Но не так было в *России*. В Академии книга не произвела никакой сенсации; никакого признания, одобрения, поощрения — таков результат всего этого. Книга появилась в 1810 г., а я еще в 1815 г. был экстраординарным, хотя уже при моем определении на службу (ибо я, сорокалетний, отказывался стать адъюнктом), а затем снова, при появлении сочинения о русской нумизматике в 1805 г., мне было официально обещано быстрее повышение в звании, — в то время как другие, сидевшие подо мной, давно продвинулись. Осталось совершенно незамеченным, что сказал старик Шлёцер еще в 1806 г.: «Очень часто я его (Ф. И. Круга. — И. М.) в сочинении о нумизматике с основанием поправлял, опровергал и дополнял; но это самая первая и до сих пор единственная книга о древнерусской истории, подготовленная и напечатанная со времени смерти Байера (1738) в самой России, которую отличает подлинно научная критика». Помимо Академии, мои исследования (при условии, что они вообще представляют интерес) все же больше всего должны приниматься во внимание теми, кто занимается древнерусской историей *ex professo*. Однако, когда в 1816 г. Карамзин, с которым я уже давно состоял в переписке, издал свои первые тома, корректурные листы которых он мне показывал, оказалось, что им не было принято во внимание так много из того, что я, как я полагал, строго доказал, что он (когда я ему об этом сказал и потребовал, если он в состоянии, опровергнуть меня) оказался вынужденным кое-что перепечатать и добавить к первому тому особый лист

⁷ Множество хвалебных отзывов и рецензий (в том числе авторов, указанных ниже самим Кругом) перепечатано А. А. Куником в его замечательном очерке о Круге: *Krug Ph. Forschungen...* Th. 1. S. XCVIII–CXXIX.

с дополнениями⁸. Точно так же новейший историк Полевой показывает, что он мою книгу не читал, когда он (приведем только один пример) на стр. 159 тома I заставляет вел. княгиню Ольгу быть крепенной гнусным Феофилактом, а не Полиевктом, который, однако, уже годом раньше (3 апреля 956 г.) был посвящен в патриархи⁹ <...> Если это происходит с вышеназванными людьми, то можно ли ожидать, что другие, которым все это не столь близко, примут большее участие в таких исследованиях? И разве кому-нибудь придет в голову перевести подобную книгу целиком или в извлечениях на русский язык, несмотря на то, что, может быть, кто-то и мог бы чему-нибудь научиться из нее?¹⁰ Можно ведь напечатать: «Мы не понимаем такой учености!»¹¹ Но тогда получается, что даже желание видеть напечатанными мои статьи, которые почти все критического содержания, чрезмерно! Конечно, это не более чем пустая фраза, а посему мои исследования не пропадут; однако я действительно верю: то время, что я еще могу напряженно работать, можно использовать гораздо полезнее, если продолжить записывание на бумаге результатов собственных исследований, чем тратить его на переписывание набело, на заполнение лакун уже известными фактами, на исправление корректур¹².

Из процитированного явствует, что Круг почувствовал себя глубоко оскорбленным невниманием к его труду именно русской публики, для которой тот в первую очередь и предназначался; этим же, как отметил еще А. А. Куник, объясняется и тот факт, что после 1810 г. Круг фактически прекратил публиковаться (ни одной более или менее крупной статьи за 34 года!), и только после его смерти, в 1848 г.,

⁸ См.: [Карамзин Н. М.] История государства Российского. Т. I. СПб., [1816]. С. 509–510 («Прибавление»). Скорее это *addenda et corrigenda*, в некоторых местах со ссылкой на указания Ф. И. Круга.

⁹ См.: Полевой Н. А. История русского народа. Т. I. М., 1829. С. 159.

¹⁰ В примечании к этому месту А. А. Куник, опубликовавший записку Круга, пометает: «Позднее она (книга Круга. — Н. М.) переводилась дважды». Одним из этих переводов является: Критический опыт в объяснении византийской хронологии, в особенности относительно к древней Русской истории, Филиппа Круга / Пер. с нем. Д. Языков. СПб., 1834 (в Отделе рукописей БАН хранится рукопись этого издания: ОР БАН. Осн. хранение 27.1.60. Инв. № 1705).

¹¹ Имеются в виду слова С. Н. Глинки, процитированные в рецензии К[аченовского?] на плёцеровского «Нестора» в «Вестнике Европы» (1811. Ч. LIX. № 19. Октябрь. С. 217).

¹² *Krug Ph. Forschungen...* Th. I. S. CXXX–CXXXIII.

усилиями академика А. А. Куника был издан уже упоминавшийся сборник его писавшихся «в стол» трудов, причем оказалось, что некоторые открытия были сделаны им задолго до того, как их сделали другие. Так, одним из важнейших его достижений было отождествление «Хроники» Георгия Амартола с основным и тщетно разыскивавшимся еще Шлёцером византийским первоисточником «Летописи» Нестора (то есть «Повести временных лет») — открытие, сделанное Кругом еще в 1806 г. и на протяжении десятилетий оставшееся неизвестным¹³.

Возвращаясь к архиву ученого, следует еще раз отметить, что «сливки» с него снял академик А. А. Куник, тщательно разобравший все писавшееся «в стол», отобравший достойное опубликования и осуществивший посмертное издание в двух томах¹⁴. В архиве Круга сохранились датированные рукописи работ, вошедших в отмеченный сборник¹⁵, например статей «Табель о рангах в поздней Греции (читай: в Византии. — И. М.) в сопоставлении с таковой же в Древней Руси» (12 октября 1814 г.)¹⁶, «Об одном древнем северном празднике (святки), который в X в. праздновался и при дворе в Константинополе под названием Τὸ Γοτθικόν» (15 марта 1815 г.)¹⁷, отдельно опубликованного очерка «Византийская хронология в правление императоров Льва, Александра, Константина Порфирородного, Романа Лакапена и Романа Порфирородного, с 30 авг. 886 г. по 15 мая 963 г.» (20 декабря 1809 г.)¹⁸. Из неопубликованного укажем заметку «Выдержки из греческой хроники монаха Георгия по прозванию Амартола, с переводом

¹³ *Krug Ph. Forschungen...* Th. 1. S. CXXXV, 162–163.

¹⁴ Второй том (Zweiter Theil) сборника «*Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*» (St. Petersburg, 1848) продолжает пагинацию первого (всего оба тома насчитывают 836 с. основного текста + 256 с. предисловия).

¹⁵ Составители архивной описи Н. А. Рычкова и Г. П. Блок всякий раз тщательно устанавливают соответствие «архивной единицы» изданию.

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 7: Ueber die Rangordnung im spätern Griechenland, verglichen mit der im frühern Russland (= *Krug Ph. Forschungen...* Th. 2. S. 567–577).

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 8: Ueber das alte nordische Julfest, welches im X. Jh. unter dem Namen Τὸ Γοτθικόν auch am Hofe in Konstantinopel gefeiert ward (= *Krug Ph. Forschungen...* Th. 2. S. 537–558).

¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 3: Chronologie der Byzantiner während der Regierung der Kaiser Leo, Alexander, Konstantin Porphyry, Roman Lakapen und Roman Porphyry. in dem Zeitraum vom 30. August 886 bis 15. May 963, berichtet von Ph. Krug.

из нее в летописи Нестора» (10 января 1827 г.)¹⁹; видимо, об этих «выписках» спрашивал В. М. Ундольский в письме к А. А. Кунику от 7 сентября 1855 г.: «Не уцелело ли каким чудом копии выписок Круга из Амартола, сообщенных г. Бодянскому, — он не может их найти или не желает сообщить мне их»²⁰.

В меньшей степени А. А. Куником использована переписка Ф. И. Круга, хотя и с нею Куник ознакомился досконально. А между тем важность ее для истории науки не вызывает сомнений. Став доверенным лицом графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826) во многих научно-археографических предприятиях последнего, и прежде всего по связям с европейскими научными центрами (особенно Франции) с целью выявления и издания византийских источников по истории славянства, Круг взял на себя роль «консультанта, рецензента и редактора, выполняя свои обязанности с большим старанием и знанием дела»²¹. Невозможно изучать деятельность Румянцевского кружка без полноценного использования отложившейся в личном архиве Круга его обширной ученой корреспонденции, включающей в себя, помимо отпусков и черновиков писем самого Круга, письма Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, П. М. Строева, Д. П. Попова, А. Н. Оленина, Д. И. Языкова, А. Х. Востокова, И. Ф. Г. Эверса, Г. К. Кёлера, П. И. Кёппена, Г. Ю. Клапрота, О. Е. Коцебу, И. Ф. Крузенштерна, А. Х. Лерберга, Г. А. Розенкампа, Д. Рауль-Рошетта и др., но прежде всего — 195 писем графа Н. П. Румянцева за 1808–1825 гг.²²

Для византинистов первостепенный интерес представляет переписка Круга со знаменитым парижским филологом-эллинистом немецкого происхождения Карлом Бенедиктом Газе (45 пространных писем последнего и черновики ответных писем Круга)²³, в которой

¹⁹ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 29: Stellen aus der Griechischen Chronik des Mönchs Georg, mit dem Beinamen Hamartolus, nebst deren Uebersetzung in Nestors Jahrbüchern, mit Anmerkungen.

²⁰ *Медведев И. П.* Письма В. М. Ундольского к А. А. Кунику в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН // ТОДРЛ. Т. L. 1996. С. 807; ср. с. 185 настоящего сборника.

²¹ *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. 2-е изд., доп. М., 1985. С. 25.

²² СПФ АРАН. Ф. 88. Он. 2. Д. 74 и 115 (всего 252 л.).

²³ Там же. Д. 21 (93 листа писем Газе); Оп. 1. Д. 138 (черновики писем Круга). [Теперь эти письма Газе опубликованы; см.: *Медведев И. П.* Письма Карла Бенедикта Газе в архиве академика Ф. И. Круга // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 522–583.]

нашло отражение, пожалуй, наиболее важное событие в мировой византистике того времени — первое издание «Истории» одного из крупнейших византийских писателей второй половины X в. Льва Диакона, ценнейшего источника по истории не только Византийской империи, но и Болгарии и Древней Руси (балканские войны киевского князя Святослава в 968–971 гг. составляют один из основных сюжетов этого сочинения).

Несколько слов о личности издателя. Карл Бенедикт Газе (родился 11 мая 1780 г. в саксонской Сульце близ Наумбурга в семье священника, умер 21 марта 1864 г. в Париже)²⁴ получил прекрасное классическое образование в гимназии Веймара и в университетах Йены и Гельмштедта; в 1801 г. переехал во Францию, ставшую его второй родиной (в его устройстве деятельное участие приняли парижские греки Адамантиос Кораис и Панайотакис Кодрикос, но особенно французский эллинист Ж.-Б.-Г. д'Ансе де Виллуазон); в 1805 г. зачислен сотрудником Императорской библиотеки; в 1812 г. приглашен королевой Гортензией в качестве воспитателя ее несовершеннолетнего сына Луи-Наполеона Бонапарта (будущего императора Франции Наполеона III); в 1816 г. назначен профессором греческой палеографии и неозллинистики в Королевском училище восточных языков; в 1824 г. избран членом Академии надписей и изящной словесности; в 1828 г. стал кавалером ордена Почетного легиона; в 1830 г. назначен профессором немецкого языка и литературы в *École Polytechnique*, а в 1832 г. — одним из заведующих Отделом рукописей Национальной библиотеки; в 1837 г. Газе осуществил свою давнюю мечту — посетил Элладу, где был награжден королем Оттоном золотым крестом ордена Спасителя; в 1849 г. стал командором Почетного легиона; в 1852 г. стал профессором основанной для него в Сорбонне (*Faculté des Lettres*) кафедры сравнительной грамматики²⁵; за издание «Истории» Льва Диакона награжден русским правительством орденом Св. Владимира 4-й степени; избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук с 27 июня 1821 г.²⁶

²⁴ О нем см.: *Παναγιωτάκης Ν. Μ. Λέων ὁ Διάκωνος* // ΕΕΒΣ. Τ. 34. 1965. Σ. 111–123; *Ševčenko I. The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus* // DOP. Vol. 25. 1971. P. 115–188 (с подробной библиографией работ о Газе).

²⁵ Изложено по: *Παναγιωτάκης Ν. Μ. Λέων ὁ Διάκωνος*. Σ. 111–112.

²⁶ Российская Академия наук: Персональный состав. Кн. 1: 1724–1917. М., 1999. С. 353 (без портрета).

Публикатор многих памятников средневековой греческой письменности (среди которых — сочинения Иоанна Лида), Газе все-таки на первое место ставил именно издание Льва Диакона, мысль о котором возникла у него с самых первых лет пребывания в Париже, но осуществление которого, по мнению Н. Панайотакиса, вряд ли стало бы возможным без участия в нем графа Н. П. Румянцева и академика Ф. И. Круга²⁷. Ознакомившись с попавшей ему на глаза заметкой Газе о рукописи Королевской библиотеки (нынешней *Paris. gr. 1712*) с текстом «Истории» Льва Диакона и о проделанной им работе над текстом памятника, с публикацией (*Speciminis causa*) его VI книги²⁸, Н. П. Румянцев обратился к А. Н. Оленину с письмом (на французском языке) от 18 марта 1813 г., в котором говорится следующее:

Заметка г-на Газе о рукописи Императорской библиотеки Франции, содержащей «Историю», сочиненную Львом Диаконом, достаточна, чтобы возбудить большой интерес, и особенно у русских. Нельзя не согласиться с ученым в том, что было бы в высшей степени полезно опубликовать этот труд, напечатав его. Г-н Газе, который как никто другой способен осуществить его прекрасное издание, признается, что с этой целью оставалось завершить латинский перевод, который он сделал. И поскольку этот перевод сделан, почему бы не появиться и самому изданию? Нет необходимых для предприятия финансовых средств? Нужен был бы аванс? О какой сумме могла идти речь? А не было бы возможным приобрести за деньги простую копию греческого текста с *правом напечатать ее здесь в сопровождении русского перевода* (выделено мной. — И. М.)? Сколько может стоить такая копия?²⁹

В свою очередь А. Н. Оленин обратился за содействием в этом деле к Ф. И. Кругу, поручив ему связаться как с самим Газе, так и с его «шефом», редактором журнала «*Magasin encyclopédique*» Обеном-Луи Милленом (1759–1818), на предмет прояснения вопроса.

Статс-Секретарь Оленин, — *говорится в письме Оленина к Кругу (без подписи, писано канцеляристом) от 28 марта 1813 г., —* препровождает при сем к Его Высокоблагородию Филиппу Ивановичу Кругу подлинную записку, полученную от Государственного Канцлера Графа Николая Петровича Румянцева.

²⁷ Παπαγιωτάκης Ν. Μ. Λέων ὁ Διάκωνος, Σ. 113.

²⁸ Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Impériale et autres bibliothèques. T. VIII. 1810. P. 254–296.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 542 (Оленины). Д. 25. Л. 14.

Статс-Секретарь Оленин просит Филиппа Ивановича изготовить, на точном основании изложенных в сей бумаге пунктов, письмо к г-ну Миллену или к г-ну Газе относительно к получению (*sic!*) копий с упоминаемых в записке рукописей и прочего; также покорно просит доставить сие письмо к нему за открытою печатью (*cachet volant*), дабы Граф Румянцев мог видеть содержание оногo, так как доставление сего письма он принимает себе. Статс-Секретарь Оленин для лучшего в сем деле успеха просит написать два письма, одно к г-ну Миллену, а другое к г-ну Газе. 28 марта 1813³⁰.

К письму была приложена и «подлинная записка» канцлера (на самом деле, как я предполагаю, составленная в канцелярии Оленина в духе вышеприведенной, действительно подлинной, адресованной А. Н. Оленину записки канцлера), причем фраза о копии была выражена в ней следующим образом (приводится в оригинале): «*Il desire-rait aussi savoir: si Mr Hase ne veut pas lui céder une copie exacte du texte grec qu'il a retouché, avec le droit de le faire paraître imprimé avec une traduction russe qui se feroit (sic!) à Pétersbourg? Et quel est le prix d'une pareille copie accompagnée du droit de sa publication?*»³¹

Круг, несомненно, выполнил возложенное на него задание, но отправленные им письма не дошли до адресата³². Это видно, во-первых, из одного сохранившегося в бумагах Оленина черновика французского письма (Оленина к Газе? Тогдашняя манера авторов писать о себе в третьем лице и не подписываться затрудняет идентификацию), в котором, между прочим, говорится (в моем переводе с французского):

В начале прошлого года Государственный секретарь Оленин обязал г-на Круга из Петербургской Академии наук написать г-ну Миллену из Парижа письмо, чтобы постараться получить копию с рукописи Льва Диакона. Г-н Круг тотчас же снизошел к просьбе Государственного секретаря Оленина, но, к сожалению, еще

³⁰ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 60. Л. 1.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–2.

³² Черновик его письма к Газе от (?) марта 1813 г. сохранился в его бумагах. Между прочим, сообщая о петербургском богаче, ревнителе отечественных древностей, который хотел бы способствовать изданию Льва Диакона, Круг уточняет: «*Derselbe Gönner wünscht ferner zu wissen, ob Sie ihm wol eine ganz genaue von Ihnen revidirte Copie des griechischen Textes von Leo Diac. überlassen wollen, die er hier in St. Pet., begleitet von einer russischen Übersetzung, könnte im Druck erscheinen lassen; und was Sie dafür verlangen? Er erwartet eine schnelle Beantwortung dieser Fragen*» (Там же. Д. 138. Л. 209–210 об.).

не получил ответа: причиной могла быть война! Соответственно, г-н Круг охотно взялся бы снова написать г-ну Миллену, который является шефом г-на Газе. Он бы написал даже прямо этому последнему, хотя и не знаком с ним лично, если бы у него были возможности доставить письмо, которое бы не затерялось, а также получить ответное письмо, т. е. то, что г-н Круг на себя не берет³³.

Во-вторых, об этом свидетельствует сам К. Б. Газе в своем первом письме к Кругу от 24 сентября 1814 г.:

Из расспросов, — *говорится в нем*, — с которыми ко мне несколько месяцев назад подступил один молодой офицер, г. Берто, я предположил, что Вы имели любезность писать мне; а на основании письма барона фон Штрاندмана, секретаря русского посольства в Англии, я убеждаюсь в этом еще раз. Этот последний <...> сообщает мне из Лондона, что ныне находящийся там г-н Крузенштерн (выдающийся мореплаватель и географ И. Ф. Крузенштерн. — *И. М.*) спрашивает, получил ли я Ваши письма ко мне, отправленные во время войны. К сожалению, ни одно из них не дошло до меня. Предполагаю, что, как и многие другие, они были вскрыты и утаены бонапартистской полицией. Мне этот инцидент особенно досаден, ибо, с одной стороны, эти письма, возможно, содержали заказы и запросы от Вас, которые остались и поныне неисполненными и безответными; с другой стороны, как пишет г-н Штрандман, в них, по его мнению, речь шла об одном историческом сочинении, относящемся к русской истории, которое г-н Рейхсканцлер Романцов (*sic!*) хотел иметь напечатанным или списанным в Париже. Я не сомневаюсь, что это сочинение — «История» Льва Диакона; по крайней мере, я несколько дней назад получил письмо г-на государственного секретаря Оленина, в котором речь идет также об этом сочинении <...> Князь Волконский также прислал мне записку следующего содержания: хотят, чтобы рукопись оригинального текста Льва была послана в Петербург с тем, чтобы она была напечатана там, ибо я, возможно, откажусь от его (Льва. — *И. М.*) издания. Я ответил, что мое намерение (опубликовать «Историю» Льва Диакона в луврской серии *Corpus Byzantinae Historiae*. — *И. М.*) не изменилось и что Лев уже готов к печати. Несколько дней назад г. Дювиньо, прибывший из Петербурга, привез мне письмо графа Оленина, в котором тот требует пересылки рукописей Амаргола и Льва. Первый не входит в мои планы, и я указал его (Оленина. —

³³ ОР РНБ. Ф. 542. Д. 25. Л. 16.

И. М.) посланнику, графу Поццо ди Борго, путь, на котором он должен искать разрешение министра, которое он несомненно получит. Но что касается Льва, то я Вас самого спрашиваю, справедливо ли лишать меня возможности первым выпустить его после того, как я обратил внимание публики на этого автора и на протяжении нескольких лет тратил на его обработку те немногие часы, которые оставляли мне дела по службе. Мои предварительные исследования, рукописи нашей Библиотеки, все мои шестилетние штудии дают мне в руки средство сделать такое издание полнее, чем это может быть где-то в другом месте. И как позорно было бы для меня, если бы я, публично пообещав ученой Европе стать первым издателем, не сдержал слова. Но почему бы Льву не быть напечатанным здесь? Я принимаю это предложение, так как оно, согласно сообщению г-на Штрандмана, содержится в Вашем письме и так как оно действительно для нас всех и выгодно и почетно. За 3000 франков г. Эберхард (у него вышли Плутархи Кораиса) выражает готовность выпустить 500 экземпляров (греческий текст с латинским переводом, словарем и предисловием). Из этих экземпляров 50 я бы зарезервировал себе, чтобы распределить их здесь; остальные г. Эберхард направил бы ближайшим и надежнейшим путем г-ну Оленину, г-ну Романцову (*sic!*) или же тому, кто покроет расходы на печатание. Таким образом, Лев мог бы появиться как предтеча и провозвестник моего большого тома, который затем, разработанный не спеша, последовал бы через год или два. Само собой разумеется, что в предисловии я бы упомянул с благодарностью и прославлением Вас и того, кто бы поспособствовал изданию. Все это я написал и г. Оленину (письмо не сохранилось? — И. М.); поговорите с ним, ведь Вы наверняка знаете его³⁴.

Ответ Ф. И. Круга нам неизвестен, но зато известен результат дела: *editio princeps* оригинального греческого текста «Истории» Льва Диакона стало осуществляться (стараниями К. Б. Газе и на средства графа Н. П. Румянцева) в Париже, растянувшись на несколько лет (1814–1819), в то время как первый перевод труда на «русский язык» предполагалось сразу же по появлении оригинала изготовить и издать в Петербурге — также на деньги Н. П. Румянцева³⁵.

³⁴ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 1–4 об.

³⁵ О последнем подробнее см.: Медведев И. П. К истории создания первого русского перевода Льва Диакона // Автѣворов: К 75-летию академика РАН Г. Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 86–98.

Письма Газе как раз и отражают весьма драматичную историю издания оригинального греческого текста «Истории» Льва Диакона³⁶. Значительная часть их содержит обильную информацию о ходе печатания, о движении корректур (академик Круг не только просматривал все корректуры, но и делал свои поправки к публикуемым текстам), о трудностях с их пересылкой и пересылкой писем, которые часто не доходили до адресатов. Много места в них отведено попыткам объяснить и оправдать непомерно затянувшееся издание (1814–1819 гг., и это при том, что уже в первых письмах говорится о готовности издания к печати), обоснованию и расчетам требовавшихся со стороны графа финансовых субсидий (в ответ на которые тот незамедлительно выписывал чеки), описанию трагедии с гибелью во время шторма значительной части тиража (125 экземпляров из совокупного тиража в 400 экземпляров)³⁷ при транспортировке его по морю на бриге «Меркурий» в Петербург, бесконечным просьбам к Румянцеву и Кругу ходатайствовать о награждении Газе (как и его друга Рауль-Рошетта) орденом Св. Владимира, красочному описанию научной жизни Парижа тех времен и т. д. В письмах упоминается множество людей, так или иначе связанных с описываемыми событиями: государственные деятели (император Александр I, Н. П. Румянцев, А. Н. Оленин, И. Каподистрия, С. С. Уваров, князь Волконский, граф Орлов, С. Р. Воронцов, К. В. Нессельроде, граф Поццо ди Борго и др.), ученые и писатели (выдающийся мореплавателю И. Ф. Крузенштерн, Г. Ю. Клапрот, А.-Ж. Сен-Мартен, Д. Рауль-Рошетт, Ж. Давид, Н. М. Карамзин, А. Х. Лерберг, Ж. Ф. Шампольон, П. И. Кёппен, А. Кораис, М. Т. Каченовский, А. С. Березин, Б. Г. Нибур, Ф. П. Аделунг, Н. Гальма, Г. К. Кёлер, Ж.-П.-А. Ремюза, Ж. Ш. де Сирбид, Х. Д. Френ, А. И. Сильвестр де Саси, А. Май, И. А. Гульянов, Л.-М. Лангле, О. Е. Коцебу и т. д.), художники (Л. Хорис, С. Шерадам, Matthes), сотрудники русских посольств в Париже и Лондоне (И. О. Штрэндман, А. А. Шрёдер, Лавенский), печатники и книготорговцы, а также близкие парижские друзья (некая мадемуазель Канель, мадам Берто) и родственники (брат Круга Леопольд, брат Газе). Многим из них даются на страницах писем весьма выразительные характеристики.

Знакомясь с содержанием писем, мы, конечно, не могли не иметь в виду и головоломную историю с предполагаемым изготовлением

³⁶ Подробно об этом см.: *Медведев И. П.* Новые данные по истории первого издания Льва Диакона // ВВ. Т. 61 (86). 2002. С. 5–23.

³⁷ Подробно об этом см.: Там же.

Карлом Бенедиктом Газе фальшивки — т. н. «Записки готского топарха», то есть некоего анонимного фрагментарного текста, который якобы был им найден в одном из рукописных кодексов Королевской библиотеки Парижа, затем исчезнувшем (неизвестно куда), и который, по мнению Газе, мог служить дополнением к краткому известию Льва Диакона о взятии Херсона (Корсуня) русскими при Владимире Святом, ибо был составлен ближайшим участником события³⁸. Разумеется, рассчитывать на то, что в каком-то из своих писем Газе признается в подлоге или просто проговорится, не приходилось — ничего конкретного по этому «делу» переписка не сообщает. И тем не менее некоторые наши наблюдения над «методологией» работы Газе с текстами, его высказывания по этой части, свидетельствующие о его ярко выраженной склонности к «филологическим играм», к экспериментированию с византийскими текстами (с аттическими, как он сам сознается, он бы себе этого не позволил), с византийской лексикологией и семасиологией, убеждают нас в том, что одним из такого рода экспериментов могло стать (думаю, что и стало) сочинение им «Записки готского топарха», тем более что налицо был и мотив «преступления» — побудить еще больше раскошелиться не жалеющего денег русского «спонсора»³⁹. Даже удивительно, что такой опытный и восприимчивый к такого рода вещам исследователь, как Ф. И. Круг, ничего не заподозрил.

Зато уникальную информацию письма Газе содержат о других его неизвестных или малоизвестных, оставшихся неосуществленными, издательских проектах (таких, как «Хроника» Георгия Амартола, «Хронография» и письма Михаила Пселла, «История» Никифора Григоры, сочинения Григория Паламы, «Морейская хроника» и др.), «спонсором» которых также должен был выступить (и, в сущности, уже выступил, так как им «вперед» были уже оплачены по крайней

³⁸ Этим сенсационным открытием наука обязана, как известно, американскому ученому И. Шевченко. См.: *Ševčenko I. The Date and Author... P. 115–188 + Plates 1–28.*

³⁹ Подробнее о наших наблюдениях, а также догадке в отношении литературного источника, использованного Газе при воссоздании событий, запечатленных в «Записке», см.: *Medvedev I. Ιστορία ενός πλαστογράφου: ο λεγόμενος Toparcha Gothicus // Byzantina. T. 21. 2000. Σ. 237–249* (нами опубликован и русский вариант статьи, см.: *Медведев И. П. К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир Александра Кайдана: К 80-летию со дня рождения. СПб., 2003. С. 160–172).*

мере два первых из названных) Н. П. Румянцев⁴⁰. Со смертью графа все работы, однако, приостановились, прервалась почему-то и переписка Газе с Ф. И. Кругом (последнее датированное письмо Газе написано 6 августа 1826 г.).

Думаю, что как личность, так и научное творчество Филиппа Ивановича Круга заслуживают гораздо более внимательного изучения. Его вклад в зарождение и становление российской исторической науки вообще и русского византиноведения в частности не подлежит забвению.

⁴⁰ О наиболее «продвинутом» из этих издательских проектов — «Хронографии» Пселла — см.: *Медведев И. П.* Малоизвестный проект первого издания «Хронографии» Михаила Пселла // ВВ. Т. 60 (85). 2001. С. 183–191.

**«ИСТОРИЯ» ЛЬВА ДИАКОНА
КАК ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ
«ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»
Н. М. КАРАМЗИНА
(УТОЧНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ)***

То, что при написании главы о киевском князе Святославе Игоревиче в первом томе «Истории государства Российского» и при воссоздании картины балканских походов Святослава, его войн с болгарами и византийцами Н. М. Карамзин (1766–1826) использовал в качестве одного из источников «Историю» крупнейшего византийского историка X в. Льва Диакона, само по себе, разумеется, в науке известно. И тем не менее читателю остается не вполне ясным, как это оказалось возможным: ведь первый том знаменитой эпопеи, на титульном листе первого издания которого отсутствует указание даты выхода из печати, практически был отпечатан еще в 1816 г. (хотя официально в числе восьми первых томов «опубликован» в 1818 г.)¹, в то время как *editio princeps* труда византийского историка, осуществлявшееся по поручению и на средства русского канцлера графа Н. П. Румянцева, вышло в свет в 1819 г., а в России оказалось доступным и того позднее — в 1820 г.²

Загадку частично разъясняет, а частично еще более усложняет сам Н. М. Карамзин, который в примечании 391 к первому тому (как

* Опубликовано: Византийские очерки. Труды российских ученых к XXI Международному конгрессу византистов. СПб., 2006. С. 162–167.

¹ См.: Афиани В. Ю., Козлов В. П. От замысла к изданию «Истории государства Российского» // Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Т. I. М., 1989. С. 533 и сл. (далее это издание цитируется в сокращении: Карамзин. История. Т. I).

² Обстоятельства этого издания подробно рассмотрены: Медведев И. П. Новые данные по истории первого издания Льва Диакона // ВВ. Т. 61 (86). 2002. С. 5–23 (переработанный вариант под заглавием «Петербургский “грант” Парижу на издание “Истории” Льва Диакона» включен в кн.: Медведев И. П. Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006. С. 33–60).

известно, примечания были отделены от основного текста и составляли отдельный том, но мы пользуемся академическим комментированным изданием 1989 г., где обе части соединились воедино), сообщая о 15 центнерах золота, присланных к Святославу с Калокиром, о числе «россиян» и пр., ссылаясь на Льва Диакона и говорит о нем следующее: «Лев Диакон, византийский летописец десятого века, ныне издаваемый Г-м Газе в Париже, а прежде известный нам только по выпискам Ф. Паджи или Паги в замечаниях на Барония»³. Речь при этом идет, конечно же, о латинском переводе сочинения Льва Диакона, выполненном в XVII в. непосредственно с греческой рукописи доминиканским монахом Франциском Комбефисом (1605–1679), но оставшемся неопубликованным, фрагменты которого были использованы в известном историческом труде Франсуа Пажи⁴. Ими-то и воспользовался Н. М. Карамзин, иногда даже цитируя латинский текст перевода (он, правда, говорит о «выписках» Пажи, не упоминая авторства Комбефиса). Обращает на себя внимание глухая фраза, оброненная Карамзиным все в том же примечании 391: «Теперь (выделено мной. — *И. М.*) в руках у меня шестая и девятая книга сей Истории»⁵, — фраза, которая, может быть, так бы и осталась до сих пор неразгаданной, если бы не замечательная, хотя и требующая уточнений находка новейших комментаторов академического издания карамзинского труда.

В распоряжении Карамзина, — *пишут они*, — находились греческий текст и латинский перевод 6-й и 9-й книг «Хроники» или «Истории» Льва Диакона, скопированные из публикации К. Б. Газе «*Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Impériale*» (Р., Vol. 8. S. 254–296) (указан шифр отождествленной ими рукописи: ОР РНБ. Разнояз. F. IV. № 163. — *И. М.*), и подаренная ему в 1816 г. рукопись перевода на русский язык этих книг, осуществленного Д. И. Поповым» (*sic!* Имеется в виду, конечно же, Дмитрий Прокопьевич Попов, о котором нам еще предстоит сказать несколько слов ниже. — *И. М.*)⁶.

³ Карамзин. История. Т. I. С. 274, примеч. 391.

⁴ Critica historico-chronologica in universos Annales Ecclesiasticos eminentissimi et reverendissimi Caesaris Cardinalis Baronii / Studio et cura R. P. Francisci Pagi. T. 3. Antverpiae, 1727. P. 873–876; T. 4. Coloniae Allobrogum, 1727. P. 3, 5–6, 8–9, 12–13, 19–25, 28–29, 32–34, 36–39.

⁵ Карамзин. История. Т. I. С. 274, примеч. 391.

⁶ Там же. С. 336–337, примеч. 38.

Пользуясь случаем, попытаемся и мы внести некоторую ясность в становление исследовательской «кухни» великого историка, хотя бы и в одном, весьма незначительном эпизоде. Кардинальным нам при этом представляется разделение всего исследовательского процесса «последнего летописца» на два периода: московский и петербургский, временной границей между которыми стало начало 1816 г. Характерной чертой московского периода («московского» условно, так как Карамзин часто покидал Москву, выезжая то в Тверь, то в Остафьево, а всю эпоху наполеоновского нашествия провел в Нижнем Новгороде) были крайне неблагоприятные условия для работы (чего стоила одна только гибель личной библиотеки в пожаре 1812 г.), что, между прочим, обусловило и ограниченные возможности в использовании нашего источника. Так, судя по «гробовому молчанию» Николая Михайловича, ему не было известно, что еще в 1810 г. Карл Бенедикт Газе предпринял вышеупомянутую предварительную публикацию VI и IX книг «Истории» Льва Дякона, в которых как раз и содержится вся информация о походах Святослава Игоревича. Неизвестной для него оказалась, по-видимому, и первая в России попытка использования этой публикации, а именно — изданная в 1814 г. А. Н. Олениным брошюра под заглавием «Облик или портрет великого князя Святослава Игоревича, писанный современником его, византийским историком Львом Дьяконом, по словам очевидца»⁷. Ему удалось лишь воспользоваться латинским переводом Комбефиса по опубликованным Пажи фрагментам, что было явно недостаточно.

С переездом в Петербург перед Н. М. Карамзиным открылись новые возможности обогатить содержание своего труда. Он знакомит общественность со своим «детищем» как в его рукописном виде (он ведь выступал даже с публичными чтениями его), так и в форме корректур, встречая всеобщий интерес и желание помочь в его усовершенствовании. Так, академик Филипп Иванович Круг (1764–1844), один из тех немецких ученых, которые, приехав в Россию, стали первыми профессиональными исследователями византийской и российской истории, вспоминает в одной своей записке следующее:

Карамзин, с которым я уже давно состоял в переписке, издал в 1816 г. свои первые тома, корректурные листы которых он мне

⁷ Оленин А. Н. Облик или портрет великого князя Святослава Игоревича, писанный современником его, византийским историком Львом Дьяконом, по словам очевидца. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера, 1814. 14 с. (отд. отт. из: Сын отечества. Ч. 11. 1814. № 2).

показывал. При этом оказалось, что многое из того, что мною, как я полагал, строго доказано, им не было принято во внимание, и когда я ему об этом сказал, потребовав, если он в состоянии, опровергнуть меня, он был вынужден кое-что перепечатать и добавить к первому тому особый лист с дополнениями⁸.

Не может не обратить на себя внимание и переданное с А. И. Тургеневым письмо Карла Бенедикта Газе к академику Кругу, который был посредником графа Н. П. Румянцева в деле парижского издания «Истории» Льва Диакона, — письмо от 3 мая 1816 г. Сообщая о том, что ему досаждают своими просьбами о присылке экземпляров издания Льва («буде он отпечатан») Алексей Николаевич Оленин (1764–1843), Газе уточняет:

Он (Оленин. — *И. М.*) хочет дать их для использования Карамзину. Я бы мог, пожалуй, достать ему из Королевской типографии один экземпляр, т. е. все листы текста, сколько их до сих пор оттиснуто, но, естественно, я не мог бы этого сделать без Вашего согласия, и поэтому ответил, что хотел бы то, что готово, послать Вам, а Вы уж направьте это Оленину и Карамзину. Мне кажется справедливым, чтобы эти господа более ранним сообщением были обязаны Вам. Получите, стало быть, со следующим курьером, помимо новых корректурных листов, которые я прошу Вас любезно просмотреть, еще один (может быть, уже совсем полный) экземпляр текста Льва для г-на Оленина, если Вам и рейхсканцлеру будет угодно ему его дать⁹.

К сожалению, нам неизвестен ответ Круга (он не содержится в тех его черновиках, которые сохранились в архиве). Не располагаем мы и какими-либо материалами, которые бы свидетельствовали о том, что просьбы Оленина были удовлетворены¹⁰. Заказывая в Отделе

⁸ *Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*. St. Petersburg, 1848. Th. 1. S. CXXXI. Ср.: *Медведев И. П.* Академик Филипп Иванович Круг и его архив // *Русская наука в биографических очерках*. СПб., 2003. С. 180–181 (см. также с. 13–14 настоящего сборника). Действительно, в «Прибавлении» к первому тому первого издания «Истории» Карамзина (на с. 509–510) содержатся ссылки на указания Ф. И. Круга.

⁹ Немецкий подлинник письма хранится в С.-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 13–14 об.), издан: *Медведев И. П.* Письма Карла Бенедикта Газе в архиве академика Ф. И. Круга // *Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга*. СПб., 2004. С. 537–538 (№ 6).

¹⁰ Пожалуй, я поторопился объявить «материальным остатком» от этой истории рукопись F. IV. № 334 из Отдела рукописей РНБ, о которой см. ниже.

рукописей РНБ упомянутую комментаторами рукопись Разнояз. F. IV. № 163 («Две книги, VI и IX, из Истории Льва Диакона Калоенского»), я, откровенно говоря, надеялся на то, что увижу текст, писанный столь знакомым мне почерком Карла Бенедикта Газе. Увы! Это действительно списанный кем-то (А. И. Ермолаевым?), несомненно для Н. М. Карамзина, хотя пометы об этом нет (рукопись передана Императорской Публичной библиотеке в 1867 г. вместе с другими рукописями Карамзина), греческий текст данных книг, взятый из опубликованного Карлом Бенедиктом Газе в «*Notices et extraits des manuscrits*» издания (с его параллельным латинским переводом и предисловием на французском языке)¹¹.

Что касается отмеченной комментаторами рукописи ОР РНБ. F. IV. № 334, то она содержит тщательно писанный писарским почерком текст русского перевода VI и IX книг труда Льва Диакона, выполненного также для Н. М. Карамзина с вышеуказанного греческого образца. Рукопись (28 листов размером 33,5 × 33,5 см, текст: 27,2 × 14 см) в картонном переплете, с надписью рукой писца текста: «Буквальный перевод двух книг из Истории Льва Диакона Калоенского, доставленный А. Олениным» (и сверху тем же почерком: «с собственноручными отметками Н. М. [Карамзина]»). Затем рукой самого А. Н. Оленина записано: «Чем богат, тем и рад. Преданнейший Николаю Михайловичу Карамзину и покорнейший Алексей Оленин. 29 июня 1816». Что касается «отметок» Н. М. Карамзина, то они заключались в том, что он, читая текст, отчеркнул на полях сбоку (иногда одной линией, иногда двумя, иногда же — перекрещивающимися линиями) в 35 случаях заинтересовавшие его места.

Спрашивается, действительно ли автором перевода был известный эллинист Дмитрий Прокопьевич Попов (1780–1864), как достаточно безапелляционно заявляют комментаторы академического издания «Истории» Карамзина? В принципе, этот вариант событий был бы наиболее логичным, принимая во внимание, что Д. П. Попов, работая библиотекарем в Императорской Публичной библиотеке, находился «в команде» А. Н. Оленина, который позднее (в 1837 г.) утверждал в письме к Д. И. Языкову, что именно он «предложил» Попову в 1820 г. осуществить перевод Льва Диакона (фактически же перевод стал осуществляться Поповым — на средства графа Н. П. Румянцева — еще до выхода в свет парижского издания Льва Диакона, с

¹¹ Об этой рукописи см.: Отдел рукописей РНБ, ф. 958: Собрание разноязычных рукописей. Опись. СПб., 1997. № 121.

использованием именно присылавшихся из Парижа корректур)¹². Однако сравнение сделанного Д. П. Поповым в 1820 г. перевода труда Льва Диакона¹³ с рассмотренным нами переводом VI и IX книг, на мой взгляд, совершенно недвусмысленно показывает, что переводы разные и что выполнены они были, по-видимому, разными людьми, хотя и с совпадающими иногда фразами и выражениями (что, впрочем, естественно — ведь оригинал-то был один и тот же). Поэтому возникает естественное предположение: а не сам ли А. Н. Оленин и перевел текст VI и IX книг труда Льва Диакона? Ведь именно он, как было упомянуто выше, не дожидаясь выхода в свет издания оригинала и его перевода на русский язык и пользуясь предварительной публикацией Газе «русских фрагментов» из сочинения Льва Диакона на языке оригинала, опубликовал еще в 1814 г. брошюру (весьма, правда, неприятную) об «облике или портрете» князя Святослава Игоревича¹⁴. А. Н. Оленин проявлял всегда жгучий интерес к осуществлявшемуся в Париже изданию памятника, посвятив ему затем оставшееся незавершенным целое исследование¹⁵, да и сам стиль его вышеприведенной собственноручной записи на переплете новонайденной рукописи («чем богат, тем и рад») говорит как будто об этом. Позволяли ему это и его познания в греческом¹⁶, и его интерес к переводческой деятельности, что, впрочем, не исключало возможности использования им («сторонником бригадного метода», как остроумно назвал

¹² Медведев И. П. К истории создания первого русского перевода Льва Диакона // Автѣбѣров: К 75-летию академика РАН Г. Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 86–98.

¹³ История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей, изданные в первый раз с рукописей Королевской Парижской библиотеки и объясненные примечаниями Карлом Бенедиктом Газе... переведенные с греческого на российский язык Д. Поповым. В Санкт-Петербурге, печатано при Императорской Академии наук, 1820.

¹⁴ См. примеч. 7.

¹⁵ О нем см.: Медведев И. П. Алексей Николаевич Оленин как византист // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX вв.: Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 17–29; ср. с. 90–107 настоящего сборника.

¹⁶ А. Н. Оленин, если верить О. Д. Голубевой, приступил к изучению греческого, «когда ему было за сорок» (Голубева О. Д. А. Н. Оленин. СПб., 1997. С. 142). По своему опыту работы с текстами, выпешдшими из-под пера Оленина, могу сказать, что отменным знатоком греческого его назвать, конечно, нельзя, но в то же время владение им у него было, на мой взгляд, вполне приличным.

А. Н. Оленина С. О. Шмидт в устной беседе с автором этих строк) широкой помощи тесно связанных с ним эллинистов (скажем, знаменитого Н. И. Гнедича, также работавшего в Императорской Публичной библиотеке, да и того же Д. П. Попова). Остается надеяться, что однажды принадлежность А. Н. Оленину перевода VI и IX книг «Истории» Льва Диакона для Н. М. Карамзина подтвердится документально.

Как бы то ни было, Н. М. Карамзин действительно мог «теперь» отметить в примечании 391 к первому тому: «В руках у меня шестая и девятая книги сей Истории». Боюсь, однако, что весь этот материал попал в его руки «в последний момент», когда основной текст первого тома и примечаний к нему был уже набран, и ему удалось воспользоваться лишь минимумом из того, что он получил в свое распоряжение, разместив этот «минимум» почти целиком в «нотах», то есть в примечаниях. Так, почти все отчеркнутые Карамзиным места в тексте VI книги перевода перечислены (чаще всего с буквальным переводом фраз) в примечаниях 401, 402, 404. Соответственно, почти все отчеркнутые места в тексте книги IX нашли свою «нишу» в примечаниях 407, 408, 409, 414 (особенно впечатляет примечание 407, где последовательно перечислены факты, относящиеся к сражению византийского императорского войска с войском Святослава перед Дористолом). Следовало бы, конечно, привести для наглядности таблицу сопоставлений этих мест, но это уже выходит за рамки нашего скромного по своим задачам очерка.

**К. Ф. КАЛАЙДОВИЧ
В СВЕТЕ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ПЕРЕПИСКИ
ГРАФА Н. П. РУМЯНЦЕВА
И АКАДЕМИКА Ф. И. КРУГА***

Научное творчество Константина Федоровича Калайдовича (1792–1832), выдающегося историка-археографа и прославленного первооткрывателя и издателя многих уникальных памятников древнеславянской и древнерусской письменности (Изборник 1073 г., сочинения Кирилла Туровского и Иоанна Экзарха Болгарского, Всемирный хронограф, Судебник 1497 г. и целый ряд других рукописей первостепенного значения), является неотъемлемой составной частью золотого фонда русской науки¹. Соответственно, и имя этого неутомимого труженика науки всегда пользовалось непререкаемым авторитетом в научных кругах, оно не подлежит забвению. Тем больший интерес представляют некоторые критические оценки его деятельности со стороны таких видных его современников, как непосредственно связанный с ним граф Николай Петрович Румянцев (1754–1826) и академик Филипп Иванович Круг (1764–1844).

Как известно, К. Ф. Калайдович был одним из самых деятельных членов знаменитого Румянцевского кружка (фактически, вольной академии, ставившей перед собою обширные цели выявления, сбора и введения в научный оборот источников по русской истории), выполняя по заданию российского канцлера многие его планы². В свою очередь, и академик Ф. И. Круг (один из тех немецких ученых, которые, по оценке Ф. И. Успенского, стали «первыми плашатаями и проводниками научного византиноведения в собственном смысле»³, принеся

* Опубликовано: Очерки феодальной России. Вып. 7. 2003. С. 278–286.

¹ Литературу о нем см.: Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 170–172 (статья Р. М. Цейтлин).

² См. об этом: Козлов В. П. Колумбы российских древностей. 2-е изд., доп. М., 1985; Он же. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999.

³ Успенский Ф. И. Из истории византиноведения в России // Анналы. № 1. 1922. С. 115.

с собой в Россию «научный критический метод», выработанный уже богатой к этому времени исследовательским опытом европейской наукой) был также близким доверенным лицом и научным советником Н. П. Румянцева, его ученым посредником по связям с европейскими научными центрами (прежде всего — французскими) с целью выявления и издания византийских источников по истории славянства⁴. Неудивительно поэтому, что имя Калайдовича иногда «всплывало» в переписке Румянцева с Кругом⁵.

Так, отсылая Кругу из своего белорусского поместья в Гомеле пространное письмо от 14 октября 1824 г. (получено 23 октября), Румянцев делает в нем приписку: «*Permettez, Monsieur, que je vous fasse cadeau d'un ouvrage de Mr de Kalaidovitsch sur un manuscrit (sic!) de Jean l'Exarque de Bulgarie. Ce n'est point, ce me semble, un ouvrage indifférent*»⁶. [«Разрешите, месье, сделать Вам подарок в виде труда г-на Калайдовича об одной рукописи Иоанна Экзарха Болгарского⁷. Как мне кажется, труд этот отнюдь не из тех, которые могут оставить равнодушным»].

К сожалению, нам неизвестно, что именно написал об этом «подарке» Ф. И. Круг в ответном письме от 3 ноября 1824 г., так как в списанных нами текстах черновиков его писем к Румянцеву этого письма нет⁸, но о его содержании мы узнаем из письма Румянцева от 21 ноября этого же года (получено 1 декабря). В нем, между

⁴ Подробнее о нем см.: Медведев К. П. Академик Филипп Иванович Круг и его архив // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 179–189. Ср. с. 11–24 настоящего сборника.

⁵ Эта переписка (на французском языке) хранится ныне в С.-Петербургском филиале Архива РАН в личном фонде Ф. И. Круга (Ф. 88. Оп. 1–2). Сейчас она издана нами: Граф Н. П. Румянцев и наука его времени. Т. 1. М.; СПб., 2017 (см. Указатель имен: Калайдович К. Ф.). В настоящем сборнике статья публикуется в ее первоначальном виде, со ссылками на архивы.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 115. Л. 186.

⁷ Имеется в виду издание: Калайдович К. Иоанн, Ексарх Болгарский. М., 1824.

⁸ Закрывшись на капитальный ремонт, С.-Петербургский филиал Архива РАН лишает нас возможности уточнить, сохранился ли черновик письма. Но, может быть, отосланный экземпляр письма Круга сохранился в бумагах Румянцева, что находятся в Российской Государственной библиотеке в Москве? (Впоследствии нами был обнаружен как черновик, так и отосланный беловик этого письма. См. соответственно: СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 109–110; РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 58 доп. Л. 99–100 об.)

прочим, говорится следующее (привожу французский оригинал с моим переводом):

Je ne puis, Monsieur, vous exprimer, avec quelle satisfaction j'ai reçu la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire en date du 3 Novembre. Je l'ai relu plus d'une fois, tant j'ai trouvé d'intérêt et de lumière dans vos justes observations sur quelques passages de l'ouvrage de M. Kalaidowitsch, ouvrage que vous avez si bien accueilli. Le défaut de cet auteur, digne d'estime, est de n'avoir pas reçu ce que l'on appelle une éducation académique. Il va maintenant s'occuper pour moi d'un travail, dont on ne sauroit peut-être pas prévoir l'immense résultat. J'ai sollicité auprès du St Synode qu'il lui permit de faire un catalogue raisonné de tous les manuscrits (*sic!*) slavons qui composent à Moscou la bibliothèque patriarchale et la synodale, pour être porté à la connoissance publique par l'impression. Après quelques divergeations (*sic!*) le St Synode vient de consentir enfin à l'exécution de cette pensée. Je crois, Monsieur, rendre encore par là un service bien important à ceux qui ont soif de connoître l'état de nos anciennes lumières⁹.

[Не могу выразить, местье, с каким чувством удовлетворения получил я Ваше письмо от 3 ноября. Я перечитал его не один раз, найдя столь интересными и познавательными Ваши справедливые замечания о некоторых местах в труде г. Калайдовича — в труде, который Вы столь благожелательно восприняли. Недостатком этого автора, вполне заслуживающего, впрочем, уважения, является то, что он не получил того образования, которое обычно называют академическим. Сейчас он занят подготовкой для меня одной работы, неимоверный результат которой, может быть, невозможно даже предвидеть. Я обратился с ходатайством к Св. Синоду разрешить ему создание систематического каталога всех славянских рукописей, которые составляют в Москве патриаршую и синодальную библиотеку, с тем, чтобы, напечатав его, сделать их доступными общественному познанию. После некоторых колебаний Св. Синод наконец, дал свое согласие на осуществление этой идеи. Тем самым, местье, я верю, что еще окажу весьма важную услугу тем, кто испытывает жажду в познании наших древностей.]

О том, что Н. П. Румянцев ознакомил К. Ф. Калайдовича с содержанием письма Ф. И. Круга (как и с письмом другого известного участника своих проектов — И. Н. Лобойко), он сам сообщил ему

⁹ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 115. Л. 189–189 об.

в письме из Гомеля от 23 декабря 1824 г. (получено Кругом 5 января 1825 г.):

J'ai usé, Monsieur, du droit que vous m'avez donné. J'ai passé à M. Kalaidowitsch votre lettre pour qu'il en prenne lecture, et les observations, faites sur son ouvrage par M. Loboïko. Vous trouverez ci-joint un extrait de sa réponse, qui prouve, avec quelle vénération pour votre savoir et quelle reconnaissance il a reçu vos justes observations¹⁰.

[Я воспользовался правом, которое Вы, месье, мне предоставили: я передал г-ну Калайдовичу Ваше письмо с тем, чтобы он прочитал его, как и замечания, сделанные к его труду г-м Лобойко. Вы найдете приложенной к сему письму выдержку из его ответного письма, из которой видно, с каким почтением к Вашей учености и с какой признательностью получил он Ваши справедливые замечания.]

Действительно, в том же архивном деле содержится и «Выписка из письма г-на Калайдовича к Государственному Канцлеру от 8 декабря 1824 г.», в которой Калайдович пишет следующее:

С особенною признательностью приема замечания г. Лобойки и особенно г. Круга, основательные и любопытные, я и впредь смею надеяться, что ваше Сиятельство не откажете мне в сообщении такого рода поправок и пояснений, где благонамеренность водит рукою опыта и знания. С нетерпением ожидаю, что скажет об Ексархе знаменитый Добровский¹¹. Списав копию с лестного для меня письма г. Круга, оное вашему Сиятельству при сем возвращаю с совершенною благодарностью¹².

О реакции Ф. И. Круга на сообщение Н. П. Румянцева о проекте создания систематического каталога славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки мы узнаем из письма Румянцева из Гомеля от 17 февраля 1825 г. (получено Кругом 26 февраля):

Je ne puis pas vous dire assez, — *пишет Румянцев*, — quelle sensible joie j'ai éprouvé en recevant la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 6 de ce mois <...> Tout ce que vous avez bien voulu me dire sur Mr de Kalaidovitsch est d'une grande justesse. Je

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 115. Л. 201 об. – 202.

¹¹ Чешский славист, автор исследования о создателях славянской письменности Кирилле и Мефодии, переведенного на русский язык М. П. Погодиным: *Добровский И.* Кирилл и Мефодий, словенские первоучители. М., 1825.

¹² СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 115. Л. 204.

sen toit les inconvénients et je ne pouvois cependant pas choisir mieux pour rédiger le catalogue raisonné dont il vas s'occuper. J'avois pris la résolution et je la conserve de vous soumettre son travail avant que d'en permettre l'impression. Mr de Wostokoff est d'une bien autre force, mais il n'y avoit nul moyen de le détacher des places qu'il occupe au service à Pétersbourg. Il m'a déjà fait le sacrifice d'une d'elles pour travailler au gré de mes souhaits, mais sans quitter cette résidence <...> Quels sont proprement à Moscou les savants ou les personnes fort instruites que Mr de Kalaidovitsch ferait bien de consulter?¹³

[Не могу высказать, сколь ощутимую радость испытал я, получив письмо, которое Вы оказали честь написать мне 6 числа сего месяца¹⁴ <...> Все то, что Вы сооблаговостили мне сказать о г-не Калайдовиче, в высшей степени справедливо. Я сам чувствовал некоторые несообразности, и тем не менее я не мог сделать лучший выбор для составления систематического каталога, которым он будет заниматься. Я принял это решение и соблюдаю его (обещая лишь) представить его работу на Ваше рассмотрение, прежде чем позволить ему ее напечатание. Г-н Востоков — это, конечно, совсем другое дело¹⁵, но ведь нет никакой возможности оторвать его от тех мест, которые он занимает по службе в Петербурге. Он уже пожертвовал для меня одним из них, поддавшись на мои уговоры, но не покидая своего местожительства <...> А нет ли, собственно говоря, в Москве ученых или хорошо образованных лиц, у которых Калайдович мог бы консультироваться?]

Отсутствие в нашем распоряжении писем Ф. И. Круга к Н. П. Румянцеву от 3 ноября 1824 г. и от 6 февраля 1825 г. в известной мере компенсируется черновиком письма к графу от 29 апреля 1825 г., в котором продолжается обсуждение вопроса о создании каталога.

¹³ СПФ АРАН. Ф. 88. Он. 2. Д. 115. Л. 205–206.

¹⁴ Текст также не фигурирует среди списанных мною, и я не могу сейчас сказать, сохранился ли он в черновиках Ф. И. Круга. (Черновик и беловик этого письма были впоследствии обнаружены нами. См. соответственно: СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 113–114 об.; РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 58 доп. Л. 88–89 об.)

¹⁵ Востоков Александр Христофорович (1781–1864), филолог-славист, археограф, академик ИАН по отделению русского языка и словесности (с 1841 г.). С мая 1824 г. был личным библиотекарем Н. П. Румянцева, а с 1828 г. — главным хранителем Румянцевского музея. По-видимому, Ф. И. Круг назвал его в качестве альтернативы К. Ф. Калайдовичу в деле создания каталога.

Pardonnez-moi, Monseigneur, — *пишет Круз*, — si je m'étends ici encore un autre sujet. Vous vous souviendrez, peut être, que lorsque vous m'aviez dit, que vous aviez choisi M. Kalaid<ovitsch> pour la confection d'un catalogue raisonné des MS. slavons des Bibl. Patr. et Syn. Je vous ai fait l'observation, que pour un travail de cette nature qui, s'il est fait comme il le doit être, et comme on est en droit de l'attendre, peut avoir d'immenses résultats, M. Kal<aidovitsch> seul ne suffit nullement, parcequ'il ne sait pas le Grec, langue de laquelle quantité d'ouvrages slavons ont été traduit, et que de plus il ne possède point de connoissances en fait de littérature, et par conséquent, ne sait pas, si les originaux grecs ont été déjà imprimés une ou plusieurs fois, ou s'ils sont conservés seulement en MS. dans différentes bibliothèques de l'Europe et nommement en quelles, ou s'ils sont tout à fait perdus. Indiquer tout cela, c'est *conditio sine qua non* pour l'auteur d'un tel catalogue, et M. Kalaid<ovitsch> ne sauroit pas la ramplir, s'il travailloit sans l'appui d'un grand connoisseur en ces choses. Vous me demandiez alors, quels étoient à Moscou les savants, que M. Kal<aidovitsch> feroit bien de consulter. Ne sachant pas cela, j'ai pris là — dessus des informations bien détaillées et authentiques, et j'ai appris avec étonnement, que personne ne s'y trouve pas qui sache bien le Grec, et que la chaire de la langue et littérature grecque est vacante déjà depuis (*далее зачеркнуто*: plusieurs années) longtems (*sic!*). Une université comme Moscou ne devoit jamais être dans ce cas là! Or il y a ici (т. е. в Перебьуре. — И. М.) depuis plusieurs années un savant connu (*далее зачеркнуто*: nommé M.) le Docteur Grimm, né à Lübeck, qui a fait ses études à Gottingue et à Berlin, auteur d'une dissertation *De epistolis Platonis, utrum genuinae sint an suppositiciae*, et de quelques autres ouvrages très bien reçus dans le monde littéraire et dont MM Köhler et Gräfe m'assurent, qu'il remplirait parfaitement et à l'honneur de l'Université cette chaire. Comme il (*далее зачеркнуто*: sait aussi le russe, il aime des travaux de) est pénétré de l'importance d'un travail, qui doit découvrir enfin des trésors longtems (*далее зачеркнуто*: inconnus) cachés, et comme il souhaite ardemment d'y pouvoir coopérer, ce seroit justement l'homme qu'il faudrait joindre à M. Kalaidovitsch pour la confection d'un tel catalogue. Il s'agiroit seulement, de lui procurer cette place de professeur de la littér<ature> grecque par votre recommandation au Prince Obolenski et au Ministre Schischkov. Le dernier connoît déjà personnellement M. Grimm et l'a très bien reçu, lorsque dernièrement (*далее зачеркнуто*: M. Grimm) il lui a présenté le sermon funéraire sur le Patriarche Grégorius, traduit du Grec en Allemand. Voyez, Monseigneur, ce qu'il y a à faire en cette chose. Indépendamment de votre cause, ce seroit déjà, je crois, un mérite, de mettre vos jeunes compatriotes

à Moscou à même de pouvoir apprendre et se perfectionner dans une langue qui sûrement ne devrait être si négligée en Russie, comme nous voyons qu'elle l'est!¹⁶

[Прошу прощения, монсеньор, если я коснусь здесь еще одного сюжета. Вы, может быть, помните, что после того, как Вы сказали мне, что избрали г-на Калайдовича для создания систематического каталога славянских рукописей Патриаршей и Синодальной библиотек, я сделал Вам замечание¹⁷, что для такого рода работы (если, конечно, ее делать так, как положено, и если она действительно, как мы вправе ожидать, может иметь неимоверные результаты) одного г-на Калайдовича явно недостаточно, потому что он не знает греческого, то есть языка, с которого было переведено множество славянских сочинений; более того, он не располагает познаниями в области литературы и, следовательно, не знает, были ли уже напечатаны (однажды или неоднократно) греческие оригиналы, сохранились ли они лишь в рукописном виде в различных библиотеках Европы, и в каких именно, или же они полностью утрачены. Указание всего этого — это *conditio sine qua non* для автора подобного каталога, и г-н Калайдович не смог бы это условие соблюсти, если бы стал работать без поддержки какого-нибудь крупного знатока в такого рода вещах. Вы спрашивали меня тогда: не было ли в Москве ученых, которых г-н Калайдович мог бы использовать в качестве консультантов. Не ведая этого, я сразу же постарался навести необходимые, по возможности, подробные и достоверные справки и с удивлением узнал, что там нет никого, кто бы знал прилично греческий, и что кафедра греческого языка и литературы уже давно вакантна. Такой университет, как Московский, не должен был бы никогда оказываться в подобной ситуации! Впрочем, здесь (т. е. в Петербурге. — И. М.) вот уже несколько лет проживает один известный ученый, доктор Гримм¹⁸, уроженец Любека, получивший образование в Гёттингене и в Берлине, автор диссертации на тему «О письмах Платона: подлинны они или подложны» и некоторых других трудов, весьма благожелательно

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 88. Он. 1. Д. 138. Л. 117.

¹⁷ По-видимому, имеется в виду отсутствующее в нашем распоряжении письмо Ф. И. Круга к Н. П. Румянцеву от 6 февраля 1825 г. (Ср. дополнение к примеч. 14.)

¹⁸ *Anton Joahim v. Grimm* (1792–1846), профессор латинской словесности в Петербургском педагогическом институте.

принятых в ученом мире. Г-да Кёлер и ГрEFE¹⁹ уверяют меня, что он (Гримм. — И. М.) отлично (и к чести университета) занял бы эту кафедру. Так как он пронизан сознанием важности работы, которая должна, наконец, открыть столь давно сокрытые сокровища, и так как он страстно желает получить возможность соучастия в ней, то ясно, что именно он мог бы быть тем человеком, которого следовало бы присовокупить к г-ну Калайдовичу для создания такого каталога. Нужно было бы только раздобыть ему это место профессора греческой литературы через посредство Вашего рекомендательного письма к князю Оболенскому²⁰ и к министру Шипкову²¹. Последний, кстати, уже лично знает г-на Гримма; он очень благожелательно принял его, когда тот недавно представил ему надгробную речь о патриархе Григории, в переводе с греческого на немецкий²². Вы видите, монсеньор, что еще можно сделать по этому делу. И даже независимо от него, заслугой, я полагаю, было бы дать Вашим молодым соотечественникам в Москве возможность учиться и совершенствоваться в языке, который уж наверное не должен был бы так пренебрегаться в России, как это мы видим сейчас!]

Неоднозначным оказался ответ графа Н. П. Румянцева, свидетельствующий о том, что не все в предложении Ф. И. Круга его устраивало. В письме из Гомеля от 12 мая 1825 г. (получено Кругом 22 мая), писанное рукой канцеляриста, он делает собственноручную приписку:

Je suis bien loin, Monsieur, d'avoir à vous reprocher d'être revenu sur la nécessité d'adjoindre un savant helléniste au travail de Mr de Kalaidovitch, mais je vous en sais mille et mille gré. J'ai tout de suite

¹⁹ Кёлер (*Köhler H. K. E.*) Генрих Карл Эрнст (1765–1838), библиотекарь Эрмитажной библиотеки и нумизмат, был связан с гр. Н. П. Румянцевым, выступая экспертом при приобретении графом всех его нумизматических коллекций. ГрEFE (*Gräfe Ch. F.*) Федор Богданович (Христиан Фридрих) (1780–1851), филолог, академик ИАН по греческой и римской словесности с 1820 г.

²⁰ Имеется в виду, несомненно, князь Андрей Петрович Оболенский (1769–1852), тайный советник, попечитель Московского учебного округа (с 1817 г.).

²¹ Шипков Александр Семенович (1754–1841), президент Российской Академии (1813–1841), министр народного просвещения (1824–1828).

²² Имеется в виду, конечно, «Надгробное слово» («Λόγος Ἰτατάφιός») на мученическую смерть в 1821 г. вселенского патриарха Григория V, составленное Константином Икономосом, оглашенное 19 июня 1821 г. в Одессе (в русской церкви Преображения) и опубликованное «по высочайшему указу» в Петербурге, в типографии Н. Греча (1821). Ср. нем. перевод Гримма: «*Grabrede auf den ewig denkwürdigen Patriarchen Konstantinopel's Gregorius etc.*» (1824).

écrits à mon frère qui doit être à Moscou et qui me semble être lié avec le P^{ce} Obolensky, en faveur de Mr Grimm et je vais tout de suite en écrire au Ministre de l'instruction publique, mais je fais tout cela, Monsieur, dans la ferme persuasion que Mr Grimm est *un très savant helléniste et littérateur* (выделено Румянцевым. — И. М.) qui fera réussir mon affaire à merveille et non pas simplement un homme propre à occuper à l'Université de Moscou la place vacante du professeur de la langue grecque. Cet objet, considéré sous ce point de vue isolé, ne me regarde en rien²³.

[Я далек от мысли, местье, что должен упрекнуть Вас за возвращение к вопросу о необходимости подключить какого-нибудь ученого эллиниста к работе г-на Калайдовича; напротив, я в высшей мере благодарен Вам за это. Я тотчас написал ходатайство за г-на Гримма моему брату²⁴, который должен находиться в Москве и который, как мне кажется, связан с князем Оболенским, а сейчас напишу о нем и министру народного образования (т. е. А. С. Шишкову. — И. М.). Но я делаю все это, местье, в твердой уверенности, что г-н Гримм действительно является весьма ученым эллинистом и литератором, который замечательным образом будет способствовать успеху моего дела, а не просто человеком, способным занять в Московском университете вакантную должность профессора греческого языка. Этот предмет, если смотреть на него под данным изолированным углом зрения, меня абсолютно не интересует.]

Возможно, что вмешательство Ф. И. Круга в данном конкретном случае оказалось не на пользу дела: проект с каталогом в исполнении К. Ф. Калайдовича заглох, фактически даже не начав реализовываться. Остался в Петербурге и Гримм, хотя Румянцев и обращался с обещанными ходатайствами, — главным образом, из-за противодействия князя Оболенского. Впрочем, сначала дело пошло как будто на лад, и письмом из Гомеля от 5 июня 1825 г. (получено Кругом в Павловске 15 июня) Румянцев сообщает: *«J'éprouve une satisfaction bien particulière à vous faire parvenir sans délai la copie d'une lettre que je viens de recevoir de la part du Ministre de l'Instruction publique, qui se*

²³ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 74. Л. 9.

²⁴ Имеется в виду граф Сергей Петрович Румянцев (1755–1838), младший брат Н. П. Румянцева. Видимо, последний рассчитывал на связи брата при дворе и в Министерстве народного образования, потому что какого-то официально-го поста в это время тот, если не ошибаемся, не занимал.

*montre prêt à placer M. Grimm comme vous et moi nous l'avions désiré»*²⁵. [«Я испытываю особое удовольствие, отдавая распоряжение о доставке Вам безотлагательно копии письма, только что полученного мною от министра народного образования, который выказывает себя готовым определить г-на Гримма на службу в соответствии с нашими желаниями».]

Однако уже в письме Румянцева от 7 июля 1825 г. (получено Кругом в Павловске 18 июля) тон меняется.

Ma négociation, — *тшшет он*, — en faveur de M. de docteur Grimm, dont le succès paroissoit hors de doute, rencontre une difficulté dans une opposition qu'y met le Prince Obolenski. Je vous envoie, Monsieur, la copie de la lettre que j'ai reçu à cet égard du Ministre de l'Instruction publique, et je l'ai sollicité de nouveau de lever le différend en procurant au professeur de la langue grecque à Moscou une autre place dans cette même capitale qui ne fit rien perdre de ses émolumens²⁶.

[Мои переговоры в пользу г-на доктора Гримма, успех которых казался столь несомненным, наткнулись на некоторую трудность в виде противодействия, которое им оказывает князь Оболенский. Я шлю Вам, месье, копию письма, полученного мною по этому поводу от министра народного образования. Я снова настоятельно попросил его уладить разногласие, предоставив профессору греческого языка в Москве какое-то другое место, в той же самой столице, которое, однако, не заставило бы его терять ничего из его жалованья.]

И наконец, фактически то же самое в одном из самых последних (перед кончиной Румянцева) писем к Ф. И. Кругу — от 10 июля 1825 г. (получено Кругом в Павловске 21 июля): «*Quant à M. Grimm j'ai eu l'honneur de vous mander qu'il venoit de s'élever une difficulté inattendue; mais je tâcherai de la vaincre, et mon frère qui va aller à Moscou et qui est*

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 115. Л. 216. Копии письма министра народного образования А. С. Шишкова в бумагах Круга нет, но есть сопроводительное письмо делопроизводителя Румянцева, Адриана Гомзекова, от 9 июня 1825 г., который «торопится передать бумаги, которые должны были составить приложения к письму монсеньора Канцлера от 5 июня» и, в частности, «*une copie de la lettre du Ministre de l'Instruction publique en réponse de celle du Chancelier touchant M. Grimm*» (Там же. Л. 217).

²⁶ Там же. Л. 218.

*très lié avec le P^{ce} Obolenski m'appuyera de tout son crédit*²⁷. [«Что касается г-на Гримма, то я уже имел честь сообщить Вам, что только что возникла одна неожиданная трудность; но я постараюсь преодолеть ее. Мой брат скоро поедет в Москву, и, так как он тесно связан с князем Оболенским, он поддержит меня всею силою своего влияния»].]

Сделать, однако, ничего не удалось, а со смертью графа Николая Петровича Румянцева (3 января 1826 г.) и немало других задуманных программ благополучно «почили в бозе».

²⁷ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 115. Л. 220.

ИСТОРИЯ АВТОРА ОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ КНИГИ О ГРЕЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЯХ С ПОСВЯЩЕНИЕМ РУССКОМУ ИМПЕРАТОРУ*

Одним из наиболее интересных и важных событий в европейской исторической науке первой четверти XIX столетия стал выход в свет в Париже монографии «О греческих древностях Боспора Киммерийского»¹. Ее автор — известный французский антиковед-археолог, универсальный ученый, член французской Академии надписей и изящной словесности и многих других научных обществ, кавалер ордена Почетного легиона, один из «хранителей-администраторов» Парижской Королевской библиотеки Дезире Рауль-Рошетт (*Raoul-Rochette Désiré*, 1790–1854)² — своим исследованием впервые ввел в научный оборот огромный археологический, эпиграфический и нумизматический материал по Северному Причерноморью (из Ольвии, Херсонеса, Боспора). Материал был предоставлен в распоряжение автора такими отечественными (одесскими) «антиквариями», как И. А. Стемпковский, И. П. Бларамберг, П. А. Дюбрюкс. Широко разойдясь по миру³, книга Рауль-Рошетта вызвала подлинный фурор в России, спровоцированный резкой и язвительной, разросшейся в самостоятельное исследование рецензией основного авторитета в деле научного изучения эпиграфических и нумизматических памятников по строгим критическим методам — академика Егора Егоровича (Генриха Карла Эрнста) Кёлера (1765–1838), который, сделав немало обоснованных поправок

* Опубликовано: Вестник истории, литературы, искусства. Т. II. 2006. С. 375–386.

¹ *Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien / Publiées et expliquées par M. Raoul-Rochette*. Paris: Firmin Didot, père et fils, 1822.

² О нем см.: *Biographie Universelle (Michaud) ancienne et moderne*. Т. 36. Paris, s. a. P. 246–258.

³ В одной только библиотеке СПБИН РАН имеются 3 экземпляра книги Рауль-Рошетта, причем один из них с автографом автора: «*À Monsieur Villemain offert par l'auteur*» (шифр: ИАИИ893).

к ряду надписей и монет, выступил с уничтожающими критическими выпадами, зачастую переходя допустимые границы научной этики⁴.

Обо всех этих дискуссиях и о самой книге Рауль-Рошетта можно составить достаточно полное представление, ознакомившись с богатой историографическим материалом монографией И. В. Тункиной⁵. Нас же в данном случае интересуют некоторые весьма любопытные привходящие обстоятельства появления труда французского ученого, которые стали нам известны при изучении архива академика Филиппа Ивановича (Иоганна Филиппа) Круга (1764–1844).

Дело в том, что Рауль-Рошетт посвятил свой труд императору Александру I, снабдив его печатным обращением к этому монарху, что при отсутствии официального на то позволения могло быть воспринято как проявление неподобающей фамильярности. Очевидно, тут не обошлось без подсказки «закадычного» друга Рауль-Рошетта — знаменитого парижского эллиниста (немца по происхождению) Шарля Бенуа (Карла Бенедикта) Газе (1780–1864), обладавшего весьма богатым опытом по части общения с петербургскими учеными и сановными кругами: по заказу и при щедром финансировании со стороны русского канцлера графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826) Газе на протяжении многих лет трудился над подготовкой к печати целого ряда исторических и хронографических сочинений византийских писателей, содержащих сведения по древней истории славян и русских (единственно результативным оказалось осуществленное им *editio princeps* «Истории» одного из крупнейших византийских писателей X в. Льва Диакона)⁶, стремясь при этом получать за свой труд не только денежную плату, но и государственные русские награды.

Во всяком случае, именно Газе, еще до выхода в свет книги Рауль-Рошетта, обратился к академику Ф. И. Кругу (доверенному лицу графа Н. П. Румянцева по его связям с европейскими научными

⁴ [Köhler H. K. E.] *Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien*. SPb., 1823. 148 p. (отд. отт. из: Serapis. Th. 1. 1822) Один оттиск, без указания имени автора, содержится и в библиотеке СПбИИ РАН (с автографом автора: «*Pour Monsieur le Professeur Hand de Jena Hommage de l'auteur*», и пометой карандашом на титульном листе: «*Ouvaroff*»; шифр: VIIД–153).

⁵ Тункина И. В. *Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.)*. СПб., 2002 (см. Именной указатель: Рауль-Рошетт Д. Р.).

⁶ Медведев И. П. Новые данные по истории первого издания Льва Диакона // ВВ. Т. 61 (86). 2002. С. 5–23.

центрами, в частности с Парижем, через которого главным образом и велась переписка Газе с Румянцевым) за разъяснениями по этому вопросу. «Вы помните о моей просьбе в том письме, которое я написал Вам в середине августа?» — вопрошает Газе в письме от 5 ноября 1820 г. и продолжает:

На сей раз есть еще одна, за которую я еще больше болею душой. Из моих писем, а еще больше из его ученых трудов Вы, конечно, уже знаете г-на Рауль-Рошетта, хранителя королевского собрания монет, профессора истории на здешнем факультете, королевского цензора и одного из самых остроумных и деятельных сотрудников в *Journal des savans* (sic!), дружественного и благожелательного по отношению ко мне <...>. При г-не Рошетте сейчас находится один русский адъютант, если не ошибаюсь, Сампунский (впрочем, славянские имена редко правильно воспринимаются мною на слух)⁷, который сопровождал герцога Ришельё в Крыму и представил немалое число найденных там греческих надписей (в копии), а также рисунки неизданных монет. Г-н Рошетт, у которого критическая острота ума и замечательный талант к изложению и изображению соединяются с основательными филологическими и историческими познаниями, хочет издать эти памятники с комментариями и желал бы посвятить это свое сочинение императору. По поводу этого мы и просим у Вас доброго совета: 1. Нужно ли, чтобы посвятить книгу императору, просить его согласия? Или такие уважаемые и известные ученые, как г-н Рошетт, могут действовать по своему усмотрению? 2. Если согласие необходимо, к кому следует обратиться по этому поводу? К графу Нессельроде? К Каподистрии? У меня даже мелькнула мысль: а не попросить ли канцлера (графа Н. П. Румянцева. — И. М.) о посредничестве, но при его преклонном возрасте лучше все же его не утруждать, если мы и без него сможем обойтись. Будьте любезны, почтеннейший друг, написать нам обо всем этом несколько слов. Вашим дружеским советом Вы обяжете не только меня, но

⁷ Речь, конечно, идет о полковнике И. А. Стемпковском (1788–1832), одном из создателей классической археологии в России. О его научных занятиях во французской Академии надписей и изящной словесности, а также о его связях с Рауль-Рошеттом см.: Тункина И. В. Русская наука... С. 126 (см. также Именной указатель: Стемпковский И. А.). О парижской атмосфере сотрудничества французских и российских «антиквариетов» см. также: Gavignet J.-P., Ramos E., Schiltz V. Paul Du Brux, Koul-Oba et les Scythes: Présence de Paul Du Brux dans les archives françaises // *Journal des savants*. 2000. Juillet – Décembre. P. 323–374.

и г-на Рошетта, который является влиятельным, по-юношески деятельным и одним из самых уважаемых здешних ученых⁸.

Своим письмом к Газе от 30 декабря 1820 г. Круг постарался успокоить своих парижских коллег, отметив, что Рауль-Рошетту «совсем необязательно было иметь согласие императора на посвящение ему книги», и посоветовал ему обратиться с письмом (с высылкой одного экземпляра книги) к Нессельроде или Каподистрии⁹. Как бы то ни было, труд Рауль-Рошетта вышел в свет с посвящением Александру I, наш перевод которого на русский мы здесь и предлагаем:

Его Величеству Императору Александру I

Сир,

с моей стороны было бы величайшим самомнением выпустить под покровительством Вашего Величества труд такого рода, как этот, если бы я имел в виду только достоинство или значение этого труда.

Но, Сир, публикуемые мною памятники были найдены в одной из провинций обширной империи, которою так славно управляет Ваше Величество; именно одному из граждан этой империи и подданных Вашего Величества я был обязан сообщением о них¹⁰: разве нельзя было мне себе позволить, на этом основании, довести до Вашего Величества знак выражения моей благодарности?

Берега Понта Эвксинского, где некогда процветало столько роскошных городов, где и ныне дремлет столько осколков языка и искусств Эллады, уже явили на свет немало находящихся там памятников, которые в то же время испытали на себе счастливые последствия правления Вашего Величества; и что бы такого еще не мог сделать взгляд Александра на эту землю, которой, кажется, не терпится восстановить в своих правах все сокровища, которыми она обладает?

По крайней мере, эллины, пожалуй, еще не полностью погибли на этой окраине своей империи, и то из воспоминаний об их античной славе, что еще останется на этой античной почве, непременно воскреснет под покровом скипетра Вашего Величества; и Эллада,

⁸ Немецкий оригинал письма опубликован: *Медведев И. П.* Письма Карла Бенедикта Газе в архиве академика Ф. И. Круга // *Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга*. СПб., 2004. С. 564–565 (№ 30) (далее: Письма Газе).

⁹ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 233.

¹⁰ Снова намек на И. А. Стемпковского.

утешившись в одном из своих осколков, может быть, обретет по крайней мере убежище на Боспоре.

С глубочайшим уважением, Сир, к Вашему Величеству, я остаюсь Вашим покорнейшим и преданнейшим слугой,

Рауль-Рошетт.

Разумеется, по выходе книги в свет Петербург (в лице акад. Ф. И. Круга) получил от автора первую порцию экземпляров (как увидим далее — четыре: для императора, Академии наук, ее президента С. С. Уварова и для самого Круга), естественно, с сопроводительными письмами, одно из которых (от 6 апреля 1822 г. для Круга) мы и воспроизводим (в нашем переводе с французского):

Месье,

по инициативе моего ученого друга г-на Газе я беру на себя смелость написать Вам и порекомендовать Вашей снисходительности, которой я, пожалуй, еще не заслужил, мои *«Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien»*. Но не только сам этот труд нуждается в Вашей благосклонности, чтобы прикрыть его несовершенства и дополнить его неполноту. Эта благосклонность необходима особенно автору, чтобы извиниться перед Его Императорским Величеством, которому он имел смелость посвятить этот труд и выпустить под прикрытием столь августейшего имени столь слабое произведение. Я откровенно признаюсь Вам, месье, что, помимо столь естественного для француза желания выказать Императору Александру свидетельство своего почтения, я руководствовался еще надеждой, что, может быть, эта книга (при всем своем несовершенстве и недостаточности) все более и более станет способствовать пробуждению внимания Его Императорского Величества к стране, некогда богатой и, вероятно, все еще богатой памятниками греческой цивилизации, и что я, таким образом, окажу пользу науке, которой я занимаюсь, больше из-за этого подношения моего труда Императору, чем из-за самого этого моего труда. Вот тот предмет, месье, который я имел в виду и который я хотел бы, чтобы его показали и Его Величеству, если только он соизволит бросить взгляд на первую страницу моей книги, пусть для того только, чтобы освободить меня, в его духе, от упрека или подозрения в предубеждении, которого у меня нет.

Приношу тысячу извинений и Вам самому, месье, за то, что так долго занимаю Вас своими делами и злоупотребляю в то же время той свободой, которую к тому же Вы мне не предоставляли. Позвольте всё же мне надеяться, что Вы не найдете в том излишнюю

нескромность или, по крайней мере, что однажды представится случай искупить ее.

Один экземпляр моей книги я адресовал графу Уварову с просьбой преподнести ее от моего имени Императорской Академии. Ведь было так естественно с моей стороны пожелать, чтобы она попала на глаза этой ученой и прославленной корпорации, и, может быть, именно этим и следовало бы ограничиться моим амбициями. Я, однако, не считаю, что своим выражением желания принадлежать к ней, даже издали, я преступил границы того почтения, которое я питаю к ней, и границы скромности, в которых мне положено оставаться.

Примите и пр. *Рауль-Рошетт*,
Королевская библиотека,
6 апреля 1822¹¹.

Отправкой посылки в Петербург занимался опытный в этом деле К. Б. Газе, присоединивший к ней и свое письмо к академику Кругу, хотя датировано оно 16 апреля 1822 г. (судя по пометам Круга, он получил их оба в один и тот же день: 19 августа 1822 г.). В письме Газе пишет (в нашем переводе с немецкого):

Случай, о котором я Вам неоднократно писал, теперь наступил. Г-н Рауль-Рошетт, Ваш большой почитатель (как и все мы), закончил печатание своих крымских надписей и посвятил их Императору. Для последнего здесь приложены один экземпляр и письмо, как и два письма для Вас. И сейчас, почтеннейший друг, я настоятельным образом взываю к Вашему обычному благоволению: *tu nunc omni amore enitere, ut nos juves*, то есть употребите всё (Ваше влияние. — *И. М.*), чтобы раздобыть моему другу орден Св. Владимира. Г-н Рошетт (по своим личным качествам, его любви к науке, услужливости) — один из влиятельнейших членов Института. Его многосторонняя ученость, редкий дар изложения и глубокое знание языков доказываются его трудами; то, что он является деятельным сторонником основополагающих исследований, знатоком и ценителем немецкой филологии, я могу (если это еще не видно из его сочинений) засвидетельствовать на основании моего с ним общения. Так что окажите наукам, ему и совершенно особо мне существенную услугу, почтеннейший друг, через благосклонное посредничество Вашего влияния. Всё дальнейшее мы препоручили Вашим усмотрениям и мнениям. О приложенных

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 69. Л. 1–1 об.

экземплярах (один — для Академии, другой — для Уварова) будьте любезны позаботиться¹².

Избрание Рауль-Рошетта в Императорскую Академию наук не составило особого труда. В составленном на французском языке протоколе № 31 Общего собрания Академии от 9 октября 1822 г. сказано, что

Его светлость г-н президент зачитал Собранию адресованное ему письмо г-на Рауль-Рошетта из Парижа, в котором тот, представляя Академии *Antiquités Grecques du Bosphore Cimmérien, publiées et expliquées par Mr Raoul-Rochette. Paris, 1822*, выражает свое желание принадлежать Академии. Г-н президент предложил принять этого почтенного члена Академии надписей и изящной словесности в качестве *Associé honoraire*. В результате проведенной баллотировки г-н Рауль-Рошетт был единодушно избран, вследствие чего секретарь вышлет ему соответствующий диплом, а упомянутая книга будет передана в библиотеку¹³.

Однако с награждением дело «застопорилось», хотя Ф. И. Круг сделал все от него зависевшее для его продвижения «по инстанциям», обратившись, в частности, с соответствующим ходатайством к государственному секретарю П. А. Кикину. Вот текст его письма (по черновику, в нашем переводе с французского):

Месье,

поскольку г-н Рауль-Рошетт, член Французского института, прислал мне свою книгу «О греческих древностях Боспора Киммерийского» с тем, чтобы я помог ему обрести счастье быть представленным Его Императорскому Величеству, я полагаю, что могу исполнить намерения этого знаменитого ученого не иначе, как обратившись к Вашей Светлости и попросив Вас уделить внимание этому замечательному труду. Автор позволил себе смелость посвятить его Его Императорскому Величеству, потому что содержание книги касается одного из краев Империи, некогда столь достопамятного, да и сегодня еще столь богатого памятниками греческой цивилизации, на которые г-н Рошетт хотел бы обратить особое внимание Императора. Соболаговолите, месье, учитывая столь интересный для России предмет и радушный прием, которым ученый

¹² Немецкий оригинал письма опубликован, см.: Письма Газе. С. 573 (№ 37).

¹³ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. 1822 г. Д. 33. Л. 100 об.

мир удостоил этот труд, почтить его тем вниманием, которое Ваша Светлость любит проявлять по отношению к искусствам и наукам, и способствовать, таким образом, его высокому предназначению. Я даже осмеливаюсь попросить еще больше для моего друга и хочу быть переводчиком его особых пожеланий для Вашей Светлости. В том случае если Его Императорское Величество соизволило бы удостоить г-на Рошетта знаком своей щедрости, то несомненно, что самой высокой наградой для него было бы награждение орденом Св. Владимира, которым в подобном же случае были украшены некоторые из его коллег в Институте. С величайшим уважением имею честь быть, месье Ваша Светлость...

(без подписи)¹⁴.

О неутешительных результатах ходатайства Круг сообщил Рауль-Рошетту письмом от 20 февраля 1823 г., черновик которого (на немецком языке) сохраняется среди бумаг автора. Воспроизводим текст письма (в нашем переводе с немецкого):

О том, что письмо от 6 апреля прошлого года, которым Вы почтили меня (вместе с четырьмя экземплярами Вашего труда — для Императора, Академии, Уварова и меня)¹⁵, наконец-то, хоть и поздно, дошло до меня, Вы, конечно, уже знаете, даже если бы я еще и не сообщил об этом. Я думал, что диплом почетного члена нашей Академии, который Вы, надеюсь, уже давно получили, может послужить вместо расписки о получении Вашей посылки, пока я не буду иметь удовольствие сообщить Вам нечто более определенное об успехе Вашего письма к Императору. Имелось несколько путей, чтобы вручить его ему после возвращения; я избрал тот,

¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 13. Черновик письма не датирован, и рукой архивиста поставлена (под знаком вопроса) гипотетическая дата — [1822?]. На самом деле, как видно из следующего документа, письмо к П. А. Кикину было отправлено Кругом 31 января 1823 г.

¹⁵ Между прочим, трудом Рауль-Рошетта заинтересовался и граф Н. П. Румянцев. Так, сообщая Кругу письмом из Гомеля от 26 сентября 1822 г., что он еще не получил труда Рауль-Рошетта, Румянцев оговаривается (перевод с французского): «Я, однако, уже располагаю им, найдя его у одного книготорговца, и теперь с большим интересом читаю его», а затем добавляет: «Если это верно, что по его собственной инициативе Азиатское общество Парижа (*la Société Asiatique de Paris*) намерено уделить мне честь быть внесенным в список его почетных членов, то я приму это назначение с благодарностью» (Там же. Оп. 2. Д. 115. Л. 141). Опубликовано нами: Граф Н. П. Румянцев и наука его времени. Т. 1. М.; СПб., 2017. С. 334 (оригинал), 336 (наш перевод).

который показался мне наилучшим и самым надежным, — через государственного секретаря Кикина. Я отправил к нему письмо с Вашим трудом 31 января, сообщил ему мое мнение о нем и добавил следующее: «Я даже осмеливаюсь и т. д.»¹⁶. Уже 5 февраля Кикин известил меня, что накануне вечером он передал и письмо и книгу Императору, который прочитал Ваше письмо и распорядился доставить его и книгу графу Нессельроде, который должен был составить об этом отчет. Правда, вплоть до вчерашнего дня отчета еще не было; но я дальше уже не могу ждать, предпочитая поставить Вас в известность, по крайней мере, о прежнем ходе дела. Будьте уверены, что все, что от меня зависело, я сделал, чтобы соответствовать тому благому мнению, которое наш общий друг Газе передал Вам обо мне. Я уже испытал удовлетворение от того, что Ваше избрание в Академию было вполне единогласным, что отнюдь не всегда случается. Надеюсь, что и прочие наши планы не останутся неосуществленными. Примите уверение в моем совершеннейшем почтении (без подписи)¹⁷.

Сохранились еще два любопытных письма Рауль-Рошетта к акад. Ф. И. Кругу: одно недатированное (получено Кругом 17 июня 1823 г.) и другое — от 28 февраля 1824 г. (получено 14 апреля 1824 г.), которые были написаны автором уже с учетом его знакомства с разгромной рецензией Е. Е. Кёлера. Письма публикуются ниже в нашем переводе с французского.

І. СПФ АРАН. Ф. 88. Он. 2. Д. 69. Л. 2–2 об.

Свидетельствуя Вам, месье и почтеннейший коллега, мою всяческую признательность за знаки внимания и уважения, которые Вы сообразовали мне оказать, не могу скрыть от Вас, что Ваше долгое молчание сначала вызывало у меня некоторое беспокойство. Я боялся, что книга моя не дошла до Вас, а когда впоследствии узнал из письма г-на Фуса¹⁸, что Академия ее получила, я стал опасаться еще и того, не пришла ли она к Вам одна, то есть без письма, которое ее сопровождало. Слава Богу, я вижу, что мои опасения были безосновательны, и я даже усматриваю в причинах Вашего

¹⁶ В своем черновике Круг не стал переписывать свое письмо к Кикину, ограничившись одной фразой, но в отосланном чистовом тексте наверняка воспроизвел все письмо.

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 88. Он. 1. Д. 138. Л. 20.

¹⁸ Имеется в виду непременно секретарь Императорской Академии наук Николай Иванович Фус (*Nikolaus Fuss*; 1755–1825).

молчания новые мотивы для благодарности. Мой почтеннейший и предупредительный друг г-н Газе передал мне отрывок из Вашего письма, где Вы даете ему отчет об обстоятельствах моего избрания, и мне трудно было бы преувеличить мою Вам благодарность за то усердие, которое Вы засвидетельствовали в этом деле. Но независимо от интереса, который эти подробности представляют для меня, я не могу удержаться от того, чтобы найти их занимательными, восхититься Вашими мерами предосторожности, поаплодировать успеху, который их увенчал, и даже, если Вы мне это позволите, посмеяться немного над гневом г-на К<ёлера>. И все-таки, какой бы ни была моя почтительность к мнению этого ученого, я не могу еще поверить, что моя книга — это якобы самое плохое из того, что было опубликовано за весь прошлый век. По правде сказать, я считаю, что г-н К<ёлер> забыл о некоторых известных ему трудах. Я последую его скромности, и, если когда-либо мне придется говорить о какой-то плохой книге, я не произнесу имени «Памятник Комосарии»¹⁹.

Я только что получил брошюру г-на Кёппена²⁰, которая, конечно, известна Вам в С.-Петербурге и которая содержит даже больше необходимого для меня материала, чем его потребовалось бы для опровержения и менее несправедливых мнений, нежели мнения г-на К<ёлера>. Если и этот антикварий, «сам стоя на том же поле»²¹, не одобряет и не разделяет всех моих идей, то, по крайней мере, он опровергает их с помощью позитивных фактов, разумных умозаключений, особенно корректной и вежливой критики, которая и подобает благовоспитанным людям и которую, как я считаю, я заслужил все же меньше, чем кто-либо другой; и когда такие люди, как я (осмеливаются это утверждать), чистосердечно ищут истины, они могут лишь поздравить себя, видя, как их поправляет столь ученый и столь порядочный соперник. Впрочем, брошюра г-на Кёппена подтверждает многое из того, что я высказал, и его неожиданное

¹⁹ Речь идет, конечно, об исследовании Кёлера, посвященном памятнику боспорской царицы Комосарии: [Koehler H. K. E.] *Dissertation sur le monument de la reine Comosarye*. SPb., 1805. О критике его И. А. Стемпковским («Я прочитал целые слова, коих г-н К<ёлер> и не заметил; многие другие мною поправлены») см.: *Тункина И. В.* Русская наука... С. 345. Видимо, и у Рауль-Рошетта были к этой работе Кёлера претензии.

²⁰ Имеется в виду развернутая, более благожелательная (хотя также с поправками) рецензия на книгу Рауль-Рошетта: *Koeppen P. von. Alterthümer am Nordgestade des Pontus*. Wien, 1823.

²¹ Немецкая фраза («*Jenen Gegend der selbst angehörend*») во французском тексте письма.

для меня свидетельство приходит, как кажется, в самый раз, чтобы защитить меня от обвинений г-на К<ёлера>. Оно также дает мне знать, что есть и в Вене весьма просвещенные люди, которые придерживаются отнюдь не менее благосклонного мнения о моих «Древностях Боспора». Если угодно, то в тот день, когда речь идет о столь суровом приговоре, утешения тщетны, но, по правде говоря, стоит ли мне продолжать сражаться, и все из-за какого-то слова г-на К<ёлера>? Пусть пишет против меня, ради Бога! Если он прав, я соглашусь с этим; если нет, я промолчу.

Я хотел бы поговорить с Вами, месье, о тех трудах, которых Вам стоило еще одно интересующее меня дело. Вам не приходится сомневаться в моей к Вам за это признательности, но я был бы недостоин и чести, которую хотят мне оказать, и рвения, которое заставляет Вас этому способствовать, если бы я не предостерег Вас от всякого рода демарша по этому поводу в том случае, если дело представляет какие-то трудности. Насколько я был бы польщен быть отмеченным милостью одного из первых монархов мира, настолько же я бы страдал <от мысли о том>, что для этого пришлось оказать хотя бы малейшее насилие или над его мнением, или над истиной. У меня есть основание для благородной гордости, ибо я считаю, что среди литераторов, которые занимаются во Франции науками и отстаивают священные доктрины, мое имя достаточно выгодно выделялось, чтобы позволить себе прихоть — быть удостоенным иностранного ордена. Я обязан благосклонности моего государя за знак почета. Считаю за честь получить также свидетельство благосклонности Его Императорского Величества, но только если эта милость никому ничего не стоит.

Примите, месье и почтеннейший коллега, почтительное выражение моей искренней и глубокой преданности.

Только что, после написания этого письма, я получил диплом почетного члена Императорской Академии, который я ждал, чтобы направить мою благодарность Академии. У меня уже нет времени, чтобы продолжить мое письмо или переписывать его. Так что соблаговолите, месье, взять на себя заботу самому передать мою благодарность или же (если это Вам неудобно из-за г-на К<ёлера>) попросить г-на Уварова высказать ее Академии в качестве ее Президента и моего коллеги по Французскому Институту. *Р.*

II. СПФ АРАН. Ф, 88. Он. 2. Д. 69. 3–4 об.

Месье и почтеннейший коллега,

Ваше письмо, которое мне только что передал мой ученый друг г-н Газе, заставило меня испытать противоположные чувства,

причем и то и другое весьма живо. Одно — чувство признательности за ту любезность, которую Вы всё еще продолжаете мне оказывать; другое — чувство горечи за тот, несомненно, весьма мало мною заслуженный упрек, который Вы мне высказываете по поводу небрежности, на которую я неспособен, и моей вины, которая была бы весьма серьезна, если бы она реально существовала. Как только я узнал о моем избрании почетным членом Императорской Академии (сначала из письма г-на неперменного секретаря, а затем из полученного мною от Академии диплома), я поспешил переслать сей прославленной корпорации через посредство ее достойного переводчика мою самую горячую и самую почтительную благодарность. Несколько позднее я даже имел честь написать Вам самому, меесье и почтеннейший коллега, чтобы засвидетельствовать, как я был тронут всем Вашим добрым ко мне отношением, и попросить Вас еще раз быть передатчиком моих чувств к Академии. Посудите сами, до какой степени я должен был быть удивлен и огорчен, узнав, что ни то ни другое из этих писем не прибыло по назначению²² и что я оставался в глазах Академии (как, впрочем, и Ваших, меесье и почтеннейший коллега) виновным в совершении проступка, который должен, конечно же, казаться непростительным и который тем не менее совершен абсолютно не по моей воле. Не представляя, кого я должен обвинять в двойной помехе, столь досадной для меня и способной дать моим противникам в Санкт-Петербурге новое оружие против меня, я поспешил написать в Академию, чтобы оправдаться перед нею, и в то же время пишу Вам, чтобы попросить Вас поддержать мою апологию, имея в виду тот интерес, который Вы имеете любезность проявлять ко мне, и вообще весь авторитет Вашей личности, а я буду за это, меесье и почтеннейший коллега, вечно Вам обязан. Я передам эти два письма г-ну послу и успокоюсь только тогда, когда узнаю (от ближайшего вестового, которому Вы скажете словечко), что мои раскаяния приняты к сведению и мои замыслы исполнены.

Что касается того дела, по поводу которого мой друг г-н Газе с самого начала соблаговолил оказать мне услугу своим посредничеством в отношениях с Вами, то признаюсь, меесье и почтеннейший коллега, что, если бы я мог предвидеть, с какими трудностями и задержками в этом придется столкнуться, я бы настоятельно попросил Вас отказаться от этого. Такого рода отличия лестны только тогда, когда они даются свободно и спонтанно, и всякому благовоспитанному человеку претит быть обязанным за них какой-то

²² Трудно понять, о каких недошедших письмах идет речь.

конъюнктуре. Мне следовало бы подумать, что г-н Кёлер, от которого, по правде сказать, я не ожидал столь сильного раздражения, может помешать, вследствие своей внимательности, успеху ходатайства о моем награждении, и я понимаю сейчас (но, к сожалению, чересчур поздно), что не должен был, месье и почтеннейший коллега, подвергать Вас неприятности, так сказать, сражаться со своим близким коллегой, защищая находящегося вдали. И тем не менее, после всего того, что случилось, после повторного ходатайства с Вашей стороны и особенно после публикации непристойного пасквиля (*du grossier factum*) г-на Кёлера, я чистосердечно признаюсь Вам, что, если Ваши демарши не увенчаются успехом, я буду больше огорчен этим небольшим провалом, чем при любых других обстоятельствах, когда я не был бы столь чувствителен к этому лестному награждению. Ведь даже в глазах моих парижских коллег, некоторые из которых получили ту самую награду (и, может быть, на меньших основаниях)²³, я буду иметь вид человека, которого принесли в жертву моему беспокойному противнику и который сподобился быть избранным в качестве члена Академии только, так сказать, по недоразумению, воспользовавшись его (противника? — *И. М.*) отсутствием. Постарайтесь, месье, тем немногим, что еще остается возможным, избавить меня от этой печали и от этого унижения, которых я, по правде говоря, не заслуживаю; я чистосердечно говорю Вам (и Вы можете об этом судить по той откровенности, с которой я объясняюсь с Вами), сколь я Вам признателен, и я навсегда останусь в долгу у Вас за всё, что Вы мне делаете и что еще можете сделать. Я собираюсь отправить в печать второй сборник «Греческих древностей Боспора Киммерийского, Ольвиополя и Фракии»²⁴, но подожду результата Ваших демаршей, чтобы и о нем известить публику, с которой мне довелось познакомиться. Мне было бы приятно обрести в этом право, которое мне позволило бы выпустить его, как и первый, под эгидой Его Императорского Величества. Я занят также публикацией «Египетских папирусов из Королевского кабинета», среди которых есть один [*нрзб.*], который является, несомненно, самой длинной греческой надписью из нам известных, дешифровка и разъяснение которой будут единственным ответом, который я противопоставлю диатрибе г-на Кёлера; ведь он вполне может себя уверить в том, что его

²³ По крайней мере, нам известно, что орденом Св. Владимира были награждены востоковед Л.-М. Лангле и К. Б. Газе.

²⁴ Уникальное свидетельство об этом, если не ошибаемся, несостоявшемся проекте Рауль-Ропетта.

имя еще не раз будет отмечено моим пером. Если Вы полагаете, месье и почтеннейший коллега, что все эти работы, о ближайшей публикации которых я докладываю Вам, способны возбудить интерес Императорской Академии, соблаговолите сообщить ей о них и одновременно заверить ее в том усердии, с которым я не премину оказать ей почтение, прислав их.

Извините мою новую назойливость и верьте в мою глубокую и искреннюю признательность, как и в нетерпение, с которым я буду ждать от Вас новостей.

Рауль-Рошетт,

Королевская библиотека,

28 февраля 1824 г.

На этом, по-видимому, все и закончилось, оставляя немало вопросов, среди которых нельзя не упомянуть и весьма странную формулировку протокола Общего собрания ИАН от 5 августа 1854 г.: «Непременный секретарь доложил Общему собранию о кончине почетного члена Императорской Академии наук Рауль-Рошетта в Париже. Общее собрание положило: имя умершего исключить из списка почетных членов Академии»²⁵ (и это при том, что датой смерти ученого считается 8 сентября 1854 г.)²⁶. К счастью, существующие списки персонального состава Российской Академии наук до сих пор содержат данные о своем почетном члене из Франции²⁷.

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. 1854 г. Д. 90. Л. 85.

²⁶ Впрочем, и здесь не без загадок: в «Католической энциклопедии» смерть Рауль-Рошетта датируется 3 июня 1854 г. (*Delamarre L. Désiré Raoul Rochette // The Catholic Encyclopedia. Vol. 13. N. Y., 1912. [URL: <http://www.newadvent.org/cathen/13104b.htm> — дата обращения 01.10.2021]*). Есть и другие расхождения в датах рождения и смерти Рауль-Рошетта, причины которых пока не выявлены.

²⁷ Российская Академия наук: Персональный состав. Кн. 1: 1724–1917. М., 1999. С. 354 (без портрета, с датой смерти 8 сентября 1854 г.).

РЕЦЕПЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА НА РУСИ ПО ДАННЫМ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ Г. А. РОЗЕНКАМПФА*

Барон Густав Андреевич фон Розенкампф (1764–1832) — выходец из Лифляндии (род. в имении Керзель-Луденгоф Дерптского уезда), потомок шведского офицера, профессиональный юрист, по приглашению Александра I отдал около 20 лет жизни работе в Комиссии по кодификации российского законодательства¹. Он вошел в историю науки прежде всего как один из первых исследователей рецепции византийского правового наследия на Руси и, уж во всяком случае, как автор первого монографического исследования по истории Кормчей книги, широко распространившегося рукописного переводного сборника церковных канонов и относящихся к деятельности Церкви государственных постановлений. Начавшись статьей 1827 г., этот труд был опубликован в виде книги в 1829 г., превратившись в посмертном издании 1839 г. в объемистый том². Розенкампфом были обследованы все доступные в то время списки Номоканона в собраниях Ф. А. Толстого, Н. П. Румянцева, Московской Синодальной библиотеки, Новгородского Софийского собора, в некоторых старообрядческих собраниях и т. д., классификацию которых он осуществил, выделив собственно Кормчие книги. Несмотря на то что современные Розенкампфу и позднейшие исследователи Кормчей отнюдь не со всеми его

* Опубликовано: Исторические записки. Вып. 12 (130). 2009. С. 352–365.

¹ Об этом периоде в жизни Г. А. Розенкампфа см. в последнее время: Медведев И. П. Г. А. Розенкампф и его законодательная деятельность в свете неопубликованных мемуаров современника // Деятели русской науки. Вып. 4. СПб., 2008. С. 331–352.

² Розенкампф Г. А. О Кормчей книге. Краткое обозрение Кормчей книги в историческом виде // Материалы для истории просвещения в России, собираемые П. Кёппеном. № 3. СПб., 1827. С. 141–150 (есть отд. отт.); Розенкампф Г. А. Обозрение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829 (2-е изд. [СПб., 1839], «со многими переменаами и прибавлениями, начатое сочинителем, а по кончине его изданное В. А[настасевичем]», — издано только 100 экз.).

выводами были согласны (ему, например, еще не был известен столь важный для истории Кормчей «ефремовский список»)³, значение его вклада в изучение рецепции византийского правового наследия на Руси остается непреходящим, более того, на наш взгляд, в чем-то еще недооцененным.

Не лишено интереса и то, каким образом Розенкампф, завершив в 1822 г. свою карьеру государственного служащего, решил посвятить себя научной деятельности. Представление об этом совершенно неизвестном аспекте его биографии можно составить, ознакомившись с обнаруженными нами в недрах Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки архивными материалами. Речь идет, во-первых, о рукописном томе (шифр: ОР РНБ. Разн. Q. II. № 14. 337 л.), содержащем описания Розенкампом «важнейших рукописей Кормчей книги» на немецком, русском и французском языках, в переплете светло-коричневой кожи, с золотым тиснением на корешке: «*Pinaxe der Handschriften der K. K.*»⁴; во-вторых, о двух огромных томах, в которых содержатся черновые материалы и предварительные работы Розенкампа к его труду⁵. Среди них обращают на себя внимание написанный исследователем на французском языке (под заглавием «*Sur les Basiliques*») весьма своеобразный очерк византийского законодательства в его историческом развитии и его рецепции в России (т. 1, пагинация отсутствует, всего 12 листов); рукопись сочинения на русском языке «Историческое изображение древнего судопроизводства в России», с приложением текста договора новгородцев с Ганзою на латинском (Т. 2. Л. 242–289); обширная переписка по поводу его исследований с известными отечественными и зарубежными учеными, среди которых фигурируют со своими письмами такие авторитеты в области истории церковного и светского права, как Ф. А. Бинер (12 писем за 1826–1830 гг.), И. Ф. Г. фон Эверс, В. Ф. фон Клоссиус, Константин Икономос и др.

³ Вопрос подробно рассмотрен в монографии: Щанов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978 (см. Указатель имен).

⁴ Отдел рукописей РНБ, ф. 958: Собрание разноразличных рукописей. Опись. СПб., 1997. № 67.

⁵ ОР РНБ. Ф. 648. Т. 1–2, с оглавлением 1-го тома: *Materialien und Vorbereitungen zur geschichtlichen Darstellung des russischen Kirchenrechts*. Вкратце о содержимом этих двух томов (без указания пифра, что осложняло поиски материала) сказано в биографическом очерке П. Майкова о Розенкампе, см.: РБС. Т. 16. 1913. С. 365–371.

Пожалуй, наиболее информативными и важными по содержанию являются сохранившиеся в первом томе черновые тексты пяти пространных (целые трактаты!) писем за апрель – декабрь 1825 г., написанных Розенкампом на французском языке и адресованных графу Н. П. Румянцеву (1754–1826)⁶, которые и составляют здесь предмет нашего рассмотрения (все цитаты — в нашем переводе). Из них мы узнаём, что именно этот выдающийся деятель русской культуры (я имею в виду Румянцева) стал подлинным *spiritus rector* всего этого научного проекта, который был столь успешно осуществлен Розенкампом⁷.

Господин граф, — пишет Розенкамф Румянцеву в своем послании от 15 апреля 1825 г., — Вы желаете, чтобы я занялся изучением древних славянских рукописей нашего Номоканона, или Корпуса канонического права греко-русской церкви (Кормчей, как мы привыкли его называть)⁸, которые содержатся в собранной Вами и увеличивающейся с каждым днем богатой коллекции

⁶ ОР РНБ. Ф. 648. Т. 1. Л. 661–675 об. (первое письмо от 15 апреля 1825 г.), 617–622 об. (второе письмо от 26 июля 1825 г.), 623–632 об. (третье письмо от 22 августа 1825 г.), 638–651 (четвертое письмо от 27 октября 1825 г.), 652–660 об. (пятое письмо от декабря 1825 г.). В дальнейшем ссылки даются непосредственно в тексте статьи, с указанием листов.

⁷ Как известно, первое (1829 г.) издание своего «Обозрения Кормчей книги» Розенкамф посвятил Румянцеву, подчеркнув, что «сей любитель наук желал, чтоб древнее русское церковное право объяснено было историческими и филологическими разысканиями о Кормчей книге» (в изд. 1839 г. посвящение опущено).

⁸ Отмечая тождественность названия «Кормчая» греческому «Πιδάλιον» и возводя этот образ («с тем, чтобы корабль церкви в моменты бури не разбился о скалы, подобает строго следовать за кормилом [*le gouvernail*] закона») к одному из высказываний Иоанна Златоуста, Розенкамф дает любопытную интерпретацию такому «кораблю церкви», напечатанному на фронтисписе первого издания греческого церковно-правового сборника «Πιδάλιον» в Лейпциге в 1800 г.: «Сам Иисус Христос держит кормило; апостолы и клир — это матросы; православные христиане — путешественники; подлежащее переплытию море — земная жизнь; остов корабля — это догмы; грот-мачта представляет собою крест; паруса — упование и милосердие; наконец, Св. Дух и его благодать — это дуновение, которое исходит от благоприятного ветра, с тем, чтобы достичь желанной гавани спасения» (л. 629). Очевидна близость этого толкования к греческому тексту, помещенному там же, на фронтисписе издания Πιδάλιона.

рукописей. Я принимаю это поручение с живейшей готовностью; я тем более заинтересован в нем, что Кормчая уже не раз была предметом моих исследований в качестве одного из источников древнего права и права современности...⁹ Попытаюсь приподнять хотя бы частичку занавеса, скрывающего наше каноническое право, и начну с посещения Вашей, Господин Канцлер, библиотеки, с тем чтобы дать Вам отчет о тех нас интересующих источниках, которые в ней содержатся (л. 661, 662 об.).

В сущности, все эти пять писем являются отчетами Розенкампа о проделанной работе по ознакомлению с литературой вопроса («Архиепископ и митрополит Евгений, — пишет он, — известный столь же глубокими познаниями в церковном праве, как и в прочих областях русской истории, единственный, кто в своих последних трудах привел несколько исторических сведений о Кормчей, а до него в отношении этого предмета в среде наших историографов царило абсолютное безмолвие» [л. 661 об. — 662]); по изучению исторических обстоятельств, потребовавших восприятия византийского правового наследия на Руси, несмотря на особенности, а иногда и явную несовместимость римско-византийских правовых норм со славяно-русскими правовыми воззрениями (например, трудности передачи на славяно-русский идей собственности и прав личности); по выяснению «латинского (папского) влияния на формирование канонических сборников у славян различных ответвлений»¹⁰, но в то же время доминирующего антилатинского принципа в отборе по содержанию текстов для Кормчей; по освоению конкретного рукописного материала как из собрания Румянцева (три списка Кормчей одной «фамилии»), так и учтенных Розенкампом 17 списков других собраний, «в результате чего, — пишет он в своем втором письме к Румянцеву от

⁹ В своих письмах Розенкампф неоднократно упоминает о своей работе в Комиссии по составлению законов и, в частности, об использовании им материала Кормчей. «Занимаясь “Систематическим изложением гражданского права”, — пишет он Румянцеву 27 октября 1825 г., — я смог таким манером изложить одну главу, которая относится также и к каноническому праву, а именно — главу “О браке”. В этом томе, уже опубликованном в 1815 г., смогут увидеть сначала каноны и другие тексты, извлеченные из Кормчей книги, причем не только на славянском, греческом и латинском языках, но и в переводе на современный русский» (л. 645 об. — 646).

¹⁰ О весьма неожиданной реакции Н. П. Румянцева на трактовку Розенкампом вопроса о латинском влиянии см. два его (Румянцева) письма в приложении к данной статье.

26 июля 1825 г., — я смог сделать шаг вперед и выявить четыре различающихся между собой фамилии, под которые и следует подвести все известные до сих пор экземпляры Кормчей и указать для каждой те положительные признаки, согласно которым они и принадлежат к одной или к другой из этих фамилий» (л. 622 об.).

Прежде чем обратиться непосредственно к сообщаемой Розенкампом информации о его палеографических и текстологических разысканиях, хотелось бы коснуться его «исторических отступлений», небезынтересных с нашей точки зрения. Особенно любопытным выглядит его представление о политическом устройстве средневековой Руси (главным образом Руси XIII в.), которую он почему-то неоднократно именует «Империей» и в которой, по его утверждению, Кормчая книга «наряду со Святым Писанием представляла тогда собою *livre par excellence*, столь же полезную священникам, как и судьям» (л. 640).

Политический строй Империи, — пишет Розенкампф в своем письме к Румянцеву от 27 октября 1825 г., — находился под угрозой полного распада, и попятное движение (*une marche rétrograde*) проявлялось во всех социальных сферах. Древняя Русь, как вся западная часть севера, обладала отчетливо выраженными *органическими элементами* (выделено Розенкампом. — И. М.), существовавшими с весьма отдаленных времен; их следы мы и ныне, хотя и с трудом, узнаём среди исторических развалин Новгорода и Пскова, и эти драгоценные следы оснований нашего (!) древнего национального здания следует искать не столько в рассказах наших летописей, сколько в княжеских грамотах, в постановлениях волостей, в отрывках законов и указов, наконец, в пастырских посланиях наших епископов (л. 641 об.).

Именно со времен татарского вторжения, — продолжает он, — сумерки деспотизма стали покрывать Русь и мало-помалу разрушать правовой строй (*l'état légale*), которым испокон веков пользовались общины и корпорации. Единственным лучом света (*le seul point lumineux*) в этом темном царстве было духовенство, и лишь в тени храмов и под присмотром служителей алтаря сохранялись еще какие-то ростки образования, того растения, которое расцветает только тогда, когда оно может пустить ростки из своих собственных корней; но там, где деспотизм и невежество всё делают зыбким (*versatile*), эти корни не могут обрести силу. Так что ни личные качества великого князя Александра <Невского>, ни мудрость столь выдающегося прелата, как Кирилл, не смогли остановить наступление анархии

и немощи. Правда, они их всё же уменьшили, и те усилия, которые предпринял митрополит Кирилл с этой целью, никогда не должны забываться потомками (л. 641 об.).

Следует эмоциональное изложение конкретных мер, принятых митрополитом для улучшения отношений с Ордой («ему удалось снизить уважение хана, который стал проявлять уступки духовенству и религиозным институтам»), для укрепления «доверия со стороны князей и городских корпораций с целью примирить возникающие между ними раздоры», его беспокойства в связи с «успехами латинского духовенства, которое, обосновавшись в Киеве и в Галиции, консолидировалось и все больше стало приближаться к Москве и к Новгороду» (л. 642), наконец, усилий по созыву собора в 1274 г. (надо: 1273 г.), на котором митрополит Кирилл выступил с программной речью о необходимости пересмотра собрания канонов из-за их «неясности», возникшей в связи с их переводом на славянский язык. Подвергнув критике Н. М. Карамзина за неточное изложение этой речи в его «Истории государства Российского» («Прошу прощения, — пишет он, — у нашего Историографа за то, что не могу полностью согласиться с ним в том, что касается смысла, который он вкладывает в упомянутые высказывания Кирилла» [л. 642 об.]), Розенкампф предлагает свой «буквальный перевод» (на французский) этой речи митрополита, из которого приведем здесь (естественно, в переводе с французского на русский) лишь один фрагмент, имеющий отношение к Кормчей: «Каноны были малопонятны (*obscurus*) из-за трудности эллинского языка, с которого они были переведены, но сейчас они стали более понятными из-за тех толкований, которые к ним добавлены, в результате чего неясность исчезает и эти каноны, будучи изложенными в их подлинном смысле, распространяют повсюду свой свет, который сможет избавить нас от наших грехов и разъяснить нам наши заблуждения» (л. 643).

Ясно, — комментирует Розенкампф, — что митрополит должен был страстно желать обретения толкований Зонары, Аристина и Вальсамона, ибо, читая каноны в первичном переводе, сделанном болгарами (на самом деле сербами? — *И. М.*)¹¹, и в переводе XI в., фрагменты которого, судя по некоторым цитатам, дошли до нас

¹¹ Ср.: Павлов А. [С.] Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869. С. 112. Впрочем, и при Розенкампфе уже известный ему не понаслышке венский славист В. Копитар сделал предположение о переводе на славянский сербским архиепископом Даниилом (ум. около 1340 г.). См. об этом: Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие... С. 17.

(я постараюсь собрать эти рассеянные свидетельства и присоединить их к моим спискам рукописей, относящимся к разным фамилиям Кормчей), нельзя не признать, что они действительно неясны, и эта неясность вызывалась как новым «книжным языком», который Константину и Мефодию, как первым переводчикам, пришлось, так сказать, сотворить, так и содержанием самих канонов в первоначальной редакции, возникшей в первые века христианства, когда и сам эллинический язык должен был адаптироваться и подстраиваться под догматические и абстрактные идеи, которые ему приходилось выражать... Именно к этим канонам, находившимся в славянской редакции, так сказать, без защиты, митрополит, к своей радости, получает толкования и комментарии на славянском, способные придать им большую ясность (имеется в виду, конечно же, Кормчая, полученная митрополитом Кириллом от болгарского деспота Святослава. — *И. М.*). Это неудобство с неясностью перевода канонов ощущалось еще довольно долго, да и сейчас еще Св. Синод прибегает иногда к греческому и латинскому тексту, напечатанному в известном труде Бевериджа (*Beverege [sic!]*), совсем как раньше прибегали к греческим рукописям из московской Синодальной библиотеки (л. 644).

Для большей полноты картины, связанной с обстоятельствами генезиса Кормчей на Руси, Розенкампу пришлось совершить еще одно достаточно пространное «историческое отступление» — в область истории византийского права вообще и канонического в частности. В своем третьем письме к Румянцеву от 22 августа 1825 г. он дает высокую оценку императору Юстиниану I, при котором, по его мнению, наука римского права достигла своего апогея.

Как известно, — *пишет Розенкампф*, — каноническое право было сформировано соборами и императорскими конституциями. Юстиниан и в этом отношении познал славу первого, кто сформулировал наиболее ясные принципы в отношении иерархии и церковной юрисдикции — принципы, которые изложены в новеллах V, VI, 115 и 131 со всей точностью и глубиной, отличающей последнюю классическую систему римского законодательства (л. 626).

Мне пришлось, — *продолжает исследователь*, — особо упомянуть об этих законах-новеллах Юстиниана, ибо они были изданы с целью выразить подлинную мысль (*la véritable théorie*) об отношении между церковными законами и законами гражданскими, между светской властью и властью духовной, между Священством

и Империей, как сам Юстиниан это называет¹². Текст этих законов отличается величайшей ясностью, тогда как позднейшие комментаторы (включая Вальсамона, пользовавшегося столь огромным авторитетом у греков) высказывались об этих отношениях с гораздо меньшей правильностью, нежели сами источники. Если бы латинская церковь никогда не отклонялась от этих Юстиниановых принципов, то папская иерархия никогда бы не смогла опуститься до такой степени, как это засвидетельствовано историей (л. 626–626 об.).

Розенкампф констатирует, что вплоть до VI в. все сборники канонов были одними и теми же для обеих церквей, «они следовали друг за другом в хронологическом порядке... Именно в царствование Юстиниана были составлены те два сборника, которые отныне стали образцами (*types*) для церквей Востока и Запада: сборник патриарха Иоанна Схоластика в Константинополе и сборник Дионисия Малого, епископа (*sic!*) Римского» (л. 624). Следует их сопоставительное и сравнительное изложение, но мы здесь коснемся лишь судеб первого, как они представлялись Розенкампфу. «Этот сборник, — пишет он, — обрел всеобщий и вполне заслуженный авторитет, на смену которому пришел лишь авторитет Номоканона Фотия». У Розенкампфа, разумеется, еще не было никаких сомнений в авторстве Фотия. Иоанн Схоластик и Фотий — это для него

...те два великих патриарха, которые установили канонические права, уловив подлинный дух канонов и гражданских законов, и которые урегулировали отношения между церковной и светской властями. Именно им общество обязано той стабильностью и неизменностью, которые образуют отличительную черту греческой церкви, а также простотой структуры Номоканона, который посредством изложения принципов существующего права, где каждое распоряжение опирается в целях доказательности на собственные тексты гражданских и церковных законов, облегчает знание источников и сохраняет чистоту самих принципов (л. 629).

Любопытны рассуждения Розенкампфа по вопросу о борьбе за Болгарию между римской и константинопольской церквами и о той роли, которую в ней играл не только патриарх Фотий, но и *fortissimus ejus amicus* (по утверждению Анастасия Библиотекаря) Константин (Кирилл), хотя и оговаривается, что друзья «не всегда были единого мнения по некоторым философским проблемам» (л. 630). Создается

¹² Cp.: Nov. Just. 6 pr.

впечатление, что Розенкампф допускал мысль об участии Кирилла (а тем самым и Мефодия) в переводе Номоканона Иоанна Схоластика на славянский¹³. Прямо об этом не говорится, а лишь утверждается, что знаменитое послание Фотия к болгарскому князю Борису было написано и отправлено в 864 г., сразу после обращения Бориса, когда «Кирилл и Мефодий были уже в Болгарии, покинув Константинополь в 862 г. Они трудились над обращением и над переводом литургии на славянский язык, а Кирилл сделал для славян то же самое, что когда-то сделал для готов Ульфилас, а именно — приспособил греческие буквы для обозначения звуков славянского языка» (л. 630). Правда, упоминание имени Кирилла было для Розенкампфа важным для правильной расстановки акцентов при анализе взаимоотношений с папством.

Когда Фотий отправил в 864 г. свое послание князю Михаилу (т. е. Борису. — *И. М.*), отослав ему изложение соборов, — *пишет он 22 августа 1825 г.*, — размовка с папами из-за различия в догме о *filioque* не была еще доведена до своего предела, а первое циркулярное послание 859 г. восточным епископам имело в виду, собственно говоря, лишь вопросы догматики. Стороны еще оставляли за собою возможность примирения, тем более что сам Борис в это же самое время проявлял нерешительность и колебался... Все это объясняет, почему Фотий в изложении соборов и при отборе догматических текстов старался избегать чересчур резкого подчеркивания различия между двумя церквями, которое тем не менее со времени Трульского собора было весьма отчетливо обозначено в том, что касается иерархии. Папе и латинскому клиру пришлось, стало быть, проявить снисходительность, с тем чтобы не воспротивиться введению переведенных на славянский язык канонических книг, ибо Фотий слишком хорошо представлял себе весь расклад, чтобы не рассматривать этот пункт как самый важный (л. 631).

Все эти факты, — *продолжает Розенкампф*, — предшествуют первой ссылке Фотия (867 г.). Во время его отставки обстановка изменилась в пользу греков, причем именно вследствие принятых им мер. Несмотря на примирение между главами церкви, состоявшееся после его восстановления (877 г.) и после того, как латинские священники уже семь лет как были изгнаны из Болгарии (в 870 г.),

¹³ Как известно, наш знаменитый канонист А. С. Павлов также связывал перевод Номоканона 50 титулов Иоанна Схоластика на древнеславянский язык с именем Мефодия. См.: ВВ. Т. IV. 1897. С. 148 и сл.

ничто, стало быть, не мешало свободной отправке книг со стороны Константинополя и приданию переводу книг на славянский язык всей возможной масштабности. Если бы экспедиция Кирилла в эту страну (т. е. Болгарию. — *И. М.*) и отправка канонических книг могли состояться в эпоху, которая шла после той, что я (т. е. Розенкампф. — *И. М.*) только что обозначил, Фотий, конечно же, не преминул бы отправить скорее свой собственный труд (т. е. так называемый Номоканон Фотия! — *И. М.*), нежели труд Иоанна Схоластика, и уж конечно он не опустил бы Трульский собор, а все вошедшие в Номоканон тексты имели бы гораздо более антилатинскую окраску, нежели сейчас, так как они были собраны и отосланы в то время, когда ему приходилось проявлять лояльность (*ménager*) по отношению к папе и латинскому клиру (л. 631 об.).

Что же касается непосредственных занятий Розенкампфа рукописным материалом, то главное внимание уделено, как уже упоминалось выше, трем рукописям из собрания Н. П. Румянцева, которые Розенкампф обозначает номерами 1, 2, 3 и которые, насколько я понимаю, соответствуют хранящимся ныне в Российской Государственной библиотеке спискам Кормчей Рум. 230, Рум. 233 и Рум. 235¹⁴. О первой из них Розенкампф рассуждает во втором письме к Румянцеву от 26 июля 1825 г.

Ваша рукопись, г-н Канцлер, оказалась для меня неким лучом света (*un point lumineux*), который обещает моим исследованиям еще большей последовательности. Так что я, не колеблясь, помещаю ее среди всех тех первичных переводов, что пришли к нам из Болгарии, которой этот пергамен уже сослужил свою службу. Я уже заметил, что это единственный кодекс, который не базируется на Номоканоне Фотия. Одно из двух: или он предшествовал Номоканону Фотия, или же его намеренно заменили на Номоканон Иоанна Схоластика, в котором нет шестого собора (Трульского. — *И. М.*), столь малоприятного латинской церкви, поскольку он заложил основу для отделения. Какая иная причина, кроме той, могла заставить переводчика предпочесть древний Номоканон Иоанна (Схоластика. — *И. М.*) гораздо более полному Номоканону Фотия? И можно ли допустить, что кто-то у болгар или у других славян греческого обряда без влияния Рима предпочел перевести Иоанна, нежели Фотия? Однако не менее очевидно, что сия Кормчая или сей

¹⁴ Упоминания о них см.: *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие... (см. Указатель пифров рукописей).

Номоканон были переведены или составлены отнюдь не для славян латинского обряда, поскольку нет речи о *filioque*, да и весь состав документов также говорит об этом.

Я даже утверждаю, — *продолжает Розенкампф*, — что этот кодекс (или же тот, с которого он скопирован) — более древний, чем все то, что было нам известно до сих пор, и что он современен Кириллу и Мефодию, — *и снова высказывает любопытное суждение о миссии этих последних*:

Прошу Вашего внимания! — *говорит он Румянцеву*. — Эти два ученых человека не создали славянский язык, они лишь изобрели алфавит, то есть лишь применили греческие буквы к славянской письменности (*appliquèrent seulement les lettres grecques à l'écriture en slavon*), добавив к ним несколько знаков для разных звуков, которых у греков не было, например *ш, щ, ч*. Вот и всё. То же самое было сделано Ульфилой в IV в., как это можно видеть в факсимиле *Codex argenteus* в Упсале, и эти готические буквы также не что иное, как выписанные более грубо греческие буквы, доступные как готам, так и славянам (л. 618).

Свои наблюдения при работе с рукописью № 1 Розенкампф развивает в третьем письме к Румянцеву от 22 августа 1825 г.

В основе ее, — *повторяется он*, — Номоканон Иоанна Схоластика, а не Номоканон Фотия. Он был переведен на славянский язык для болгар во времена св. Кирилла и перед ссылкой Фотия... Номоканон был составлен с проявлениями лояльности (*avec des ménagements*) к латинскому вероисповеданию, он не содержит ни одного документа, датированного позднее середины IX в., и, наконец, он был написан на древнейшем из известных нам наречий («книжный язык») дунайских славян, а только что рассмотренный мною пергаменный кодекс если сам по себе и не датируется этим временем, то тем не менее не позднее XI в. Я не боюсь, — *заявляет Розенкампф*, — что кто-то подвергнет сомнению мои утверждения, ибо чувствую себя в состоянии, перед кем бы то ни было, отстаивать их, а что касается палеографических критериев, я подожду, что скажет об этом г-н Востоков (на мой взгляд, самый компетентный судья из существующих по этому делу)¹⁵, оставляя за собой право на мой «ультиматум», ибо у меня еще есть *in petto* кое-какие

¹⁵ Востоков Александр Христофорович (1781–1864) — филолог-славист, в рассматриваемое время был хранителем библиотеки Н. П. Румянцева.

аргументы... Во всех этих случаях, — завершает Розенкампф, — я хотел бы получить полную консультацию у г-на Копитара, ученичайшего знатока славянского языка, и у аббата Дубровского, автора сочинения *Institutiones Slavicae* (л. 632)¹⁶.

Гораздо более основательны и пространны рассуждения Розенкампфа о рукописи № 2, которая, по его словам (письмо третье от 22 августа 1825 г.), «включает в себя все памятники, полученные митрополитом Кириллом из Болгарии, но тем не менее архетипом или главой фамилии не является, поскольку включает немало позднейших текстов; следовательно, она (рукопись. — *И. М.*) могла встретить старших по отношению к ней сестер¹⁷, которые могли бы и поспорить с ней за древность в своей категории, тогда как первая не должна бояться этой коллизии» (л. 623 об.). В письме четвертом от 27 октября 1825 г., напомнив о том, что рукопись № 2 содержит список Номоканона, полученного митрополитом Кириллом в 1270 г. от Святослава, деспота Болгарского, Розенкампф пишет следующее:

Сожалею, что речь идет не о пергаменной рукописи самого оригинала, который по какому-то счастливому случаю или доброму делу мог бы попасть к Вам (т. е. к Румянцеву. — *И. М.*) в руки, как это случилось с пергаменной рукописью № 1, и тем не менее это список, изготовленный до 1600 г. и включающий не только послание Святослава, который ограничивался Номоканонам Фотия и четырьмя первыми соборами, но и добавленные в него самим Кириллом документы, наконец, и документы русских иерархов примерно до XV в. Это, может быть, самая полная сохранившаяся рукопись, представляющая 116 глав, если не считать еще несколько дополнений, как это Ваше Превосходительство увидит в прилагаемом при сем оглавлении (л. 638).

Следует характеристика того, как в Болгарии «усовершенствовался» перевод Номоканона и сборников соборов с толкованием Зонары, Аристина и Вальсамона, дается полный перевод на французский язык послания Святослава митрополиту Кириллу («Я полагаю, — заявляет

¹⁶ Копитар Варфоломей (1780–1844) — венский филолог-славист, член-корреспондент Имп. Академии наук (с 20 декабря 1826 г.); под Дубровским следует понимать знаменитого чешского славяноведа Иосифа Добровского (Дубравского) (1753–1829). Упомянуто его сочинение «*Institutiones linguae slavicae dialecti veteris etc.*» (Vindobonae, 1822).

¹⁷ Собственно говоря, у Розенкампфа стоит «братьев» (*frères aînés*), ибо и слово «рукопись» во французском (*le manuscrit*) — муж. рода.

Розенкампф, — что воздаю должное памяти дунайских славян своим переводом этого письма, которое до сих пор никогда не публиковалось и даже не упоминалось в каком-либо труде»), а затем и записи писца рукописи отсылаемого Кириллу Номоканона, Иоанна Драгослава (л. 640 об.)¹⁸, наконец, предлагается доскональный разбор румянцевской рукописи № 2 как таковой.

Прежде всего, — пишет Розенкампф, — все документы вполне православные и антилатинские, что должно быть отмечено, имея в виду эту эпоху, когда Михаил Палеолог, заключив унию, стал преследовать самым жестоким образом православных и продолжал это преследование до 1282 г. Во-вторых, каноны переведены точно по тексту Зонары, без сокращений. Рукописный оригинал должен был иметь еще комментарий или схолии Зонары, но та рукопись, которой мы сейчас занимаемся, хотя и содержит каноны, переведенные целиком по тексту Зонары, не всегда сохраняет схолии Зонары, а большая их часть — это схолии Аристина. Наконец, в-третьих, следует различать рукопись в том виде, в каком она дошла до митрополита Кирилла, от того вида, который она приобрела впоследствии за счет документов, добавленных в нее как самим Кириллом, так и позднее (л. 641).

И далее следует подробный разбор «наиболее замечательных», по его выражению, текстов: сперва «из первой категории» (т. н. Номоканон Фотия¹⁹; выдержки из собрания 87 глав; отрывки из новелл Юстиниана, приписываемые патриарху Иоанну Схоластику²⁰; Прохирон, из которого «в нашу рукопись включили лишь несколько

¹⁸ Об этих знаменитых славянских текстах (с указанием литературы о них) см.: *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие... С. 140–150.

¹⁹ Розенкампф отмечает, что послание Святослава помещено здесь сразу же за актами Карфагенского собора, «но я полагаю, — пишет он, — что это лишь случайность и что найдутся списки, где это послание, ставшее источником, по праву будет помещено за каким-нибудь другим» (л. 664 об.). Любопытно отметить в этой связи, что в Рязанском списке Кормчей в этом месте (л. 104 об.) запись Драгослава и послание Святослава опущены, а полтора столбца оставлены чистыми. См. об этом: *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие... С. 140.

²⁰ «Эта выдержка, — пишет Розенкампф, — никогда не печаталась ни на греческом, ни на латинском столь полно, как она находится в нашей Кормчей, причем перевод, который содержится в этой рукописи, гораздо более древний, чем в главе 42 Печатной Кормчей» (л. 645).

титолов, а именно тех, что специально связаны с темой брака и с церковным правом, и этот выбор вполне оправдан моим, — пишет Розенкампф, — предыдущим рассуждением о том, что римские нормы о наследовании, семейном праве и немало других сюжетов не могли ужиться с принципами русского права, которые скорее те же, что и в других странах Севера или странах германского происхождения» [л. 646], и т. д.), а затем и из категории «автохтонных документов, изданных состоявшимися на Руси соборами или выпущенных нашими собственными епископами — митрополитами, вошедших в разные издания или собрания Кормчих, как до Кирилла III, так и после него» (л. 647). Имеются в виду 25 канонов Киевского митрополита Иоанна II (дастся выразительная характеристика этому греку и его труду), вопросы великого князя Изяслава к Феодосию Печерскому «о догмах варягов, т. е. жителей Швеции и Дании, исповедовавших обряд латинян», письмо митрополита Иоанна IV папе Римскому от 1166 г. в ответ на его послание²¹, два послания митрополита Никифора великому князю Владимиру Мономаху о необходимости соблюдать пост, два правила архиепископа Новгородского Ильи, которые он составил вместе с епископом Белгородским, о порядке совершения Евхаристии.

Эта категория документов, — *заключает Розенкампф*, — нам тем более интересна, что она проливает свет как на нравы того времени, так и на многие обстоятельства и исторические факты, вполне заслуживающие выяснения, главным образом, с точки зрения того влияния, которое латинская Церковь оказывала или пыталась оказывать на наших князей и прелатов нашей Церкви, а также на пределы церковной юрисдикции и ее отношения с гражданскими властями в различных частях Руси, ибо она не была одинаковой в Новгороде, в Киеве, во Владимире и т. д. Важно все-таки вникнуть в это, если есть желание добиться понимания того правового статуса (*l'état légal*), каким пользовались тогда разные классы общества

²¹ «Г-н Карамзин, — замечает Розенкампф, — не упоминая о послании папы, сомневается, как кажется, в подлинности письма, пользуясь выражениями *истинное* или *вымышленное*. Оно тем не менее весьма истинно, ибо списки на славянском и на греческом находятся во всех древних рукописях той фамилии, которую я называю Кирилловской, и в патриарших архивах или библиотеках Москвы, которые называет и сам Карамзин. Герберштейн в своем путешествии XV (*sic!*) века опубликовал латинский перевод письма, получив его, по-видимому, из Рима, хотя нет ничего невозможного в том, что митрополит Иоанн IV (природный грек и ученый человек) послал свой ответ в Рим на латинском языке» (л. 649 об.).

(*classes d'hommes*). Без соединения воедино всех данных, которые можно собрать по этому поводу в доступных нам источниках, невозможно качественно написать историю любой страны (л. 647).

Чрезвычайно информативно последнее (пятое) письмо Розенкамппа к Н. П. Румянцеву, писанное в декабре 1825 г.

Господин Канцлер, — *начинает Розенкампп*, — я рассматривал рукопись № 2, а теперь перехожу к № 4 и 5 (нынешние Рум. 231 и Рум. 232? — *И. М.*), которые обе принадлежат к той же самой Кирилловской фамилии; они следуют здесь друг за другом согласно приблизительной древности списков, которые находятся передо мною и не выходят за пределы XVI–XVII веков, как это доказывается различными пометами внизу листов. К сожалению, — *продолжает Розенкампп*, — мне не удалось классифицировать их по древности самих пергаменных рукописей, с которых они были списаны в то время и которые, в свою очередь, были лишь списками, более или менее близкими к оригинальному сборнику, сформированному Кириллом после получения посылки Святослава в 1270 г. Мы не располагаем ни этими пергаменами, ни первым кирилловским образцом или главой фамилии (*ni le premier type Cyrillien ou le chef de famille*), но я убежден, — *заявляет Розенкампп*, — что ангел-хранитель истории (*le génie tutélaire de l'histoire*) еще приведет эти сокровища в Ваши, Господин Канцлер, руки (л. 652).

Отличительной чертой так называемой Кирилловской фамилии является, по мнению Розенкамппа, то, что списки ее не содержат ни русских документов позднее 1280 или 1281 г. (год кончины митрополита Кирилла III), ни переводов греческих канонистов и комментаторов с начала XIII в., ибо последние вошли в Кормчие лишь с митрополитом Киприаном, в начале XV в. (л. 652 об. – 653). Следует замечательно написанный очерк о митрополите Кирилле, о тех сложнейших условиях, в которых ему приходилось действовать (как в социально-политическом, так и в историко-церковном отношении). Наконец, о том значительном вкладе в «русификацию Кормчей» (термин мой. — *И. М.*), которым, по мнению Розенкамппа, русское общество обязано Киприану.

Российская церковная история, — *пишет он*, — не должна замалчивать заслуги митрополита Киприана, который в сложнейших обстоятельствах продолжал столь же осторожно, сколь и твердо, сохранять чистоту догмы и свободы греческой церкви. Мне, — *говорит Розенкампп*, — пришлось напомнить об этих событиях,

связанных с нашим (!) каноническим правом и с историей рукописей, которые я имею перед собой, ибо Киприан тоже составляет эпоху в этом отношении, а после Кирилла ни один из наших (!) древних митрополитов не занимался с большим рвением Кормчей, чем он, будь то пересмотр переводов соборов и других канонических текстов или добавление к ним новых документов (л. 657).

И так далее. Точку на всей этой переписке поставила внезапная смерть графа Н. П. Румянцева (3 января 1826 г.), о чем в конце своих писем Розенкампф делает следующую трогательную, исполненную горечи и грусти, но также и некоторой растерянности запись:

Смерть Канцлера Графа Румянцева (*Romanzof*), случившаяся вскоре, прервала эту корреспонденцию. Соответственно, исследования по русской истории и русским древностям понесли невосполнимую утрату из-за кончины этого Человека, который в течение последних 12 лет существовал лишь ради Науки. Остатки моих исследований будут опубликованы в моей книге на русском языке «О Кормчей Книге». Поскольку Канцлера больше нет, — *продолжает он*, — я отдам рукопись митрополиту Евгению для передачи ее Московскому Историческому обществу. 1826 г. (л. 660 об.).

К счастью, этот план получил свое достойное осуществление.

Разумеется, текст писем Г. А. Розенкампфа, из которых мы здесь представили лишь малую толику, заслуживает быть опубликованным в полном объеме и в оригинале, с тем чтобы дать возможность компетентным специалистам составить адекватное представление о ценности наработанного этим петербургским ученым материала, о его концепции судеб византийского правового наследия в России в целом, о соотношении его неопубликованного материала с опубликованным и т. д. При той археографической изощренности, которой в исторической науке (как отечественной, так и зарубежной) все это время сопровождалось изучение особенностей восприятия в России византийского правового наследия вообще и канонического в частности, трудно, конечно, ожидать, что данный неопубликованный материал содержит нечто совершенно новое и неожиданное, но как факт истории науки он, мне кажется, заслуживает всяческого внимания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Два ответных письма графа Н. П. Румянцева
к Г. А. Розенкампу
(пер. с франц. И. П. Медведева)

И. Гомель, 8 мая 1825 г. Писано рукой канцеляриста, подпись — автограф Н. П. Румянцева. С пометой Розенкампа: *reçu le 22 Mai*.

Господин Барон,

с удовольствием и признательностью получил письмо от 25 апреля, которым Вы оказали мне честь. Ваши соображения справедливы. Мы предпочитаем строить догадки и высказываться утвердительно, чем осуществлять глубокие исследования.

Я испытываю глубокое уважение к митрополиту Евгению (Болховитинову. — И. М.), которого я часто называю уникальным митрополитом. Этот человек не оставляет желать ничего <лучшего>; он обладает обширной эрудицией, глубоким знанием нашей истории, но, наряду с этим, он еще и мудрец.

Рад узнать, месье, что Вы еще и занимаетесь нашими Кормчими. Это тот труд, который, будучи хорошо выполненным, может принести с собой крупные исторические познания. Я располагаю в моей библиотеке несколькими Кормчими, каждая из которых, как мне кажется, обладает своим собственным достоинством. Но наиболее замечательной бесспорно является одна рукопись Кормчей, писанная на пергамене. Был бы очень рад, месье, если бы Вы уделили ей особое внимание. Г-н Востоков, которому я напишу об этом, с удовольствием покажет ее Вам, как, впрочем, и другие мои Кормчие тоже.

Давайте, месье, дорожить познаниями в эпоху, когда стало довольно модным стремиться к тому, чтобы хоть немного, но обесценивать их. Вы, г-н Барон, будете служить им своими талантами, а я постараюсь служить им своим рвением в помощи всем тем, кто с пользой занимается этим.

Имею честь, г-н Барон, быть покорнейшим слугой Вашего Превосходительства,

Граф Румянцев

ОР РНБ. Ф. 648. Т. 1. Л. 615–615 об.

П. Гомель, 26 июня 1825 г. Писано рукой канцеляриста, подпись — автограф Н. П. Румянцева.

Господин Барон,

искренне сожалею, что, находясь в состоянии весьма серьезного недомогания, вынужден ограничиться лишь благодарностью Вашему Превосходительству за прекрасное письмо, которое Оно соблаговолило написать мне после того, как уделило некоторое внимание различным рукописям Кормчей, находящимся в моей библиотеке. Нужно, г-н Барон, обладать немалыми познаниями, чтобы с такой легкостью рассуждать о том предмете, с которым Вам пришлось иметь дело. Я отнюдь не настолько самонадеян, чтобы считать себя в состоянии чему-то учить Вас; но позвольте все же представить здесь пред Ваши очи копию того, что я написал около трех лет назад митрополиту Евгению о пергаменной рукописи Кормчей, которой я располагаю и которая с полным основанием привлекла Ваше внимание. Мое письмо находит свое оправдание в высказанном Вами мнении о том, что наша Кормчая, которая даже еще и сегодня служит нам правилом (*sert de regle même aujourd'hui*), имеет явную склонность (*a une visible tendance*) к каноническому праву Западной Церкви и отнюдь не придерживается той раболепной покорности по отношению к Номоканону Восточной Церкви (*ne conserve pas du tout cette obeissance servile au Nomocanon de l'Eglise d'Orient*), образцы которого мы, однако, слепо приняли (*dont nous avons cependant accepté les modèles aveuglément*) в других церковных книгах.

Прошу Вас, г-н Барон, хранить среди Ваших бумаг копию моего письма к митрополиту и приложение к нему; пусть эти бумаги и это письмо будут свидетельством того уважения, которое я питаю к Вашим познаниям.

Я был польщен и удивлен, узнав, что мадам Розенкампф, к снисходительности и доброте характера которой я привычен, также пожелала уделить моей библиотеке столь длительное внимание. Поблагодарите ее за это, прошу Вас, и примите заверение в глубочайшем почтении, с которым я имею честь быть, г-н Барон, покорнейшим слугой Вашего Превосходительства.

Граф Румянцев

ОР РНБ. Ф. 648. Т. 1. Л. 616–616 об.

ЖЮЛЬ ДАВИД: ШТРИХ К ПОРТРЕТУ МАЛОИЗВЕСТНОГО ЭЛЛИНИСТА*

Незадолго до своей кончины, во время нашей встречи на одном из заседаний Ученого совета истфака С.-Петербургского университета (не без тревоги всматривался я в обострившиеся черты лица моего собеседника, не предвещавшие ничего хорошего), А. И. Зайцев, известный петербургский филолог-классик, задал мне вопрос, на который я тогда не мог дать положительного ответа, а именно: знакомо ли мне имя французского эллиниста Жюля Давида? Имя мне ничего не говорило, но заданный вопрос возбудил желание «разобраться», а обстоятельства тому способствовали. Пусть поэтому настоящая заметка рассматривается как ответ Александру Иосифовичу, хотя и запоздалый.

Сначала — некоторые данные биографического характера¹: французский эллинист Жюль Давид (полное имя: *Charles-Louis-Jules David*), сын знаменитого живописца Жака Луи Давида (1748–1825), родился 15 февраля 1783 г. в Париже; в наполеоновское время занимал ряд дипломатических и административных должностей (вице-консул в Чивитавеккье в 1805 г. и в Отранто — в 1808 г.; супрефект округа Стад в департаменте Буш-де-л'Эльб — в 1810–1814 гг.), в 1815 г. сопровождал в брюссельскую ссылку отца, обвиненного в царевбийстве (как известно, Ж. Л. Давид во времена Французской революции был якобинцем, членом Конвента, что, впрочем, не помешало ему при Наполеоне стать «первым живописцем» императора); в 1816 г. эмигрировал в Грецию, где женился и стал преподавать французский язык и литературу сначала в одной из школ на о. Хиос (1816 г.), а затем в Смирне (1818–1820 гг.); в 1820 г. вернулся во Францию и в том же году опубликовал свой главный труд «Краткое сопоставление

* Опубликовано: Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Т. III. 2003. С. 133–146.

¹ См., напр.: *La Grande Encyclopédie*. Paris, s. a. Т. XIII. P. 1001; *Nouveau Larousse illustré*. Paris, s. a. Т. III. P. 532.

древнегреческого и новогреческого языков», а в 1821 г. — учебник новогреческого языка; с 1831 по 1840 г. преподавал греческую литературу в Парижском университете; умер в Париже 25 января 1854 г.

К этой сухой и лапидарной справке мы в состоянии ныне добавить несколько красочных штрихов из весьма неожиданного источника, а именно из переписки выдающегося парижского эллиниста немецкого происхождения Карла Бенедикта Газе (1780–1864) с академиком Петербургской Академии наук Филиппом Ивановичем Кругом (1764–1844), одним из тех немецких ученых, которые стали первыми глашатаями и проводниками научного византиноведения в России. Основным содержанием переписки, хранящейся в настоящее время в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН², является обсуждение перипетий, связанных с важным событием в византинистике того времени — первым изданием «Истории» одного из крупнейших византийских писателей X в. Льва Диакона, которое Карл Бенедикт Газе осуществил в 1819 г. по поручению и на средства русского канцлера графа Н. П. Румянцева (1754–1826) при посредничестве академика Круга³. Однако в переписке содержится немало информации о других сюжетах, не связанных с обсуждаемым проектом. Среди них мы как раз и наталкиваемся на имя нашего героя.

Так, в большом и чрезвычайно содержательном письме Газе к акад. Кругу от 15 августа 1820 г. есть, между прочим, и такой пассаж (здесь и далее перевод с немецкого наш):

Могу ли я обратиться к Вам еще с одной просьбой? Один из моих давних знакомых, хотя и несколько моложе меня, а именно г-н Давид, сын знаменитого здешнего художника, получивший образование в Гёттингене, — превосходный эллинист, говорит на немецком, древне- и новогреческом, а кроме того располагает многосторонними административными и прочими познаниями. Он был аудитором при Бонапарте, потерял в 1815 г. это место и надежду на какое-либо другое, ибо вся семья подверглась преследованию как республиканская и находящаяся под подозрением. После этого он уехал на собственные средства в Грецию, в течение двух лет был учителем латинского языка в гимназии г. Смирны, ныне снова упраздненной турками, очень сроднился там с народом и языком,

² СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138 (черновики писем Круга); Оп. 2. Д. 21 (письма Газе).

³ См. об этом: *Медведев И. П.* Новые данные по истории первого издания Льва Диакона // ВВ. Т. 61 (86). 2002. С. 5–23.

а сейчас вот уже несколько месяцев как снова вернулся, не имея здесь никаких перспектив. Нельзя ли подыскать для него какое-нибудь место в одной из школ в Петербурге? За характер его и отличные знания я могу совершенно спокойно поручиться. Скажите мне одно — есть ли смысл давать ему надежду на Петербург?⁴

Письмо попало к Кругу лишь 19 октября 1820 г. (по старому стилю), еще какое-то время потребовалось на «зондирование вопроса», а в письме из Петербурга от 30 декабря этого же года Круг сообщает между прочим следующее:

Что касается г-на Давида, о котором Вы упоминаете в Вашем первом письме, то я сообщил нескольким лицам всё, что Вы пишете мне о нем, и каждый из них, подобно мне, считает, что такой человек, как он, непременно должен найти здесь неплохой приют (*hier gewiss ein gutes Unterkommen finden müsse*). Я, однако, очень желал бы иметь возможность открыть ему перспективы на нечто более определенное. Уваров⁵ обещает его пристроить при какой-нибудь школе, а впоследствии, быть может, и при Университете. Я, однако, не стал бы ему этого советовать, ибо жалование учителей чересчур ничтожно. Муральт, который возглавляет пансион для 70 (примерно) мальчиков⁶, желает предоставить ему от себя жилье и стол, а также выделяет по 2000 рублей ежегодно на частное преподавание до тех пор, пока у него не освободится место учителя, и тогда он станет получать 2500 рублей. Но вот что мне кажется наиболее подходящим: один любезный молодой офицер по фамилии Березин⁷ ушел в отставку с тем, чтобы предпринять на протяжении

⁴ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 61.

⁵ Сергей Семенович Уваров (1786–1855) был в то время попечителем Петербургского учебного округа, президентом Академии наук.

⁶ Иоганн фон Муральт, пастор реформатской церкви, возглавлял основанный им и чрезвычайно популярный в просвещенных кругах российской столицы пансион. Он приходился дядей известному византинисту-палеографу Эдуарду Муральту (1808–1895), который, желая продолжить семейную традицию, также перебрался в Петербург, стал сотрудником Императорской Публичной библиотеки и составил знаменитые каталоги греческих рукописей из собрания этого книгохранилища. См. об этом: *Вольфцун Л. Б. Э. Г. Муральт и Императорская Публичная библиотека* (по материалам Архива РНБ) // *Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга*. СПб., 1999. С. 36–51 (об Иоганне фон Муральте — на с. 37).

⁷ Березин Алексей Сергеевич (1801–1824), воспитанник Пажеского корпуса, откуда был выпущен в гренадерский Императора Австрийского полк;

нескольких лет путешествие по Европе, имея целью усовершенствоваться в науках. Он происходит из добропорядочного и богатого русского семейства и хотел бы иметь спутника, в обязанности которого входило бы обращать его (Березина. — *И. М.*) внимание на все достопримечательности, репетировать с ним те уроки, которые ему придется где-либо брать, и т. д. Он обязывается за это обеспечить полное содержание на всем готовом, сверх того давая 3000 рублей в год, и т. д. Вчера я порекомендовал ему самому написать г-ну Давиду, с тем чтобы разъяснить свой план, каковое письмо он обещал принести через несколько дней. Мои друзья, которые знают его давно и близко, говорят о нем много хорошего, и если это предложение подходит Вашему другу, то я решился бы советовать принять его. Но тогда ему придется отправиться с первым же судном, так как путешествие как будто должно начаться уже в июне (*следует зачеркнутое*: или в июле?). Если бы г-н Давид захотел выставить условием получение начиная со второго года по 4000 рублей, то я уверен, что Березин согласится и на это <...>.

[*Приписка с новой датой* — 4 января 1821 г.:] Сегодня день отправки почты, и Березин только что принес мне свое письмо к г-ну Давиду. Замечу при этом, что имение, куда он собирается выехать в конце апреля, находится лишь в 200 верстах от Петербурга и что там он задержится примерно на месяц перед приездом в Москву. Он предполагает провести за границей 4–5 лет. Желательно, чтобы г-н Давид ответил побыстрее, принимает ли он означенные выше условия и приедет ли сюда. Ведь времени остается слишком мало, чтобы получить на его письмо новый ответ, так что буквально все должно быть обговорено настоящим и он должен *как можно быстрее* (выделено Кругом. — *И. М.*) погрузиться на корабль. Так

в 1821 г., выйдя в отставку, предпринял путешествие по странам Европы, в котором его спутником был известный археолог, исследователь Северного Причерноморья П. И. Кёшпен (см.: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 93). Это путешествие оказалось для Березина трагическим: прожив несколько месяцев в Риме и Неаполе, он осенью 1824 г. отправился на Сицилию, где простудился и умер от горячки. См.: РБС. Т. II. 1900. С. 730. [О семье Березиных см. Энциклопедический словарь Брокгауза — Эфрона *с. в.* Есть основания полагать, что родственником упомянутого А. С. Березина был профессор-востоковед Илья Николаевич Березин (1818–1896), «киммерийские» эпиграммы внушки которого, А. Н. Березиной, опубликованы в альманахе «Древний мир и мы» (Т. I. СПб., 1997. С. 242–260). — *Редакционное примечание при первой публикации статьи.*]

как что-то в письме Березина может быть выражено неясно или вообще опущено (например, содержание на всем готовом), то пусть г-н Давид озаботится тем, чтобы в своем ответном письме, которое Вы мне пришлете незапечатанным (*offen*), высказать все свои условия отчетливо, дабы покончить сразу со всеми недоразумениями⁸.

Как показывают дальнейшие письма Газе к Кругу, Жюль Давид не воспользовался сделанным ему предложением. Так, в письме от 15 февраля 1821 г. (получено Кругом 4 апреля 1821 г.) Газе сообщает:

Дальше, почтеннейший друг, я не могу медлить с ответом на Ваше любезное письмо от 4 января, в котором лежало и письмо г-на Березина <...>. Что касается Давида, который Вам уже послал небольшое, но содержательное сочинение («Краткое сопоставление древнегреческого и новогреческого языков»? — *И. М.*), то я тотчас отправил ему письмо Березина, ибо, к сожалению, он вот уже месяц как находится в Брюсселе, при своем смертельно больном отце. Но пребывающий здесь брат его говорит, что Жюль решил обратить свои взоры на Бухарест, где местные купцы и сам господарь создадут ему выгодные условия, чтобы он, преподавая латинский и французский в гимназии города, мог завершить большой греческо-французский словарь, над которым работает (единственное свидетельство об этом неизвестном и неосуществленном проекте. — *И. М.*). Восемь дней я тщетно ожидал вестей из Брюсселя и решаюсь мой Вам ответ больше не откладывать, присоединив к нему и письмо к Березину, в котором довожу до его сведения

⁸ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 1. Д. 138. Л. 233 об., 431 об. Копия упомянутого Кругом письма А. С. Березина к Жюлю Давиду содержится среди бумаг Круга (Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 1; без обращения, поэтому указано в архивной описи как адресованное Ф. И. Кругу). Пользуясь случаем, считаю целесообразным опубликовать текст письма во французском оригинале (сохраняя его орфографию): «Je crois partir vers la fin d'Avril et m'arrêter en passant chez mes parens. Si vous voulez accepter mes propositions, vous êtes le maître, de rester ce temps à Pétersbourg pour me rejoindre à Moscou, ou de m'accompagner. Je vous offre trois mille cinq cents roubles par an, dont je vous avance mille à votre arrivée à Pétersbourg, et le reste quand il vous semblera bon; je paye les frais du voyage de Paris jusqu'ici, et à notre retour en Russie, si vous trouverez bon de rester chez moi, je serai obligé de vous payer 2000 roubles par an, et si vous voudrez vous placer, je paye mille roubles. Si toute fois à votre arrivée à Pét<ersbourg> les circonstances changent, je paye la dépense de votre voyage, en vous avançant les mille roubles. Je tiendrai tous mes engagemens en homme d'honneur. 4 Janv. 1821. *Al. Bérésine*».

нынешнее положение дел. Я весьма обязан Березину за его любезность. Мне остается сожалеть, и из-за бедного Давида тоже, что предложение из Петербурга не пришло на несколько месяцев раньше, ибо вряд ли он найдет общий язык с греками в Бухаресте, как бы красиво ни звучали (из уст его брата) делаемые оттуда предположения. Посредником в этом деле выступает Кораис⁹.

Предположив в своем письме к Кругу от 16 марта 1821 г., что предыдущее письмо его адресатом уже получено, Газе добавляет: «В нем лежало также письмо от меня к г-ну Березину с извинениями; в нынешнем — два (письма. — *И. М.*) от Давида, который вот уже неделю находится здесь, но вскоре уезжает. Он будет иметь честь поблагодарить Вас из Бухареста. Сохраните к нему Ваше благоволение, коего он заслуживает по своим качествам и своему положению»¹⁰.

У бедного Давида, — пишет Газе в письме от 28 июля 1821 г., — дела плохи: когда он приехал в Вену¹¹, разразились волнения в Валахии, и австрийские власти не позволили ему продолжить путешествие; между тем семьи, на которые он рассчитывал, вынуждены были бежать из Бухареста, и он, упав духом от долгого ожидания, вернулся в Париж. Жену свою, молодую гречанку, на которой он женился в Смирне, ему пришлось оставить там — где она, как мы опасаемся, и пропала. Через Делора¹² мне удалось выговорить ему некоторую поддержку от министерства, взятую из «фонда

⁹ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 65 об. — 66. Кораис Адамантиос (1748–1833) — греческий просветитель и деятель национально-освободительного движения, создатель так называемой кафаревусы («очищенный» греческий язык) и основатель знаменитой серии публикаций греческих классиков «Эллинская библиотека». Взгляды Кораиса на историю греческого языка были, как увидим, весьма близки взглядам Жюля Давида. О Кораисе см.: *Dimaras C. Th. Histoire de la littérature néo-hellénique des origines à nos jours*. [Athènes], 1965. P. 215–236 et Annexe bibliographique, p. 52–53.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 67. Что касается упомянутых Газе «двух писем от Давида», то они, по-видимому, не сохранились. Во всяком случае, в архивном фонде Ф. И. Круга они отсутствуют.

¹¹ С целью проследовать затем в Бухарест.

¹² Делор (*Jules Delort*) — парижский поэт, о котором Газе также ходатайствовал перед Кругом, уговаривая его (в этом же письме; см.: Там же. Л. 69–69 об.) представить российскому императору двухтомный труд Делора «*Voyage pittoresque aux environs de Paris*» и выхлопотать ему своего рода милость от императора: «...он хотел бы орден».

поддержки литераторов»¹³, так как его богатенький папаша, находящийся в Брюсселе и страдающий окаменением сердца¹⁴, не дает ему ничего¹⁵.

И еще несколько сообщений от Газе о Давиде: «Давид — в Морее» (из письма от 19 августа 1822 г.)¹⁶; «Давид, вернувшийся сейчас из Греции, живет в Триесте. Он неоднократно просил меня еще раз поблагодарить Вас за любезное участие, которое Вы в нем приняли» (из письма от 20 января 1823 г.)¹⁷; «Бедный Давид, который во всех письмах живо вспоминает о Вашей любезности, вернулся из Греции и странствует по Италии. В последнее время он был в Риме, в доме Джеронимо Бонапарте¹⁸» (из письма от 10 мая 1823 г.)¹⁹.

Разумеется, отнюдь не эти «экзотические» подробности жизни Жюля Давида могли привлечь внимание А. И. Зайцева. Его, почти наверняка, интересовали взгляды французского эллиниста на историю греческого языка, ведь Жюль Давид был страстным противником исповедуемой европейскими филологами-классиками дихотомии древнегреческого и новогреческого языков. Наиболее адекватно взгляды Давида сформулированы в предисловии к его главному, на новогреческом (кафаревуса) языке написанному труду «Краткое сопоставление древнегреческого и новогреческого языков» (полное название: Συνοπτικὸς παραλληλισμὸς τῆς ἑλληνικῆς καὶ γραικικῆς, ἢ ἀπλοελληνικῆς γλώσσης, συντεθεὶς ὑπὸ Ἰουλίου Δαβίδ, τοῦ πάλαι μὲν προξένου τῶν Γάλλων εἰς τὸν Ὑδροῦντα τῆς Ἰαπωνίας, ἔπειτα δὲ ἀκροατοῦ εἰς τὴν πολιτικὴν βουλὴν, καὶ ὑπονομάρχου εἰς τὸν νόμον τῶν ἐκβολῶν τοῦ Ἄλβιος, τέλος δὲ δημοσίου διδασκάλου εἰς τὸ σχολεῖον τῆς Χίου. Ἐν Παρισίοις, ἐκ τῆς τυπογραφίας Ἰ. Μ. Ἐβεράρτου, ΑΩΚ [= 1820]. ις', 144 σ.)²⁰.

¹³ «...prise sur les fonds destinés à l'encouragement des gens de lettres». Здесь и ниже французские вставки в немецком тексте.

¹⁴ «...pétrification du coeur» (по-видимому, шутливое обозначение скупости художника по отношению к своему сыну).

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 88. Оп. 2. Д. 21. Л. 70 об.

¹⁶ Там же. Л. 93.

¹⁷ Там же. Л. 82.

¹⁸ Брат Наполеона, вестфальский король Жером Бонапарт (1784–1860) после Реставрации долгое время жил в изгнании за границей, в том числе и в Риме.

¹⁹ Там же. Л. 83 об.

²⁰ Мы пользовались экземпляром Геннадиевской библиотеки в Афинах (шифр L 260). Труд переплетен в одном томе с другой работой Жюля Давида — его учебником новогреческого языка «Méthode pour étudier la langue grecque

Привожу текст предисловия в моем переводе с новогреческого (с. 5–16):

Нынешний разговорный греческий (Γραϊκικὴ) язык, в просторечии называемый ромейским (Ῥωμαϊκὴ), даже если он, происходя от древнегреческого (Ἑλληνικὴ), слишком отдален от него, чтобы считаться его диалектом, сохраняет тем не менее такое сходство с последним, имеет столько аналогий с ним и вообще настолько продолжает традиции древнего народного неофициального языка²¹, что может стать для филолога неисчерпаемым источником точных и поучительных наблюдений (ἀνεξάντλητος πηγὴ εὐστόχων καὶ διδακτικῶν παρατηρήσεων), а следовательно, и достойным предметом ученых занятий. Между тем филологи Европы, не осознавая этой истины и считая новогреческий язык совершенно варварским, пренебрегали им вплоть до сегодняшнего дня и не обременяли себя его изучением. Вознамерившись освободить их от этого заблуждения, я и предпринял это краткое сопоставление двух названных языков. Цель моя, впрочем, не установление грамматических правил и не советы грекам, как им надобно разговаривать или писать. Человеку чужеродному подобный труд не по силам. Книга эта предназначена для европейских филологов, которые занимаются изучением древнегреческого языка. Я хочу показать им родство древнего и нового языков, тщательно отмечая, в чем те похожи, в чем различны, и, ведя их (филологов-классиков. — *И. М.*) таким образом от знания древнего к изучению нового, научить понимать последний с помощью первого. Приобретя в этом деле определенные познания, они смогут наблюдать многие положения и правила грамматики древнего языка, подкрепляя их использованием нового. Они смогут увидеть, что многие понятия и реалии, свойственные древнегреческому и по сей день неизвестные или малоизвестные, сохраняются и в нынешних условиях — так что, если они не одержимы предвзятостью, ученые должны будут заключить,

moderne», причем сразу в двух изданиях (1-е изд.: Paris: Chez Lequien libraire, 1821. VIII, 152 p.; 2-е изд.: Seconde édition, revue, corrigée et augmentée. Paris: Bobée et Hingray, 1827. VIII, 168 p.). В Петербурге (в Российской Национальной библиотеке) имеется лишь немецкий перевод «Краткого сопоставления» (шифр 7.9.10.124: *David J. Kurze Vergleichung der Alt- und Neugriechischen Sprache / Aus dem Neugriechischen übersetzt von Dr. K. L. Struve. Königsberg, 1827*, с любопытнейшим предисловием переводчика) и экземпляр второго издания учебника новогреческого языка (шифр 7.72.10.72).

²¹ Так я перевожу словосочетание ἀπὸ τὴν παλαιὰν δημόδι καὶ ἰδιωτικὴν.

что изучение и исследование одного весьма полезно, а может быть, даже и необходимо для более точного познания (ἀκριβοῦς) другого.

Полагая читателя достаточно искушенным в древнегреческом, владеющим морфологической и синтаксической стороной грамматики, я не приводил древнегреческих форм склонений и спряжений, которые используются лишь в исправленном (διορθωμένη) языке, с тем большим основанием, что образованные люди еще не успели свыкнуться с этим. Я всячески старался показать формы народной, находящейся в общем обиходе речи, не забывая, что они неизвестны тем, кто будет читать мою книгу, так что их необходимо разъяснить. А потому тот, кто не причастен к древнегреческой филологии, пусть оставит эту книгу, не тпцась прочитать ее, ибо потраченные им усилия не принесут ему никакой пользы, даже если он сумеет понять написанное. Но тот, кто уже отведал этих занятий, пусть возьмет и прочтет эту книгу, не удивляясь, если новый язык отличается от того древнегреческого, с которым он знаком; если он человек тонкой культуры²², пусть не остается равнодушным к тому весьма примечательному сходству, которое новый язык сохраняет с языком, его породившим. Подобно тому как путешествующий любитель достопримечательностей (ὁ φιλοθεάμων περιηγητής), которого любовь к древности привела на священную землю Эллады, дивится развалинам древних построек, разбросанным там и сям в виде бесчисленных руин с фрагментами статуй и обломками колонн или капителей, свидетельствующих о великолепии былых городов и о природной одаренности тогдашних жителей, так и внимательный, изощренный филологически эллинист находит в новогреческом языке следы красноречивого и изысканного языка Гомера и Платона: слова, фразы, формы, понятия, смешанные с варваризмами новейших (греков. — *И. М.*) и словно бы погребенные в тине варварства (ὅς κατακεχώσμενα εἰς τὴν ἰλὸν τῆς βαρβαρότητος). Он с почтением соберет эти драгоценные останки, воздавая слезами должную дань тому народу, который с такой высоты цивилизации низвергся во тьму невежества, почти ничего не сохранив от лучезарного света наук, коим некогда столь щедро одаривал человечество.

До сих пор многие из побывавших в Элладе образованных людей относились к новогреческому языку с предубеждением, которое распространено в европейских университетах, и полагали, что он не представляет никакой пользы для истинной филологии; они презирали его и не выказывали никакого желания им заниматься. Отпугивало их и произношение, полностью отличающееся от того,

²² Букв. «любитель муз», φιλόμουσος.

какому они были научены смолоду, и столь трудное для непривычного уха, что даже самые расхожие слова, если они исходят из уст какого-нибудь современного грека, кажутся им невразумительными и варварскими, так что они совершенно не в состоянии понимать собеседника и тем паче читать. А потому им казалось гораздо проще опорочить то, чего они не знали, чем этому научиться, так что они решили выказывать свое пренебрежение к этому языку, обвиняя его в том, что он, мол, совсем не похож на древний <...>²³.

Что касается синтаксиса, то признаюсь, что именно в нем новый язык больше всего отдалается от своего прототипа, часто меняя требуемый предлогами или глаголами падеж и используя более или менее отличные от древних формы, которые ввиду нехватки древних наклонений по необходимости пришлось принять или изобрести. Вместе с тем, как бы ни строилась нынешняя греческая фраза, изучение ее не останется для филолога бесплодным, так как она сохраняет остатки древнегреческого синтаксиса и характерные обороты древнего языка, неизвестные большинству нынешних учителей (как кое-где показано в моей книге о синтаксисе). Так что, резюмируя сказанное, мы можем с полным основанием утверждать, что изучающие древнегреческий язык извлекут пользу, узнав его подобие (τοῦ μιμήματος τῆς), — будь то хоть ради произношения, хоть в отношении лексики (διὰ τὸ λεκτικόν). Ведь они познакомятся либо с редкими значениями древних слов, либо с новыми значениями и новыми словами, знание которых нужно всем, у кого есть желание читать поздних авторов, легко и точно понимать схолиастов, комментаторов и других попадающих в тот же ряд писателей <...>.

Еще больше пользы, однако, от такого изучения в том, что оно дает человеку любознательному практический навык в языке (τριβὴν τῆς γλώσσης), упражняет его слух, делая весь материал

²³ Следуют примеры «выживания» древней лексики, в частности: «Τὸ βαστάζω, σημαῖνον τὸ κρατῶ, φαίνεται συχνὰ εἰς τὸν Εὐριπίδην. Τὸ ἥνοιον τοῦ Ξενοφώντος, περὶ τὴν ἀρχὴν τῶν Ἑλληνικῶν, τὸ ὁποῖον ἐβασάνισε τόσον τοῦς ἐξηγητάς, εἶναι καὶ αὐτὸ τῆς νέας γλώσσης, κατὰ τὴν ὁποίαν τὸ ἀνοίγω ἐπὶ πλοίου, δηλοῖ τὸ ἀπομακρύνομαι ἀπὸ τὴν στερεὰν καὶ ἀναπλέω εἰς τὸ πέλαγος· οἷον ἥνοιζε πολὺ τὸ καῖα. Τοῦ δευτέρου εἶδους εἶναι τὸ πλάτη, ἀντὶ τοῦ ὄμος, παρὰ Φίλοστράτῳ· καὶ τὸ ἐλεγχος, ἀντὶ τοῦ αἰτία, μέμψις εἰς τὸν Πλούταρχον· καὶ τὸ σαλεύω, τὸ κινῶ, εἰς τὸν Λουκιανὸν καὶ τοῦς μεταγενεστέρους, ὅπου μεταλαμβάνεται καὶ ἀντὶ τοῦ παραλλάσσω τι τῶν καθεστῶτων νόμων, ἢ ἐθῶν, ἢ συνθηκῶν, κατὰ τὸ κινῶ τῶν παλαιῶν· καὶ τὸ φθάνω, ἀντὶ τοῦ καταλαμβάνω, παρὰ Ξεφιλίνῳ. Ἀρκοῦσιν αὐτὰ τὰ ὀλίγα παραδείγματα, ἀπὸ πλῆθος ἄλλων παριμένα» (все выделения слов сделаны автором).

языка, а именно формы слов, синтаксис, лексику, ударения, привычным и как бы данным от природы. Этой драгоценной практикой (τρίψη) обладает тот, кто говорит на новогреческом, одновременно упражняясь в письме; приобретшие этот навык легко читают сочинения древних авторов и умеют выражать свои мысли с помощью древнегреческих слов. Напротив, большинство наших ученых, усердно занимаясь одним только толкованием произведений и не имея навыка живого пользования языком, не слышат его обиходного звучания (δὲν τὴν ἔχουν ἑναυλον καὶ πρόχενον) и, не постигнув его, ищут среди значений слов вместо того, чтобы находить нужные слова (ἔξεύρουν τὰς σημασίας τῶν λέξεων, χωρὶς νὰ ἔξεύρωσι τὰς λέξεις), так как пользуются ими не как обозначением вещей (δηλωτικὰς πραγμάτων), а как некими значениями, ради которых приходится рыться в памяти (ὡς σημασίας τινὸς μνημονικὰς). Они соотносят не названия с вещами, а вещи с названиями (δὲν ἐφαρμόζουν τὰ ὀνόματα εἰς τὰ πράγματα, ἀλλὰ τὰ πράγματα εἰς τὰ ὀνόματα), не умея, однако, подобрать название той или иной вещи. Им надо непременно иметь пред глазами древнегреческий текст (κεῖμενον Ἑλληνικόν), чтобы помнить то, что они узнали: вся их ученость существует лишь постольку, поскольку они вообще не отрываются от книги. Кроме того, если им когда-либо приходится произносить древнегреческое слово, они произносят его настолько неуклюже, расчленяя дифтонги, искажая природу согласных и прежде всего переставляя и путая ударения, что можно, пожалуй, сравнить такой язык скорее с карканьем ворон, чем с членораздельной человеческой речью и уж тем более — с эллинским красноречием. <...>

Из сказанного явствует, что мы до сих пор не имеем труда по греческому языку, который был бы если не полным, то хоть достаточным, чтобы выявить родство древнегреческого языка с новогреческим и указать путь к критическому сравнению обоих <...>. Я предпринял это сопоставление, отнюдь не считая себя способным на создание такого труда и не воображая, что сумею исчерпать материал. И все-таки я льщу себя надеждой дать европейцам возможность понять характер, достоинства и пользу (ново)греческого языка; показать, что тем из них, кто хочет преуспеть в языке древнегреческом — насколько это возможно для нас, людей новейшего времени, — следует во что бы то ни стало приобрести и в новогреческом такой практический навык (τῆς νέας τὴν τρίψην), который был бы достаточным, чтобы говорить и писать на нем с легкостью.

Это сопоставление было бы полным и совершенным, если изложить не только грамматику, но и лексику (τὸ λεκτικόν). Следовало бы, стало быть, составить критический и этимологический словарь

новогреческого языка, где были бы сопоставлены не только сами по себе слова в их отношении к древнегреческому, но также и выражения с этими словами. Такого рода труд был бы, несомненно, чрезвычайно полезен для этого раздела филологии. Он, однако, требует много времени и больших расходов: что много времени, понятно само собой, а что до больших расходов, так ведь для осуществления его с должной полнотой пришлось бы объехать все края Эллады, а также и Италии, где говорят на просторечном греческом (Ἀπλοελληνική), пробраться с нехристями-проводниками, которые обходятся весьма недешево, в отдаленные пределы и, не жалея времени на захоластье, тщательно обследовать всякое наречие. Только так удалось бы наконец проследить, какие остатки древнегреческого сохраняются там вплоть до нынешнего дня. Не имея средств для осуществления такого предприятия, я ограничился рассмотрением грамматики, со всем тщанием (φιλοτέχνως) проанализировал морфологию и синтаксис и теперь выпускаю в свет этот мой небольшой труд.

Далее следует изложение материала согласно оглавлению (главы о произношении²⁴, о склонениях, о степенях, сравнительной и превосходной, о числительных, об артиклях, о местоимениях, о глаголах и т. д.) и указатель использованных древнегреческих писателей и текстов (Анакреонт, Аристофан, Гален, Геродот, Гомер, Демосфен, Еврипид, Ксенофонт, Либаний, Лукиан, Плутарх, Полибий, Страбон, Филострат, Фукидид, а также Ветхий и Новый Заветы, Василий Великий, Евсевий, Евстафий, Ксифилин).

Не менее любопытным представляется и французское предисловие Ж. Давида к первому изданию его учебника новогреческого языка.

Когда же, наконец, люди станут говорить на одном языке? — вопрошает Жюль Давид и продолжает: — Как нет такой плохой книги, которая не содержала бы хоть что-нибудь хорошее, так нет и народа, с которым, в каком бы состоянии цивилизации и культуры

²⁴ «Чужеземным эллинистам, — пишет Жюль Давид, — больше всего неудобно умножение (πολλαπλασιασμός) звука ι, создающее трудность различения таких слов при написании их. Вероятно, эллины произносили с некоторым различием все те звуки (или дифтонги, или гласные), которые сегодня произносятся просто ι <...>. Точность, с какой эллинский язык хранит в письме различия диалектов, большая часть которых состоит в различиях произношения, доказывает, что первоначально письмо этого языка полностью согласовывалось с произношением» (с. 2–3).

он ни находился, не стоило бы познакомиться и который не мог бы человеку вдумчивому (*au sage*) дать материал для какого-нибудь любопытного наблюдения или какого-нибудь полезного урока. Тем более этот принцип, верный сам по себе, применим к новым грекам, потомкам древних наставников всего рода человеческого (*les descendants [sic!] des antiques précepteurs du genre humain*), к этой выдающейся нации — вечному предмету нашего восхищения. Именно в настоящих обстоятельствах, когда общими усилиями и ценой героических жертв этот народ стремится отвоевать свою свободу и вновь подняться на ту высоту, на коей стояли его предки, надлежит вступить с ними в общение, попытаться узнать их. Именно для этого и необходимо изучение их языка²⁵.

Что касается второго издания учебника, в предисловии к которому автор указывает на появление переводов первого издания на английский (*G. Winnock*) и немецкий (*W. v. Lüdemann*)²⁶, внимание читателя привлекает прежде всего помещенное здесь обширное дополнение в виде забавных и поучительных диалогов между двумя греками, приведенных как на новогреческом, так и в переводе (*en regard*) на французский. О чем только не болтают собеседники! Вот разговор о дамах — например, об особе из Константинополя, которая «всех покоряла своим умом, хорошим воспитанием и приятными манерами»: «“А хороша ли она?” — спросил один из собеседников. — “Не очень, — ответил другой, — сила ее не в красоте; но она не безобразна, лицо у нее приятное”. — “Этого мне недостаточно, — настаивает первый. — Женщина, чтобы быть совершенной, должна

²⁵ *David J. Méthode pour étudier la langue grecque moderne*. Paris, 1821. P. III–IV. Отметив отсутствие таких учебников на европейских языках («за исключением немецкого»), Жюль Давид подверг составленную Эрдманом Шмидтом (*E. Schmidt*) на немецком языке грамматику «вульгарного греческого» уничтожающей критике: это, по его словам, «путаная смесь принципов и форм древнегреческого и современного греческого, неудобоваримый хаос (*un chaos indigeste*), в котором соединились простейшие принципы общей грамматики с некоторыми особенными правилами греческого, всегда плохо понятыми, плохо развитыми и часто ошибочными. Автор, например, приводит спряжение древних глаголов на -*μι*. Спрашивается, по какому поводу и с какой целью?» (*Ibid.* P. V).

²⁶ О последнем сказано, что он, «предпочтя роли переводчика роль плагиатора, сотворил странную смесь (*un amalgame bizarre*) моего “Сопоставления” и моей грамматики современного греческого языка, в которой обезображивает оба труда и гордо ставит свое имя в заглавии этой компиляции» (*David J. Méthode pour étudier... Paris*, ²1827. P. VI–VII).

соединять ум и красоту: в этом вся суть женского пола»». Говорится и о неверности женщин, и об их любовниках: один будто бы даже «нашел жестокую смерть как раз там, где искал наслаждения». Есть разговоры о еврее-ростовщике, о корсарах, атакующих греческие корабли, о мужестве греков, защищающих свою собственность («они ничего не боятся»).

Особенно же любопытны те эпизоды диалогов, в которых речь идет о реальных событиях и о реальных людях того времени. Так, в третьем диалоге говорится о резне, устроенной турками в Смирне, во время которой

... консул Франции г-н Давид (автор говорит о себе в третьем лице. — *И. М.*) вел себя прекрасно, выказав человечность и щедрость в спасении многих греков, которых приютил у себя дома, давая им пропитание, пока все не уляжется и они смогут выйти наружу без страха. Турки уже было пришли с намерением убить их, когда перед ними предстал консул в парадном мундире и заявил бесстрашно и твердо, что он скорее сам умрет под ударами их клинков, чем предаст этих несчастных в кровавые руки преследователей. Испугавшись сана этого мужа, варвары ретировались.

«Народ наш, — резюмирует рассказчик-грек, — в вечном долгу перед этим великодушным человеком, да и вообще французы нисколько не уступают любому другому народу в человечности и готовности прийти на помощь страждущим. А вот русский консул Дестунис²⁷ — что он сделал в этих обстоятельствах? А ведь он грек, и ему, как нашему соотечественнику, следовало бы защищать нас». На вопрос собеседника: «Россия не объявила еще войну туркам?» — рассказчик отвечает: «У России свои цели, так что нетрудно многое предвидеть, но пока лучше помолчать». Любопытен и ответ на вопрос: «Что говорят европейцы, готовы ли они прийти нам на помощь?»

Европейцы, — уверяет рассказчик, — восхищаются нами: славное поражение священного отряда (*ιεροὺ λόχου*)²⁸ и мужество наших моряков приводят их в восторг. И этих немногих дел

²⁷ Имеется в виду, конечно же, Спиридон Юрьевич Дестунис (1782–1848), грек на российской государственной службе, оставивший даже дневниковые записи на 1821 г. о турецкой резне в Смирне; см. о нем: *Белоброва О. А.* С. Ю. и Г. С. Дестунисы: рукописное наследие // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 22–33.

²⁸ Имеется в виду созданный А. Ипсиланти отряд добровольцев, в 1821 г. вступивший в борьбу против турецкого ига.

оказалось достаточно, чтобы европейцы признали нас подлинными потомками тех эллинов, наших приснопамятных предков. Сразу оказались вычеркнуты и забыты те старые предубеждения против нашего народа, которые господствовали до этого во всей Европе. Чтобы нам помочь, немцы собирают денежные пожертвования, французы тоже следуют этому прекрасному примеру, и вообще все народы молятся за нас. Надеюсь, что час возрождения Эллады наконец настал.

«Дай-то Бог! — подхватывает собеседник. — И пусть дети наши будут счастливы нас»²⁹.

Как видим, роль России представлена Ж. Давидом скорее в невыгодном свете; наверное, не был случайным и его отказ от намерения приехать сюда. И все же стоит пожалеть, что он пренебрег возможностью обосноваться в Петербурге. Тогда, может быть, и традиции изучения новогреческого языка в нашем городе развились бы гораздо раньше, чем это имело место в действительности; да и та пугающая дихотомия в восприятии истории греческого языка, которая, если не ошибаюсь, оказалась изначально присуща нашей эллинистике, могла бы, пожалуй, и не сложиться.

²⁹ Раздел с диалогами помещен на с. 106–121 второго издания учебника Жюля Давида (см. выше примеч. 20).

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ОЛЕНИН КАК ВИЗАНТИНИСТ*

Казалось бы, трудно добавить что-либо новое к портрету столь знаменитой личности, как Алексей Николаевич Оленин (1764–1843), и тем не менее — загадок хватает. Видный государственный чиновник, он прежде всего проявил себя как выдающийся деятель русской культуры, занимая посты директора Императорской Публичной библиотеки и президента Императорской Академии художеств, будучи связан «знакомством, дружбой и родством» со многими знаменитыми писателями, архитекторами, художниками, учеными, актерами, музыкантами, будущими декабристами и, наконец, став создателем (на базе своей семейной усадьбы Приютино) уникального по своему составу и долговременности функционирования «кружка», а вернее — интеллектуального содружества (причем легче, наверное, перечислить тех из современных Оленину знаменитостей, кто к этому кружку не принадлежал)¹.

Нас же в данном случае интересует еще одна «ипостась» А. Н. Оленина — его страстная увлеченность античностью и славяно-русскими древностями, в изучении которых он демонстрирует свои лучшие (фактически вполне профессиональные) качества ученого, стремившегося в любом случае к использованию и взаимопроверке разнородных источников, к критическому изучению и изданию документов, к строго научной аргументации в выводах. Занимая весьма важное место в истории отечественной археологии, и в частности «бытовой» археологии классического мира (с особой тщательностью он изучал историю античного костюма и предметов вооружения по произведениям вазописи, скульптуры, глиптики, вполне закономерно выступив своеобразным научным консультантом Н. И. Гнедича при переводе

* Опубликовано: Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX вв.: Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 17–29.

¹ См. об этом: Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина. Л., 1983; Голубева О. Д. А. Н. Оленин. СПб., 1997; см. также литературу, указанную в последующих примечаниях.

«Илиады» Гомера)², А. Н. Оленин, как оказывается, не остался в стороне и от византиноведческих штудий — факт жизни Оленина, практически неизвестный как его биографам, так и всем исследователям прославленной «петербургской школы византиноведения»³.

Да и мог ли не интересоваться Византией такой человек, как А. Н. Оленин, когда в его время в научных кругах Петербурга возникла подлинная эйфория в связи с первоизданием в Париже — по поручению и на средства русского канцлера графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826) — «Истории» одного из крупнейших византийских писателей X в. Льва Диакона, ценнейшего источника по истории не только Византийской империи, но и Болгарии и Древней Руси, содержащего, в частности, уникальные сведения о балканских войнах киевского великого князя Святослава Игоревича в 968–971 гг. и о нем самом⁴. Именно А. Н. Оленину доверил Н. П. Румянцев связаться с парижским эллинистом (немцем по происхождению) Карлом Бенедиктом Газе (1780–1864), открывшим рукопись с текстом сочинения Льва Диакона, на предмет того, чтобы «приобрести за деньги простую копию греческого текста с правом напечатать ее здесь (т. е. в Петербурге. — *И. М.*) в сопровождении русского перевода»⁵, что А. Н. Оленин и постарался сделать как при посредстве академика Филиппа Ивановича Круга, так и через своего двоюродного брата князя Сергея Григорьевича Волконского (будущего декабриста), находившегося в 1813–1814 гг. во Франции в рядах русского оккупационного корпуса⁶. Когда же Газе отказался передать права на издание Петербургу и было условлено, что издание

² Подробнее об этом см.: *Тункина И. В.* Оленин и древности Южной России // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки. СПб., 1995. С. 18–28; *Она же.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002 (см. Именной указатель: Оленин А. Н.); *Жабрева А. Э.* «Страстный любитель точности в костюмах»: Штрихи к творческому портрету А. Н. Оленина // Российская Национальная библиотека и отечественная художественная культура: Сб. статей и публикаций. Вып. 2. СПб., 2002. С. 127–151.

³ В частности, имя А. Н. Оленина «блестяще» отсутствует и в замечательном во всех прочих отношениях очерке нашего дорогого юбиляра. См.: *Цамутали А. Н.* Петербургская школа византиноведения // ВИД. Т. XXIII. 1991. С. 5–19.

⁴ Подробно об этом см.: *Медведев И. П.* Новые данные по истории первого издания Льва Диакона // ВВ. Т. 61 (86). 2002. С. 5–23.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 10.

будет осуществляться в Париже на русские деньги (труд вышел в свет в 1819 г.), то А. Н. Оленин (по согласованию с Н. П. Румянцевым) высказал идею об осуществлении в Петербурге русского перевода византийского историка как неотъемлемой части французско-русского научного проекта по первому изданию «Истории» Льва Диакона и предложил кандидатуру переводчика — петербургского филолога-эллиниста и сотрудника Публичной библиотеки Дмитрия Прокопьевича Попова (перевод, начавшийся до выхода в свет парижского оригинала по корректурным листам, появился уже в 1820 г., причем финансирование также осуществлялось за счет средств Н. П. Румянцева)⁷.

О том, что А. Н. Оленин проявлял жгучий интерес к осуществлявшемуся изданию памятника (очень возможно, что он испытывал некоторую ревность к Н. П. Румянцеву, несомненно игравшему первую скрипку в этом деле, и в какой-то момент сделал даже попытку перехватить инициативу), говорит тот факт, что он, не дожидаясь выхода в свет оригинала и его перевода на русский язык и пользуясь предварительной публикацией «русских» фрагментов из него⁸, решил первым «снять сливки» хотя бы с того, что касалось «облика или портрета» самого Святослава, и опубликовал еще в 1814 г. весьма скромную и, я бы даже сказал, «затрапезную» брошюрку в 14 страничек⁹.

Сей любопытный отрывок, относящийся к древней российской истории, был уже напечатан в II номере «Сына Отечества» на 1814 год, — пишет в ней А. Н. Оленин. — Но как перевод с греческого был слишком скоро сделан и в нем замечены некоторые недостатки против буквального смысла подлинника, то ныне, пересмотрев оный с помощью любителей словесности, знающих греческий язык¹⁰,

⁷ Подробно об этом см.: Медведев И. П. К истории создания первого русского перевода Льва Диакона // *Аντίδορον*: К 75-летию акад. РАН Г. Г. Литаврина. СПб., 2003. С. 86–98.

⁸ Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Impériale et autres bibliothèques. T. VIII. 1810. P. 254–296.

⁹ Оленин А. Н. Облик или портрет великого князя Святослава Игоревича, писанный современником его, византийским историком Львом Дьяконом, по словам очевидца. СПб.: Тип. Ф. Дрехслера, 1814. 14 с.

¹⁰ О знании греческого языка самим А. Н. Олениным см. в настоящем сборнике, с. 30, примеч. 16 в статье «“История” Льва Диакона как один из источников “Истории государства Российского” Н. М. Карамзина (уточнения к комментарию)».

а именно: г. г. Грефе и Уварова¹¹, я спешу вновь издать сей отрывок в особых от журнала листках¹².

Драгоценный отрывок византийских деесписаний Льва Дьякона Калознского с 959 по 975 год от Р. Хр., — *продолжает Оленин в «Предуведомлении» к брошюре*, — находится еще рукописным в Парижской публичной библиотеке. Г. Газе, служащий при оной и занимающийся описанием находящихся в сей библиотеке манускриптов, намеревался издать в свет «Историю», писанную Львом Дьяконом, и, поправя текст, готовился приступить к напечатанию оного с латинским переводом, но, к сожалению, другие занятия отвлекли его от сего полезного для русской (*sic!*) истории намерения¹³. А потому г. Газе довольствовался ныне изданием краткого только известия о сочинении Льва Дьякона, с приложением к оному VI книги его «Истории»¹⁴. Из сего известия выписан для любопытствующих прилагаемый при сем на греческом языке облик или портрет великого князя Святослава Игоревича с буквальным, так сказать, переводом оного на русской (*sic!*) язык и с некоторыми к тому примечаниями¹⁵.

Разумеется, выход в свет «русского Льва Диакона»¹⁶ был встречен А. Н. Олениным с подлинным энтузиазмом, как раз и явившись

¹¹ Имеются в виду: Федор Богданович (Христиан Фридрих) Грефе (1780–1851), профессор Петербургского университета по кафедре греческой словесности, будущий академик; его ученик граф Сергей Семенович Уваров (1786–1855), будущий президент Академии наук.

¹² Оленин А. Н. Облик или портрет... С. 1.

¹³ Внизу страницы к этому месту А. Н. Оленин делает следующее примечание: «Его Сиятельство Государственный Канцлер граф Николай Петрович Румянцов (*sic!*), ревностно усердствуя успехам отечественной напей истории, выписывает из Парижа на свое иждивение точную копию с сей рукописи, дабы оную здесь издать в свет с верным руским (*sic!*) переводом. Ответа из Парижа еще не получено». Следует отметить, что главной причиной невозможности для Газе издать труд Льва Диакона были не его «занятия», а отсутствие у него средств.

¹⁴ Внизу следует примечание Оленина: «В скором времени сия VI книга будет напечатана на греческом языке с буквальными переводами, латинским и руским (*sic!*), и некоторыми примечаниями».

¹⁵ Оленин А. Н. Облик или портрет... С. 2–3.

¹⁶ История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей, изданные в первый раз с рукописей Королевский Парижской библиотеки и объясненные примечаниями Карлом Бенедиктом Газе... переведенные

своеобразным катализатором его византиноведческих штудий¹⁷. Получив в подарок от своего «протезе» (переводчика Льва Диакона

с греческого на русский язык Д. Поповым. В Санкт-Петербурге, печатано при Императорской Академии наук, 1820.

¹⁷ Было бы интересно узнать, обсуждалось ли это событие на «приютинских посиделках», как это было принято. Прямых данных об этом как будто не сохранилось, но, может быть, сохранились хотя бы косвенные? Сообщая, например, о посещении этих «посиделок» Пушкиным, археолог А. А. Формозов замечает, что при написании поэмы «Руслан и Людмила» и других своих стихов поэт, по-видимому, получил квалифицированную помощь от Оленина в ознакомлении со старинным русским оружием и его правильными наименованиями. Если такие названия вооружения, полагает исследователь, как щит, меч, шлем — это «обычные слова из поэтического лексикона, то уже пикап, броню, бердыш мог упомянуть лишь человек, несколько знакомый со средневековым доспехом и оружием» (Формозов А. А. Пушкин и древности: Наблюдения археолога. [2-е изд.] М., 2000. С. 21). Но ведь именно о «пишпаке» пишет А. Н. Оленин в недавно мною обнаруженном и опубликованном письме к Д. И. Языкову от 9 января 1837 г. (см.: Медведев И. П. К истории создания первого русского перевода Льва Диакона. С. 97), указывая, правда, что это «русское речение» встречается в сочинении Константина Порфиrogenета «о чиноположении двора византийского» (т. е. в *De cerimoniis*), а не у Льва Диакона. Но вот описание Пушкиным в конце поэмы нашествия на Киев печенегов, мне кажется, весьма напоминает по своей стилистике описание Львом Диаконом многочисленных схваток ромеев (Д. П. Попов предпочитает переводить: «Римлян») с тавроскифами (упоминаются, впрочем, и печенеги, устроившие засаду войску Святослава и убившие его, см. гл. 9, § 12), да и сам мотив появления «чудесного воина на коне» (= воскресшего Руслана), который, «как божий гром», «грозою несется, колет, рубит, в ревущий рог, летая, трубит», тоже встречается у Льва Диакона, например в гл. 9, § 9, где перед «россами», терпящими поражение от ромеев-римлян, появляется «некий воин на белом коне», который, обратившись к войску и побуждая его «идти на врагов, чудесным образом рассекал и расстраивал их ряды». Наконец, эта сакраментальная финальная пушкинская фраза из «Бориса Годунова»: «Народ безмолвствует». Что это, находка гения или калька текста из гл. 6, § 4 Льва Диакона, где эта фраза также появляется, причем в совершенно аналогичном контексте: наблюдая «возню» вокруг константинопольского престола, сопровождавшуюся после убийства императора Никифора Фоки Иоанном Цимисхием мятежами и беспорядками, «народ, — говорит Лев Диакон (в переводе Д. П. Попова), — не понимаю каким образом, сохранял совершенный порядок и глубокое молчание»? Впрочем, не удивлюсь, если всё это лишь плод моего воображения.

на русский язык) Д. П. Попова экземпляр его труда¹⁸, А. Н. Оленин пишет ему в ответ весьма развернутое и содержательное письмо (цитируется по черновику):

Экземпляр перевода Вашего Истории Льва Диакона, которым Вы меня почтили, доставил мне много удовольствия. Вы порадовали меня книгою, которую давно желательно было видеть на русском языке, и вместе с тем Вы подали мне новый способ заняться самым приятнейшим для меня делом, а именно: археологическими исследованиями и в особенности о древней России (добавлю: и о Византии. — *И. М.*). Наконец, она же открыла мне средство употребить в пользу давно мною заготовленное приложение к собранию разных сведений о великом князе Святославе Игоревиче. Побужденный Вашим трудом, я решился приложить к нему и собственный мой труд, сколько мне позволит малый досуг и весьма слабое мое знание греческого языка. Работу мою расположил я под названием «Примечания на некоторые места в истории Льва Диакона». К ним я старался присоединить ясные доказательства моим заключениям посредством выписок и ссылок на других писателей, а более еще того, верными изображениями памятников искусства тех самых времен, относящихся к предметам моих примечаний; для этого я рассудил поместить, между сими последними, приготовленные мною еще в 1813 году три гравированные доски. На них изображен Святослав по описанию Льва Диакона и найденный в днепровских порогах (уповательно в том месте, где Святослав был убит печенегам) церковный старинный греческий сосуд, наполненный монетами императора Никифора Фоки и Иоанна Цимиския, с изложенным древним медным ключом. Памятники, современные Святославу, изображены на тех досках с самою тщательною точностью <...>¹⁹.

Действительно, в личном архиве А. Н. Оленина до сих пор хранится рукопись указанной в письме работы, причем даже в двух вариантах — в первоначальном, с заглавием «Археологические и технические примечания к “Истории” Льва Диакона»²⁰, и в переработанном

¹⁸ Хранится в архиве Олениных: ОР РНБ. Ф. 542. Д. 66. Судя по тому, что среди бумаг Оленина встречаются отрывки рукописи перевода Д. П. Попова (Там же. Д. 65), последний снабжал своего патрона материалами уже по ходу работы над переводом.

¹⁹ Там же. Д. 24. Л. 28–39.

²⁰ Там же. Д. 25. Л. 23–115.

и дополненном (автограф А. Н. Оленина), датируемом 1821 г., с заглавием «Примечания к “Истории” Льва Диакона, перебеленные и исправленные»²¹. И хотя этот неопубликованный труд (его, вопреки скромному названию «Примечания» и исходя из содержания, следовало бы озаглавить «“История” Льва Диакона как исторический источник») остался незавершенным (как по количеству указанных в предисловии сюжетов, подлежащих рассмотрению, так и по лишь частичному оформлению сносок, обозначенных автором звездочками по всему тексту, да и вообще по недоведении до «кондиции» всего текста), он по своему содержанию несомненно заслуживает того, чтобы его изучить и оценить, а, может быть, в будущем и опубликовать²².

Изложив во «Вступлении» все уже известные нам обстоятельства появления парижского издания Льва Диакона и его петербургского перевода на русский язык, Оленин формулирует свою задачу в следующих выражениях²³:

Перечитывая полезный труд г-на Попова (т. е. его перевод — *И. М.*), изданный по недостатку времени без всяких замечаний, я просматривал притом и самый подлинник²⁴. При сей

²¹ ОР РНБ. Ф. 542. Д. 29 (141 л.). В личном архиве А. Н. Оленина также хранится составленный им (на карточках) предметный указатель к греческому подлиннику и к русскому переводу Льва Диакона (Там же. Д. 30. Л. 1–65; на архивной обложке дела неверно указано, что это указатель только к русскому переводу).

²² Мне немного совестно, что в статье «К истории создания первого русского перевода Льва Диакона» я назвал автора этого труда «высокопоставленным “ученым дилетантом”», оговорившись, со ссылкой на О. Д. Голубеву, что А. Н. Оленина часто обвиняли в научном верхоглядстве (с. 95). Более внимательное ознакомление с текстом труда убедило меня в том, что мы имеем дело с вполне профессиональным серьезным исследованием, хотя и незавершенным.

²³ Вычеркивания автора, которых немало, в этой и дальнейших поправках, как правило, не отмечаются. Номера листов указываются в тексте статьи.

²⁴ Здесь уместно привести полные выходные данные парижского издания: Leonis Diaconi Caloënsis Historia, scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes... E Bibliotheca Regia nunc primum in lucem edidit, versione Latina et notis illustravit C. В. Hase. Parisiis, 1819. Интересно было бы узнать, каким образом заполучил Оленин экземпляр парижского издания. В списке лиц и учреждений, которым полагался экземпляр из присланных 50 (по поручению Н. П. Румянцева составлен акад. Ф. И. Кругом), А. Н. Оленин не фигурирует (упомянут Д. П. Попов). См.: *Медведев И. П.* Новые данные по истории первого издания Льва Диакона. С. 22. Правда, в письме к Румянцеву от 23 мая 1820 г. Газе

поверке мне показалось, что многие места во Льве Диаконе достойны прилежного исследования; что сравнение сличенного им с тем, что о таковых предметах говорено в других византийских сочинениях, а равным образом и в некоторых восточных и европейских писателях, откроет новые и верные доводы по части археологии и техники тех времен. Но в особенности я желал исследовать некоторые установления, обычаи или обряды византийских греков, чтоб сравнить их с таковыми же бывшими тогда в употреблении у славянороссов, о коих Лев Диакон отчасти упоминает. Я полагал, что сие исследование может послужить к лучшему познанию степени просвещения и образованности современных тогда греков и русских, а следственно, покажет и причины преимущества первых над последними: в войне — искусством и урядством в ратном деле, а в мире — познаниями и просвещением, оставшимися у византийцев от древних еще греков. На сем основании я поспешил положить на бумагу некоторые примечания мои по сим предметам и решился представить оные ученому свету в том самом виде, в каком недостаток мой во многих нужных к тому познаниях и недосуг по службе позволили мне оные изложить. Повод к столь смелой с моей стороны решимости основан на искреннем желании возбудить истинно ученых людей к дальнейшим основательнейшим изысканиям. <...> Примечания мои будут касаться до следующих предметов: 1) о морской византийской силе; 2) о морской русской силе; 3) о греческом огне; 4) о сухопутном византийском войске; 5) о сухопутном русском войске; 6) о некоторых византийских обычаях; 7) о некоторых особенных греческих выражениях; 8) о некоторых русских обычаях; 9) о великом князе Святославе Игоревиче; 10) о смерти Игоревой; 11) о миссиях, или болгарях; 12) о некоторых обычаях у агарян, или аравитян; 13) о некоторых обычаях пацинаков, или печенегов; 14) о императоре Иоанне Цимискии; 15) о местоположении Переяславля Задунайского. Вот все, что мне, собственно, показалось любопытнейшего к исследованию во Льве Диаконе. Определяя здесь число сих предметов, я, однако ж, не обязуюсь выполнять весь круг предположенной мною работы, но буду писать по сему порядку, сколько мои способы и свободное время мне то позволят (л. 1–8 об.).

Так, в сущности, и получилось. Лишь три первых пункта начертанной Олениным программы достаточно основательно освещены в его

обещал прислать еще 50 (*Медведев И. П.* Новые данные по истории первого издания Льва Диакона. С. 21), но прислал ли и, если прислал, как они были распределены, сведений мы не имеем.

труде, до остальных пунктов, видимо, так и «не дошли руки». Тщательному рассмотрению подвергнуты данные Льва Диакона о типах военных судов византийцев, особенно «огненосных» судов, их устройство, оснащение, функционирование, наименования (триеры, дромоны, катергоны, «левмы» — лодьи, «акатии» — челноки и т. д.), причем всё это в сопоставлении с данными такого крупного и, пожалуй, главного памятника византийской «полюмологии», как «Тактика» Льва VI Мудрого (используется Олениным в первом издании Меурсия, 1612 г.); приняты во внимание и другие византийские источники, в частности «ненапечатанный еще Георгий Амартол»²⁵, Константин Багрянородный, Иоанн Зонара (в парижском издании Дюканжа), хроника Феофана (цитируется по сочинению Дюканжа «Histoire de St. Louis» [Paris, 1668]), хроника Константина Манасси (в венецианском издании 1729 г.) и т. д.

Византийский флот, — *пишет А. Н. Оленин*, — тогда (т. е. в X в. — *И. М.*) был составлен, как и в наши времена составляется морская сила, а именно: из больших и малых военных гребных судов, олькадами, дромонами, галеями и монериями называемых, вроде нынешних наших галер. Первые из сих судов были вооружены орудиями для бросания греческого огня. Сверх того, для снарядов и тяжестей были также большие грузовые суда, как то: те же олькады, да еще фортиги, иппагоги и порфми (перевозные) <...> Наконец, византийские флоты имели легкие боевые лодки (*следует вычеркнутое*: И тяжелые транспортные или грузовые суда), между коими находились род нынешних «брандеров» или зажигательных судов, известных византийцам под именем каккаβοτορφόρος. Из всего здесь сказанного можно заключить, какое превосходство сей флот долженствовал иметь над нашею морскою тогда силою, хотя и составленною из великого числа судов, но все вообще самого малого рода, а именно: из «однокряжных» лодок (*вместо вычеркнутого*: однодревных челнов), которые по сей самой причине греками и назывались μονόξυλοι («однодревки» или «однокряжки») (л. 25 об. — 26 об.).

²⁵ Отметив, что «подлинный греческий текст в первый еще раз печатается ныне в Париже трудами почтенного г-на Газе, при ревностном пособии государственного канцлера графа Румянцева» (л. 17 об.), А. Н. Оленин использует для своих целей два списка славяно-русского перевода хроники, сообщая о них ценные сведения. См. об этом теперь: *Медведев И. П.* Неизвестный эпизод из ранней истории изучения славяно-русской версии Хроники Георгия Амартола // ТОДРЛ. Т. LIX. 2008. С. 376–381.

Уделив особое внимание устройству дромонов, количеству «ярусов» (палуб), расположению скамей (понятие «банки» чуждо Оленину) и гребцов на них, а также «ратников», кормчих и т. д., автор констатирует, что у Льва Диакона «никаких подробностей по сим предметам не имеется» (л. 26 об.), и полностью сосредоточивается на данных «Тактики» Льва Мудрого; им переведены и прокомментированы несколько пространных параграфов XIX главы памятника, которые, по мнению Оленина, «буквально, сколько можно, переведенные с греческого подлинника, так ясно определяют расположение ярусов, в которых были помещены гребцы в два ряда от воды, один над другим, что никакого дальнейшего объяснения не требуют» (л. 29–29 об.). То же самое наблюдается в следующем разделе, который озаглавлен «О способах к нападению и к защите, и о морских движениях или эволюциях» (л. 31 об.), т. е. о морских маневрах и о боевом порядке судов при нападении на неприятеля и при защитных действиях.

Демонстрируя весьма утонченную интерпретацию греческого источника, Оленин в одном месте убедительно исправляет латинский перевод Меурсия²⁶ («Я это для того только здесь упоминаю, — смущенно оправдывается он, — чтоб читателей склонить на большее снисхождение к собственным нашим ошибкам. Если столь великие филологи так сильно погрешают, то нам, мало знающим, и грубейшие ошибки простительны»); в другом месте сведения Льва Мудрого о наступлении кораблей «прямо фрунтом» он сравнивает с «искусной и смелой маневрой» Лукуллова кормщика Дамагораса из Плутарха, ссылаясь на устную подсказку «нынешнего нашего генерального консула в Смирне г-на Дестуниса, занимавшегося тогда переводом Плутарха на русский язык»²⁷, но присовокупляя при этом свой собственный

²⁶ Речь идет о § 52 гл. XIX «Тактики» Льва Мудрого, где говорится о «маленьких стрелах, называемых мухами» (σαγίττας μικρὰς τὰς λεγόμενας μυίας). Переведа это фразой «*Quas sagittas musculos vocant*», Меурсий тем самым превратил мух в мышей. «В сем переводе, — уточняет Оленин, — нельзя предположить и опечатки, т. е. *musculos* = мышонками вместо *musculas* = мушками, ибо в греческом тексте речение “муха” = μυῖα просто написано в положительном множественном числе τὰς μυίας, а не в уменьшительном от μυῖδιον — τὰ μυῖδια, и потому следовало сказать: *quas muscas vocant*» (л. 34).

²⁷ Имеется в виду, конечно, Спиридон Юрьевич Дестунис (1782–1848), о котором см.: Белоброва О. А. С. Ю. и Г. С. Дестунисы: рукописное наследие // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 22–33.

«буквальный» перевод²⁸ соответствующего фрагмента (гл. III) из жизнеописания Лукулла (л. 38 об. – 40)²⁹.

Переходя к вопросу о «морской русской силе в IX–XI вв.», А. Н. Оленин сразу же констатирует, что «предки наши, несмотря на все опасности пускаться в море, просто сказать, на больших корытах или челнах, неоднократно приходили на них под самые стены Царя града и заставляли трепетать разнеженных византийцев, несмотря на благоустроенные их сухопутные и морские силы и на страшный их тогда греческий огонь» (л. 43 об.). В качестве источников по этой теме в работе используются, помимо Льва Диакона, «Нестерова летопись» (т. е. «Повесть временных лет» по списку Императорской Публичной библиотеки конца XV в., приобретенному от П. К. Фролова) и «славяно-русский» Георгий Амартол. По-видимому, у Оленина еще не сложилось представления о Георгии Амартоле как основном первоисточнике «нашего преподобного Нестора», хотя от А. И. Ермолаева ему известна знаковая фраза Нестора «глаголет Георгий в летописании», в связи с чем А. Н. Оленин замечает: «Пытливый в сем случае дух г-на Ермолаева был совершенно оправдан, ибо он в сей рукописи нашел то же самое место, которое после означенных слов Нестор из сочинения сего Георгия выписывает», после чего следует вычеркнутое: «Таким образом, убедившись в сем предположении, оставалось узнать, к какому из византийских писателей, именуемых Георгиями, сей хронограф мог принадлежать: звание и эпитет, им принятый, скоро его открыли» (л. 16 об. – 17). Далее цитируются византийский историк XI в. Георгий Кедрин (как по парижскому изданию 1647 г., так и по венецианскому 1729 г.), Иоанн Зонара, Лиутпранд (по Карамзину), Никоновская летопись, «Слово о полку Игореве», Русская Правда и т. д., но, пожалуй, основное внимание уделено знаменитому пассажиру из 9-й главы «*De administrando imperio*» Константина Порфирогенета (в издании Меурсия 1611 г.) о «росах», прибывавших на своих моносилах из «внешней России» в Константинополь (т. е. по «пути из варяг в греки») (л. 46 об. – 52).

²⁸ Использовано женеvское издание 1642 г.

²⁹ Текст перевода переписан почему-то даже дважды, причем с рисунками пером «сходки» двух кораблей и схемы их движений (л. 38 об. – 40 об.). Мне было любопытно сравнить перевод Оленина и ныне находящийся в «обиходе» перевод С. С. Аверинцева (см.: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*. Т. II. М., 1963. С. 175). Различия скорее в стиле, а не в содержании. Правда, аверинцевское «таранить корабль» Оленин предпочитает переводить словами «направить к удару», «окованный медью нос» — «медным бодилом», и т. д.

Русские того времени, — пишет А. Н. Оленин, — те именно, которые в договорах своих с греками сами себя называют «Мы от рода рускаго» или «варязи, русь», как именует их Нестор, составляли тогда особой совсем народ от новгородцев и других славян, прозванных потом уже русскими. Но сей народ, собственно, принадлежал готфским или скандинавским племенам, известным под общим именем «варягов». Сие доказывается именами их князей и вельмож, сохранившихся в договорах Олега и Игоря с греками, разностью между русских и славянских имян (*sic!*), данных порогам днепровским, по словам Константина Порфирогенета³⁰, некоторыми их жестокими обычаями и повернем, упоминаемыми Львом Диаконом и арабским писателем Якутом, по словам современника Игорю и Святославу аравитянина Ибна Фоплана³¹. Сии-то русские варяги (!) по старой привычке разъезжать по Балтийскому или Варяжскому морю и другим северным, западным и даже средиземным морям под именем норманов, спускались по Днепру в Черное море для торговли и для войны с византийцами. Равным образом, ходили они и по Волге и даже в Каспийское море с тем же намерением к живущим там народам (л. 51–52).

Следует отметить, что идентификация и интерпретация Олениным топонимов русских городов, если не ошибаюсь, вполне соответствуют данным новейшей историографии. А дальше — снова возврат

³⁰ Подробно излагая описание Константином Багрянородным днепровских порогов, Оленин интенсивно пользуется и известным трудом акад. А. Х. Лерберга («...к великому для древности и истории российской сожалению, покойного», — замечает он, л. 49). Лерберг умер 24 июля 1813 г.

³¹ Анализируя этот источник, Оленин сообщает любопытные сведения о его изучении другими исследователями. «Член С.-Петербургской Императорской Академии наук г-н академик Френ (*Ch. M. Frähn*, 1782–1851. — *И. М.*), — говорит он, — первый, который сие любопытнейшее для нас место отыскал. В оном упоминается о некоторых обычаях рускаго (*sic!*) племени, как они были в X веке, по описанию очевидца. Г-н Френ издает сию выписку с подробностями к тому замечаниями. Честь и слава ученому, который свои знания и примернейший труд употребляет на приобретение новых и полезных сведений» (л. 51 об.). И в другом месте: «Отрывок сего писателя о русских времен Игоря, найденный досужим и неутомимым г-м академиком Френом в географическом сочинении Якута, арабского писателя XIII в., издается ныне г-м Френом с переводом на немецкий язык и с большим количеством любопытных к тому примечаний. Знаменитый Н. М. Карамзин получил от г-на Френа список с первого его перевода сей статьи и воспользовался оною во втором издании “Истории Российского государства”» (л. 69).

к «настоящему нашему предмету — к русским водоходным судам» (л. 58), к кораблям, скедиям, лодьям, «ключам» и «уключинам», к двум сменам гребцов (одни гребут, другие отдыхают) и т. д.

Соображая, — *говорит он*, — все сии места в греческих, русских и восточных писателях, можно несомненно заключить, что русские в IX, X и XI веке других водоходных судов не имели, кроме однокражных (*вместо вычеркнутого*: однодревных) больших лодок, в то время как лодьями и кораблями именуемых или, лучше сказать, огромных челн (*sic!*) с набитыми по краям бортами. Сии челны ныне в Малороссии дубами называются, а в великой России и в Сибири насадами, набойницами или набойными лодками (л. 60 об.).

На этих-то

...простых открытых челнах, — *еще раз констатирует он*, — (наши предки. — *И. М.*) нетрепетно вступали в бой с огромными византийскими дромонами, вооруженными страшным греческим огнем. Так точно, как в новейшие времена флибустьеры на лодках своих сражались и одолевали большими кораблями (*sic!*). Равным образом, в XVII и XVIII столетиях потомки, может быть, тех же самых славяно-россов, под именем запорожцев (*sic!*), часто ходили на таких же точно утлых челнах, «дубами» называемых, устрашать и разорять берега Черного моря! Итак, «что было, тожде есть еже будет <...> и ничтоже ново под солнцем» (л. 63 об. – 64).

Отметив, что русские «ходили по морю не токмо на гребле, но и на парусах» (собран интересный материал, см. л. 64 об.), А. Н. Оленин в то же время самым решительным образом отверг представление о том, что русским мог быть известен состав греческого огня (более того, что они им пользовались), впервые неопровержимо доказав, что такое представление основывалось на ошибке в латинском переводе Карлом Бенедиктом Газе соответствующего пассажа из кн. VI, § 10 «Истории» Льва Диякона³².

³² У меня, правда, сразу же возникает подозрение: ошибка ли это Газе, а не очередная попытка ввести в заблуждение «господ петрополитанцев», еще раз подыграть, так сказать, их национально-патриотическим чувствам? Как-то не верится, что столь выдающийся ученый-филолог мог допустить столь «знаковую» ошибку. О его непростых отношениях со своим «спонсором» и «работодателем», каким был для него граф Н. П. Румянцев, см.: *Медведев И. П.* К вопросу о неподлинности так называемой «Записки готского топарха» // Мир

Просматривая прилежно сие прекрасное издание, — пишет Оленин, — которое столь много чести делает знаниям и трудам издателя и тому русскому вельможе, который столь деятельно способствовал к скорейшему исполнению похвального и полезного предприятия г-на Газе; просматривая, говорю я, сию любопытную книгу для истории русской (*sic!*), я нечаянно нашел в приложенном к ней «Указателе предметов, имен и речений в Истории Льва Диакона» под словом πυρφόροι τριῆρες сказано: Πυρφόροι *naves in classe Russorum 65 B* («огненосные суда во флоте русских», *смотр. 65 стр. В подлинника*), а под словом *Russi* то же самое упомянуто сими словами: *in Russorum classe naves igniferae 65 B* («во флоте русских суда огненосные», *смотр. там же, стр. 65 В*). По сему указанию я тотчас отыскал надлежащее место в подлиннике, которое, впрочем, меня и прежде уже заставило искать объяснения оному в приложенных г-м Газе общих филологических и исторических замечаниях к «Истории» Льва Диакона и других при том изданных им византийцев (*sic!*). Но в сих замечаниях я ничего не мог найти касательно того речения, которого перевод на латинский язык дал повод к заключению, что русские имели огненосные суда в своих лодейных флотах, так точно, как у греков тогдашнего времени, — обстоятельство, которое бы, конечно, было новое и важнейшее для нашей истории! Сие самое побудило меня обратить прилежнейшее внимание на то место в самом подлиннике Льва Диакона, которое в латинском переводе открывало нам вовсе не известное доселе обстоятельство (л. 69 об. — 71).

Опуская здесь следующее затем целое исследование Олениным указанного выше отрывка из «Истории» Льва Диакона (см. л. 71 об. — 82 об.)³³, отмечу лишь приведенное им в качестве доказательства его тезиса о неупотреблении русскими греческого огня

Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения. СПб., 2003. С. 160–172. Газе, впрочем, весьма рисковал здесь своей научной репутацией, и мне непонятно, как могли не обратить внимания на эту ошибку его переводчик Д. П. Попов и позднейшие исследователи (включая В. Г. Васильевского и Н. М. Панайотакиса). В новейшем русском переводе Льва Диакона ошибка Газе исправлена, естественно, без учета того, что это было сделано уже А. Н. Олениным в 1821 г. См.: *Лев Диакон. История* / Под ред. Г. Г. Литаврина. М., 1988. С. 57, 200 (примеч. 70).

³³ Думаю, что по крайней мере данный раздел труда А. Н. Оленина заслуживает опубликования.

положение о том, что все относящееся к проблеме греческого огня составляло у византийцев предмет государственной тайны.

Приготовление и употребление оногo, — пишет А. Н. Оленин, — сохранялось в величайшей у них тайне, под опасением смертной и даже душевной казни, как то явствует из следующего официального, можно назвать, предписания Константина Порфирогенета, современника великого князя Святослава Игоревича. Сей император в наставлениях сыну своему о управлении империею, в XII главе (в новейшем издании — в XIII главе. — И. М.) сего сочинения («О соседствующих с турками народах»), исчисляя предметы, в которых должно им отказывать, если б они что-либо у оных стали себе просить, говорит, между прочим, следующее...

и далее идет собственный перевод Олениным данного знаменитого отрывка из XIII главы «*De administrando imperio*» Константина Багрянородного — перевод, вполне профессиональный и лишь своей ярко выраженной стилистикой отличающийся от новейшего перевода памятника на русский язык (л. 76 об. — 79 об.)³⁴.

Наконец, последний и весьма внушительный раздел из того, что Оленину удалось оформить в своем труде, целиком посвящен разгадке самого этого явления — «греческого огня»³⁵. Увлеченность, с которой он пытается разобраться в сложном и противоречивом материале византийских, арабских, русских и старофранцузских источников, станет понятной, если вспомнить, что сам А. Н. Оленин был выпускником Дрезденского артиллерийского училища и носил звание капитана от артиллерии. В сущности, именно позиция артиллериста здесь оказалась, по-видимому, определяющей: ведь для Оленина «греческий огонь» — не что иное, как огонь артиллерии, с использованием пороха, пушек с медными стволами — сифонами, ядрами

³⁴ Ср.: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 55–59.

³⁵ До сих пор точный состав и механизм выталкивания огня остаются невыясненными. Некоторые авторы предпочитают видеть в нем взрывчатую смесь, воспламеняющуюся от селитры, наиболее вероятным ингредиентом которой была сырая нефть, добывавшаяся на восточном побережье Азовского моря, в Тмутаракани, Зихии или же в скважинах Восточной Армении и смешанная со смолой и серой; будучи разогретой, эта смесь выталкивалась насосом (сифоном) через бронзовую трубу (стептон); жидкость поджигалась, скорее всего, уже по выходе ее из трубы. См.: *McGeer E. Greek Fire // ODB. Vol. 2. P. 873* (с указанием литературы).

и т. д. Об этом говорят, по его мнению, наподобие «ономатопеи», те слова источников, которые «созвучны самому действию» (стук, гром, взрывы, будившие, по словам Жуанвиля, по ночам Людовика Святого, находившегося на достаточном расстоянии от поля боя крестоносцев с сарацинами; пламя, «яко молния», по Нестору; глагол «пущать» того же Нестора, обозначающий, по мнению Оленина, действие пушки; и т. д.). Серьезным препятствием к такому толкованию было, конечно, одно из определений греческого огня как «жидкого» (ὑγρόν) или, как предпочитает переводить этот эпитет Оленин, «влажного», но он выходит из положения, предлагая (не знаю, насколько убедительно) видеть в этом определении «не свойство, а место» применения огня, т. е. морскую стихию, доказывая это отсутствием в текстах, описывающих действие огня, глаголов со значением «лить» и, напротив, употреблением глаголов со значением выбрасывания некоего сухого вещества, которое, по его мнению, обладает каким-то сходством именно с порохом (л. 85–87, 115 об., 140 об.). «Мне кажется, вспоминая старую мою артиллерийскую службу, — говорит А. Н. Оленин по поводу одного из таких случаев применения греческого огня, — что по законам баллистики и механики весьма бы трудно было произвести³⁶ другим каким-либо орудием, кроме некоторого рода мартиры (*sic!*)» (л. 122)³⁷.

Во всяком случае, А. Н. Оленин считает (и здесь мы имеем все основания прислушаться к нему), что ничего чудесного в греческом огне, вопреки некоторым средневековым авторам, не было.

Как лучшие византийские деесписатели, — *говорит он*, — так и русские летописцы, а равно и очевидные свидетели действия греческого огня и даже действующие притом лица (*sic!*), как то Сир де Жуенвиль, ни слова не говорят о каких-либо чудесных свойствах сего составного огня, кроме того, что, по словам Льва

³⁶ Имеется в виду метание греческого огня.

³⁷ Разумеется, идея о том, что «греческий огонь» — это не что иное, как огонь артиллерии с использованием пороха и пушек, не могла не прийти на ум и историкам новейшего времени. Ее, например, отстаивали такие специалисты в истории артиллерии, как немецкий исследователь Г. Дильс (*Diels H. Antike Technik. Leipzig; Berlin, 1914*), грек К. Зенгелис (*Zenghelis C. Le feu grégeois et les armes à feu des Byzantins // Byzantion. T. VII. 1932. P. 265–286*) и др. И хотя у них есть немало оппонентов (см., например: *Κορρές Θ. Ο προβληματισμός γύρω από το υγρό πυρ των Βυζαντινών // Βυζαντιακά. Τ. 3. 1983. Σ. 123–134*), нам важно отметить, что они имели и неизвестного им русского предшественника — А. Н. Оленина.

Диакона, он мог даже и камни превращать в пепел. Напротив сего, некоторые европейские писатели много об нем чудес рассказывают и главнейше, что был не угасаем простыми средствами (л. 123).

Греческий огонь, — *заключает Оленин*, — по-видимому, когда об нем писали без преувеличения, жег то, что и простой огонь может сжигать; если же он железо и камень превращал в пепел, то и на это можно согласиться, ибо строение каменное, на котором стропилы, потолки, полы и рамы деревянные, и оконные и даже лестницы будут деревянные, при дружном и сильном пожаре превращаются в пепел, ибо камни пережигаются в известку или в дресву. Я сам был здесь очевидцем, когда горели на Васильевском острове каменные лавки Андреевского рынка, что листы железной ее крышки от чрезвычайного пыла текли, как растопленный чугун. Хотя, впрочем, причиною сего пожара был простой, а не греческий огонь. Итак, я заключаю, — *говорит А. Н. Оленин*, — что все невероятные рассказы о сем составном огне произошли, по русской пословице, от того только, что «у страха глаза велики», и в самом деле, мало ли что могло чудесного показаться в сем огненном составе, если другого не было способа от него избавиться, по совету г-на Готье́ра дю Кореллия, доброго рыцаря, как только тем, что на землю лечь лежа и творить молитву (л. 131 об. — 133).

Предоставляя специалистам в области византийской «полемологии» право решать, насколько убедительными, с их точки зрения, были высказанные А. Н. Олениным взгляды, хотелось бы напоследок указать еще на один документ, в котором интересы Оленина-византиниста сформулированы достаточно отчетливо, — его письмо к Д. И. Языкову от 9 января 1837 г.³⁸ Одоблив разработанный Российской Академией во главе с ее президентом Александром Семеновичем Шишковым «византийский проект», предусматривавший перевод трудов византийских историков и хронистов на русский язык³⁹, и охотно согласившись принять в нем участие, Оленин напомнил, что «имел щастие (*sic!*) положить первый, смею сказать, опыт, предложив в 1820-м году библиотекарю Императорской Публичной библиотеки,

³⁸ Полностью письмо опубликовано в ст.: *Медведев И. П.* К истории создания первого русского перевода Льва Диакона. С. 96–98.

³⁹ Подробно об этом проекте см.: *Файнштейн М. Ш.* Из истории отечественной византистики: забытый проект Российской Академии // *Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга*. СПб., 1999. С. 521–536.

бывшему экстраординарным профессором греческого и латинского языков при С.-Петербургском университете, г. статскому советнику Попову перевести с греческого языка историю Льва Диякона Калойского» (излагаются все уже известные нам обстоятельства этого издания).

В этом виде я бы желал, — *продолжает Оленин*, — чтобы и прочие византийские писатели были переведены и напечатаны, буде можно, с греческим текстом. К сим *pia desideria* я присовокупляю еще одно, состоящее в том, чтобы знающие греческой древней (*sic!*) язык, которым важное дело перевода на русский язык византийских авторов будет поручено, изучились бы предварительно не токмо греческому византийскому наречию, чтоб ясно, сколько можно, понимать византийских писателей <...> Я здесь осмеливаюсь повторить, что без знания греческого византийского и нынешнего наречия нет возможности верно переводить сочинения византийских авторов, — мнение, к которому трудно не «присовокупить» и наше собственное.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ СЛЕД В БИОГРАФИИ ОДНОГО УЧЕНОГО ГРЕКА: АНДРЕАС ПАПАДОПУЛОС-ВРЕТОС*

Оговоримся сразу: речь у нас пойдет об известной в общих чертах, но еще совершенно не изученной биографии одной из весьма загадочных фигур в истории новой Эллады. Мне лично известна лишь одна статья знаменитого греческого историка Апостолоса Вакалопулоса, в которой он, публикуя два важных с исторической точки зрения письма некоего А. Пападопулоса о трагическом положении Эллады в период после убийства президента Иоанна Каподистрии (1831–1833 гг.), убедительно отождествляет автора с нашим «героем»¹. Известен и примерный список трудов этого ученого грека², главным из которых является двухтомный библиографический справочник «Новогреческая филология»³ — своего рода предтеча грандиозного библиографического свода его соотечественника Эмилиоса Мегалоса, прославившегося под французским именем *Émile Legrand*⁴.

Приведем всё же несколько основных фактов из биографии А. Пападопулоса-Вретоса: родился на о. Итака ок. 1800 г.; умер в 1876 г.

* Опубликовано: Второй Российско-Греческий форум гражданских обществ: История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке. Материалы конф. М., 2010. С. 222–228.

¹ Βακαλόπουλος Α. Ε. Δυο επιστολές του Α. Παπαδοπούλου για την πολιτική κατάσταση στην Ελλάδα μετά τη δολοφονία του Ιωάννη Καποδίστρια (1831–1833) // Τόμος τιμητικός Κ. Ν. Τριανταφύλλου. Τ. Α'. Πάτρα, 1990. Σ. 63–72.

² Ἐλευθερουδάκη Ἐγκυκλοπαιδικόν Λεξικόν. Τ. 3. Ἐν Αθήναις, 1928. Σ. 550.

³ Παπαδόπουλος Βρετός Α. Νεοελληνική Φιλολογία ἤτοι Κατάλογος τῶν ἐλληνιστῶν ἢ γαλλοελληνιστῶν ὑποθέτων βιβλίων ὑπὸ Ἑλλήνων ἀπὸ πτώσεως Κωνσταντινουπόλεως μέχρι τῆς ἐν Ἑλλάδι ἐγκαθιδρύσεως τῆς Βασιλείας. Μέρος Α'. Ἐν Αθήναις, 1854; Μέρος Β'. 1857.

⁴ См. об этом: Медведев И. П. Русский вклад в создание «Греческой библиографии» Эмиля Леграна // УЗ РПУ ап. Иоанна Богослова. Вып. 5. 2000. С. 205–216; ср. с. 200–216 настоящего сборника.

в Афинах; изучал медицину в Италии; обосновался на Керкире (о. Корфу), где был назначен директором Ионической библиотеки, но был вынужден оставить свой пост в 1831 г. и переехал с семьей в Навплион, где пользовался покровительством Иоанна Каподистрии, а после убийства последнего (1831 г.) продолжал оставаться доверенным лицом его младшего брата — Августина, избранного президентом временного правительства, оказавшегося в самой гуще трагических событий «периода анархии». После отставки Августина Каподистрии (1832 г.) и с прибытием приглашенного на греческий королевский трон баварского принца Оттона (январь 1833 г.) Пападопулос-Вретос покидает Грецию, чтобы обосноваться в России, и действительно проводит целый ряд лет в Петербурге, тщетно пытаясь устроиться на службу (например, в качестве врача в греческом посольстве); затем по каким-то не совсем понятным для меня причинам высылается (в 1837 г.) из России (с выделением, по приказу императора, 2500 франков для отбытия из Петербурга); уезжает сначала во Францию, а в сентябре 1839 г. возвращается в Афины, где принимает участие в заговоре так называемого филортодоксального общества, раскрытом в декабре 1839 г. (некий аноним называет его в числе активных участников общества, а сам он утверждает, что чудом избежал тюремного заключения, так как следственной комиссией было поручено арестовать всех, кто считался приверженцем покойного президента Иоанна Каподистрии)⁵.

По прошествии нескольких лет, а именно — в 1855 г., А. Пападопулос-Вретос снова оказывается в Петербурге, на сей раз, хотя и не без труда, добивается приема на русскую службу (принимается в качестве переводчика в Азиатский департамент Министерства иностранных дел), но становится жертвой интриг со стороны своих же соотечественников, живших в Петербурге (он их называет «фанариотами»), и особенно со стороны посла Греции в Петербурге Иоанна Суцоса, которому, в конце концов, удается вынудить министра иностранных дел князя А. М. Горчакова снова (и теперь уже окончательно) выслать (в феврале 1858 г.) Пападопулоса-Вретоса из России.

⁵ См. об этом: *Мисюревич О. Е.* Филортодоксальный заговор 1839 г. в Греции // УЗ РПУ ап. Иоанна Богослова. Вып. 5. 2000. С. 184. Ср. те же самые данные в ранее опубликованной монографии автора: *Мисюревич О. Е.* Становление национального государства в Греции: «русская партия» в 1837–1844 гг. М., 1997. С. 101.

Все это позднее, незадолго до своей кончины, Пападопулос-Вретос подробно опишет в своих воспоминаниях, опубликованных в 1873 г. в Париже на французском языке и под весьма красноречивым заглавием: «Один глубоко преданный России грек, ставший жертвой канцлера этой Империи князя Горчакова»⁶. «Удаленный из России без всякой вины с моей стороны, — с горечью заключает Пападопулос-Вретос свой труд, — я утешаю себя в моей беде лишь мыслью о том, что увез с собой уважение и дружбу весьма высокопоставленных персон, таких как барон Модест Корф, князь Михаил Оболенский, действительный статский советник г-н Михаил Волков, а также ученых людей страны, таких как г-н Куник и г-н Шефферт, члены Императорской Академии наук, и московский профессор г. Шевырёв»⁷.

Именно об этой стороне петербургской жизни Пападопулоса-Вретоса, почти не получившей освещения в его воспоминаниях, и предстоит нам поговорить здесь, пользуясь вновь открытыми архивными материалами. Дело в том, что, занимаясь в последнее время архивными разысканиями по другим интересующим меня проблемам, я «наткнулся» на два комплекта писем самого А. Пападопулоса-Вретоса, отправленных им в указанные периоды (и позднее) как из Петербурга и Москвы, так и из-за рубежа в Петербург. Речь идет, во-первых, о 14 письмах, хранящихся в С.-Петербургском филиале Архива РАН, писанных по-французски и адресованных академику Имп. Академии наук Аристу Аристовичу Кунику (1814–1899), с которым Пападопулос-Вретос был теснейшим образом связан и которого он в одном из своих писем назвал «одним из лучших своих друзей»⁸; во-вторых, о трех письмах (одном — на французском языке и двух — на итальянском), хранящихся ныне в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки и адресованных известному деятелю русской культуры (историку литературы, критику, журналисту, поэту) Степану Петровичу Шевырёву (1806–1864), занимавшему

⁶ Un Grec très dévoué à la Russie, victime du Chancelier de cet Empire le Prince Gortchacoff. Paris, 1873 (без указания на титульном листе своего авторства).

⁷ Un Grec très dévoué à la Russie... Р. 42. Об упомянутых лицах нами будет сказано ниже, за исключением Шефферта (*Scheffert*) и Волкова, о которых данных не имеем. Уж не запямятовал ли автор и не идет ли речь об академике А. А. Шифнере (1817–1879), с которым ему действительно приходилось общаться?

⁸ СПФ АРАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 663. 25 л. Об А. А. Кунике см., например: Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979. С. 206–208.

должность профессора кафедры русской словесности в Московском университете⁹.

Из писем Пападопулоса-Вретоса мы действительно узнаём о его доверительных отношениях с академиком Куником. В одной из своих недатированных записок к нему Пападопулос-Вретос сообщает, что «забыл сказать Вам сегодня утром, что граф Августин Каподистрия, брат президента и сам два месяца бывший президентом Греции, только что умер в Афинах» (л. 19). В другой он пишет: «Сегодня я был вызван в министерство и генерал Ковалевский¹⁰ известил меня, что я принят в Азиатский департамент» (л. 25). Подобные отношения были у него и с востоковедом-тибетологом академиком Имп. Академии наук Антоном Антоновичем Шифнером, директором Имп. Публичной библиотеки бароном Модестом Андреевичем Корфом (позднее, а именно 9/21 января 1860 г., Пападопулос-Вретос пишет Кунику о том, что во время пребывания в Венеции он перевел с французского языка на итальянский сочинение барона Корфа о восшествии на престол Николая I, добавив свои примечания и предисловие, «содержащие несколько анекдотов о покойном императоре. Барон Корф был в восторге, а узнав, что братья-печатники Ботта из Турина открыли подписку, Его Величество [то есть император Александр II. — И. М.] заказал ему [Корфу. — И. М.] подписаться на 100 экземпляров» [л. 9])¹¹, а также с историком и публицистом, сотрудником Публичной библиотеки и доверенным лицом Корфа по собиранию материалов к истории царствования Николая I Егором Егоровичем Беркгольцем (его имя не сходит со страниц писем Пападопулоса-Вретоса). Наконец, внимание! — с еще не прославившимся своими сенсационными археологическими находками Генрихом Шлиманом (думаю, что именно он имеется в виду, когда

⁹ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 428. 6 л. О С. П. Шевырёве см., например: РБС. Т. 23. 1911. С. 19–29; Славяноведение в дореволюционной России... С. 369–370.

¹⁰ Егор Петрович Ковалевский был назначен князем А. М. Горчаковым на должность управляющего Азиатским департаментом в июне 1856 г.

¹¹ Имеется в виду труд М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», изданный сначала в Санкт-Петербурге в 1857 г. О судьбе итальянского перевода сведений не имеем. Пападопулос-Вретос в пиτιруемом письме (л. 9 об.) уточняет: «Война в Италии и мое возвращение в родную страну, на Ионические о-ва, где я и обосновался с тех пор, как был отпущен с русской службы (*depuis que j'ai été renvoyé du service russe*), задержали печатание замечательного труда Корфа, образец подписки на который я прилагаю при сем, за неимением проспекта, который находится в руках Его Превосходительства».

в прощальном письме к Кунику от 13 февраля 1858 г. Пападопулос-Вретос пишет следующее: «*J'ai chargé Mr. Schlieman d'avoir la bonté de vous porter le journal Ausland, pour le rendre avec mes remerciement à votre ami, qui eût la bonté de me le communiquer*» [л. 22 об.].

Что касается конфликта Пападопулоса-Вретоса с его «компатриотами», также находившимися в это время в Петербурге, то один из наиболее драматических эпизодов затронут в одном из его писем к Кунику. Дело в том (как вспоминает позднее Пападопулос-Вретос в своей вышеупомянутой брошюре), что в конце 1855 г. из Афин в Санкт-Петербург прибыл один молодой грек по фамилии Крокидас с целью добиться от императора Александра II разрешения посвятить ему подготовленный перевод «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и тем самым обеспечить как можно большее число подписчиков для его опубликования. Поскольку Пападопулоса-Вретоса стали расспрашивать об этом молодом человеке (он называет его Евгением, хотя в издании тот обозначен как Константин Крокидас)¹², он допустил явно роковую ошибку, дав тому негативную характеристику и вызвав тем самым ярость у Иоанна Суцоса, покровителя Крокидаса¹³. «Этот новый Фукидид Греции, — пишет Пападопулос-Вретос Кунику, имея в виду Крокидаса, — которому г-н Блудов (имеется в виду граф Дмитрий Николаевич Блудов, в то время занимавший пост управляющего II отделением собственной Его Имп. Величества канцелярии. — *И. М.*) наговорил много комплиментов и предоставил ему слово на какое-то время» (во время одного из салонов у министра народного просвещения Авраама Сергеевича Норова, в котором принял участие и Пападопулос-Вретос).

Вот что значит, — *продолжает последний*, — быть под покровительством и иметь репутацию ученого в глазах сильных мира сего. Недаром говорят: незаслуженная похвала — сатира. Будущий переводчик переводчика Карамзина (то есть Вернардакиса. — *И. М.*) наделал в России больше шума, чем какой-нибудь новый историк России¹⁴. А ведь публика еще не знает, что первый том «Истории» Карамзина, переведенный Вернардакисом, уже продается, тогда как

¹² Νικολάου Καραμζίνου Ιστορία τῆς Αὐτοκρατορίας τῆς Ρωσσίας / Ἐξελλογισθεῖσα ἐκ τοῦ Γαλλικοῦ ὑπὸ μετ. Κωνσταντίνου. Σ. Κροκιδᾶ. Τ. 1. Αθήνησι, 1856.

¹³ Un Grec très dévoué à la Russie... P. 44–46.

¹⁴ Что-то незаметно. Если просмотреть увесистый, недавно выпешдший из печати том «Карамзин: *Pro et Contra*» (СПб., 2006), то мы вообще не встретим фамилии Крокидаса.

перевод Крокидаса еще не увидел света. Так что настырный всегда торжествует. Судя по приему, оказанному Крокидасу (разрешите мне сделать Вам замечание, мой дорогой г-н Куник), Симонидис, приедь он сюда вместо того, чтобы отправиться во Францию, был бы здесь радостно принят и рассматривался бы как второй кардинал Май!!¹⁵

Поразительно! Оказывается, А. Пападопулос-Вретос был в курсе знаменитых палеографических мистификаций своего соотечественника Константина Симонидиса (1820–1867), безусловно талантливого палеографа-пластографа, заработавшего себе в конце концов репутацию безнадёжного плута и мошенника. В одном только Пападопулос-Вретос был неправ: в 1851 г. Симонидис уже сделал попытку приехать в Петербург с целью продать русскому правительству за большие деньги целую коллекцию из 81 греческой рукописи, состоявшую, главным образом, из его собственных подделок, — попытку неудачную, потому что образованная по указанию А. С. Норова и под председательством президента Академии наук гр. С. С. Уварова академическая комиссия (Куник также входил в нее) подвергла тщательной экспертизе доставленный ей каталог коллекции и, заподозрив Симонидиса в мошенничестве, отвергла предложение о ее покупке¹⁶.

Говоря о «петербургском следе» в биографии Пападопулоса-Вретоса, не следует забывать и о его поездке в Москву в апреле 1857 г., о чем свидетельствуют вышеуказанные (см. примеч. 9) письма к Степану Петровичу Шевырёву. Сообщая ему о том, что он привез с собой те три книги, которые Шевырёв имел любезность одолжить ему с целью «обогатить» его каталог («Я не премину, — пишет Пападопулос-Вретос, — упомянуть Ваше почтенное имя, когда стану печатать в моем французском переводе те примечания, которые я из них извлек»), и отправленный Куником пакет для передачи библиографу Ундольскому («Последний не явился, чтобы забрать его, и я прошу Вас доставить его ему, ибо мне неизвестно, где он живет»)¹⁷,

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 663. Л. 1 об. — 2.

¹⁶ См. об этом: *Медведев И. П.* Неизвестный каталог греческих рукописей из коллекции Константина Симонидиса: Грандиозная палеографическая мистификация? // *Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга*. СПб., 1999. С. 537–567.

¹⁷ Имеется в виду известный русский археограф Вукол Михайлович Ундольский (1816–1864). О его взаимоотношениях с академиком Куником см.: *Медведев И. П.* Письма В. М. Ундольского к А. А. Кунику в Санкт-Петербургском

Пападопулос-Вретос в своей записке от 6 апреля добавляет следующее: «Поскольку в Вашей благорасположенности ко мне Вы со- благоволили предложить мне ваше драгоценное сообщество (*voire précieuse compagnie*) с тем, чтобы мы вместе отправились к князю Оболенскому¹⁸ и к библиотекарю Университета, я прошу Вас черкнуть мне пару слов с указанием дня и часа, наиболее Вам подходящих во время пасхальной недели, с тем, чтобы я рассчитал время для этих экскурсий»¹⁹.

«Завтра, — пишет он Шевырёву 8 апреля, — буду иметь честь явиться к Вам в 11 часов, и с этого момента буду зависеть от Ваших порядков вплоть до обеда за Вашим столом, на который Вы, г-н профессор, соблаговолили пригласить меня с совершенно особой любезностью. Поэтому я вновь благодарю Вас за Вашу доброту и, в сладкой надежде, что захотите продлить мне ее, прошу Вас принять мое глубокое уважение». В этом же письме Пападопулос-Вретос воздаёт должное Шевырёву за какой-то очерк о медали (в честь?) Греческой независимости (*un Breve Cenno sulla medaglia dell'Indipendenza Ellenica*), который ему предстояло издать в Венеции, чтобы вывести из заблуждения порядочных людей, обманутых одним типом, который нанес вред своему греческому имени (уж не о Симонидисе ли опять идет речь?). «Мне следовало бы воздержаться, — пишет Пападопулос-Вретос, — писать против соотечественника (*contro un compatriota*), но я из тех, что придерживаются правила “Платон мне друг, но истина дороже” — правила рискованного, особенно в России. Я уже испытал это на себе и сегодня расплачиваюсь за это, но в моем 56-летнем возрасте мне будет трудно переменить натуру». Следуют рекомендации Шевырёву новейшей грамматики современного греческого языка, изданной на французском языке в Париже в 1830 г. Феохаропулосом, лучшего словаря новогреческого языка, изданного тоже на французском языке, но уже в Афинах, Андреасом Коромиласом («Вам будет легко раздобыть его с помощью нового греческого консула в Москве негодянта Караллиса, которому я скажу об этом»), греко-русско-французского словаря (даются полные выходные данные:

филиале Архива РАН // ТОДРЛ. Т. L. 1996. С. 803–816; ср. с. 178–199 настоящего сборника.

¹⁸ Имеется в виду князь Михаил Андреевич Оболенский (1805–1873), занимавший пост директора Московского главного архива Министерства иностранных дел.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 428. Л. 1–1 об.

Λεξικόν... συνταχθὲν παρὰ Δοσιθέου ἱερομονάχου Κομᾶ. Τόμ. 2. Ἐν Μόσχᾳ, ἐν τῇ τυπογραφίᾳ Ν. Σ. Βσεβολόβσκη, 1811, εἰς 4^{ov})²⁰.

Последнее (третье) письмо к Шевырёву Пападопулос-Вретос пишет, уже вернувшись в Петербург, 20 апреля 1857 г. и сообщает о том, что не смог вручить сыну Шевырёва Борису переданное с ним письмо, ибо не застал его дома («Я снова прийду, чтобы увидеть его, и тогда попрошу его представить меня графине Протасовой»), также высказывая почтение супруге Степана Петровича и передавая сердечные поцелуи его «прекрасным деткам» Петру и Екатерине (л. 4–5).

Спрашивается, чем же все-таки был занят Пападопулос-Вретос в Петербурге как творческий человек? Что касается его первого здесь пребывания (1833–1837 гг.), то единственным известным мне «материальным остатком» является хранящаяся в Отделе рукописей РНБ подлинная рукопись (автограф Пападопулоса-Вретоса) его труда «Журнал событий, которые предшествовали убийству президента Греции графа Иоанна Каподистрии» на французском языке (*Journal des événements qui ont précédé l'assassinat du Président de la Grèce le comte Jean Capodistrias suivi de la relation historique de cet horrible assassinat et du procès des assassins avec des Documents authentiques par André Papadopoulos Vretos, Docteur en Médecine de la Faculté de l'Université Royale de Naples et de celle de l'Université Ionienne, Membre correspondant étranger de l'institut Royal d'encouragement du Royaume des deux Siciles, et de la Société Pontaniène de Sciences et Belles-Lettres de Naples*). Рукопись содержит 73 листа, датирована 1834 г. (*A Saint-Petersbourg 1834*), облечена в переплет с тиснением, показывающим, что экземпляр был предназначен для поднесения князю Александру Николаевичу Голицыну («*Le prince Alex. N. Golitzin ami et admirateur du comte Jean Capodistrias en témoignage de reconnaissance. L'auteur*»)²¹.

Но особенно активную научную деятельность Пападопулос-Вретос развернул во время своего вторичного пребывания в Петербурге (1855–1858 гг.), о чем красноречиво свидетельствуют его вышеупомянутые письма к Кунику и Шевырёву. В Петербурге наш автор сочиняет и издает очерк об одном изобретении древних греков — фетровой

²⁰ ОР РНБ. Ф. 850. Д. 428. Л. 2–3.

²¹ Там же. Ф. 542. Д. 717. Как известно, есть еще второй том мемуаров Пападопуло-Вретоса, который был издан. См.: *Papadopoulos-Vretós A. Mémoires biographiques-historiques sur le Président de la Grèce, le Comte Jean Capodistrias...* Т. 1–2. Paris, 1837–1838.

кирасе²² — с пространным посвящением своему соотечественнику Николасу Альтеракису (? — пропечатано нечетко), которого он обозначает как «*Conseiller d'État de S. M. L'Empereur de Russie, chevalier de ses ordres impériaux de s-t Vladimir, s-te Anne et s-t Stanislas, commendeur de l'ordre royal de Grèce du Sauveur*»²³.

Особый ажиотаж в петербургском обществе вызвал труд Пападопулоса-Вретоса «Древняя и новая Болгария»²⁴. Из его писем к Кунику мы узнаем, что монография автора была выдвинута на Демидовскую премию, отправлена в Казанский университет на экспертизу, но итоги конкурса должны были быть оглашены 17 апреля 1858 г., когда автора уже не было в России. «Через три недели, — пишет он Кунику из Афин, — состоится суд Императорской Академии о моем сочинении “Болгария”, и мне хочется надеяться, что Вы будете столь любезны сообщить мне о нем, каким бы он ни был» (л. 4 об.). Ответа не последовало, и 13 мая (12 июня) 1858 г. Пападопулос-Вретос шлет Кунику из Афин новое письмо.

Дорогой друг, — *пишет он*. — Я действительно не понимаю, чем объяснить Ваше молчание... Так как для отправки письма отсюда (то есть из Афин. — *И. М.*) в Санкт-Петербург и для получения ответа нужен лишь один месяц, я подумал, что Вы ждете 17 апреля, чтобы, отвечая мне, Вы в то же время могли сообщить результат конкурса на Демидовскую премию. Тщетные надежды! Следовательно, Ваше молчание мне необъяснимо. Наш общий друг г-н Беркгольд написал мне по поручению барона Корфа 27 апреля, но он ни словом не обмолвился о Вас. Я уже ответил ему

²² Mémoire sur le pilima (πλημα), ou espèce de feutre dont les anciens se servaient pour la confection de leurs armes défensives, retrouvé et proposé pour l'usage des armées modernes par André Papadopoulos-Vretos, ancien directeur de la Bibliothèque de l'Université Ionienne, Membre des Sociétés savantes d'Athènes, Membre Correspondant des principales Académies de l'Italie, et un des Membres du III et du IV Congrès Scientifiques tenus à Florence et à Padoue, en 1841 et 1842, etc. Saint-Petersbourg: Imprimerie D. Quesneville, 1856 (в библиотеке СПБНИИ РАН хранится экземпляр труда с собственноручной пометой автора: «à S. E. Mr. le Baron de Korff. Directeur général de l'Imp. Bib. Pub. Hommage de l'Auteur»).

²³ К сожалению, мне не удалось найти сведений об этой личности.

²⁴ La Bulgarie ancienne et moderne sous le rapport géographique, historique, archéologique, statistique et commercial. Par André Papadopoulos Vretos, ancien Consul de Grèce à Varna (Bulgarie) et à Venise; chevalier de plusieurs Ordres (и далее, как в предыдущем сочинении. — *И. М.*). Saint-Petersbourg, 1856 (умиляет манера автора каждый раз тщательно перечислять свои должности и звания).

и попросил его уведомить г-на Минцилова, пожелавшего спалить меня за сделанное открытие, что надпись Томиса была открыта другими до меня, что объяснение, данное Шафариком слову Мангали с целью отождествить с Томисом, было поднято на смех, что никто, за исключением г-на Машкова (? *Meskov*), не удосужился присоединиться к нему (л. 5).

Речь идет, конечно же, об одной из основных глав труда Пападопулоса-Вретоса, посвященной идентификации древнего овидиевского города Томис²⁵, и о критике его концепции секретарем III отделения Русского археологического общества Р. И. Минциловым (кстати, завершив эту главу, Пападопулос-Вретос смог сделать добавление о том, что содержалось о Томисе в «Истории христианства в России» митрополита Макария, и это ему в последний момент, когда труд уже печатался, было прислано его «ученым другом» Гавриилом Дестунисом²⁶, с которым, как оказывается, Пападопулос-Вретос также был связан).

Академик Куник, «тысячу раз» извиняясь за молчание, все-таки ответил Пападопулосу-Вретосу (черновик письма от 12 сентября 1858 г. сохранился в его архиве), но ничего путного сообщить своему корреспонденту не смог. «Как я уже говорил Вам перед Вашим отъездом, — пишет он, — Демидовский конкурс оказался весьма удручающим (*fort accablant*): не смогли присудить приз нескольким авторам (включая Пападопулоса-Вретоса? — *И. М.*), за неимением денег»²⁷. Наконец, больше всего информации в письмах Пападопулоса-Вретоса сообщается о его главном научном труде — «Новогреческой филологии», т. е. каталоге (он в письмах фигурирует именно как «каталог») старо- и новопечатных книг греческих авторов от падения Константинополя и до установления в Греции королевской власти²⁸. Во-первых, речь идет о реализации нераспроданного тиража каталога в афинском издании 1854–1857 гг. (тираж был рассредоточен по книжным фирмам *Dufour* в Петербурге, *Leopold Voss* в Лейпциге, частично — на квартире у Куника²⁹, у которого после отъезда автора накапливались и деньги

²⁵ La Bulgarie ancienne et moderne... P. 119–146.

²⁶ Ibid. P. 145.

²⁷ СПФ АРАН. Ф. 95. Оп. 2а. Д. 201. Л. 2.

²⁸ См. примеч. 3.

²⁹ Впрочем, Куник занимался и реализацией тиража «Болгарии», о чем свидетельствует записка издателя (перевожу с немецкого): «Его Превосходительству г-ну статскому советнику Кунику. В приложении я передаю Вам 175 экземпляров книги Пападопулоса-Вретоса “Болгария”. Из них два экземпляра

за реализацию экземпляров, передававшихся автору через посредство негоцианта Скараманги). Во-вторых (и это главное), планировалось новое, дополненное, исправленное и переведенное на французский язык петербургское издание под эгидой русского правительства и Имп. Академии наук. Именно об этом проекте идет речь в письме Пападопулоса-Вретоса к Кунику от 2/14 февраля 1856 г.

Уважаемый друг, — пишет он, — спешу довести до Вашего сведения, что министр Норов вчера вечером сказал мне: «Задерж-ка с Вашим делом вызвана ошибкой служащих моего министерства, и я их даже побранил. Впрочем, Ваше прошение было отправлено в Академию еще вчера». Затем я узнал от г-на Миддендорфа (А. Ф. Миддендорф, неперемный секретарь ИАН с 1855 по 1857 г. — *И. М.*), которому я сообщил о том, что мне только что сказала Его превосходительство, что он ничего не получал в течение дня. Я и Вас прошу узнать как можно быстрее, куда могли заслать мое дело, в интересах Ваших почтенных коллег. Я ведь ука-зом, отданным господином Норовым, обязан Вашему любезному совету, и это благодаря Вашей благородной заботе о науке мне удалось наладить связь с Академией (л. 1).

Как бы то ни было (и это зафиксировано протоколами заседаний III отделения Имп. Академии наук № 14 и 17 за 1856 г.), уже 8/20 февраля 1856 г. президент Академии наук Дмитрий Николаевич Блудов передает дело на рассмотрение специальной комиссии, составленной из академиков Л. Э. Стефани, А. А. Куника и А. А. Шифнера, подчеркнув, что «автор имеет намерение опубликовать труд полностью в Санкт-Петербурге, с французским переводом», а 22 февраля / 5 марта 1856 г. на заседании III отделения рассматривается представленный комиссией доклад о проекте Пападопулоса-Вретоса («Подписавшиеся отмечают всю важность публикации Каталога как для истории цивилизации вообще, так и литературы в частности... Можно лишь отдать дань уважения той настойчивости, которая никогда не оставляла г-на Вретоса во время его долгих путешествий по Европе и благодаря которой он теперь в состоянии опубликовать подобный каталог на французском языке... Что касается России, то, принимая во внимание связи этой страны с греческим народом в течение последних трех столетий, для нашей отчизны, помимо всего прочего, будет иметь

в маленьком ящичке без обертки. С почтением *A. Peterson*. 22 декабря 1856 г.» (СПФ АРАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 663. Л. 8, с пометами Куника о получении и расходовании экземпляров).

особое значение возможность располагать списком греческих трудов, опубликованных на ее территории и ставших, после пожара Москвы, библиографической редкостью»); выносятся решение о принятии выводов комиссии и о поручении непременно секретарю Академии (т. е. тому же А. Ф. Миддендорфу) представить доклад министру³⁰.

Свою работу по «доведению до кондиции» каталога Пападопулос-Вретос продолжил после отъезда из Петербурга, о чем он пишет Кунику в письме из Афин 9/21 января 1860 г.

Уже два года, — пишет он, — как мы потеряли друг друга из виду. Сегодня, пользуясь моим приездом сюда (т. е. в Афины. — И. М.), где я пробуду несколько дней, сообщаю Вам новости. В прошлом году я совершил путешествие в Венецию, Милан и Турин (вместо Турина в своих воспоминаниях автор упоминает Вену. — И. М.)³¹, посещая библиотеки с целью отыскать современные греческие книги и внести в мой Каталог. За исключением библиотек Венеции, остальные полностью лишены их. Но странная вещь! Именно в Венеции я их нашел незакаталогизированными почти 400, хотя большинство книг моего Каталога были напечатаны в Венеции (л. 9).

К сожалению, проекту нового издания каталога не суждено было сбыться. Судя по книге его воспоминаний, автор передумал печатать труд в Петербурге, отдав рукопись в издательство Брокгауза в Лейпциге. Тем не менее Пападопулос-Вретос обратился к министру народного просвещения графу Д. А. Толстому с прошением о выделении 4000 франков на печатание каталога, но получил отказ³².

Можно было бы, пользуясь материалом писем, еще долго говорить о том, чем именно пришлось заниматься Пападопулосу-Вретосу после отъезда из Петербурга (например, о его усилиях, с помощью его друга и известного греческого литератора Константина Ассопиоса, раздобыть для Куника важный неопубликованный текст по истории Трапезундской империи; о его работе по написанию «Биографии архиепископа Евгения Булгариса»), но все же приходится ограничиться сказанным. Важно тем не менее подчеркнуть, что этот греческий

³⁰ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. 1856 г. Д. 94. Л. 46–46 об. (заседание 8/20 февраля 1856 г.), л. 55 об. (заседание 22 февр. / 7 марта 1856 г.). Видимо, протоколы были даны (Куником?) для ознакомления Пападопулосу-Вретосу, ибо он полностью воспроизвел их в своей книге воспоминаний: *Un Grec très dévoué à la Russie...* P. 39–40.

³¹ Ibid. P. 41.

³² Ibid.

деятель, имевший полное право испытывать чувство обиды за то, что оказался не до конца понятым и востребованным в России, навсегда остался преданным ей. «Я никогда не забуду моих добрых друзей в Петербурге, — пишет он Кунику из Афин 9/21 января 1860 г., — несмотря на огромное расстояние, отделяющее меня от них. *Sic fata voluerunt*» (л. 10).

ПИСЬМА К. Э. ЦАХАРИЭ ФОН ЛИНГЕНТАЛЯ В АРХИВЕ А. А. КУНИКА*

Имя выдающегося немецкого ученого прошлого столетия Карла Эдуарда Цахариэ фон Лингенталля (1812–1894), труды которого составили эпоху в истории изучения римско-византийского права, не нуждается в представлении. Тем более удивительно констатировать почти полное отсутствие специальных работ, посвященных воссозданию творческой биографии ученого¹, выявлению и изучению его сохранившегося наследия. Эту брешь не может заполнить и появившееся недавно краткое описание части его архива, хранящейся ныне в *Biblioteca Alessandrina* Римского университета «*La Sapienza*» (18 томов материалов, отражающих работу Цахариэ над различными памятниками греко-византийского права, были переданы в конце жизни самим ученым его итальянскому ученику Контардо Феррини), — опус, поражающий неуместной, на наш взгляд, иронией в адрес ученого «эпохи до изобретения микрофильма», который аккуратно списывает греческие рукописи, «изнывая от жары где-нибудь на Афоне или замерзая в *Bodleiana*»². Думается, что никакие микрофильмы (как бы они ни были необходимы для облегчения и ускорения исследований) не могут заменить живого общения с рукописным наследием наших великих предшественников.

Письма Цахариэ фон Лингенталля, о которых пойдет речь в нашем обзоре, адресованы его давнишнему корреспонденту и другу, также замечательному немецкому историку и филологу, связавшему свою

* Опубликовано: Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 389–429 (в соавт. с Т. Н. Таценко).

¹ Обычно в необходимых случаях просто перепечатываются безусловно интересные и важные с биографической точки зрения, но исполненные в энкомиастическом духе некрологи, написанные после смерти Цахариэ фон Лингенталля его зятем Вильямом Фишером (см., например: *Zachariae von Lingenthal K. E. Kleine Schriften zur römischen und byzantinischen Rechtsgeschichte*. Leipzig, 1973. Bd. 1. S. 3–37) или его старшим сыном Карлом (RJ. Bd. 9. 1990. S. 282–286).

² *Fögen M. Th. Rendezvous in Rom* // RJ. Bd. 9. 1990. S. 278–282.

судьбу с Россией и Петербургом, действительному члену Императорской Академии наук А. А. Кунику (1814–1899)³. Хранящиеся ныне среди бумаг Куника в С.-Петербургском филиале Архива РАН⁴, эти письма (числом 41) охватывают огромный период с 27 октября 1853 г. по 1 сентября 1893 г. (без малого 40 лет!), отражая почти все основные вехи в творческой биографии Цахариз фон Лингенталля и его особое отношение к своим русским коллегам⁵ и к русской Академии наук, членом-корреспондентом которой он состоял с 1856 г. Письма писаны мелкой, трудночитаемой немецкой «готикой» (лишь последние 4 письма писаны не самим Цахариз, но под его диктовку)⁶, происходят большей частью из имения фон Лингенталей Гроссскмелен близ Ортранда в Пруссии, в котором Цахариз провел большую часть жизни (почти 50 лет!), занимаясь с не меньшим рвением и успехом излюбленным сельским хозяйством; некоторые, впрочем, писаны в Берлине, куда Цахариз часто наезжал для отправления своих многочисленных депутатских обязанностей в местном парламенте.

К сожалению, нам ничего не известно о судьбе писем А. А. Куника к Цахариз фон Лингенталлю⁷; черновики же их, частично сохранившиеся в бумагах Куника⁸ и писанные его «невозможным» *Currentschrift*, почти недоступны (по крайней мере, для нас) для прочтения. Таким образом,

³ О нем см.: *Лантева Л. П.* Куник Арист Аристович (Эрнст Эдуард) // *Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь.* М., 1979. С. 206–208.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 95 (А. А. Куник). Оп. 2. Д. 908. Л. 1–67. В тексте обзора ссылки делаются на номера писем предлагаемого издания.

⁵ Из проникновенного и, пожалуй, наиболее содержательного отзыва известного русского канониста А. С. Павлова о значении научного творчества Цахариз (он называет его «творцом научной истории византийского права») мы узнаём, что и с этим русским ученым Цахариз состоял в дружеской переписке, так что и где-то в Москве могут обнаружиться письма последнего. См.: *Павлов А.* Русские поминки по Цахариз фон Лингенталлю // *ВВ.* Т. I. 1894. С. 464–468.

⁶ На удобочитаемый немецкий эти письма транскрибированы Т. Н. Ташенко. В деле имеется также присланный Кунику семьей Цахариз фон Лингенталля печатный текст уведомления о его смерти в Гроссскмелене 3 июня 1894 г. (с пометами рукой Куника: 1) «22 мая»; 2) «Получено 25 мая 1894 г. в 2 ч. пополудни»); СПФ АРАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 908. Л. 67–68.

⁷ Ничего не знает о них и М. Т. Фёген, сообщившая нам письмом от 26 ноября 1992 г., что по крайней мере в римской части архива ученого их нет.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 95. Оп. 2а. Д. 272. Л. 1–29.

не представляется возможным реконструировать всю переписку двух ученых в целом: картина вырисовывается несколько односторонняя.

Насколько можно судить, инициатором в завязавшейся переписке выступил петербургский ученый, вполне отдававший должное научным достижениям Цахариз и в письме от 25 сентября 1853 г. обратившийся к нему с вопросом по поводу какого-то спорного, на его взгляд, утверждения Муральта⁹. Характерен ответ Цахариз от 24 октября 1853 г. (письмо № 1):

Вопрос, с которым Вы ко мне обратились, ставит меня в затруднительное положение. Г-н Муральт высказал в одной из своих статей не одно, а несколько мнений, и я не знаю, о каком из них Вы спрашиваете моего суждения¹⁰. Равным образом я боюсь высказывать мое мнение без его строгого обоснования: обстоятельная критика той работы потребовала бы статьи, которая далеко бы вышла за рамки письма. Наконец, говоря откровенно, я не совсем понимаю то сочинение. Мне кажется, что г-н Муральт увлекся изучением петербургской рукописи (я также держал ее в руках и знаю, что она очень уступает другим, более древним рукописям)¹¹, делая выводы

⁹ Речь шла, по-видимому, об известном труде Э. Муральта «*Essai de Chronographie Byzantine pour servir à l'examen des Annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slaves de 395 à 1057*», представленном на соискание Демидовской премии (поэтому Куник как эксперт знакомился с ним в рукописи) и опубликованном в 1855 г. (с выходными данными: St-Petersbourg, 1855. XXXII, 858 p.). См. отзывы на него А. А. Куника: 1) Разбор сочинения Библиотекаря Императорской Публичной Библиотеки д-ра Э. фон Муральта, под заглавием «*Essai de Chronographie Byzantine de 395 à 1057*» // Присуждение Демидовских награждений. Т. 23. 1854. С. 63–84; 2) Об обработке византийской хронографии (по поводу сочинения Э. Муральта) // Ученые записки Имп. Академии наук по I и III Отд. Т. III. Вып. 3. 1855. С. 465–478.

¹⁰ Действительно, недопонимание здесь налицо: весь последующий отрывок ясно показывает, что Цахариз имеет в виду статью Муральта с описанием знаменитой рукописи из Имп. Публичной библиотеки *Petropolit.* 66 (опубликована: *Kritische Jahrbücher für deutsche Rechtswissenschaft.* Bd. 18. 1845. S. 854–859).

¹¹ Если речь здесь действительно идет о *Petropolitanus* 66 (Цахариз был в Петербурге в 1832 г., а тогда записи о выдаче рукописей в ИПБ еще не велись: только с 1878 г. они стали вестись «со всей аккуратностью, присущей такому неусыпному хранителю их, как И. А. Бычков» (Бенешевич В. Н. Предисловие к каталогу греческих рукописей ГПБ // РНБ. Греч. 893. Л. 2), то суждение Цахариз о датировке кодекса звучит весьма странно. По мнению В. Н. Бенешевича (см. его неизданную статью «Замечательный юридический памятник ГПБ, греч. 66»: СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 1. Д. 25. Л. 29), рукопись датируется концом

без учета других многочисленных рукописей, которые (выводы. — И. М.) при обозрении всего рукописного материала вряд ли могут подтвердиться. Я по крайней мере не нашел в его статье ничего, что побудило бы меня усомниться в воззрениях Бинера и т. д. Например, г-н Муральт отрицает, что сборник в 50 тт. с предисловием *Οἱ τοῦ μ. θεοῦ* — происходит от Иоанна Антиохийского, поскольку он не содержит никакой заметки о церковно-правовых законах Юстиниана и особенно о Нов. 131. Но г-н Муральт просмотрел в Нов. 131, гл. 1, слова «*ἡ βεβαίωθεντας*»: он игнорирует доказательство того, что *Coll. 87 capitulorum* (выдержки из новелл Юстиниана) образует вторую часть этого сборника. То, что г-н Муральт говорит об участии Фотия в Синтагме из *Coll. canonum*¹², не содержит, по-моему, ничего нового и, в частности, не предлагает никакого решения все еще существующего сомнения.

Мое самое большое желание — это чтобы Вам удалось двинуть вперед византийские пгудии. Что касается их историко-правовой стороны, я всегда готов дать справку по данным моих богатых *Collectanaea*.

Действительно, в дальнейшем Цахаризэ щедро делится с Куником своими материалами, дает подробные справки относительно «желаемых сведений» о рукописях Парижской и Бодлеянской (письмо № 4 от 29 октября 1856 г.), Мюнхенской (№ 11 от 16 августа 1864 г. — о рукописи с сочинениями Димитрия Хоматиана) и Венской библиотек, предлагает свои варианты перевода встречающихся у Фотия терминов *ὀπλήκοοι* и *πρόζενοι* словами «*Unterthänige und befreundete*», развивая при этом любопытную теорию о взаимоотношениях русов и византийцев.

Οἱ ὀπλήκοοι или *οἱ ὑπὸ χεῖρα*, — говорит он там же, — это техническое выражение, которым во времена Фотия обозначаются подданные (ср., напр., Нов. Льва!). Прежде всего, конечно, светские подданные: но так как это не может быть сказано об отношении русов к византийскому императору, то, пожалуй, следует принять, что Фотий имел в виду церковных подданных, т. е. то, что новые русские епископы находятся в юрисдикции вселенского патриарха.

IX — началом X в. и в связи с этим «позволительно думать, что она могла появиться еще при жизни самого редактора 883 г. патриарха Фотия (ум. в 897 г.)».

¹² Имеется в виду Номоканон XIV титулов и спорный вопрос об участии патриарха Фотия в одной из его редакций. См.: *Τρωϊάνος Σ. Ν. Οἱ πηγὲς τοῦ βυζαντινοῦ δικαίου*. Αθήνα; Κομοτηνή, 1986. Σ. 89, 142.

Перевод *πρόξενοι* словом «государственные гости» (? *Staatsgäste*) лишь возбуждает мысль, что это выражение подходило скорее всего только тем, которые находятся временно в Константинополе и там ведут переговоры о государственных делах. «Дружественные», пожалуй, лучше, чем «союзные» (? *Verbündete*): собственно союзы (*foedera*) между русами и византийцами мне из тех времен неизвестны; «дружественные» следовало бы понять так, как говорят о дружбе вместо родства, т. е. находящиеся в более тесных отношениях (письмо № 23 от 10 февраля 1876 г.).

Цахариэ жалеет, что не может сообщить Кунику «ничего нового» о столь интересующих его βαράγγοι.

Правда, я занимался ими, — *говорит он*, — когда я должен был готовить греческий перевод Эдикта Ротари, но и тогда я не пришел к какому-то вполне ясному результату. Помимо тех мест, которые цитируют комментаторы Кодина и Дюканж в своем Глоссарии (и его Приложении), я отметил из моих юридических источников только следующие: 1. Два места в Пире (XIV, 16 и LIV, 6), согласно которым сомнительно, в какой мере у ἔθνικοι или βαρβαροι τῇ βασιλείᾳ προσεληλυθότες личное право было еще в действии. 2. Одно место из хрисовула Алексея Комнина (мои «Новеллы», p. 373), в котором речь идет о расквартировании «ῥώσων, βαράγγων, κουλίτγγων, ἰγγλίνων, φράγγων, νεμίτζων» и др. Место у Кодина, согласно которому варяги говорили по-английски, от Вас во всяком случае не ускользнуло. Для привязки к ликторам я не нахожу никакой особой опоры. Кажется также, что варяги не просто составляли императорскую стражу, но и помимо нее, даже в провинциях, служили в армии. Доказательства приводит Дюканж (№ 8 от 19 декабря 1862 г.).

В другом письме к Кунику (№ 22 от 5 декабря 1875 г.) он пишет:

Любезная присылка Ваших статей о варягах и норманнских походах по Руси и через нее меня необычайно заинтересовала. Она ввела меня в область оживленных ученых споров и основательных исследований, что до сих пор было от меня достаточно далеко. Я не смог (?) Вам сообщить ничего примечательного из моих византийских штудий и для Ваших столь убедительно защищаемых Вами тезисов, разве что, скажем, запрет θητεῖν (мои «Новеллы», p. 504, *not.* 1) частично и с варягами связан. Да и место Пир XIV, 6 (в моем *JGR*, I, p. 39 ff.) может, вероятно, указывать и на варягов.

И далее (в письме № 24 от 3 января 1877 г.): «В споре норманнистов и антинорманнистов недостает, мне кажется, еще исследования о виде судов, употребляемых норманнами для их экспедиций, и тех, с которыми россы (*Ros!*) появляются в Черном море или перед Константинополем. Позволю себе поэтому вопрос, предприняты ли уже, может быть, такого рода исследования или же состояние источников делает их заранее безнадежными?»

Цахариэ постоянно информирует Куника о новинках в области литературы по истории византийского права, давая им любопытные оценки. Так, он спрашивает (№ 9 от 22 мая 1864 г.), дошло ли до Куника сочинение И. Чиждмана «Брачное право восточной церкви»¹³, и добавляет: «В нем собрана масса материала, но она недостаточно проработана: его точка зрения на учение о разводе, как мне кажется, недостаточно правоверна (? *nicht orthodox genug*). Он оказал мне честь (!) тем, что буквально списал целые страницы из некоторых моих статей и из первой тетради моей “Истории византийского права” без указания своего источника!» Цахариэ предостерегает Куника от некритического использования статей Монье об эпиболе¹⁴, ибо они, по его мнению, «страдают излишней ученостью и все-таки не вносят ясности в историю римской налоговой системы» (№ 37 от 10 февраля 1892 г.), зато отмечает как достойное внимания появление издания Книги Эпарха, осуществленного Николем¹⁵ (там же), сообщает подробности о выходе очередных томов «*Acta et diplomata graeca medii aevi*» в Вене, подчеркивая, что год назад он уже послал Миклошичу материалы из своей «рукописной *supellex*», и побуждая Куника последовать его примеру («Многое из неизданного, наверное, привезли с собой из монастырей Востока некоторые из ваших ученых: не могли бы они предоставить соответствующие хрисовулы для “*Acta et diplomata*”?») — № 34 от 22 сентября 1884 г.)¹⁶.

¹³ Zhishman J. Das Eherecht der Orientalischen Kirche. Wien, 1864.

¹⁴ Monnier H. *L'ἐπιβολή* // Nouvelle revue historique de droit français et étranger. T. 16. 1892; T. 18. 1894; T. 19. 1895.

¹⁵ Nicole J. Le livre du préfet ou l'édit de l'empereur Léon le Sage sur les corporations de Constantinople. Genève; Bâle, 1893.

¹⁶ По-видимому, А. А. Куник не ставил Цахариэ в известность о том, что по крайней мере первые два тома планировались в свое время к изданию русским ученым Николаем Ивановичем Надеждиным (1804–1856) в сотрудничестве с Ф. Миклошичем и И. Мюллером, хотя сам и знал об этом. См.: Медведев И. П. К предыстории первого издания актов Константинопольского патриархата // ВИД. Т. XXIII. 1991. С. 20–37.

Немало, по-видимому, давало общение с Куником и самому Цахариэ, который всякий раз радуется письмам своего корреспондента, называя их «знаком жизни» (№ 29 от 30 августа 1880 г.). Он консультируется с ним по вопросам византийской монетной системы — «столь запутанной области, что у меня нет никакой надежды на открытие какой-то указующей нити» (№ 6 от 13 июня 1857 г.), а также по вопросам особенностей летосчисления в «Хронографии» Феофана и в некоторых других источниках, в которых «расчет в эпоху иконоборчества производится согласно иной, нежели обычная константинопольская, хронологии. Например, год от сотворения мира 6248 связан с индиктом IX. Удовлетворительное объяснение этих отклонений я еще нигде не нашел. Неужели и иконоборцы, как в свое время французские революционеры, ввели некий род нового календаря?» (№ 15 от 21 января 1868 г.). И далее:

Мне было бы бесконечно интересно узнать, кому Вы соизволили весьма быстро сделать доступными, благодаря французской или немецкой обработке, Ваши хронологические таблицы к византийской истории. Исчисление Хаймбаха с учетом отклоняющегося индикта у Феофана коренится (?) в одном примечании к моему *Πρόεδρος Νόμος* (р. XLIII, *not.* 111), на котором Хаймбах ближе остановился затем в своих *Ανέκδοτα* (т. I, р. 270). Что это здесь еще является несколько темным, не может, мне кажется, отрицаться. Но рассеял ли Хаймбах эту темноту, я все же еще сомневаюсь: мне кажется, тут царит некая путаница. Просветиться я надеюсь в Ваших таблицах (№ 18 от 17 февраля 1870 г.)¹⁷.

¹⁷ Уникальное свидетельство о том, что уже в 1870 г. А. А. Куник работал над своими «Сравнительными таблицами воскресных дней каждого пасхального года по Юлианскому календарю», с докладом о которых он выступил лишь на заседании ИФО 19 января 1894 г., подчеркнув, что «таблица эта может служить верным пособием для проверки хронологических данных, встречающихся в разных источниках по византийской и славянской истории... Для восполнения этого ощутительного пробела в византийском бытописании необходимо пользоваться прямыми и непрямыми хронологическими датами, встречающимися в византийских грамотах и письмах. На это давно уже указывалось и, между прочим, в 1893 г. Нестором современных византинистов, основателем истории византийского права, напим членом-корреспондентом Цахариэ фон Лингенталем» (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2. 1894 г. Д. 27). Впрочем, работа Куника так и не была им опубликована. См.: Отзыв Б. А. Тураева на неизданное сочинение А. А. Куника по хронологии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1903 г. Вып. 16. 1905. С. 13–14.

Цахариэ радуется тому, что его очерк по истории болгарской церкви, присланный Кунику в рукописи для опубликования в «Мемуарах» Императорской Академии наук, понравился Кунику (№ 9 от 22 мая 1864 г.; № 10 от 25 июля 1864 г.), и благодарит его за указание на «изъяны», о которых, впрочем, он и сам знает: «Славянские источники и новейшая славянская литература мне неизвестны, а из-за языка и совсем недоступны» (№ 10). Замечания Куника оказались, по-видимому, весьма содержательными, так как «вогнали (Цахариэ. — *И. М.*) в немалое смущение»:

Должен ли был я их использовать, даже если бы это оказалось возможным в ходе печатания, и тем самым украсить себя чужими перьями? Должен ли был я ими, напротив, совсем пренебречь и оставить их Вам для опубликования в качестве надлежащих дополнений? Если бы еще было время, то я бы предложил Вам опубликовать соответствующие приложения под Вашим именем в форме примечаний к моей статье. Но после долгих колебаний я избрал золотую середину, поправив кое-что в моей статье на основе Ваших сообщений, а в конце с Вашего разрешения добавив примечание, что я предпринял некоторые исправления и дополнения, побуждаемый Вашими любезными сообщениями. Если же Вам этот опыт неприємен, то прошу вытребовать себе корректурные листы 2 и 3, которые я отсылаю с этим письмом, и просто вычеркнуть покоящиеся на Ваших сообщениях поправки, особенно на стр. 13, 14 и 22.

О своем окончательном решении Цахариэ сообщает в письме от 16 августа 1864 г. (№ 11):

Сегодня высылаю почтой отсюда (из Гросскмелена. — *И. М.*) корректуру конца моей статьи и спешу одновременно ответить на Ваше письмо от 26 июля. У меня для этого тем больший повод, что Ваше письмо и на этот раз содержит в высшей степени важное дополнение к моей статье, которое в интересах дела хотел бы сообщить ученой читающей публике и тем не менее не могу вплести в мою статью. Я предлагаю поэтому, чтобы Вы разрешили мне в заключение статьи добавить следующее:

Заключительное замечание автора (курсив Цахариэ. — *И. М.*). Г-н академик Куник имел любезность сообщить мне ряд важных замечаний к предстоящим статьям, из которых некоторые я еще в ходе печатания смог использовать. Моя работа основывается по существу на византийских источниках, так как славянские источники мне недоступны: то, что они предлагают для истории болгарской церкви, г-н Куник, я надеюсь, найдет возможность приготовить

к печати. А пока я хочу то, что г-н Куник сообщил мне о патриархате Тырново, лишь упомянутом мною для полноты, с его разрешения здесь приложить.

И затем здесь должно было бы быть напечатано Ваше сообщение, которое я с этой целью прилагаю. Если вы согласитесь с этим предложением, то я прошу Вас передать мое заключительное замечание и Ваше сообщение в типографию для отпечатки¹⁸.

Живейший интерес у Цахариз вызывали доходившие до него слухи о «хрисовулах», которые русские ученые привозили с собой из монастырей Востока. Он, правда, не упоминает о фотографиях афонских документов, привезенных П. И. Севастьяновым из его знаменитой экспедиции на Афон в 1859–1860 гг.¹⁹, по-видимому ничего не зная о ней, но зато он знает о существовании копий, снятых с афонских актов архимандритом Порфирием Успенским²⁰, и постоянно в своих письмах к Кунику возвращается к этой теме. Так, сообщая о том, что в печати находится его собрание византийских новелл, содержащее свыше 300 документов²¹, он в письме от 29 октября 1856 г. пишет:

Значительное место в нем занимают хрисовулы, выданные византийскими императорами Венеции и другим итальянским городам. По всей вероятности, такого рода хрисовулы были выданы и русским князьям, которые или находятся еще в русских архивах, или уже напечатаны в русских трудах, но мне недоступны. Для полноты собрания позволю себе просить о передаче мне того, что Вам об этом известно или что Вами может быть принесено в предприятие: было бы чувствительной лакуной, если бы сборник не предложил ничего из того, что могло бы объяснить отношения между Константинополем и Россией до 1453 г. ... Печатание моего сборника уже дошло до 8-го листа, и примерно через 9 недель я достигну тех времен, когда отношения между Византией и русскими князьями становятся более важными. Если Вы пожелаете и сможете сделать

¹⁸ В таком виде и было напечатано. См.: *Zachariae von Lingenthal K. E. Beiträge zur Geschichte der bulgarischen Kirche // Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg. Série VII. 1864. T. 8. No. 3. 36 p. (= Kleine Schriften... S. 489–524).*

¹⁹ *Granstrem E., Medvedev I. Photographies de documents athonites (Collection P. I. Sevast'janov) // RĖB. T. 33. 1975. P. 277–293.*

²⁰ Ныне хранятся в Отделе рукописей и редкой книги БАН: Собрание текущих поступлений. № 599, 600.

²¹ Речь идет об издании: *JGR. Pars 3: Novellae constitutiones Imperatorum post Iustinianum. Lipsiae, 1857. XXXIV, 748 p.*

мне какие-то сообщения, то я прошу, поторопитесь, пожалуйста, с ними (№ 4).

К сожалению, в этом отношении Кунику нечем было помочь своему другу: таких материалов в русских архивах не существовало²². Цахариэ, однако, не теряет надежды и в письме от 13 июня 1857 г. пишет: «Прилагаю мой сборник новелл: буду особенно рад, если он побудит архимандрита Порфирия опубликовать дополнения из собранных им сокровищ. Местные хрисовулы исключительно важны для истории и географии» (№ 6). О судьбе копий афонских документов Порфирия Успенского он спрашивает в письмах от 21 января 1868 г. (№ 15), от 25 июля 1869 г. (№ 17), от 5 декабря 1875 г. (№ 22), от 1 мая 1883 г. (№ 30). Высказывая благодарность за присылку регелевских *Byzantina*, Цахариэ пишет: «Еще более я буду благодарен (в случае, если еще буду жив), если Академия пришлет мне том афонских актов. Такого рода документы никогда не могут быть опубликованы в достаточном количестве, ибо только из большей массы можно извлечь удовлетворительные результаты» (№ 37 от 10 февраля 1893 г.). И далее:

С живым интересом я услышал, что епископ Порфирий своим щедрым завещанием дал Академии возможность и в то же время обязал ее позаботиться об опубликовании собранных им на Востоке документов. Чем меньше хватает частных усилий для таких предприятий, тем достойнее силы Академии наук. Сам я, 81-летний, совсем ослепший старик, не могу надеяться извлечь пользу из этих публикаций. Но никто не может лучше меня судить, какие сокровища для достойных изучения вещей тут откроются... По всем этим причинам я поздравляю Академию с поставленной перед ней задачей, желаю и надеюсь, что она выполнит ее в самом широком объеме (№ 39 от 30 мая 1893 г.)²³.

В высшей степени важны высказанные Цахариэ взгляды по вопросу о способе издания византийских документов, поднятому его

²² В этом отношении все внимание русских ученых (В. И. Григоровича, Н. И. Надеждина и др.) было приковано к *Cod. Vindobonensis* 47–48, содержащему в составе подлинного регистра Константинопольского патриархата XIV в. и хрисовулы византийских императоров русским князьям (см. примеч. 16).

²³ Как известно, это пожелание Цахариэ осуществилось: с 1903 г. издания афонских актов серии «*Actes de l'Athos*» стали регулярно публиковаться в «приложениях» к «Византийскому временнику». См. об этом: *Медведев И. П.* Очерки византийской дипломатики. Л., 1988. С. 5, 236–237.

корреспондентом в письме от 15 (27) мая 1893 г. Отвечая Кунику, Цахариэ в письме от 2 июня этого же года (письмо № 40) пишет следующее:

В Вашем последнем письме от 15/27 прошлого месяца Вы высказались о способе издания византийских документов. Вы ставите цель столь высоко, что я должен бояться, что печатание сможет начаться лишь очень поздно и представит уйму трудностей. Разрешите мне некоторые возражения.

Я заранее оговариваюсь, что я принадлежу еще старой школе, которая больше смотрит на содержание, чем на форму, и полагает, что в новейшей филологической школе часто встречается гиперкритика. Что касается документов, о которых здесь идет речь, то они требовали бы дипломатической точности печатного воспроизведения, если бы они могли представлять особую ценность для истории языка. Однако это не тот случай. Клерикальный византийско-греческий <язык> остается примерно одним и тем же вплоть до падения Византийской империи. Имеющиеся в виду документы скорее имеют преимущественно вещественную ценность, которая вряд ли страдает от там и сям менее корректного воспроизведения текста. Я бы поэтому считал (насколько я могу оценить положение), что списанные епископом Порфирием акты могли бы быть опубликованы без повторной колляции с оригиналами²⁴. То же самое относится и к копиям г-на Керамевса²⁵. В примечаниях можно было бы указать на предположительные недосмотры списывателя. Я считаю гораздо более важным, чтобы собрание актов было в достаточной мере введено в научный оборот. К венскому собранию *Acta et diplomata* я придираюсь главным образом потому, что в нем немало недостатков такого рода: если есть желание указать на какое-то слово или предложение, то приходится или довольствоваться приведением номера страницы, или предоставить себе утомительные занятия пересчитывать строки. Новое собрание непременно должно быть снабжено обозначением строк цифрами на поле (через 5 строк).

²⁴ Русские ученые оказались на этот счет большими ригористами: не довольствуясь копиями Порфирия Успенского и даже фотографиями П. И. Севастьянова, они (в частности, В. Э. Регель) предпринимают неоднократные и длительные поездки на Афон с целью более глубокого ознакомления и наиболее точного отображения хранящихся там актов.

²⁵ Не совсем ясно, о каких копиях А. И. Пападопуло-Керамевса идет здесь речь; скорее всего, о списанных и опубликованных им текстах актов из вазелонского кодекса. См.: *Παπαδόπουλος Κεραμεύς Α. Ανέκδοτα ἑλληνικὰ συγγραμμάτια ἐγγράφα τε καὶ ἄλλα κεῖμενα...* Ἐν Κ/πόλει, 1884. Σ. 77–85.

Кроме того, новое издание должно быть снабжено лучшими указателями. Венское собрание и в этом отношении ни в коей мере не удовлетворительно. Однако достаточно. Вы видите, с каким участием я слежу за Вашими работами о византийских документах.

Особый интерес представляет еще один аспект переписки Цахариэ фон Лингенталля, который свидетельствует об определенной или, точнее говоря, панславистской «ангажированности» некоторых сторон научного творчества великого немецкого ученого. Дело в том, что он придавал особое значение своему членству в Российской Императорской Академии наук. Правда, Цахариэ, как кажется, вообще был весьма чувствителен к такого рода «знакам внимания». В одном письме к Кунику от 29 октября 1856 г. (№ 4) он пишет следующее:

Из чистой любви к делу и при многих денежных жертвах я потратил лучшую часть моей жизни на то, чтобы заполнить лакуны нашего знания истории византийского государства и правовой жизни, и должен к тому же постоянно с большим трудом находить книгоиздателя, который бы бесплатно взялся напечатать эти вещи. Тем более радуют и воодушевляют меня знаки признания, как оно мне, например, было выказано Его Величеством королем Греции, через награждение орденом Спасителя; без этого нового стимула я, может быть, малодушно опустил бы перо.

Членство в Российской Академии наук также было одним из таких «знаков признания», которым Цахариэ очень дорожил. Он испытывает «истинную радость» и высказывает «искреннюю благодарность» и Академии и Кунику, узнав об избрании²⁶ (письма № 5 от 14 мая 1857 г. и № 6 от 13 июня 1857 г.), а «дабы не казаться в глазах Академии лишь мертвым корреспондентом» (№ 7 от 4 декабря 1862 г.), он обещает «найти время и способ доказать свою деятельность в качестве члена-корреспондента Академии» (№ 13 от 27 января 1867 г.). В письме от 4 декабря 1862 г. (№ 7) он пишет: «Уже несколько лет назад я приступил к работе для Академии — о финансовой системе в эпоху римско-византийских императоров, но работа чересчур разрослась, а я слишком часто от нее отрывался из-за других дел, чтобы быть в состоянии обобщить мои исследования во что-то целое. Так

²⁶ Цахариэ фон Лингенталь был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук (по разряду историко-политических наук ИФО) с 7 декабря 1856 г. См.: Академия наук СССР: Персональный состав. М., 1974. Кн. 1 (1724–1917). С. 350 (без фотографии).

что я в конце концов был вынужден то новое, что принесли мои исследования о римском подушном и поземельном налоге, резюмировать в более краткой статье»²⁷.

Цахариэ тщательно обдумывает проблематику своих работ, предназначенных для опубликования в научном органе Российской Академии наук — *«Mémoires»* (всего им опубликовано в этом органе 8 обстоятельных статей²⁸), стараясь приблизить ее к запросам Академии. Так, он пишет в письме от 24 ноября 1875 г. (№ 21):

Новейшие явления в области литературы греко-русского права побудили меня обобщить мои воззрения и исследования о греческих Номоканонах в одной краткой статье. Так как я, между прочим, должен отказать Фотию всякое участие в Номоканоне, который известен под его именем, то я сомневаюсь, сможет ли статья подойти для мемуаров тамошней Академии. Позволю поэтому спросить Вас, могу ли я ее тем не менее прислать Вам для Академии.

Показательно в этом отношении и письмо Цахариэ от 13 июня 1884 г. (№ 33), в котором он, высказывая благодарность за поздравления со стороны Академии и самого Куника в связи с 50-летним докторским юбилеем Цахариэ, пишет: «Чтобы показать Академии, что я постоянно старался выказать себя достойным членства, я набросал и почти закончил за последние недели одну статью: об авторе и источниках (Псевдо-Фотиева) Номоканона в XIV титулов. Считаете ли Вы, что статья понравится Академии, и должен ли я в утвердительном случае послать ее Вам для передачи или же прямо в Академию?»²⁹

Чувство признательности за честь состоять членом-корреспондентом русской Академии наук подкреплялось у Цахариэ и чисто материальным фактором: оказывается, все последние выпуски его знаменитого *Jus Graeco-Romanum*, а именно *Pars V (Synopsis Basilicorum)*, *Pars VI (Prochiron Auctum)* и *Pars VII (Epitome legum)*, были изданы в Лейпциге в значительной мере на русские деньги. Дело в том, что

²⁷ Опубликовано: *Zachariae von Lingenthal K. E. Zur Kenntniss des römischen Steuerwesens in der Kaiserzeit // Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg. Série VII. 1863. T. 6. No. 9. 24 p.*

²⁸ Все они воспроизведены анастатическим способом в его переизданных в 1973 г. в Лейпциге *«Kleine Schriften»* (см. примеч. 1).

²⁹ Статья, безусловно, понравилась и была опубликована: *Zachariae von Lingenthal K. E. Ueber den Verfasser und die Quellen des (Pseudo-Photianischen) Nomokanon in XIV Titeln // Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg. Série VII. 1885. T. 32. No. 16. 41 p.*

лейпцигский издатель Вайгель, выпустивший в свет первые четыре «части» *JGR*, отказался от продолжения этого собрания, сославшись на «незначительный сбыт в наше время такого рода изданий источников», в связи с чем Цахариз и обратился с вопросом:

Не захотела ли бы она (т. е. Императорская Академия наук) и каким именно образом содействовать осуществлению этого предприятия? По моему мнению, вышеупомянутые правовые сборники (речь в письме шла об «испорченном Леунклавием» Синописе и «еще совсем не публиковавшемся» *Prochiron Auctum*. — И. М.) могли бы появиться как тома V и VI моего *JGR*. Каждая из этих частей может быть около 30 листов, а печатание стоило бы примерно 15 талеров за лист. По опыту части IV, можно было бы рассчитывать на сбыт 80–90 экземпляров в первые 2 года (№ 13 от 27 января 1867 г.).

И уже следующим письмом от 27 июля 1867 г. (№ 14) он благодарит за «радостную весть, что президент комитета по законодательству склонен существенно способствовать изданию частей V и VI моего *JGR*». Далее называется и имя этого загадочного «президента комитета по законодательству» — «министр князь Урусов», которому Цахариз не один раз еще высказывает свою благодарность за финансовую поддержку (см., например, письма № 15 от 21 января 1868 г., № 16 от 28 апреля 1868 г. и № 19 от 24 апреля 1870 г.). Речь шла, по-видимому, о князе Сергее Николаевиче Урусове (1816–1883), статс-секретаре, члене Государственного Совета, главноуправляющем II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии, под председательством которого была образована комиссия по выработке законопроекта городской реформы³⁰, но почему именно он был «задействован» в финансировании научных проектов немецкого ученого — неясно.

Опуская здесь весьма обильную информацию о деталях реализации этих проектов, отметим лишь, что Цахариз обещал упомянуть в издании этот факт финансовой поддержки (см., например, № 14 от 27 июня 1867 г.: «То, что денежное пособие должно быть упомянуто в предисловии, само собой разумеется. Я бы всё же попросил предложить мне желаемую формулировку»), но по каким-то причинам не сделал этого. Любопытно также отметить, что он рассчитывал пристроить в Петербурге на работу своего сына Теодора Цахариз, дав ему следующую рекомендацию:

³⁰ См. об этом: Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Л., 1984 (см. Указатель имен).

Мой сын, доктор филологических наук Теодор Цахариз, который на протяжении двух лет вел свои занятия санскритом в Англии, снова возвратился в этом месяце в Лондон и ищет теперь место, в котором он мог бы реализовать накопленные знания. Может, в Петербурге можно было бы найти для него место при какой-нибудь библиотеке? Прилежание, надежность и скромность — вот добродетели, которые я могу за ним гарантировать: его научные достижения (перевод на английский «Истории индийской литературы» Вебера) не поддаются моей оценке. В Германии в данный момент для него нигде нет места (№ 27 от 5 ноября 1878 г.).

Важно, наконец, принять во внимание еще один, скорее психологический аспект переписки Цахариз с Куником — некий своеобразный «комплекс неполноценности» первого, связанный с незнанием им русского языка. Так, он с искренним сожалением признаётся, что славянские источники и новейшая славянская литература ему неизвестны, а из-за языка и совсем недоступны (№ 10 от 25 июля 1864 г.; ср. № 11 от 16 августа 1864 г.), просит прощения за «припадок славянской этимологии у одного полного профана», как он себя называет (№ 10), констатирует, что «тем затруднительнее мне в моей работе, что я не сведущ в славянском языке и не знаком со славянской правовой литературой» (№ 16 от 28 апреля 1868 г.), что «мое незнание русского языка и литературы мешает мне представить (для опубликования в России. — *И. М.*) нечто более совершенное, и особенно я сожалею, что не могу оценить работы Павлова» (№ 26 от 18 июня 1878 г.). «Как часто я сожалел, — с горечью восклицает он, — что не могу следить за русской литературой! Наша молодежь должна будет постараться овладеть этим языком!» (№ 38 от 14 мая 1893 г.). И наконец: «Мой внук должен скоро получать уроки русского языка. В учителя мне тайным советником Пернице был рекомендован один студент русской семинарии в Берлине по имени Сретенский» (№ 41 от 1 сентября 1893 г.).

Невольно возникает подозрение: не по этой ли причине (из принимаемого близко к сердцу чувства воспринимаемого долга перед русской Академией, отметившей его своим признанием, и из удивительного для нас чувства некоей вины, ощущаемой им из-за незнания русского языка) появились его рискованные экскурсии в область славяно-русской истории, вроде того, что «крепостное право в России было введено при Борисе Годунове по византийскому образцу» (№ 9 от 22 мая 1864 г.; ср. № 22 от 5 декабря 1875 г., № 23 от 10 февраля 1876 г.)? Не отсюда ли и его пресловутая «славянская теория», когда он пишет, что «нигде не видно отчетливее (чем в области

византийского уголовного и процессуального права. — И. М.), как сильно в Константинополе с VIII века стало влияние славянских правовых воззрений» (№ 16 от 28 апреля 1868 г.)? Правда, он сам оговаривается в письме от 10 февраля 1876 г. (№ 23): «Мои скудные познания русской истории вообще и русской правовой истории в частности заставляют меня, может быть, очень ошибаться. *Cedo majori*: если Вы сообразоволяете поставить меня на место, то я или совсем вычеркну соответствующее замечание в моей Истории права, или изложу согласно Вашему объяснению». Но то, что Цахариэ «угодил» национальному чувству своих русских коллег (а он, чувствуется, очень хотел именно угодить им), явствует из того, что Куник, по-видимому, не собирался «ставить его на место» и что все эти сомнительные, как оказалось, идеи³¹ были запечатлены в его знаменитой «Истории греко-римского права»³², некритически восприняты и развиты в трудах крупнейшего русского историка Византии В. Г. Васильевского³³, а уже в советское время — Е. Э. Липшиц³⁴.

Конечно, это не тот случай, когда высказанная в одном из писем графа Румянцева к видному эллинисту Карлу Бенедикту Газе просьба найти «что-нибудь этакое» по древней славяно-русской истории и обещание щедро вознаградить за находку толкнуло последнего на бесчестный поступок — на изготовление фальсификата (я имею в виду печально знаменитую так называемую «Записку готского (или греческого) топарха»³⁵), отнюдь нет. Намерения Цахариэ были более благородны, но и в этом случае известная «ангажированность» его научного творчества сделала некоторые его идеи весьма субъективными и даже ошибочными³⁶.

³¹ См., например: Панченко Б. А. Крестьянская собственность в Византии: Земледельческий закон и монастырские документы. София, 1903. С. 44 и др.

³² *Zachariae von Lingenthal K. E. Geschichte des griechisch-römischen Rechts*. 3. Aufl. Berlin, 1892. S. 253–254.

³³ *Васильевский В. Г. Законодательство иконоборцев* // ЖМНП. Ч. СС. 1878. С. 97 и сл.

³⁴ *Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным Земледельческого закона)* // Византийский сборник. М.; Л., 1945. С. 96–143.

³⁵ См. об этом статью И. Шевченко: *DOP. Vol. 25. 1971. P. 115–188 + Plates 1–28.*

³⁶ В письмах сохранена орфография и пунктуация оригинала, а также характерная аббревиатура подписи (*Zalingenthal*) и сокращение *currentis [anni]*, т. е. «текущего года», одной буквой «с».

№ 1

Hochgeehrter Herr!

Ihr geehrtes Schreiben vom 25ten Sept. ist mir vor einigen Tagen hier in Grosskmehlen (bei Ortrand, Königreich Preussen), wo ich schon seit einigen Jahren zurückgegangen auf meinem Gute lebe, richtig zugekommen. Die Frage, welche Sie an mich richten, setzt mich in mehr als einer Hinsicht in Verlegenheit. Herr Dr. Muralt hat, in dem von Ihnen bezeichneten Aufsatz, nicht blos eine, sondern mehrfache Ansichten geäussert: ich weiss nun nicht genau, über welche von diesen Sie mein Urtheil verlangen. Ebenso scheue ich mich ein Urtheil auszusprechen, ohne dasselbe streng zu begründen: und eine eingehende Kritik jenes Aufsatzes würde eine Abhandlung erfordern, welche weit über die Grenzen eines Briefes hinausginge. Endlich gestehe ich aufrichtig, dass ich jenen Aufsatz nicht überall ganz verstehe. Es scheint mir, dass Herr M. sich durch das Studium der Petersburger HS. (-ich habe sie ebenfalls in Händen gehabt, und weiss, dass sie gegen andere ältere HSS sehr zurücksteht-) hat verleiten lassen, ohne Rücksicht auf die zahlreichen anderen HSS Schlüsse zu ziehen, die bei einem Ueberblick über das gesammte HSS Material sich kaum werden rechtfertigen lassen. Ich wenigstens habe in seinem Aufsatz nichts gefunden, was mich zu zweifeln an den Ansichten von Biener u. s. w. veranlasst hatte. Herr M. leugnet zb. dass die Sammlung der Kanones in 50 Titeln mit der Vorrede *Οἱ τοῦ μ. θεοῦ* von Joannes Antiochenus herühre, und zwar weil sie keine Notiz nehme von den kirchenrechtlichen Gesezen Justinians, namentlich nicht von der Nov. 131. Aber Herr M. hat in Nov. 131 c. 1 die Worte «*ἡ βεβαιωθέντας*» übersehen: er ignorirt die Beweise dafür, dass die coll. 87 capitulorum (Auszüge aus Justinians Novellen) den zweiten Theil jener Sammlung bilden. — Was Herr M. über des Photius Antheil an dem Syntagma aus der Coll. canonum sagt, scheint mir nichts Neues zu enthalten, namentlich keine Lösung der noch obwaltenden Zweifel zu geben.

Es ist mein lebhafter Wunsch, dass es Ihnen gelingen möge, die byzantinischen Studien zu befördern. Für die rechtsgeschichtliche Seite derselben werde ich stets bereit sein aus meinen reichhaltigen Collectanaea Auskunft zu ertheilen. Ich selbst beschäftige mich mit einer «inneren» byz. Rechtsgeschichte, nachdem ich das Manuscript für die Ausgabe einiger wichtigen byz. Rechtsbücher, sowie eine Sammlung der Novellen byz. Kaiser zum Drucke bereitet habe. (Leider habe ich in jezigen Zeiten für diese Stücke noch keinen Verleger finden können). Eine Vergleichung des späteren byz. Rechts, namentlich des Gewohnheitsrechts, wie es sich aus

den Rechtsbüchern erkennen lässt, mit dem alten russischen Rechte wird vielleicht interessante Aufschlüsse geben.

Unter der Versicherung der vollkommensten Hochachtung habe ich die Ehre zu sein

Eur Hochwohlgeboren
ergebener Diener

D. Zachariä von Lingenthal

Großkmehlen
24 Okt. 1853

№ 2

Eur Hochwohlgeboren

sehr gütige Zuschrift ist mir vor einiger Zeit richtig zugekommen, und ich danke verbindlichst für das Anerbieten, dass Sie einen Aufsatz von mir, und vielleicht auch meine Inedita zum Drucke befördern wollen. Den Aufsatz werde ich ganz nach Ihrem Wunsche fertigen, sobald ich wieder hier heimisch bin. Zur Zeit bin ich nur auf einige Tage hier: den übrigen Theil des Winters muss ich in Berlin als Abgeordneter zur II Kammer zubringen. Aber zum Juni hoffe ich Ihnen das Manuscript des Aufsatzes über die neuere byzantinisch-juristische Literaturgeschichte zusenden zu können, und es soll mich sehr freuen, wenn es das Interesse für diese Studien in Russland wecken hilft.

Einstweilen genehmigen Sie die Versicherung der ausgezeichneten Hochachtung, mit welcher ich die Ehre habe zu sein

Eur Hochwohlgebornen
ganz ergebenster *D. Zalingenthal*

Großkmehlen bei Ortrand
Jan. 2. 1854

№ 3

Eur Hochwohlgeboren

beehre ich mich in der Anlage die versprochene Skizze zur Orientirung über die neuere Literatur des byzantinischen Rechts zu senden. Mancherlei Abhaltungen haben diese Zusammenstellung verzögert; ich eile sie wenigstens vor dem Schlusse des Jahres noch abgehen zu lassen, damit nicht eine

neue Zögerung durch die Arbeiten der Kammersession verursacht wird. Ich stelle Ihnen ergebenst anheim, jeden beliebigen gebrauch von den übersendeten Blättern zu machen: sollten Sie dieselben abdrucken lassen wollen, so würde ich nur den Wunsch haben, ein Exemplar des Abdruckes zu erhalten.

Meine druckfertigen Inedita haben noch keinen Verleger gefunden: die nothwendige Correctur durch mich selbst hindert mich einen Verleger in weiterer Ferne zu suchen. Von meiner inneren *byzantinischen* Rechtsgeschichte habe ich eine Abteilung zum Drucke auszuarbeiten begonnen: ich habe dazu das Eherecht gewählt, und hoffe damit noch in diesem Winter zu Stande zu kommen.

Indem ich mich Ihrem fernerem Wohlwollen angelegentlichst empfehle, habe ich die Ehre zu verbleiben

Mit der ausgezeichnetsten Hochachtung

Eur Hochwohlgeboren

ganz ergebenster

D. Zalingenthal

z. Z. als Abgeordneter zur II Kammer
in Berlin Linzsstrasse no. 11
wohnhaft.

Berlin

11 dec. 1854

№ 4

Hochgeehrtester Herr!

Ihren Brief vom 10 Okt. c. habe ich richtig erhalten, und beeile mich auf die gestellten Anfragen zu antworten.

Was zuerst die gewünschten Notizen aus der Pariser Bibliothek betrifft, so bemerke ich:

1. das Synodaldecret, welches der Cod. Paris. 1319 fol. 543^a enthält, steht gedruckt in Leunclavii Jus G. R. I p. 206, und in dem Σύνταγμα τῶν κανόνων ed. Rhallis et Potlis to. V p. 40.
2. der Edict des Kaisers Manuel aus Paris. Suppl. 131 wird demnächst in meiner unter der Presse befindlichen Sammlung byzantinischer Novellen erscheinen.
3. der Cod. Paris. 1359 fol. 274^a enthält nicht die Synodalsentenz des Patriarchen Manuel. Wahrscheinlich ist Cod. Paris. 1339 gemeint, wo sich fol. 274^a folgendes findet: τοῦ πατριάρχου Μανουήλ. Ἡ γοῦν μετρίότης. Expl. βοῦλλαν wahrscheinlich ist dies das im Σύνταγμα von Rhallis to V p. 117 lin. antepenult. – p. 118 gedruckte.

4. der tomus Neophyti patriarchae de a. 1611, welcher im Cod. Paris. 1323 f. 387 vorkommt, ist gedruckt im Σύνταγμα von Rhallis to. V p. 156.

Was ferner die Σημειώματα aus Cod. Bodlej. 205 fol. 562^b betrifft, so besitze ich dieselben nicht in Abschrift. Indessen ist einiges gedruckt: zb. im citirten Σύνταγμα to. V.

Endlich die arabische Uebersetzung eines griechischen Nomokanons betreffend, so theile ich Ihnen (mit der Bitte um Rücksendung nach gemachtem Gebrauche) dasjenige mit, was ich darüber an Notizen besitze. Die englische Uebersetzung des Anfangs verdanke ich der Güte des Mr. Cureton, jezt am Britischen Museum.

Ich habe schon vorhin erwähnt, dass eine Sammlung von byzantinischen Novellen von mir unter der Presse ist. Sie wird über 300 Stück enthalten. Eine bedeutende Stelle nehmen darin die Chrysobullen ein, welche die byzantinischen Kaiser an Venedig und andre italienische Städte bewilligt haben. Aller Wahrscheinlichkeit nach sind dergleichen Chrysobullen auch an russische Fürsten gegeben worden und in russischen Archiven noch befindlich oder in russischen Werken gar gedruckt, aber mir nicht zugänglich. Zu Vervollständigung der Sammlung erlaube ich mir um Mittheilung dessen zu bitten, was Ihnen hierüber bekannt ist oder von Ihnen in Erfahrung gebracht werden kann: es würde eine empfindliche Lücke sein, wenn die Sammlung nichts böte, was die Beziehungen zwischen Konstantinopel und Russland vor 1453 erläuterte.

Sobald der Druck der Novellen-Sammlung beenden ist, werde ich mich mit der Fortsetzung meiner Inneren Geschichte des byzantinischen Rechts beschäftigen. Das Manuscript für das zweite Heft, das *Erbrecht* umfassend, ist beinahe druckfertig. Es soll mich sehr freuen, wenn diese Arbeit, die jahrelange Vorstudien erfordert hat, auch für die russischen rechtsgeschichtlichen Studien von Nutzen wird und bei Ihnen Anerkennung findet. Ich habe aus reiner Liebe zur Sache und unter vielen pecuniären Opfern des besten Theil meines Lebens daran gesetzt, die Lücken unseres geschichtlichen Erkenntniss des byzantinischen Staates und Rechtslebens auszufüllen, und habe dazu stets Mühe und Noth einen Buchhändler zu finden, der diese Sachen unentgeltlich zu drucken übernimmt. Um so mehr erfreuen und ermuthigen mich Zeichen der Anerkennung, wie sie mir zb. von Seiner Majestät, dem Könige von Griechenland durch die unerwartete Ertheilung des Erlöser-Ordens zu Theil geworden ist; ohne diesen neuen Anreiz hätte ich vielleicht muthlos die Feder sinken lassen. Jetzt aber habe ich wenigstens meine Collectaneen für die Geschichte des byzantinischen Privatrechts zuerst gelegt, und will diese zunächst verarbeiten.

Zu der Geschichte des byz. Staats und Kirchenrechts sind meine Vorarbeiten noch nicht so vollständig, und bedürfen noch längere Studien an einer grösseren Bibliothek: giebt mir aber Gott Leben und Gesundheit, so verzweifle ich nicht auch damit noch dereinst zu Stande zu kommen.

Zum Schlüsse wiederhole ich meine angelegentliche Bitte in Betreff der Chrysobullen. Der Druck meiner Sammlung ist schon bis zum 8ten Bogen vorgeschritten und in etwa 9 Wochen werde ich zu den Zeiten gelangen, wo die Beziehungen zwischen Byzanz und russischen Fürsten wichtiger werden. Wollen und können Sie mir also einige Mittheilungen machen, so bitte ich dieselben gefälligst zu beschleunigen.

Unter Versicherung meiner aufrichtigen Hochachtung und zu ferneren Diensten bereit

Ihr ergebener

D. Zalingenthal

Großkmehlen
29 Okt. 1856

№ 5

Hochverehrtester Herr!

Seit kurzem ist der Band, welcher die von mir besorgte Sammlung der Novellen byzantinischer Kaiser von 566–1453 enthält, beendet, und werde ich mir erlauben, Ihnen demnächst ein Exemplar zuzusenden. Es soll mich freuen, wenn diese Sammlung Ihnen auch für Ihre Studien einige Hülfe gewährt, und vielleicht den Archimandriten Porphyrius veranlasst, die von ihm gesammelten Chrysobullen griechischer Kaiser seiner Zeit ebenfalls durch den Druck bekannt zu machen.

Es ist mir mitgetheilt worden, dass in einigen Zeitungen die Nachricht von meiner Ernennung zum correspondierenden Mitglied Ihrer Akademie gestanden habe. Ich habe dies bisher für einen Irrthum gehalten, da mir weder eine directe Nachricht darüber zugeing, noch auch an eine solche Auszeichnung jemals von mir gedacht worden war. Indessen habe ich vor einigen Tagen durch meinen Buchhändler G. E. Schulze in Leipzig die ersten Nummern von dem XIV Bande des Bulletins der Akademie zugesendet erhalten, und vermuthete nun, dass die Akademie mich nach dieser Mittheilung zu beehren beschlossen hat. Indem ich hiefür jedenfalls Ihrer Güte und Freundlichkeit verpflichtet bin, bitte ich vor allem Ihnen und sodann durch Sie der Akademie meinen ganz ergebensten Dank aussprechen zu dürfen.

Ich brauche nicht hinzuzufügen, dass es mir stets eine wahre Freude machen wird, wenn ich Ihnen und allen Ihren Gelehrten über byzantinische Dinge aus meinen Sammlungen die etwa gewünschten Aufschlüsse zu ertheilen im Stande sein sollte.

Genehmigen Sie die Versicherung der ausgezeichnetsten Hochachtung, mit welcher ich zu verharren die Ehre habe

Ihr

Großkmehlen
bei Ortrand
Mai 14.57

ganz ergebenster
D. Zalingenthal

№ 6

Verehrtester Herr!

Nach einer längeren Reise nach Hause zurückgekehrt finde ich Ihren freundlichen Brief vom 11 Mai c. vor. Ich beeile mich für die ehrenvolle Auszeichnung, welche mir durch die Ernennung zum correspondierenden Mitglied Ihrer Akademie zu Theil geworden ist, Ihnen und der Akademie meinen ergebensten Dank auszusprechen, wiewohl mir bis jezt weder ein Schreiben Ihrer beständigen Secretärs noch ein Diplom zugegangen ist.

Meine Novellensammlung lege ich bei: es soll mich besonders freuen, wenn sie den Archimandriten Porphyrius veranlasst, aus seinen gesammelten Schätzen Nachträge zu veröffentlichen. Die lokalen Chrysobullen sind für Geschichte und Geographie ausserordentlich wichtig.

Auf die Engelmann'sche Schrift bin ich sehr gespannt. Meine Bemerkungen darüber behalte ich mir vor Ihnen seiner Zeit mitzutheilen.

Die Eile dieses Schreibens bitte ich mit der Menge von Geschäften, die nach meiner längeren Abwesenheit auf ihre Erledigung warten, gewigest entschuldigen zu wollen.

Mit der Versicherung der ausgezeichnetsten Hochachtung habe ich die Ehre zu verharren

Ihr

Großkmehlen
13 Juni 1857

ganz ergebenster
D. Zalingenthal

№ 7

Hochverehrter Herr!

Es würde zu weit führen, wenn ich alle äusseren Gründe anführen wollte, die mich so lange verhindert haben Ihnen zu schreiben. Schon vor Jahren hatte ich eine Arbeit für die Akademie über das Finanzwesen der römisch-byzantinischen Kaiserzeit in Angriff genommen, aber die Arbeit war zu gross angelegt und ich wurde zu häufig durch andere Geschäfte unterbrochen, als dass ich meine Studien zu einem Ganzen abzurunden vermocht hätte. So habe ich mich zuletzt entschliessen müssen, das Neue, was meine Forschungen über die römische Kopf- und Grundsteuer ergeben haben, in einem kürzeren Aufsätze zusammenzustellen, um der Akademie nicht als ein todter Correspondent zu erscheinen. Ich gedenke in diesen Tagen nach Leipzig zu gehen, um zu sehen, ob ich den Aufsatz durch die Vossische Buchhandlung an seine Adresse gelangen lassen kann. Oder soll ich ihn durch die Post schicken?

Wenn Sie die Gewogenheit haben wollten, mir auf diese Frage zu antworten, so würde ich zugleich noch um Auskunft darüber bitten, ob es mir, wenn der Aufsatz in den Memoiren der Akademie erst erscheinen sein wird, gestattet ist denselben auch noch in deutschen Zeitschriften wieder abdrucken zu lassen?

Mit dem letzten Abschnitte meiner byzantinischen Rechtsgeschichte bin ich insofern ins Stocken gekommen, als ich zur Lösung mehrerer wichtigen Fragen auf ein genaueres Studium des byzantinischen Münzwesens eingehen musste, und das ist freilich ein so verworrenes Feld, dass ich noch keine Aussicht habe auf Entdeckung eines zurechtweisenden Fadens. Zuletzt werde ich mich wohl begnügen müssen, die Zweifel anzudeuten, statt sie zu lösen.

Mit vollkommener Hochachtung
ergebenst

Großkmehlen
bei Ortrand
dec. 4. 1862

D. Zalingenthal

№ 8

Verehrtester Herr!

Es thut mir unendlich Leid, dass ich Ihnen nichts Neues über die βάραγγοι mittheilen kann. Zwar habe ich mich mit denselben beschäftigt, als ich die griechische Uebersetzung der leges Rotharis zu bearbeiten hatte, aber ich kam auch damals zu keinem ganz klaren Resultate. Ausser den Stellen, welche die Commentatoren zu Codinus und Ducange in seinem Glossarium (und dessen Appendix) citiren, habe ich aus meinen juristischen Quellen nur noch notirt

1. Zwei Stellen der Πείρα (XIV, 16 und LIV, 6), wonach es zweifelhaft ist, in wiefern bei den ἔθνικοί oder βάρβαροι τῇ βασιλείᾳ προσεληλυθότες das *persönliche* Recht noch galt.
2. eine Stelle aus einem Chrysobullon des Alexius Comnenus (meine Novelle p. 373), in welcher von der Einquartierung der «ῥώσων, βαράγγων, κουλίγγων, ἰγγλίνων, φράγγων, νεμίτζων κτλ.» die Rede ist.

Die Stelle des Codinus, nach welcher die Warangen englisch gesprochen haben, ist Ihnen jedenfalls nicht entgangen. Für eine Anknüpfung an die Liktores finde ich keinen besonderen Anhalt. Auch scheinen die Warangen nicht bloß eine kaiserliche Leibwache gebildet zu haben, sondern es haben Warangen auch ausserhalb derselben, selbst in den Provinzen, im Heere gedient. Die Beweisstellen hat Ducange.

Um die Uebersendung meines Manuscripts nicht allzusehr zu verzögern, ziehe ich doch vor, dasselbe der Presse zu übergeben. Ich lege es diesem Brief bei, und wünsche nur, dass es deutlich genug geschrieben sei, um nicht zu Druckfehlern Veranlassung zu geben.

Mit der ausgezeichnetesten Hochachtung habe ich die Ehre zu verharren

Ihr
ganz ergebenster

Großkmehlen
bei Ortrand
dec. 19. 1862

D. Zalingenthal

№ 9

Großkmehlen 22 Mai 1864

Hochgeehrter Herr!

Es ist mir eine grosse Freude gewesen von Ihnen zu hören, dass Ihnen meine Beiträge zur Geschichte der bulgarischen Kirche willkommen gewesen sind. Von dem grössten Interesse wird es mir sein, das zu studiren, was Sie aus bulgarischen, serbischen und russischen Quellen über den gleichen Gegenstand zusammenzustellen gedenken.

Bald nach Empfang Ihres Briefes habe ich das angekündigte Schreiben von dem Secretär der Akademie erhalten. Derselbe schreibt: «Was die Herausgabe der vorzüglichsten Stücke des Demetrius Chomatianus betrifft, so hat die Akademie Ihrem Vorhaben, dieselben für den Druck zu bearbeiten, ihren vollen Beifall gezollt und mich beauftragt Sie zu benachrichtigen, dass nach dem bestehenden Reglement der Akademie den Autoren der von der Akademie gedruckten Werke 50 Freiexemplare zugestanden werden. Wären Sie also geneigt auf dieser Grundlage Ihr Werk bei der Akademie erscheinen zu lassen, so würde letztere gern die Druckkosten tragen u. s. w.». Ich lasse noch heute die Antwort abgehn, dass ich «auf dieser Grundlage» die Arbeit nicht unternehmen kann. Dieselbe würde meinerseits viele Opfer erheischen: eine Reise nach München und einen längeren Aufenthalt daselbst, um die Handschrift zu copiren, oder aber die noch kostspieligere Bezahlung einer correcten Abschrift: ein Jahr mühsamer kritisch-exegetischer Bearbeitung des herauszugebenden Textes und dergleichen mehr. Ich hatte geglaubt, der Akademie vielleicht einen Dienst erweisen zu können, wenn ich mich zur Uebernahme der Arbeit bereit erklärte, da die Werke des Demetrius für die Geschichte des *russischen* Kirchenrechts nicht unwichtig sein werden. Aber ich kann nicht daran denken um einiger Freiexemplare willen nicht unbedeutende Geldmittel und ein Jahr angestrenzter Arbeit zu opfern.

In einigen Wochen wird der Druck des letzten Heftes meiner byzantinischen Rechtsgeschichte beendet. Ich werde nicht verfehlen der Akademie ein Exemplar zu übersenden. Ich bedauere, dass ich dieses letzte Heft, welches unter Anderem die Geschichte der bauerlichen Verhältnisse im byzantinischen Reiche enthält, nicht früher beenden konnte. Grade dieser Theil hat für Russland besonderes Interesse, da die Leibeigenschaft daselbst unter Boris Godunoff wahrscheinlich nach byzantinischem Muster eingeführt worden ist.

Ich habe meine byzantinische Rechtsgeschichte einstweilen auf die Geschichte des Privatrechts beschränkt. Finde ich Musse dazu, so will ich künftig

auch die Geschichte des öffentlichen Rechts ausarbeiten, und zwar mit der besonderen Tendenz zu beweisen, dass die Türken von Alters her alles organisatorischen Talents baar und ledig gewesen sind, und einfach die obwohl corrupten byzantinischen Einrichtungen adoptirt oder gar noch «verballhor-nisirt» haben. Es wird daraus klar hervorgehen, wie wenig die Türken geeignet und berechtigt sind, in der Mitte der europäischen Völkerfamilie, welche eine Trägerin der Civilisation ist, einen Platz auf die Dauer zu behaupten.

Die Freiexemplare meiner Abhandlung über die römische Steuerverfassung habe ich seiner Zeit ganz richtig erhalten.

Ist Ihnen «Das Eherecht der orientalischen Kirche von Dr. Ios. Zhishman. Wien 1863» schon zu Gesicht gekommen? Es ist darin eine Masse Material zusammengetragen, aber nicht genügend durchgearbeitet: sein Standpunkt scheint mir in der Lehre von der Scheidung nicht orthodox genug zu sein. Mir hat er die Ehre (!) angethan, dass er selbe Seiten aus einzelnen meiner Abhandlungen sowie aus dem ersten Hefte meiner byzantinischen Rechtsgeschichte wörtlich ohne Nennung seiner Quelle — abgeschrieben hat!

Mit der Versicherung aufrichtigster

Hochachtung

Ihr

ergebenster

D. Zalingenthal

№ 10

Großkmehlen 25 Juli 1864

Hochgeehrtester Herr!

Es hat mir zu grosser Befriedigung gereicht, dass Ihnen meine Beiträge zur Geschichte der bulgarischen Kirche willkommen gewesen sind, und ich spreche zugleich meinen besten Dank aus für die ehrenvolle Anerkennung, die Ihr Bericht enthält. Dass ich mir der Mangel meiner Arbeit bewusst gewesen bin, beweist schon der gewählte Titel: die slavischen Quellen und die neuere slavische Literatur sind mir unbekannt und auch der Sprache wegen ganz unzugänglich. Um so werthvoller und interessanter sind mir die Bemerkungen gewesen, welche Sie theils im Berichte niedergelegt, theils mir brieflich mitgetheilt haben.

Auf der anderen Seite aber gestehe ich, dass mich diese Bemerkungen nicht wenig in Verlegenheit gesetzt haben. Sollte ich sie, soweit es im Laufe des Druckes möglich war, benutzen und mich so mit fremden Federn

schmücken? Sollte ich sie umgekehrt ganz vernachlässigen und es Ihnen überlassen die geeigneten Nachträge zu veröffentlichen? Wäre es noch Zeit gewesen, so würde ich vorgeschlagen haben, dass Sie die betreffenden Nachträge etwa in Form von Anmerkungen zu meiner Abhandlung mit Ihrem Namen versehen bekannt gemacht hätten. So aber habe ich nach langem Schwanken eine Art Mittelweg eingeschlagen, indem ich Einiges in meine Abhandlung auf Grund Ihrer Mitteilungen hineincorrigirt habe, und am Schlusse mit Ihrer Erlaubnis die Bemerkung hinzufügen will, dass ich durch Ihre gütigen Mittheilungen veranlasst mehrere Berichtigungen und Ergänzungen während des Drucks vorgenommen habe. Sollte Ihnen jedoch dieses Verfahren etwa nicht genehm sein, so bitte ich die Correcturbogen 2 und 3, welche ich mit diesem Brief absende, an sich zu fordern, und die auf Ihren Notizen beruhenden Aenderungen, besonders auf p. 13, 14 und 22, einfach zu streichen.

Ihren Bemerkungen über die Schreibart der Eigennamen bin ich nach Möglichkeit nachgekommen. Die volle Consequenz ist freilich in dieser Sache schwer zu behaupten. Ob β durch υ oder ω wiederzugeben ist, ob griechische oder lateinische Endungen oder gar slavische, — darüber wird wohl noch lange Unsicherheit bleiben. Auch Sie schreiben ja Bulgarien und nicht Wulgarien, freilich ohne dass ich weiss, ob nicht die slavische Rechtschreibung diese Transscription des Βουλγαρία erfordert.

Dass ich Ihre schätzbaren Notizen nicht noch mehr ausgebeutet habe, möge in einem doppelten Grunde seine Entschuldigung finden. Es war nicht möglich den Druck durch völlige Umarbeitung zu stören, und ich habe die Vita Clementis bis jetzt noch nicht erhalten können. Um weites zu gehen hätte ich aber diese Vita hinsichtlich ihrer historischen Glaubwürdigkeit gründlicher prüfen müssen, da ich mich mancherlei Zweifeln in dieser Beziehung nicht habe verschliessen können.

Sollte es noch zu einer Herausgabe des Demetrius Chomatianus kommen (Dr. Zhishmann hat ihn in seinem Eherecht der Orientalischen Kirche nach der Münchener HS mittlerweile stark benutzt,) so wird sich über die bulgarische Kirche noch allerlei nachtragen lassen. Freilich muss ich aufrichtig bekennen, dass meine Mitwirkung zu einer solchen Herausgabe durch die in Aussicht gestellte Beilehnung mit 50 Freiexemplaren gar sehr zweifelhaft geworden ist.

Schliesslich noch zwei Fragen:

1. Kann Κοτοκίον, Καδοκία nicht einfach d. i. eine bulgarische Niederlassung bedeuten?

2. Kann Βελίτζα (Δρεμβίτζα) nicht als die grösste Provinz, im Gegensatz zu Κουτμυβίτζα der kleinen Provinz gedeutet werden? (Verzeihen Sie diese Umwandlungen slavischer Etymologie bei einem völlig Unbefugten!)

Wollten Sie die Güte haben zu veranlassen, dass mir die Aushängebogen mit den Correcturen zugeschickt werden, so würde ich sehr dankbar sein. Was aber die Materialien zur Geschichte des Patriarchats von Ternowo betrifft, so ist diese so sehr ein hors d'oeuvre meiner Abhandlung zu verwerthen.

Mit aufrichtigster Hochachtung

Ihr ergebenster

D. Zalingenthal

[P. S.] Durch Voss in Leipzig lasse ich zwei Exemplare des dritten und letzten Heftes meiner Geschichte des griechisch-römischen Privatrechts an Sie abgehen, wovon ich das Eine der Akademie darzubringen bitte.

№ 11

Großkmehlen 16 Aug. 1864

Hochgeehrtester Herr!

Heute sende ich die Correctur des Schlusses meiner Beiträge mit der Post von hier ab, und beeile mich gleichzeitig Ihren Brief vom 26 Juli zu beantworten. Ich habe dazu um so mehr Veranlassung, als Ihr Brief auch diesmal einen äußerst wichtigen Nachtrag zu meiner Abhandlung enthält, den ich im Interesse der Sache dem gelehrten Lesepublikum mittheilen möchte, und doch unmöglich in meine Abhandlung verflechten kann. Ich schlage daher vor, daß Sie mir gestatten wollen, am Schlüsse meiner Beiträge noch Folgendes hinzufügen:

Schlußbemerkung des Verfassers. Herr Akademiker Kunik hat die Güte gehabt mir eine Reihe gewichtiger Bemerkungen zu vorstehenden Beiträgen mitzuthemen, von denen ich mehrere noch während des Druckes benutzen zu können in der Lage war. Meine Arbeit ist wesentlich aus byzantinischen Quellen geschöpft, da die slavischen Quellen mir nicht zugänglich sind: was diese für die Geschichte der bulgarischen Kirche bieten, wird hoffentlich Herr Kunik für den Druck zu bearbeiten Muße finden. Einstweilen will ich das, was Herr Kunik über das von mir nur Vollständigkeit wegen kurz erwähnte Patriarchat von Ternowo mir mitgetheilt hat, mit dessen Erlaubniß folgen lassen:

Hier würdt dann Ihre Mittheilung — die ich zu diesem Zwecke beilege — abzdrukken sein.

Sind Sie mit diesem Vorschlage einverstanden, so ersuche ich Sie, meine Schlußbemerkung und Ihre Mittheilung der Druckerei zum Abdrucke zu übergeben.

Was die weiteren Studien über die Vita S. Clementis und Theophylactus betrifft, die ich nächstens erhalten werde, so behalte ich mir ein genaueres Eingehen auf diese Quellen für den Fall vor, daß ich doch noch vielleicht Hand an den Demetrius Chomatianus lege.

Die HS des Demetrius in München ist eine Foliohandschrift von 305 Blättern: eine Ausgabe derselben würde also c. 40 Bogen füllen, wenn keine lateinische Uebersetzung, sondern nur der griechische Text mit Prolegomenen und den nöthigsten Anmerkungen gegeben würde. Hätte ich eine zuverlässige Abschrift und den erforderlichen literarischen Apparat, so würde mir die Arbeit Vergnügen machen. Da ich mir aber jene selbst fertigen und diesen erst beschaffen muß, so habe ich keine Lust solche Opfer für eine mir doch ferner liegende Unternehmung ohne genügende Entschädigung zu bringen. Gegen eine runde Summe von 600 preußischen Thalern aber würde ich allenfalls bereit sein, den *ganzen* Demetrius abzuschreiben, zu bearbeiten und an die Akademie zum Drucke abzuliefern: 200 als Vorschuß zur Reise nach München und den dort zu nehmenden mehrwöchentlichen Aufenthalt: 200 bei Einlieferung des Manuscripts: 200 bei Beendigung des Druckes. Ginge die Akademie auf diese Proposition ein, so würde ich am liebsten noch diesen Herbst die Reise nach München machen, um dann während des Winters meine freie Zeit zu der Ausarbeitung zu verwenden: im Winter die Reise zu unternehmen scheue ich mich, im Sommer aber beschäftige ich mich meist mit der praktischen Landwirtschaft.

Das Exemplar des letzten Heftes meiner Geschichte des Griechisch-Römischen Privatrechts, welches ich Leopold Voss für Sie persönlich übergeben habe, ist wohl bereits in Ihre Hände gelangt. Es ist das Product langer und mühseliger Studien: hoffentlich von einigem Werthe für die Sachverständigen!

Mit welchem Interesse ich Ihren Ergänzungen entgegensehe, brauche ich nicht erst zu versichern. Sie haben übrigens ganz Recht, wenn Sie die Nachrichten slavischer Quellen über die älteste bulgarische Geschichte mit einigem Zweifel an ihren Glaubwürdigkeiten betrachten: ich erinnere mich aus meinem Wiener Aufenthalte und dem täglichen Verkehr mit Kopitar, wie oft dergleichen Zweifel auch in unseren Gesprächen berührt wurden, wo es sich um die Zeiten des Cyrill und Methodius handelte!

Mit aufrichtigster Hochachtung

Ihr

ergebenster

D. Zalingenthal

№ 12

Großkmehlen 6 April 1865

Verehrtester Herr!

In einer Anmerkung meiner Ἀνέκδοτα habe ich bereits im J. 1834 eine Epitome einer alten bis dahin unbekannten Verordnung mitgetheilt, welche die Verhältnisse des Seidenhandels im VI Jahrhunderte betrifft. Da diese Mittheilung bisher gänzlich unbeachtet geblieben ist, so habe ich diesen langen Winter benutzt, um eine Abhandlung über den römischen Seidenhandel im Allgemeinen und über jene (Iustinianische) Verordnung insbesondere für die Akademie auszuarbeiten. Vor einigen Tagen habe ich das Manuscript dem Herrn L. Voss in Leipzig zur Beförderung an die Akademie übergeben. Indem ich hoffe, daß dasselbe bald übersendet werden wird, will ich doch nicht verfallen, Ihnen von meiner Arbeit vorläufig Anzeige zu machen.

In Leipzig lasse ich gegenwärtig ein viertes Bändchen meines Ius Graeco-Romanum drucken. Für einen fünften Band habe ich bereits viel gearbeitet: jedoch fehlt mir noch die Abschrift zweier Stücke aus einem Vatikanischen und einem Wiener Codex, deren Kosten (c. 240 thaler) der Buchhändler nicht bestreiten will: ich selbst mag sie auch nicht tragen da ich Opfer genug gebracht und von dem Buchhändler kein Honorar erhalte.

Haben Sie Muße gefunden, Ihre Beiträge zur Geschichte der bulgarischen Kirche zusammenzustellen? Ich bin schon lange recht begierig auf die Mittheilung derselben.

Ich habe noch keine Nachricht, ob Ihnen das dritte und letzte Hefte meiner Geschichte des griechisch-römischen Privatrechts zugekommen ist. Ich möchte wohl wissen, was die rissischen Gelehrten von der Aeußerung in Anm. 873 halten.

Mit vorzüglicher Hochachtung

ganz ergebenst

D. Zalingenthal

№ 13

Berlin 27 Jan. 1867

Verehrter Herr!

Die gewaltigen Ereignisse des verflossenen Jahres, die auch mich in meinem Landaufenthalte vielfach unmittelbar in Anspruch genommen haben, sind ebendeshalb nicht ohne Einfluß auf meine gelehrten Beschäftigungen geblieben. Zugleich bin ich zum Abgeordneten für unseren Landtag gewählt worden, und diese Thätigkeit hat meine Muße in den letzten Monaten gänzlich absorbirt. In wenigen Tagen aber steht der Schluß der Session zu erwarten, und meine Gedanken richten sich bereits wieder auf die alsdann wieder vorzunehmenden Stücken.

Vor allen Dingen wünschte ich noch zwei Stücke der byzantinischen Rechtsquellen zu ediren, die ich bis auf die Prolegomenen druckfertig liegen habe, und deren Druck ich für zweckmäßig halte, um die Grundlagen der byzantinischen Rechtsgeschichte dem größeren Publikum sämtlich zur eigenen Einsicht offen zu legen. Es sind: die Synopsis Basilicorum (von Leunclajus verballhornisirt) und das noch ganz unedirte Prochiron auctum. Ich habe nun an T. O. Weigel in Leipzig geschrieben, der die früher erschienenen IV partes meines Jus Graeco-Romanum in Verlag hat, von demselben aber die Antwort erhalten, daß er bei dem geringen Absätze, den dergleichen Quellenwerke in gegenwärtiger Zeit hätten, auf eine Fortsetzung jener Sammlung vorläufig verzichten müsse. Nun habe ich fast Lust, die Fortsetzung auf eigene Gefahr erscheinen zu lassen, wenn ich nur auf einige Unterstützung rechnen kann. Und ich erlaube mir deshalb durch Ihre Vermittlung an die Kaiserliche Akademie die ergebenste Frage zu richten, ob und in welcher Weise dieselbe vielleicht geneigt sein möchte, zu der Förderung dieses Unternehmens mitzuwirken.

Meiner Ansicht nach würden die oben genannten Rechtsbücher als pars V und VI meines Jus Graeco-Romanum zu erscheinen haben. Jede dieser partes würde c. 30 Bogen stark werden, und der Druck würde per Bogen etwa 15 Thaler kosten. Nach den Erfahrungen, die mit der pars IV gemacht sind, würde auf einen Absatz von. c. 80–90 Exemplaren in den ersten zwei Jahren zu rechnen sein.

Als eifriger Förderer der byzantinischen Studien haben Sie wohl die Güte mir zu schreiben ob eine Beihülfe von Seiten der Akademie nützlich und wahrscheinlich ist. Ich würde mich in Beziehung auf weitere Schritte nach Ihrer Antwort richten, und bitte diese nach meinem

Wohnort Großkmehlen zu richten, da ich in wenigen Tagen dahin abzureisen gedenke.

Hoffentlich finde ich bald die Muße auch noch in anderer Weise als correspondirendes Mitglied der Akademie mich tätig zu beweisen. In dieser Hoffnung und mit bekannter hoher Verehrung zeichne ich als

Ihr

ergebenster

D. Zalingenthal

№ 14

Großkmehlen bei Ortrand
28 Juli 1867

Hochverehrter Herr!

Ihr gutigen Brief vom 6 ds bringt mir die erfreuliche Nachricht, daß der Präsident der Gesetzgebungscommission geneigt ist, die Herausgabe der Pars V und VI meines Jus Gracco-Romanum wesentlich zu fördern, und enthält zu diesem Zwecke zwei verschiedene Propositionen.

Die zweite Proposition, wonach der Verleger die 4 ersten Partes zur Uebernahme des Verlags auch die 2 letzten Partes dadurch bewegen werden soll, daß ihm eine größere Anzahl Exemplare aller 6 Partes fast abgenommen werden soll, würde mir allerdings am meisten conveniren, wenn nicht die Bedingung einer schriftlichen Verbürgung meinerseits hinzugefügt wäre. Eine solche Burschaftsübernahme scheue ich, insofern es an Mitteln fehlen würde, den Verleger zur Erfüllung seiner Verbindlichkeiten zu zwingen, und jede Säumnis derselben zugleich auch mir einen Vorwurf zuziehen würde.

Unter diesen Umständen bleibt uns die erste Proposition übrig, wonach ich den Druck auf meine eigene Kosten besorgen lassen soll, dagegen bei Ablieferung von je 50 Exemplaren der Pars V bez. der Pars VI jedesmal eine bestimmte Summe erhalten soll.

Auf diese Proposition erkläre ich mich daher bereit einzugehen, wenn diese Summe von 225 rubel auf 250 rubel erhöht wird. Die Kosten des Drucks, des Brochirens und der Versendung zusammen werden schwerlich unter 1000 rubel zu decken sein, und ich glaube genug zu thun, wenn ich meinerseits die Hülfe zu tragen übernehme.

Daß die Subvention in der Vorrede gedacht werden muß, ist selbstverständlich. Ich würde jedoch bitten, mir einen Vorschlag wegen der gewünschten Formulierung zu machen.

Sehr interessiert hat mich Ihre Mittheilung über kirchenslavische Uebersetzung der Urkunde, welche die ersten Herausgeber dem Basilius II zu geschrieben hatten. Ich habe doch noch einige Zweifel, ob die Urkunde von Michael Palaeologus herrühren kann. Konnten Sie mir obige Uebersetzung in einer Uebertragung ins Deutsche oder Lateinische verschaffen, so würde ich mich gerne in einem Brief an die Akademie über meine Zweifel äußern.

Unter Versicherung meiner aufrichtigen Hochachtung habe ich die Ehre zu sein

Ihr ergebenster

D. Zalingenthal

№ 15

Berlin 21 Jan. 1868

Hochgeehrter Herr!

Ihre Briefe vom 12 Dec. v. J. so wie vom 2 Jan. c. sind beide richtig, wenn auch etwas verspätet, in meine Hände gelangt, da dieselben den Umweg über Großkmehlen genommen haben, während ich mich als Mitglied des Abgeordnetenhauses zur Zeit in Berlin aufhalte.

Zunächst bitte ich um Entschuldigung, daß ich Ihren ersten Brief noch nicht beantwortet habe. Ich hatte gewünscht, zuvorderst mit dem Drucker in Leipzig Rücksprache nehmen zu können, um Ihnen zugleich Bestimmtes über den Anfang des Druckes mittheilen zu können, und hatte Ihren Brief nicht so verstehen zu müssen geglaubt, als ob bei der erst in Jahresfrist in Aussicht stehenden Zahlung schon sofort eine Entscheidung über den officiellen Weg der Uebermittlung erforderlich sei. Da ich mich insofern geirrt zu haben scheine, so eile jezt um so mehr Ihre Anfrage dahin zu beantworten, daß da ich den Druck in Leipzig besorgen und dafür dort Zahlung zu leisten haben werde, es sich als wünschenswerth darstellen möchte, wenn der bewilligte Beitrag ratenweise durch den K. russischen Generalconsul in Leipzig ausgezahlt werden könnte.

Dem Herrn Fürsten Urussow behalte ich mir vor, meinen Dank auszusprechen, so bald ich den Abschluß wegen Beginn des Druckes gemacht habe. Es wird das aber nicht nützlich sein, bevor die gegenwärtige Session unseres Landtags geschlossen ist. Dann aber werde ich sofort deshalb nach Leipzig reisen, und alle Verabredungen treffen, um den Druck möglichst zu fördern. Vielleicht daß dann am Schluß des Jahres die pars V versandt werden kann.

Einer Ihren früheren Briefe enthielt die Nachricht, daß der Archimandrit Porphyrius (Uspenski) nach Jerusalem zurückzureisen gedenke, um die dort zurückgelassenen Abschriften von Athosurkunden zu holen. Sollte mittlerweile Einiges davon im Druck erschienen sein oder noch erscheinen, so würde ich Ihnen für eine gütige Notiz darüber sehr verbunden sein.

Endlich erlaube ich mir noch folgende Anfrage. In der Chronographie von Theophanus und einigen anderen Quellen findet sich in der Zeit des Bildersturmes nach einer anderen als der gewöhnlichen Konstantinopolitischen Chronologie gerechnet. Zb. das Jahr der Welt 6248 v. E. d. W. wird zusammengestellt mit der Ind. IX. Eine befriedigende Erklärung dieser Abweichungen habe ich noch nirgends gefunden. Sollten die Bilderstürmer etwa auch, wie seiner Zeit die revolutionären Franzosen, eine Art neuen Kalenders eingeführt haben?

Unter Versicherung meiner aufrichtigen Hochachtung habe ich die Ehre zu verharren als

Ihr

ganz ergebenster

D. Zalingenthal

№ 16

Großkmehlen 28 April 1868

Verehrtester Herr!

Endlich bin ich soweit, Ihnen anzeigen zu können, daß Pars V meines Jus Graeco-Romanum, die große Synopsis Basilicorum enthaltend, unter der Presse ist. Den ersten Bogen habe ich bereits vor einigen Tagen revidiert. Der Abschluß hatte sich verzögert, weil die Forderungen des Druckers (Hirschfeld in Leipzig) über Erwarten hoch gespannt waren. Schließlich habe ich doch auf dieselben eingehen müssen, obwohl der Druck von mir größere Opfer erheischen wird, als ich ursprünglich angenommen hatte. Die Pars V wird 40–50 Bogen stark werden, und der Druck daher kann kaum vor Jahresfrist beendet sein.

Ich lege einen Danksagungsbrief an den Fürsten Urusoff bei. Wegen der Adresse und Titulatur war ich in Verlegenheit: ich darf daher wohl bitten, dieselbe auf dem Couvert zu ergänzen. Der Fürst Urusoff ist doch noch Minister? Ich bin zweifelhaft geworden, weil ich neulich in einer Zeitung den Grafen Tolstoi als Unterrichtsminister genannt fand.

Ich bin gegenwärtig in meinen Mußestunden mit der Weiterführung meiner Arbeiten über das byzantinische Straf- und Prozeßrecht beschäftigt. Nirgendes zeigt sich deutlicher, wie stark in Konstantinopel seit dem 8 Jahrhundert der Einfluß slavischer Rechtsanschauungen gewesen ist. Um so hinderlicher ist mir bei der Arbeit, daß ich im Slavischen nicht bewandert und mit der slavischen Rechtsliteratur nicht vertraut bin.

Mit dem Ausdruck meiner vorzüglichen Hochachtung verharre ich

Ihr
ergebenster

D. Zalingenthal

№ 17

Großkmehlen bei Ortrand
25 Juli 1869

Verehrter Herr!

Ich freue mich Ihnen anzeigen zu können, daß der Druck der Pars V meines *Ius Graeco-Romanum* (*Synopsis Basilicorum*) glücklich beendet ist. Fünzig brochirte Exemplare gehen dieser Tage an die Verlagshandlung von L. Voss in Leipzig, um durch dieselbe der K. Akademie der Wissenschaften übersendet zu werden. Von Pars VI habe ich bereits den fünften Bogen corrigirt, und hoffe ich daß der Druck bald nach Weihnachten vollendet sein wird.

Ich habe die Absicht, der Pars VI einige *Corrigenda et Addenda* beizugeben, und es wurde mir zu diesem Zwecke sehr willkommen sein zu erfahren, ob von den von Herrn Uspenski copirten Urkunden neuerdings irgend etwas publicirt ist. Sie würden mich sehr verbinden, wenn Sie mir eine Notiz darüber zukommen lassen wollten: noch dankbarer würde ich für Zusendung der etwaigen Publicationen selbst sein.

Von meiner Geschichte des griechisch-römischen Privatrechts erscheint so eben in Paris eine französische Uebersetzung von dem Advokaten Joseph Orsier in Toulouse.

So weit ich Muße finde, arbeite ich gegenwärtig an der Geschichte des Prozess und Kriminalrechts im byzantinischen Reiche. Es ist das freilich eine um so mühsamere Arbeit, als langwierige Vorarbeiten erforderlich sind, und schließlich doch nur ein mageres Resultat zum Vorschein kommt.

Genehmigen Sie den Ausdruck wahrer Hochachtung, mit dem ich zu verharren die Ehre habe

Ihr

ganz ergebenster

D. Zalingenthal

№ 18

Großkmehlen bei Ortrand

17 Februar 1870

Verehrter Herr!

Ihren gutigen Brief vom 28 Jan. c. habe ich richtig erhalten, und eile zu erwidern, daß ich ganz damit einverstanden bin, daß Sie 25 Exemplare übergeben haben. Was die übrigen Exemplare betrifft, so würde es mir sehr angenehm sein, wenn sie vielleicht von einer dortigen Buchhandlung zu irgend einem annehmbaren Preise vertrieben werden könnten, und nicht erst zurückgesendet zu werden brauchten. Auf diese Weise würde mir noch eine kleine Beihülfe zu den nicht unbedeutenden Geldopfern, die mich der Druck von Pars V und VI meines *Jus Graeco-Romanum* kostet.

Was die Pars VI betrifft, so habe ich eben den letzten Bogen corrigirt, und werde Ihnen zu Ostern diesmal 25 Exemplare desselben zugehen lassen.

Es würde mir unendlich interessant sein, wenn Sie Ihre chronologischen Tabellen zur byzantinischen Geschichte recht bald durch eine französische oder deutsche Bearbeitung zugänglich machen wollten. Heimbach's Bemeßung über eine abweichende Indictionenzählung bei Theophanes originirt in einer Anmerkung zu meiner Ausgabe des *Πρόχειρος Νόμος* p. XLIII not. 111, auf welche dann Heimbach in seinen *Ἀνέκδοτα* To. I p. 270 näher eingegangen ist. Daß hier noch etwas dunkel ist, scheint mir nicht abgeleugnet werden zu können. Ob aber Heimbach l. c. das Dunkel aufgeheilt hat, möchte ich denn doch bezweifeln: es scheint mir da mancherlei Confusion zu herrschen. Die Aufklärung hoffe ich eben in Ihren Tabellen zu finden.

Von allen byzantinischen Rechtsquellen, die eine besondere Aufmerksamkeit verdienen, ist jetzt nur noch die *Epitome legum* vom J. 920 ungedruckt. In Pars II meines *Jus Graeco-Romanum* sind zwar die ersten 24 Titel herausgegeben: es fehlen aber noch die 26 folgenden Titel,

die allein im Cod. Vatic. 2075 sive Basil. 114 acht enthalten sind. Wenn die Besorgung einer Abschrift und dann der Herausgabe nicht gar zu kostbar wäre, so würde ich mich schon längst daran gemacht haben, da ich alles übrige Material zur Bearbeitung besitze. Vielleicht finden Sie einmal Gelegenheit eine Abschrift aus dem gedachten Codex zu beschaffen, und würden dadurch gewiß der gelehrten Welt einen großen Dienst erweisen.

Ist Ihnen schon «*Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta* cur. J. B. Pitra S. R. E. Cardinali. To. I Romae 1864. To. II Romae 1868 in 4to» zu Gesicht gekommen? Der zweite Band ist zumal wichtig, weil er die Umarbeitung des Photianischen Nomokanon von Theodorus Vestes gibt, welche hinwiederum von Balsamon in seinem Commentar benutzt werden zu sein scheint. Die schöne Dubliner HS jener Umarbeitung, von der Pitra nur einige Notizen erhalten hatte, habe ich neulich in Berlin einige Tage in Händen gehabt.

Indem ich zuversichtlich hoffe, daß Sie sich von dem bösen Einflüsse der diesjährigen großen Winterkälte völlig erholt haben mögen, verbleibe ich mit der vorzüglichen Hochachtung

ganz ergebenst

D. Zalingenthal

№ 19

Großkmehlen 24 April 1870

Verehrter Herr!

Durch L. Voss werden Ihnen für die Akademie 25 Exemplare der nunmehr vollendeten Pars VI meines *Ius Graeco-Romanum* zugehen. Dasselbe enthält versprochener Maßen das *Prochiron auctum*, und ich bin sehr begierig zu erfahren, ob sich nicht im russischen Kirchenrechte Spuren von dem Gebrauche dieses Handbuchs finden.

Sehr leid hat es mir gethan, daß ich nicht Abschriften der letzten 27 Titel der Epitome, von welcher ich die 23 ersten Titel in Pars II herausgegeben habe, erhalten konnte, um sie noch der Pars VI hinzuzufügen. Indessen die Honorare, welche die Herren Literaten für die Abschrift aus der Vatikaner und Wiener HS forderten, waren mir gar zu hoch.

Dem Herrn Minister Fürsten Urusoff habe ich in beiliegendem Schreiben nochmals meinen Dank für die dem Unternehmen zu Theil gewordene Unterstützung ausgesprochen. Ich darf wohl bitten, das Schreiben

mit der richtigen Adresse zu versehen und nebst einem Exemplare der Pars VI dem Herrn Fürsten zugehen zu lassen.

In Paris erscheint gegenwärtig eine zweite Uebersetzung meiner Geschichte des byzantinischen Privatrechts von einem Advokaten J. Orsier.

Ist Ihnen schon der dritte Band von Paparrigopulos Griechischer Geschichte (Athen 1869) zu Gesicht gekommen? Er hat die neueren Forschungen über byzantinische Rechtsgeschichte mit großem Geschick ausgebeutet.

Ich gedenke meine Muße zunächst einer Umarbeitung bez. Erweiterung meiner byzantinischen Rechtsgeschichte zu widmen, da die wenigen noch vorhandenen Exemplare demnächst vergriffen sein werden. Aus früheren Andeutungen in Ihren Briefen habe ich entnehmen zu können geglaubt, daß Sie gegen manche meiner Ausführungen oder Bemessungen Zweifel hegen, und ich würde Ihnen sehr dankbar sein, wenn Sie mir aus dem reichen Schatze Ihres Wissens Ihre Bedenken mittheilen wollten.

Die Zeitungen haben jüngst gemeldet, daß die Siamesischen Zwillinge demnächst sich nach Petersburg begeben würden. Sollte dies der Fall sein, so würde dem dortigen wissenschaftlichen Publikum vielleicht eine Notiz aus Incesti Continuatoris Constantinus Porphyrogen c. 49 interessant sein.

Genehmigen Sie die Versicherung der hohen Verehrung, mit der ich verharre

Ihr
ganz ergebenster

D. Zalingenthal

№ 20

Euer Excellenz

beehre ich mich den sechsten Band meines Jus Graeco-Romanum ganz ergebenst zu überreichen. Es gereicht mir zur besonderen Freude, daß meine speciellen Studien mich in den Stand gesetzt haben, in diesem nunmehr vollendeten Sammelwerke die Quellen zugänglich zu machen, aus denen die mancherlei Wechselbeziehungen zwischen byzantinischem und russischem Rechte zu klarerem Verständniss werden gebracht werden können. Euer Excellenz wollen mir nur noch gestatten, für die dem Unternehmen gnädigst gewährte Unterstützung und die in dem Schreiben vom

14/26 Februar c. ausgesprochene ehrenvolle Anerkrennung meinen unterthänigsten Dank darzubringen.

Mit dem Ausdruck tiefster Ehrenbietung habe ich die Ehre zu verharren

Euer Excellenz

Großkmehlen
bei Ortrand (Preussen)
24 April 1870

ganz ergebenster
Dr. E. Zachariae v. Lingenthal

№ 21

Großkmehlen bei Ortrand
24 Nov. 1875

Verehrter Herr!

Neuere Erscheinungen im Gebiete der Literatur des griechisch-russischen Rechts haben mich veranlaßt, meine Ansichten und Forschungen über die griechischen Nomocanones in einer kurzen Abhandlung zusammenzustellen. Da ich unter anderem dem Photius jeden Antheil an dem Nomocanon, der unter seinem Namen berühmt ist, absprechen muß, so bin ich zweifelhaft, ob die Abhandlung in die Memoiren der dortigen Akademie passen möchte. Ich erlaube mir daher die ergebenste Anfrage, ob ich Ihnen dieselbe trotzdem für die Akademie zusenden soll.

Mit der vollkommensten Hochachtung

ganz Ergebenster
D. Zalingenthal

№ 22

Großkmehlen bei Ortrand
dec. 5. 1875

Verehrter Herr!

Die gütige Zusendung Ihrer Abhandlungen über die βάραγγοι und die nordmännischen Züge nach und durch Rußland hat mich ungemein interessiert. Sie hat mich in ein Gebiet lebhafter gelehrter Streitigkeiten und gründlicher Forschungen eingeführt, welches mir bisher ziemlich fern gelegen hat. Ich wußte Ihnen auch zu den von Ihnen so überzeu-

gend vertheidigten Thesen aus meinen byzantinischen Studien nichts bemerkenswerthes mitzutheilen, wenn nicht etwa das Verbot des $\theta\eta\tau\epsilon\upsilon\epsilon\iota\nu$ (meine Novellae p. 504 not. 1) theilweise auch mit den $\beta\acute{\alpha}\rho\alpha\gamma\gamma\omicron\iota$ zusammenhängt. Auch durfte die Stelle der $\Pi\epsilon\iota\tau\alpha$ XIV, 16 (in meinem JGR I p. 39 ff) vielleicht auf die $\beta\acute{\alpha}\rho\alpha\gamma\gamma\omicron\iota$ zu deuten sein.

In der Anlage übersende ich Ihnen die Abhandlung über die griechischen Nomokanones. Zugleich lege ich Beiträge zur Kritik und Restitution der Basiliken bei, welche mir für die richtige Würdigung der neuen Heimbachischen Ausgabe richtig zu sein scheinen. Sollten die für die Aufnahme in die Memoires nicht als geeignet befunden werden, so bitte ich um deren gefällige Rücksendung, um sie anders wo drucken zu lassen. Es steckt ein gut Theil Arbeit darin, die ich nicht vergeblich aufgewendet haben möchte. Ich darf wohl seiner Zeit eine Anzahl Abdrucke der Abhandlungen zu erhalten hoffen.

Da meine Geschichte des griechisch-römischen Privatrechts fast ganz vergriffen ist, so arbeite ich an einer neuen Auflage. Ich habe nicht vergessen, was Sie mir über die angebliche Einführung der Leibeigenschaft durch Boris Godunoff seiner Zeit geschrieben haben, und würde Ihnen sehr dankbar sein, wenn Sie mir sowohl darüber etwas Näheres mittheilen als auch sonstige Notizen beisteuern können. Denn ich sehe aus der reichen von Ihnen angeführten Literatur, wie viel die russischen Schriftsteller in der Geschichte forschen. Ich finde darunter eine Notiz, wonach Porphyrius einige seiner Athosurkunden herausgegeben zu haben scheint: könnte ich nicht diese Urkunden durch Ihre Vermittelung erhalten?

Mit vorzüglicher Hochachtung

Ihr

ergebenster

D. Zalingenthal

№ 23

Großkmehlen 10 Febr. 1876

Verehrter Herr!

Die $\upsilon\pi\acute{\eta}\kappa\omicron\omicron\iota$ und $\pi\rho\acute{o}\xi\epsilon\nu\omicron\iota$ des Photius, nach denen Sie mich fragen, würde ich mit «Unterthänige und Befreundete» zu übersetzen vorschlagen. Οἱ ὑπὲρ χεῖρα oder οἱ ὑπὸ χεῖρα das ist der Kunstausdruck, mit welchem zu des Photius Zeiten Unterthanen bezeichnet werden (Vgl. z. b. die Nov.

Leonis!). Zunächst freilich *weltliche* Unterthanen: da dies aber von dem Verhältnis der Russen zu dem byzantinischen Kaiser nicht gesagt werden konnte, so ist wohl anzunehmen, daß Photius an *kirchliche* Unterthanen, d. h. daran gedacht hat, daß die neuen russischen Bischöffe in der *Obedienz* des ökumenischen Patriarchen standen. Прѣзѣвои mit «Staatsgäste» zu übersetzen erregt nur insofern Bedenken, als dieser Ausdruck zunächst nur auf diejenigen paßte, welche sich vorübergehend in Konstantinopel befinden und dort auf Staatskosten unterhalten werden. «Befreundete» würde nur besser gefallen als «Verbündete»: eigentliche Bündnisse (*foedera*) zwischen Russen und Byzantinern sind mir aus damaliger Zeit nicht bekannt: «Befreundete» wären so zu verstehen, wie man von Freundschaft statt Verwandtschaft spricht, d. h. also «in näheren Beziehungen stehende».

Sie haben die Güte gehabt mir zu gestatten, daß ich Ihnen Fragen wegen Entstehung der russischen Leibeigenschaft vorlagen darf, und ich bin Ihnen dafür um so dankbarer, als ich mit einer Bearbeitung meiner byzantinischen Rechtsgeschichte behufs Veröffentlichung einer zweiten Auflage beschäftigt bin und leider auf die mir unzugängliche russische Literatur nicht recurriren kann.

Das Charakteristische an der Leibeigenschaft scheint mir das Gebundensein an die Scholle zu sein, womit ein Vindikationsrecht des Oberherrn verbunden ist. In diesem Sinne hat meines Wissens das altslavische Recht die Leibeigenschaft nicht gekannt, so daß zu fragen ist, wann und wie das *glebae adscriptum* esse aufgekommen ist. Ich habe auf diese Frage antworten zu dürfen geglaubt, daß Boris Godunoff dies als politische Maßregel eingeführt habe, um die Bevölkerung mehr seßhaft zu machen und so die Gewalt der politischen Organe über dieselben zu verstärken; erst allmählich sei aus dieser öffentlichen Institution ein mehr privatrechtliches Verhältniss geworden.

Meine geringe Kenntniß der russischen Geschichte überhaupt und der russischen Rechtsgeschichte insbesondere hat mich vielleicht ganz fehlgreifen lassen. Cedo majori: wenn Sie mich zurecht zu weisen die Güte haben wollen, so werde ich die betreffende Bemerkung in meiner Rechtsgeschichte entweder ganz streichen oder auf Grund Ihrer Belehrung berichtigen.

Ich ergreife diese Gelegenheit um mich Ihrem fortdauernden Wohlwollen zu empfehlen und verharre als

Ihr

ganz ergebenster

D. Zalingenthal

№ 24

Großkmehlen 3 Jan. 1877

Verehrter Herr!

Von den Abhandlungen, die ich für die Memoiren der Akademie geliefert habe, sind mir früher stets Anzahl besonderer Abdrucke zugesendet worden. Von den im vorigen Sommer gedruckten ist dies aber bis jetzt nicht geschehen, was mir um so unangenehmer ist, da ich bei einer unter der Feder befindlichen Arbeit darauf Bezug zu nehmen habe. Sie gestatten mir daher wohl die Bitte, die Uebersendung veranlassen zu wollen.

In Ihrem letzten Brief erwähnen Sie, daß Sie mit der Herausgabe des Berichts eines judischen Schriftstellers über seine Reise zu slavischen Fürsten beschäftigt sind. Sollte es möglich und wünschenswerth sein über den Verfasser in Merseburg Nachforschungen anzustellen, so bemerke ich, daß ich viel mit Merseburg und dortigen Gelehrten verkehre und etwaige Aufträge zu besorgen bereit bin.

In dem Streite zwischen den Nordmännern und Anti-Nordmännern scheint es mir noch an einer Untersuchung über die Art der von den Nordmännern für ihre Expeditionen gebrauchten und derjenigen Schiffe zu fehlen, mit welchen die Ros im schwarzen Meere oder vor Konstantinopel erscheinen. Ich gestatte mir daher die Frage, ob derartige Untersuchungen doch vielleicht schon angestellt sind oder ob die Beschaffenheit der Quellen dieselben von vorneherein als hoffnungslos erscheinen läßt.

Mit aufrichtigster Hochachtung

Ihr
ergebenster

D. Zalingenthal

№ 25

Großkmehlen 2 Dec. 1877

Verehrter Herr!

Der schwarze Rand dieses Bogens wird Ihnen ein Zeichen sein, daß ich durch einen schmerzlichen Trauerfall schwer niedergebeugt bin. Ich habe meine gute Frau nach 38 jähriger ungetrübt glücklicher Ehe verloren, und fühle daß auch meinem Leben wohl bald ein Ziel gesetzt sein möchte.

Gleichzeitig ist meine literarische Thätigkeit zu einem gewissen Abschlusse gekommen, indem es mir noch vergönnt gewesen ist eine neue Ausgabe meiner byzantinischen Rechtsgeschichte zu veröffentlichen. Ich sende Ihnen heute ein Exemplar unter Kreuzband, und werde ein zweites für die Akademie bestimmtes durch L. Voss in Leipzig übermitteln lassen. Wenn Sie einen Blick in das Buch werfen, so werden Sie finden, daß ich Ihre Bemerkungen nicht unbenutzt gelassen habe. Neu ist in der zweiten Auflage die Chronologie der Rechtsquellen, wobei ich jedoch auch dagegen verwehre, daß die bei den Kaisern und Patriarchen angeführten Jahreszahlen überall als genau und richtig anzusehen wären: diese Seite der Chronologie hat mir etwas ferner gelegen, und ich habe mich dabei im wesentlichen an die üblichen Jahreszahlen gehalten. Neu ist ferner die Geschichte des Criminalrechts und des Processes: die Quintessenz mühsamer Studien, die ich hier gegeben, wird so hoffe ich für die Kenntniß byzantinischer Zustände nicht verloren sein.

Einer meiner Söhne hat das Sanskrit zu seinem Specialstudium erwählt. Er befindet sich seit anderthalb Jahren in England und hat Aussicht nach Ostindien zu gehen. Zu seinen Studien wünscht er lebhaft in Besitz des von der Akademie herausgegebenen Sanskritwörterbuchs zu kommen, und ich erlaube mir deshalb die ergebenste Frage, zu welchem Preise es von dort zu beziehen ist.

Und nun gestatten Sie mir noch den Ausdruck aufrichtigster Verehrung, mit welchem ich verbleibe

Ihr
ergebenster

D. Zalingenthal

№ 26

Großkmehlen bei Ortrand
18 Juni 1878

Verehrter Herr!

Da die griechischen νομοκάνονες und κανονάρια des XV und des folgenden Jahrhunderts als Quelle ähnlicher slavischen Handbücher von Bedeutung sind, so habe ich angefangen, die betreffenden Notizen aus meinen Collectaneen und Handschriften zusammenzustellen, um zu sehen ob sie sich zu einer Abhandlung für die Akademie abrunden las-

sen. Allerdings aber finde ich schon jetzt, daß meine Unkenntniß der russischen Sprache und Literatur mich hindern wird etwas Vollständiges zu liefern. Insbesondere muß ich bedauern die Arbeiten des A. Pavloff nicht würdigen zu können, welche einen Nomokanon dieser Art gründlich commentiren (Odessa 1872).

Es würde mich vorzugsweise interessiren das zu verstehen, was S. 26 (sub. 2) S. 32 (Anm. 3) in Text und Anmerkungen steht. Ich erlaube mir daher die ergebenste Frage, ob Sie mir wohl eine Uebersetzung dieses Stückes auf meine Kosten fertigen und zusenden lassen können.

Lebt Pavloff noch und unter welcher Adresse würde ihn ein Brief von mir treffen?

Er citirt häufig den Nomokanon des Malaxus, und zwar so, daß es mir fast scheinen will, als ob derselbe oder doch Stücke desselben in Rußland publicirt worden seien. Ist dies der Fall? und unter welchem Titel und durch welche Buchhandlung konnte ich das Buch beziehen?

Ich lasse heute unter Kreuzband eine kleine Abhandlung für Sie abgehen, weniger in der Hoffnung daß sie Ihnen von Interesse sein könnte, als vielmehr zum Zeichen meiner Verehrung.

Mit dem Ausdruck derselben verharre ich

Ihr
ergebener

Dr. Zalingenthal

№ 27

Großkmehlen 5 Nov. 1878

Verehrtester Herr!

Vor geraumer Zeit hatte ich mir erlaubt, Ihnen einige Fragen, den Nomokanon des Malaxus betreffend, vorzulegen. Vermuthlich ist der Brief verloren gegangen, und mittlerweile die Abhandlung, für welche ich um die gewünschte Auskunft gebeten hatte, von mir abgeschlossen worden. Ich sende Ihnen nunmehr inliegend diesen Aufsatz für die Akademie. Wohl fühle ich daß derselbe nur Stückwerk enthält, und den russischen Kanonisten vielleicht nicht viel Neues bringt. Indessen ich mochte das, was ich für die mittelalterliche Literatur des griechischen Kirchenrechts gesammelt hatte, doch nicht ungenutzt lassen, zumal die eine oder die andere Notiz doch von Interesse sein dürfte.

Mein Sohn, der Dr. phil. Theodor Zachariae, welcher zwei Jahre lang in England seine Sanskritstudien verfolgt hat, kehrt noch in diesem Monat aus London zurück, und sucht nun nach einer Stelle, in welcher er die gesammelten Kenntnisse verwerthen kann. Würde vielleicht in Petersburg bei einer Bibliothek ein Platz für ihn zu finden sein? Fleiß, Zuverlässigkeit und Bescheidenheit sind die Tugenden, die ich von ihm rühmen kann: seine wissenschaftlichen Leistungen (-die Uebersetzung von Webers Indischer Literaturgeschichte ins Englische e. g.) entziehen sich meiner Beurtheilung. In Deutschland ist augenblicklich nirgends Platz für ihn.

Den Siebzigern nah weiß ich nicht ob ich noch lange den Vorzug haben werde mit Ihnen und der Akademie zu correspondiren. Aber ich bitte die Versicherung entgegen zu nehmen, daß ich bis an mein Ende mit der ausgezeichnetsten Hochachtung verharren werde

Ihr
ganz ergebenster

Dr. Zalingenthal

№ 28

Großkmehlen bei Ortrand
1 Aug. 1879

Verehrter Herr!

Vor einer Reise von Monaten habe ich mir erlaubt, Ihnen eine Abhandlung zuzuschicken, in welcher ich alles zusammengestellt hatte, was meine Collectaneen und Handschriften über die griechischen *νομοκάνονα* des späteren Mittelalters enthalten. Ich habe seitdem weder von Ihnen noch von anderer Seite eine Benachrichtigung über den Eingang dieser Abhandlung und darüber ob sie in den Memoiren der Akademie publicirt werden wird erhalten. Sie würden mich sehr verbinden, wenn Sie mir in ein paar Zeilen darüber Auskunft geben wollten, und sollte die Akademie den Druck der Abhandlung von der Hand gewiesen haben, so würde ich ebenso ergebenst um Rücksendung derselben bitten.

Mit unveränderter Hochachtung

Ihr
ergebenster

Dr. Zalingenthal

№ 29

Großkmehlen 30 Aug. 1880

Verehrter Herr!

Es ist mir sehr angenehm gewesen wieder einmal ein Lebenszeichen von Ihnen zu erhalten. Ich eile zu antworten, daß ich dem Drucke der Abhandlung über die mittelalterlichen *κατωβρία* entgegensehe. Nach dessen Vollendung werde ich die Abhandlung über die lateinische Uebersetzung von lib. LIII Basil. einsenden: sie wird passend als eine Art Forsetzung der in den Memoires erschienenen Beiträge zur Kritik der Basiliken gedruckt werden können.

Die letzten 2 Jahre habe ich an einer neuen Ausgabe der Justinianischen Novellen (in neuer Redaktion nach chronologischer Ordnung) gearbeitet. Jetzt wo ich mit dem Texte ganz fertig bin, höre ich daß an einer neuen Ausgabe (freilich der alten reconstruirten Sammlung von 168 Novellen), welche Schöll für das Mommsensche Corpus iuris bearbeitet, bereits gedruckt wird!!

Indem ich mich Ihrem Andenken bestens empfehle, verbleibe ich

Ihr

ergebener

*Dr. Zalingenthal***№ 30**

Großkmehlen bei Ortrand

Mai 1. 1883

Verehrter Herr!

Forschungen, die ich jungst über die Geschichte der byzantinischen Kaiser Joannes Palaeologus und Joannes Cantacuzinus anzustellen Veranlassung hatte, haben mir von Neuem gezeigt, wie zweifelhaft die byzantinische Chronologie ist, und wie sehr wir für die Herausgabe von Urkunden dankbar sein müssen, die uns feste chronologische Punkte zu liefern geeignet sind. Aus diesem Grunde interessirt es mich sehr zu erfahren, ob neuerdings derartiges in Rußland gedruckt worden ist. Ich denke an die Uspenski'schen Athosurkunden: auch fand ich neulich angezeigt *Acta praesertim graeca Rossici in monte Atho monasterii*. Hätten Sie wohl die Güte mir nachzuweisen was in gedachter Beziehung dort gedruckt worden ist?

Ich habe eine ganze Reihe von ungedruckten Chrysobullen gesammelt und dieselben dem Hofrath Miklosich in Wien für einen neuen Band der Acta angeboten: Deffner und Sakellarios in Athen haben ebenfalls dergleichen in Abschrift: Letzterer will aber seine Abschriften von Patmosurkunden nur gegen Honorar hergeben.

Im vergangenen Jahre — dem Siebenzigsten meines Lebens — habe ich nochmals die Bibliotheken zu Wien, Mailand, Turin und Rom besucht. Es galt das Material für eine Herausgabe der Titel 24 ff der Epitome zu beschaffen, von welcher die ersten 23 Titel in meinem Jus Graeco-Romanum Pars II erschienen sind. Den Rest gedenke ich nächstes Jahr zu meinem 50 jährigen Doctorjubiläum erscheinen zu lassen.

Die mit Unterstützung Ihres Ministers gedruckten Theile meines Jus Graeco-Romanum fehlen im Buchhandel, wie mir gesagt wird wäre wohl eine Anzahl Exemplare von dort zu erhalten?

Mit vorzüglicher Hochachtung

Ihr
ergebener

Dr. Zalingenthal

№ 31

Großkmehlen bei Ortrand
14 Mai 1883

Verehrter Herr!

Empfangen Sie meinen besten Dank für die eingehende Beantwortung meiner Anfragen. Das von mir entdeckte Stück der Basiliken habe ich mittlerweile in den Monatsberichten der Berliner Akademie (deren correspondirendes Mitglied ich bin) bekannt gemacht: besser freilich wäre es gewesen, wenn es als Fortsetzung eines früheren Artikels in Ihren Memoires erschien wäre. Sehr erfreulich würde es sein, wenn von den beiden Bänden meines Jus Graeco-Romanum die dort noch befindlichen Exemplare frei gemacht werden könnten. Ich bin in den beiden letzten Jahren in verschiedenen Bibliotheken nach diesen Bänden gefragt worden, da man nur unvollständige Exemplare der Sammlung besaß und die beiden fehlenden Bände auf dem Wege des Buchhandels nicht mehr erhalten konnte. Es würde sich dieser Mangel noch mehr fühlbar machen, wenn im nächsten Jahre Pars VII des Jus GR erscheint, und dadurch von Neuem

eine Veranlassung zur Completirung der Sammlung gegeben wird. (An einen Wiederabdruck der folgenden Bände ist nicht zu denken!) Ich würde Ihnen sehr dankbar sein, wenn Sie den Versuch machten die fraglichen Exemplare flüssig zu machen, ev. mir mittheilten ob und zu welchen Bedingungen dieselben zu erhalten sein möchten.

Es ist zu bedauern, daß Leute wie Sakkelarios u. A. ihre Abschriften von Urkunden als Handelsartikel betrachten. Sie werden damit schwerlich Geschäfte machen können, wohl aber verhindern, daß sich z. B. Akademie in Wien entschließt, die Fortsetzung der Miklosichiana zu befördern!

Mit den angelegentlichen Empfehlungen

Ihr
ergebener

Dr. Zalingenthal

№ 32

Großkmehlen bei Ortrand
Sept. 15. 1883

Verehrtester Herr!

In dem II Bande meines Jus Graeco-Romanum habe ich die ersten 23 Titel der Epitome — eines sehr interessanten byzantinischen Rechtsbuches in 50 Titeln vom J. 920 — herausgegeben: das Material für die übrigen 27 Titel war mir damals noch nicht zugänglich. Vor zwei Jahren habe ich in Mailand, Rom und Wien Abschriften derselben aus den dortigen Handschriften entnommen, und seitdem die Abschriften zu druckfertigem Manuscript ausgearbeitet. Da gegenwärtig unsere Buchhändler gelehrte Werke nicht in Verlag nehmen wollen, so bleibt nichts übrig, als dergleichen auf eigene Kosten drucken zu lassen und bei gelehrten Instituten um eine Beihülfe zu bitten. Ich erlaube mir daher die ergebenste Anfrage, ob die Akademie wohl zu einer solchen geneigt wäre, wenn ich das Buch als Pars VII meines Jus graeco-romanum drucken lasse. (Ich bemerke dabei, daß sich neuerdings ein Ballen mit Exemplaren der angeblich abhanden gekommenen Pars V und VI vorgefunden hat, wodurch sich meine frühere Anfrage erledigt).

Eigenthümlich ist wie gegenwärtig in Italien der Sinn für gelehrte Studien erwacht ist. Pitra wird zwar, wie er mir gesagt hat, schwerlich Muße finden seine Monumenta fortzusetzen. Aber Alibrandi in Rom, Scialoja in Siena, Ferrini in Mailand sind tüchtige Vertreter des römischen Rechts.

Da neuerdings die Einsicht in die Kataloge der Vaticana gestattet wird, so hoffe ich auf manche erfreuliche Entdeckungen. Einstweilen lassen wir uns an den Bruchstücken genügen, die aus dem Fajum nach Berlin und nach Paris verschlagen worden sind, und bedauern nur, daß gewiß viele ähnliche Fetzen an Touristen verkauft worden sind und auf diese Weise verloren gehn.

In bekannter aufrichtiger Verehrung

Ihr
ergebenster

Dr. Zalingenthal

№ 33

Großkmehlen bei Ortrand
Juli 13. 1884

Verehrter Herr!

Die Beglückwünschung Seitens der Akademie zu meinem 50 jährigen Doctorjubiläum und deren so schmeichelhafte Fassung habe ich wohl vorzugsweise Ihnen zu verdanken. Gestatten Sie mir, nachdem ich der Akademie officiell gedankt, nun auch noch Ihnen meinen besonderen Dank auszusprechen.

Um der Akademie zu zeigen, daß ich stets bestrebt bin mich der Mitgliedschaft würdig zu erzeigen, habe ich in den letzten Wochen einen Aufsatz entworfen und fast vollendet.

Ueber den Verfasser und die Quellen des (Pseudo-Photianischen) Nomokanons in XIV Titeln.

Glauben Sie, daß der Aufsatz der Akademie willkommen sein wird, und soll ich denselben bejahenden Falles an Sie zur Ueberreichung oder aber direct an die Akademie senden?

Es hat mich sehr interessirt aus verschiedenen Aufsätzen zu ersehen, daß Ihre Ansichten über die älteste russische Geschichte mehr und mehr den Sieg davontreten. Phantasien können der Wucht gründlicher Gelehrsamkeit auf die Dauer nicht widerstehen!

Ihr
ergebenster

Dr. Zalingenthal

№ 34

Großkmehlen 22 Sept. 1884

Verehrter Herr!

Beifolgend übersende ich Ihnen eine Abhandlung, die ich wegen ihrer Verwandtschaft zu früherem dort publicirten Aufsatz in den Mémoires gedruckt zu sehen wünschte. Sollten Bedenken dagegen bestehen, so darf ich wohl bitten den Aufsatz mir zurückzusenden.

Ich weiß nicht ob ich Ihnen bereits davon geschrieben habe, daß Müller et Miklosich einen neuen Band der Acta et diplomata herauszugeben gedenken. Was ich dazu Passendes in meiner handschriftlichen supellex vorfand, habe ich schon vor einem Jahre an Miklosich gesendet, habe aber seitdem keine Nachricht über den Fortgang des Unternehmens. Viel Inedita haben wohl einige von Ihren Gelehrten aus den Klöstern des Orients mitgebracht: könnten dieselben nicht veranlaßt werden die betreffenden Chrysobullen für die Acta et diplomata bereit zu stellen?

Ich beschäftige mich gegenwärtig mit eingehenderen Untersuchungen über die Agrarverhältnisse im byzantinischen Reiche: Ob diese Untersuchungen preis würdige Früchte zeitigen werden, steht dahin. Wenn man in den Siebzigen immer höher schreitet, läßt die Arbeitskraft nach. Doch ich darf nicht klagen, da ich Gott vielmehr für ein verhältnißmäßig gesundes Alter zu danken habe!

In bekannter aufrichtiger Ergebenheit

Ihr

Dr. Zalingenthal

№ 35

Weltpostverein. (Union postale universelle)

Postkarte aus Deutschland

An Herrn Akademiker Kunik

in

St. Petersburg³⁷.

³⁷ На открытке — штамп немецкой почты с датой «3 января 1885 г.» (по новому стилю), а также — штамп русской почты Санкт-Петербурга с датой «25 декабря 1884 г.» (по старому стилю).

Vor mehreren Wochen habe ich die Correctur des zweiten Bogens meines Aufsatzes über den Nomokanon an die Kaiserl. Akademie zurückgeschickt, seitdem aber keine Fortsetzung erhalten. Ist dort oder hier die Sendung nicht eingetroffen?

Empfangen Sie meine besten Wünsche zum neuen Jahre!

Dr. Zalingenthal

№ 36

Großkmehlen bei Ortrand
April 7. 1885

Verehrtester Herr!

Sehr muß ich um Entschuldigung bitten, daß ich Sie wiederum wegen des Abdrucks der von mir an die Akademie gesendeten Abhandlung belästige. Es ist indessen ein nochmaliges Stocken in den Druck gekommen, und ich weiß nicht, ob es Folge von Mißverständnissen ist oder besondere Gründe hat. Sollte Letzteres der Fall sein und sich gegen den Druck meiner Abhandlung in den Memoires überhaupt richten, so darf ich wohl an Ihre große Güte die Bitte richten, dahin zu wirken, daß mir mein Manuscript bald möglichst zurückgeschickt wird. Ich bin in meinem 73-sten Jahre, mithin auf das Ende meines Lebens gefaßt: doch möchte ich nicht, daß meine Abhandlung erst nach meinem Tode erschiene.

Genehmigen Sie den Ausdruck der Verehrung, mit welcher ich verharre als

Ihr
ganz ergebenster

Dr. Zalingenthal

№ 37

Großkmehlen 10 Febr. 93

Hochgeehrter Herr!

Gestatten Sie mir vor allen Dingen meinen Dank auszusprechen, daß ich durch Ihre Vermittelung die Regelschen Byzantina erhalten habe. Noch

viel dankbarer werde ich sein, — falls ich es noch erlebe, — wenn mir die Akademie einen Band Athosurkunden zugehen läßt. Dergleichen Urkunden können nicht zahlreich genug gedruckt werden, denn nur aus einer größeren Menge lassen sich befriedigende Resultate ziehen. Die Wiener Akademie hat, soviel ich gehört habe, mit dem VI Bande der Acta et diplomata den Schluß zu machen beschlossen, Ihre Publikationen haben daher von dort keine Concurrenz zu erwarten. Von neueren Publikationen möchte ich Ihnen nicht grade Monniers Aufsätze in der Revue nouvelle über die ἐπιβολή empfehlen: sie leiden an übermäßiger Gelehrsamkeit und bringen doch keine Klarheit in die Geschichte des römischen Steuerwesens. Dagegen ist vor kurzem eine interessante Druckschrift erschienen. Ein Prof. Nicole in Genf hat auf der dortigen Bibliothek ein Konstantinopler Stadtrecht aufgefunden und unter dem umfassenden Titel Λέοντος τοῦ Σοφοῦ τὸ ἐπαρχικὸν βιβλίον herausgegeben: ich habe eben eine kritische Anzeige abgeschickt, die in Krumbacher's «Byzantinischem Archiv» erscheinen wird.

Meinen früheren Artikel in Ihren Memoires und eine Mittheilung in den Berliner Monatsberichten habe ich vervollständigt und verbessert zu einem Supplementum alterum editionis Basilicorum Heimbachianae zusammengearbeitet im Manuscript vor mir liegen. Einen Verleger dafür habe ich bis jetzt nicht finden können: auf eigene kosten das Supplement drucken zu lassen — die Ausgabe würde 1000–1200 Mark betragen — überschreitet die Kräfte einer Privatkasse. Würde wohl von der Akademie ein namhafter Beitrag gewährt werden?

Sie schreiben von Aufträgen an einen Reisenden nach dem Sinai. Der genaue Katalog der dortigen Bibliothek von Gardthausen, der in Oxford gedruckt worden ist, ist Ihnen doch bekannt? Andere Kataloge, so von Λάμπρος von den Athos-Bibliotheken, auch in der Μαυροκορδάτειος Βιβλιοθήκη haben Sie gewiß schon längst angesehen!

Doch nun fangen meine Augen an mich zu schmerzen und ich muß für heute das Schreiben aufgeben. In unveränderter freundschaftlicher Gesinnung verbleibe ich

Ihr

Dr. Zalingenthal

№ 38

Großkmehlen, den 14. Mai 1893

Geehrter Herr!

Wenn ich richtig rathe, daß die Correctur meiner Abhandlung mit den beigelegten Inedita Schwierigkeiten bereitet hat, so bin ich erbötig dieselbe hier zu besorgen, oder aber dieselbe lieber zurückzunehmen, da sich irgendwo ein Plätzchen für dieselbe auch hier finden wird.

Wie oft habe ich bedauert der russischen Literatur nicht folgen zu können. Unsere Jugend wird suchen müssen der Sprache Herr zu werden!

Ihr ganz ergebener

Lingenthal

№ 39

Großkmehlen, den 30. Mai 1893

Geehrtester Herr!

Die Correctur von den «Ungedruckten Chrysobullen» habe ich richtig erhalten, und gestern, nach Änderung eines Wortes, wieder an die Adresse der Akademie abgehen lassen.

Mit lebhaftem Interesse habe ich vernommen, daß Bischof Porphyrius durch ein reiches Vermächtniß die Akademie in den Stand gesetzt (hat) und zugleich verpflichtet hat, für die Veröffentlichung der von ihm im Orient gesammelten Urkunden Sorge zu tragen. Je weniger Privatkräften zu solchen Unternehmungen ausreichen, um so würdiger sind dieselben einer Akademie der Wissenschaften. Ich selbst, ein 81 jähriger hochblinder Greis, kann nicht hoffen, von diesen Veröffentlichungen Stützen zuziehen. Aber niemand kann besser als ich beurtheilen, welche Fundgruben für wissenschaftliche Dinge dadurch eröffnet werden. Eine Probe habe ich Ihnen gestern durch meine Abhandlung: «Beiträge zur Geschichte des byzantinischen Urkundenwesens», — zugesendet. Einen andern Beweis für Wichtigkeit solcher Urkundensammlungen liefert die III Ausgabe meiner Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts: hier wird die Sammlung, welche Miklosich und Müller auf Kosten der Wiener Akademie unter dem Titel «Ac. diplomata» herausgegeben haben, fast auf jeder Seite citirt. Insbesondere ist mir aus den Urkunden dieser Sammlung zuerst der Begriff der *adscriptitii* im Gegensatz zu den *coloni* — sowie der Antheilsbau an

Grundstücken, klar geworden. Von außerordentlicher Wichtigkeit sind solche Urkunden für die Feststellung der Chronologie, und zwar um so mehr als genaue Zeitangaben den byzantinischen Geschichtsschreibern nicht gerade am Herzen gelegen haben. Man versuche z. B. die geschichtlichen Thatsachen für die zweite Hälfte des 14. Jahrhunderts in chronologische Ordnung zu bringen, und man wird finden, daß bei dem Mirowarr der in den Angaben der Geschichtsschreiber stattfindet, die einzigen festen Anhaltspunkte durch die Urkunden gewonnen werden. Je mehr byzantinische Urkunden bekannt werden, desto eher wird es möglich werden die byzantinische Chronologie von Muralt der so nöthigen Umarbeitung zu unterziehen. Aus allen diesen Gründen beglückwünsche ich die Akademie zu der ihr gestellten Aufgabe, und wünsche und hoffe, daß sie derselben im weitesten Umfang genügen wird. Ich danke Ihnen, daß Sie mir die Möglichkeit in Aussicht stellen, die Akademie könne, wenn ich das Manuscript meiner Ergänzung zu den Basiliken einsenden wolle, eine Herausgabe desselben beschließen. Ich glaube jedoch nicht, daß die Arbeit in den Rahmen passen würde innerhalb dessen Publikationen der Akademie zu begrenzen sind. Ich hatte anfangs meine Arbeit als ein Supplement zu Heimbach's Basiliken-Ausgabe ausgeführt, später aber habe ich eingesehen, daß ich mich nicht wohl unter den Fittigen von Heimbach und seiner höchst unkritischen Ausgabe ins Freie wagen kann. So habe ich denn eine Umarbeitung vorgenommen und wünsche das Opus als Pars VIII meines Jus Graeco-Romanum unter dem Specialtitel: «Paralipomena ad Basilica», erscheinen zu lassen. Ich stehe deshalb mit einem Leipziger Drucker gegenwärtig in Unterhandlung. Diese würden mir sehr erleichtert werden und bald zum Abschluß führen, wenn die Akademie, wie den früheren Partes des Jus-Graeco-Romanum so auch dieser letzten Pars, ihre Theilnahme schenken wollte. Es könnte dies wie in den früheren Fällen so auch diesmal am einfachsten so geschehen, daß die Akademie bei Einsendung von 50 Exemplaren die Summe von 350, mindestens aber 300 Mk. beschlösse an mich zu zahlen. Indem ich Ihrer gütigen Mittheilung über den Erfolg dieses unmaßgeblichen Antrags in Balde entgegensehe, habe ich die Ehre zu zeichnen in bekannter Ergebenheit als

Ihr

Dr. Zalingenthal

№ 40

Großkmehlen, den 2. Juni 93

Geehrtester Herr!

In Ihrem letzten Briefe vom 15/27 v. Mts. haben Sie sich über das Verfahren hinsichtlich des Druckes byzantinischer Urkunden ausgesprochen: Sie stecken das Ziel so hoch, daß ich fürchten muß der Druck wird erst spät beginnen können und vielerlei Schwierigkeiten bieten. Gestatten Sie mir einige Gegenbemerkungen.

Ich schicke voraus, daß ich noch von der alten Schule bin, die mehr auf den Inhalt als auf die Form sieht, und in der neueren philologischen Schule oft einer Hyperkritik zu begegnen glaubt. Die Urkunden um die es sich hier handelt, würden diplomatischer Genauigkeit des Abdrucks bedürfen, wenn sie besonderen Werth für die Geschichte der Sprache in Anspruch nehmen könnten. Dies ist jedoch nicht der Fall. Das klerikale byzantinische Griechisch bleibt sich bis zum Untergange des byzantinischen Reichs ziemlich gleich. Die gedachten Urkunden haben vielmehr vorwiegend stofflichen Werth, der durch hie und da etwas weniger correcta Wiedergabe des Textes kaum beeinträchtigt wird. Ich würde daher glauben, soweit ich die Lage übersehen kann, daß die vom Bischof Porphyrius abgeschriebenen Urkunden ohne nochmalige Collation der Originale gedruckt werden könnten.

Dasselbe dürfte von den Abschriften des Herrn Kerameus gelten. In Anmerkungen könnte auf vermuthliche Versehen der Abschreiber hingewiesen werden.

Für viel wichtiger halte ich es, daß die Urkundensammlung event, für den Gebrauch genügend hergestellt werde. An der Wiener Sammlung der Ac. diplomata tadle ich hauptsächlich, daß sie hier an Mangel leidet. Will man auf ein Wort oder auf einen Satz hinweisen, so muß man sich entweder mit der Angabe der Seitenzahl begnügen, oder sich und den Lesern die Mühe machen die Zeilen nachzuzählen. Eine neue Sammlung mußte hier unbedingt die Zeilen von 5 zu 5 am Rande bezeichnen. Außerdem müßte eine neue Sammlung auch bessere Indices geben. Die Wiener Sammlung genügt auch in dieser Beziehung keineswegs.

Doch genug. Sie sehen mit welcher Theilnahme ich Ihre Arbeiten über byzantinische Urkunden begleite.

In aufrichtiger Ergebenheit

Ihr

Dr. Zalingenthal

№ 41

Großkmehlen bei Ortrand, den 1. Sept.
1893

Sehr geehrter Herr!

Ich schicke Ihnen heute unter Band das Bruchstück einer Abhandlung, an deren Vollendung ich durch die Trübung meines Augenlichts gehindert worden bin. Ich habe dies um so mehr bedauert, als ich damit das Bild der gesetzgeberischen Thätigkeit des Kaisers Leo des Isauriens auch nach der militärischen Richtung hinauszumalen gedacht hatte. Möge ein künftiger Geschichtsschreiber die hohe Bedeutung der Regierung dieses Kaisers nicht unterschätzen!

Mein Enkel soll demnächst Unterricht in der russischen Sprache erhalten. Zum Lehrer ist mir von Geh. Rath Pernice ein Student des russischen Seminars zu Berlin, Namens Sretenski empfohlen worden. Derselbe beschäftigt sich auch mit dem byzantinischen Recht und dessen Quellen, und ist, wie ich aus einer Anfrage desselben ersehe, das byzantinische Griechisch kündig. Vielleicht entwickelt sich hier eine Kraft zur Mithülfe bei der Veröffentlichung Ihrer byzantinischen Urkunden. Darf ich hoffen, daß ich von meinem Aufsatz über die Chrysobullen nunmehr bald einige Sonderabzüge erhalten werde?

Mit der vorzüglichsten Hochachtung

Ihr
ganz ergebener

Dr. Zalingenthal

№ 42

Получено 25 мая 1894 г. в 2 ч.
пополудни³⁸.

Heute Vormittag 10 Uhr entschlief sanft nach längeren, mit grosser Geduld getragenen Leiden im 82. Jahre seines Alters unser theurer Vater, Schwiegervater und Grossvater,
der Königliche Geheime Regierungsrath Dr. jur.

³⁸ Помечено рукой А. А. Куника, как и дата «22 Mai» по старому стилю в скобках.

Karl Eduard Zachariae von Lingenthal,

Ritter hoher Orden, correspondirendes Mitglied des archäologischen Instituts zu Rom, der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg, der Königlichen Academie der Wissenschaften zu Berlin, Rittergutsbesitzer auf Grosskmehlen alten Theils.

Grosskmehlen bei Ortrand, den 3. Juni 1894 (22 Mai)

Carl Zachariae von Lingenthal,

Eduard Zachariae,

Major und Director der Militär-Telegraphenschule,

Dr. Theodor Zachariae,

Professor an der Universität zu Halle a. S.,

Heinrich Zachariae,

Hauptmann und Compagniechef im Leibgrenadier-Regiment

König Fridrich Wilhelm III,

als Söhne,

Dorothea Zachariae von Lingenthal, geb. Muncke,

Elise Zachariae, geb. von Stünzner,

Emilie Zachariae,

Louise Zachariae,

Margaretha Zachariae,

Anna Zachariae

als Töchter

und vier Enkel

ПИСЬМА В. М. УНДОЛЬСКОГО К А. А. КУНИКУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ФИЛИАЛЕ АРХИВА РАН*

Вукол Михайлович Ундольский (1816–1864) — фигура, безусловно, столь же яркая в истории отечественной археографии, сколь и загадочная. Страстный собиратель, умудрившийся при своих более чем скромных средствах создать уникальную, почти полторатысячную коллекцию древних памятников славяно-русской письменности (ныне хранится в Российской Государственной библиотеке, ф. 310)¹, не менее страстный библиограф, известный своими публикациями ценнейших описей книжных собраний, составленных в XVII в.², описанием славянских рукописей Московской патриаршей библиотеки, а также значительной части рукописей своего собрания³, Вукол Михайлович был и талантливым исследователем, хотя именно эта последняя его «ипостась» остается наименее известной в современной науке.

Конечно, такие «вещи», как открытие В. М. Ундольским в Синодальной библиотеке Ефремовской Кормчей XII в. с полными правилами и без толкований, давшее новый ценный материал для истории Кормчей на Руси до XIII в., не прошли незамеченными (хотя бы

* Опубликовано: ТОДРЛ. Т. L. 1996. С. 803–816.

¹ См.: Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель. Т. 1, вып. 1. М., 1983. С. 84–97 (здесь же указана вся необходимая литература о В. М. Ундольском; автор раздела — Л. П. Сасенко [Грязина]).

² См., например: *Ундольский В. [М.]* Оглавление книг, кто их сложил. Составил Сильвестр Медведев // ЧОИДР. 1846. Кн. 4; *Он же*. Опись книгам, поступившим в 1675 году в Патриаршую ризную казну, составленная справщиком монахом Евфимием. М., 1847; *Он же*. Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке // ЧОИДР. 1848. Кн. 6. См. также: *Ундольский В. М.* Очерк славяно-русской библиографии, с дополнениями А. Ф. Бычкова и А. [Е.] Викторова. М., 1871.

³ *Ундольский В. М.* Описание славянских рукописей Московской патриаршей библиотеки // ЧОИДР. 1867. Кн. 2; Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания. М., 1870.

и посмертно)⁴, но, скажем, наиболее значительная его работа — «Исследование о церковнославянских хронографах. Том 1. О Временнике Амартола в отношении к Несторовой летописи» — до сих пор остается ненапечатанной (хранится в РГБ, ф. 704, карт. 1, д. 13–18; карт. 2, д. 1–3), а имя автора, если не ошибаюсь, «блистает» своим почти полным отсутствием в богатой, правда, на сегодняшний день специальной литературе по истории древних славяно-русских хронографов⁵. Желая способствовать хотя бы в незначительной мере заполнению этой лакуны, я и предлагаю вниманию ученой публики настоящий архивный материал, еще не попадавший, как кажется, в поле зрения специалистов.

Речь идет о десяти подлинных письмах В. М. Ундольского, писанных в 1855–1864 гг. (одно недатированное), адресованных академику Аристу Аристовичу Кунику (1814–1899) и хранящихся ныне в фонде последнего в С.-Петербургском филиале Архива РАН⁶. Вкупе с уже известными письмами В. М. Ундольского к его другу, академику Петру Спиридоновичу Билярскому (1817–1867)⁷, они являются весьма красноречивыми свидетельствами непростой подвижнической жизни автора и, в частности, проливают некоторый свет на обстоятельства, помешавшие завершению исследования В. М. Ундольского в области переводных славяно-русских хронографов. Кроме того, только «наши» письма содержат, если не ошибаюсь, нигде больше не зафиксированную информацию о том, что опубликованная в свое время кн. Михаилом Андреевичем Оболенским (1805–1873) статья о синодальном греческом списке Георгия Амартола и о славянских переводах «Хроники»⁸,

⁴ См., например: *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978 (см. Указатель имен).

⁵ См., например: *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. Л., 1978; *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. См. также статьи О. В. Творогова «Хроника Георгия Амартола», «Хроника Георгия Синкелла», «Хроника Иоанна Малалы», «Хроника Симеона Логофета» и другие в кн.: СККДР. Вып. 1. 1987. С. 467–478. О ряде исключений мы скажем немного позднее.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 95. Он. 2. Д. 868.

⁷ *Истрин В. М.* Письма к академику Петру Спиридоновичу Билярскому, хранящиеся в Имп. Новороссийском университете. Одесса, 1906. С. 20–34. (Летопись историко-филологического общества при Имп. Новороссийском университете. Одесса, 1907. Т. 14.)

⁸ *Оболенский М. [А.]* О греческом кодексе Георгия Амартола, хранящемся в Московской Синодальной библиотеке, и о сербском и болгарском переводах его Хроники // ЧОИДР. 1846. Кн. 4. Отд. 4. С. 73–102 (отд. отд.: М., 1847).

вызвавшая оживленную дискуссию и снискавшая князю ученое звание члена-корреспондента Академии наук, написана в значительной части В. М. Ундольским, служившим под начальством М. А. Оболенского в Московском главном архиве Министерства иностранных дел (директором его был Оболенский) и даже жившим в доме своего патрона на Арбате «у Николы Явленного».

В. М. Истрин, подробно рассмотрев статью М. А. Оболенского и не подозревая о том, что действительным автором хвалимых им разделов и выводов статьи является В. М. Ундольский, а критикуемых им и самим Ундольским положений — решивший проявить свою ученость Оболенский, пишет, между прочим, следующее:

В этой статье Оболенский (читай: Ундольский. — *И. М.*), во-первых, устанавливал наличие двух переводов хроники Амартола — сербского и болгарского, и, во-вторых, указывал на нахождение в Синодальной библиотеке греческого списка Амартола, XII в., в редакции, с которой, по его словам, буквально сходен славянский перевод сербской редакции <...> Для определения дополнений хроники Оболенский (читай: Ундольский. — *И. М.*) рассмотрел одну греческую рукопись в Синодальной библиотеке (№ 251–264), значившуюся в каталоге Маттеи под именем хроники Симеона Логофета, и открыл, что «в ней находится не хроника Симеона Логофета, а летопись Георгия Амартола, с которою буквально сходен славянский перевод сербской редакции». <...> Статья Оболенского (читай: Ундольского. — *И. М.*) впервые решительно устанавливала тот факт, что все известные до того времени списки хроники подразделяются на два перевода — болгарский и сербский, положение, в настоящее время ставшее общеизвестным и неопровержимым фактом. Но Оболенский в своей статье не привел текстуальных доказательств своего положения, и потому последнее не было признано всеми, и в науке еще долго после того высказывалось мнение, что сербский текст есть простая переделка старого болгарского перевода. Открытие же Оболенским (читай: Ундольским. — *И. М.*) греческого кодекса имело ближайшим последствием то, что этот кодекс и был тотчас взят Муральтом для издания. Оболенский (читай: Ундольский. — *И. М.*) был прав, что открытый им греческий кодекс заключал не хронику Симеона Логофета, а хронику Георгия Амартола, но дополненную; прав он оказался и в том, что на греческом существовала не одна редакция хроники Амартола, а по крайней мере две (теперь их известно три), и что открытый им кодекс представляет одну из таких редакций <...> Мнение же Оболенского (на сей раз действительно Оболенского! — *И. М.*) о двух

редакциях хроники Георгия Амартола вызвало сильное возражение со стороны Ундольского, признававшего двух различных греческих хронистов, называвшихся оба Георгиями, и в насмешку именовавшего Оболенского «Открывателем Амартола»⁹.

Любопытно отметить, что, излагая результаты своего ознакомления с вышеназванной работой В. М. Ундольского о «Хронике» Георгия Амартола (он отмечает, что это исследование Ундольского осталось ненапечатанным, но автор представил его в Академию наук на соискание Демидовской премии, и о его выводах стало известным из рецензии А. А. Куника¹⁰) и подчеркивая важность вывода Ундольского о том, что сербский и болгарский переводы сделаны с разных греческих списков, которые были не списками двух редакций одной и той же «Хроники» Георгия, но списками двух различных хроник, В. М. Истрин пишет:

По существу Ундольский сходил в этом случае с Оболенским (еще бы ему с ним не сходить! — *И. М.*). Но в отличие от решительного утверждения последнего о буквальном сходстве сербского перевода с греческой синодальной рукописью № 251, Ундольский столь же решительно утверждал, что «сербский Летовник Георгиев во многом не сходен с московским синодальным греческим кодексом, особенно во второй его половине: целые царствования иногда в нем подробнее греческого, иногда наоборот». Последующее изучение показало, что в данном случае был прав Ундольский. Наконец, на вопрос об отношении Нестора к хронике Георгия Ундольский отвечал решительно, что Нестор пользовался болгарской редакцией хроники, как оно в действительности и было¹¹.

Надеемся, что после сказанного читателю будут яснее и содержание публикуемых писем и обстоятельства их появления. Как принято, орфографию и пунктуацию приводим в соответствие с современными (у Ундольского, в частности, почти нет запятых); письма публикуются

⁹ *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. II. Пг., 1922. С. 119–121.

¹⁰ *Куник А. А.* Разбор рукописного сочинения г. Ундольского под заглавием: Исследования о церковнославянских хронографах. Т. 1. О современнике Георгия Амартола в отношении к Несторовой летописи // Двадцать пятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 1856. С. 10–15, 73–84 (извлечение из рецензии А. А. Куника на труд Ундольского напечатано: ЖМНП. Ч. ХСІ. 1856).

¹¹ *Истрин В. М.* Книги временныя... С. 122–123.

целиком, без изъятий (отточия в тексте исходят от самого автора); раскрытые сокращения, которых у Ундольского немало, даны в угловых скобках. Приводим текст писем.

I (л. 1–2). Москва. 25 августа 1855 г.

М. Г. Арист Аристович!

Давным-давно собирался я писать к Вам, но все не осмеливался беспокоить человека мне неизвестного. Теперь, когда дело, о котором хочу говорить с Вами, принимает вид окончательный, — не смею и далее считать непростительным откладывать это далее. Дело вот в чем: согласно Вашим предложениям и предначертаниям слышу: Академия решилась издать греческий кодекс Амартола здешней Синодальной библ. № 251¹²; а г. Срезневский (вероятно, по этому же поводу) хочет напечатать славянский перевод его. Какие прекрасные намерения!! Какие благие начинания!!! Верно, никто из москвичей так не сочувствует этому, как я. И не без причины. Живя у издателя статьи о греческом код<ексе> Амартола (не знающего доселе ни альфы ни виты по-гречески и даже по-латыни)¹³, я работал над этой статьей в 1847 г. Не моя вина, если она вышла не в том виде, как мне хотелось. Однако же Академия почла издателя званием корреспондента. Разошедшись с ним вскоре¹⁴, я не оставлял занятий по этому предмету. Разбирая Временник Георгия Амартола в отношении к летописи Нестора, я пришел к несомненному заключению, что упомянутый синодальный кодекс не есть хроника Амартола, равно и сербский перевод или редакция, напеч<атанная> в 1 т<оме> Собр<ания>

¹² Ундольский дает шифр рукописи по каталогу Маттеи, который соответствует № 264 каталога Саввы и № 406 каталога архим. Владимира. Библиографию рукописи см.: *Фонкич Б. Л., Поляков Ф. Б.* Греческие рукописи Синодальной библиотеки. М., 1993. С. 133 (без указания статьи М. А. Оболенского и неопубликованного труда В. М. Ундольского).

¹³ Имеется в виду М. А. Оболенский. О статье см. примеч. 8.

¹⁴ «В мае 1848 г. расстался с Принцем Куявским (постоянное прозвище М. А. Оболенского в устах В. М. Ундольского. — *И. М.*), уехав от него в 3 часа утра, и, разумеется, подпал его опале... Я весь полысел и к пушечному удовольствию в половине ноября был представлен великодушным открывателем Амартола (М. А. Оболенским. — *И. М.*) в отставку с тем, чтобы и впредь никуда не определять!!» — пишет Ундольский П. С. Билярскому 5 сентября 1855 г. (*Истории В. М. Письма...* С. 22).

Лет<описей> *en regard* с Амартолом¹⁵, тоже никак не может принадлежать ему. Исследование вышло довольно многосложное и несомненно полезное для издателя подлинника и перевода Амартоловой хроники. Так как Академия обратила внимание на мой труд (в 1847 г.) под чужим именем и так как ей, а не иному другому сословию, принадлежит честь разработки византийской хронографии, то и последний свой труд я решаюсь (по общему совету г. г. Погодина, Бодянского, Строева, Беляева¹⁶ и других) представить на благоусмотрение Академии, посвящая его памяти незабвенного Круга¹⁷, которого я не имел чести лично знать.

Вам известен недостаток в ученых пособиях у нас в Москве. Долговременно следивши за моим предметом и встречая множество препятствий, несмотря на ограниченность моих средств, я успел приобрести в собственность *Corpus Scr. Hist. Byzant. ed. Regiam*¹⁸ со всеми приложениями, 3 и 4 изд<ания> Фабрициевой библи<отеки>¹⁹. Не упоминаю об отд<ельных> библи<отеках>: Ламбеция, Гардта, о каталогах Королевской Парижской библи<отеки>, Маттеевом²⁰ и многих других. Ко всему этому я имею более тысячи славяно-русских рукописей и более трехсот книг церковной печати... При всем том недостает гораздо большего!!! Но кто же всё имеет? Ваше радушие и общительность известны мне от многих и, между прочим, от г. Билярского, моего товарища по Академии²¹ и (некогда) доброго и верного друга. Не откажитесь же для общего блага ссудить меня на некоторое

¹⁵ См.: ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. Приложение. С. 239–248.

¹⁶ Имеются в виду: акад. М. П. Погодин (1800–1875), проф. О. М. Бодянский (1808–1877), акад. П. М. Строев (1796–1876) и секретарь ОИДР И. Д. Беляев (1810–1873).

¹⁷ Филипп Круг (1764–1844), автор работ по византийской хронологии.

¹⁸ Имеется в виду основанная в 1828 г. Нибуром (*B. G. Niebuhr*, 1776–1831) боннская серия *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae* (*Corpus Bonnense*).

¹⁹ Третье издание *Bibliotheca graeca* Фабрициуса (*J. A. Fabricius*, 1667–1736) вышло в 1718–1728 гг. в 14 томах; четвертое — в 1790–1811 гг. в 12 томах.

²⁰ Имеются в виду каталоги: *Lambecius P. Commentariorum de Augustissima Bibliotheca Caesarea Vindobonensi libri I–VIII*. Vindobonae, 1665–1679; *Hardt I. Catalogus codicum manuscriptorum graecorum Bibliothecae Regiae Bavaricae*. Bd. 1–5. München, 1806–1812; *Matthaei Ch. F. de. Accurata codicum graecorum manuscriptorum bibliothecarum Mosquensium notitia*. Leipzig, 1823.

²¹ В. М. Ундольский окончил Московскую духовную академию в 1840 г., П. С. Билярский — в 1838 г.

время Тафелем²², каталогом испанских рук<описей> Миллера²³ и новым трудом Муральта о византийской хронографии²⁴. Книги можете выслать или прямо на мое имя: на Пятницкую в дом Давыдова, или в Общество истории и древностей российских, библиотекарю.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности, с которыми имею честь быть, М. Г.,

Вашим покорнейшим слугою

Вукол Ундольский

1855 г. авг. 25.

P. S. Наш почтенный археограф П. М. Строев свидетельствует Вам усердное почтение. Не знаю, получили ли Вы от него Тверской Летописец, он хотел послать его к Вам чрез г. Коркунова²⁵. Если не получили, пожалуй, я отправлю чрез общество. Нельзя ли Вам сообщить мне адрес г. Билярского, кого ни спрашивал из его знакомых, никто не мог мне доставить.

II (л. 3–4 об.). Москва, 7 сентября 1855.

М. Г. Арист Аристович,

Обязательное письмо Ваше от 1 текущего сентября я имел честь и удовольствие получить. Благодарю Вас за участие к моему труду давнему, многосложному и, кажется, не бесполезному.

В настоящее время мое исследование еще не окончено за недостатком некоторых рукописных и печатных книг. Из числа первых особенно мне нужны синодальный названный греч<еский> кодекс

²² Речь идет о каком-то издании немецкого историка Г. Л. Ф. Тафела (1787–1860), скорее всего, о публикации: *Tafel G. L. F. Theophanis Chronographie: Probe einer kritisch-exegetischen Ausgabe // Sitzungsberichte der philos.-hist. Cl. der Akademie der Wiss.* Bd. 9. Wien, 1852. S. 21–172.

²³ Речь, по-видимому, идет о кн.: *Miller E. Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque de l'Escurial.* Paris, 1848.

²⁴ См.: *Muralt E. de. Essai de Chronographie Byzantine pour servir à l'examen des Annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slaves de 395 à 1057.* St.-Petersbourg; Leipzig, 1855. В письме к П. С. Билярскому от 6 октября 1855 г. Ундольский пишет: «Поблагодарите г. Куника за доставление мне каталога Миллера и Хронографии г. Муральта. То и другое доставило мне истинное утешение. Последний труд, слишком, быть может, обыкновенный в Европе, для нас подвиг исполина» (*Истрин В. М. Письма...* С. 26).

²⁵ Имеется в виду археолог Михаил Андреевич Коркунов (1806–1858).

Амарт<ола> и из славянских тоже синод<альный>, названный Амарт-тол сербской редакции, другой список коего у Вас в Румянц<евском> музее — более списков из этой категории мне неизвестно в России. При всем моем желании не могу их получить²⁶, равно и перевода лже-Малалы от кн. Оболенского... Не уцелело ли каким чудом копии выписок Круга из Амартола²⁷, сообщ<енных> г. Бодянскому, — он не может их найти или не желает сообщить мне их. Последнего на нем не предполагаю. Таким образом, составилось бы нечто вроде Дюканжевых *Selecta ad illustrationem Chr. Pasch.*²⁸ На днях с этой целью отправлюсь в Лавру за Алляцием, Гретсером *de Cruce* и т. д.²⁹

Желал бы я знать: можно ли представить мое исследование в Академию (на Демидовский конкурс. — И. М.) в *недоконченном* виде, с тем, чтоб по рассмотрении можно было опять его пополнить и исправить по замечаниям Вашим и издать здесь, и не лучше ли представить его Вам *прямо*? Иначе это дело пойдет в дальний ящик — на год; а может и более. Предосторожность взята след<ующая>: все что ни писано, писано на одной стороне, оборот оставлен белый, чтоб, с одной стороны, рецензент мог свободнее делать свои ремарки; с другой — чтоб легче можно было дополнять и изменять каждый отдел, не переписывая без надобности. Понятно, что при такой работе и при таком приеме неказиста на взгляд рук<опись> или оригинал моего

²⁶ Речь идет о вышеупомянутой греческой рукописи ГИМ, № 406, находившейся в то время в Петербурге у Эд. Мурашья; о сербской рукописи ГИМ, Синод., № 148, находившейся тогда в Троице-Сергиевой лавре у А. В. Горского («...На днях нарочно еду туда за ней», — пишет Ундольский Билярскому 6 октября 1855 г.); и, по-видимому, об утраченном ныне сербском списке «Хроники» Георгия Амартола № 42 Румянцевского музея (о нем см.: *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. С. 73). Письмом от 14 декабря 1855 г. Ундольский уже уведомляет Билярского о том, что греческая рукопись «почти на месяц была возвращена мне в Москву. С ней я ездил в Лавру и сличил тщательнейше вторую половину греч. синод. кодекса с сербским пер. Летовника Георгиева по рук. Моск. Син. библиот. 1386 г., гостившей около 3-х лет у нашего общего наставника А. В. Горского» (см.: *Истрин В. М.* Письма... С. 28).

²⁷ См. сообщение о них А. А. Куника: *Probe einer neuen Ausgabe der byz. Chronologie von Philipp Krug // Bull. hist.-phil. de l'Acad. de St.-Pét.* T. 9. 1852. P. 379–384.

²⁸ Имеется в виду издание Дюканжем (*C. Du Cange*, 1610–1688) Пасхальной (или иначе: Александрийской) хроники в: *Corpus Byzantinae Historiae*. Parisiis, 1688.

²⁹ *Leo Allatius* (1586–1669); *J. Gretser* (1562–1625). Речь идет о самом известном, 4-томном труде Гретсера «*De Cruce*».

исследования. Но я надеюсь, что ее оценят не по внешнему виду, а по внутреннему достоинству. Если исследование о годе изв^естно-го?> события имеет полный интерес для специалиста, то, надеюсь, не лишено его будет и мое грешное маранье³⁰ для русских, поелику я выведу их из заблуждения об источнике Нестора, доказав положительно, что не одна хроника Амарт^ола была в двух редакциях — Болгарской и Сербской, а, напротив, два было летописателя Георгия, оба монахи, грешные и писавшие от С. М., один сост^авил Временник — с оглавлением — *криницею* и Прологом впереди, до 867 г.; другой тоже писал от С. М. по 839 год без оглавления и предисловия и в самом тексте весьма отлично от первого — без разделения на книги и главы, как у Амарт^ола³¹. Как текст, так и продолжение у них разные — различны и переводы — первого на болгар^ское, 2-го на сербское нар^ечие?>. Узнают и то, что первым одним пользовался наш летописатель, а не 2-м при составлении повести временных лет.

Едва ли не больший интерес будет иметь мое разыскание для филологов — византинистов, когда кроме неизд^анной вполне лет^описи Амарт^ола они узнают о существовании *другого* летописца Георгия, которого смешивали они с Ам^артолом до посл^еднего времени. Академия, издав его Хронику по Синод^альной рук^описи в формате Боннского изд^ания Визант^ийцев, окажет верную услугу, и это будет очень кстати доперчь гордой Вене, что ее многоученные богословы не избегали ошибок, замеченных нашею Академиею. Как Гр. Н. П. Рум^янцев изд^анием Льва Диякона сделал вклад в историю? — *И. М.*)³², так Академия, издав Летовник Георгия

³⁰ О своем «грешном маранье», которое он «по совету некоторых из наших ученых берет смелость представить на Демидовский конкурс», В. М. Ундольский говорит и в письме к Билярскому от 6 октября 1855 г. (*Истрин В. М. Письма...* С. 24).

³¹ Представление В. М. Ундольского о двух разных Георгиях, оставленное, как мы видели выше, без комментария В. М. Истриным, встретило возражение со стороны Эд. Муральта (Georgii Monachi, dicti Hamartoli / Ed. E. de Muralto. Petropolis, 1859. P. XXX), а позднее — со стороны С. П. Шестакова и М. Вейнгарта. См.: *Шестаков С.* О происхождении и составе хроники Георгия Монаха (Амарт^ола). Казань, 1891. С. 1, примеч. 1; *Weingart M.* Byzanské kroniky v literatuře církevněslovanské. Č. II. Bratislava, 1923. S. 6. Но если двое первых (Муральт и Шестаков) делают это на основании личного знакомства с неопубликованным трудом Ундольского, то М. Вейнгарт — со ссылкой на С. Шестакова.

³² Речь идет об издании: Leonis Diaconi Caloënsis Historia, Scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes. E Bibliotheca regia nunc primum in lucem edidit, versione

по Синод<альной> рук<описи>, примет участие в посл<еднем?> Боннском изд<ании> Византийцев. Пусть Ср<е>зн<евский> издаст (?)³³ Амартола в болгарском пер<еводе>³⁴, а Вы можете издать *Летовник Георгия*, довольно сходный с греч<еским> код<ексом> лже-Амартола в сербском пер<еводе>. Я что-то мало уповаю на успехи 2-го отд<еления>. Печатаемая исследования подобные, оно уже уронило себя окончательно в глазах любит<елей> и знатоков отечественных древностей. Фразы не могут всех удовлетворить. Пора бы оставить пустословие — первенств<ующему> ученому сословию!.. Скажите откровенно, согласны ли Вы в этом.

Теперь о своем деле. Мне кажется, сам<а> Академия снисходительно судила 2 и 3 [нрзб.] русских достоп<амятностей> и даже лжехронол<огические> набл<юдения> неугомонного Хавского³⁵ и некоторые другие: неужели мой почти десятилетний труд, проливающий, если не ошибаюсь, новый свет на такой д<ействительно?> важный предмет, не удостоится некоторого снисхождения. Тут ничего нет фантастич<ного>, ни Куявы (кн. М. А. Оболенского. — И. М.), ничего подобного. Так или иначе я ничего не щадил для издания истины; сполна истрачено денег на приобр<етение> книг от изд<ания>

latina et notis illustravit C. B. Hase. Parisiis, 1819 (повторено в рамках боннского корпуса: Bonnae, 1828). Действительно, издание Льва Диякона было выполнено по заказу и на средства графа Н. П. Румянцева, а издатель К. Б. Газе был удостоен за это избрания членом-корреспондентом в Имп. Академию наук и награждения орденом Св. Владимира 4-й степени, получив к тому же изрядный гонорар в 16 тыс. р. Как известно, обещание всех этих почестей и богатого материального вознаграждения толкнуло К. Б. Газе на бесчестный поступок — изготовление фальсификата, так называемой «Записки готского (или греческого) топарха», введенной в заблуждение несколько поколений историков. См. об этом: Ševčenko I. The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus // DOP. Vol. 25. 1971. P. 115–188.

³³ Знак вопроса принадлежит В. М. Ундольскому.

³⁴ Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) не осуществил такого издания, отказавшись от своего намерения под воздействием В. М. Ундольского (см. далее).

³⁵ Речь идет об исследователе русской хронологии П. В. Хавском. Ср. из письма Ундольского к Билярскому от 14 декабря 1855 г.: «Почему я и не хотел бы никого иметь своим рецензентом, кроме г. Куника, отвергнувшего генеалогический вздор Хавского и протестовавшего торжественно против его хронологических бредней. Это подвиг истинный: восстать против такого наглого человека и до *non plus ultra* упрямого. А надобно же было вразумить его» (*Исписи В. М. Письма...* С. 29).

Париж<ских> Визант<инистов>³⁶ до Фабр<ицовой> Библ<иотеки>³⁷ — преимущественно для этой цели. Куда как хотелось бы поскорее двинуть это дело. И мне крайне прискорбно было бы, если бы наша достопочт<енная> Академия ошиблась в Амартоле; смешает с ним, подобно Обол<енскому>, другого Георгия. Напрасно Вы оговариваетесь о скромности и добросовестности. Не выдавши Вас, я давно знал Вас очень хорошо от П. С. Бил<я>р<ского> — поклонитесь ему от меня. Я напишу ему при первом случае. П. М. Строеву передам о Тверской летописи.

Поручая себя и мой труд благосклонному вниманию Вашему, честь имею быть, М. Г., Вашим покорным слугою

В. Ундольский

P. S. Если вы свободно владеете франц<узским> яз<ыком>, я желал бы получать от Вас письма на этом яз<ыке>, не потому чтобы я вовсе не знал по-немецки, но что франц<узский> яз<ык> мне известнее немецкого... В следующем письме, по получении от Вас ответа, можно сообщить более подробностей; а это и без того длинно. Есть ли у Вас Бандини, Пазини, Цанетти, Ириарта?³⁸ Этих каталогов нет у меня.

III (л. 8–8 об.). Москва. 1 мая 1856 г.

М. Г. Арист Аристович,

Посылаю 1 т<ом> Стебельского³⁹, другие пришлю в скором времени. С самого приезда был нездоров, почему и не выполнил свое-

³⁶ Имеется в виду парижская (лувская) серия *Corpus Byzantinae Historiae*, основанная Ф. Лаббе (*Ph. Labbe*) в 1645 г. под покровительством короля Людовика XIV.

³⁷ См. примеч. 19.

³⁸ Имеются в виду: *Bandini A. M. Catalogus codicum mss Bibliothecae Mediceae Laurentianae. Vol. 1–5. Florentiae, 1764–1778*; *Pasinus Jos., Rivautea A., Berta Fr. Codices manuscripti Bibliothecae Regiae Taurinensis Athenaei. Turin, 1749*; *Zanetti A. M., Bongiovanni A. Graeca D. Marci Bibliotheca codicum manuscriptorum per titulos digesta. Venetiis, 1740*; *Iriarte J. Regiae Bibliothecae Matritensis codices graeci. Vol. 1. Matriti, 1769*.

³⁹ Здесь и далее речь идет о переводе трехтомного исследования Стебельского о св. Евфросинии, оставшемся неопубликованным «по причине неприязненности церкви нашей». Об этом деле мы узнаём лишь из глухого (даже инициалы автора отсутствуют) упоминания в кн.: *Козлов В. П. Колумбы российских древностей. 2-е изд., доп. М., 1985. С. 143.*

го слова. Летовника Георгиева списана одна последняя половина, и то не вполне, так говорил мне г. Бодянский. Свое соч<инение> я начал печатанием. Только раньше 15 мая едва ли успею доставить два 1-х листа. Нельзя ли доставить мне *Wiener Jahrbücher*, где говорится о шафариковском сп<иске?> Летовника⁴⁰, у нас во всей Москве нет сего журнала.

Поклонитесь от меня достоуважаемому П. С. Билярскому и поблагодарите за всерадушье, которым он меня удостоивал. Не найдете ли какой возможности исхитить у г. Срезн<евского> Летовник Синодальный? На днях отправим мы прошение в Рум<янцевский> музей о высылке в Общество тамошнего.

Во вчерашнем заседании г. Муральт по моему предложению избран в Действ<ительные> Члены нашего общества⁴¹.

При след<ующих> томах напишу подробнее обо всем и, между прочим, о своих книгах, какие желал бы выписать из-за границы.

Будьте благополучны и по-прежнему благосклонны

к Вашему покорному слуге.

В. Ундольский

Мая 1 дня 1856 г.

IV (л. 5–6 об.). Москва. 5 мая 1856 г.

М. Г. Арист Аристович,

Wiener Jahrbücher, где статья Шафарика об Амартоле, мне не нужны: я достал ее от О. М. Бодянского. Взамен сего потрудитесь при случае переслать мне выписки из Бандини об Амартоле⁴² и те дополнения, которые доставлены Вам после, — они писаны на одной странице без оборота — четверток в 12-ть. Они теперь Вам, конечно, не нужны, а для меня необходимы. Но вот главная моя просьба теперь в чем. Потрудитесь поскорее отнестись к книгопродавцу за *Боннским*

⁴⁰ Имеется, по-видимому, в виду латинская статья Шафарика о пражской рукописи Летовника (*Notitia de Georgio Hamartolo*), выходных данных которой нам, к сожалению, не удалось установить (см. о ней: *Weingart M. Byzantské kroňky... Č. II. S. 5*).

⁴¹ Эдуард Муральт (1808–1895) — действительный член Общества истории и древностей российских при Московском университете с 1856 г.

⁴² Речь, по-видимому, идет об описании греческого лавренцианского списка Георгия Амартола XI в. (*Laurent. LXX, 11*) из упомянутого каталога Бандини (см. примеч. 38).

изд<анием> *Византийцев*⁴³. Теперь я согласен дать и более пятидесяти рублей сер<ебром>. Если не дороже 70 р., выписывайте поскорее. Припомните, что у меня есть *Leo grammaticus* et *Attaliota* — два тома. Кстати, препроводите и записку о каталогах для меня нужных: не отыщется ли что-нибудь из них. Я готов бы купить все их сразу, если бы цена не превышала Брюнетовскую.

Нет ли в библиотеке Вашей *Nicephori patr. Breviarium Historicum*, ed. Petavii Parisiis 1616, 8°. Из сего изд<ания> нужно выписать стр. 339–407.

Allatii de aetate et interstitiis ordinum apud Graecos P. 108.

Scaligeri epistolae pag. 677 ep. 391. В публикации? видел я только другое издание.

Schoell о церковных писателях, на французском языке. Кстати, нет ли из приложенного реестра каких-либо книг в Академической библиотеке, в таком случае (кроме Несселя и Боннского) я желал бы иметь их у себя на некоторое время. Нельзя ли переслать их в Общество Истории и Древностей Российских.

Теперь о Сербском Летовнике. Бодянский успел списать из него не более четвертой части. Так скоро его вытребовали. Устройте, сделайте одолжение, чтоб лаврский пергамина и Московский синодальный Летовник препроводили или к нам в Общество, или же, по крайней мере, на свои места. Мне И. И. Срезневский говорил неоднократно, что до издания моего исследования он не думает приступать к изданию пер<евода> Амартола, следовательно, до того времени они будут у него лежать даром. Да и где ему при своих разнообразных занятиях приняться за это дело. Всего бы лучше передать его к нам в Москву, хотя г. Бодянский теперь всецело занят печатанием Изборника Святослава⁴⁴.

Писал я г. Уварову⁴⁵ о доставлении своего списка Амартола, ответа не имею, в мое время он был у г. Срезневского.

Повторяю просьбу о Боннском издании Византийцев. Не отлагайте выписку даже на неделю. Я имею вернейшее сведение, что у самого Вебера уже недостает некоторых томов, он просил наших книготорговцев скупать и пересылать ему. Будьте так добры, не откажитесь

⁴³ См. примеч. 18.

⁴⁴ Подготовленное О. М. Бодянским издание «Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г.» вышло в свет уже после его смерти (СПб., 1880).

⁴⁵ Имеется в виду граф А. С. Уваров (1828–1884), известный археолог.

помочь мне в этом. А я московских книг готов доставать, какие Вам понадобятся.

Ваш преданный и покорный слуга

В. Ундольский

P. S. Мне нужны собственно греческие рук<описи>, след<ующие> из упом<янутых> в реестре каталогов; если придется купить их отдельно, еще было бы для меня лучше; только едва ли, приобретая в розбив (*sic!*), можно соблюсти экономию.

П. С. Билярскому мой пренизкий поклон.

Москва,

Мая 5 дня 1856 г.

<л. 7: «Реестр» запрошенных В. М. Ундольским изданий, приложенный к предыдущему письму>⁴⁶.

J. Alb. Fabricii Bibl. Graecae ed. Harlesii t. X, XI et XII cum indice // *Corpus Scriptorum Historiae byzantinae*, ed. Bonnae.

Mittarelli bibl. MSS. monasterii s. Michaelis, Venetiis 1779, f°.

Mingarelli Graeci codices apud Nanios asservati, Bononiae 1784, 4.

Muccioli Catal. Codd. Bibl. Malatestianae, Caesenaе 1781–4, 2 vol. f°.

Morelli Bibl. s. Marci graeca et latina, Bassiani 1802, 2 vol. 8°.

Zanetti Graeca D. Marci bibl. Cod. MSS Venetiis, 1740, f°.

Kollarii ad Lambecii Commentariorum libros octo supplementorum liber postumus Vindob. 1790, f°.

Nessel Dan. Breviarium et supplementum commentariorum bibl. caes. vindobonensis. Vindobonae 1690, 6 part in 2 vol. f°.

Iriarte Regiae bibl. matritensis codices graeci mss Matriti 1769, f°.

V (л. 15–16 об.). Москва. 7 июня 1856 г.

М. Г. Арист Аристович,

Наши типографии, в том числе и университетская, завалены работой. Весь май мес<яц> оригинал мой лежал в сей последней, и не набрано ни слова. Только теперь 7-го июня дождался я 1-го полулиста, и это для меня истинное торжество по той достаточной причине, что семь номеров Русского Вестника надо перепечатать 2-м изд<анием> слово в слово, и ни одна тип<ография> не берется за такую легкую и сходную работу. Теперь начало сделано, авось когда-нибудь дождемся

⁴⁶ Все заглавия каталогов приводятся Ундольским с сокращениями, которые мы из соображений экономии места не сочли нужным раскрывать.

и конца. Что ж делать нашей старушке Москве, когда у нее теперь два новых журнала⁴⁷, да и других книг прибавилось с послаблением цензуры чуть не вдвое.

Амартола от Уварова не получил, да и из Румянцевского музея тоже; кажется, еще и требование не отправлено туда из Общества. Не теряю надежды иметь в своих руках и самый подл<инный> синод<альный> сербский 1386 г., равно и пергам<енный> академический спис<ок> с изображениями, если только возвратит их И. И. Срезневский, как обещался он это сделать еще в начале мая.

На досуге я не оставлял своего Амартола — продолжал сличение греческого текста с болгарским переводом из слова в слово. Много труда, но не без пользы эта работа. Результат и здесь всё тот же: московский кодекс содержит хронику если не другого Георгия, то и не чистую Амартолову — ибо он с нею во многом не сходен. Но пусть издадут его под каким бы то ни было именем. Это изд<ание> необходимо, жаль только, что идет оно так медленно.

Извините, что доселе не доставляю 2 и 3 ч<асти> Стебельского⁴⁸, сам доселе не имею в руках. Как получу, доставлю. Позвольте снова напомнить Вам о Византийцах, как хотелось бы мне поскорее иметь их, равно и все прочие книги, упомянутые в моем реестре. Помогите мне, добрый и почтенный Арист Аристович. Больше не на кого надеяться в этой нужде.

Поклонитесь от меня П. С. Билярскому. Что его Манассиева летопись??

Поручая себя и мои труды благосклонному вниманию Вашему, честь имею быть Вашим пок<орным?> слугою.

В. Ундольский

Четверг,

7 июня 1856 г.

P. S. Мои заметки из Бандини и других каталогов при случае препроводите ко мне, пожалуйста.

⁴⁷ Ср. из письма В. М. Ундольского к П. С. Билярскому от 14 декабря 1855 г.: «У нас теперь литературное движение, затеялись два журнала Русский вестник и Русская беседа. Посмотрим со стороны, что будет. Полюбится ли это Вашим ветеранам?» (*Истрин В. М. Письма... С. 30*).

⁴⁸ См. примеч. 39.

VI (л. 9–9 об.). Москва. 23 марта 1857 г.

М. Г. Арист Аристович,

Поздравляю Вас с наступающим праздником и желаю всего лучшего. Печатание моего соч<инения> идет очень медленно, несмотря на предписание г. Министра Народного Просв<ещения> и Президента Академии. Это крайне огорчает меня, а пособить нечем. С другой стороны, эта работа улаживает меня как нельзя более. Я напал на следы церковнославянского пер<евода> хроники Евсевия Памфила, греч<еский> подл<инник> которой, как известно, утрачен⁴⁹. Мое открытие уже вне догадок и предположений, но, не оглашая его, мне хотелось бы воспользоваться след<ующими> сочинениями:

1) J. Scaligeri Thesaurus Temporum ed. 2, Amst. 1658 f°.

2) Hieronimi operu<m> ed. Vallarsii t. VIII, Vermae 1740.

3) Maii Scriptorum veterum nova collectio T. 1. ps. 1 et 2, Romae 1827.

4) Eusebii Chron. bipartitum lat. et armenice ed. J. P. Anchor. Venet. 1818, II vol. f°.

Покуда довольно и этого. Не мешало бы взглянуть, что говорят Рауль-Рошет и Нибур, первый в *Journal des Savants*, 1819 p. 549⁵⁰; посл<едний> in der *Abh. der Berl. Acad. d. Wiss. hist. phil. Kl.* 1820/21 p. 37–114, und in s. *Klein. Schr.* p. 179 sqq.⁵¹

⁴⁹ Не ошибка ли?! Никакими данными о существовании сербского перевода известной хроники Евсевия Кесарийского (Памфила), греческий оригинал которой был действительно утрачен, а текст сохранился лишь в армянском переводе, наука, если не ошибаемся, не располагает. О хронике см.: Eusebius Werke. Bd. 5: Die Chronik, aus dem armenischen übersetzt mit textkritischem Commentar / Hrsg. von J. Karst. Leipzig, 1911; Huxley G. L. Problems in the Chronography of Eusebius // *Proceedings of the Royal Irish Academy*. Vol. 82. 1982. P. 183.

⁵⁰ Ошибка! Данная страница указанного органа приходится на рецензию на французское издание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (*Journal des Savants*. 1820. Janvier – décembre. P. 543–553), подписанную редактором журнала г-ном Daunou, в то время как Raoul-Rochette публикует здесь же (P. 732–750) рецензию на французское издание «Географии» Страбона, вряд ли интересовавшее В. М. Ундольского. На с. 549 своей рецензии Дону касается вопроса о «Похвальном слове князю Димитрию» — памятнике, «который, как нас уверяют, исполнен силы и чувства, чему с трудом приходится верить, судя по тем отрывкам, которые цитируются».

⁵¹ Имеется в виду статья: Niebuhr [B. G.] Historischer Gewinn aus der armenischen Uebersetzung der Chronik des Eusebius // *Abhandlungen der historisch-philologischen Klasse der Königlich-Preussischen Akademie der Wissenschaften aus*

Нельзя ли сообщить этих книг в наше истор<ическое> общество, равно распорядиться высылкою денег на мое имя для покрытия издержек печатания??

Ваш покорный слуга В. Ундольский

23 марта 1857 г.

Р. С. Петру Спиридоновичу мое почтение.

VII (л. 10–11). Москва. 17 марта 1859 г.

М. Г. Арист Аристович,

Г. Лерх⁵² объяснит Вам лично, что я не откладываю издания Амартола, но по случаю перемены университетских властей типография дремлет. А возбудить ее я не в состоянии.

Я предлагаю Комиссии археографической на 48 р. сер. книг церковной печати, нужных при издании летописей и актов: Библию Киевского изд<ателя?> Симфония, жития святых и т. д. На эту сумму мне хочется получить Ваших, т. е. комисских, изданий. Вы всегда покровительствовали мне и моему собранию, из коего на днях в Сенатской типографии сторело несколько печатных книг и одна *рукопись*. Поддержите мое предложение, доставьте возможность пользоваться Вашими трудами. Если Комиссия одобрит мое предложение, я вышлю список нужных мне книг. Это тем более возможно и удобно, что она имеет уже свою библиотечку, для которой не будут лишни мои книги.

С истинным почтением и преданностью

честь имею быть Вашим покорным слугою

В. Ундольский

17 марта 1859 г.

VIII (л. 12–12 об.). Москва. 24 декабря 1860 г.

М. Г. Арист Аристович,

Честь имею поздравить Вас с праздником Рождества Христова и с новым, 1861-м годом. При этом желаю Вам прежде всего доброго здоровья и потом успеха в Ваших делах.

den Jahren 1820–1821. Berlin, 1822. S. 37–114 (*Idem*. Kleine historische und philologische Schriften. Bonn, 1828. Bd. 1. S. 179–304).

⁵² Лерх Петр Иванович (1827–1884) — востоковед, библиотекарь С.-Петербургского университета.

Мое здоровье с начала октября весьма плохо. Правая рука поражена сильнейшим ревматизмом, и вот уже около трех месяцев как сижу дома. Как бы в утешение и некоторое облегчение болезненных припадков в это время мне удалось сделать открытие, и именно на том поприще, по которому я иду так медленно. Доселе Хроника Зонары в переводе славянском была известна в извлечении, теперь послал мне Бог ее вполне (?)⁵³ в прекрасном сербском списке начала XVII столетия⁵⁴. Эта находка совершенно переменяет взгляд на это дело. Изданный г. Бодянским Паралипомен⁵⁵ не только не с подлинника, но и с плохого списка. Там вместо *Крум* — воевода болгарский — читаем *кроме* и т. д. Жаль только, что первых двух листов моей рукописи недостает, а вместе с сим и подлинного ее заглавия. Во что бы то ни стало постараюсь окончить своего Амартола к Пасхе; знаю, что Академия (согласно данному обещанию) может лишить меня и премии и даже суммы на издание: но неужели она решится добывать лежачего и вдобавок больного? Дело, думаю, не в форме, а в содержании — это не таблицы Хавского, изданные в срок и все-таки нелепые⁵⁶. Как бы то ни было, считаю неременною обязанностью просить у Вас извинения в медленности и защиты. Каково бы то ни было Ваше решение, покорюсь безропотно. Если ж Академия будет несколько снисходительна, то и мое последнее открытие Зонары обнародовано будет от ее имени...

Еще позвольте Вас спросить как библиотекаря: в новых голландских заветах вполне ли припечатан текст славянский или нет? Есть ли в Академии аннинская, не выпущенная в свет Библия 1739 года (Сопик. № 111), и если есть, то на скольких она листах??

Поручая себя и мои труды благосклонному вниманию Вашему, с совершенною преданностию имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

В. Ундольский

24 дек. 1860 г.

Его высокор. А. А. Кунику.

⁵³ Знак вопроса принадлежит В. М. Ундольскому.

⁵⁴ По-видимому, речь идет о нынешней рукописи РГБ, собр. Ундольского, № 1191, которая датируется Н. А. Мещерским XVI в. (*Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков. С. 88).

⁵⁵ См.: *Бодянский О. М.* Паралипоменон Зонары // ЧОИДР. 1847. Кн. 2. С. 86–119.

⁵⁶ См. примеч. 35.

Р. С. М. П. Погодин избран 22 дек<абря> в Председатели Общества Любителей Росс<ийской> Словесности, на место Хомякова, а Ив. Аксаков вместо его (Погодина) во временные Председатели⁵⁷. Правда ли, что Румянц<евский> Музей переведут к нам⁵⁸ и что Коротаев продал свое собрание в Англию?⁵⁹

IX (л. 17–18). Москва. Без даты (декабрь 1862?)

Мил<остивый> Государь Арист Аристович,

С сею же почтою препровождено к г. Непременному Секретарю Им<ператорской> А<кадемии> н<аук> два последних отпечатанных полулиста сочинения моего об Амартоле, с покорною просьбою на имя Конференции Академической о последней отсрочке печатания еще на год, с тем неременным условием, что если в течение сего времени не успею окончить печатание, то добровольно, независимо от решения Академии, сам лишаю себя права на получение премии и даже возвращаю сумму, употребленную на издание. Оправдываться нечего: *mea culpa, mea maxima culpa*. Прошу такой продолжительный срок не потому, чтоб не сумел скорее окончить или стал откладывать, но чтоб при неблагоприятных обстоятельствах не связать самому себе руки. Теперь же у нас сильно хлопочут о Публичной библиотеке; в таком случае, конечно, дело коснется и меня. Во всяком случае, как чрез посредство Ваше, достопочтеннейший Арист Аристович, удостоен я премии, то, поставляя Вас о сем в известность, покорнейше прошу в последний раз употребить свое содействие в этом (бесспорно неприятном для Вас) деле. Надобно же было, приехавши в С.-Петербург в октябре, захворать: это лишило меня возможности рассмотреть Хронику Симеона Логофета, судя по отчетам, хранящуюся в Публ<ичной> библ<иотеке>. Этому явлению я плохо верую (*sic!*), вытребовать рук<опись> в Общество нет возможности, почему на Страстной при-

⁵⁷ Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) был председателем ОЛРС с 1859 г. до своей смерти, М. П. Погодин — с 1860 по 1866 г., Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) — с 1860 г. — временный председатель ОЛРС.

⁵⁸ Собрание Н. П. Румянцева было перевезено из Петербурга в Москву в 1861 г., составив основу «Румянцевского публичного музеума».

⁵⁹ Имеется в виду собиратель старопечатных книг и старинных гравюр Иван Прокофьевич (Петрович) Каратаев (1817–1886), коллекция которого в 1858 г. была передана Имп. Публичной библиотеке. См. о нем: Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 1. СПб., 1995. С. 641.

дется снова съездить в Питер; а обойти это обстоятельство в своем исследовании я не могу и не хочу. Мне крайне желательно, чтоб Академия наук (наше первое и единственное ученое сословие) по окончании моего труда — только вполонину напечатанного — осталась довольною и совершенно забыла неприятности медленного печатания. В предисловии, перечисляя открытия других византийских хроник в славянских переводах, нужно же будет сказать несколько слов и об этой находке, для меня покуда непонятной. Не лучше ли будет в этом случае обратиться к гр. С. Г. Строганову⁶⁰? Об этом снесусь с г. Соловьёвым⁶¹. Он до 29 декабря будет в Москве...

Не хотелось бы нарочно ездить в Питер и снова делать издержки, ни в каком случае не вознаградимые. Но дело и не в трате денежной. Главное: опять в это время будет дрянная погода и, значит, плохое здоровье — приедешь и по-прежнему ничего не успеешь сделать.

Покорно прошу передать от меня почтение г. Лерху⁶²; я получил от него письмо и жалею, что адрес его мне неизвестен, напрасно он думает, что я сержусь на него. Вот доказательство: пусть не в службу, а в дружбу справятся они в акад<емической> библи<отеке>, какие есть библии полиглоты и какие изд<ания> Библии и Ветхого Завета на языке греческом. Это мне крайне нужно.

Поздравляя Вас с наступающим праздником Р. Христова и с Новым годом, желаю Вам успеха в делах и доброго здоровья: оно нужнее всего. Затем, поручая себя и мое дело благосклонному расположению Вашему, с истинным почтением и преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

В. Ундольский

Его Высокородию Ар. Ар. Кунику.

Р. S. Поклонитесь от меня П. С. Билярскому и попросите выслать его Гумбольдта, хоть чрез Секретаря Публ<ичной> б<иблиотеки> г. Лапшина⁶³.

⁶⁰ Граф Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882), меценат и коллекционер.

⁶¹ Соловьёв Сергей Михайлович (1820–1879), знаменитый историк.

⁶² См. примеч. 52.

⁶³ Имеется в виду Сергей Иванович Лапшин (1827–1883), библиотекарь Имп. Публичной библиотеки.

Х (л. 13–14). Москва. 31 декабря 1863 – 19 августа 1864 г.

Милостивый Государь Арист Аристович,

Очень сожалею, что обстоятельства не позволили в последний раз видиться с Вами и многоуважаемым товарищем П. С. Билярским. Это было 15–20 <его> августа. Главное, признаюсь Вам откровенно, робел за выписки Гедеонова⁶⁴. Теперь они отысканы, и, как видите, в совершенной целости. Простите великодушно собирателя, которого книги и бумаги выживают из дому. Если б не переезд с квартиры в 10-х числах септемвриа, не знаю, когда отыскалась бы эта мнимая пропажа. Теперь около месяца идет разборка, книг много, места мало. М. П. Погодин хочет пособить моему горю — уступает мне свои шкафы, которые стоят у него в сарае без всякого употребления. Дай ему Бог многолетнего здравия и душевного спасения, купно и с младою супругою (которой я еще не видал).

В последнее заседание Общества Любителей Российской Словесности, между прочим, он, как председатель, предложил издать сборник статей в память тысячелетия изобретения кириллицы. Судя по оглавлению статей, должна быть вещь очень хорошая⁶⁵.

Письмо это было написано давно, в половине октября, когда сделался я жестоко болен. Катарр (*sic!*) сильнейший купно с одышкой пошибли меня окончательно и ко всему сему хлопоты на похоронах Большакова⁶⁶ раздражили геморрой до самой последней степени.

Поздравляя Вас, многоуважаемый Арист Аристович, с Новым годом и желая всех возможных благ, снова приношу извинение о задержании рукописи и во всем прочем Ваш искренний почитатель и почторный слуга

В. Ундольский

31 декабря 1863 г.

Р. S. Увы, надежда на шкапы обманула меня, хозяин бо́льшую часть перетащил из сараев в комнаты и кое-чем занял их. Любезней-

⁶⁴ Речь идет, по-видимому, о материалах С. А. Гедеонова (1815–1878) к его известной монографии «Варяги и Русь», которые в рукописи находились у В. М. Ундольского и готовились А. А. Куником к опубликованию.

⁶⁵ Если не ошибаюсь, такого сборника никогда не было опубликовано.

⁶⁶ Речь идет об известном торговце старопечатными книгами и рукописями Тихоне Федоровиче Большакове (1794–1863), с которым В. М. Ундольского связывали давние деловые и дружеские отношения и которого он, как мы видим, проводил в последний путь.

шему Петру Спиридоновичу Билярскому мое душевное почтение и пренизкий поклон.

Вот, достопочтеннейший Арист Аристович, Ваша греческая рукопись⁶⁷. Из приложенной записки видите, что еще в декабре готовил я ее для отправки в С.-Петербург. Из письма Вашего вижу, что Вы считаете за мной каталог Миллера⁶⁸, который возвратил я Вам лично. Поищите его у себя, а если не найдете, то добавлю Вам свой экз<емпляр>, купл<енный> у Джустиниани⁶⁹ лет 8 тому. Я не хочу, чтобы на москвичей пала худая слава, что они всё теряют...

С декабря доселе никуда не выхожу по болезни, когда выздоровею, Богу известно, а всего вернее, совсем не выздоровею⁷⁰. Благодарю Вас душевно.

Поручая себя Вашему доброму расположению, честь имею быть навсегда Вашим покорнейшим слугою

В. Ундольский

19 авг<уста> 1864 г.

⁶⁷ Имеется в виду, конечно, синодальный греческий список «Хроники» Амартола № 251 (ГИМ, греч. 406), возвращенный А. А. Кунику в Петербург.

⁶⁸ См. примеч. 23.

⁶⁹ По-видимому, имеется в виду Иван Антонович Джустиниани (*Giustiniani*, 1810–1866), итальянский литератор и поэт, с 1840 г. осевший в России и в 1851 г. избранный «лектором» Петербургского университета, где преподавал итальянский язык; библиофил, собиратель инкунабулов. См. о нем: Сотрудники Российской Национальной библиотеки... Т. 1. С. 640.

⁷⁰ Напомним, что В. М. Ундольский умер 1 ноября 1864 г.

РУССКИЙ ВКЛАД В СОЗДАНИЕ «ГРЕЧЕСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ» ЭМИЛЯ ЛЕГРАНА*

Одним из наиболее заметных явлений мировой науки конца XIX столетия было создание французским ученым Эмилем Леграном (1841–1903) грандиозных, до сих пор сохраняющих свое значение библиографических сводов под общим названием «Греческая библиография», в которых учитывалась и описывалась вся печатная продукция, вышедшая на греческом языке с XV по конец XVIII века (иногда захватывалось и начало XIX в.)¹. Ясно, что в столь кропотливом деле, как учет и описание редчайших местных изданий, автору нельзя было обойтись без помощи многочисленных коллег из самых разных стран. Особенно это относилось к России, обладавшей уникальными собраниями греческой печатной продукции (в том числе и местной печати), но бывшей труднодоступной (уже тогда!) для западного исследователя. Так, по Москве такую помощь Леграну, как кажется, оказывал наш выдающийся историк церковного права Алексей Степанович Павлов (1832–1893), по Афону — библиотекарь Пантелеймонова монастыря русский монах Матфей, по Петербургу же — Гавриил Спиридонович Дестунис (1818–1895), но больше всего — Иван Васильевич Помяловский (1845–1906). Поскольку речь в нашей заметке пойдет главным образом об этом последнем, представляется необходимым сказать о нем несколько слов подробнее.

И. В. Помяловский — замечательный отечественный филолог-классик, один из основателей эпиграфического направления в русском антиковедении, ставший впоследствии византинистом и обогативший

* Опубликовано: УЗ РПУ. Вып. 5. 2000. С. 205–216.

¹ См. о нем: *Pernot H. Notice sur la vie et les oeuvres d'Émile Legrand*. Paris, 1906. 41 p. Перепечатано: *Legrand É. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des Grecs aux XVe et XVIe siècles*. T. 4. Paris, 1906. P. VII–XLIII. О выпущенных посмертно работах Леграна можно навести справки в библиографическом приложении к труду: *Dimaras C. Th. Histoire de la littérature néo-hellénique*. [Athènes], 1965 (Annexe, 1966).

византиноведение многочисленными публикациями в области христианской агиологии и палестиноведения². Занимая важные учебно-административные посты (профессор, декан, ректор Петербургского университета, секретарь Русского археологического общества, постоянно присутствующий член учебного комитета при Синоде, член ученого комитета Министерства народного просвещения, почетный член многих отечественных и зарубежных научных обществ, член-корреспондент Императорской Академии наук), И. В. Помяловский сделал много полезного для отечественной науки, но Эмиля Леграна он интересовал, конечно, в другой «ипостаси» — как «страстный библиоман» (Будилович), «завзятый библиофил» (Жебелёв), обладатель уникальной библиотеки по различным вопросам знания, со множеством инкунабул и других редкостных печатных изданий XVI–XVII вв. Унаследовав от отца более 20 тысяч томов³, «располагая значительными средствами как сын зажиточного и очень книжного протоиерея»⁴, путем бесконечных «ежедневных рысканий по всем букинистам»⁵ и с помощью почти всех выезжавших за рубеж в научные командировки молодых ученых (Помяловский как раз «курировал» такие командировки) он увеличил свое книжное собрание более чем втрое⁶, «собрав громадное книгохранилище и всегда охотно делясь со всеми даже редчайшими книгами своей библиотеки, и в этом отношении успев принести большую пользу»⁷.

² См. о нем: *Цветаев И. В.* Учено-литературная деятельность И. В. Помяловского // *Филологическое обозрение*. Т. 13. 1897. С. 191–203; *Жебелёв С.* Памяти Ивана Васильевича Помяловского // *Записки классического отделения ИРАО*. Т. 4. 1906. С. I–VII (есть отд. отт.); *Лопарёв Х. М.* Иван Васильевич Помяловский (некролог). СПб., 1908; *Будилович А. С.* Два слова в память Ивана Васильевича Помяловского // *Старина и новизна*. Кн. 12. 1907. С. 350–354 (есть отд. отт.); *Холодняк И. И.* И. В. Помяловский (Некролог) // *ЖМНП*. 1906. Ноябрь. Отд. IV. С. 19–30; *Рудаков В.* Помяловский. Некролог // *Исторический вестник*. 1906. Т. 11. С. 742–747; *Редин Е. К.* Памяти проф. И. В. Помяловского // *Записки Харьковского ун-та*. 1907. № 1. С. 49–56.

³ *Холодняк И. И.* И. В. Помяловский... С. 19, примеч. 1.

⁴ *Будилович А. С.* Два слова... С. 5.

⁵ Там же.

⁶ *Холодняк И. И.* И. В. Помяловский... С. 19, примеч. 1. Ср.: *Иваск У. Г.* Частные библиотеки в России. СПб., 1912. Т. 2. С. 29. № 912 («до 40 тыс.» томов).

⁷ [М. П.] // *Новое время*. 1910. № 10973 (30.IX/13.X). С. 4. Активным пользователем библиотеки Помяловского, которую он называет *librorum thesaurus locupletissimus*, был В. В. Латышев, письма которого к Помяловскому (ОР РНБ.

Судьба библиотеки И. В. Помяловского после его кончины живо обсуждалась общественностью. «Очень жаль, если его наследники решатся на розничную, как уже было слышно, продажу этого редкого книгохранилища», — пишет, например, В. Рудаков⁸, оказавшийся, к сожалению, провидцем. Не имея возможности указать нынешнее местоположение книжных фондов И. В. Помяловского, приведем лишь два наиболее красноречивых, правда, не совсем согласующихся между собой свидетельства о судьбе библиотеки (благодарю Л. Г. Климанова за указание на них). Так, Н. Рославлев, осуждая распродажу коллекций рукописей и писем Г. Гейне в Германии и собрания Ф. Брюнетьера во Франции (он мог бы указать и отечественные примеры, скажем, распродажу наследниками библиотеки акад. В. Г. Васильевского), отмечает:

Минувшей осенью точно такая же распродажа по рукам драгоценной библиотеки покойного ученого и страстного библиофила, профессора Петербургского университета И. В. Помяловского происходила в Петербурге, и редкостная библиотека, бывшая гордостью ученого, разошлась по отдельным рукам, без всякой попытки отдельных лиц сохранить ее в единстве и полноте. Большая часть книжного сокровища попала к одному греку, страстному патриоту, который, конечно, рано или поздно, переправит драгоценные книжные сокровища к себе на родину⁹.

И далее — из записок Ф. Г. Шилова:

У него (Помяловского. — *И. М.*) была громадная библиотека, большая часть которой находилась в Гатчине. После смерти Ивана Васильевича наследники решили продать его библиотеку и просили за нее 40 тысяч рублей. Покупателей сразу не нашлось, и они по неразумию стали распродавать «на выбор» учреждениям и частным лицам, совершенно тем самым обесценив библиотеку <...> наследники предложили антикварам С. П. Трусову,

Ф. 608. Оп. 1. Д. 928–929. 118 писем за 1882–1899 гг.) испещрены просьбами одолжить те или иные «кечѣлѣи Вашей сокровищницы». См., например, письмо от 27 февраля 1895 г.: «Понеже всякому даже в семинарии не учившемуся известно, что в Вашем книгохранилище таятся такие сокровища, которых нигде в Питере не отыщешь, решаюсь побеспокоить Вас вопросом, нет ли у Вас» и т. д. (Там же. Д. 929. Л. 65).

⁸ Рудаков В. Помяловский... С. 747.

⁹ Рославлев Н. Погибающие сокровища // Книжный мир. 1908. № 23 (8 июля). С. 3.

Н. В. Соловьёву, а также и мне купить часть библиотеки. <...> Библиотеку приобрел Соловьёв. В ней было очень много инкунабул и книг XVI–XVII столетий, которые впоследствии закупил специально приехавший из Рима папский нунций. Соловьёв же получил звание комиссионера Ватикана и комиссионера Публичной библиотеки. Рукописи и архивные документы все... купил Н. К. Снягинин. Собрание Снягина поступило позднее к антиквару П. В. Губару, большая часть собрания которого распродавалась уже мной¹⁰.

Надо сказать, что Легран далеко не сразу «вышел на Помяловского», обратившись сначала к Г. С. Дестунису, а тот в свою очередь, по состоянию здоровья не имея возможности активно заниматься розысками нужных Леграну изданий, — к Виктору Карловичу Ернштедту (1854–1902). В своем письме к последнему от 25 сентября 1885 г. Г. С. Дестунис пишет:

Милостивый Государь Виктор Карлович,

Известный знаток новогреческой филологии Эмиль Легран издал недавно превосходное сочинение *Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des Grecs au XV et XVII siècles*, о котором я пишу отзыв для ЖМНП.¹¹ В двух томах 1070 страниц. Это сочинение нужно для занимающихся новой Грецией и византийской и для занимающихся классическою греческою филологией по указанию той массы греческих старопечатных книг, которые изданы были в эти века греками. Такая книга, вмещающая на каждой странице десятки фактов, никогда не может притязать на абсолютную полноту; ввиду этого Легран обратился между прочим и ко мне с просьбой пополнить его сведения по книгам, в Париже не имеющимся, но которые, он полагает, находятся в нашей Имп. Библ<иотеке>¹². Я его уведомил, что так как по состоянию моего здоровья мне заниматься в больших библиотеках приходится очень редко, то я и не уверен в осуществимости моего личного содействия; а потому если не удастся мне навести справку самому, то я обращусь к кому-либо из ученой братии.

В следующем письме, поименовав 4 заглавия нужных для него сведений о новогреческих (XVII и XVIII ст.) книгах, Легран просит,

¹⁰ Шилов Ф. Г. Записки старого книжника. 2-е изд. М., 1965. С. 27–28. Все упомянутые в записках лица — известные петербургские книготорговцы.

¹¹ См.: Дестунис Г. Греческая библиография Эмиля Леграна // ЖМНП. Ч. ССXLII. 1885. Декабрь. С. 217–226.

¹² В бумагах Дестуниса письма Леграна пока нами не выявлены.

чтобы я себя лично не обременял, а привел бы его в сношения с кем-либо из лиц, принадлежащих к Имп. Библиотеке, способным хорошо исполнить этот труд, по тому плану, как написана его книга (подробно число листов, тетрадей, формата, воспроизведение шрифта заглавья, предисловья, эпиграмы (*sic!*), записи, год, месяц, число, цензурный пропуск и т. п.), «*bref tout ce qui peut jeter quelque lumière sur l'histoire du livre*». «*Je suis tout disposé, — прибавл<ает> он, — comme de juste, à rétribuer le travail*».

Прошу Вас покорно ответить, согласны ли Вы:

1) сделать 4 выписки по плану Леграновой книги, п<ята>я у меня есть,

2) войти с ним в сношения по подобному делу,

3) не отказаться от гонорара.

Жду Вашего ответа, преданный Вам *Гавр. Дестунис*. 31 Авг. 1885 г. Вас. Ост. 9 л., 66, 3¹³.

По-видимому, В. К. Ернштедт ответил согласием сотрудничать с Леграном, так как через некоторое время Дестунис уведомил его:

Милостивый Государь Виктор Карлович,

На днях получил я еще одно письмо от Леграна, в котором он между прочим пишет: «*Je remercie d'avance M. Victor Jernstaedt de la peine qu'il veut bien prendre pour la transcription des titres que je Vous ai envoyés précédemment. Je lui suis d'autant plus reconnaissant que je n'ai pas l'honneur de le connaître. S'il avait jamais quelque collation ou copie de textes à faire à Paris, je mets à sa disposition mes humbles connaissances en paléographie*»¹⁴.

Тем не менее для подобного рода библиографической деятельности существовала более подходящая кандидатура в лице И. В. Помяловского, о чем в конце концов и стало известно Леграну, но почему-то не от Дестуниса или Ернштедта, что было бы вполне уместно, а от москвича А. С. Павлова. В 1886 г. начинается их плодотворное сотрудничество, свидетельством которого являются хранящиеся ныне в фонде Помяловского 22 письма французского библиографа

¹³ СПФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 69. Л. 3–4.

¹⁴ Там же. Л. 7–8. Перевод с французского: «Заранее благодарю г-на Виктора Ернштедта за готовность взять на себя труд по описыванию заглавий, которые я Вам до этого сообщил. Я тем более признателен ему, что не имел чести знать его. Если ему понадобится какая-либо копия или копия текстов с парижских рукописей, я передаю в его распоряжение мои жалкие познания в палеографии».

из Парижа за 1886–1898 гг. (Легран для датировок писем пользовался новым стилем, Помяловский, судя по отметкам «отвечено тогда-то», — старым)¹⁵. К сожалению, черновики И. В. Помяловский не сохранял, нынешняя судьба его писем к Леграну нам неизвестна¹⁶. Поэтому все, что можно сказать о вкладе Помяловского в создание «Греческой библиографии» Леграна, базируется на информации, почерпнутой из писем последнего.

Письмом от 12 декабря 1886 г. (л. 1–2) Легран извещает: «Только что узнал от Алексея Павлова из Москвы, что Вы — владелец греческого Евхология 1589 г.», и просит сообщить точные данные об этом издании согласно приведенному в письме образцу (точное и полное заглавие, с сохранением заглавных букв — *les lettres capitales*; финальную запись или колофон, с указанием листа *recto* или *verso*; *le registre* тома; число листов, содержащих заглавие, оглавление, предисловие, и число листов, содержащих собственно Евхологий; наличие нумерации листов). «Если есть и другие греческие литургические книги древних изданий, — пишет Легран, — прошу сообщить», и добавляет: «Ваш коллега г. Дестунис сообщил мне описание некоторых томов, по этому же образцу». А уже письмом от 5 января 1887 г. (л. 3–4 об.) Легран благодарит за присылку описания Евхология (*pour ce service de bonne confraternité littéraire*)¹⁷, за обещание прислать описание других литургических книг из собрания Помяловского. Копию описания он снова шлет Помяловскому, с просьбой выверить заново по оригиналу места, подчеркнутые синим карандашом, и просит дать описание трех неизвестных ему изданий из сообщенного ему Помяловским списка Θεοτοκᾶριον 1688 г. и Μηναῖα января 1684 г. и марта 1675 г. (том Помяловского, по мнению Леграна, несомненно идентичен экземпляру библиотеки *Sainte Geneviève de Paris*)¹⁸. Легран подчеркивает, что

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1532 (36 л.). При цитировании листы указываются в тексте статьи.

¹⁶ Недавно 4 письма были обнаружены Л. А. Герд в архиве Леграна, хранящемся в Новогреческом институте Сорбонны. См.: Герд Л. А. Эмиль Легран и русская византистика: новые архивные данные // Ученые записки Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. № 5 (30). 2020. С. 1–8 (издание текста писем — с. 3–5).

¹⁷ Описание Евхология опубликовано лишь в 1906 г. в IV томе «Bibliographie Hellénique... aux XVe et XVIe siècles» (Р. 293. № 816), с пометой: «*Rarissime. Biblioth. de I. Pomialowsky, prof. à l'université de Pétersbourg*».

¹⁸ Во II томе «Bibliographie Hellénique... au 17e siècle» (Paris, 1894) содержится описание всех трех указанных изданий: Р. 310, № 525 — Мартовской

его интересуют и светского содержания греческие книги, «если они были опубликованы или напечатаны греками» (*quand ils ont été publiés ou imprimés par les Grecs*), и если таковые есть — просит сообщить; спрашивает, нужно ли прислать адресату «*Bibliographie Hellénique des 15e et 16e siècles*», и сообщает, что в настоящий момент активно работает над «*Bibl. Hell. du 17e siècle*», которая займет не менее 4 томов; поэтому он нуждается в помощи всех тех, кто любит такого рода исследования. «Эта помощь, — говорит Лепран, — не миновала меня и в России. Ваша страна даст мне немало для XVIII в., которым я попутно уже занимаюсь. Ведь в это время многие греки печатали книги в Петербурге, в Москве и даже в Нижнем Новгороде. В первом ряду среди них блещет Евгений Вулгарис»¹⁹.

24 января 1887 г. Лепран извещает (л. 5–6), что счастлив выслать Помяловскому два первых тома его «Греческой библиографии» (конечно, XV–XVI вв.) «*comme un faible remerciement pour l'empressement et l'extrême obligeance que vous avez mis à me donner la description des livres dont j'avais besoin*». Он благодарит за описание «Επιτομή τῆς ἱεροκοσμικῆς ἱστορίας» Нектария, патриарха Иерусалимского (Венеция, 1677), из собрания Помяловского (*que vous possédez*)²⁰, но большую часть своего пространного письма посвящает греко-арабской Λειτουργία (или Λειτουργίαριον), изданию, о котором, видимо, Помяловский «заикнулся» в одном из своих писем. Это издание известно Лепрану, оно с арабским заглавием и греческой надписью (*souscription*), сильно поврежденной в известном ему экземпляре. Он будет, следовательно, исключительно признателен за описание этого редчайшего издания; даются инструкции не забыть описать четыре арабских строки, следующих за греческой надписью, греческое двустиишие в начале (или в конце?) книги под княжеским гербом (*au dessous des armes du prince*); не осмеливаясь просить о переписывании полностью

минеи 1675 г.; Р. 419, № 585 — Январской минеи 1684 г.; Р. 449–450, № 620 — Θεοτοκάριον 1688 г. (во всех трех случаях с пометами, что экземпляр происходит «из библиотеки И. Помяловского, проф. СПб. Университета»).

¹⁹ «...Ce concours ne m'a pas manqué en Russie. Votre pays me fournira beaucoup pour le 18e siècle, dont déjà je m'occupe chemin faisant; car à cette époque beaucoup de Grecs ont fait imprimer les livres à Pétersbourg, à Moscou et même à Nijni-Novgorod. Parmi eux brille au premier rang Eugène Bulgaris» (f. 6v).

²⁰ Описание опубликовано во II томе «*Bibliographie Hellénique... au 17e siècle*» (1894). Р. 337–339 (№ 537), с пометой на с. 339: «*Cette description m'a été obligeamment communiquée par M. I. Pomialowsky, professeur à l'Université Impériale de Pétersbourg et a été faite sur un exemplaire qu'il possède*».

греческого текста обоих пространных предисловий, он был бы благодарен за переписку хотя бы отрывков, представляющих интерес для истории литературы или политики²¹. В этом же письме Легран, отвечая на вопрос Помяловского, указывает, что ему известен «*Homeri interpretes pervetustus*» и что его описание уже помещено в I томе его *Bibl. hell.*; заранее выражает признательность за рекомендацию его труда «тем русским коллегам, которых это может заинтересовать»; просит подтвердить получение двух томов, а также прилагает к письму список из пяти сочинений, описание которых ему крайне желательно, если они есть в Имп. Библиотеке или где-то еще в Петербурге. Этот интересный список, который ныне хранится вложенным в совсем другое письмо (л. 10), включает следующие издания: 1) русский перевод проповедей Ильи Минятия (ни дата, ни имя переводчика неизвестны); 2) Пётра Σκανδάλου того же Минятия в русском переводе «*par Étienne Pisaroff*» (СПб., 1783?); 3) русский перевод (или, может быть, оригинальный русский текст) «Исповедания веры» Петра Могилы (Москва, 1696 г., «*par Barlaam Jascinski, métrop. de Kiev*»)²²; 4) Никифора Феотокиса, архиепископа Херсонского, *Orientalis ecclesiae responsio ad Athan. Demetrievitch*. 1778 (?). 8° («*Très probablement imprimé à S. Pétersbourg*»); 5) Λόγος πρὸς τὴν αὐτοκρατορικὴν αὐτῆς Μεγαλειότητα ἐκφωνηθεὶς τὴν 6 αὐγούστ. 1779, *par le susdit Théotokis, avec une trad. russe et une trad. française. Imprimé à Pétersbourg* («*Le titre est-il en 3 langues? Si oui, prière de copier ces 3 titres*»)²³.

²¹ Забегая вперед, отметим, что письмом от 21 февраля 1887 г. (л. 11) Легран извещает о получении описания этого греко-арабского Λειτουργίαριον и выражает свою признательность. Описание И. В. Помяловского данного издания было опубликовано в кн.: *Legrand É., Petit L., Pernot H. Bibliographie Hellénique ou Description raisonnée des ouvrages publiés par des Grecs au 18e siècle*. Paris, 1918. Т. 1. Р. 1–9 (№ 1), с указанием на библиотеку Помяловского и с пометой: «*C'est à ce savant professeur que nous sommes redevables de la présente description*».

²² Описание греческого издания этого сочинения содержится во II томе «*Bibliographie Hellénique... au 17e siècle*» (Р. 202–216 [№ 274]). На с. 216 упоминается и данный славянский перевод, приводится полностью пространное заглавие, с пометой: «*le titre suivant, dont nous devons la transcription à M. I. Pomialowsky, doyen de la Faculté des lettres de l'université de Pétersbourg*».

²³ О Илье Минятии (ум. 1714), Петре Могиле (XVII в.), Никифоре Феотокисе (1736–1800) и их трудах см.: *Papadopoulos Vretos A. Νεοελληνική φιλολογία... Μέρος Α'.* Εν Αθήναις, 1854 (без указаний русских переводов).

Уточнения по вышеприведенному списку даются Леграном в письме от 4 февраля 1887 г. (л. 7)²⁴, а письмом от 13 февраля (л. 8: «отвн. 17 ф. 87») он уже благодарит за прекрасные описания указанных в списке книг («*Grâce à votre précieux et dévoué concours, le travail que je prépare pourra atteindre un degré de perfection que je n'avais pas osé espérer*») и, смущенно сознавая, что отрывает Помяловского от его работы в свою пользу («*à mon profit*»), шлет, тем не менее, новую «обойму» вопросов и просьб уточнить описание вышеупоминавшихся сочинений Нектария, Петра Могилы, но особенно русского перевода проповедей Минятия в изданиях 1760, 1773, 1781 и 1814 гг. То же самое его интересует в отношении *l'histoire sainte* Антония Катифоро (СПб., 1821); он спрашивает, нет ли в Имп. Библиотеке «Приключений Телемаха» Фенелона в греческом переводе Афанасия Скиады (Венеция, 1742. 2 т. 8°) («мне оказалось невозможным отыскать эту книгу»)²⁵, описания св. мест Иерусалима «*par Antoine d'Arzès*» (XVII в.) («*Il faut peut-être chercher à Antoine, ou à Arzès ou à Darzès*»), а также двух трагедий, одна из которых 'Ο βασιλεὺς 'Ροδωλίνος Иоанна Троилица²⁶ и другая — Εὐγενία Феодора Мондессиса («*ou quelque chose d'analogue*»).

Все эти сведения, по-видимому, были предоставлены Помяловским Леграну, так как в письме от 11 марта 1887 г. (л. 12–12 об.) последний благодарит «за новые описания» и делает весьма характерное признание: «Мне нет нужды говорить Вам, что все последние тома моей Библиографии по праву принадлежат Вам» («*Je n'ai pas besoin de vous dire que tous les volumes ultérieurs de ma Bibliographie vous appartiennent de plein droit*»), — и тут же адресует Помяловскому очередную порцию вопросов, в частности, в отношении Προσκυνητᾶριον Серафима (ему известно только издание 1758 г., и он будет признателен за описание издания 1780 г. «*que vous possédez*»). Письмом от 3 апреля 1887 г. (л. 14–14 об.: «отвн. 30 марта 87») Легран извещает, что был занят переездом на новое место жительства («что не так просто,

²⁴ В этом же письме Легран, выражая радость по поводу того, что присланные Помяловскому тома «*Bibl. Hell.*» ему понравились, обещает продолжение: по XVII веку в четырех томах (реально в 1894–1904 гг. вышло 5 томов), по XVIII веку в шести томах (вышло трудами Л. Пти и Ю. Перно в 1918–1928 гг. лишь два тома).

²⁵ Полные выходные данные см.: Papadopoulos Vretos A. Νεοελληνικὴ φιλολογία... Μέρος Β'. Ἐν Ἀθῆναις, 1857. Σ. 48 (№ 95).

²⁶ Полные выходные данные см.: Αὐτόθι. Σ. 32 (№ 53).

учитывая значительную библиотеку»), но вот устроится и первым делом напишет, чтобы поблагодарить за описание Προσκυνητάριον. Почтовой открыткой от 21 апреля этого же года (л. 15) он дает пояснение, понятное лишь адресату: «*Malgré la signature K, l'ouvrage est bien de Théotokis; nous le savont par ailleures*», хотя ясно, что речь идет об одном из многочисленных анонимных сочинений вышеупомянутого Никифора Феотокиса.

Что касается всех прочих писем Леграна, то они (начиная с письма от 7 июня 1887 г.) представляют собой более или менее компактную группу, посвященную, главным образом, установлению библиографии трудов небезызвестного Евгения Вулгариса (1716–1806)²⁷. Очень интересные и ценные по своему содержанию, эти письма заслуживают, мне кажется, быть опубликованными в своем подлинном виде, к чему мы, «не мудрствуя лукаво», и приступаем. Но прежде еще один немаловажный вопрос: о действенности помощи Помяловского своему французскому коллеге. К несчастью, далеко не весь этот колоссальный и уникальный библиографический материал, сообщенный русским ученым Леграну, оказался использованным. Не думаю, что вина за это лежит на Легране²⁸, скорее это его беда. Как пишет

²⁷ См.: *Batalden S. K. Catherine II's Greek Prelate Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806*. N. Y., 1982; см. также: *Словарь русских писателей XVIII в.* Л., 1988. Вып. I. С. 132–136 (ст. А. К. Гаврилова).

²⁸ От других, впрочем, «помощников» претензий к Леграну было немало, см., например, публикацию (анонимную; кн. Д. Родоканакиса?) его писем к кн. Димитрию Родоканакису и других документов в кн.: *Émile Legrand. Syra: Imprimerie de l'Orient*, 1897 (есть экземпляр в РНБ, шифр: 16.113.4. № 5). Любопытный отзыв об этом издании находим в письме П. А. Сырку к И. В. Помяловскому от 19 октября 1897 г. из Вены: «На днях я видел в здешней придворной библиотеке книгу: *Émile Legrand. Syra, 1897*, — ругательный памфлет, изданный кн. Родоканаки против Леграна за то, что последний оказался неблагодарным и непризнательным этому князю. Книга содержит в себе одни письма с примечаниями, в которых подчас жестоко отделяется Легран. Отсюда я узнал, что последний — грек из Смирны, сын лакея. Сообщаю Вам об этой книге потому, что я думаю, что она не попадалась Вам на глаза, тем более что вышла, кажется, в небольшом количестве экземпляров» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1315. Л. 20). Привожу в подлиннике небезынтересную и для нас информацию о греческом происхождении Леграна, содержащуюся в примечании к письму Леграна к кн. Родоканакису от 5 ноября 1894 г.: «<Émile Legrand> — petit-fils du Smyrniote Antoine Mégalos, valet-de-chambre au service du savant helléniste, Étienne Clavier, et d'Émilie Porchereau, cuisinière du célèbre Coray, le fils desquels, Jacques, était retiré de la charcuterie qu'il tenait avec la femme Angélique, rue Saint-Honoré, et

Перно, «Легран оставил после себя много незавершенных трудов (особенно по XVIII веку, ведь вместо 6 томов вышло только два, да и то посмертно. — *И. М.*), ибо смерть (он умер в начале ноября 1903 г. от «инфекционной пневмонии». — *И. М.*) застала его в разгар работы»²⁹.

Как бы то ни было, письма Леграна к его русскому корреспонденту — еще одно свидетельство теснейшего научного сотрудничества ученых двух стран — России и Франции. Приведем текст хотя бы их части:

I (f. 16–17v). Paris, le 7 juin 1887.
40, Boulevard du Mont Parnasse

Monsieur et cher Confrère,

Puisque vous avez eu l'extrême obligeance de m'autoriser à vous demander quelques renseignements bibliographiques, destinés à compléter mes recherches sur l'histoire littéraire hellénique, je viens de nouveau m'adresser à votre inépuisable bienveillance.

Je vous envoie (avec prière de la garder pour vous, si vous ne la possédez pas) la Biographie d'Eugène Bulgaris³⁰, dans l'espoir que vous voudrez bien m'aider à en combler les trop nombreuses lacunes. Vous trouverez dans ce petit livre un catalogue des ouvrages de Bulgaris. J'ai marqué d'une croix (+) ceux que je n'ai pu réussir encore à trouver. Ceux qui sont ainsi marqués, je voudrais bien en avoir la description. Mais je vous prie de ne copier les préfaces (ou autres pièces liminaires) que dans le cas où elles auraient quelque intérêt au point de vue de l'histoire littéraire.

Je suis, en outre, convaincu que vous trouverez encore d'autres ouvrages que ceux indiqués dans la liste en question. Je vous serais aussi très obligé de décrire également les traductions russes des ouvrages de Bulgaris.

à dessein de faire oublier sa basse extraction, traduit son prénom patronymique Mégalos en Legrand. Tel grandpère, tel petit-fils» (p. 35). Удивительно, что Перно в своем жизнеописании Эмиля Леграна (см. примеч. 1) совсем не касается этого вопроса.

²⁹ Pernot H. Sur la vie et les oeuvres d'Émile Legrand // *Legrand É. Bibliographie Hellénique... aux XVe et XVIe siècles*. T. 4. P. XXIV.

³⁰ Речь идет, я думаю, об издании: *Papadopoulos Vretos A. Biographie de l'Archevêque Eugène Bulgari*. Athènes, 1860.

Serait-ce indiscret de vous prier d'employer pour chaque livre une feuille séparée, afin que je puisse faire un classement chronologique?

Pour l'ouvrage décrit sous le № 22, je voudrais bien avoir le titre de l'originale. Je n'ai pu le trouver à Paris, — sous le nom de Zernikow (ou Czernikow)³¹. Peut-être serez-vous plus heureux à Pétersbourg. A la page XXVI de la biographie, il est dit que tous les livres de Bulgaris ont été légués par lui au monastère de Newski. On trouverait là sans doute ceux que la biblioth. imp. ne posséderait pas.

Pourriez-vous savoir si le testament de Bulgaris a été publié? Il me semble que le couvent de Newski doit posséder de nombreux souvenirs de cet illustre prélat.

Je prends la liberté de vous offrir un exemplaire de la «Généalogie des Maurocordato de Constantinople». Il vous intéressera peut-être, en votre qualité de bibliophile, car il n'a été tiré qu'à cinquante exemplaires, est orné de six belles gravures et n'a pas été mis dans le commerce³². Vous serez le seul en Russie à en posséder un exemplaire. J'y joins un petit poème en grec vulgaire sur Ali Pacha, dont il n'a été tiré que cent exemplaires.

Croyez-moi, Monsieur et cher Collègue, Votre tout dévoué serviteur
É. Legrand

II (f. 18–18v). 3 juillet 1887 [«отвн. 1/VII 87»].

Monsieur et cher Collègue,

je vous remercie bien sincèrement pour l'envoi de vos diverses publications, que j'ai reçu il y a quelques jours. Elles sont, par malheur pour moi, dans une lanque qui m'est à peu près inconnue; mais je ne les conserverai pas moins précieusement pour cela, puisqu'elles me rappelleront sans cesse votre bonne amitié et l'inépuisable obligeance que vous apportez à me seconder dans la lourde tâche bibliographique que j'ai assumée.

J'ai reçu aussi avec plaisir la description de la brochure de l'Eugène Bulgaris. Je ne la connaissais pas, même de nom. Aussi vous en suis-je doublement reconnaissant <...>. Croyez-moi etc. *Émile Legrand*

³¹ Речь идет об издании: *Ἀδάμ Ζερνικάβιος*. Περί τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου πνεύματος ἐκ μόνου τοῦ πατρὸς. St.-Petersburg, 1797. 2 vols. (греч. перевод Вулгариса с латинского сочинения Адама Зерникава *De processione Spiritus Sancti a suo Patre*, 1682).

³² Есть переиздание: *Legrand É.* Généalogie des Maurocordato de Constantinople, rédigée d'après des documents inédits. Paris, 1900. 59 p.

III (f. 19–20). Paris, 23 août 1887 [«отвн. 20/VIII 87»].

Monsieur et cher confrère, je vous demande pardon d'avoir si longtemps différé de répondre à votre aimable lettre du 13 juillet et à vous remercier de l'envoi des deux titres d'ouvrages de Bulgaris, dont l'un m'était tout-à-fait inconnu, et n'a été, que je sache, jusqu'à ce jour signalé par aucun de ses biographes.

La cause de mon retard à vous écrire vient de ce qu'il m'a fallu quitter Paris pour quelques semaines et que j'avais négligé de prendre votre adresse exacte <...> Comme vous le voyez, me voilà revenu de bonne heure à Paris; nous avons encore trois mois de vacances, puisque nos cours ne recommenceront qu'au mois de décembre, mais, quand je suis absent de Paris, j'ai la nostalgie, et je n'aime pas beaucoup la campagne, bien que (ou peut-être parce que) j'y sois né...

Nous avons eu la visite d'un de vos compatriotes, M. Ouspensky, professeur à l'Université d'Odessa. Il est resté près de deux mois à Paris avec sa dame, et nous avons souvent eu l'occasion de nous voir et de parler de nos communes études³³. Je connais M. Ouspensky depuis 10 ans, lors de son premier voyage à Paris, en 1876. C'est un homme très aimable, pour lequel l'histoire byzantine n'a pas de secret.

J'espère que vous viendrez aussi quelque jour à Paris, et que je pourrai vous remercier de vive voix de votre inépuisable obligeance! En attendant etc. *E. Legrand*

IV (f. 21–22). Paris, le 13 septembre 1887 [«отвн. 18/IX 87»].

Monsieur et cher confrère,

Mille nouveaux remerciements pour votre lettre en date du 1er courant et les précieuses contributions qu'elle contenait concernant la bibliographie d'Eugène Bulgaris.

Je ne connaissais pas le livre de Strahl «Das gelehrte Russland»³⁴; je vous remercie de me l'avoir indiqué. Je me propose de le demander à notre bibliothèque nationale, qui peut-être le possède.

Je connais les 4 ouvrages grecs que vous voulez bien me signaler, mais je ne vous en remercie pas moins sincèrement pour votre bonne intention.

³³ Речь идет, конечно, о Ф. И. Успенском (1845–1928), о зарубежных поездках которого с женой Надеждой Эрастовной можно узнать из его же писем к В. Э. Ререлю (РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 36).

³⁴ См.: *Strahl Ph.* Das gelehrte Russland. Leipzig, 1828.

Je me permets, en revanche, de vous recommander tout spécialement les ouvrages suivants dont j'ai vainement cherché, jusqu'à ce jour, à trouver un exemplaire.

1) Andreas Sevastos, *De lithogenesis*. Leyde, 1749. C'est une thèse pour le doctorat en médecine. Ce Sevastos était né en Russie de parents grecs; j'ai pris l'indication de cet ouvrage dans: Richter, *Geschichte der Medicin in Russland*.

2) Vita di Pietro il Grande, imperatore della Russia, etc. Venice, 1736, 8°. L'auteur de cette Vie de Pierre le Grand est Antoine Catiforos, mais son nom ne figure pas sur le titre de cette édition qui est la 1ère et que je n'ai pue découvrir nulle part. J'en connais la traduct<ion> grecque³⁵.

3) Comuto (Antonio) *Il Maestro disingannato*. Amsterdam, 1736. C'est un livre de controverse religieuse. Peut être la Biblioth. impériale de Pétersbourg possède-t-elle un exemplaire de ces ouvrages.

Je ne puis pas vous remercier de tout coeur pour la complaisance que vous mettez à m'être utile dans mes recherches, qui sans vous seraient bien incomplètes.

Je vous prie de prendre note que à partir du 29 courant j'aurai déménagé et que ma nouvelle adresse sera: Rue Humboldt, n. 25 <...> É. Legrand

V (f. 23–25). Paris, 25 Rue Humboldt, 10 octobre 1887.

Monsieur et cher confrère,

Je vous remercie bien vivement de votre lettre du 30 septembre et des descriptions de livres qui l'accompagnaient. Je ne puis que vous répéter une fois de plus ce que je vous ai déjà dit précédemment: grâce à votre précieuse collaboration, je pourrai arriver à être complet en ce qui concerne Eugène Bulgaris, dont j'avais vainement cherché, en Grèce et dans nos grandes bibliothèques occidentales, les ouvrages que vous me décrivez avec tant de soin et une méthode si sûre.

La biblioth. nationale de Paris ne possède absolument aucun (подчеркнуто автором. — И. М.) ouvrage de Bulgaris. D'ici à deux ou trois mois, je pourrai vous offrir deux volumes que j'ai actuellement sous presse et qui auront peut-être pour vous quelque intérêt.

³⁵ Полные выходные данные греческого перевода этого анонимного сочинения Антония Катифороса с отождествлением автора см.: *Papadopoulos Vretos A. Νεοελληνική φιλολογία...* Μέρος Β'. Σ. 47 (№ 92); об Антонии Катифоросе (XVIII в.) см.: *Αὐτόθι*. Σ. 274.

Je suis maintenant tout-à-fait installé dans mon nouvel appartement. J'occupe une petite maisonnette dont je suis le seul locataire. Elle est située au milieu d'un jardin bien planté, éloignée du tumulte de la grande ville. Je suis, il est vrai, très éloigné du centre de Paris; on ne met pas moins d'une heure en voiture à y aller, mais mes affaires ne m'appellent que rarement dans ces quartiers, et l'ai l'avantage de me trouver dans la partie de Paris où habitent la plupart des gens studieux avec lesquels je suis en relations. Ce n'est pas le petit coin de terre que souhaitait Horace, puisqu'il ne m'appartient pas; mais cela peut en donner l'illusion. Un professeur, comme moi, avec un modeste traitement, ne peut guère espérer davantage³⁶ <...> Tout à vous É. Legrand.

VI (f. 25–26). I/XI-1887 [«отвн. 5/17 н. 87»].

Monsieur et cher confrère,

Mille nouveaux remerciements bien sincères pour votre nouvel envoi bibliographique, de même que pour l'hommage gracieux que vous avez bien voulu me faire du «Mémoire d'Eugène Bulgaris sur le meilleur moyen de réconcilier les Unis avec l'Eglise orthodoxe»³⁷. En voyant se multiplier les descriptions bibliographiques que vous m'adressez avec une ponctualité merveilleuse, je crains toujours d'abuser de votre complaisance. Je vous prie d'aller lentement, à loisir; je ne suis pas très pressé, car je n'imprimerai pas de sitôt le volume où elles doivent figurer. [Просит уточнений об издании таких трудов Евгения Вулгариса, как «*Sermon à Eminentissime Platon*», т. е. «Речь преосвященнейшему Платону, усерднейшему премудрости рачителю, архиепископу Московскому», опубликованная в Москве в 1775 г. на греческом и русском языках³⁸, «*Description dans laquelle est démontrée la véridicité des livres évangéliques*» (видимо, имеется в виду русский перевод Феофилакта Русанова книги Вельгоса Деавсовроса с греческого издания Вулгариса под заглавием «Рассуждение, в котором доказывается достоверность книг евангельских»,

³⁶ Об уединенном образе жизни Леграна, лишенном каких бы то ни было развлечений (единственным, пожалуй, были прогулки с женой и «с корректурой в кармане» в окрестностях Парижа), красочно пишет Перно: *Pernot H. Sur la vie et les œuvres d'Émile Legrand*. P. XX–XXI.

³⁷ Имеется в виду трактат Вулгариса «Записка о лучшем способе воссоединения униатов с православной церковью» (ХЧ. 1887. Ч. 2. № 7–8. С. 19–93).

³⁸ Об этом сочинении Вулгариса см.: *Batalden S. K. Catherine II's Greek Prelate Eugenios Voulgaris...* P. 153.

опубликованный в Москве в 1803 г.³⁹, и, наконец, 'Εὐ τοῖς παναριστοῖς καὶ πανολβίοις γάμοις... Παύλου τοῦ Πετρίδου (т. е. ода Вулгариса по случаю бракосочетания царевича Павла Петровича и великой княгини Натальи Алексеевны, опубликованная параллельно на греческом и русском языках в С.-Петербурге в 1773 г.⁴⁰)

Завершают переписку еще несколько мелких посланий. Письмом от 28 ноября 1887 г. (л. 27–28) Легран благодарит Помяловского за «новые библиографические сведения» и делает интересную приписку: «*Le supplément d'informations que vous m'avez donné dans votre lettre est parfaitement suffisant. Je vous en remercie. J'ai repris mes cours il y a une huitaine de jours seulement. Cette année j'ai six élèves nouveaux: en tout 14, dont 4 ou 5 sérieux. C'est suffisant*». 8 января 1888 г. (л. 29) он поздравляет Ивана Васильевича с Новым годом (текст писан на визитной карточке). А 1 июня этого же года (л. 30–30 об.) извиняется, что задержался с выражением благодарности за «*la nouvelle et importante contribution à ma Bibliothèque hellénique*» (причина задержки: хотел найти том «*Analecta graeca*», разыскиваемый Помяловским; обошел большую часть парижских букинистов, к сожалению, безуспешно; но дал задание найти издание и не сомневается, что через некоторое время придет). Письмом от 31 декабря 1888 г. (л. 31–31 об.: «Отвн. 4/11 89») Легран поздравляет Помяловского с Новым годом и благодарит «за все библиографические сведения», извещая в то же время, что, несмотря на все розыски в Париже и в провинции, не смог еще найти требуемый Помяловским «*Le volume complémentaire de Cotelier*», но надеется всё же однажды найти, добавив: «*Si par hasard, les ouvrages de Bulgaris que vous n'avez pas rencontrés à la Biblioth. Impériale vous tombaient sous la main, je vous prie de ne pas m'oublier*». Письмом от 25 декабря 1892 г. (л. 32–33 об.) он благодарит за присылку экземпляра «Жития св. Феодора»⁴¹, дав этой публикации И. В. Помяловского высокую оценку: «*Cette vie est d'un puissant intérêt et le récit en est exposé d'une façon très attachante. Elle m'a fort intéressé. Permettez-moi de vous dire sans flatterie, mais avec sincérité*

³⁹ См.: Batalden S. K. Catherine II's Greek Prelate Eugenios Voulgaris... P. 163.

⁴⁰ См.: Ibid. P. 151–152; Legrand É., Petit L., Pernot H. Bibliographie Hellénique... au 18e siècle. T. 2. P. 169 (№ 782), с пометой: «*Bibliothèque de feu J. Pomialowsky*».

⁴¹ Житие иже во святых отца нашего Феодора архиепископа Эдесского. По двум рукописям Московской Синодальной библиотеки издал И. Помяловский. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1892. 145 с.

et franchise, que pour votre début (comme publications grecques) vous avez fait un coup de maître. Puissiez-vous en recommencer souvent de pareils!» 24 июня 1897 г. (л. 34–35; «отвн. 23/VI = 5/VII 97») Легран просит дополнительных сведений о пагинации экземпляра греко-арабских «*Trois saintes liturgies*» из коллекции Помяловского (напечатан в 1701 г. в Валахии) и, наконец, в письме от 31 мая 1899 г. (л. 36–36 об.) высказывает просьбу разузнать: 1) *Chez quel éditeur est en vente la «Vita Joannis Cantacuzeni» par Jean Comnen, publiée par M. Chrys. Loparev?* 2) *Chez quel éditeur trouve-t-on les «Epirotica» de Destounis?* (он дал задание своему «*libraire*» раздобыть эти две изданные в Петербурге книги, но тот ответил, что найти не может. «Не думаю, — резюмирует Легран, — что это редкие издания, просто книготорговцы ленивы и не хотят дать себе труд заказать их»).

Да, жаль, что плодотворное сотрудничество двух ученых прервалось раньше, чем могло бы, что из-за преждевременной и внезапной смерти французский ученый не смог в полной мере воспользоваться представленными материалами, а заодно и воздать должное своему русскому (фактически) соавтору (в предисловии к посмертному изданию «Греческой библиографии XVIII века» выражается благодарность всем тем лицам, которые «*ont concouru à l'accroissement de cette Bibliographie*»; имя И. В. Помяловского в этом списке отсутствует).

И. В. ПОМЯЛОВСКИЙ И ЕГО ВКЛАД В ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА УЧЕНОГО)*

«Ну какой я византинист!» — так «скромно и не без смущения»отреагировал Иван Васильевич Помяловский, когда в 1897 г., во время чествования приехавшего в Петербург знаменитого немецкого византиниста Карла Крумбахера в особняке В. Э. Регеля на Васильевском острове, один из участников банкета провозгласил тост, между прочим, за И. В. Помяловского «как за византиниста». «Тем не менее, — говорит Хр. М. Лопарёв, сообщивший об этом эпизоде, — каждый из участвовавших чувствовал, что тост был совершенно уместен... Русские византинисты признали его своим деятельным собратом и публично заявили об этом»¹.

Спрашивается, а могло ли быть иначе? Да, конечно, замечательный отечественный ученый И. В. Помяловский (1845–1906)² — уроженец Петербурга, сын протоиерея церкви Удельного ведомства Василия Григорьевича Помяловского, выпускник (с золотой медалью) 3-й классической гимназии — уже в силу полученного образования

* *Опубликовано:* Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 207–240.

¹ *Лопарёв Хр. М.* Иван Васильевич Помяловский (некролог). СПб., 1908. С. 6.

² В справочнике «Российская Академия наук: Персональный состав» (М., 1999. Кн. 1. С. 171) годом смерти И. В. Помяловского ошибочно указан 1916-й. Помимо Хр. М. Лопарёва о И. В. Помяловском писали: *Цветаев И. В.* Учено-литературная деятельность И. В. Помяловского // Филологическое обозрение. Т. 13. 1897. С. 191–203; *Жебелёв С. А.* Памяти Ивана Васильевича Помяловского // Записки классического отделения ИРАО. 1906. Т. 4. С. I–VII (есть отд. отт.); *Будилович А. С.* Два слова в память Ивана Васильевича Помяловского // Старина и новизна. 1907. Кн. 12. С. 1–7 (есть отд. отт.); *Холодняк И. И.* И. В. Помяловский (некролог) // ЖМНП. 1906. Ноябрь. Отд. IV. С. 19–30; *Рудаков В.* Помяловский. Некролог // Исторический вестник. 1906. Т. 11. С. 742–747; *Редин Е. К.* Памяти проф. И. В. Помяловского // Записки Харьковского университета. 1907. № 1. С. 49–56.

и основных результатов своей плодотворной педагогической и научной деятельности зарекомендовал себя прежде всего как талантливый филолог-классик, посвятивший свои основные труды (в том числе магистерскую и докторскую диссертации) миру античному, главным образом латинскому и отчасти греческому. По свидетельству А. С. Будиловича (сокурсника И. В. Помяловского по университету, просидевшего с ним 4 года на одной скамье), уже в гимназии Помяловский «изучил наизусть всего Горация», с поступлением осенью 1863 г. на историко-филологический факультет Петербургского университета, «хотя и был тогда очень молод (17–18 лет), поражал всех своей солидностью, уравновешенностью, чрезвычайным трудолюбием, редкими способностями, особенно по древним языкам», затем прямо со студенческой скамьи был принят на университетскую кафедру «в качестве отличного преподавателя древних языков»³. Это же качество Помяловского отмечает и С. Ф. Платонов в своих воспоминаниях:

Нельзя забыть того блеска, с каким переводил Катутлла Ив. Вас. Помяловский. Он был превосходным переводчиком, комментатором и лектором. Просто, ясно, изящно, научно, деловито и как-то бодро и весело вел свое преподавание. При самом отрицательном отношении к тогдашнему школьному классицизму нельзя было не заинтересоваться и не увлечься Помяловским. Для меня он оказался первым ученым классиком, который в своих *realia* показал мне возможность восстановления в конкретных и понятных формах быта и культуры⁴.

В С.-Петербургском филиале Архива РАН среди писем И. В. Помяловского к В. И. Ламанскому за 1873–1896 гг. мне встретилась одна любопытная автобиографическая заметка Помяловского (его автограф) о его студенческих занятиях, которую стоит, мне кажется, привести здесь:

Помяловский. Во время своего студенчества занимался преимущественно классической словесностью и представил профессорам Благовещенскому и Штейнману несколько письменных работ, а именно:

³ Будилович А. Два слова... С. 4–5.

⁴ Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни: Исторический журнал. Кн. 2. 1921. С. 125 (благодарю Л. Г. Климанова за указание на это высказывание).

1. Перевод и разбор Сатиры Сульпиции вместе с отрывком Турна.
2. Перевод и разбор элегий, приписываемых Педону Альбинову.
3. Перевод и разбор стихотворения *Pervigilium Veneris*.
4. Стихотворный перевод X сатиры Ювенала.
5. Обзор жизни и трудов Энния Квирина Висконти.
6. Перевод «Кесарей» императора Юлиана.
7. Объяснения к VI рапсодии Одиссея.

Кроме того, под руководством проф. Куторги занимался критикой древних писателей, преимущественно Фукидида, Плутарха и Аристотеля. Проф. Срезневскому представил письменные работы:

1. Разбор поучения Никифора Владимиру Мономаху.
2. Лексикон к Русской Правде.
3. Описание венского кодекса Диоскорида⁵.

Проф. Сухомлинову представил перевод сочинения Буле о начатках истории русской литературы.

В 1866 г. на тему, заданную факультетом: «Римская жизнь по Ювеналу», представил сочинение, удостоенное золотой медали.

В 1868 г. определен преподавателем латинского языка в университете и выдержал магистерский экзамен, а в 1869 представил диссертацию под заглавием: «Марк Теренций Варрон Реатинский и Менишова Сатура».

Преподавая латинский язык в I и II курсах историко-филологического факультета, Помяловский обращает главное внимание на самостоятельность студентов, приглашая их переводить и разбирать объясняемых им авторов. Кроме этих упражнений, с которыми

⁵ Все три рукописи сохранились в архиве И. И. Срезневского: СПФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Д. 396 (13 л., заглавие: «Черты характера Владимира Мономаха, насколько они проявляются в послании Никифора митрополита Киевского к Великому князю Володимеру сыну Всеволожю, сына Ярославля» — автограф И. В. Помяловского); Там же. Д. 539 (68 л., заглавие: «Слововоздатель к Русской Правде по списку Синодальной Кормчей» — автограф И. В. Помяловского); Там же. Д. 710 (57 л., заглавие: «Греческие харатейные рукописи VI века. Глава I: Венский царский кодекс Диоскорида» — автограф И. В. Помяловского). Следует отметить, что во всех этих случаях студент Помяловский пользовался существующими изданиями, без обращения непосредственно к рукописям названных памятников. В отношении Диоскорида он, например, подчеркивает: «Мы не имели возможности при описании рукописи пользоваться ею самою, но собрали отовсюду достаточно данных, на основании коих можно составить о ней довольно точное понятие» (Там же. Д. 710. Л. 1).

параллельно идут переводы с русского на латинский, студенты представляют ему письменные задачи, состоящие преимущественно в переводах с латинского на русский и в небольших сочинениях на латинском языке, преимущественно исторического содержания⁶.

Этот «классицистический» период в жизни И. В. Помяловского следует дополнить упоминанием его занявшей несколько лет поездки в Германию, где он получил солидную подготовку к занятию латинскими надписями (в Лейпциге, в *Kaiserliches russisches Seminar* под руководством проф. Ричля), и в Италию (Милан, Болонья, Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь), когда он во время пребывания в Риме списал всю ватиканскую *galleria Lapidaria*, а по возвращении в Петербург (в 1873 г.) защитил докторскую диссертацию по теме «Эпиграфические этюды», составленную из двух разделов: 1. Древние надписи (*tabulae defixionum*) и 2. Римские колумбарии. В ней не только были сняты эстампажи, отделены «написи» поддельные и интерполированные от подлинных, но и рассмотрено внешнее устройство общественных усыпальниц, а вместе с тем и юридическая обстановка этого дела, значение и организация погребальных ассоциаций (по мнению Е. К. Редина, диссертация Моммзена о погребальных обществах после труда Помяловского «потеряла почти всякое реальное значение»)⁷. Помяловский, по словам С. А. Жебелёва, «первым ввел в обиход нашего университетского преподавания римскую эпиграмму, и в этом отношении он, наряду с Ф. Ф. Соколовым, должен быть признан архетипом многочисленной уже теперь школы русских эпиграфистов»⁸.

Тем не менее именно И. В. Помяловский явился, может быть, наиболее типичным и одним из первых представителей той когорты наших

⁶ СПФ АРАН. Ф. 35 (В. И. Ламанский). Оп. 1. Д. 1158. Л. 11.

⁷ Редин Е. К. Памяти проф. И. В. Помяловского. С. 50. Редин считал Помяловского «одним из первых пионеров русской филологии, сумевших отрешиться от слепого заимствования результатов западной науки и следования им».

⁸ Жебелёв С. А. Памяти Ивана Васильевича Помяловского. С. III. Ср. мнение Е. К. Редина: «Проф. П. — основатель одной из дисциплин классической филологии в русской науке: совместно с проф. Ф. Ф. Соколовым он первый ввел занятия классической эпиграфикой, создал школу эпиграфистов, обогативших науку литературой ценными исследованиями в этой области» (Редин Е. К. Памяти проф. И. В. Помяловского. С. 49). Ср. также: Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. С. 178 (И. В. Помяловский назван «зачинателем нового направления» наряду с Ф. Ф. Соколовым и П. В. Никитиным), 198 (приводится вышеуказанное высказывание С. А. Жебелёва о Помяловском).

выдающихся филологов-классиков, которые, посвятив антиковедению начало и первую половину своей научной карьеры и действительно обогатив отечественное антиковедение своими непреходящими по ценности работами, затем совершили решительный поворот в сторону византиноведения⁹.

Непосредственным «толчком к переориентации» И. В. Помяловского как ученого, по-видимому, послужило основание в 1882 г. Православного Палестинского общества¹⁰, «душой и секретарем» которого стал В. Н. Хитрово, умевший привлекать в ряды его выдающихся ученых для издания текстов старых паломников и памятников археологии Палестины¹¹; одним из первых им был, очевидно, «завербован» И. В. Помяловский, который обогатил византиноведение многочисленными публикациями в области христианской агиологии и палестиноведения¹². Он издал описание средневековых монет из собрания Палестинского общества; им был задуман и за 15 лет (с 1885 по 1900 г.) осуществлен «небывалый еще у нас» (Лопарёв) полный корпус житий святых палестинских подвижников в русском переводе с греческого и латинского, с примечаниями и указателями, под общим заглавием «Палестинский патерик» (11 выпусков, включающих в себя жития свв. Саввы Освященного, Евфимия Великого, Иоанна, епископа и молчальника, Илариона Великого, Порфирия Газского, Герасима Иорданского, Кириака Отшельника, Феодосия Киновиарха, Георгия Кипрского (Хозевита), Харитона Исповедника, Стефана Чудотворца); Помяловским «образцово» (по мнению Е. К. Редина), с обширными комментариями и указателями, изданы в переводе на русский язык наиболее важные памятники паломнической литературы, в частности: анонимное «Паломничество по святым местам конца IV в.», сочинение диакона Феодосия «О местоположении Святой Земли» начала VI в., «Ономастикон» епископа Кесарии Палестинской Евсевия Памфила и его латинское переложение пресвитера Стридонского Иеронима Блаженного (колоссальный труд

⁹ См. об этом: Предисловие // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 6.

¹⁰ О нем см.: Грушевой А. Г. Императорское Палестинское общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 134–156.

¹¹ Лопарёв Хр. М. Иван Васильевич Помяловский (некролог). С. 4.

¹² В архиве И. В. Помяловского хранится 79 писем В. Н. Хитрово к нему за 1881–1899 гг., в которых обсуждаются все перипетии работы Помяловского, с определением сроков, с уточнением деталей изданий, с назначением гонораров и т. д. См.: ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1388 и 1389.

объемом в 546 с.), Путник Антония Плацентинского и т. д. Чрезвычайно важную роль также сыграли в науке его первоиздания (по рукописям Московской Синодальной библиотеки) греческих текстов житий Феодора Эдесского (1892), Афанасия Афонского (1895), Паисия Великого (1900), великомученика Мины (1900) и Григория Синаита, из которых последнее — важнейший источник по истории исихазма в XIII–XIV вв. — до сих пор является единственным изданием и широко используется в науке¹³.

Не менее ценный вклад в византиноведение И. В. Помяловский сделал в качестве «организатора науки». Занимая важные учебно-административные посты (ординарный профессор, с 1887 по 1898 г. декан историко-филологического факультета, а в летние периоды — ректор Петербургского университета; с 1871 г. член, а с 1873 по 1885 г. секретарь Русского археологического общества; член совета министра народного просвещения и ученого комитета этого министерства; «постоянно присутствующий» член учебного комитета при Синоде; почетный член Имп. Православного Палестинского общества, Общества любителей древней письменности, многих других отечественных и зарубежных научных обществ; член-корреспондент Имп. Академии наук¹⁴), И. В. Помяловский сделал много полезного для отечественной науки¹⁵, проявляя при этом, по свидетельствам его биографов, поразительное бескорыстие и безграничную отзывчивость (он «не умел, да и не хотел отказывать», — гово-

¹³ Житие иже во святых отца нашего Григория Синаита по рукописи Московской Синодальной библиотеки / Издал И. Помяловский. СПб., 1894. 64 с. Уже после первой публикации этой статьи появилось новое издание. См.: Житие и деятельность иже во святых отца нашего Григория Синаита / Введ., критич. издание греч. текста и рус. перевод подгот. Х.-Ф. Байер. Екатеринбург, 2006. X, 376 с.

¹⁴ По словам А. С. Будиловича, И. В. Помяловский «не был замечен Академиею наук, но это объясняется особыми условиями, при которых издавна развивается это ученое учреждение, благодаря которым не мог попасть на академическую кафедру и Менделеев» (Будилович А. С. Два слова... С. 6).

¹⁵ Помимо прочего, И. В. Помяловский был страстным библиоманом, завзятым библиофилом, обладателем уникальной библиотеки по различным вопросам знания, со множеством инкунабул и других редкостных печатных изданий XVI–XVII вв. (библиотеки, всегда открытой для любого исследователя). См. об этом: *Медведев И. П.* Русский вклад в создание «Греческой библиографии» Эмиля Леграна // УЗ РПУ. Вып. 5. 2000. С. 205–216; ср. с. 200–216 настоящего сборника.

рил о нем С. А. Жебелёв, а непрактичный В. Г. Васильевский всегда отсылал к нему своих учеников в трудных житейских ситуациях, приговаривая: «Обратитесь к Ивану Васильевичу, он всё устроит; это — мудрец, маг и волшебник»¹⁶.

Самым наглядным образом подтверждает все вышесказанное громадный личный архив И. В. Помяловского, который в массе своей хранится в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки, насчитывая 5889 единиц хранения (ф. 608, оп. 1–2, составитель описей — В. Ф. Петрова)¹⁷. В нем, правда, очень мало автографов Помяловского с его незавершенными или неопубликованными трудами (к ним относятся, если не ошибаюсь¹⁸, «Патерик Скитский. Пер. на рус. яз. И. В. Помяловского»¹⁹; его же перевод «Палладия епископа Еленопольского повествование Лавсу, заключающее в себе жития преподобных отцов»²⁰; «Житие преподобного Паисия Великого»²¹), но зато много подготовительных материалов, копий и выписок из разных рукописей и печатных изданий, как его собственноручных (например,

¹⁶ Гревс И. М. Василий Григорьевич Васильевский, профессор и академик: Опыт биографии (1838–1899). Машинопись // СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22а. Л. 263.

¹⁷ См. также: Каталог собрания рукописей проф. И. В. Помяловского, ныне принадлежащих Имп. Публичной библиотеке / Составил Д. И. Абрамович. СПб., 1914. 180 с. К сожалению, этот печатный каталог (приложение к Отчету ИРБ за 1907 г.) сообщает уже устаревшие шифры дел. В Москве, в Российском государственном архиве литературы и искусства (Ф. 1612), также хранятся материалы И. В. Помяловского, главным образом биографического характера: метрическое свидетельство, формулярный список о службе в Петербургском университете, грамоты о награждении орденами, уведомления различных научных обществ об избрании его своим членом, хозяйственные документы.

¹⁸ Полного и выверенного списка трудов И. В. Помяловского не существует. К сожалению, пока не можем дать его и мы.

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 398. 114 л. (автограф, без 1-го листа).

²⁰ Там же. Д. 386. 8 л. (на л. 1 — штамп «Издательской комиссии Училищного совета при Св. Синоде» с № 1847 от 18.10.1897 и с № 1804 от 1898).

²¹ Там же. Д. 388. Л. 27–31 (чистовой вариант жития с подведенными разнотечениями, но текст — не с самого начала, по собственной пагинации Помяловского — с. 37–46). Опубликовано: Житие препод. Паисия Великого и Тимофея патриарха Александрийского повествование о чудесах св. великомученика Мины / Издал по рукописям Московской Синодальной библиотеки И. Помяловский. СПб., 1900. С. 1–61.

выписки из *Fragmenta historicorum Graecorum*²², из гарлезианских рукописей IX в. № 3845, 3941, 5251²³, из разных печатных изданий греческих и латинских авторов²⁴; описание греческой рукописи Московской Синодальной библиотеки № 242²⁵; копия списков «Жития Кириака Отшельника» по рукописям Соловецкой библиотеки № 924, Троице-Сергиевой лавры № 684 и Московской духовной академии № 90²⁶; корректуры²⁷), так и сделанных для него другими лицами, например копия «Жития Паисия Великого», выполненная с рукописи *Paris. gr.* 1093 Д. В. Айналовым²⁸; копия этого же жития, сделанная,

²² ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 394 (25 л.).

²³ Там же. Д. 392 (1 л.).

²⁴ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 380 (3 л.), 381 (5 л.), 382 (9 л.), 383 (40 л.), 384 (18 л.). См. также: ОР БАН. Основное хранение: 16.5.52 (рукопись в картонном переплете, с надписью: «*Miscellanea Ioannis Pomjalowsky. A° 1864*» (28 л.), содержит его выписки из «*Vitae et fragmenta veterum historicorum Romanorum*» (Composuit Augustus Crause. Berolini, 1838) и из других изданий. На л. 28 — дата: «14 сентября 1864».

²⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 393 (1 л.).

²⁶ Там же. Д. 389–391.

²⁷ Там же. Д. 387 (75 л. = 150 с.): Палестинский патерик, вып. 11: «Житие преподобного отца нашего Стефана Чудотворца» (со штампом типографии В. Киршбаума от 12 ноября 1899 г.).

²⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 388. Л. 32–39. В письме к Помяловскому из Парижа от 21 января 1893 г. Д. В. Айналов так описывает изготовление этого списка: «Насчет рукописи с жизнеописанием Паисия я навел справки на другой же день и в тот же день имел ее в руках. Рукопись писана на бумаге в 8-ю долю листа и принадлежит XIV веку. Но будучи неважным чтением поздних рукописей, я принял все возможные предосторожности, т. е. обложился при чтении Ватенбахом и английскими пособиями, чтобы дать по возможности правильное чтение. Результаты Вы увидите сами, причем я остаюсь вне всякого сомнения, что Вы меня не похвалите, как за чтение, так и за чересчур большое количество помазок. Кроме того, я уснастил текст и примечаниями в конце, выпиской глав, на которые разбито жизнеописание, а также содержанием самой рукописи» (Там же. Д. 506. Л. 5–5 об.). Любопытно, что в предисловии к изданию Помяловский даже не упоминает Айналова, но зато благодарит В. К. Эрнпгедта за описание парижской рукописи № 1093, «отличающееся большей полнотой и обстоятельностью, чем у Омона». См.: Житие препод. Паисия Великого... С. VI. Ср. также письмо Айналова из Парижа от 9 марта 1893 г.: «Еду в Милан, где пороюсь в библиотеках, отнюдь не забывая про Паисия Великого. Так же буду поступать и в остальных библиотеках по городам, в которых придется побывать» (л. 9 об.); письмо из Милана от 29 марта 1893 г.: «Теперь могу Вам сказать с полной уверенностью,

по-видимому, на Афоне с какой-то тамошней рукописи²⁹; описание не отождествленной нами греческой рукописи № 82, осуществленное на греческом языке А. И. Пападопуло-Керамевсом³⁰; копия паломничества св. Сильвии Аквитанской, сделанная с аретинского кодекса рукой И. И. Холодняка³¹; «Житие св. Феодоры Солунской, написанное Никодимом» в копии, исполненной неустановленным лицом (не Крашенинниковым ли?) с л. 127–164 какого-то греческого пергаменного Синаксаря (рукопись большого формата, писана крупным почерком в два столбца, с подражанием особенностям образца)³²; копия «Легенды об умерщвленном младенце» с какого-то списка XVI в. (сделана неустановленным лицом)³³; копия «Книги Евсевия Памфилова о палестинских мучениках», выполненная неустановленными лицами (два почерка)³⁴, и др.

К сожалению, весьма бедны содержанием записные книжки и дневник И. В. Помяловского (преобладают записи о чаепитиях, погоде, самочувствии, визитах, но упоминается также о путешествии семьи Помяловских во Флоренцию и Рим в апреле 1873 г.)³⁵, не так уж многочисленны и интересны собственные письма Помяловского³⁶, но

что жития Паисия в Амброз. библ. нет» (л. 11); письмо из Венеции от 24 апреля 1893 г.: «В Библиотеке Св. Марка жития Паисия нет» (л. 16).

²⁹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 388. Л. 1–26. Копия изготовлена при посредстве библиотекаря русского Пантелеймоновского монастыря схимонаха о. Матфея. См. об этом: *Медведев И. П.* Письмо с Афона // Афонский собеседник (в печати). [Теперь эта статья опубликована: РХВ. Вып. IV–V. 2015. С. 561–566.]

³⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Д. 388. Л. 41–41 об. (отождествлено по почерку).

³¹ Там же. Д. 385. Л. 1–27 об.: *Peregrinatio S-tae Silviae Aquitanae. E codice Arretino exscripta Joh. Chk. Arretii / Romae, mense Sept. 1887.*

³² Там же. Д. 396 (38 л.).

³³ Там же. Д. 395 (1 л.).

³⁴ Там же. Д. 397 (24 л.).

³⁵ Там же. Д. 10–14. В записях о пребывании во Флоренции отмечены визиты к «великой княгине», к «Абазе, где встретили Трубецкого и Урусову», к Васильчиковым, к «кн. Орловой, у которой сидели долго, смотрели ее картинную галерею и пили шампанское» (Там же. Д. 11. Л. 31); из записей за 1865 г. отмечаются визиты Ламанских (6/18 января), И. И. Толстого (13/25 марта), собственные визиты к Майкову (29 марта / 3 апреля), к Толстым (6/18 мая) (Там же. Д. 12). Отметим еще одну запись — 30 декабря 1893 г.: «Утро дома. К обеду в 3 ч. Айналов. Сидел до 6 ч. вечером с женой у Образцова и обратно домой в 3½» (Там же. Д. 14).

³⁶ Там же. Д. 444–499 (единичные письма делового характера). Судя по всему, И. В. Помяловский, как правило, не оставлял черновиков, поэтому его письма

зато в архиве Помяловского есть нечто делающее его поистине уникальным, а именно — колоссальный массив адресованной И. В. Помяловскому ученой корреспонденции, раскрывающей целый мир повседневной жизни ученых, человеческих судеб, событий в области науки, историю всем известных ныне публикаций, отдельных памятников, научных экспедиций и т. д. Среди его прилежных корреспондентов мы видим весь цвет русской византистики: архим. Антонин Капустин (11 писем), В. Г. Васильевский (30 писем), Д. Ф. Беляев (145 писем), Ю. А. Кулаковский (151), Г. С. Дестунис (58), Н. П. Кондаков (138), Д. В. Айналов (28), В. В. Латышев (118), Н. П. Лихачёв (16), Х. М. Лопарёв (20), И. Д. Мансветов (28), А. И. Алмазов (19), В. П. Бузескул (69), А. Ф. Бычков (40), А. А. Васильев (10), В. В. Болотов (4), В. К. Ернштедт (40), С. А. Жебелёв (17), Н. Ф. Красносельцев (36), А. А. Дмитриевский (5), А. И. Кирпичников (6), Ф. Г. Мищенко (200), Эд. Г. Курц (4), Р. Х. Лепер (8), А. И. Пападопуло-Керамевс (7), Е. К. Редин (70), И. И. Соколов (5), П. А. Сырку (27), И. И. Толстой (32), И. Е. Троицкий (35), Ф. И. Успенский (19), Т. Д. Флоринский (20), В. Н. Хитрово (79), Ф. Ф. Зелинский (11), М. Н. Крашенинников (39), иером. Августин (7), архим. Амфилохий (5), Б. М. Мелиоранский (1), В. Э. Регель (2), Б. В. Фармаковский (4), Г. Ф. Церетели (4), П. В. Безобразов (3) и т. д.; из иностранцев отметим Эмиля Леграна (22), Теодора Моммзена (13), Карла Крумбахера (2), Теофиля Омолия (1) и др.

Разумеется, весьма заметное место в переписке занимали события в личной, общественной и научной деятельности самого И. В. Помяловского, поздравления с продвижением по службе (например, П. А. Сырку, поздравляя его с назначением членом совета министра народного просвещения в письме из Праги от 9 августа 1897 г., пишет: «Я уверен, что у Вас будет возможность делать много хорошего и полезного для наших университетов»³⁷), с бесчисленными правительственными наградами (Ю. А. Кулаковский в письме от 20 декабря

(весьма многочисленные, ибо все полученные им письма содержат его пометы «отвн. тогда-то») следует искать в личных архивных фондах его корреспондентов. Так, в С.-Петербургском филиале Архива РАН хранится немало писем Помяловского в архивах А. А. Куника, Н. А. Лавровского, В. В. Латышева, Х. М. Лопарёва, А. И. Лященко, А. К. Наука, П. В. Никитина, Ф. И. Успенского, А. А. Шахматова, А. Ф. Бычкова, Э. А. Вольтера, В. П. Бузескула, К. Я. Грота, Н. Я. Грота, Я. К. Грота, В. Г. Дружинина, В. К. Ернштедта, И. М. Гревса, К. Г. Залемана. Практически все они выдержаны в лаконичном деловом стиле, столь контрастирующем с «откровениями» его корреспондентов.

³⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1315. Л. 10.

1897 г.: «Позвольте от души поздравить Вас с третьей звездой, которая Вас уже украшает. Мало теперь их для Вас уж и осталось в будущем, а там пойдут бриллианты»³⁸), с 30-летием педагогической и научной деятельности Помяловского (типичной была телеграмма профессора Новороссийского университета А. И. Алмазова: «Все годы Вашего служения Вы были светильником, который не только светил, но и согревал всех соприкасавшихся с Вами. Дай Вам Бог сил еще долгие годы быть таким же благотворным источником света и добра»)³⁹. Более содержательными были отзывы на выходящие из печати труды ученого. Например, о переводах Помяловским палестинских житий Н. П. Кондаков отозвался так (в письме от 10 марта 1893 г.):

Спасибо В. Н. Хитрово: он послал мне издания Палестинского общества, и я буквально проглотил, как конфетку, перевод житий. Сколько Вы дали себе труда, и как свежо выходит житие, читаешь как новейший психологический роман! *Senza complimenti*, Ваш

³⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 908. Л. 30–31 об.

³⁹ Там же. Д. 513. Л. 50. Этот юбилей получил широкий отклик в ученой среде. Тот же Кулаковский, поздравляя Помяловского «как почетного члена» Киевского университета св. Владимира, рассказывает (Там же. Д. 908. Л. 29–30): «Только что вернулся я из заседания Совета, в котором было проведено это предложение нашего факультета. Я отлагал свое личное поздравление до этого общественного признания Ваших ученых заслуг, которое у нас прошло в официальной форме час тому назад. Читали мы в газетах, что Харьковский университет сделал то же самое раньше... Еще летом осведомлялся я насчет Сборника (в честь И. В. Помяловского. — *И. М.*), который готовили Вам Ваши ученики; предполагал, что туда будут допущены и другие Ваши почитатели, но определенного ответа на этот вопрос я ни от кого не получил; приглашение не рассылалось... и я лишен возможности непосредственно участвовать в этой дани уважения к Вам Ваших младших коллег». Откликнулся на юбилей и Карл Крумбахер, который в написанном по-русски письме из Мюнхена от 28 апреля 1898 г. высказался так: «Ваше Превосходительство! Только теперь я узнал из рецензии в Визант. временнике (V.287), что Вы отпраздновали юбилей Вашей 30-летней ученой деятельности. Я спешу поздравить Ваше Превосходительство с этим прекрасным и радостным торжеством. Да будет суждено Вам и Вашему отечеству, чтобы Вы праздновали еще другие подобные юбилеи! Очень сожалею, что не могу достать преподнесенного Вам Сборника, и чрезвычайно был бы Вам обязан, если Вы изволили пожаловать экземпляр редакции *Byz. Zeitschrift*. С наилучшими воспоминаниями Вам преданный К. Крумбахер» (Там же. Д. 1528. Л. 2). В приведенных письмах речь идет о сборнике: *Commentationes philologicae*. Сборник статей в честь И. В. Помяловского... к 30-летней годовщине его ученой и педагогической деятельности от учеников и слушателей. СПб., 1897.

перевод показывает пример, как под привычную греческую риторику должно отыскивать реальную подпочву. Если бы такие переводы (*sic!*), мы получили бы иное понятие об отеческой литературе. Словом сказать, я читал эти жития, как я читаю теперь Флобера, смакуя фразу за фразой⁴⁰.

Немало в переписке было уделено внимания публикации Помяловским паломничества по святым местам св. Сильвии Аквитанской⁴¹: все детали публикации обговариваются в письмах В. Н. Хитрово к Помяловскому за 1886–1889 гг., из которых явствует, что Хитрово принимал активное участие в подготовке издания, вел переговоры с графом Рианом с целью заполучения рукописи из Аресцо (сошлись на изготовлении списка с нее, которое осуществил в 1887 г. И. И. Холодняк, см. об этом списке выше), а по напечатании назначил гонорар в размере 962 р. 60 к. Помяловскому и 75 р. М. Н. Крашенникову (последнему — за составление указателя)⁴²; Н. Ф. Красносельцев в письме из Казани от 23 октября 1888 г. извещает Помяловского о том, что в Иерусалиме встретился с В. Н. Хитрово и под его руководством осматривал раскопки, а затем спрашивает: «От него узнал я, что Вам поручено Палестинским обществом издание Путешествия в Св. Землю Сильвии Аквитанки. Скоро ли готово будет это издание?»⁴³; любопытен и отзыв А. А. Дмитриевского, высказанный в его письме из Киева от 7 января 1891 г.:

Лично с Вами мне не пришлось познакомиться, но с Вашими трудами я давно знаком. Издание Вами в Палестинском сборнике «*Peregrinatio ad loca sancta*» IV в. сделалось у меня настольною

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 868. Л. 13 об.

⁴¹ *Peregrinatio ad loca sancta saeculi IV exeuntis edita, rossice versa, notis illustrata ab Joh. Pomialowsky* // ППС. Т. 7. Вып. 2. 1889. 312 с.

⁴² ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1388. Л. 5–29 об.

⁴³ Там же. Д. 892. Л. 27. Письмом от 24 декабря 1888 г. Н. Ф. Красносельцев извещает Помяловского о высылке ему своего сочинения о паломничестве Сильвии: «Брошюрка о путешествии Сильвии послана Вам ранее. Я сомневаюсь, чтобы она могла Вам служить каким-либо подспорьем. Цель моя была только изложить порядок описанного Сильвией богослужения. Археологических справок и сопоставлений я не успел сделать, а отчасти и затруднялся. Известия Сильвии довольно неожиданны. Трудно было предполагать, чтобы уже в IV в. богослужение было так сложно. Тем более поводов заняться тщательным изучением памятника с литургической стороны. Но на это нужно время» (Там же. Л. 30 об.).

книгою, так как я теперь печатаю один интереснейший греческий богослужебный памятник IX–X в. (в Казани в Православном Собеседнике), имеющий весьма много сходного с Вашим «Peregriatio». Самый памятник собственно мною напечатан, теперь я работаю над примечаниями. Думаю, что работа и самый памятник будут небезынтересны для наших хронологов-палестиноведов и литургистов⁴⁴.

Наконец, Д. В. Айналова публикация Помяловского подвигла на глубокие размышления. Сообщив ему в письме из Казани от 21 октября 1893 г. о своих изысканиях по поводу креста Голгофы, он пишет:

Между прочим, вчитываясь в текст Сильвии, я напал на странице 57 Вашего издания на следующую фразу: *Et sic ponitur cathedra episcopo in Golgotha post Crucem, quae stat nunc*. Вы передаете это место так: «Затем на Голгофе за крестом поставляется кафедра, стоящая теперь». Нельзя ли слово *quae* отнести к *Crucem*, т. е. к ближайшему существительному? Так как эта кафедра поставлялась за крестом и перед крестом, то, конечно, можно полагать, что она стояла здесь и что с нее именно говорились огласительные речи. Но слово *nunc* тогда должно указывать, что кафедра поставлена была, быть может, только на те дни страстной недели, когда здесь особенно много правилось больших служб. Сильвия говорит, что только в большой четверг здесь совершалась литургия, что место было открытое и доступное непогодам, под открытым небом; обыкновенно же дело ограничивалось пением и молитвой и здесь обыкновенно у креста бывал отпуст (?). Кафедра ставилась и посреди Мартириума для поучения (?) пред крещением. Исключая епископской кафедры (*sic!*) в абсиде, которая часто бывала мраморная и очень тяжелая, надо полагать, что бывали другие кафедры, переносные и легкие, что не мешало им быть драгоценными, как, напр., кресло епископа Максимиана в Равенне. Но такие кафедры могли быть переносимы и поставляемы на всякий случай, и такая кафедра, б. м., и была поставлена для целования древа Креста сначала позади Креста, а другой раз впереди для чтений (стр. 158, 159). Так как ни раньше ни позднее Сильвия не говорит о кафедре ничего и не отмечает ее постановки здесь, то надо думать, что ее там не было и что она приносилась и ставилась для особых случаев. Если это так, то ей незачем было оговаривать, что кафедра поставляется, само собою ясно, что она стоит. Такого рода мечтания заставляют меня

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 608. Он. 1. Д. 748. Л. 2–2 об.

обратиться к Вам: нельзя ли думать, что «*quae stat nunc*» относится ко кресту, который действительно стоял там и о котором Сильвия выражается просто как о кресте без дальнейших пояснений, как о вещи, не требующей описаний. Это было бы очень интересным данным для меня. За всякое указание на этот счет я буду сердечно вам благодарен⁴⁵.

По поводу сочинения диакона Феодосия «О местоположении Св. Земли»⁴⁶, изданного Помяловским, высказал свое суждение Н. Ф. Красносельцев.

На днях, — пишет он из Старой Руссы 22 июня 1892 г., — я прочел Вашего Феодосия с большим вниманием и пользою. Очень интересны указания на апокрифы. Однако же думаю, что ученому немцу (имеется в виду боннский ученый И. Гильдемейстер, который в 1882 г. осуществил критическое издание труда, перепечатанное Помяловским и положенное в основу его русского перевода. — И. М.), несмотря на все его прилежание, едва ли удалось вполне очистить текст. В частности, указание на храм св. Софии в Иерусалиме, если не позднейшая вставка, должно быть, кажется, почитаемо за указание на постройки Юстиниана⁴⁷.

Имея в виду другую крупную публикацию Помяловского по топографии Иерусалима⁴⁸, Д. Ф. Беляев пишет ему из Казани 15 августа 1894 г.: «От души рад, что Вы предприняли труд по топографии Иерусалима. Быть может, занятия Иосифом Флавием увлекут Вас в Иерусалим и приведут к капитальному труду по топографии Св. Гроба и Палестины вообще. Вы обладаете такою эрудициею по палестиноведению и так много занимались этой областью, что лучше всякого другого можете составить собрание известий о св. Граде и просветить русскую публику относительно топографии его»⁴⁹. Получив же через

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 506. Л. 20 об. – 21.

⁴⁶ *Theodosius. De situ Terrae Sanctae. Liber saeculo VI ineunte conscriptus. Recensionem J. Gildemeisteri repetivit, versionem rossicam notasque adiecit J. Pomjalowsky* // ППС. Т. 10. Вып. 1. 1891. 147 с.

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 892. Л. 43.

⁴⁸ Евсевия Памфилова, епископа Кесарии Палестинской, о названиях местностей, встречающихся в Св. Писании; Блаженного Иеронима, пресвитера Стридонского, о положении и названиях еврейских местностей / Перевел и объяснил И. Помяловский // ППС. Т. 13. Вып. 1. 1894. 546 с. + карта Палестины.

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 154–154 об.

некоторое время уже вышедший из печати том, Д. Ф. Беляев в письме от 18 сентября 1894 г. пишет следующее:

От души благодарю Вас за Вашу новую большую книгу, которую я понемногу почитываю, и удивляюсь Вашей эрудиции и начитанности в палестино<ведческой?> литературе. Сколько нужно было времени и труда, чтобы сделать все справки и выписать все цитаты и места, которые у Вас приведены! И возможно, однако ж, что о такой книге, стоившей пятилетнего труда, не будет ничего сказано в нашей ученой критике. Очень жалею, что я не палестиновед, а то я непременно написал бы об этой прекрасной книге. Во всяком случае, буду побуждать к этому Н. П. Кондакова, если он уж не взялся за это сам или по просьбе какого-нибудь редактора⁵⁰. А Вам после таких продолжительных занятий Палестиною просто непростительно не съездить в Палестину. Вы напрасно боитесь ослов: теперь во многие места можно ехать в экипаже (и т. д., много об этом. — И. М.)⁵¹.

С особой заинтересованностью научная общественность встретила осуществленные И. В. Помяловским по московским спискам издания греческих житий. Правда, предваряет эту серию его издание «Жития св. Саввы Освященного» (VI в.) в древнерусском переводе, в основе которого лежал пергаменный список, вывезенный из палестинской Саввиной лавры кн. П. А. Вяземским, но с привлечением других списков и с приведением греческого оригинала по изданию Котельера⁵². Так, Н. Ф. Красносельцев извещает Помяловского письмом из Казани от 18 декабря 1887 г.:

С величайшим удовольствием готов услужить Вам. Тотчас по получении Вашего письма я навел справку. Действительно, список жития Саввы Освященного у нас есть, и список хороший, датированный XVI в. Смотрите во 2-м томе нашего Описания

⁵⁰ Тем не менее «реферат» на эту работу пришлось писать именно Д. Ф. Беляеву. В письме от 20 февраля 1895 г. он сообщает Помяловскому: «Реферат о Вашем последнем ученом труде я послал в “Русское обозрение”. Пропу извинить, если я недостаточно оценил Вашу работу. Я хотел только обратить внимание на Ваши замечательные труды, но, как неспециалист, не мог судить о них, потому написал не рецензию, а реферат» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 168 об.).

⁵¹ Там же. Л. 155–155 об.

⁵² Житие св. Саввы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе. СПб., 1890.

на стр. 473. Номер рукописи 638 (835)⁵³. Статья писана хорошим четким полууставом на 162 страницах по 25 строк на каждой. Переписчик у меня есть хороший, т. е. опытный, искусный и аккуратный, но не студент. С нашими студентами теперь трудно иметь подобные дела. Дела у них очень много, а материальной нужды они не терпят, ибо на казенном и весьма хорошем иждивении. Мой переписчик из духовного звания — надзиратель одной из здешних гимназий, по случаю многосемейности терпящий большую нужду. Но за копировку с титлами он берет по 15 коп. за страницу. Так как нужно скопировать 162 стр., то это будет стоить около 25 р. Производительна (*sic!*) ли для Вас будет такая трата? Ведь копия очевидно нужна Вам только для вариантов. Не лучше ли Вам чрез Общество любит<елей> др<евней> п<исьменности> выписать для пользования самую рукопись? Препятствий к высылке здесь не будет⁵⁴.

Получив в подарок издание, Д. Ф. Беляев пишет Помяловскому (8 марта 1891 г.):

Очень, очень Вам благодарен за Вашу великолепную книгу: Житие Саввы Освященного. Мы с В. В. Латышевым дивились тому, что Вы с такою тщательностью издали такую большую книгу. Без сомнения, много самого кропотливого и утомительного труда стоила Вам эта книга, если принять во внимание, что наши типографии, даже академические, не привыкли к таким тщательным воспроизведениям оригиналов. Много, вероятно, пришлось Вам держать корректур и сердиться. Но зато издание вышло действительно замечательное и могущее заменить факсимиле⁵⁵.

Зато не без едкости поблагодарил за аналогичный подарок А. А. Дмитриевский в своем письме из Киева от 27 апреля 1891 г.:

Глубокоуважаемый Иван Васильевич, Христос воскрес! Приношу сердечную благодарность за дорогой для меня подарок. Я разумею превосходное Ваше издание под заглавием: «Житие св. Саввы Освященного», которое я ожидал с нетерпением. Занимаясь вопросами по христианской археологии Палестины, я, весьма

⁵³ См.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии. Казань, 1885. Т. 2. С. 473. № 638 (835).

⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 892. Л. 18–19 (Помяловский предпочел все же копию, см. письмо Красносельцева от 25 января 1888 г.: «Письмо Ваше с деньгами получил и копию Жития Саввы заказал» [Там же. Л. 22]).

⁵⁵ Там же. Д. 563. Л. 68.

понятно, часто вынужден был штудировать данное житие, богатое сведениями, касающимися археологии и топографии Св. Града. К сожалению, с этой стороны житие Саввы Освященного остается и доселе не изученным и даже не оцененным по достоинству. Мне казалось, что многоученный (*sic!*) издатель «*Peregrinatio ad loca Sancta*» восполнит этот пробел, но, к сожалению, я забыл, что задачи члена Палестинского общества и члена Общества древней письменности у нас различны... Понятно Вам теперь мое маленькое разочарование, когда, вместо Ваших *примечаний* (выделено автором. — И. М.), в конце памятника я встретил примечания Котельера, едва ли ныне могущие удовлетворить занимающегося вопросами археологии Палестины. Ваши многочисленные варианты, собранные с замечательною тщательностию и редким трудолюбием из славянских рукописей, навели меня на мысль, что и греческий текст жития (по Котельеру) следовало бы, кажется, пересмотреть вновь. В рукописях Саввинской библиотеки (ныне патриаршей иерусалимской) имеются громадные немаранные (?) списки жития сего отца, во многом отличные от изданного Котельером. В этом отношении, как мне лично известно, для изучения этого жития сделано кое-что Пападопуло-Керамевсом, который ныне находится в распоряжении палестинской комиссии. Кажется, для сей цели можно было бы воспользоваться услугами сего молодого человека (кстати, интересно знать: что случилось с его описанием палестинских рукописей, ужели оно пропадет для науки? Кажется, «Палестинский сборник» был бы подходящим местом для сего описания). Вообще мне думается, что жития, написанные Кириллом Скифопольским (свв. Саввы, Евфимия и Иоанна Исихаста), и житие Феодосия, написанное (*sic!*) его учеником Феодором, епископом Петрским, и изданное в прошлом году Германом Узенером (Лейпц. 1890 г.), обратят на себя внимание будущей палестинской комиссии. Во многих случаях эти жития могут служить указателем христианских палестинских древностей и решают категорически спорные вопросы у наших палестиноведов⁵⁶.

Более благожелательным (но и более формальным) был отзыв А. А. Дмитриевского на другое, теперь уже самостоятельное издание греческого текста «Жития Феодора Эдесского»⁵⁷. «Дня три тому

⁵⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Он. 1. Д. 748. Л. 3–4 об.

⁵⁷ Житие иже во святых отца нашего Феодора архиепископа Эдесского. По двум рукописям Московской Синодальной библиотеки / Издал И. Помяловский. СПб., 1892. 145 с. (издатель благодарит Хр. М. Лопарёва, «списавшего,

назад, — сообщает Дмитриевский в письме к Помяловскому из Киева от 14 октября 1892 г., — получил я последний Ваш труд “Житие Феодора Эдесского”, которое, скажу к слову, так меня заинтересовало, что я, не отрываясь, прочел его от начала до конца. Богатый в нем литургический материал, немало пищи и для археологии Палестины» (следуют благодарности)⁵⁸. «*Ihre vortreffliche Ausgabe*» — такими словами оценивает издание «Жития Феодора Эдесского» и такой строгий оценщик, как Эдуард Курц (в письме из Риги от 26 февраля 1893 г.), который, оговорившись, что с большим интересом ознакомился с этим «отличным изданием», тут же отмечает множество ошибочных чтений и опечаток и составляет целый реестр исправлений (на двух листах!)⁵⁹.

Не остались незамеченными для корреспондентов Помяловского и его издания житий Афанасия Афонского и Григория Синаита. Так, из писем В. К. Ернштедта к Помяловскому мы узнаём, в чем заключалась его «многообразная помощь» последнему в издании жития преп. Афанасия Афонского, за которую тот благодарит его в предисловии⁶⁰: в письме от 4 января 1895 г. Ернштедт сообщает, что последнюю корректуру жития он принес в университет, навел в рукописи (нынешняя ГИМ № 398 Влад.; была прислана для работы Помяловскому из Москвы) нужные справки и списал приписки последнего листа рукописи, а затем попросил М. П. Белозёрова отправить все это к Помяловскому («Упоминаю об этом для того, чтоб Вы не удивились некоторой санфасонности (*sic!*) посылки. Не можете ли Вы оставить рукопись невозвращенною еще недельку? Если Вы ее теперь возвратите, то, пожалуй, и от меня потребуют мою московскую рукопись, а у меня

со свойственной ему отчетливостью, текст рукописи А», В. К. Ернштедта, «не потяготившегося держать одну из корректур текста», и А. И. Пападопуло-Керамевса «за копию рукописи с Халки» — с. VIII).

⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 748. Л. 5.

⁵⁹ Там же. Д. 911. Л. 1–3 об. Поблагодарив также за присылку экземпляра «Жития св. Феодора», знаменитый французский ученый Эмиль Легран дает (в письме из Парижа от 25 декабря 1892 г.) этой публикации Помяловского весьма высокую оценку: «*Cette vie est d'un puissant intérêt et le récit en est exposé d'une façon très attachante. Elle m'a fort intéressé. Permettez-moi de vous dire sans flatterie, mais avec sincérité et franchise, que pour votre début (comme publications grecques) vous avez fait un coup de maître. Puissiez-vous en recommencer souvent de pareils*» (Там же. Д. 1532. Л. 32–33 об.).

⁶⁰ Житие преп. Афанасия Афонского по рукописи Московской Синодальной библиотеки / Издал И. Помяловский. СПб., 1895 (предисловие).

еще не все сделано. Впрочем, я ведь свою рукопись могу и после требования задержать на несколько дней»⁶¹; нечто аналогичное в его письме от 17 октября 1895 г.: «Простите, что я задержал Вашу корректуру. Некоторые ἀπορίματα были причиной, что я не возвратил ее тотчас после первого чтения. Я думал, что при втором нашествии удастся справиться с ними, но отчасти ошибся. Εἶναι p. 22.15, должно быть, вульгарная форма = ἔστιν; греки пишут εἶνε. Может быть, и τὸν p. 21.18 вульгарная форма = αὐτόν. Но кому принадлежат такие формы, переписчику или автору?»⁶². Что же касается «Жития св. Григория Синаита», то за присылку этого издания Помяловского горячо благодарят болландист J. Van den Gheyn (в письме от 30 июля 1894 г.: «*Nous parlerons de votre travail dans les Analecta Bollandiana et nous en dirons volontiers tout le bien que nous en pensons*», — подчеркивает он)⁶³, библиотекарь Пантелеймоновского монастыря на Афоне иеромонах Матфей (в письме от 28 декабря 1895 г.: «С большим утешением получил я еще в прошедшем ноябре 2 экземпляра изданного Вами жития преп. Григория Синаита, один экземпляр коего Вам благоугодно было даровать мне. Приношу Вам глубочайшую благодарность как от себя лично, так и от лица святой нашей обители, которая навсегда останется к Вам глубокопризнательною за оказываемые Вами благорасположения к нам смиренным»)⁶⁴, Н. П. Кондаков (в письме от 22 ноября 1894 г.: «Хотел было написать Вам, уже просмотрев Вашу большую книгу, но так и не успел: перелистав ее, постиг только, какую работу Вы предприняли и к благому концу привели! Истинная честь Вам и слава! Этот “краеугольный камень” не только образцово обтесан, но и отшлифован, и, надо думать, когда будет положен во главу угла, будет блеснуть отделкою. *Senza complimenti* — великолепное издание!»)⁶⁵.

⁶¹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 779. Л. 47.

⁶² Там же. Л. 48.

⁶³ Там же. Д. 1514. Л. 1.

⁶⁴ Там же. Д. 994. Л. 3.

⁶⁵ Там же. Д. 868. Л. 65. Разумеется, восторги улетучиваются, когда оценку изданию дает специалист — современный ученый. Н.-V. Beyer (ныне, увы, уже приснопамятный), занимаясь в то время подготовкой к печати критического издания жития Григория Синаита, в письме к автору этих строк от 13 мая 2000 г. так оценивает издание Помяловского: «Хорошая филологическая работа, но не гениальная». К достоинствам ее Х.-Ф. Байер относит то, что «в ней вряд ли обнаружишь неправильно поставленное ударение, орфографическую ошибку или не согласующуюся со смыслом текста пунктуацию»; привлечение «в примечаниях извлечений из древнеславянского перевода, у которых нет

Наконец, В. В. Болотов, получив от Помяловского «дорогой подарок» в виде целой подборки оттисков с его сочинениями, разразился огромным письмом от 15 ноября 1892 г. с детальным разбором их содержания и с массой интереснейших и ценнейших замечаний («Не зная, как и благодарить Вас за такую массу подарков, собираюсь хоть надоесть Вам своєю болтовнею»)⁶⁶, из которых стоит процитировать то место, где излагаются взгляды Болотова на злободневную и в настоящее время проблему транскрипций (л. 19 об. – 31):

Страницы 26–27 «Шестого археологического съезда»⁶⁷ оставили во мне сильное сожаление, что Вы высказались так лаконично по вопросу о транскрипции, которому Вы не отказываете в значении. Как дилетант *in orthographicis* и, пожалуй, новатор, я с удовольствием вижу, что Вы признаёте теоретическую законность предложений г-на А. А. Иванова, по-видимому, в большем объеме, чем мог бы допустить это и я. Тот интерес, который Вы выказали к этому вопросу, подстрекает меня высказать кое-какие мои соображения... Мне кажется, этот вопрос следует несколько осложнить, чтобы выяснить тот объем, в котором он действительно подлежит решению, чтобы установить границу, где кончается потребность и начинается прихоть (следует пространный пассаж из практики транскрипции в классической и восточной филологии, за отсутствием в типографской кассе восточных шрифтов. — И. М.). Приходится транскрибировать потому, что на 1000 предполагаемых читателей не наберется и трех человек, которые разумеют восточные шрифты. Словом, ориенталиста *sub jugum* транскрипции гонит горькая необходимость, и на затеи греко-римских филологов он может смотреть, пожалуй, как на баловство людей чересчур сытых.

соответствия в оригинальном греческом тексте»; допущение некоторых обоснованных конъектур, из которых Байер принимает «большинство, в особенности те, которые являются исправлениями орфографии или небольших заблуждений переписчика». К недостаткам — ограничение издания одним списком, при наличии других (что, собственно, и побудило Байера предпринять новое издание жития), и увлечение ненужными, чересчур смелыми конъектурами («Возможно даже критиковать Помяловского в том, что в случае смелых конъектур он не сравнил славянский текст, точно соответствующий рукописному греческому»). При всем том, по-моему, и Байер считает счастьем для науки, что текст жития был опубликован Помяловским еще в 1894 г.

⁶⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 596. Лл. 7–32 об.

⁶⁷ Имеется в виду: Помяловский И. В. Шестой археологический съезд в Одессе 1884 г. СПб., 1885. 81 с. (отд. отт. из: ЖМНП. Ч. 238. 1885. Январь – март).

Ориенталист транскрибирует (здесь и далее выделено автором. — И. М.) в точном смысле, т. е. переписывает буквами другого алфавита и другими искусственными знаками то, чего не может поднести читателю в подлинном виде. Здесь транскрипция есть вымученная нуждою попытка дать глазу читателя некое подобие отсутствующего текста. Филологам-классикам такой суррогат, вероятно, в 9999 случаях из мириады ни на что не нужен: в типографских кассах и латинский и греческий шрифт обычно всегда имеется, и не знают этих шрифтов разве те читатели, для которых и не следует писать научных статей. Под фальшивым флагом «транскрипции» поставлен вопрос кое о чем совсем другом: речь идет собственно о «транссонации», о μεταφώνησις, о том, чтобы слуху русского передать наиболее правильным, однако совершенно пвс-ским образом звуки другого языка. Здесь филологи классических и восточных языков стоят на общей почве. Но опять-таки первые способны увлечься так, как не могут зарваться последние... *Quod sit ita*, радикализм Иванова есть нечто самоосужденное. Он смешивает транссонацию с транскрипцией, хочет разом действовать и на зрение, и на слух читателя... Я менее сдержан в новшествах в чисто богословской области. Полагаю, что пользующиеся старою орфографиею, при сравнительной малочисленности богословских книг в России, — ὁλίγοι τινὲς καὶ ἐδαρίθρητοι. При том *usus*, установленный мудростью предков, есть в сущности скандал: читали по латинским шпиргалкам те тексты, которые были обязаны читать в греческом подлиннике (и т. д. — И. М.).

Оценивая научную продукцию И. В. Помяловского в целом, его корреспонденты не могли удержаться от выражения искреннего изумления. «Но когда Вы успеваете работать? — задает ему вопрос Н. П. Кондаков в письме от 29 мая 1893 г. — Ваши издания повергают меня в истинное недоумение: ведь я знаю, как Вас зимою растаскивают во все стороны. Когда бы, казалось, успеть что-нибудь сделать, и притом *так* (выделено автором. — И. М.), как Вы делаете! Это Ваш секрет!»⁶⁸

Пожалуй, самым распространенным мотивом было обращение к Помяловскому с какой-либо насущной просьбой, а затем выражение горячей благодарности за исполнение ее. Из переписки явствует, что Помяловский по-отечески опекал всех выезжавших за рубеж с научными целями молодых ученых, являясь для них поистине «добрым

⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 868. Л. 21 об.

гением» (выражение М. Н. Крашенинникова)⁶⁹ и получая в ответ ценнейшие письма-отчеты о проделанной работе, прохождении командировок. Так, В. К. Ернштедт в своем письме из Олимпии-Друвы от 13 января 1882 г. и в двух письмах из Афин (от 10 марта и 27 апреля 1882 г.)⁷⁰ информирует Помяловского о своей поездке по Пелопоннесу, о находках эпиграфических памятников (тегейский камень с латинской надписью, латинские надписи Олимпии, надписи Аргосского музея), о своем знакомстве со Спиридоном Ламбросом.

Я, — пишет он, — и без Федора Федоровича (Соколова. — И. М.) и без А. К. Наука знаю, Иван Васильевич, что Вы интересуетесь ходом моих занятий... Я хоть и «западный человек», как однажды в шутку выразился Ф. Ф. Соколов, но ни душой кривить, ни руководиться какими-нибудь «практическими» соображениями не привык. Вероятно, и Вы, Иван Васильевич, удивляетесь, почему я так мало присылаю доказательств моих штудий, тогда как мой товарищ В. В. Латышев (также находившийся в то время в Афинах. — И. М.) несравненно исправнее на этот счет. Дело в том, что мы натуры разные. Он легко и хорошо пишет, у меня же работы, что касается изложения, всегда вымучены, отчето изложение, которому я придаю значение, не выигрывает. Он сосредоточивается на одном вопросе, я одновременно занят несколькими, хотя я вовсе не признаю это практичным. Он занимается почти исключительно эпиграфикой, я почти *nihil archeologici a me alienum puto*, хотя все более занимался тою же эпиграфикой. Наконец, он удержал в памяти, по части истории и древностей, много такого, что у меня в одно ухо вошло, а из другого вышло, ибо я в то время обдумывал какую-нибудь *emendatio palmaris* (л. 4 об.).

Любопытные подробности о своих занятиях неизданными папирусами, интенсивном чтении греческих авторов («а именно ораторов и главным образом любезного моему сердцу Лисия»), о посещении «чудных лекций Дильса по греческой религии и мифологии» и «менее чудных» лекций Виламовица (он «читал греческих ораторов, но его лекции не произвели на меня большого впечатления, ибо наряду с внешним блеском не особенно блестящим содержанием») сообщает в 1899 г. в трех пространных письмах из Берлина и Вены молодой Г. Ф. Церетели (всякий раз оговаривается его готовность выполнить

⁶⁹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 894. Л. 42 об.

⁷⁰ Там же. Д. 779. Л. 1–7 об.

любое поручение Помяловского «касательно рукописей»)⁷¹. Обширная и ценнейшая по своему характеру информация содержится в письмах М. Н. Крашенинникова из-за рубежа за 1889–1901 гг.; она позволяет воссоздать весь процесс сбора материалов по рукописным собраниям стран Европы и подготовки критического издания трудов Прокопия Кесарийского⁷² (письма изобилуют бесконечными просьбами о продлении сроков командировок, о своевременной присылке стипендии, сообщениями о выполнении различных *desiderata* Помяловского, особенно по части разыскания разных старопечатных книг)⁷³.

Подробно информируют Помяловского о своих командировках А. А. Васильев, А. И. Алмазов, А. И. Александров. Особенно интересны письма первого из них. Так, в письме из Парижа от 22 (10) декабря 1897 г. Васильев пишет:

Эти месяцы, проведенные мною в Париже, по моему мнению, не пропали для меня даром. Кое-что должно быть напечатано в последнем номере ВВ, о выходе в свет которого я еще не имею сведений. Статью «О славянах в Греции» я выслал Василию Григорьевичу (Васильевскому. — И. М.). Надеюсь в скором времени доставить в Петербург некоторые довольно интересные рукописные греческие тексты, списанные мною здесь; я их теперь снабжаю введениями. На всякий случай занимаюсь в *École des hautes études* и *École des langues orientales* арабским, турецким и эфиопским языками. Диссертация если и не особенно быстро, то все-таки движется вперед... К французам же, как к людям вообще, хотя они теперь и наши друзья, я до сих пор привыкнуть не могу⁷⁴.

В другом письме (из Константинополя от 24 сентября 1899 г.) Васильев пишет:

⁷¹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1406. Особенно достается Виламовицу в иностранном письме Церетели от 11 декабря 1899 г. (л. 5): «По совести говоря, — пишет Церетели, — его способ комментирования классиков мне не по душе, ибо слишком уже сильно пересаливает он в своем ипекритицизме, так что от автора остается один скелет, но тем не менее я слушаю его усердно, ибо иногда его поправки действительно бывают остроумны и хороши».

⁷² Именно поэтому материал широко использован в очерке А. Н. Анфертьевой о М. Н. Крашенинникове (Рукописное наследие русских византистов... С. 375–419).

⁷³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 894 (39 писем за 1889–1901 гг.).

⁷⁴ Там же. Д. 620. Л. 5–6.

Глубокоуважаемый Иван Васильевич! В начале сентября этого года я подал отчет о моей командировке и прошение о продлении ее на третий год в филологический факультет и в министерство. Вся надежда теперь на то, чтобы командировку продолжили. Раньше я думал о возможности остаться здесь при Археологическом институте в качестве второго секретаря, о чем мне говорил и сам Феодор Иванович (Успенский. — *И. М.*). Теперь, по-видимому, времена переменялись: он, кажется, хочет искать археолога; кого он найдет, не знаю, ибо, по слухам, Яков Иванович Смирнов не пойдет теперь сюда. Мне здешняя деятельность была бы очень по душе; мое знакомство с турецким и арабским языками было бы здесь далеко не бесполезно, а самый ход занятий заставляет меня войти в изучение археологии, против чего я ничего не имею. Ведь подобные примеры были и раньше: стоит вспомнить самого Феодора Ивановича и Погодина. Поэтому в данных обстоятельствах я, в случае неудачи ходатайства о продлении командировки, с 1 января 1900 г. останусь совершенно ни при чем. Если бы Вы нашли возможность поддержать мое ходатайство, как в прежние годы, я бы глубоко был благодарен Вам. Надеюсь, что диссертация в ноябре месяце окончится печатанием и следующий год я могу спокойно посвятить главным образом подготовке докторской диссертации, тема которой завещана мне незабвенным Василием Григорьевичем. В декабре я думаю приехать в Петербург. По-видимому, туда же в это время собирается и Феодор Иванович. Через несколько дней я с Фармаковским уезжаем на раскопки в Македонию. За время моего пребывания здесь я посетил Афины, острова Архипелага с проф. Дёрпфелем и сделал поездку в глубину Малой Азии к развалинам древней Амории. Будьте здоровы. Еще раз благодарю за прежнюю помощь и прошу очень не отказать мне в поддержке, если это возможно, и в настоящем столь смутном и трудном для меня вопросе. Глубоко преданный Вам *А. Васильев*⁷⁵.

Сообщая в письме от 6 сентября 1897 г. о своей продолжительной командировке по разным странам («До сего времени я побывал

⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 620. Л. 11–12. См. также письма А. А. Васильева из Парижа от 25 (13) июля 1897 г. (л. 3–4), от 3 января 1898 г. (л. 7), из Лондона от 3 октября 1898 г. (л. 8–9), из Константинополя от 9 (21) декабря 1899 г. (л. 13), из Берлина от 24 (15) февраля 1900 г. (л. 14–14 об.). В последнем из них Васильев сообщает: «Теперь живу в Берлине, но долго здесь не останусь, так как для моей следующей работы нужно будет ознакомиться, насколько хватит сил, с арабскими рукописями Оксфорда, Лондона и Парижа» (л. 14 об.).

у мазуров, в Познани, Берлине, Генте, Лондоне, Оксфорде, Лейпциге, Фрейбурге, Дрездене, объездил Горнюю и Дольнюю Лужицы, работал затем в Праге, посетил до 15 пунктов, важных в историко-литературном отношении. Теперь я поработаю в Вене и оттуда направляюсь на юг, в румынские земли и южнославянские и закончу Римом»), П. А. Сырку благодарит Помяловского за все его хлопоты по организации поездки, сообщает о высылке отчетов, сожалеет, что не имел возможности участвовать в сборнике в честь последнего («постараюсь исправить свою оплошность иным способом»), и шлет тому в письме из Вены от 10 декабря 1897 г. одно из самых выразительных поздравлений по случаю 30-летней годовщины его ученой и педагогической деятельности:

Глубокоуважаемый Иван Васильевич! Поздравляю Вас с днем, в который и Ваши ученики, и представители академических и неакадемических поколений, выросших на Ваших глазах, воздают Вам честь и похвалу за Вашу усердную и беззаветную службу и заслуги науке и отечеству. Примите эти мои слова не за официальное выражение моих чувств бывшему моему профессору, а как искреннюю мою радость, что Вы столько лет с неопценною пользою подвизались на избранном поприще на благо и славу отечества. Вместе с тем примите эти мои слова как знак сердечной благодарности Вам за то, что Вы всегда относились с кротостию к моим слабостям и недостаткам и с любовью к моим нуждам. Сожалею весьма, что я не могу в данную минуту присоединиться к моим товарищам и приятелям на общем празднике в день чествования Вас из далекой чужбины этими малозначащими словами. Но позвольте зато посвятить Вам один из моих посыльных (*sic!*) трудов, имеющих в самом недалеком будущем выйти в свет. Да дарует Господь Бог крепкое здоровье, бодрость, спокойствие и веселие Вам, чтобы удвоились и утроились труды Ваши на пользу и благо нам и нашему отечеству. Примите уверения в искреннем и глубоком почтении и уважении Вашего усердного почитателя и глубоко признательного слуги *Полхрония Сырку*⁷⁶.

Другим весьма популярным мотивом переписки И. В. Помяловского была его помощь в защите диссертаций по византиноведческой проблематике, причем не только его непосредственным коллегам и ученикам (например, М. Н. Крашенинникову), но и «провинциалам»: наверное, ни одна из них не обошлась без его поддержки. Так,

⁷⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1315. Л. 25–26. Ср. л. 14 об.

в 1896 г. к нему обращается приват-доцент Новороссийского университета Синодий Димитриевич Пападимитриу с письмом следующего содержания:

Ваше Превосходительство, многоуважаемый Иван Васильевич! Будучи занят приготовлением к предстоящему диспуту моему в Новороссийском университете, где он состоялся 19 мая (1896 г. — *И. М.*), я до сих пор не успел выразить Вам мою глубокую благодарность за лестный отзыв о моей книге и готовность допустить меня к защите моей диссертации осенью в Петербургском университете. Жаль, что мне не пришлось выслушать указаний на мои промахи от петербургских знатоков византинологии; но я не мог не воспользоваться дружескими услугами своих одесских товарищей, которые нашли возможность устроить мой диспут, несмотря на позднее и трудное время экзаменов. Примите искреннее выражение моего глубокого почтения и благодарности, с которыми имею честь оставаться истинным слугою Вашего Превосходительства *С. Пападимитриу*⁷⁷.

Из писем Н. Ф. Красносельцева и его ученика по Казанской духовной академии А. И. Алмазова мы узнаём о трудностях с прохождением через Синод защищенных последним в названной Академии магистерской диссертации «История чинопоследований крещения и миропомазания» (1885)⁷⁸ и докторской диссертации «Тайная

⁷⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1103. Л. 1–2.

⁷⁸ «Магистерское <сочинение>, — пишет А. И. Алмазов из Симбирска 20 марта 1886 г., — тоже тяжёлым камнем ложится на сердце. Я нисколько не волнуюсь тем, утвердят ли меня магистром или нет. Мне это безразлично. Бог свидетель и свидетели лица, видевшие процесс моей работы над магистерским, я трудился над последним не из-за практических расчетов, а исключительно во имя любви к предмету и труду! Чрез два месяца будет год, как я защитил сочинение. Лица, сдавшие защиту после меня, уже давно утверждены в магистерстве. А синодского решения о моем труде все нет как нет... Прихожу к тому несомненному заключению, что тут проволочка не даром. По всей вероятности, направление моего исследования не подходит к духу настоящего времени... Я писал так, как говорит мне историческая правда, а не как требовали житейские выгоды» (Там же. Д. 513. Л. 19–22). Ср. письмо Н. Ф. Красносельцева из Казани от 23 апреля 1886 г. (Там же. Д. 892. Л. 5–6 об.), в котором он благодарит Помяловского «за лобезное сообщение о благополучном исходе дела о магистерской степени А. И. Алмазова» («Я был заинтересован в этом деле не меньше автора»). Кстати, здесь же Красносельцев упоминает о (несостоявшемся) намерении Алмазова перебраться в Петербург, о своем одобрении этого

исповедь в православной восточной церкви» (1895), а также о решающей роли И. В. Помяловского в «проталкивании» дела с их утверждением в Синоде («Ал. Ив. Алмазов весьма Вам благодарен за Ваше участие по его делу; я, с своей стороны, то же самое», — пишет Красносельцев 30 декабря 1895 г. по поводу утверждения докторской)⁷⁹. Сообщив в письме из Москвы от 3 февраля 1890 г. об отправке на имя ректора Петербургского университета прошения о защите в качестве диссертации на степень магистра его сочинения о Михаиле Пселле и двух экземпляров труда, П. В. Безобразов просит Помяловского назначить день защиты «как можно скорее, до пасхи, в воскресенье пред вербным 18 марта» («Я послал свою диссертацию некоторым членам факультета — В. Г. Васильевскому, И. Е. Троицкому, Регелю, Ернштедту»)⁸⁰, а в письме от 20 февраля уже благодарит его за «поспешность», добавляя: «Верьте, что я чрезвычайно ценю сочувствие ко мне С.-Петербургского университета, особенно здесь, где, выражаясь по-византийски, ладья моя плывет по волнам недоброжелательства и ежеминутно может потонуть» (готовит речь, высылает тезисы и книги всем членам факультета и приват-доцентам; на днях вышлет еще 75 экземпляров)⁸¹.

В письмах из Киева от 16, 24 и 29 марта 1888 г. к И. В. Помяловскому Т. Д. Флоринский сообщает о выходе в свет своего известного труда «Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков», о своем намерении (по совету В. И. Ламанского) «представить его в родной (Петербургский) университет для получения степени доктора славянской филологии»; обсуждает различные сроки диспута (окончательно установлены 10 апреля 1888 г.); извещает о высылке труда ректору, Помяловскому, М. И. Владиславлеву, В. И. Ламанскому, В. Г. Васильевскому, Е. Е. Замысловскому, А. Н. Веселовскому, И. П. Минаеву и Ф. Ф. Соколову и др. («Теперь посылаю 15 экземпляров для остальных членов факультета, адресуя посылку для большего удобства в Университет на Ваше имя; 70 экземпляров на имя Правления тоже высылаю немедленно»); горячо благодарит за хлопоты и участие⁸².

плана («С большой радостью узнал, что Вы не отказываетесь, насколько возможно, протезировать»).

⁷⁹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 892. Л. 67 об.

⁸⁰ Там же. Д. 552. Л. 1–2.

⁸¹ Там же. Л. 1–3.

⁸² Там же. Д. 1375. Л. 1–5 об.

Роль И. В. Помяловского значительна не только в организации зарубежных командировок и диссертационных дел, но и вообще в опеке над византиноведческой молодежью, особенно провинциальной, например в помощи по переезду на жительство в Петербург такого «провинциала», как Н. П. Лихачёв⁸³. Но уже без всякой протекции получил помощь от Помяловского в переселении в Петербург преподаватель Саратовской духовной семинарии, магистр богословия И. И. Соколов⁸⁴.

Ваше Превосходительство! — *обращается он к Помяловскому в письме из Саратова от 20 октября 1891 г.* — Позвольте выразить Вам мою глубочайшую благодарность за Ваше благосклонное содействие в предоставлении мне кафедры философских предметов в Саратовской духовной семинарии. Премного обязан Вашему Превосходительству и навсегда сохраню чувство искренней признательности к Вам за милостивое внимание ко мне. К сожалению, нынешние обстоятельства заставили меня избрать местом первоначальной службы город Саратов, город родной мне, но неудобный для моих специальных научных занятий. Надеюсь, что в недалеком будущем устранены будут все препятствия к свободному моему выезду из этого города, если бы в таковом представилась надобность. Осмеливаюсь опять и опять просить Ваше Превосходительство не оставить меня и впредь своим благосклонным вниманием. Имею основания думать, что не встречу более таких обстоятельств, которые воспрепятствовали бы мне вполне и совершенно подчиниться Вашей воле, что было моим всегдашним желанием. Утешаюсь отрадными думами о лучшем будущем, когда я всецело могу посвятить себя интересующей меня церковно-исторической науке, — и осмеливаюсь надеяться, что в лице Вашего Превосходительства я по-прежнему имею гуманнейшего и просвещеннейшего своего покровителя. Свидетельствую Вам свое глубочайшее почтение. Вашего Превосходительства покорнейший слуга *Иван Соколов*, преподаватель Саратовской духовной семинарии⁸⁵.

⁸³ Опуская следующий далее небольшой фрагмент статьи, отсылаем читателя к нашей специальной работе: *Медведев И. П.* «Меня манят архивы, пока я молод» (малоизвестные страницы биографии Н. П. Лихачёва) // ВИД. Т. XXIX. 2005. С. 278–284; ср. с. 358–365 настоящего сборника.

⁸⁴ См. о нем в последнее время: *Лебедева Г. Е., Морозов М. А.* Из истории отечественного византиноведения конца XIX – начала XX в.: И. И. Соколов // АДСВ. Вып. 29. 1998. С. 139–152.

⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Он. 1. Д. 1269. Л. 1–2.

Далее — из письма И. И. Соколова от 18 октября 1894 г. (с пометой Помяловского: «Отвн. 23/XI-94»):

Ваше Превосходительство! Я узнал из газет, что в С.-Петербургской духовной семинарии в настоящее время вакантна кафедра греческого языка, так как преподаватель этого предмета г. Бронзов приглашен в Петербургскую духовную академию. Желая занять эту вакантную кафедру, я ныне же вхожу к господину исполняющему обязанности Синодального Обер-Прокурора с прошением о перемещении меня в Петербургскую семинарию. Не благоугодно ли будет Вам, Ваше Превосходительство, походатайствовать за меня, пред кем следует, о предоставлении мне в Петербургской семинарии кафедры греческого языка. Усерднейше прошу Вас, высокочтимейший профессор, оказать мне Ваше внимание и содействовать моему перемещению в Петербург. Осмеливаюсь думать, что я имею некоторое право занять указанную вакансию, так как греческий язык был предметом моего специального изучения в духовной академии и моя магистерская диссертация — «Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII века (842–1204)» — написана преимущественно по греческим источникам. Свидетельствуя Вашему Превосходительству свое глубочайшее почтение, покорнейше прошу принять уверение в искреннейшем расположении Вашего всепокорнейшего слуги, магистра богословия *Ивана Соколова*, преподавателя Саратовской духовной семинарии⁸⁶.

О том, что ответ И. В. Помяловского был благоприятным, мы узнаём из письма И. И. Соколова из Саратова от 2 декабря 1894 г.

Ваше Превосходительство! — *пишет он*. — Письмо Ваше принесло мне великую радость. Наконец-то осуществилось мое заветное желание! От души благодарю Вас за благосклонное участие в моем положении и за содействие моему перемещению в Петербург. Всеми силами постараюсь как можно лучше выполнить назначение, которое Вам и Ученому комитету благоугодно ныне возложить на меня. Имею и твердое решение продолжать свои занятия в той научной области, к которой относится моя магистерская диссертация. Но заранее прошу Вас, высокочтимейший профессор, не оставить меня своим просвещенным содействием и руководством в моих будущих занятиях. Испытав Вашу глубокоученную

⁸⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Он. 1. Д. 1269. Л. 5–5 об.

помощь раньше, я теперь с большею энергиею и надеждою на успех приступлю к излюбленному делу.

В непродолжительном времени (*sic!*) я выезжаю в Петербург, так как официальная бумага о моем перемещении уже получена. Горю желанием еще раз и лично выразить Вам свою искреннюю признательность за незабвенную услугу.

Свидетельствуя Вашему Превосходительству свое глубочайшее почтение, почтительнейше прошу принять уверение в искреннейшем расположении Вашего покорнейшего слуги и почитателя *Ивана Соколова*⁸⁷.

Аналогичным образом неусыпной была забота И. В. Помяловского о судьбах учеников Н. П. Кондакова: Я. И. Смирнова («Не знаю уже, как Вас благодарить за помощь Я. И. Смирнову, — пишет по одному из таких поводов Н. П. Кондаков, — это мне так скрасило весь праздник, что даже веселее как-то стало. Теперь я знаю, что в Петербурге есть у меня такой сердечный ходатай и заступник, какого у других всю жизнь не бывает. Я. И. Смирнов написал мне два таких радостных и ликующих письма по этому поводу, что вчуже было приятно»)⁸⁸, Д. В. Айналова, Е. К. Редина («По случаю состоявшегося назначения Редина, — пишет Н. П. Кондаков, имея в виду назначение Редина профессором Харьковского университета, — приношу Вам глубокую признательность. Он мне сегодня пишет, что Вы были так добры к нему, как он никогда не мог бы ожидать ни от кого. Редина очень благородный и чувствительный юноша, и на этот раз Ваша отеческая заботливость о молодых людях не досталась на долю современного *Streber*'а, как Дружинин и Платонов. Полагаю, что служба и жизнь в Харькове помогут Редину стать вполне на свои ноги и в ученом деле — это не Петербург, где толчея решительно мешает сосредоточиться»)⁸⁹.

⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1269. Л. 6–6 об.

⁸⁸ Там же. Д. 868. Л. 79 об. – 80 (письмо от 12 января 1895 г.).

⁸⁹ Там же. Л. 8 (письмо от 7 февраля 1893 г.). Ср. также письмо Н. П. Кондакова к Помяловскому от 3 января 1895 г.: «Теперь позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбою приютить диссертацию Е. К. Редина и поверить мне, что она собственно готова и достойна напечатания... Диссертация будет заключать много нового по иконографии. Не поскупитесь на рисунки: более 400 рублей они не будут стоить, а лишнего ничего нет — я сам отбирал их» (Там же. Л. 77 об.).

Немало полезного, судя по письмам, сделал И. В. Помяловский и другим ученым, в том числе и маститым: Ф. И. Успенскому в деле о субсидиях для организованного последним в Новороссийском университете Византийского отделения Историко-филологического общества⁹⁰; Н. Ф. Красносельцеву в деле занятия им кафедры церковной истории в Новороссийском университете в 1889 г. и получения ординатуры в 1892 г. («Занятия мои излюбленным предметом могут теперь пойти по более вольной дороге и более спокойно и в лучшей обстановке», — пишет Красносельцев из Одессы 25 октября 1892 г. и благодарит за хлопоты)⁹¹; архим. Антонину Капустину — в подготовке к печати второго тома его известного труда «Поездка в Румелию» (в письме из Иерусалима от 18 ноября 1886 г. о. Антонин благодарит Помяловского за известие об успешном завершении труда, извиняясь за доставленное беспокойство: «Чего стоило даже прочесть мое микроскопическое послание... мое пустословие... Я умилялся до скорби, помышляя, что все это было предметом дорогой заботы Вашей, не знавшей, может быть, покоя и отдыха. Я дал обет при этом изыскать способ сделать для Вас что-нибудь приятное и братски простираю к Вам руку, прося Вас от искреннейшего сердца помочь мне в том; укажите, что может занимать боголюбивый и любознательный дух Ваш и что подручно мне выполнить, по моему положению в местах, полных высокого и разнообразного интереса; да будет по мольбе моей!», а в письме от 1 декабря 1886 г. извещает, что в знак признательности за опеку над «печатанием моих дорожных фантазий 1865 года» посылает Помяловскому в подарок с медиком

⁹⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1356. Л. 3–4 об. (письмо Ф. И. Успенского от 15 сентября 1892 г.: «А. А. Павловский сообщил мне, что он имел с Вами разговор по вопросу о пособии обществу и что Вы изъявили готовность навести предварительные справки о том, как может быть принято наше ходатайство. Само собой разумеется, лучше поднимать дело с некоторой надеждой на успех, поэтому я предпочитаю несколько времени обождать. А между тем позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: не откажите сообщить, может ли наше общество, для развития своего византийского отделения, рассчитывать на ежегодное пособие от министерства, и в какой сумме. Считаю нужным присоединить, что в ходатайстве нашем центр тяжести будет лежать в византийских занятиях, поощрение коих требует таких средств, какими общество не располагает»); л. 5–5 об. (письмо от 9 октября 1892 г.: «А. Ф. Бычков писал мне даже о возможности византийского органа на русском языке, но при наших скудных средствах об этом нечего и думать»).

⁹¹ Там же. Д. 892. Л. 32–33 об., 47 об. — 49.

Дионисием Феодоровичем Решетилло «голову безносого Аполлона, найденную предположительно где-нибудь между Египтом и Палестиной, — в Вашу личную собственность, несмотря на существующую на ящичке музейную надпись. Благоволите принять сие мое приношение. Работа предмета весьма изящна. Что же касается отбитого носа у полубога, то после факта отсечения самой головы у его тела это же можно считать не заслуживающим внимания. Да чуть ли и не в моде было на старом Олимпе отбивать друг у друга нос. Я помню, в Афинах можно видеть сотнями мраморные головы, наполовину безносые, — и божеские и человеческие»⁹².

Список благодетельствованных Помяловским деятелей науки можно продолжать до бесконечности. Вот еще несколько весьма выразительных примеров.

Считаю для себя весьма приятным долгом, — *пишет ему 7 января 1891 г. из Киева А. А. Дмитриевский*, — выразить Вам мою глубокую сердечную благодарность за то доброе слово, которое, по просьбе любезнейшего Дмитрия Феодоровича (Беляева. — И. М.)⁹³, Вы замолвили за меня в Учебном комитете. Счастливым и даже, могу сказать, неожиданным для меня и многих других исход

⁹² ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 523. Л. 16–16 об., 18–18 об.

⁹³ См. письмо Д. Ф. Беляева от 30 июня 1890 г.: «Многоуважаемый и любезнейший Иван Васильевич! В истекшем мае Вам была послана книжка доцента Киевской академии г. Дмитриевского «Путешествие по Востоку», из которой Вы могли увидеть, что г. Дмитриевский много занимался изучением рукописей разных богослужебных книг и отдельных обрядов. Теперь г. Дмитриевский, у которого я видел массу списков и довольно много купленных им рукописей, просит чрез Совет Академии у Св. Синода пособие на издание наиболее важных и древних из собранных им списков, которые значительно пополняют и освещают историю богослужебных обрядов Православной Церкви. Сам г. Дмитриевский горячо предан своему делу и, кажется, обладает достаточными сведениями для издания своих списков. В виде того, что Св. Синод без сомнения передаст ходатайство Совета Киевской Академии на Ваше заключение или также на заключение учебного комитета, то Вы своим влиятельным голосом можете оказать сильную поддержку г. Дмитриевскому, достойному всякой поддержки энтузиасту своего дела. Если у Вас в комитете будет сомнение относительно способности г. Дмитриевского издать собранный материал, то Вы можете затребовать у него издаваемые им в Трудах Казанской Академии списки, кажется, литургии, которых напечатано уже листов 10 и которые я видел у него в корректурных листах» (Там же. Д. 563. Л. 48–48 об. Ср. также л. 56–57 об.).

моей просьбы о субсидии на издание вывезенных мною с Востока материалов я приписываю всецело Вам, Вашей снисходительно-милостивой рекомендации. Ассигнованные хозяйственным управлением при Синоде деньги, 3500 рублей, уже получены правлением нашей Академии, и с половины генваря я думаю приступить к печатанию. В первый том войдут материалы, относящиеся к церковному уставу. Ввиду обилия их первый том распадается на две части: первая будет обнимать так называемые ктиторские уставы (типикὰ κτητορικὰ) с VI–XIII вв. (все типиконы издаются в первый раз), и во вторую войдут уже материалы, относящиеся к типикону иерусалимскому или обители Саввы Освященного. Тщательностью издания и свежестью материалов, ценных и в научном отношении, буду стараться оправдать Вашу добрую рекомендацию⁹⁴.

Также с «подачи» Д. Ф. Беляева Помяловский помог с публикацией найденных профессором Казанского университета А. И. Александровым⁹⁵ на Афоне списков болгарской и сербской редакций служб свв. Кириллу и Мефодию⁹⁶ (при этом соответствующие письма Беляева⁹⁷ и Александрова⁹⁸ Помяловскому подробнейшим образом освещают историю этих поисков, находок и самой публикации этих текстов, — ценнейший материал, заслуживающий отдельной публикации). Из письма И. В. Помяловского к Хр. М. Лопарёву от 31 декабря 1887 г. становится ясным, что именно Помяловский порекомендовал гр. С. Д. Шереметеву Лопарёва для описания его библиотеки, посоветовав последнему не отказываться: «Это Вам пригодится впоследствии»⁹⁹. И наконец, нельзя не отметить ту огромную личную услугу, которую И. В. Помяловский оказал своему другу — Н. П. Кондакову.

⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 748. Л. 1–1 об.

⁹⁵ Об Александре Ивановиче Александрове (1861–1918), будущем ректоре Петербургской духовной академии еп. Анастасии, см.: Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 49–50.

⁹⁶ Александров А. Служба святым славянским апостолам Кириллу и Мефодию в славянском списке XIV века // РФВ. Вып. 19/2. 1893. С. 199–203; *Он же*. Служба св. Кириллу учителю славянскому // ПДП. Вып. 107. 1895. С. 1–27.

⁹⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 83–83 об. (письмо от 23 сентября 1891 г.), 84–85 об. (4 октября 1891 г.), 86–87 (25 октября 1891 г.), 90–91 об. (28 ноября 1891 г.).

⁹⁸ Там же. Д. 508. Л. 1–11 об. (7 писем за 1892–1894 гг.).

⁹⁹ Предсказание И. В. Помяловского сбылось: Лопарёв не только выполнил описание библиотеки гр. С. Д. Шереметева, опубликовав результаты своего труда, но и был назначен им секретарем Общества любителей древней пись-

Дело в том, что по состоянию здоровья (с молодости страдал чахоткой) и по настоянию врачей Н. П. Кондаков в начале 1893 г. покидает Петербург и фактически переезжает на жительство в Ялту (зимние месяцы этого года он провел в Каннах), оставаясь, благодаря стараниям Помяловского, профессором Петербургского университета, регулярно получая переводимое тем лично жалование, квартирные и т. д., — факт, обычно не отмечаемый его биографами. Состояние это сохранялось по крайней мере вплоть до 1898 г. (далее сведений не имеем), вызывая у Кондакова постоянные угрызения совести.

Итак, Вы видите, — *пишет он 10 марта 1893 г. Помяловскому*, — что я действительно не знаю, как мне благодарить Вас за все любезности, Вами расточаемые то мне, то ученикам! Однако не по чувству лишь благодарности за Ваше внимание, но и потому, что, будучи сам отныне бессилен руководить этих молодых людей (*sic!*), я ишу им Вашей поддержки, прошу Вас за Смирнова. Не могу не сказать при этом случае, что ожидаю от него основательных работ, которые помогут поставить бедную археологию, загубленную любителями вроде Бобринского, на должную ногу¹⁰⁰.

Из других писем Н. П. Кондакова — от 17 июня 1893 г.: «Судя по тому, как идет мое здоровье, моя служба в Петербурге кончилась, и все мои работы сосредоточиваются уже на том, как бы мне получить полную пенсию в 3000 р. (что для меня, при моих средствах, очень существенно), а не 2400, и как бы устроить кафедру с достойным представителем на будущее время»¹⁰¹; от 1 сентября 1893 г.:

менности, сменив на этом посту именно И. В. Помяловского. Судя по письму Д. Ф. Беляева к Помяловскому от 25 октября 1891 г., последнему это решение Шереметева не доставило удовольствия. «Никак не предполагал, — пишет Беляев, — что Вы уже не состоите секретарем О. Д. П. Я считал и считаю Вас столпом и фактическим руководителем этого общества и никак не думал, что граф Шереметев сам пожелал лишиться такого компетентного советника. Теперь, само собою разумеется, Вам неудобно предлагать новые печатания, и я совершенно разделяю Ваши чувства и понимаю Ваше намерение выйти из состава Общества» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 86).

¹⁰⁰ Там же. Д. 868. Л. 13.

¹⁰¹ Там же. Л. 23–23 об. В этом же письме, обсудив альтернативу, что лучше: «послать теперь Я. И. Смирнова за границу или побудить его к написанию до отъезда магистерской диссертации по избранной им теме о сасанидских блюдах», и отдавая предпочтение второму варианту, Н. П. Кондаков пишет: «Тогда Пб. унив. имел бы уже на мое место готового преподавателя и истинно

«Вы не первый раз слышите от меня, как тревожит меня моя будущая служба. Конечно, я поспешил бы освободить факультет от негодного члена, если бы мне не угрожало, во-1-х, лишение полной пенсии и, во-2-х, переход кафедры в недостойные руки»¹⁰²; от 24 января 1894 г.: «Подивился Вашему искусству получить жалованье, когда командировка мне еще не разрешена и, следовательно, я стою вне закона. Не могу не сказать, что я стал так спокойно относиться к своей судьбе именно благодаря Вам и Вашему заступничеству»¹⁰³; от 1 апреля 1894 г.: «Уже я не могу теперь (физически не могу) долго работать за столом... Весь март кровохаркание... Итак, или мне остается выйти в отставку, если мне дадут полную пенсию, или дослуживать ее здесь на юге, хотя бы в Институте (имеется в виду РАИК. — И. М.)»¹⁰⁴; от 14 июня 1894 г.: «Вы, вероятно, услышите в Петербурге, что я хотел было тоже проситься в Константинополь директором Института, но размышление меня убедило, что я опоздал во всех отношениях. Все дело в том, что, опасаясь с отставкою не получить полной пенсии, я придумал было (с Вас<илием> Григ<орьевичем>)¹⁰⁵ проситься в командировку на 2 года для первой организации Института. Теперь я думаю, что подобная посылка на время должна быть сочтена крайне неудобною формою устройства Института. Об этом я еще буду писать Вам, причем отдать решение в Ваши руки»¹⁰⁶; от 6 января 1897 г.: «Я на Вас положился, как на каменную гору, и верю, что Вы меня не выдадите и не лишите последнего прибежища. Ведь если меня так или иначе удалят из университета, к чему я могу пристроиться, живя здесь, в Ялте? Очевидно, никуда мне не удастся (*sic!*), и, следовательно, я буду совершенно отрезан от Петербурга. Отрезанный ломоть, как известно, черствеет. И без того мне тяжело мое уединение, и самые занятия по временам кажутся странною причудою»¹⁰⁷; и т. д.

достойного, а я мог бы почитать свое дело сделанным, посадив в первом университете настоящего ученого по этой кафедре» (л. 23).

¹⁰² ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 868. Л. 30–30 об.

¹⁰³ Там же. Л. 46.

¹⁰⁴ Там же. Л. 52 об.

¹⁰⁵ По-видимому, вопрос этот В. Г. Васильевский и Н. П. Кондаков обсуждали во время пребывания первого в гостях у второго в Ялте в мае 1894 г.

¹⁰⁶ Там же. Л. 56 об.

¹⁰⁷ Там же. Л. 126–126 об. Справедливости ради следует отметить, что, по крайней мере, своих ближайших учеников (Я. И. Смирнова, Д. В. Айналова, Е. К. Редина и др.) Н. П. Кондаков не выпускал из поля зрения ни на минуту, руководя ими при помощи интенсивной переписки, а когда надо (например, при

Все, однако, обошлось; более того, уже 25 июля 1894 г. Кондаков благодарит Помяловского из Лозанны за письмо с «утешительными новостями» не только о фактически бессрочном продлении «командировки», но и о возведении его в звание заслуженного профессора¹⁰⁸. Ясно, что основная заслуга в сохранении «карьерного статуса» Н. П. Кондакова во все эти годы принадлежала И. В. Помяловскому.

Переписка из фонда Помяловского позволяет сделать немало уточнений к биографии ученых, а в некоторых случаях и вообще заново написать биографии тех или иных деятелей науки. К последним относится, например, такой неоднократно цитировавшийся нами видный русский ученый, выдающийся специалист по византийской археологии, как член-корреспондент ИАН Д. Ф. Беляев (1846–1901)¹⁰⁹, в судьбе которого, да и в чисто человеческих качествах, много общего с судьбой самого Помяловского: выпускник Петербургского университета (1871), он также начинал как классик (в 1875 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Омировские вопросы», в 1878 г. — докторскую на тему «К вопросу о мировоззрении Еврипида»), став затем крупным историком-византинистом и посвятив все последние годы жизни углубленной разработке «археологического» материала, почерпнутого из Придворного устава (= *De cerimoniis*) Константина VII Багрянородного. «Если бы после Д. Ф. Беляева остались только две книги его *Byzantina*, — говорит об этом труде ученого С. А. Жебелёв (а ведь посмертно вышел и третий том)¹¹⁰, — то и этого наследия было бы с избытком достаточно для того, чтобы признать его заслуги для византиноведения незабвенными»¹¹¹. 145 писем Беляева,

просмотре диссертаций), то и призывая их к себе в Ялту, которая была для них, таким образом, своеобразной Меккой.

¹⁰⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 868. Л. 61.

¹⁰⁹ См. о нем: *Шестаков С. Д. Ф. Беляев (некролог)* // ЖМНП. Ч. 336: Современная летопись. 1901. Июль. С. 9–31; *Жебелёв С. Дмитрий Федорович Беляев* // ВВ. Т. VIII. 1901. С. 351–355.

¹¹⁰ *Беляев Д. Ф. Byzantina: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям*. СПб., 1891. Кн. 1 (Обзор главнейших частей Большого дворца византийских царей; приложение: материалы и заметки по истории византийских чинов); 1893. Кн. 2 (Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX–X в.); 1907. Кн. 3 (Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя).

¹¹¹ *Жебелёв С. Дмитрий Федорович Беляев*. С. 355. К сожалению, видимо, в мире нет ничего незабвенного: если мы посмотрим недавно опубликованную

написанных и отправленных к Помяловскому в период с 1875 по 1897 г., дают прекрасную картину того, как готовился и создавался этот труд, сообщая о его авторе много полезной информации, которая к тому же может быть дополнена сведениями из писем других коллег. Так, от Ю. А. Кулаковского мы узнаём подробности о поразившем Беляева осенью 1897 г. тяжком неизлечимом недуге, лишившем его возможности трудиться вплоть до конца жизни (умер в марте 1901 г.), и о странном поведении его близких, особенно жены.

Эта дама, т. е. *М-те* Беляева, немножко синий чулок, — пишет Кулаковский из Казани 15 мая 1898 г., — и с большими претензиями, разыгрывала на моих же глазах роль нежной супруги, ухаживающей за тяжело больным мужем... а 5 мая таинственно исчезла (вместе со старшей дочерью, барышней лет 18), оставив мужу и его приятелю, проф. Будде, таинственные письма... Как и надолго ли они исчезли, много ли денег взяли — неизвестно... Такое событие могло бы вконец убить Дм<итрия> Фед<оровича>, и можно даже удивляться, что его состояние не ухудшилось. Я его часто навещаю и подолгу остаюсь у него, равно как и Будде. На днях побывали у него и другие кое-кто. Речь у него трудная, и порой только догадываешься, что он хочет сказать. С ним осталась младшая дочь, 15 лет, получившая от матери письмо с наставлениями о хозяйстве, сын гимназист 16 лет, кажется, не очень прилежный ученик VI класса, и бывшая их бонна француженка, ставшая русской. По-видимому, *М-те* давно уже чудила и, быть может, приготовила мужа к странным пассажирам. Теперь, когда все этот факт обсуждают, рассказывают и о таких ее поступках, которые позволяют сомневаться в ее здравом смысле, вроде жалоб на сына попечителю округа, изложенных письменно, а сын ее вовсе не производит впечатления отбившегося от рук юноши, и мальчик, кажется, способный и толковый¹¹².

Два года спустя, по приезде в Казань, Ю. А. Кулаковский снова навещает Д. Ф. Беляева и шлет Помяловскому подробный отчет о состоянии последнего (письмо от 17 мая 1900 г.):

книгу П. Магдалино как раз о тех вещах, которым посвящены исследования Д. Ф. Беляева (*Magdalino P. Constantinople médiévale: Études sur l'évolution des structures urbaines. Paris, 1996*), то не обнаружим никаких ссылок на Беляева.

¹¹² ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 908. Л. 45–46 об. Ср. также л. 49 об. (письмо Ю. А. Кулаковского от 23 мая 1898 г.).

Побывал я у него немедленно по прибытии, захожу нередко и теперь, хотя эти посещения ничего, кроме самого тяжелого чувства, не оставляют. Я ожидал найти его таким, как можно было себе представить по его же письмам в январе и марте; но оказалось иное. На страстной был у него второй удар. Ближайшие его последствия уже прошли ко времени моего приезда (у него было перекошено лицо), но говорит он с величайшим трудом, замолкая часто на половине простой фразы, забывая слова и далеко не внятно. Как будто есть и некоторая умственная подавленность. Что до движения, то в этом отношении дело обстоит лучше, чем два года назад: он передвигается сам, без чужой помощи — опираясь на палку, подвигает вперед правую пораженную часть корпуса. Жена решила переехать со всей семьей в Петербург и осуществит этот план, кажется, в конце июня. Она так же, если еще не больше, уверена в своей непогрешимости и высоких достоинствах во всех отношениях, как и прежде, и гордо говорит о себе и своих поступках и решениях. Дочь, бежавшая тогда от больного отца, находится теперь здесь: приехала в начале мая с курсов. Она «убежденная» барышня и кандидатка в синие чулки не хуже матери. Тюфяксын кончает курс в гимназии, и мать подбила его заявлять, что он хочет поступить на восточный факультет, хотя ни склонности, ни способности к изучению языков он не обнаружил и не признает за собой. Нужно же это затем, чтобы мать могла сказать, что она «должна как мать, понимающая интересы детей», переехать в Петербург. Казань и казанцев она ругает на все лады. Она давно разошлась со всеми, да, по-видимому, и сам Беляев мало с кем был близок. Посещают его лишь два-три человека через несколько месяцев. Он сам при первом свидании усиливался сказать, что жаль оставлять свой дом, свой сад, где все привычное и родное. Корсаков высказывал предположение, что *М-те*, переехав в Петербург, хочет поместить его куда-нибудь в больницу, чтобы отделаться от лишней обузы. Может быть, это и так. Книги Беляева в огромном количестве находятся в продаже у букинистов. Она (т. е. жена Беляева. — *И. М.*) говорит, будто он сам сделал выбор. Кое-какие свои брошюры, одну Вапу купил и я. Видел брошюры Латышева, Дмитриевского, книги здешних профессоров. Он говорит, что его библиотека хранится в кабинете Айналова, но что там есть, не знаю. В продаже я видел почти исключительно русские книги и брошюры и много такого, что не нужно действительно, напр.: отчеты по управл<ению> Кавказ<ским> окр<угом>. Во всяком случае, сортировка сделана нелюбезно в отношении

авторов, посылавших свои писания Дм<итрию> Фед<оровичу>. Вот Вам отчет о положении бедного больного¹¹³.

Тема болезней и смертей известных русских византинистов нередко (и это, наверное, естественно) затрагивается в письмах корреспондентов Помяловского. В последнее время нам довелось опубликовать несколько материалов о болезни (коварной и малопонятной, на которую он сам смотрел «с покорным недоумением») и кончине «российского византиниста № 1» — В. Г. Васильевского¹¹⁴. Переписка Помяловского также содержит упоминания об этом драматическом событии. Во-первых, о ходе болезни Помяловскому сообщает Васильевский.

Пройдя курс молочного лечения, — пишет он 14 декабря 1898 г., — причем я две недели подряд питался исключительно одним молоком — по совету Бертенсона¹¹⁵, я, по-видимому, вступил, наконец, на путь к действительному выздоровлению, а до сих пор были колебания то в одну, то в другую сторону; около половины ноября было даже очень худо. Начиная опять мечтать об Италии, о Риме. Из комнаты меня, однако, еще не думают выпускать. Хочу еще раз устроить совещание (консилиум) с Бертенсоном, который мне очень понравился. Но дай Бог, чтобы в нем не нуждались. Да и стоит это недешево¹¹⁶.

Из письма Васильевского от 27 февраля 1899 г.:

Дорогой, высокоуважаемый Иван Васильевич! Я собираюсь в будущую субботу уехать в Италию — на первый раз во Флоренцию, и пробыть в сем последнем прелестном городе месяца два или более. Нет ли у Вас там знакомых? Не будет ли поручений? Говорят, что тамошний священник интересуется Византиею, но я не знаю его имени и фамилии¹¹⁷, да и Регель, который сообщил мне такую подробность, не помнит ничего более... Модестов в Риме, писал

¹¹³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 908. Л. 98–98 об. Как известно, Д. Ф. Беляев окончил свои дни именно в Петербурге и именно его жена (З. В. Беляева) предоставила его фотографию для опубликования в третьем (посмертном) томе его «*Byzantina*».

¹¹⁴ Медведев И. П. Quiescat in pace: к 100-летию со дня смерти В. Г. Васильевского: Глава «Последний год жизни» из неопубликованной монографии И. М. Гревса // ВВ. Т. 58 (83). 1999. С. 220–236; ср. с. 332–357 настоящего сборника.

¹¹⁵ Известный петербургский доктор Л. Б. Бертенсон.

¹¹⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Он. 1. Д. 623. Л. 8–8 об.

¹¹⁷ Протоиерей Владимир Левицкий, который затем и похоронил В. Г. Васильевского. См.: Бибиков М. В. Нис situs est... // ВВ. Т. 55 (80). 1994. С. 22–23.

мне два раза восторженные письма о тамошнем солнце и тепле, но я все-таки боюсь ехать прямо в Рим. Душевно преданный Вам В. Васильевский¹¹⁸.

А уже 19 мая 1899 г. Ю. А. Кулаковский пишет Помяловскому из Одессы:

Сегодня Деревницкий мне сказал, что в газетах было известие о смерти дорогого мне еще по детским воспоминаниям Васильевского. Я был в те дни в отсутствии и тщетно ищу в газетах каких-либо сведений о горестном событии. Из письма Соболевского я знал, что бедному Вас<илию> Григ<орьевичу> делали в Италии какую-то операцию и что он вообще ненадежен, но так хотелось надеяться, что он еще оправится в итальянском тепле и свете, куда он стремился. Все здесь с величайшим сочувствием относятся к горестному событию, и кто мог знать покойного и не почувствовать к нему глубокого уважения и теплой любви. Мир ему¹¹⁹.

Менее драматичный факт из жизни А. А. Дмитриевского сообщает Ю. А. Кулаковский в письме к Помяловскому от 12 февраля 1899 г.: «С Димитриевским (*sic!*) 4 числа на лекции в Академии случилось нечто вроде удара. Более получаса он был в беспамятстве, два дня пролежал в Академии. 6 числа я его видел уж дома. Наружно он совсем поправился, воспрещены ему, конечно, всякие занятия. Здесь теперь его невеста, очень милая и совсем юная особа»¹²⁰ (ср. его же письмо от 22 ноября 1899 г.: «Сегодня посетил нас впервые Димитриевский (*sic!*) с молодой женой. Он очень поправился и выглядит бодро. Она очень недурна собой и вообще миловидна»¹²¹).

Такого рода «фактиков» из жизни видных уже в то время или впоследствии ученых «рассыпано» в письмах корреспондентов Помяловского множество. От того же Кулаковского узнаём сведения о Н. М. Благовещенском («Мир праху Благовещенского! Большой был в свое время человек. Я узнал его только развалиной. Читая Вами написанный некролог, так живо вспомнил я старика, дружелюбно искренне беседовавшего со мною в январе текущего года»)¹²², о молодом Д. М. Петрушевском («У нас предстоит диспут по всеобщей

¹¹⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 623. Л. 36–36 об.

¹¹⁹ Там же. Д. 908. Л. 79 об.

¹²⁰ Там же. Л. 68 об.

¹²¹ Там же. Л. 88 об.

¹²² Там же. Д. 907. Л. 58 (письмо от 18 октября 1892 г.).

истории 9 марта бывшего здешнего студента Петрушевского, кажется, претендента на кафедру в Варшаве. Человек он бойкий, только связь с ненадежным — не умею иначе выразиться — Лучицким является своего рода “но” в этом человеке, который уже вставил грубую полемику с Максимом Ковалевским в свою книгу и, вероятно, не без связи с отношением Ковалевского к Лучицкому за его статистику французского землевладения в пору революции»)¹²³, о С. Ф. Платонове («Сегодня увенчали мы лаврами докторства Вашего сослуживца Платонова. Оба оппонента были с ним чрезвычайно любезны, очень хвалили его книгу и своим замечаниям не давали тона нападок или упреков. Иконников входил в детали, а Голубовский поделился с ним интересными соображениями насчет причин (вероятных) поведения западной Северщины в Смутное время, желая знать его мнение по этому возбужденному им вопросу. Затем последовала похвала книги от Завитневича, и диспут закончился провозглашением С<ергея> Ф<едоровича> доктором русской истории. Публики было очень много, так что я даже подивился многолюдству. После диспута был дружеский обед у Иконникова, затянувшийся на очень долгое время, так что я только к 9 часам попал домой»)¹²⁴, и т. д.

Особенно любопытными представляются сведения о знаменитом греческом византинисте Спиридоне Ламбросе (1851–1919), сообщенные Помяловскому В. К. Ернштедтом в письме из Афин от 10 марта 1882 г.

С Спиридоном Ламбросом, — *пишет он*, — я действительно знаком; поэтому Вашу просьбу исполнить было весьма нетрудно. Так как со времени отправления Вашего письма прошел уже почти месяц, я думал, что книги, обещанные Вами, уже получены. Но Ламброс мне сказал, что разные обстоятельства (переделка квартиры, болезнь ребенка) помешали ему. Он думает послать их завтра, в четверг. В Университете он уже не читает более. Он обиделся за то, что его обошли, назначили профессором истории человека, ровно ничего не сделавшего, тогда как Ламброс, в самом деле, пишет и издает больше, чем весь афинский филологический факультет. При Кумундурсе случались крайне странные назначения, а хороших людей обходили. Впрочем, Ламброса вообще что-то не любят и не ценят, даже студенты. Он производит впечатление выскочки, вечно суетится и лезет вперед. Но он имеет хорошие познания

¹²³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 908. Л. 6 об. (письмо от 28 февраля 1897 г.).

¹²⁴ Там же. Л. 84–84 об. (письмо от 3 октября 1899 г.).

(в особенности по палеографии) и работает непрерывно и быстро, даже, пожалуй, слишком быстро. Во всяком случае, заменить его в здешнем университете некому, и я не сомневаюсь, что он со временем добьется-таки профессоры (следует указание на некоторые публикации Ламброса. — И. М.)¹²⁵.

Из византиноведческих новостей, которые широко обсуждались на страницах писем, можно упомянуть вести о выходе в свет журнала «*Byzantinische Zeitschrift*» (например, В. К. Эрнштедт в письме от 4 июля 1892 г.: «Говорят, что первая книжка *Byzantinische Zeitschrift* Крумбахера уже вышла. Интересно!»¹²⁶), об основании «Византийского временника» (например, Д. Ф. Беляев в письме от 8 февраля 1893 г.: «Очень рад, что *Regel* задумал издавать Византийское Обозрение»¹²⁷. Дай Бог ему успеха. Если никто из русских не берется за это дело, то можно благодарить и немца за благое предприятие. Только вряд ли он долго продержится, если ему не поможет какое-нибудь учреждение»¹²⁸; он же в письме от 2 октября 1893 г.: «На днях я получил от Вас<илия> Гр<игорьевича> очень приятное известие о том, что Академия взяла в свои руки издание Визант. Обозрения, которое предполагал сначала издавать г. Регель. От души рад такому обороту дела и сердечно желаю Византийскому Обозрению всяческого успеха. При тех условиях, при которых будет Академиею издаваться журнал, дело без сомнения пойдет успешно и будет вестись без перерывов, которые возможны были бы, если бы стал издавать журнал г. Регель на свои средства, на свой риск и страх. Вас. Гр. Васильевскому только будет трудненько приходиться: редактировать два журнала штука не легкая, а здоровьем он похвастаться не может»¹²⁹), но особенно много — об открытии Русского археологического института в Константинополе. В частности, сумятицу вызвало предпочтение, отданное «инстанциями» Ф. И. Успенскому в качестве директора перед Н. П. Кондаковым. Характерны в этом отношении письма Д. Ф. Беляева.

¹²⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 779. Л. 4–4 об.

¹²⁶ Там же. Л. 29–30.

¹²⁷ Предполагавшееся вначале название «Византийского временника». Историю с переименованием журнала см.: Медведев И. П. К истории основания «Византийского временника»: Неизвестные документы и факты // РХВ. Вып. I. 1997. С. 236, примеч. 20.

¹²⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 122.

¹²⁹ Там же. Л. 131.

Кандидатуру Ф. И. Успенского на должность директора Византийского института, — пишет он И. В. Помяловскому 28 января 1893 г., — нельзя не одобрить: он человек вполне достойный, подходящий для этого и охотно возьмется за это дело. Но опять-таки при этом вопросе невольно вспоминается Ник. Павлов. Кондаков. Не знаю, как он теперь думает, но два года назад он желал попасть на должность директора института в Константинополе, и ввиду невозможности для него жить на севере Константинополь, быть может, был бы удобным местом для его деятельности и приложения его обширных знаний в области византийской археологии. Но, конечно, теперь обстоятельства могли измениться и, быть может, Ник<одиму> Павл<овичу> даже нельзя теперь по состоянию здоровья взять на себя обязанности директора¹³⁰.

Он же в письме от 15 августа 1894 г.:

Ваши (т. е. И. В. Помяловского. — И. М.) опасения за институт мне кажутся совершенно правильными и основательными. Я думаю так же, как и Вы, что назначение двух историков (имеется в виду: Ф. И. Успенского на пост директора и П. Д. Погодина на должность ученого секретаря РАИК. — И. М.) может <быть> опасным для судьбы института. Дай Бог, конечно, но, побывав в Константинополе, я еще больше убедился, что в институте должны быть *опытные* (выделено автором. — И. М.) археологи, т. е. не только научно образованные, но и набившие руку и приучившие глаз к распознаванию археологических предметов и определению их значения и стоимости. Здесь предлагается масса археологических предметов для покупки, и на представителей археологического института и частные лица, и учреждения имеют право смотреть, как на высшую инстанцию в археологических вопросах. А между тем оба представителя института совершенно неопытные в археологических вопросах, и какой-нибудь Беглери¹³¹,

¹³⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Он. 1. Д. 563. Л. 118 об. – 119. Ср. также л. 139 об., 142, 144 («Вчера я получил письмо от Н. П. Кондакова, который теперь сожалеет, что он отказался от места директора института, благополучно прошедшего в Государственном совете в начале мая. Но сожаление Н. П. мотивируется желанием выслужить полную пенсию, прослуживши еще два года»).

¹³¹ Г. П. Беглери (Веглерис) (1850–1923). О нем см.: Россия и Православный Восток. Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г. П. Беглери к проф. И. Е. Троицкому 1878–1898 гг. / Изд. Л. А. Герд. СПб., 2003.

не говоря уже о Мордтмане¹³², окажется больше археологом, чем русские представители археологии в Константинополе. Вообще, вышло нечто неожиданное и загадочное. Ал. Ив. Нелидов, с которым я беседовал несколько раз об институте, также ожидал, что по крайней мере секретарь будет археологом, и был немало смущен назначением Погодина. Он затевает раскопки в Ефесе, но без археолога эти раскопки будет вести трудненько¹³³.

Аналогичным образом реагировал на события, связанные с основанием РАИК, и сам Н. П. Кондаков. «Правда ли, что дело об Институте в Константинополе опять пошло в ход на будущую сессию Гос. совета? — спрашивает он Помяловского в письме из Ялты от 7 декабря 1893 г. и продолжает: — Если бы открытие этого Института состоялось, я мог бы дослужить свои три года в Константинополе, конечно, если бы меня взяли в директора Института»¹³⁴. Как мы видели выше, менее оптимистичен он в письме от 14 июня 1894 г.¹³⁵ Окончательный же вариант с назначением руководства РАИК еще больше озадачил академика.

Что Вы мне пишете о назначении Погодина секретарем, — *отвечает он Помяловскому из Лозанны 25 июля 1894 г.*, — я знал ранее или, вернее, о том догадывался. И все-таки это было для меня своего рода ударом. В. Г. Васильевский обещал мне написать особенно внушительное письмо о необходимости иметь секретарем археолога, и — увы! — ничего не вышло. Немцы ранее нас знали в Афинах и смеялись заранее, что в Русском Археологическом институте не будет вовсе археологов: я не верил. Как бы ни кончилось, однако, дело назначения, все же, слава Богу, дело начато. Пусть бы только директор и секретарь не отталкивали молодых людей и не притесняли — дело все равно само пойдет¹³⁶.

¹³² А. D. Mordtmann — один из основоположников византийской сфрагистики. См. о нем: Code K. A. Д. Мордтман младший (1837–1912) и начало византийской сигиллографии // ВВ. Т. 60 (85). 2001. С. 178–182.

¹³³ ОР РНБ. Ф. 608. Он. 1. Д. 563. Л. 153–154.

¹³⁴ Там же. Д. 868. Л. 40–40 об.

¹³⁵ Там же. Л. 56 об.

¹³⁶ Там же. Л. 62. Ср. л. 68 об. (письмо от 2 октября 1894 г.): «Получил сегодня письмо от Дм. Фед. Беляева — разносит образованный Арх. Институт в Константинополе. С большим чутьем и знанием дела Дм. Фед. угадал, что роль вещественной археологии в Константинополе громадная, палеографии — ничтожная, а истории — отрицательная. Увы, увы! Виновны в этом В. Г. Васильевский и Л. Н. Майков».

Весьма ценной представляется содержащаяся в письмах корреспондентов Помяловского информация об их экспедиционной деятельности. Так, любопытные данные сообщает о своей поездке на христианский Восток в письме из Казани от 23 октября 1888 г. Н. Ф. Красносельцев («Вот уже более недели, как я возвратился из своего долгого путешествия... в Палестине я пробыл месяц, месяц же на Афоне, 10 дней в Афинах. Везде рылся в библиотеках. Не могу сказать, что-нибудь особенно важное, но кое-что для себя все-таки нашел»)¹³⁷, который письмом из Одессы от 24 марта 1893 г. снова извещает Помяловского о своем желании вместе с Д. Ф. Беляевым

...предпринять экскурсию в Константинополь для изучения на месте топографии храма св. Софии и некоторых других: для меня это было бы очень удобно и поучительно... Как бы то ни было, я все-таки намерен опять ехать, если холера не помешает, на Афон, а буде удобно будет в Александрию и Каир. Последний город меня очень привлекает, так как там в Синайском метохе хранится, говорят, значительная часть Синайской библиотеки, почти неразобранная... Архиепископ Синайский мне несколько знаком и доставил бы мне удобство¹³⁸

(он же в письме из Одессы от 15 июня 1894 г.: «Лето не за горами, и пора мне подумать о переселении на дачу, т. е. за море. Не думал я ныне делать это, но подвертывается очень уж соблазнительная компания — Д. Ф. Беляев и А. Н. Деревницкий. Путешествие в такой компании и не скучно будет, да и полезнее, чем в одиночестве. Не знаю только, далеко ли поедем. Д<митрий> Ф<едорович> не прочь простеречься (*sic!*) до Иерусалима, и я тоже не прочь, но боюсь, что животов моих не хватит»¹³⁹).

Поездка действительно оказалась увлекательной (в ней принял участие еще Д. В. Айналов), а при посещении Константинополя даже и сопряженной с переживаниями в связи с разразившимся в это время землетрясением, о чем И. В. Помяловскому взволнованно написали Д. Ф. Беляев и Д. В. Айналов. И хотя Д. Ф. Беляев описал эти события даже в специальной статье¹⁴⁰, считаю полезным дать выдержки из их писем как непосредственный отклик. Так, сообщая в письме из Афин

¹³⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 892. Л. 26–27 об.

¹³⁸ Там же. Л. 54 об.

¹³⁹ Там же. Л. 60 об.

¹⁴⁰ Беляев Д. Ф. Храм св. Ирины и землетрясение в Константинополе 28 июня 1894 года // ВВ. Т. I. 1894. С. 769–798.

от 21 июля 1894 г. о пребывании в Константинополе («На пароходе встретил нас Беглери, мозаики Кахриэ, осмотр развалин Влахернского дворца, на месте которого теперь стоят деревянные турецкие дома»), Д. В. Айналов пишет:

Нам оставалось только осмотреть св. Ирину. Первая просьба наша осталась втуне. Дим<итрий> Фед<орович> на завтраке у посла высказал соображение, что если русское посольство не может устроить нам посещение св. Ирины, то что же оно тогда может? Обещали хлопотать. На другой день утром пришла телеграмма. Сам Нелидов ехал с нами смотреть св. Ирину, назначая место сбора у старого сарая. Мы были там в 10¹/₂ ч. Явился адъютант султана. Явился затем и Нелидов со всем посольством и с сыном. Полы св. Ирины были политы водой, нас сопровождали турки, исполняя малейшие просьбы. Мы осмотрели всё, что было возможно осмотреть, и даже имеем на память кусочки мозаики из обсиды (*sic!*), куда слазил Щербина¹⁴¹. Оканчивая обзор, Дим<итрий> Фед<орович> и посол захотели взглянуть на устройство куполов и потому вышли во внутренний дворик св. Ирины. Входя третьим (Ник<олай> Фомич [Красносельцев. — *И. М.*] шел сзади), я услышал шум, подобный шуму ветра, и дребезжание стекол; шум все усиливался, и Нелидов первый разгадал, что это было землетрясение. Он крикнул, чтобы все шли во двор. Все сгруппировались в центре двора вокруг стелы, а шум между тем всё рос и рос, обращаясь в рев и сильный грохот; стекла дребезжали, и штукатурка стала валиться со стен. Достигши крайнего предела, дребезжание и грохот превратились в колебания почвы, и нас порядком шатнуло, хотя никто не упал. Затем первый удар стал стихать, но Нелидов не советовал уходить, ожидая повторения удара. Действительно он последовал. Он был слабее, но, кажется, более разрушитель: стены распатанные трескались, штукатурка и карнизы падали на землю. Мы стояли молча в ожидании, и многие из нас были готовы к последнему часу. О себе скажу, что я узнал чувство готовности умереть. Адъютант ожидал, что под нами провалится двор, ибо оттуда из глубины слышался шум пустого места. Выходя из церкви, мы прошли под сводами Ирины. Внутренность церкви была в тумане от пыли. Ц. Ирины дала несколько трещин; св. София на вид стояла невредима¹⁴².

¹⁴¹ Г. С. Щербина — драгоман российского посольства в Константинополе.

¹⁴² ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 506. Лл. 33–34 об. Аналогичное письмо Д. В. Айналов отправил и Н. П. Кондакову, о чем тот сообщил Помяловскому в письме из Одессы от 12 июля 1894 г. (Там же. Д. 868. Лл. 60).

Еще подробнее описал это событие Д. Ф. Беляев, находясь на борту парохода «Чихарев», в письме от 2 июля 1894 г.

Глубокоуважаемый и любезнейший Иван Васильевич, — *пишет он*, — «Чихарев» сегодня ранним утром прошел Крит, и теперь мы плывем по безбрежному синему морю. Налюбовавшись голубым морем, которое довольно деликатно покачивает нашего гиганта, сажусь за письмо к Вам.

Трудно в одном письме изложить свои впечатления за время выезда из Одессы и поневоле приходится быть кратким. В Константинополе мы пробыли две недели, почти исключительно посвящая их осмотру его достопримечательностей, но успели посмотреть далеко не всё, что хотелось посмотреть, и не так, как хотелось и как можно смотреть в каждом европейском городе. В Константинополе осмотр желательный очень труден, дорог и неудобен: город большой, дороги и улицы скверные, сообщения дорогие и неудобные, предметы осмотра находятся в турецких руках, и доступ к ним нужно постоянно оплачивать. Большое и главное препятствие заключалось для нас в незнании турецкого языка, вследствие чего мы не могли расспрашивать и разузнавать всё то, что бы хотелось узнать, а проводники и кавасы часто или нас не понимали, или их не понимали турки. Тем не менее нам удалось посмотреть главное и ориентироваться в Константинополе, составить себе понятие о его древностях и вынести убеждение, что Константинополь полон древностей неизвестных, нерасследованных, никому из ученых не известных, но мало или вовсе не доступных. При турках никакие расследования, соединенные с раскопками, невозможны, а без раскопок трудно что-нибудь расследовать [нрзб.] окончательно. Мы, напр., не раз ходили по Влахернскому дворцу, пили на песке кофе, зашли к турку в огороде, находящейся (*sic!*) над дворцом, убедились, что под нами по крайней мере один цельный этаж, если не два, но не могли не только копнуть, но даже и думать об этом. Точно так же и в других пунктах весьма трудно добраться до чего-нибудь, что лежит ниже современного уровня и что не всем показывают и не всем доступно. А многое недоступно из того даже, что стоит в целости с древнейших времен. Так, св. Ирина, сохранившаяся до 28 июня, до дня нашего посещения, лучше всех почти церквей, недоступна для публики, и нам удалось ее видеть только благодаря энергическому вмешательству посла, А. И. Нелидова, который и сам ходил с нами в этот храм, сопровождаемый секретарем, советником, драгоманами и, наконец, султанским адъютантом. Но и тут едва не случилось

несчастья для нас. Только что мы осмотрели св. Ирину, списали надписи, убедились в том, что она сделаны мозаикой, а не красками, и вышли во двор (*atrium*), чтобы посмотреть снаружи устройство крыши западных нарфиков, как началось страшное землетрясение, расшатавшее св. Ирину и чуть не похоронившее нас под своими развалинами. Землетрясение было так продолжительно и сильно, что стены двора, в котором мы стояли, тряслись и шатались, а св. Ирина получила трещины со всех сторон и наполнилась какою-то густою пылью, за которою мы ничего не видели, когда пробегали бегом со двора через нарфики и западную часть храма к боковому [нрзб.] выходу из храма на большую площадь. Останавливаться и рассматривать было нельзя, так как мы ждали повторения тряски, тем с большим основанием, что в атрии мы испытали два трясения, следовавшие через минуты 2 одно за другим. К счастью, второй приступ был краток и не так силен, как первый, продолжавшийся по крайней мере минуту, в течение которой мы были бледны, как полотно, и ожидали смерти от трясиных вокруг нас стен. Султанский адъютант, кроме того, ожидал и опасался, что под нами пустота и что почва под нами провалится. Слава Богу, мы вышли целы и невредимы, отчасти, м. б., благодаря распорядительности посла, который, находясь со мною на дворе, как только началось землетрясение, громким голосом приказывал всем, оставшимся в храме, выбежать на двор. По его же команде все выбежали после землетрясения на площадь и прежде всего посмотрели на св. Софию. Она оказалась стоящею на своем месте, но насколько она пострадала, неизвестно; что же касается св. Ирины, то барабан ее сильно треснул во многих местах. Все это случилось около полудни 28 июня. Осматривали мы храм с 11 ч. до 12 ч. 25 м., когда произошло землетрясение, а в 2 ч. мы должны были садиться на пароход, чтобы ехать дальше. Распростившись с послом и его свитою, мы едва пробрались чрез толпы народа, выбежавшего на улицы и площади, спасаясь из домов. По дороге попадались нам раненые и немало домов, пострадавших от землетрясения и даже вовсе обвалившихся. Так кончился осмотр наш бедою! Мы пережили ужасную минуту, но теперь, когда беда миновала, приятно вспомнить, что мы испытали сильное землетрясение (φοβερὸν, говорят греки) и ряд сильных впечатлений от осмотра памятников закончился страшным, которое едва ли когда-нибудь изгладится из памяти всех, стоявших 28 июня во дворе храма мира и едва не нашедших вечного мира под его развалинами. Ваш Д. Беляев¹⁴³.

¹⁴³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 145–148 об.

Не менее любопытные сведения о научных экспедициях содержатся в письмах Н. П. Кондакова к Помяловскому. Так, в письме из Константинополя («Галата, подворье Пантелеймоновского монастыря») от 30 мая 1884 г. он пишет:

Сверх научных занятий на мне (*sic!*) легла вся тяжесть устройства нашей поездки, начиная от главного и кончая всеми возможными мелочами. Этих мелочей выходит много, когда дело идет об устройстве экспедиции с фотографом, рисовальщиком и пр.¹⁴⁴ Мой план был таков: на первых порах, никому не заявляя о наших занятиях, работать вместе всем пятерым на разных пунктах, оканчивая, по возможности, три пункта в один, много два дня. Тревога, пробуждавшаяся нашим появлением в отдаленных кварталах Стамбула, не доходила до полиции, как мы уже снимались с пункта и появлялись на другом. Так мы и делали 2 недели. Но раз нашего рисовальщика накрыли и свели в полицейский пост — он рисовал часть приморской стены. Страхи турок в этом отношении комичны, они все и всюду видят переодетых офицеров. Теперь мы получаем на днях тескере, т. е. разрешение заниматься всюду в мечетях и пр., от двух министров — Н<ародного> просв<еще>ния> и Эвкафа. Забавно то, что когда меня представляли министру Н. Пр. Мустафе-паше, то после его отказов что бы то ни было для нас сделать (с этого они начинают), когда ему перевели, что к Мин. Н. Пр. мы обращаемся потому, что имеем научную цель, то он замотал головою с видом, что решительно не понимает, какое отношение Мин. Н. Пр. имеет к науке.

Между тем работа идет, хоть и не без препятствий. У нас есть архитектурные планы и разрезы, акварельные виды, фотографии и пр. Теперь работаем уже 6 дней в Кахрие-Джамиси. Материалу для выставки будет довольно. Сюда приехал Вилье (из Палермо), который очень заинтересовался нашим предприятием и хочет написать нам несколько акварелей в выбранных нами пунктах. Его новые акварели удивительны!

¹⁴⁴ Сообщая Помяловскому в предыдущем (от 26 марта 1884 г.) письме состав экспедиции, Кондаков подчеркивает: «Это целая компания — шесть человек, между ними фотограф, рисовальщик и архитектор» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 867. Лл. 17–18). По крайней мере имя фотографа нам известно: одесский фотограф Ж. К. Рауль, уже совершавший с Н. П. Кондаковым путешествие на Синай в 1881 г. и награжденный за создание вместе с Кондаковым Синайского альбома орденом Св. Станислава 3-й степени. См. об этом: Вялова С. О. Синайский альбом Н. П. Кондакова // РХВ. Вып. I. 1997. С. 207–225.

Ф. И. Успенский работает в Фанаре, чтобы потерять день на необходимые знакомства с разными греками-археологами. Говорю — потерять, потому что Паспати здесь давно нет, который был бы нам полезен¹⁴⁵. Дни нам дороги и потому, что на наши средства прожить более 5 недель нельзя, хотя мы живем в Галате, на подворье. Одолевают переезды, бакпиши. Громадные расстояния Компольного (?) Цареграда стоят и денег и особенно времени. Мы сидим в Стамбуле с 8 утра до 5 вечера и большею частью питаемся шапшыками. Но наша задача — представить, что можно было бы сделать здесь в больший срок¹⁴⁶.

Из других поездок Н. П. Кондакова. 10 июля 1887 г. он пишет Помяловскому из Парижа:

Можете Вы себе представить такой случай: 5 июля, в воскресенье, я был в Музее Клюни, после завтрака и после Лувра. Полы были навозены более обыкновенного. Сходя с лестницы и кстати рассматривая, что висит сбоку, я ошибся на три ступеньки, полетел и вывихнул себе щиколотку. Не обратив должного внимания на боль, остался в Музее до 5 часов и вечером слег и пролежал до сегодня. Ногу мне велено было держать все время на подушке, не трогать и не шевелить. Положение, можно сказать, хуже губернаторского... По моему маршруту я должен бы уже быть в Лондоне, а теперь опоздаю на целую неделю. Потому что здесь надо еще побывать кое-где и повидать кое-что. Доселе путешествие было истинно плодотворное. Я видел массу, повернул в глубь варварских древностей и еще не вижу, когда выплыву на поверхность. Вояж мой направлялся так: в Гельсингфорс... оттуда в Стокгольм, где пробыл 6 дней, занимаясь только в Музее у Монтелиуса. Потом 4 дня в Копенгагене, где уже старался не видеть никого — мешают. Через Киль и Гамбург в Кёльн. Отсюда занятия по эмалам: из Кёльна в Ахен, из Ахена в Лимбург, где пробыл 2 дня за одним окладом креста. Во Франкфурт, отсюда в Танау, потом в Майнц. Там было раздолье по части древностей германских. Из Майнца с Шнейдером в Висбаден — где тоже музей (Когаузен), и потом в Вормс, где недавно основан музей. Затем уже прямо сюда, где думал было покончить через неделю, да вот приключение¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Александр Паспатис (1814–1891) — историк и археолог, автор известного труда о постройках и дворцах Константинополя (1885).

¹⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Он. 1. Д. 867. Л. 21–22 об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 57–58 об.

из Венеции от 4 августа 1887 г.: «Я здесь уже четыре дня; завтра или послезавтра уезжаю, а задержался здесь потому, что было два праздника, и ризница ц. Марка была заперта. А жаль будет и уезжать: и люблю я Венецию, и все здесь мне знакомо — я лежал здесь когда-то при смерти — и самое искусство знакомо близко... Еду отсюда в Вену, Пешт и Львов»¹⁴⁸; из Ялты от 20 августа 1888 г.: «Как я провел эти месяцы в постоянных разъездах между Ялтою, Севастополем и Симферополем, один Бог ведает! ... Тем не менее за это время кончил сочинение об эмали. Прочту у Вас в Обществе, если восхочете (*sic!*) слушать, частичку. В Сев<астополе>, т. е. в Херсонесе, действительно, любопытные вещи и древние, и стильные, греческие, а не римские. Будете видеть. Надписей одна лишь путная, но и то псифизм по поводу водостоков неважный»¹⁴⁹; со станции Поти — Тифл. ж. д. (Самтреди) от 18 августа 1889 г.:

Пишу к Вам среди своих горьких и тяжелых скитаний по горам и долам Кавказа, улучив свободный час, в ожидании поезда, который должен передвинуть меня и сопровождающего меня Д. П. Бакрадзе в Гурию. Вы уже, вероятно, знаете от гр. И. И. Толстого, как злая судьба, отняв у меня необходимый отдых, доставила мне Высочайшее повеление ехать на Кавказ для составления описи важнейших памятников в его монастырях и ризницах. И потому умолчу о сем, а скажу кратко, что уже с начала июля я все время нахожусь в странствии. И в каком! Вы можете себе легко представить, когда я перечислю кратко свои стоянки: Новороссийск, Екатеринодар, Кисловодск (к кн. Дондукову), Владикавказ, Тифлис, Мухеру, Кутаис, Гелати, Моцамети, Никорцминда, Челиши, Кутаис, Хони, Мартвели, Самтреди, Ново-Сенахи, Хони, Цаити, Зугдиди, Корцхели, опять Зугдиди и Ново-Сенахи, опять Самтреди, где и нахожусь... Вы спросите: а результаты? Слава Богу, хорошие. Я лицезрел чудные эмали, византийскую резьбу. Довольно сказать, что мы нашли в Мартвели Евангелие с миниатюрами столь же богатое, как Гелатское, и хотя 1300 года, но более интересное, чем первое. Я видел, наконец, византийскую работу IX века, которая такого же высокого художественного достоинства, как и антики¹⁵⁰.

Очень важны сведения об экспедиции в Иерусалим и по святым местам, организованной (во главе с Н. П. Кондаковым) Палестинским

¹⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 867. Л. 59–60.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. Л. 72–73 об.

обществом в августе – ноябре 1891 г. (Кондаков долго и настойчиво, но тщетно приглашал Помяловского принять в ней участие¹⁵¹), о результатах которой он пишет в письме из Иерусалима от 7 ноября 1891 г.:

У нас набралось много всякой всячины. Фотографических снимков более 500, рисунков и планов более 100, акварелей и пр. Надписей списано и снято до 150. Главная работа была в Гауране и двух городах Заиордания — Герасе и Аммане. Большие фотографии необыкновенно хороши, ничего подобного не было, все фотогр<афии> *Dumas* мерзость и нередко получены увеличением малых снимков. Накупил я и монет, есть одна пока рукопись. Здесь (т. е. в Иерусалиме. — *И. М.*) работа главная по фотографированию и планам Гроба, да затем на месте храма *Sep.* (Гроба Господня. — *И. М.*) много, и вообще много будет материала, который будет принадлежать Обществу. Кто разработает весь этот материал? Надеюсь *primo* на Вас, Смирнова и Редина¹⁵². От сего последнего

¹⁵¹ См., например, письмо Кондакова из Алушты от 6 июля 1891 г., из которого видно, что причиной отказа от поездки было «временное нездоровье» И. В. Помяловского и нежелание его жены отпускать мужа («Знаю или, по крайней мере, предугадываю, как распалится сердце Екатерины Михайловны и какие эпитеты будут применены к Обществам и Экспедициям. Но нимало не утращаюсь, и в моем бесстрашии меня утверждает сознание соблюденного долга», — пишет Н. П. Кондаков [ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 867. Л. 92]); см. также его письмо из Одессы от 3 августа 1891 г.: «Пишу наскоро, перед самым отъездом. Ваш отказ, конечно, поразил меня: сколько мне ни говорили прежде, что Вы не поедете, я не верил, хотя и признавал резоны. Вследствие Вашего отказа, быть может, самая поездка изменяет свой характер: она лишится известного достоинства, веса, апломба» (Там же. Л. 94).

¹⁵² Обращать материал и писать отчет об экспедиции пришлось, впрочем, самому Н. П. Кондакову. О работе над ним он сообщает в письмах от 5 октября 1893 г. (Там же. Д. 868. Л. 36 об.: «Я могу известить Вас об окончании Отчета Пал. Экспедиции, хотя мне еще надо с месяц посидеть над ним. Не знаю, когда В. Н. Хитрово захочет перепечатать, но было бы, пожалуй, лучше, если бы Ваша часть о надписях была бы напечатана совместно. Как Вы сами думаете и желаете?»), от 30 октября 1893 г. (л. 38: «Сегодня я написал В. Н. Хитрово, предлагая ему двойное заглавие, но затем несколько изменил это заглавие, и если Вы будете видеть его, то предположите следующее: Отчет ученой экспедиции И. Пр. П. Общества. Памятники христианства в Гауране, Заиордании и Иерусалиме. Н. Кондаков. Надписи... И. Помяловский. Памятники языческие. Я. Смирнов»), от 17 ноября 1893 г. (л. 39 об.: «Уже переслал В. Н. Хитрово три главы Отчета и с нетерпением жду от него ответа по поводу рисунков»),

получил письмо из Флоренции. Там Вас вспоминает *Cecchi*, а здесь мы все о Вас постоянно вспоминаем, а я так и прямо вздыхаю, когда читаем о Гробе и толкуем вкривь и вкось. Серьезно — очень жаль, что Вы не приехали в Иерусалим¹⁵³.

«Краткий отчет» Помяловскому о поездке в Европу содержится в письме Кондакова из Ялты от 27 июня 1896 г.:

Уже 3 дня, как вернулся из путешествия, усталый... В Верне — с 19 апреля по 24, в сообществе Я. И. Смирнова и Ростовцева, а также *Neumann'a*, Бормана и др., бывал у Ягича. Нейманн возил меня в *Klosterneuburg* — там накачивали меня даже шампанским. Затем Венеция — пять дней, чудных дней. Много занятий, много нового. Верона — два дня, чудное место. Милан — тоже много нового, посуда для нас важная, начало срв. (*sic!*) поливы. Генуя и Ницца — по дню, с архитектором Браиловским. Барселона — 6 дней. Тарригона (?) — два дня; молодые люди нашли мозаики римские в куполе ротонды, в окрестностях Сарагоссы. Мадрид — 9 дней. В Нац. библ. рукопись И. Куропалата (имеется в виду знаменитая мадридская рукопись хроники Иоанна Скилицы. — *И. М.*) с миниатюрами из русской истории — курьезы! Прием Ольги, свидание Святослава с Цимисхием, чудо с Евангелием перед архонтом Росов

от 24 января 1894 г. (л. 46 об.: «Едва тяну главу об Иерусалиме, в частности о Гробе Г. для Пал. общ., хотя и вопрос трудный и сложный»), от 30 июня 1894 г. (л. 58: «На днях посылаю свой Отчет В. Н. Хитрову; в нем будет не 5, а, пожалуй, 25 листов. Хотя не будет общего введения, которое потребовало бы еще полугодя на работу»), от 28 декабря 1894 г. (л. 76 об.: «От Хитрово нет ответа. Словом, скоро я буду искать другого места для печатания, вне Петербурга»), от 30 января 1895 г. (л. 81 об. — 82: «Занят я теперь проектом предисловия к тому же отчету Палестинской экспедиции: только слишком широко выходит, а хочется изложить поскорее. Будет много нового по пункту значения Святой Земли для христианской иконографии. Очень обидно, что Хитрово не хочет печатать Отчета: что там есть нового, все устареет. И то меня удивляет, каким образом Стасов мог узнать и даже прочесть содержание некоторых мест этого Отчета — он мне очень ясно пишет об этом. Неужели В. Н. Хитрово, не доверяя моей компетенции, отдает Отчет на рецензию: вот был бы чисто петербургский инцидент, если бы поручили Отчет составить другому лицу. Доколе мне ждать придется, и сам не знаю. Писать вновь обидно — уже два письма послал!»). Как известно, отчет был опубликован в 1904 г. в виде монографии под заглавием «Археологическое путешествие по Сирии и Палестине».

¹⁵³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 868. Л. 96–97 об.

и т. д. все с надписями!¹⁵⁴ Мы сняли фотографии, и я приложу их к изданию Комиссии. Много работали и молодые люди. Кордова — два дня, очень для меня много по арабским памятникам IX–XI в. Гранада и Альгамбра — игрушки, пустые, для англичан — два дня. Севилья — пустыки, для американцев — один день. Через Мадрид в Париж... в Париже — 8 дней. Купил боннское издание за 400 фр. в великолепных переплетах, у Вельтера, экз. библиот. де Витта. Затем *Didot*'а разные вещи и еще кое-что. Но главное — 2 аппарата фотографических — великолепных!¹⁵⁵

И наконец, еще об одной известной экспедиции под руководством Н. П. Кондакова — на Афон. В письме Помяловскому от 19 мая 1897 г. (Ялта) он сообщает, что «поездка на Афон предположена в следующем составе: Д. В. Айналов, Е. К. Редин, Ф. Г. Беренштам, А. А. Карелин и А. С. Хаханов. Все эти лица уже соскучились ждать, и с поездкою откладываются и их ученые работы и даже диссертации, но пока не разрешит отъезда А. И. Нелидов, я считаю поездку невозможною»¹⁵⁶, а уже 10 июля 1898 г. отчитывается:

Афонскую поездкою я лично доволен, хотя мои помощники по фотографии шибко подсидели. Представьте себе, что мы получили или добились возможности снять все чудотворные (древнейшие) иконы Афона, и оказалось, что мы не можем получить даже никакой тени «лика», а можем снять только ризу. Подумать, что это был первый и, быть может, единственный случай, не повторяющийся, — не обидно ли? Я привез до 10 памятников византийской скани, тождественной или близкой со сканью шапки Мономаха. Это был мой личный заработок. Увы! Филимонов не захотел ожидать, пока я привезу этот новый материал против его лжеучения!¹⁵⁷

Как видим, письма ученых-византистов содержат немало новых нюансов уже известных в науке событий. Разумеется, сказанным не ограничивается информационное богатство ученой корреспонденции. В ней, например, прослеживается история многих широко

¹⁵⁴ В недавнем переиздании воспоминаний Г. В. Вернадского о Н. П. Кондакове эта рукопись ошибочно обозначена как «рукопись хроники Иоанна Лествичника». См.: Кондаков Н. П. Воспоминания и думы / Сост., подгот. текста и примеч. И. Л. Кызласовой. М., 2002. С. 291.

¹⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 868. Л. 114–115.

¹⁵⁶ Там же. Л. 128 об.

¹⁵⁷ Там же. Л. 132 об. – 133.

известных византиноведческих публикаций, содержится важная информация об отдельных греческих рукописях и других памятниках византийской культуры, а некоторые письма, в которых их авторы высказывают свои, может быть, еще спонтанные и непроверенные гипотезы и идеи, можно даже рассматривать как особый (субъективный?) историографический жанр, заслуживающий специального изучения¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Подробнее см.: *Медведев И. П.* Недодуманные мысли: Письма русских антиковедов и византинистов как особый жанр историографии (На примере переписки И. В. Помяловского) // *Scripta Gregoriana*: Сб. в честь 70-летия акад. Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003. С. 300–310.

**А. И. ПАПАДОПУЛО-КЕРАМЕВС:
«ПЕТЕРБУРГСКИЕ НОЧИ» УЧЕНОГО ГРЕКА
(ПО НЕИЗДАННЫМ ДОКУМЕНТАМ И ПИСЬМАМ)***

«*Noctes Petropolitanae*»! Озаглавив столь поэтично одно из последних и вышедших в свет уже посмертно (1913) творений (вполне академично составленный сборник византийских текстов XII–XIII вв.), выдающийся греческий византинист, навсегда связавший свою научную судьбу с Россией и с Петербургом, Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс (1856–1912) имел в виду, вероятно, нечто большее, чем просто свое пристрастие к ночной работе за письменным столом, свою привычку «превращать ночь в день, а день в ночь» (выражение его друга и сослуживца Хр. М. Лопарёва)¹. Подобно римлянину Авлу Геллию, своими «Аттическими ночами» воздавшему должное новоизбранной родине — Афинам, почувствовавший свой близкий конец грек П.-Керамевс, скорее всего, также решил выказать свою прощальную признательность стране, приютившей его². И не только приютившей, но и создавшей условия для его полного самораскрытия и издания его самых значительных, капитальных, вошедших в золотой фонд мировой византистики публикаций; отметившей его, наконец, избранием в действительные и почетные члены многих научных обществ и учреждений.

Стоит, например, почитать опубликованную Н. Томадакисом обширную подборку писем А. И. П.-Керамевса к его соотечественнику и другу В. А. Мистакидису (1859–1933)³, чтобы ощутить весь спектр

* Опубликовано: Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 289–355.

¹ Лопарёв Хр. Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс // ВВ. Т. XIX (1912). 1915. Отдел 3. С. 190.

² Первым эту мысль высказал Курт Трой в предисловии к переизданию «*Noctes Petropolitanae*» в серии *Subsidia Byzantina lucis ope iterata* (Leipzig, 1976. Vol. XXI).

³ Τομαδάκης Ν. Β. Ανέκδοτος ἀλληλογραφία Ἀθανασίου Παπαδοπούλου Κεραμέως πρὸς τὸν Βασίλειον Μυστακίδην // ΕΕΒΣ. Τ. 37. 1969/70. Σ. 374–436.

переживаний и эмоций, вызванных 22-летним пребыванием П.-Керамевса в Петербурге. С одной стороны, постоянные сетования на нехватку денежных средств (впрочем, просмотр ведомостей по оплате его работы в Православном Палестинском обществе, в Петербургском университете, в Имп. Публичной библиотеке, гонораров за статьи и ведение библиографии в «Византийском временнике», за другие публикации вызывает сомнение в обоснованности этих сетований⁴); жалобы на скверную погоду, на «всегда свинцовое, лишенное звезд небо, которое давит на мои мозги»⁵, на долгую и суровую зиму; отчаяние от неэффективности затраченных усилий на овладение «скифским», то бишь русским, языком; сожаление, что из-за происков «проклятого Гедеона» (известный греческий византинист Мануил Гедеон, 1851–1943) он не принял в свое время (в 1892 г.) предложенное ему турецким правительством в лице Хамди-бея место директора Константинопольского музея и остался в этом «гиперборейском аду»⁶. С другой — вот характерное признание П.-Керамевса, высказанное им в письме к Мистакидису от 2 апреля 1906 г.:

Жизнь коротка, и если я что-то сделал в ней, то признаюсь, что обязан этим здешнему месту (т. е. Петербургу. — *И. М.*), где всякая работа с рукописями получает надлежащую оценку, разумеется и материальную. Если бы я хорошо знал скифский, я был бы ныне богат, ибо все газеты и журналы открыты для меня; кроме того, я давно уже был бы ординарным профессором. Веришь ли ты, что я преподаю на французском? А это ведь одолжение, и только для меня. Впрочем, если бы я попросил ординарное профессорство, мне бы дали его, но я не хочу этого, так как все эти мои служебные обязанности не оставляют мне времени еще и для того, чтобы я ломал голову над кафедральным руководством. Меня тяготят даже и те два часа в неделю, что я имею. Я занимаю должность заведующего отделением (Богословским, в Имп. Публичной библиотеке. —

⁴ Уже А. А. Дмитриевский показал, что П.-Керамевс получил от одного только Палестинского общества столь значительные суммы, что не должен был бы сетовать на судьбу. См.: *Дмитриевский А. А.* А. И. Пападопуло-Керамевс и его сотрудничество в научных изданиях Имп. Православного Палестинского общества (По личным воспоминаниям и документальным данным). СПб., 1914. С. 26–27. (Сводная ведомость выплат П.-Керамевсу денег за сотрудничество в Палестинском обществе за 1889–1910 гг., которой и пользовался А. А. Дмитриевский, хранится ныне в фонде последнего: ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 49.)

⁵ *Τωμαδάκης Ν. Β.* Ἀνέκδοτος ἀλληλογραφία... Σ. 418.

⁶ Αὐτόθι. Σ. 411.

И. М.), а после обеда в течение одного часа — еще и место секретаря в одной страховой конторе. Так что, как видишь, я научился быть практичным и не обращать внимания на окружающих меня людей, независимо от того, стоят ли они выше меня по положению или только претендуют на то, чтобы казаться выше меня. Я уступаю им все, что они желают, даже мои должности и заведование кафедрой, но не за их милости, а ради моей работы, каковую веду главным образом ночами, готовя издания для Академии, университета, учебных обществ, журналов, да и просто для собственного удовольствия. Мне бы хотелось, чтобы в сутках было 48 часов, чтобы сил у меня было больше, а возраста лет на двадцать меньше, так как со всем этим моим рвением к работе чувствую, что старею, и мне стыдно, что я, прежде никогда не устававший, устаю теперь очень часто⁷.

Вернемся, однако, к нашему сюжету. Подлинным несчастьем для судеб рукописного наследия А. И. Пападопуло-Керамевса явилось то «аутодафе», которому подвергла его личный архив (а вместе с ним — и вывезенный ученым архив Иерусалимского патриархата) его вдова, Е. Г. Масленникова, в 1920-е гг. Нам уже приходилось публиковать мнение «главного свидетеля» по этому делу — В. Н. Бенешевича⁸, поэтому не стоит приводить здесь еще раз это свидетельство. Как бы то ни было, именно по причине гибели личного архива А. И. П.-Керамевса приобретает особое значение задача выявления сохранившегося в петербургских архивах документального, рукописного и эпистолярного наследия ученого.

Что касается документального архивного материала, необходимого для воссоздания биографии А. И. П.-Керамевса, то здесь безусловное первенство принадлежит Российской Национальной библиотеке — Имп. Публичной библиотеке, служению которой ученый

⁷ *Τομαδάκης Ν. Β.* *Ἀνέκδοτος ἀλληλογραφία...* Σ. 415–416. В другом месте этого же большого письма (σ. 415) П.-Керамевс замечает: «Сейчас я начинаю думать, что хорошо сделал, не приняв (директорского. — *И. М.*) места в (Константинопольском. — *И. М.*) Музее (и, стало быть, не собираюсь больше жаловаться), ибо в противном случае я бы уж точно пострадал... так что хорошо сделал и Гедеоновaporид (оскорбительное прозвище, данное П.-Керамевсом Мануилу Гедеону. — *И. М.*), устроив бесчестный для него скандал и добившись, таким образом, чтобы я остался здесь жить по-скифски (καὶ ἔτσι νὰ τὴν νὰ μένω ἐδῶ σκυθίζόμενος)».

⁸ См. теперь: *Медведев И. П.* Судьба ученого: Владимир Николаевич Бенешевич. Сб. статей. М., 2020. С. 179–181.

отдал восемь последних лет своей жизни (1904–1912)⁹, и особенно ее Архиву, в котором хранится ряд дел, связанных с именем А. И. Пападопуло-Керамевса¹⁰. Прежде всего — это дело № 90 от 1904 г. «О службе А. И. Пападопуло-Керамевса», включающее в себя формулярный список о его службе в С.-Петербургском университете в качестве приват-доцента (л. 13–18; копия), формулярный список о его службе в Имп. Публичной библиотеке (л. 25–97; составлен по январь 1905 г.), множество документов и официальных писем, связанных с прохождением ученого по службе. Так, ввиду того, что нет ясности в определении даты рождения П.-Керамевса (называются 24 апреля 1855 г., 26 апреля 1856 г.¹¹ и др.), представляет интерес документ на греческом языке (л. 77) — удостоверение о рождении 26 апреля 1856 г. в г. Дракии и крещении на 8-й день от рождения в церкви Св. Николая этого же городка Афанасия Пападопуло-Керамевса, сына священника Иоанна Пападопуло-Керамевса из малоазийского города Кидонии и его супруги попадьи Марии, из Дракии, из рода Николая Катописа, православных родителей, сочетавшихся законным браком в г. Дракии; крестными при этом были покойный Константин Сфирас и его жена Мария, оба православные. Акт писан, если не ошибаюсь, рукой самого А. И. П.-Керамевса от лица совершавшего акт крещения священника Иоанна Тамвакиса из г. Дракии (дим Нилия), датирован 2 августа 1895 г. (т. е. 40 лет спустя после акта крещения) и удостоверен подлинными подписями упомянутых священника Иоанна Тамвакиса и крестной Марии Сфиры, что и скреплено на обороте документа подписью димарха Нилии, а также (в начале документа) печатью с изображением сидящей Афины и с надписью Βασίλειον Ἐλλάδος и пятидрахмовой гербовой маркой. По-видимому, во время одной из поездок на родину П.-Керамевс разыскал своих восприемников и решил запастись удостоверением о своем рождении и крещении (возможно, документ потребовался при определении на службу).

⁹ Шилов Л. А. Пападопуло-Керамевс Афанасий Иванович // Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 1. СПб., 1995. С. 400–403.

¹⁰ Выражаю признательность сотруднице Архива РНБ Л. Б. Вольфцун за помощь в отыскании этих дел.

¹¹ Первую (неверную?) дату сообщает в своем замечательном очерке о П.-Керамевсе А. А. Дмитриевский (с. 5); вторую (верную?) — в своем некрологе Хр. М. Лопарёв (с. 188). Все прочие авторы указывают первую или вторую дату в зависимости от того, каким из указанных очерков они пользовались.

Из записей в вышеупомянутых «формулярных списках о службе» (мы не приводим здесь общеизвестные) любопытны следующие: «Советом Имп. Московского университета возведен за ученые заслуги в степень доктора греческого языка, словесности и древностей (диплом от 29 октября 1887 г. № 2279)»; «в 1889 г. (*sic!*), по милостивому приглашению Его Имп. Высочества вел. князя Сергея Александровича, приехал в С.-Петербург для редактирования издаваемого Имп. Православным обществом его (Керамевса) описания греческих рукописей, находящихся в книгохранилище Иерусалимского Патриархата»; «родился 26 апреля 1856 г.»; «женат первым браком, детей не имеет (дело о разводе производится в афинском трибунале)»¹²; «поручено преподавание новогреческого языка в СПб. университете в течение 1899 и 1900 гг.», «с выдачею вознаграждения по 1 тысяче рублей в год»; «допущен к чтению в СПб. университете лекций по греческому языку и словесности с 1 января 1892 г.»; «приведен к присяге на верность его Имп. Величеству и принят в русское подданство (свидетельство СПб. градоначальника от 29 октября 1899 г., № 6555)»; «определением Правительствующего Сената от 27 апреля 1900 г. по прошению... возведен по образованию на основании ст. 503 (п. 1), 508, 509, 514 и т. д. в потомственное почетное гражданство, в чем имеет установленную на сие грамоту»; 1 января 1893 г. утвержден в чине коллежского асессора, 1 января 1897 г. — в чине надворного советника, 1 января 1905 г. — в чине статского советника.

Как известно, переезд А. И. П.-Керамевса в Россию и определение его на службу, сначала в Имп. Православное Палестинское общество, затем в С.-Петербургский университет и, наконец, в Имп. Публичную библиотеку, совершались под особым патронажем членов царствующей фамилии, прежде всего — великого князя Сергея Александровича и великой княгини (греческой царевны) Марии Георгиевны¹³ (обильный документальный материал на эту тему приведен в вышеупомянутом очерке А. А. Дмитриевского, материал тем более ценный, что нынешнее местонахождение его нам неизвестно: во всяком случае, в фонде Имп. Палестинского общества, хранящемся ныне

¹² По свидетельству А. А. Дмитриевского, у П.-Керамевса была и «малютка-дочь, от которой, к прискорбию, Афанасий Иванович совершенно отказался». См.: *Дмитриевский А. А. А. И. Пападопуло-Керамевс...* С. 12.

¹³ В статье Л. А. Шилова о Пападопуло-Керамевсе Мария Георгиевна ошибочно названа «королевой Греции». См.: *Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры...* Т. 1. С. 401.

в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (ф. 120), он отсутствует). Дело № 90 Архива РНБ содержит на этот счет некоторые дополнительные материалы. Так, в богатой переписке по поводу устройства П.-Керамевса на службу в ИПБ выделяется еще нигде не упоминавшееся письмо президента Академии наук вел. кн. Константина Константиновича директору ИПБ Д. Ф. Кобеко от 2 февраля 1904 г., которое гласит:

Высокопревосходительству Д. Ф. Кобеко.

Дмитрий Фомич.

К числу ученых, сотрудничающих в изданиях Императорской Академии наук, принадлежит доктор греческой словесности А. И. Пападопуло-Керамевс. Насколько мне известно, он исполнял некоторые ученые поручения и для Императорской Публичной библиотеки. Ввиду многочисленности и важности его научных трудов было бы весьма желательно предоставление этому выдающемуся труженику такого положения по государственной службе, которое, соответствуя его ученой деятельности, хотя в некоторой степени обеспечивало бы его существование.

Есть основания думать, что он способен был бы с большим усердием и пользой для научного дела посвятить себя занятиям библиотечарским, в особенности по отделу богословской литературы.

В предположении, что такого рода занятия он мог бы найти во вверенном Вашему управлению обширнейшем из отечественных книгохранилищ, я считаю долгом ходатайствовать пред Вами об определении г. Пападопуло-Керамевса, когда к этому представится возможность, на службу Императорской Публичной библиотеки.

Пребываю к Вам навсегда доброжелательным

искренне Вас уважающий Константин¹⁴.

В завязавшейся переписке директора ИПБ Д. Ф. Кобеко, долго отказывавшегося зачислить П.-Керамевса в штат ИПБ (со ссылкой на отсутствие вакансии библиотекаря в Богословском отделении, малое число выдаваемых в нем книг и незнание П.-Керамевсом русского языка), с управляющим Министерством народного просвещения В. Г. Глазовым интереснее именно письма этого последнего, свидетельствующие о вмешательстве в дело самого императора. Так, письмом от 31 мая 1904 г. он уведомляет:

¹⁴ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1904 г. Д. 90. Л. 1. Выделенные курсивом в подписи слова — автограф вел. кн. Константина Константиновича.

Милостивый Государь Дмитрий Фомич!

Государь Император, вследствие ходатайства приват-доцента Имп. СПб. университета, почетного доктора Имп. Московского университета Афанасия Ивановича Пападопуло-Керамевса, в 29-й день сего мая Высочайше повелеть изволил: предоставить поименованному просителю должность библиотекаря Имп. Публичной библиотеки.

О таком Высочайшем повелении имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, для надлежащего исполнения.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности,

*В. Глазов*¹⁵.

И далее — письмо от 17 июня 1904 г.:

Милостивый Государь Дмитрий Фомич.

Во время последнего всеподданнейшего доклада моего 12-го сего июня, Государь Император изволил справляться о результатах поданного Его Императорскому Величеству прошения доктора греческой словесности Пападопуло-Керамевса, на что я ответил, что Высочайшее повеление о назначении просителя на должность библиотекаря Имп. Публичной библиотеки сообщено мною директору Имп. Публичной библиотеки, но дальнейший ход дела мне пока неизвестен. Принимая во внимание, что 19-го сего июня мне вновь предстоит быть с всеподданнейшим докладом Государю Императору, на случай вторичного запроса Его Императорского Величества, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство не отказать в сообщении мне сведений о дальнейшем ходе сего дела... *В. Глазов*¹⁶.

Д. Ф. Кобеко не оставалось ничего другого, как отпрапортовать о зачислении А. И. П.-Керамевса в штат библиотеки, что он и сделал письмом от 25 июня 1904 г.¹⁷ В деле содержится также немало писем директора Русского археологического института в Константинополе Ф. И. Успенского и ученого секретаря этого института Б. А. Панченко с просьбами передать П.-Керамевсу отписки статей, корректуры и т. д. Ценным представляется еще один документ — рапорт врача библиотеки, надворного советника, доктора медицины Э. Б. Фурмана о печально знаменитом недуге А. И. П.-Керамевса, прежде времени сведшем ученого в могилу. В заключении врача говорится:

¹⁵ ОАД РНБ. Ф. 1. Он. 1. 1904 г. Д. 90. Л. 4.

¹⁶ Там же. Л. 7.

¹⁷ Там же. Л. 5 (машинописный отпуск письма); л. 6 (черновик, автограф Д. Ф. Кобеко).

Его Высокопревосходительству
Господину Директору Императорской Публичной библиотеки.

Получив предписание Вашего Превосходительства от 24-го сего апреля освидетельствовать состояние здоровья библиотекаря Имп. Публичной библиотеки, статского советника Афанасия Ивановича Пападопуло-Керамевса, я произвел оное 25-го сего апреля на квартире А. И. П.-Керамевса; о полученных мною результатах имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству в ниже-следующем. От родственников, живущих с А. И. Пападопуло-Керамевсом, мне было заявлено, что поведение его за последнее время стало странным. Он стал весьма забывчивым, плохо понимает речь и сам говорит весьма сбивчиво и малопонятно; постоянно скрежещет зубами; плохо спит; очень раздражителен. При объективном исследовании мною определено следующее: больной говорит неразборчивые, бессвязные слова, на обращенные к нему вопросы на русском и французском языках не отвечает и не реагирует, по-видимому, не понимая вопросов; на предложения закрыть или открыть глаза, встать, пройти и т. д. реагирует весьма медленно и зачастую невпопад; такой же эффект получается, когда его окружающие переводят ему означенные предложения на его родной — греческий — язык. Во время беседы и исследования внезапно встает и бесцельно уходит в соседнюю комнату, и тут же забывает, что с ним вели беседу. При исследовании внутренних органов определяется резкий артериосклероз. Со стороны легких и сердца существенных отклонений от нормы не замечается. Коленные рефлексы отсутствуют. При закрытых глазах походка делается весьма неуверенной; качается. На основании вышеизложенного следует прийти к заключению, что статский советник, Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс, страдает глубоким расстройством психической деятельности, выражающимся в форме слабоумия (*dementia*), лишающим его возможности заниматься какой-либо работой и не дающим надежды на полное восстановление трудоспособности. С.-Петербург, апреля 27-го дня 1912-го года.

Надворный советник, доктор медицины

Э. Б. Фурман¹⁸.

О кончине А. И. Пападопуло-Керамевса 18 октября 1912 г. Д. Ф. Кобеко сообщил министру народного просвещения Л. А. Кас-со, подчеркнув, что покойный «постоянно отличался неутомимую деятельностью, любовью к делу и рачительным к нему отношением»,

¹⁸ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1904 г. Д. 90. Л. 86–87.

но отметив: «...г-н П.-Керамевс не оставил после себя никаких средств, что и побудило меня обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбою о назначении единовременного пособия на его погребение»¹⁹ (следует ответ Л. А. Кассо от 26 октября 1912 г. о выделении единовременного пособия «вдове библиотекаря» в размере 400 руб. «на погребение мужа») ²⁰.

В Архиве РНБ есть еще два дела, связанные с именем А. И. П.-Керамевса: дело № 47 от 1903 г. — «Об издании обстоятельного каталога греческих рукописей, составленного Пападопуло-Керамевсом, Императорскою Академисю наук», и дело № 50 — «О приобретении у Е. Г. Масленниковой собрания рукописей и печатных книг А. И. Пападопуло-Керамевса» («началось 16 мая 1913 г., решено 20 февраля 1915 г.», на 47 листах). В первом из них самым ранним документом является письмо «состоящего при Его Императорском Высочестве великом князе Сергее Александровиче» Михаила Петровича Степанова к новому (после смерти А. Ф. Бычкова) директору ИПБ Н. К. Шильдеру от 29 октября 1899 г., которое гласит:

Милостивый Государь Николай Карлович.

Среди других научных трудов состоящего под августейшим Председательством Его Имп. Высочества вел. кн. Сергея Александровича Имп. Православного Палестинского Общества обращают на себя особенное внимание изданные 4 тома Каталога греческих рукописей Иерусалимской патриархии и 5 томов греческих Иерусалимских аналект. Оба эти труда были исполнены под непосредственной редакцией Аф. Ив. Пападопуло-Керамевса, ученые заслуги которого были удостоены Московским университетом званием доктора эллинской словесности.

Ныне, по прошествии десяти лет, предпринятый по поручению Его Имп. Высочества труд А. И. Пападопуло-Керамевса окончен.

Великий князь полагает, что было бы крайне полезно воспользоваться выдающимися познаниями г. Керамевса по византийской и современной греческой литературам для применения их в наших богатых книгохранилищах России.

Ввиду сего Его Имп. Высочество поручил мне написать Вашему Превосходительству, чтобы узнать, имеется ли во вверенной Вам Имп. Публичной библиотеке подходящее вакантное для г. Керамевса место и возможно ли Великому князю обратиться

¹⁹ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1904 г. Д. 90. Л. 88.

²⁰ Там же. Л. 89.

к Вам лично с ходатайством о нем, в уверенности, что оно может быть уважено... *М. Степанов*²¹.

Таким образом, не А. Ф. Бычкову, как принято считать, а Н. К. Шильдеру первым пришлось иметь дело с привлечением А. И. Пападопуло-Керамевса к сотрудничеству с ИПБ. По-видимому, именно при нем, а не при А. Ф. Бычкове П.-Керамевс получил заказ на составление каталога греческих рукописей из собрания ИПБ, вопрос о котором снова «всплыл» 4 года спустя. В деле № 47 хранится машинописный отпуск письма нового (теперь уже после смерти Н. К. Шильдера) директора ИПБ Д. Ф. Кобеко к вице-президенту Имп. Академии наук П. В. Никитину от 28 марта 1903 г., в котором говорится:

Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс, приглашенный бывшим директором ИПБ А. Ф. Бычковым (читай: Н. К. Шильдером. — *И. М.*) составить обстоятельный каталог греческих рукописей нашего отечественного книгохранилища, в настоящее время окончил вчерне порученный ему труд и приступил к подготовке его к печати. К сожалению, недостаток денежных средств ИПБ не позволяет ей принять на себя все издержки по изданию обширного труда г. Керамевса. Ввиду этого я остановился на мысли ходатайствовать пред Имп. Академиею наук, не признает ли она возможным оказать свое просвещенное содействие появлению означенного труда в свет, приняв печатать его, на свой счет, в академической типографии, а равно расход по покупке бумаги для издания, Публичная библиотека, со своей стороны, уплачивала бы г. Керамевсу полистный авторский гонорар, с правом получить в собственность Библиотеки некоторое число экземпляров труда г. Керамевса²².

Последовал обмен посланиями руководства Академии и ИПБ с выражением принципиального согласия Академии взять на себя издание каталога и с уточнением условий²³. Посланий, впрочем, должно было бы быть значительно больше, судя по итоговому документу — письму директора ИПБ Д. Ф. Кобеко к вице-президенту АН П. В. Никитину от 5 февраля 1914 г. (10 лет волокиты, и на сей раз завершившейся ничем!):

²¹ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1903 г. Д. 47. Л. 1а.

²² Там же. Л. 1.

²³ Там же. Л. 2 (ответ П. В. Никитина дирекции ИПБ от 5 мая 1903 г.); л. 3 (черновик письма Д. Ф. Кобеко к П. В. Никитину от 29 мая 1903 г.); л. 4 (письмо П. В. Никитина к Д. Ф. Кобеко от 7 октября 1903 г.); л. 5 (письмо Д. Ф. Кобеко к П. В. Никитину от 13 октября 1903 г.).

М. г. Петр Васильевич.

28 марта 1903 года, за № 554, я вошел в Имп. Академию Наук с ходатайством о принятии ею на свой счет печатания в академической типографии составленного А. И. Пападопуло-Керамевсом обстоятельного каталога греческих рукописей Имп. Публичной библиотеки, а равно и расхода по покупке бумаги для этого издания, причем Библиотека с своей стороны обязывалась уплатить г. Керамевсу полистный авторский гонорар и сохранила за собою право на получение известного числа экземпляров этого труда... (излагается история. — И. М.).

...Г. Керамевс, окончив составление своего каталога, представил его в Имп. Академию наук. Так как оказалось, что он написан на новогреческом языке, то я в личной беседе с Вашим Превосходительством высказал, что Библиотека не находит удобным печатать этот труд на каком-либо другом языке, кроме русского, с чем согласилась и Академия.

Г. Керамевс приступил затем к переводу своего каталога на русский язык; несколько листов оригинала были им переработаны для печати, согласно замечаниям академика Латышева, на которого ИФО возложило наблюдение за печатанием этого издания, и набраны в виде образца в академической типографии, как Вы изволили мне сообщить в последнем моем разговоре с Вами в октябре месяце минувшего года.

Тяжкая болезнь, постигшая г. Керамевса, не позволила ему, к прискорбию, заняться продолжением этого труда. Рукопись составленного г. Керамевсом каталога на новогреческом языке, найденная по смерти его в его бумагах, была куплена Библиотекою у его наследницы в конце прошлого 1913 года.

Желая дать дальнейшее движение настоящему делу, я решил поручить перевод этого каталога на русский язык и подготовку его к печати библиотекарю Имп. Публичной библиотеки Х. М. Лопарёву. Поэтому позволяю себе обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою не отказать в присылке мне набранного и одобренного Академиею образца начала каталога г. Керамевса и сообщить мне, когда г. Лопарёв мог бы явиться к Вашему Превосходительству или к академику Латышеву для получения надлежащих указаний по настоящему предмету²⁴.

²⁴ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1903 г. Д. 47. Л. 6–7 (рукописная копия письма); л. 8–9 (машинописный отпуск того же письма на бланке библиотеки).

К сожалению, в своем некрологе Хр. М. Лопарёв не касается этого предмета и не проясняет вопроса о том, почему каталог остался непереведенным и неизданным.

Что касается дела № 50 из Архива РНБ, то оно целиком посвящено запутанной, но счастливо завершившейся истории приобретения Публичной библиотекой второй части рукописной коллекции и библиотеки (редкостной по своему составу) А. И. Пападопуло-Керамевса в 1915 г. (первая часть коллекции из 46 рукописей была приобретена библиотекой за 5 тыс. руб., как известно, еще в 1911 г.)²⁵. Как показывают материалы дела, история эта восходит еще к 1913 г., когда вдова и наследница Екатерина Георгиевна Масленникова обратилась «со всеподданнейшим Государю Императору прошением» о приобретении собрания для Публичной библиотеки, в связи с чем главным-управляющий Канцелярией Его Императорского Величества статс-секретарь барон Будберг письмом от 1 мая 1913 г. запросил у дирекции ИПБ заключения по существу прошения²⁶. Рассказав об этом в письме к А. А. Дмитриевскому от 6 июня 1913 г., директор ИПБ Д. Ф. Кобеко обращается к нему с просьбой:

Вследствие сего и по близкому знакомству Вашему с собранием г-на Пападопуло-Керамевса позволяю себе обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою высказать совместно с В. Н. Бенешевичем — с которым я одновременно вхожу в сношение — авторитетное мнение Ваше о достоинствах настоящего собрания и о приблизительной его стоимости. От Имп. Публичной библиотеки назначен будет для содействия Вам начальник Богословского отделения А. В. Карташов²⁷.

Письмом от 7 июня 1913 г. А. А. Дмитриевский уведомил дирекцию о своем согласии войти в состав комиссии по оценке коллекции²⁸, а уже через 3 дня, т. е. 10 июня 1913 г., комиссия в составе Дмитриевского, Бенешевича и Карташёва и под председательством Д. Ф. Кобеко констатирует, что в состав собрания П.-Керамевса входят 54 рукописи

²⁵ Об этом см.: *Дмитриевский А. А.* И. Пападопуло-Керамевс... С. 44–45. О наличии документов о первой продаже нам ничего не известно. Оценщиком этой первой части коллекции был именно А. А. Дмитриевский и именно по приглашению Д. Ф. Кобеко.

²⁶ ОАД РНБ. Ф. 1. Он. 1. 1913 г. Д. 50. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 2–3 (черновик письма Д. Ф. Кобеко). Чистовой экземпляр письма хранится ныне в фонде Дмитриевского: ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 481.

²⁸ ОАД РНБ. Ф. 1. Он. 1. 1913 г. Д. 50. Л. 4.

и до 5000 печатных книг (около 10 000 томов); что рукописное собрание все, за исключением трех пергаменных свитков еврейской Торы, состоит из рукописей греческих, среди которых два отрывка на пергамене VIII–IX вв., а остальные — бумажные от конца XIV до половины XIX в.; что 25 рукописей из 54 заслуживают наибольшего внимания по своей научной ценности, за остальными же признано лишь второстепенное значение; что, наконец, общая стоимость собрания определена в 15 тыс. руб. (2 тыс. — за рукописи и 13 тыс. — за печатные книги)²⁹. Изложив в письме к барону Будбергу мнение комиссии, Д. Ф. Кобеко подчеркнул:

Я нахожу эту цену не преувеличенную, а приобретение означенного собрания для Имп. Публичной библиотеки весьма желательным. Изучение византийского мира русскими учеными, начавшееся лет 50 тому назад, сделало с того времени поразительные успехи. К сожалению, русская наука недостаточно знакома с изданиями по византийским древностям, выходившими на греческом языке в пределах Оттоманской империи, откуда они почти не достигают России³⁰.

Перечислим вкратце и прочие документы, содержащиеся в деле № 50. Л. 9–10: письмо Е. Г. Масленниковой в дирекцию ИПБ от 15 июля 1913 г. с просьбой «посодействовать о скорейшей подаче Его Величеству моего прошения»; л. 11: ответ дирекции от 18 июля 1913 г. с уведомлением о том, что отзыв о приобретении направлен в Канцелярию Е. И. В. 15 июня; л. 12: копия письма дирекции ИПБ директору департамента государственного казначейства В. В. Кузьминскому от 7 ноября 1913 г. с обоснованием по этому делу; л. 13: ответ В. В. Кузьминского от 18 ноября директору ИПБ с извещением о том, что «Министерство финансов изъявило согласие на отпуск из казны 15 тыс. рублей на приобретение для ИПБ собрания книг и рукописей бывшего библиотекаря»; л. 14: письмо Е. Г. Масленниковой директору ИПБ от 2 января 1914 г. с просьбой «посодействовать скорейшей продаже книг покойного А. И. ввиду отчаянного положения его

²⁹ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1913 г. Д. 50. Л. 5–6 (копия протокола заседания комиссии). О подробностях экспертизы см. также в очерке А. А. Дмитриевского об А. И. Пападопуло-Керамевсе (с. 46–48; на с. 47 автор отмечает, что «в оценке библиотеки г. Пападопуло-Керамевса и второй его коллекции рукописей принял участие ученый вице-директор Публичной библиотеки, страстный коллекционер и знаток древностей Н. П. Лихачёв»).

³⁰ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1913 г. Д. 50. Л. 7–8.

семьи»; л. 15: расписка (машинопись) от лица Е. Г. Масленниковой с обязательством продать собрание (с припиской: «Г-жа Масленникова подписать не пожелала»); л. 16: письмо Е. Г. Масленниковой директору ИПБ от 8 октября 1914 г. (умоляет ускорить покупку); л. 18–21: снятая 29 октября 1914 г. копия определения окружного суда от 5 декабря 1914 г., содержащего и завещание П.-Керамевса от 18 июня 1912 г. (духовное завещание писал со слов завещателя крестьянин Ярославской губернии Борисоглебского уезда Алексейцевской волости д. Сломятино Василий Иванович Голубев; свидетелями были турецкий подданный Иван Данилович (Дрессу) Пугалис, турецкий подданный Севастиан Константинович Пападопуло и дворянин Иван Бенедиктович Билинский); л. 26–27: письмо Е. Г. Масленниковой дирекции ИПБ от 11 декабря 1914 г. с напоминанием, что «дело тянется уже третий год», и с просьбой о том, чтобы «передача собрания была обставлена некоторыми формальностями» (получение чека на 15 тыс. рублей раньше, чем книги будут вывезены из квартиры); л. 28: ответ Д. Ф. Кобеко от 12 декабря 1914 г. с отказом («...все это излишне... Я впредь ни в какие сношения с Вами о покупке собрания книг А. И. П.-Керамевса вступать уже не буду»); л. 29: письмо управляющего Министерством народного просвещения гр. П. Н. Игнатьева директору ИПБ от 4 февраля 1915 г. о том, что, по сообщению председателя Государственной Думы, на 7 февраля «назначена продажа с аукциона означенного собрания за долги наследницы покойного А. И. П.-Керамевса», и с просьбой принять меры к предотвращению «невознаградимой утраты»; л. 30: письмо заведующего хозяйственной частью ИПБ к Е. Г. Масленниковой от 5 февраля 1915 г. с просьбой «пожаловать завтра, 6 февраля, в 2 часа дня, в библиотеку для переговоров относительно сдачи библиотеки А. И. П.-Керамевса» (с припиской: «Г-жа Масленникова на это письмо сообщила, что по болезни не может явиться в библиотеку. Секр. Р. Иогансон»); л. 31: отпуск письма Д. Ф. Кобеко библиотекарю А. В. Карташёву от февраля 1915 г. с предложением «сегодня же отправиться к г-же Масленниковой и объявить ей от моего имени, что приобрести для ИПБ книги и рукописи, завещанные ей А. И. П.-Керамевсом, я согласен только при условии, что все помянутые книги и рукописи были приняты Вами, И. И. Яковкиным и А. А. Разумным на квартире ее, Масленниковой, в назначенный ею точно день. Вам же поручаю немедленно доставить эти книги и рукописи в Библиотеку, после чего я в тот же день сделаю распоряжение об учинении с нею расчета»; л. 32, 34: документы об удержании 1540 руб. на погашение долгов Масленниковой

домовладелице Серебряковой; л. 35: расписка Масленниковой на 1540 руб.; л. 36–37 об.: черновик ответа Д. Ф. Кобеко графу П. Н. Игнатьеву от 10 февраля 1915 г., который гласит:

Так как при неоднократных личных объяснениях с владелицей библиотеки, Е. Г. Масленниковой, последняя, выражая желание поскорее совершить продажу, в то же время видоизменяла и усложняла свои условия, то я, наконец, объявлением от 12 декабря минувшего года, за № 3454, сообщил ей, что деньги на собрание книг и рукописей А. И. Пападопуло-Керамевса могут быть ей уплачены только на следующих условиях: после того, как в ИПБ будет доставлено все собрание в том составе, в каком его оценила особая Комиссия, и принято лицом, мною для этого уполномоченным... Объявление мое повлекло за собою новые устные переговоры г-жи Масленниковой с Управлением Библиотеки, но, по существу, осталось безрезультатным, так как она от сдачи книг все уклонялась. Получив упомянутое выше письмо Вашего Сиятельства, я на другой же день обратился к г-же Масленниковой с категорическим предложением сдать, наконец, книги в Библиотеку и получить немедленно деньги. Г-жа Масленникова определила тогда сроком сдачи 11 часов утра 9 сего февраля, но накануне этого дня, по телефону, сообщила, что сдать книги в назначенный срок отказывается, и нового срока не назначила. Видя со стороны г-жи Масленниковой явное нежелание покончить дело и не имея в своем распоряжении никаких средств к вынуждению г-жи Масленниковой о сдаче книг, я слагаю с себя всякую ответственность в случае, если она приступит к распродаже этого собрания, помимо Библиотеки, в целом его составе или по частям... В заключение честь имею уведомить, что на 7 сего февраля, как выяснилось, была назначена продажа с аукциона только части домашней движимости г-жи Масленниковой, а не покупаемых Библиотекой рукописей и книг, однако и этот аукцион не состоялся (*с пометой*: «не отослано»);

л. 38–39 об.: это же письмо, перепечатанное на бланке ИПБ (*с пометой*: «не отослано»); л. 41: акт на передачу коллекции от 12 февраля 1915 г. (машинопись), подписанный со стороны ИПБ А. В. Карташёвым, И. И. Яковкиным и А. А. Разумным; со стороны наследников — Е. Г. Масленниковой (ее подлинная подпись); л. 43: отпуск письма Д. Ф. Кобеко графу П. Н. Игнатьеву от 13 февраля 1915 г. с уведомлением о том, что ИПБ «приняла вчера от Е. Г. Масленниковой проданные ею Библиотеке книги и рукописи».

Как видим, документальные данные не очень-то подтверждают панегирические восторги Хр. М. Лопарёва в адрес «самопожертвования

г-жи Масленниковой». Если она все же «свято исполнила волю покойного, не продав на сторону ни одной книги» и отклонив все другие предложения (в качестве соискателей Лопарёв называет Иерусалимский патриархат, Афинский университет, Германию, «не говоря уже о русских букинистах»³¹), то это трудно назвать «самопожертвованием», так как вряд ли любой из названных потенциальных покупателей был в состоянии состязаться с российским правительством в назначении и уплате столь значительной цены покупки. Хр. М. Лопарёв наверняка умерил бы свои восторги, если бы мог предвидеть, что г-жа Масленникова передала Публичной библиотеке отнюдь не «все оставшееся после А. И. К.», как он утверждает, а оставила самую «малость» — два битком набитых больших сундука, содержащих 28 больших томов официальной переписки иерусалимских патриархов XVII–XIX вв. и собственный архив ученого, которые она спустя несколько лет употребила, если верить В. Н. Бенешевичу, на отопление квартиры. Впрочем, нам не пристало выступать в данном случае в роли судьи, поэтому присоединимся и мы к «вящей радости всех друзей византийских студий» (снова Лопарёв), что библиотека А. И. П.-Керамевса сохранилась в целости, а не разошлась по частям и не расплылась, подобно библиотекам А. С. Павлова, В. Г. Васильевского, Г. С. Дестуниса, П. А. Сырку, М. С. Куторги, И. В. Помяловского, а также (дополним список Лопарёва) А. И. Соболевского, А. И. Бриллиантова, В. Н. Бенешевича и многих других.

Завершим рассказ о судьбе библиотеки А. И. Пападопуло-Керамевса опубликованием выдержки из «Отчета отделения естественных и медицинских наук за 1915 год», подготовленного библиотекарем Р. Г. Кизерицким³²:

³¹ Лопарёв Хр. Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс. С. 195. Кстати, г-жа Масленникова советовалась по этому делу и с Хр. М. Лопарёвым. Так, в своей записке к нему (недатированной) она писала: «Господин Лопарёв! Будьте так добры, если можете, зайдите ко мне завтра, в воскресенье, по важному делу. Уважающая Вас Е. Пападопуло-Керамевс. Столярный пер. № 13» (в правом верхнем углу рукой Лопарёва помечено: «1913. Ник. Никол. Шедевр»): СПФ АРАН. Ф. 107. Оп. 2. Д. 348. «Важным делом» почти наверняка мог быть разговор о судьбе библиотеки и бумаг умершего, о чем уже *expressis verbis* сказано и в письме последнего ученика П.-Керамевса, кавказского грека Лагинопуло, к В. Э. Регелю от 19 апреля (1914 г.): РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 154 (опубликовано: Медведев И. П. Судьба ученого... С. 180–181).

³² О Р. Г. Кизерицком (1866–1920) см.: Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры... Т. 1. С. 255. Отмечено, что

Самым выдающимся событием во внутренней жизни отделения было приведение в порядок и просмотр приобретенной библиотеки бывшего библиотекаря Императорской Публичной библиотеки Пападопуло-Керамевса. Ввиду того что об этом был уже составлен подробный отчет, можно здесь ограничиться кратким общим обзором хода работы, не входя в подробности. Книги были переданы 14-го февраля в 60 ящиках большого размера в отделение Естественных наук, и немедленно было приступлено к вскрытию ящиков и разработке обширного и разнообразного материала. Работа продолжалась почти ежедневно, и книги были тотчас же распределены по трем группам: греческих, русских и иностранных книг. Греческие книги были постепенно отправлены в регистратуру для занесения в инвентарь, а русские книги пришлось передать для описи в русское отделение; иностранные книги, составляющие наибольшую по числу и ценности часть библиотеки, были размещены по шкафам, и по мере того, как удавалось собирать их, отдельные группы (брошюры, однотомные сочинения, журналы и т. д.) передавались для внесения в инвентарь в самом отделении. Для разбора сборников и многотомных сочинений, тома и выпуски которых были разрознены и разбросаны, была принята алфавитная система, благодаря которой около тысячи томов было приведено в полный состав и в алфавитном порядке помещено в галерее. Если руководствоваться вышеуказанным разделением всех книг на три группы, то оценка и состав всей библиотеки представляется в следующем виде: в общем она имеет значительный интерес в богословском отношении (см. большую коллекцию церковных книг — фолиантов 16-го, 17-го и 18-го века около 150; издания трудов Августина и Хрисостома 1556 и 1558 года, Гиеронима 1565 года), но вместе с тем заключает в себе и обширную коллекцию книг и брошюр, касающихся истории и политической, экономической и духовной жизни древней и новой Греции. Наименьшую группу составляют русские книги: труды известных ученых, издания Русского Археологического института в Константинополе, большое число брошюр самого разнообразного содержания. Второе место занимают греческие книги: большинство их касается истории и жизни Греции с древних времен до нашего времени: между ними замечательна обширная Библиотека Марасли, заключающая в себе переводы почти всех знаменитых

приказом директора ИПБ от 30 октября 1915 г. ему объявлена «искренняя благодарность за предварительный просмотр и приведение в известность состава библиотеки, купленной у наследницы А. И. Пападопуло-Керамевса». Благодаря Л. Б. Вольфцун, предоставившую мне копию текста «Отчета».

сочинений иностранных ученых (для нас интересны переводы Ка-рамзина, Лермонтова и Крылова).

Ценность приобретенной библиотеки заключается в иностранной группе, книги которой по количеству и содержанию значительно превосходят остальные группы: она поражает богатством сборников и редких старых книг; среди сборников и словарей находятся издания, обыкновенно доступные только академикам и ученым обществам (словарь Форчеллини, греческие комментарии Аристотеля, новый громадный словарь латинского языка и т. д.). При всем разнообразии, которым отличаются книги и брошюры этой группы, большинство их все-таки относится к древней классической филологии и археологии; особенно отметить надо обширную коллекцию старых филологических диссертаций 17-го и 18-го века и Тейбнеровскую классическую библиотеку, содержащую около 400 томов. Работа по приведению в порядок, просмотру и частичной инвентаризации столь обширной библиотеки, заключающей в себе всего около 5324 томов книг, 3220 брошюр и 691 томов журналов, продолжалась непрерывно с 16-го февраля по 15-е сентября, не исключая праздников и части отпускного времени, и несмотря на неблагоприятную обстановку удалось, правда при большом напряжении сил, окончить возложенный на библиотекаря труд, казавшийся вначале совершенно непосильным для одного человека, к тому же занятого все время неотложными по заведованию отделением делами³³.

Теперь о рукописях самого А. И. П.-Керамевса. Их в архивах С.-Петербурга сохранилось очень мало. Конечно, такие вещи, как находка ранее неизвестного и обнаруженного в бумагах В. Э. Регеля каталога греческих рукописей Вазелонского монастыря³⁴, стоят многого,

³³ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1916 г. Д. 119. Л. 30 об. – 31 об. В Архиве РНБ хранится и сам каталог библиотеки А. И. Пападопуло-Керамевса, состоящий из 7377 единиц (Там же. Ф. 1. Оп. 1а. 1915 г. Д. 26).

³⁴ *Медведев И. П.* Неизвестный каталог греческих рукописей Вазелонского монастыря, составленный А. И. Пападопуло-Керамевсом // *Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге*. СПб., 1995. С. 430–444. [Об автографах П.-Керамевса, выявленных в архивах С.-Петербурга после первой публикации данной статьи, см.: *Медведев И. П.* Несколько слов об изучении А. И. Пападопуло-Керамевсом греческих грамот из собрания Н. П. Лихачёва // *Noctes Petropolitanae*. Материалы конф., посвященной столетию со дня кончины А. И. Пападопуло-Керамевса (1856–1912). СПб., 2016. С. 13–18; *Карначёв А. Е.* Автографы А. И. Пападопуло-Керамевса в составе Собрания воспроизведений рукописного отдела БАН // Там же. С. 28–34 + Рис. 1–39.]

но все же еще раз приходится пожалеть об утраченном архиве ученого: τὰ κατ'ἀλοιπὰ находим в личных архивных фондах других ученых. Так, в поле нашего зрения находятся еще по меньшей мере три греческих рукописи — автографа А. И. Пападопуло-Керамевса, с его одним опубликованным сочинением (Συγγραφῶν Φίλωνος Ἰουδαίου τεμάχῃ)³⁵ и двумя неопубликованными («*Plutarchi de amore prolis*, р. 494 АВ»³⁶; его же анонимная, отождествленная нами по почерку, без заглавия, статья об унциальных рукописях³⁷). В бумагах В. Н. Бенешевича нами обнаружена составленная для него П.-Керамевсом библиография греческих работ о Синае (черные и фиолетовые чернила), иногда с аннотациями или комментариями (с пометой на л. 66: «Τῷ φίλῳ κυρίῳ В. Μπενεσσέβιτς»)³⁸. В фонде П. В. Никитина С.-Петербургского филиала Архива РАН есть дело³⁹, на бумажной обложке которого рукой самого П.-Керамевса (синий карандаш) написано: «*Ignatii epistolae Gedeonis editio a Papadopulo-Kerameo cum codice collata a. 1910*» (в описи и на архивной папке это название дела воспроизведено с грубыми ошибками). В обложке — печатный экземпляр издания М. Гедсона (длиннейшее греческое название приводим в сокращении): Νέα Βιβλιοθήκη ἐκκλησιαστικῶν συγγραφῶν <...> ἐκδομένη ὑπὸ Μανουῆλ. Ἰ. Γεδεῶν. Ἐν Κ/πόλει, 1903. Τ. 1. Из издаваемых здесь текстов первые 64 письма (σ. 1–64) озаглавлены так: «Ἀδὴλῶν (Θεοφάνους Νικαίας) ἐπιστολαί (ἐκ τοῦ κώδικος 1035 τῆς ἱερᾶς βασιλικῆς καὶ πατριαρχικῆς μονῆς τοῦ Βατοπεδίου — Μεμβράνινος ὁ κώδιξ, τῆς ΙΑ' ἑκατονταετηρίδος, μήκους 0,16 γαλλ. μέτρον, πλάτους 0,12 — φύλλα 196)». Именно эту часть П.-Керамевс тщательно сверил с ватопедской рукописью в 1910 г. (один из немногих материальных «следов» его пребывания на Афоне) и испещрил исправлениями (простой карандаш). Наиболее важна, наверное, самая первая запись. Зачеркнув заглавие Гедсона, П.-Керамевс на поле записывает: «Ἀριθ. κώδ. νῦν 1935 (παλ. 388). Γρ. 23–24. Ἐκατ. Χ–ΧΙ. Σελίδες 196. Μήκους καὶ πλάτους 168 × 12/124.

³⁵ СПФ АРАН. Ф. 733. Оп. 1. Д. 87 (опубликовано: Сборник статей по классической филологии. СПб., 1897. Т. 1. С. 1–24).

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 733. Оп. 1. Д. 88.

³⁷ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 24. Л. 48–50 об.

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 51. Л. 56–71. К сожалению, содержащийся в деле конверт с надписью (автограф А. И. П.-Керамевса): «Его Высочородию г-ну Владимиру Николаевичу Бенешевичу, профессору Импер. Университета. В. Остр. 4 лин. № 53» — не имеет почтовых штемпелей, но материалы, скорее всего, датируются 1911 годом, как и большая часть содержимого этой папки.

³⁹ Там же. Ф. 36. Оп. 1. Д. 248.

Ф. 1–73. “Νόννου συναγωγή εἰς τοὺς κατὰ Ἰουλιανοῦ λόγους Γρηγορίου τοῦ Ναζιανζηνοῦ”. Ἀρχεται ἀκεφάλως (ὁ κώδιξ ἀκέφαλος) ἀπὸ τῆς (sic?) ἱστορίας ἀλόγου οὕτω· ἀχθιστὸς ἔβη μετὰ δαῖται (sic?) θεοὶ δ' ἅμα πάντες ἔπονται κτλ.». Но поскольку, зачеркнув заглавие, данное Гедеоном, П.-Керамевс не обозначил на самом экземпляре авторство Игнатия, для меня остается неясным, как все это соотносится с вышеуказанным заглавием самого П.-Керамевса⁴⁰.

И наконец, уже упомянутый каталог, над которым, судя по приведенным документам, так упорно трудился ученый. Действительно, в греческом фонде Отдела рукописей РНБ хранятся два дела с материалами планировавшегося к изданию каталога: Греч. 688 и Греч. 894. Сообщая о наличии этих материалов, Е. Э. Гранстрем приходит к выводу: П.-Керамевсом «сделаны описания большей части рукописей, составлявших в то время фонд греческих рукописей Публичной библиотеки; эти описания, составленные на новогреческом языке, отрывочны и не могут быть использованы в настоящее время (курсив мой. — И. М.)»⁴¹. Еще более безжалостен ее приговор в составленной ею описи греческого фонда, в которой говорится, что «в значительной доле этих описаний отражено болезненное состояние П.-Керамевса, что обесценивает материал»⁴². Но мы видели, что основная работа по каталогу производилась усердным ученым задолго до наступления «болезненного состояния», еще в 1903 г.

Конечно, такого рода материалы были позднее привнесены в дела (непонятно, например, зачем нужно было списывать в хаотическом и беспомощном виде обширные «простыни» античных текстов из рукописей Греч. 678, 679, 680)⁴³. Конечно же, отражая сугубо подготовительные этапы работы над каталогом, эти материалы не могут быть изданы в их настоящем виде. И тем не менее они должны обязательно учитываться в палеографических исследованиях, связанных с изучением греческих рукописей РНБ, так как содержат массу ценнейших

⁴⁰ В деле еще содержится (СПФ АРАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 248. Л. 44–49) чья-то (П. В. Никитина?) рукопись большого формата, в которой частично законспектированы, а по большей части списаны гимны Игнатия с печатной работы: *Παπαδόπουλο-Κεραμεῦς Α. Ὁ ὁμνογράφος Ἰγνάτιος // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. Ἔτος ΚΒ'.* 1902. Σ. 37–39, 68–70, 88–91.

⁴¹ Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 1: Рукописи IV–IX веков // ВВ. Т. 16. 1959. С. 217.

⁴² ОР РНБ. Ф. 906. Собрание греческих рукописей: Опись. Л., 1985. Машинопись. Л. 100 об. (Греч. 894).

⁴³ Там же. Л. 98–150.

сведений о них и исходят от замечательного знатока такого рода вещей, нередко знакомого с конкретными обстоятельствами происхождения и бытования той или иной рукописи. В этом, кстати, вполне отдавал себе отчет В. Н. Бенешевич, уделивший, чувствуется, большое внимание этим материалам (так, например, в Греч. 688 на обороте переплета есть запись: «NB. Некоторые листы вынуты В. Н. Бенешевичем и находятся в его материалах по описанию греческих рукописей»; его пометы «X 26» сопровождают описания П.-Керамевса на л. 1–29, а на л. 15 по поводу описания Греч. 47 Бенешевич на поле записал: «Весь списанный здесь текст проверен мною по рукописи 26 X 26. В [пробел] П.-Керамевс поставил буквы и строки, выеденные временем. В. Бенешевич»; по поводу л. 453–454, представляющих составленное П.-Керамевсом описание рукописей № 16–21 на русском языке, Бенешевич сделал следующую важную запись: «Получено из Издательства Росс. Акад. наук 19 VI 25⁴⁴. Подлежит передаче в Росс. Публ. Библиотеку, но надо было бы найти еще начало описания, т. е. р-си 1–15. Нет ли следов в протоколе засед. И.-Ф. Отд. за годы 1913–1914?»).

Еще несколько замечаний об указанных материалах. Архивное дело Греч. 688 обозначено как «Подготовительные материалы к описанию греческих рукописей ГПБ, № 21–663, с пропусками. На новогреческом языке. 494 л.»; переплет же самого П.-Керамевса снабжен его собственным заглавием: «Греч. № DCLXXXVIII. Κατάλογος τῶν ἐλληνικῶν κωδίκων τῆς Αὐτοκρατορικῆς Δημοσίας Βιβλιοθήκης», а титульный лист — по-французски: «*Notes pour servir à la redaction d'un Catalogue détaillé des manuscrits grecs de la Bibliothèque Impériale Publique à St. Petersburg*» (внизу титульного листа кем-то записано: «NB. Лл. 1–25, взяты А. И. П.-Керамевсом для перевода на русский язык и так и не были им возвращены»). Действительно, описания начинаются с № 21, причем по-русски (автограф П.-Керамевса), вплоть до № 60; далее (с л. 31) — уже по-гречески. Обращают на себя

⁴⁴ В бумагах В. Н. Бенешевича есть адресованное ему письмо ученого секретаря Издательства РАН (фамилия неразборчиво) от 1 июня 1925 г., которое гласит: «Мы производим пересмотр наших старых рукописных материалов, и среди них я нашел кое-что имеющее для Вас, вероятно, больший интерес, чем для нас. При случае не откажите зайти и посмотреть» (СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 95. Л. 34). Несомненно, что В. Н. Бенешевич так и сделал, о чем свидетельствует его помета на документе: «Получены: обзор трудов по славянов. за 1914 г. и А. П.-К. Описание р-сей И. П. Б. № 16–59» (Там же). Таким образом, своим спасением эта часть каталога А. И. П.-Керамевса обязана В. Н. Бенешевичу.

внимание детальные описания рукописей из коллекции Залусских, позднее утраченной. Из этого же каталога П.-Керамевса мы узнаём, что пять позднейших, но любопытных греческих рукописей (№ 632–635, 642) являются дарениями известного русского философа Владимира Соловьёва (1853–1900), поступившими, однако, уже после его смерти (в 1901 г.). П.-Керамевс дает их тщательное описание (л. 455–457, 459 об.) и помечает на л. 4: «Δωρεὰ τοῦ μακαρίτου φιλοσόφου Σολοβιῶβ» (ср. л. 450 об.: «Ἐκ τῶν τοῦ Σολοβιῶβ»).

Не очень-то приятным для меня лично оказалось ознакомление с описанием греческой рукописи № 615, в свое время использованной мною. Дело в том, что внизу л. 1 этой поздней (XVIII – начало XIX в.) рукописи, содержащей полный список Алфавитной синтагмы Матфея Властаря, рукою писца рукописи записан текст одного завещания (текст обрезан по одному краю). На основании транскрибированной арабскими цифрами даты документа и согласно тому, что мне удалось извлечь из краткого и очень поврежденного текста, я заключил, что речь идет о поздней копии какого-то загадочного завещания, составленного неизвестным «нотарием» 31 сентября 1289 г. «в доме г-на Виниери» (предположив, что это греческая транскрипция венецианской фамилии *Venier*), и даже издал текст документа в приложении к моей монографии⁴⁵. Но вот что пишет по поводу этой рукописи П.-Керамевс: «Греч. 615. Φύλλα 232. Χάρτης. XVIII–XIX αἰῶνος. Μονόστηλον. Γρ. 34. Ἐν τῇ ἀρχῇ 2 φύλλα, τὸ 1-ον περιέχει μέρος κόπιας μᾶς διαθήκης τοῦ 1789, γενομένης ἐν τῇ οἰκίᾳ Βενιέρη Δέπλα· αὐτόθι ἡ σημείωμα τοῦ Γ. Μπουρνιά λέγοντος ἐν αὐτῷ ψευδῶς, ὅτι ὁ κώδιξ αὐτὸς ἦτο κατὰ τὸ 1612 τῆς Μητροπόλεως Ἀθηνῶν. Αὐτόθεν τοῦ σημειώματός του ἔγραψε τοῦτο “Πάσης Ἑλλάδος Ἀθηνῶν μητροπολίτου Βενεδίκτου”. Ἐν τῷ 2τῳ φύλλῳ ἔγραψε “Ἀθανασίου μητροπολίτου Κερκύρας κτῆμα. Ἔτος 1857”» (далее идет подробнейшая роспись текста Синтагмы Матфея Властаря)⁴⁶. П.-Керамевс, стало быть, «мою» дату 1289 прочитал как 1789 (повторный просмотр рукописи показывает моему

⁴⁵ См.: *Медведев И. П.* Очерки византийской дипломатики (частноправовой акт). Л., 1988. С. 228–229.

⁴⁶ Ср. его же описание данной рукописи в Греч. 894 (л. 30 об.): «Nomocanon de Matthée Vlastaris in folio. — En papier. — Du XVIII–XIX siècles. 232 feuillets a longues lignes. Au commencement du manuscrit et 2 feuillets de garde. Le premier de ces derniers forme la copie d’un testament rédigé en 1789 dans la maison de Venieri Déplas; on y trouve aussi une note de Бурнясь, où il relate une fausse histoire du présent manuscrit. Dans le second feuillet de garde Бурнясь ajouta soit — disant (*sic!*) “τοῦ Ἀθανασίου μητροπολίτου Κερκύρας κτῆμα. Ἔτος 1857” (№ DCXV)».

«русскому глазу», что вторая цифра — совершеннейшая «двойка», но ведь греку виднее), «мое» слово διπλα, понимаемое адвербиально — «рядом», превращается у него в фамилию Δέπλα, а внизу листа первого (ненумерованного) он еще разглядел еле читаемое имя владельца рукописи — известного мне афинского коллекционера и книгопродавца XIX в. Григория Бурния, снабдившего рукопись и другими записями, например о принадлежности в 1612 г. (!) рукописи митрополиту Афинскому Венедикту (попытка «удревнения» рукописи по методу небезызвестного Константина Симонидиса?)⁴⁷.

Что касается другого дела с материалами А. И. П.-Керамевса о греческих рукописях ГПБ — Греч. 894 (насчитывает 154 листа), то начинается оно (л. 1–8 об.) несколько инородным текстом — составленным самим П.-Керамевсом на французском языке списком греческих рукописей («*Liste d'une collection des MSS grecs*»), проданных им в 1911 г. Имп. Публичной библиотеке за 5000 руб. (на л. 8 об. есть его запись: «Tous ces manuscrits sont vendu (*sic!*) par moi à la Bibliothèque Impériale Publique pour la somme cinque mille roubles (5000). A. Parapodoulos-Kérameus. 3 Marta (*sic!*) 1911»). В нем кратко перечислены и описаны 35 рукописей; под № 36 идет *Collection des documents turcs* (перечислено 17 документов), а под № 37 — *Supplément* (Триодь, рукопись X в.). В остальном же Греч. 894 содержит материалы описаний преимущественно на французском языке (роспись состава рукописей — на греческом), но есть и на русском (автографы П.-Керамевса). Весьма обстоятельно, например, изложена история открытия и приобретения т. н. Пурпурного Евангелия императрицы Феодоры (Греч. 53), ставшего «украшением нашей Имп. Публичной библиотеки» (л. 1–1 об.)⁴⁸.

Наконец, говоря о материалах А. И. П.-Керамевса к каталогу греческих рукописей ГПБ (= РНБ), нельзя не отметить и наличие в Отделе рукописей РНБ так называемого Красного инвентаря (Греч. 897),

⁴⁷ О письмах Гр. Бурния к В. К. Ернштедту и И. В. Помяловскому см.: *Медведев И. П.* Материалы к истории рукописных собраний Санкт-Петербурга // ППС. Т. 98 (35). 1998. С. 133; *Он же.* О происхождении коллекции греческих рукописей Санкт-Петербургского университета // *Московия: Вопросы византийской и новогреческой филологии.* Т. 1. М., 2001. С. 293–299.

⁴⁸ В деле содержится также (л. 19–20) писанная рукой Хр. М. Лопарёва заметка «Греческое Сармусахлыкское пурпуровое евангелие», с интересными, но в общем-то известными сведениями об этом знаменитом манускрипте (Греч. 537). Об обеих этих пурпуровых рукописях см.: *Гранстрем Е. Э.* Каталог... Вып. 1. С. 223. № 18 (Греч. 537); с. 236–237. № 81 (Греч. 53).

начатого именно П.-Керамевсом. В нем его рукой кратко описаны на русском языке рукописи № 1–663, а затем продолжено в таком же духе Хр. М. Лопарёвым (рукописи № 664–770), И. А. Бычковым (№ 771–773), В. Н. Бенешевичем (№ 774–991) и Е. Э. Гранстрем (№ 1026–1044). Это — первейшее пособие для всех обращающихся к греческому фонду РНБ.

Однако самой, пожалуй, существенной частью рукописного наследия А. И. П.-Керамевса является обнаруженный нами в личных фондах других ученых значительный комплекс его писем, обзор которых мы и предлагаем сейчас вниманию ученой публики⁴⁹.

Пока что нами выявлено 45 писем А. И. П.-Керамевса: 7 — к И. В. Помяловскому, одно — к В. Н. Хитрово (?), одно — к В. Г. Васильевскому, 4 — к Ф. И. Успенскому, одно — к иеромонаху Августину, 9 — к В. К. Ернштедту, 10 — к В. В. Латышеву, 8 — к П. В. Никитину, одно — к В. Э. Регелю, одно — к Р. Х. Леперу, 2 — к В. Н. Бенешевичу, одно — к Я. И. Смирнову. Датируются они 1884–1909 гг., писаны по преимуществу по-гречески, иногда по-французски, нередко — вперемежку, и только одно письмо (к В. Э. Регелю от 9 мая 1908 г.) — по-русски. В нем он отвечает согласием на предложение редактора «Византийского временника» подготовить отзыв на какое-то неназванное сочинение (подчеркнув, что сможет этим заняться лишь летом) и спрашивает, напечатана ли в ВВ его статья «Принцип церковно-византийского нотного письма», составленная по поводу книги *J. Thibaut «La notation de St. Jean Damascène ou Agiopolite»* и посланная прошлым летом в редакцию ВВ через акад. Соболевского⁵⁰.

Письма А. И. П.-Керамевса к И. В. Помяловскому, с которым он познакомился в 1884 г. в Одессе, во время IV Археологического съезда, сохранились в личном фонде последнего⁵¹. Шесть из семи писаны на французском языке⁵², датируются 1884–1887 гг., то есть периодом жизни П.-Керамевса в Константинополе, откуда они и посылались (о седьмом письме, писанном по-гречески, — ниже). Так,

⁴⁹ Приношу благодарность И. М. Щедровой и И. В. Тункиной за помощь в выявлении писем Пападопуло-Керамевса.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 34. Л. 73. Работа опубликована: ВВ. Т. XV (1908). 1910. С. 61–69.

⁵¹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1104 (11 л.).

⁵² Часто в своих французских письмах П.-Керамевс извиняется за «плохой французский» и спрашивает у адресата, не понимает ли тот по-гречески (см., например, л. 1 об.: «*Comprenez vous notre langue écrite?*»).

в первом из них (л. 1–1 об.), извиняясь, что отвечает с задержкой в два месяца на письмо адресата, П.-Керамевс сообщает 5 декабря 1884 г. из Константинополя, что после Крыма совершил поездку на Понт, где осмотрел библиотеки греческих монастырей и школ (отчет появится через пару месяцев), и далее пишет: «Я открыл два хрисовула (*bulles d'or*) императоров Трапезунда, серию юридических документов XIII–XV вв., подробное описание в стихах Синайской горы и один документ (дарственная грамота) вашего императора Петра Великого, относящийся к истории одного трапезундского монастыря» (разумеется, Вазелонского. — И. М.).

Ваш превосходный сборник кавказских надписей интересует меня со многих точек зрения. Я получил его и благодарю. Благодарен Вам и за все то, что Вы сделали для меня в отношении работ о. Амфилохия⁵³, столь необходимых для моих палеографических штудий и уже полученных мною. Они были посланы мне от лица Имп. Археологического общества. По почте Вы получите экземпляр нового археологического бюллетеня константинопольского Силлога (Греческого филологического общества в Константинополе. — И. М.), который я прошу Вас принять в знак уважения. Через несколько недель Совет нашего Силлога разошлет официальные письма в адрес ученых обществ России для установления братских связей. К ним будут приложены несколько греческих публикаций. Я счастлив, что Вам удалось раздобыть «*Specimina palaeographica*» еп. Саввы⁵⁴. Будьте так добры выслать их мне с указанием цен и всех Ваших расходов на отpravку... Возможно ли раздобыть замечательный труд о Пальмире?⁵⁵

Письмо завершается характерной фразой: «Помните ли Вы, что я хотел бы быть членом Вашего Археологического общества?», а уже следующим письмом из Константинополя от 5/17 февраля 1885 г. (л. 2–2 об.) П.-Керамевс извещает И. В. Помяловского:

⁵³ Список палеографических описаний греческих рукописей еп. Амфилохия (Сергиевского-Казанцева), о которых говорит П.-Керамевс, см.: *Фонкич Б. Л., Поляков Ф. Б.* Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. М., 1993. С. 211–212.

⁵⁴ Имеется в виду: *Савва [Тихомиров], еп.* Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки VI–XVII века. М., 1863.

⁵⁵ Очевидно, речь идет об издании: *Абамелек-Лазарев С. С.* Пальмира: Археологическое исследование. СПб., 1884. 84 с., 13 л. илл.

Получил Ваше письмо от 8/20 января, которым Вы ставите меня в известность, что Имп. Археологическое общество С.-Петербурга единогласно избрало меня своим членом-корреспондентом. Прошу принять мою самую глубокую благодарность за честь, которой Ваше ученое Общество удостоило меня по Вашему любезному предложению. Моя благодарность непосредственно Обществу будет послана по получении диплома и устава, но Вы меня обяжете, если заранее заверите моих ученых собратьев о том, что я счастлив время от времени поддерживать Общество присылкой археологических новинок. Сборник византийских надписей Трапезунда с кратким комментарием будет выслан Вам через несколько месяцев для сообщения Обществу. Константинопольский Силлог также пошлет через некоторое время свои публикации. Прилагаю 20 фр. для покупки *Specimina* еп. Саввы.

Письмом от 12/24 февраля 1886 г. (л. 3–3 об.) П.-Керамевс уведомляет И. В. Помяловского о своем возвращении из поездки по Фракии и Македонии, об отправке гр. И. И. Толстому книг для ИРАО, а И. В. Помяловскому — своего «Палеографического бюллетеня» («...среди прочего Вы найдете в нем серию писем имп. Юлиана, обнаруженных мною в прошлом году близ Константинополя»)⁵⁶. 18 марта 1886 г. он благодарит Помяловского за письмо и за высокую оценку его «Палеографического бюллетеня», продолжая (л. 4 об. — 5):

С удовольствием сообщаю Вам, что Филологическое общество Константинополя на своем последнем заседании избрало Вас своим почетным членом. Через несколько недель Вы получите диплом⁵⁷, последние публикации (Силлога. — *И. М.*), среди которых Вы найдете II выпуск моей *Bibliotheca Maurogordatea*⁵⁸. А в конверт настоящего письма вкладываю диплом почетного члена (Силлога) для г-на Васильевского⁵⁹ (к сожалению, нам неизвестен его точный

⁵⁶ По-видимому, речь идет об отчете А. И. П.-Керамевса «Συνοπτικὴ ἐκθεσις παλαιογραφικῶν ἐρευνῶν ἐν τῇ Κ/πόλει καὶ ἐν ταῖς χώραις τοῦ Πόντου», напечатанном КЕФΣ (Т. 16. 1885. Παράρτ. 3–8), где на с. 9–35 дана и публикация писем Юлиана Отступника.

⁵⁷ Ныне хранится: ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1508. Л. 1.

⁵⁸ По-видимому, речь идет об издании А. И. П.-Керамевса: Ἀνέκδοτα ἑλληνικὰ συγγραμμάτια ἐγγραφαὶ τε καὶ ἄλλα κείμενα κατ' ἐκλογὴν συλλεγόμενα ἐκ τῶν ἐν τῇ «Μαυρογορδατεῖᾳ Βιβλιοθήκῃ». Ἐν Κ/πόλει, 1884. 125 σ.

⁵⁹ Не сохранился? Нам не встречалось в богатой *Vasilievskiana* упоминаний об избрании В. Г. Васильевского почетным членом Греческого филологического общества в Константинополе.

адрес, петербургский почтамт дважды возвращал адресованный ему пакет). Вкладываю также письмо к г-ну Васильевскому. Передайте ему, сколь я был бы почтен и счастлив получать его исторические публикации. Через несколько недель к нему придут издания Силлога, включая палеографический бюллетень и II выпуск Маврокордат. библиотеки. Будьте так добры, попросите от меня г-на Ламанского прислать мне экземпляр его «Государственных тайн Венеции»⁶⁰, в которых я очень нуждаюсь и которых, в довершение всего, нет в продаже. В противном случае сообразоволяйте купить его за мой счет и написать мне, сколько это будет стоить.

Интересна и концовка письма:

Во II номере парижского *Revue Critique* Баттифоль в рецензии на издание «*Codex Theodoraе imperatricis purpureus Petropolitanus*» цитирует из моего Палеографического бюллетеня отрывок (стр. 5), относящийся к этому кодексу, отрывок, который он, к сожалению, плохо понял. Так как я намерен подготовить сообщение (Обществу С.-Петербурга) об истории этого манускрипта, сообразоволяйте попросить директора Имп. Библиотеки послать мне экземпляр каталога Муральта, а также издание этого кодекса, определенным числом экземпляров которого библиотека, должно быть, располагает⁶¹.

И. В. Помяловский не оставил просьбу без ответа, и уже письмом от 15/27 мая 1886 г. (л. 6–6 об.) А. И. П.-Керамевс благодарит его:

Вы выказали себя столь любезным в отношении меня, что мне не хватает слов, чтобы выразить Вам всю мою признательность. Я только жду случая быть Вам полезным, и Вы меня очень обяжете, предоставив его мне. Посланные Вами книги — драгоценные труды. Труд г-на Ламанского — это неисчерпаемое сокровище документов по главным образом новогреческой и церковной истории. Весьма остроумное предисловие пронизано актуальностью. Греки должны были бы последовать советам автора; что касается меня,

⁶⁰ См.: *Lamansky V. Secrets d'État de Venise: Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte Ottomane à la fin du 15e et 16e siècle. St.-Petersbourg, 1884. XXXVI, XXXII, 834, 96, 64 p.*

⁶¹ Имеется в виду, конечно, уже упоминавшееся «Пурпурное Евангелие» (Греч. 53), но о каком «издании этого кодекса» в 1886 г. могла идти речь, неясно; скорее всего, предположение Пападопуло-Керамевса о существовании подобного издания было ошибочным.

я их вполне одобряю. К сожалению, политика западных держав отнюдь не способна привести к такому результату⁶².

И далее:

В Вашем сборнике христианских надписей Кавказа Вы отметили несколько памятников с изображением креста в сопровождении таинственных букв. У меня было время изучить их, и я прошу Вас прочесть небольшую заметку, вложенную в конверт, в которой я изложил несколько наблюдений. Если Вы сочтете, что эта небольшая заметка может представить некоторый интерес, сообщите ее *нашему* (курсив мой. — И. М.) Имп. обществу. Еще я посылаю Вам заметку о *Codex purpureus petropolitanus imp. Theodoraе*. Надеюсь, она заинтересует моих почтенных друзей из Имп. общества... При случае пошлю Вам для Общества более обстоятельные статьи, а пока вместо двух заметок я шлю три под одним и тем же заглавием. Если сочтете их достойными быть представленными в Общество, прошу Вас перевести их и опубликовать на русском языке⁶³.

Большую часть следующего письма, от 11 января 1887 г. (л. 9), П.-Керамевс смущенно извинялся и оправдывался в связи с неудачей «нашего конгресса», который «*a été détruit devant le fanatisme turc et par des moyens impardonnables dus à l'ἀσυνεσίαν des quelque uns de mes otogènes*» (sic!), и тем его (П.-Керамевса) «состоянием моральной агонии», которое выставило его в дурном свете не только перед его друзьями в России, но и «перед Вашей дружбой, поскольку Вы своим последним письмом выражали желание быть внесенным в списки

⁶² Хочется привести этот интересный пассаж в оригинале: «Les livres que vous m'avez envoyés sont des ouvrages précieux: celui de M. Lamansky est un trésor inépuisable de documents intéressant surtout l'histoire néohellénique et ecclésiastique. La préface, très spirituelle, est pleine d'actualité. Les Hellènes auraient dû suivre ses conseils, que j'approuve en ce qui me concerne; malheureusement la politique des puissances occidentales n'est point faite pour amener ce résultat» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1104. Л. 6).

⁶³ Действительно, в «Записках РАО» (1887. Т. 2. С. 133–142) под общим заглавием «Палеографические заметки» были опубликованы как упомянутые заметки (Codex Petropolitanus LIII; Загадочные буквы), так и не упомянутые: Заговоры против привидений; Грамота 1811 года вселенского патриарха Иеремии IV, касающаяся последнего царя грузинского Соломона II. Переводил эти заметки на русский язык И. В. Помяловский, хотя в издании это не отмечено.

участников константинопольского конгресса»⁶⁴. П.-Керамевс благодарит И. В. Помяловского за «тягостный труд» по переводу его палеографических заметок на русский язык, за опубликование их и просит принять «в качестве дружеского привета» два пакета с его последними публикациями (указаны 5 работ, см. № 114, 116, 119, 120, 121 в «Списке трудов А. И. Пападопуло-Керамевса», составленном В. Н. Бенешевичем). Интересна концовка письма: «Я хотел бы поднести к ногам *нашего* (курсив мой. — *И. М.*) августейшего императора Российского подборку моих брошюр и прошу Вас дать совет: позволительно ли мое желание или Вы бы предпочли, чтобы мой скромный дар был адресован министру народного просвещения?» И далее:

Одновременно извещаю Вас о моем последнем открытии: Вам, конечно, известна автобиография императора Михаила Палеолога, текст которой был обнаружен и опубликован вашим ученым и почтенным автором, г-ном Троицким⁶⁵. Аналогичный текст я тоже обнаружил в эти дни. Михаил Палеолог, осветив некоторые подробности своей жизни, излагает устав одного разрушенного в старые времена и восстановленного им уже после возвращения Константинополя в 1261 г. монастыря (св. Димитрия. — *И. М.*). Текст очень интересен с исторической точки зрения. Там, среди прочего, можно найти подробные сведения о пребывании Палеолога среди сельджуков. Я хочу его побыстрее опубликовать, хотя такого рода публикациям, не приносящим никакого личного дохода, приходится пока что оставаться в небрежении⁶⁶.

«Завтра, — завершает П.-Керамевс свое письмо, — я покидаю Константинополь, чтобы поселиться в Иерусалиме у патриарха Никодима. Надеюсь, что из этого священного города мне удастся продолжить дружеские и научные связи с Вами».

⁶⁴ Речь, несомненно, идет о конгрессе по случаю 25-летней годовщины константинопольского Силлога. Непонятно лишь, в чем заключалась неудача конгресса. По нашим данным, конгресс состоялся в сентябре 1886 г., сопровождался выставкой и другими мероприятиями. Участие в нем принял В. Э. Регель.

⁶⁵ Имеется в виду: [Троицкий И. Е.]. *Imperatoris Michaelis Paleologi de vita sua opusculum necnon regulae, quam ipse Monasterio S. Demetrii praescriptis, fragmentum* // ХЧ. 1885. Т. 2. С. 529–579.

⁶⁶ Если не ошибаюсь, подобной публикации А. И. Пападопуло-Керамевса не появилось вообще. Жаль, что он не уточнил, с какой именно рукописью памятника он имел дело.

Последнее, писанное по-гречески письмо П.-Керамевса к И. В. Помяловскому (л. 10–11 об.) датировано уже 12/24 марта 1896 г. и отправлено из Афин. П.-Керамевс сообщает, что вот уже пять дней, как он в Афинах, спешит отправить Помяловскому просимый им «Великий Синаксарь» Дукакиса в 11 томах, а в ближайшее время надеется выслать Синаксарь Трифона Евангелиду.

Со здоровьем у меня, — пишет он, — на сегодня дело обстоит несколько лучше. Есть еще боли в легких. Глуховатость, к сожалению, без изменений, хотя до сегодняшнего дня я прошел здесь три сеанса лечения. Останусь здесь до 15 апреля, а с 15 апреля по 15 мая буду в Волосе Фессалийском. В Константинополе посетил *наш* (курсив мой. — И. М.) Археологический институт, видел гг. Успенского и Погодина и остался весьма доволен прогрессом Института. За столь краткое время со дня его основания они обогатили его и собранием древностей и библиотекой, которые удовлетворили бы самые большие потребности любого археолога.

Когда я уезжал из Петербурга, — продолжает П.-Керамевс, — я встретил г-на Сырку, который сообщил мне радостное известие о том, что по Вашей рекомендации Университет решил выдать мне 150 руб. в виде вспомоществования на мое выздоровление. Хочу спросить Ваше Превосходительство, действительно ли это так, затем выразить признательность и Вам лично, и другим коллегам за это благосклонное решение и попросить Вас, если это правда, прислать деньги сюда с чеком *Crédit Lyonnais*⁶⁷.

В личном фонде А. А. Дмитриевского хранится пространное (на семи тетрадных листах), писанное по-гречески и недатированное письмо А. И. П.-Керамевса, которое обработчиком фонда сочтено было адресованным именно А. А. Дмитриевскому (хотя имя адресата отсутствует) с предположительной датировкой «1900-е годы»⁶⁸. Не сомневался, по-видимому, в этом и В. Н. Бенешевич, прочитавший письмо, сделавший кое-какие поправки в тексте и написавший на обороте л. 7: «письмо от А. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς» (при отсутствии подписи автора письма это его отождествление и сделало

⁶⁷ Завершается письмо не имеющим отношения к византиноведению, но тем не менее любопытным сообщением, что 10–11 марта (1896 г.) в Афинах состоялись предварительные состязания Олимпийских игр, причем прошли успешно, «поэтому есть надежда, что и олимпийские игры удадутся». Как известно, это были первые возрожденные международные Олимпийские игры.

⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 253. Д. 733.

возможным для обработчика фонда точное указание автора письма). Между тем, ознакомившись с содержанием письма, мы приходим к выводу, что письмо было адресовано П.-Керамевсом не Дмитриевскому, а, вероятнее всего, секретарю Палестинского общества В. Н. Хитрово. Писано же оно было еще до приезда П.-Керамевса в Петербург (1890 г.), скорее всего, в 1888 г. (датирующим элементом является упоминание опубликованного ἐσχάτως 6-го тома Палестинского сборника, вышедшего в свет в 1887 г.), когда А. А. Дмитриевский еще не мог быть назван председателем Палестинского общества (τῆς ὑφ' ὅμων ἐπαξίως προεδρευομένης Ἑταιρίας), ибо лишь в 1907 г. стал его секретарем. Возможно, что оно и не пересылалось по почте, а было передано секретарю Палестинского общества В. Н. Хитрово прямо в руки во время его приезда в Иерусалим в 1888 г. (это до некоторой степени объясняет отсутствие подписи писавшего), отражая, таким образом, самый первый контакт греческого византиниста с руководством Палестинского общества⁶⁹. Готовя свой очерк об А. И. П.-Керамевсе в 1914 г., А. А. Дмитриевский широко пользовался документальными материалами архива Палестинского общества, поэтому неудивительно, что одно из писем сохранилось в его бумагах.

Ваше превосходительство (Ἐξοχότης)! — *говорится в письме*. — Некоторое время назад я получил, а теперь уже получаю регулярно, издаваемые Православным Палестинским обществом книги по истории, топографии и археологии Палестины. Пользуясь случаем, спешу выразить Вам и достойно руководимому Вами Обществу мою сердечную благодарность за честь, мне оказываемую бесплатной присылкой очень важных и нужных публикаций ППО. Одновременно адресую Обществу мои поздравления по поводу той готовности, с которой оно берется за выявление, интерпретацию и издание любого текста, связанного с историей нашего

⁶⁹ Среди писем В. Н. Хитрово, адресованных И. В. Помяловскому (хранятся в фонде последнего), есть письмо от 9 апреля 1890 г., которое гласит: «Милостивый государь Иван Васильевич! Позвольте мне поручить Вашему милостивому благорасположению подателя сего известного Вам по имени Афанасия Ивановича Папандопуло-Керамевса (*sic!*), приехавшего сюда с целью издания для нашего Общества греческих паломников. Кроме своей учености, он крайне скромный и обязательный человек и имеет единственный недостаток — незнание русского языка. Не признаете ли Вы возможным ввести его в Археологическое общество, где его знание восточных библиотек и, главное, восточных ученых деятелей может оказать существенную пользу...» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1388. Л. 30–30 об.).

греческого Востока, и в частности палестинской страны, в которой зародилось христианство и произошло православие благодаря блаженным и святым иерархам, монахам и отцам греческой церкви, к которой принадлежит прочно связанная с ней церковь богохранимой Российской империи. Год назад, находясь в Иерусалиме, я взял на себя (по великодушному и похвальному наказу блаженнейшего патриарха Иерусалимского Никодима I) задачу составления подробных каталогов находящихся в Палестине библиотек богохранимого этого патриаршего трона. В процессе работы я имел счастье открыть различные тексты и документы, относящиеся к различным периодам истории иерусалимской церкви, а также к топологической терминологии и агиологии Палестины и Сирии. И хотя мой блаженнейший господин намерен, если обстоятельства позволят, издать на собственные средства все до сих пор осуществляемые мои работы, а также каталоги мои, я тем не менее готов внести свой вклад в археологическую работу Общества, которым Вы достойно руководите, если предварительно буду знать условия, на которых Ваш бюллетень (т. е. Палестинский сборник. — *И. М.*) может принимать исследования (археологические и филологические) о Палестине. Не зная русского языка, я не могу публиковать исследования на этом языке, тем более сопровождать мои тексты русским переводом.

В последнее время (ἐσχατός) издан 18-й выпуск (τὸ 18-ον τεῦχος) бюллетеня Палестинского общества, содержащий путешествие по святым местам купца Василия Позняка⁷⁰. На стр. 72 ученый издатель Хрисанф Мефодьевич Лопарёв, говоря о патриархе Александрийском Иоакиме, в примечании 3 упомянул мою книгу «Маврокордатова библиотека», причем попытался поправить меня в одной грамоте патриарха Константинопольского Иеремии I, датированной 7035 = 1527 г. Г-н Хрисанф предлагает исправить дату ζε' на ζε" = 7095 = 1587, так как в конце грамоты есть собственноручные подписи патриархов Сильвестра Александрийского и Иоакима Антиохийского, которые тогда находились в расцвете сил (в Константинополе тогда патриархом был Иеремия II). Сожалею, но вынужден заметить Вам, что г-н Хрисанф, не зная соответствующих документов в моей книге, сколько их знаю я, впал в бесполезное исправление, так как подписи названных двух патриархов были поставлены не при Иеремии I, а в 1584 г., когда Сильвестр Александрийский и Иоаким Антиохийский посетили монастырь, которому

⁷⁰ Имеется в виду: Хождение купца Василия Позняка по святым местам Востока / Под ред. Хр. М. Лопарёва // ППС. Т. 6. Вып. 3. 1887. XX, 106 с.

эта грамота патриарха Иеремии I принадлежит, и подтвердили своей подписью подлинность этого документа. Это, впрочем, не есть нечто необычное, как заверяют меня и другие не изданные еще патриаршие сигиллии и грамоты. К тому же на стр. 7 я предупредил моего читателя словами о «том, что издание следующего документа патриарха Иеремии I, который много лет спустя подтвердили своими подписями Сильвестр, еп. Александрийский, и Иоаким, еп. Антиохийский». Снова, стало быть, подтверждаю, что дата ζ'ε' верна и надежна и абсолютно не может подвергаться никакому исправлению. Это то, что доказывается и другими свидетельствами, о чем речь уже шла в моей книге. Доведя это до сведения Вашего Превосходительства, прошу поместить в следующий выпуск соответствующую заметку о названной дате для сведения читателей г-на Хрисанфа.

Среди бумаг П. В. Никитина сохранилось единственное известное мне письмо А. И. П.-Керамевса к В. Г. Васильевскому от 7 мая 1898 г.⁷¹ (П.-Керамевс жил тогда по адресу: Екатерининский канал, д. 71, кв. 9). Обращаясь к Васильевскому со словами «Εὐεργετικώτατε καὶ σεβαστέ μοι φίλε Βασίλειε Γρηγορίου», П.-Керамевс сообщает, что в его каталоге рукописей монастыря Козиницы (утрачен?)⁷² отмечено много рукописей Симеона Метафраста, дает подробное описание одной из них (№ 5, XI в.), содержащей декабрьскую минею, и воспроизводит полностью стихотворную, выполненную киноварью, запись писца (Εἶτα σημείωμα τοῦ καλλυγράφου κόκκινον, ἔμμετρον), которую мы считаем нужным опубликовать:

Ταύτην γέγραφεv τήνδε βίβλον, ὃ βιβλος, | ὁ τοῦ Ῥηγίου τῶν
πρεσβυτέρων πρῶτος, ὁ | καλὸς γραφεὺς Νικηφόρος τῇ κλήσει (*sic!*)
| διὰ συνδρομῆς μονῆς Καλαμιτζίων, τοῦ | θαυματούργου μεγίστου
Νικολάου, τοῦ | τότε ταύτης, ὡς οἶμαι, προστατοῦντος | σπουδῆν τοῦ
ἔργου ἀφθόνως δεδωκότος | εἰς ἀνάγνωσιν τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας, | μὴνὸς
τὸ μεσαίτατον τοῦ δεκεμβρίου | ὅπερ ὁ γλυκὺς Συμεὼν Μεταφράστης |
βίους ἀρίστους συνέταξεν ἁγίων | ἅμωv δὲ θεὸς τὰς ψυχὰς ἀναπαύσει, |
τὸν προτρέψαντα καὶ γράψαντα σὺν πόνῳ.

⁷¹ СПФ АРАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 258. Л. 60–61.

⁷² О существовании специального каталога рукописей монастыря Козиницы П.-Керамевс упоминает в одной из своих статей, в которой также вкратце описывается 151 рукопись из названного собрания. См.: ΚΕΦΣ. Αρχαιολογικὴ ἐπιτροπὴ. Παράρτημα τοῦ ΙΖ' τ. 1886. Σ. 41. Неужели и этот каталог сгорел вместе с другими материалами?

Теперь о письмах А. И. П.-Керамевса к Ф. И. Успенскому, сохранившихся в фонде последнего⁷³. Два из них отправлены из Константинополя в Одессу. Письмом от 5 декабря 1884 г. (л. 1) П.-Керамевс сообщает сведения, аналогичные тем, которые сообщал и И. В. Помяловскому, а именно о своем «палеографическом путешествии» в Трапезунд, длившемся два с половиной месяца, об исследовании частных и монастырских библиотек, во время которого им было найдено и описано около 400 рукописей⁷⁴, в том числе два неизданных хрисовула Алексея и Мануила Великих Комнинов, хрисовул императора российского Петра Великого, стихотворное описание Синайской горы, хартулярий, содержащий серию византийских документов (имеется в виду, конечно же, знаменитый «кодик» Вазелонского монастыря), и многое другое, о чем он готовит подробный обзор⁷⁵. П.-Керамевс спрашивает, решен ли вопрос об отправке изданий Одесского и других российских университетов в адрес константинопольского Силлога, сообщает, что еще не получил ответа от Н. П. Кондакова, которому хотел бы дать свои материалы о росписях византийских церквей Трапезундской епархии. Письмом от 12 февраля 1886 г. (л. 2–3) он извещает Ф. И. Успенского об отправке ему некоторых своих печатных трудов, спрашивает, не началось ли печатание трудов VI Русского археологического съезда, состоявшегося в Одессе в августе 1884 г., и выражает надежду на получение новых публикаций Ф. И. Успенского, о которых ему часто говорил «общий друг г. Веглерис». Письмом из Иерусалима от 12 апреля 1888 г. (л. 4–5) он извещает Успенского о том, что получил через Веглериса корректуру своего доклада на Одесском конгрессе и теперь с исправлениями возвращает ее; передает дружеские приветы Кондакову, Кирпичникову, Воеводскому, Гроту, Сниксу и «всем другим друзьям, помнящим мое имя», и т. д. Наконец, уже из Петербурга (он жил тогда по адресу: Фонтанка, 93, кв. 17) П.-Керамевс пишет Успенскому в Константинополь (письмо от 18 августа 1908 г., л. 6) о том, что высылает для опубликования в «Известиях РАИК» два каталога греческих рукописей: Μενύλις τοῦ

⁷³ СПФ АРАН. Ф. 116. Оп. 2. Д. 266.

⁷⁴ Каталоги их позднее были опубликованы: ВВ. Т. XIX (1912). 1915. С. 224–281 (каталог греческих рукописей из собраний Трапезунда), 282–322 (каталог греческих рукописей Сумелийского монастыря). О нашем недавнем издании каталога рукописей Вазелонского монастыря см.: Архивы русских византинистов... С. 430–445.

⁷⁵ Опубликовано: ΚΕΦΣ. Т. 16. Παράрт. Σ. 3–8.

Γένους Σχολῆς и Ζωγραφείου⁷⁶, просит прислать корректуру для просмотра и изготовить 100 оттисков (об этом же — в письме к ученому секретарю РАИК Р. Х. Леперу от 6 октября 1909 г. с просьбой также побудить Панченко «пожертвовать мне 1 том важного каталога моливдовулов, им изданного», — л. 7).

Среди писем иеромонаха Августина (де Мовильона), адресованных И. В. Помяловскому и сохранившихся в бумагах последнего, содержится писанное по-французски, недатированное, адресованное, безусловно, иеромонаху Августину («*Mon Réverend Père*») и подписанное буквами АРК письмо, которое обработчиком фонда обозначено как «письмо неустановленного лица»⁷⁷, но которое, конечно же, является автографом П.-Керамевса. В нем П.-Керамевс сообщает о том, что вот уже две недели как болен (простуда), ничего не делает, утратив всякий вкус к работе, и проводит время в разнообразном чтении. Отвечая на вопросы своего корреспондента, он по пунктам разъясняет: 1) брошюра о Фотии остается без внимания как не могущая дать пропитания («*elle ne peut pas me donner la nourriture quotidienne; c'est pour cela qu'elle doit être renvoyée au (sic!) calendes grecques*»)⁷⁸; 2) Крумбахер не желает отвечать, так что «*mon cahiers*» остается у него⁷⁹; 3) статья о Псевдо-Никите давно уже отпечатана, но «Византийский временник» появится в феврале или марте, да и то неизвестно, выйдет ли статья — в февральском выпуске⁸⁰; 4) что касается Иерусалима — надо подождать; 5) «Житие св. Менигна» сохранилось в (синодальной) рукописи № 376 (по Владимиру), л. 206–210. Письмо, таким образом, датируется, скорее всего, 1899 г.

Письма П.-Керамевса к академику В. К. Ернштедту также сохранились в личном фонде последнего⁸¹. Их всего 9 (5 писем и 4 почтовых открытки), писаны по-французски и по-гречески, датируются 1891–1902 гг. Так, открыткой от 24 октября 1891 г. (л. 1) он благодарит за письмо; сообщает, что 25 дней был болен и лишь три дня

⁷⁶ Опубликовано: ИРАИК. Т. 14. 1909. С. 101–153.

⁷⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 502. Л. 9–9 об.

⁷⁸ По-видимому, речь идет об издании: Сборник греческих и латинских памятников, касающихся Фотия патриарха. СПб., 1899. Вып. 1. VI, 48 с. (Записки ист.-фил. фак-та СПб. Университета; 1899).

⁷⁹ По-видимому, речь идет о статье П.-Керамевса «Βυζαντινά Ἀνάλεκτα», опубликованной в VIII т. BZ (1899. S. 66–68).

⁸⁰ См.: Ψευδονικήτας ὁ Παφλαγῶν καὶ ὁ νόθος βίος τοῦ πατριάρχου Ἰγνατίου // ВВ. Т. VI. 1899. С. 13–38.

⁸¹ СПФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 161. 13 л.

назад стал выходить; намерен появиться назавтра в (Палестинском?) обществе с материалами, обещанными И. В. Помяловскому; упоминает о «ценных подарках» Омона, среди которых — детальное описание *cod.* 1741, который содержит «Поэтику» Аристотеля («По словам г. Шубина, это Вас интересует»). В письме по-французски от 25 января 1892 г. (л. 2–3 об.) П.-Керамевс радуется хорошим вестям относительно здоровья Ернштедта («Слава Богу! Не жалейте о потерянном времени, наверстаете!»); сообщает о том, что начал писать о своем последнем путешествии на Восток, надеется закончить статью за две недели; возвращается к своему Лексикону (подготовил уже букву А, надеется подготовить быстро остаток Лексикона, считает, что уже можно приступать к печатанию). Об этом же в письме на французском языке от 5 марта 1892 г. (л. 4–5), с надеждой «на самый большой гонорар» (имеется в виду «Журнал Министерства народного просвещения», редактором которого был В. К. Ернштедт и в котором предполагалось поместить Лексикон)⁸² и на получение 200 оттисков. В открытке, написанной по-французски, от 6 июня 1892 г. (л. 6) — снова о здоровье Ернштедта («Мне сказали, что к Вам еще не пускают; пусть Бог восстановит быстрее Ваши силы *et votre gaeté*»), а в открытке по-гречески от 15 апреля 1898 г. П.-Керамевс извещает о высылке краткого предисловия к 5-му тому своих «*Ἀνάλεκτα*», с просьбой ознакомиться и сделать указания, если что-то потребует переделки⁸³; сообщает также о том, что статья о *Reitzenstein* у него почти готова, и если придется уехать по предписаниям врачей, то он передаст ее до отъезда, может быть, даже и раньше⁸⁴. В открытке по-гречески из Алупки от 9 июня 1898 г. (л. 7) — сведения о пребывании П.-Керамевса в Крыму: с 14 мая он живет в Алупке, через 5 дней переезжает в Ялту, «где жизнь более удобна» и где он останется до 1 или 7 августа по адресу: Дом Бэймана, Елене Иподимотопуло («В Крыму вообще-то жизнь очень дорогая»); просит не забыть о переводе ему денег и предоставлении оттисков, если статья о *Reitzenstein* опубликована.

⁸² Опубликовано: *Lexicon Sabbaiticum nunc primum edidit et apparatu instruxit* А. Р.-К. // ЖМНП. 1892. 4. 280–281. Отд. класс. филол. И. С. 39–60.

⁸³ Имеется в виду издание: *Ἀνάλεκτα Τερροσολυμϊτικῆς Σταχυολογίας*. Τ. Ε'. Ἐν Πετροῦπόλει, 1898.

⁸⁴ Имеются в виду поправки П.-Керамевса к книге: *Reitzenstein R. Geschichte der griechischen Etymologika*. Leipzig, 1897 (озаглавлены «К истории греческих этимологиков» и опубликованы: ЖМНП. 1898. Сентябрь. Отд. класс. филол. С. 115–133).

Чрезвычайно интересно большое греческое письмо П.-Керамевса к В. К. Ернштедту от 2 февраля 1899 г. (л. 9–10 об.), в котором он излагает свои соображения о том, где и каким образом мог Паисий Лигарид иметь доступ к афоно-ивирской рукописи, содержащей знаменитые «беседы» константинопольского патриарха Фотия «о нашествии Руси» и поступившей в Ивирский монастырь в составе библиотеки константинопольского патриарха Дионисия IV (дается обширный экскурс в генеалогию и биографию последнего, который, оказывается, был в свое время учеником Паисия Лигарида по Константинополю⁸⁵). В письме от 10 января 1901 г. (л. 11) П.-Керамевс благодарит Ернштедта за издание своего Феодора Анагноста Эндолейского⁸⁶ и за присылку гонорара в 60 руб., а также касается вопроса о вызвавших у Ернштедта затруднения греческих пословицах; в частности, по поводу одной из них (Στὴ φύσι τρέχει τῆ αλλογοῦ καὶ σὺν κατεταγίκε) он сознается в том, что она ему непонятна (впрочем, и ее интерпретацию Политисом⁸⁷ он тоже считает поспешной): выражение στὴ φύσι τρέχει — это, по его мнению, ἄλογος ἔκφρασις καὶ οὐχὶ γραμμικὴ⁸⁸. Наконец, письмом на греческом от 28 января 1902 г. (л. 12–13) он сообщает важные сведения о наличии у него небольшой коллекции папирусов, которую он, ис-

⁸⁵ Сведения были нужны В. К. Ернштедту для его публикации «Выдержки Паисия Лигарида из бесед патриарха Фотия», над которой он как раз в то время трудился и которую позднее (в не совсем завершенном виде) издал П. В. Никитин в «Записках Имп. Академии наук» (1906. Т. VII. № 8. С. 01–45). Информацию о судьбе рукописей и книг Паисия Лигарида давал Ернштедту и А. А. Дмитриевский, см. его письмо из Киева от 29 марта 1899 г.: *Медведев И. П.* Материалы по теме «Греки и Россия в XVI–XVII вв.» в архивах русских византинистов С.-Петербурга // *Славяне и их соседи: Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время* (Тезисы докл. XIII конф.). М., 1994. С. 75–76.

⁸⁶ Речь идет о публикации: Νέα τεμάρχη τῆς Ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας Θεοδώρου Ἀναγνώστου τοῦ Ἐντολέως // *ЖМНП.* 1901. Январь. Отд. класс. филол. С. 1–24.

⁸⁷ Имеется в виду работа Н. Политиса: Μελέται περὶ τοῦ βίου καὶ τῆς γλώσσης τοῦ ἑλληνικοῦ λαοῦ. Παρομίαι. Αθήναι, 1899. Т. 1. Σ. 594.

⁸⁸ Неизвестно, для какой работы нужна была эта информация. В опубликованной в том году паремииологической статье В. К. Ернштедта («Речения Эзопа» в Москве и в Дрездене // *ВВ.* Т. VIII. 1901. С. 115–130) этой пословицы нет. Впрочем, в переиздании этой статьи (см.: *Victoris Jernstedt Opuscula.* СПб., 1907. С. 217–234) отмечено, что «статья, за смертью автора, осталась неоконченной» (с. 234).

пытывая материальные трудности, готов был «уступить» Ернштедту за 200–250 руб.⁸⁹

Сохранилось 8 писем П.-Керамевса к академику П. В. Никитину (все писаны по-гречески), которого он именует всегда Ἐξοχότης. Два первых письма отражают большую, но ничем не завершившуюся работу П.-Керамевса по подготовке к печати описания еп. Порфирием Успенским рукописей Ивирского монастыря на Афоне. Вот что пишет по поводу этой работы в черновой заметке (чернила фиолетовые, черные, зеленые, карандаш) В. Н. Бенешевич:

Предисловие. Греческие рукописи Ивирского монастыря (слова «Ивирского монастыря» зачеркнуты и исправлены на «Афонских монастырей». — *И. М.*) были описаны архим. Порфирием Успенским в 184 [пробел] 1858–1859 гг., а к печати приготовлены были им же самим в 60-х гг. XIX в. Но к печатанию этого труда Академия наук постановила приступить только 20 января 1901 г., поручив редактирование его А. И. П.-Керамевсу под наблюдением акад. П. В. Никитина. Дело закончено уже в 1909 г.: вся рукопись Порфирия (№ 137, 138 и 139 по Описанию Сырку, стр. 357–8) воспроизведена с точностью, которую можно назвать фотографической до излишества. Покойный редактор издания (П. В. Никитин? — *И. М.*) был озабочен тем, чтобы для достижения этого оказано было содействие поездке на Афон в 1910 г. известного знатока греческих рукописей А. И. П.-Керамевса в сопровождении фотографа Д. Брадова, и к пишущему эти строки — как, вероятно, и другим лицам — обращена была просьба предоставить дополнения и поправки к труду Порфирия на основании непосредственного изучения многих греческих рукописей на Афоне; имелось в виду и использовать данные Порфирием описания отдельных рукописей в печатных его произведениях и присоединить в конце разнообразные указатели. Тяжелые условия пережитых потрясений не позволили осуществиться ни одному из благих предположений. Но даже и в теперешнем своем виде труд Порфирия имеет значение и ценность как дополнение к обширному каталогу афонских рукописей Сп. Ламброса (т. I. 1895 г., т. II. 1900 г.)⁹⁰.

⁸⁹ Папирусы, несомненно, были приобретены Ернштедтом, а после его смерти (1902) оказались в составе других коллекций. См. об этом: *Фихман И. Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 54.

⁹⁰ СПФ АРАН. Ф. 192. Он. 1. Д. 31. Л. 5–6.

В своем письме к П. В. Никитину от 10 апреля⁹¹ П.-Керамевс благодарит за поправки, за приготовленный образец на двух страницах, которому он, П.-Керамевс, «будет, естественно, следовать при печатании прочих рукописей еп. Порфирия», и просит уведомить «типографов», чтобы они не принимали в расчет сделанные им, П.-Керамевсом, карандашные исправления (таких исправленных страниц было им передано уже около 240), а следовали в дальнейшем подлинникам. Что же касается второго письма (от 25 мая 1902 г.), то в нем дается подробная информация об ивирской рукописи № 382 (по Ламбросу), соответствующей 104-му кодексу по каталогу Порфирия⁹².

Три других письма так или иначе связаны с известной публикацией П. В. Никитина «Сказания о 42 аморийских мучениках»⁹³.

Так как Вы готовите сейчас капитальный труд об аморийских мучениках, — пишет П.-Керамевс 2 ноября 1901 г., — то я, поислав, нашел, что и здесь, в Имп. Публичной библиотеке, существуют некоторые тексты о них, а именно: сокращенные синаксари и неизданные гимны. Не считаете ли Вы, что полезно и их приложить в конце Вашего издания? Например, в Греч. 552 (л. 8 об. и след.) содержится анонимный канон названным мученикам (дается *incipit*. — И. М.). А в Греч. 527 (л. 33 об. — 41 об.) есть другая служба этим мученикам, анонимный и неизданный канон которой начинается словами (следует *incipit*. — И. М.)⁹⁴.

О первой из указанных рукописей идет речь и в письме от 17 февраля 1902 г. «Ваше Превосходительство! — пишет П.-Керамевс. — Вчера в беседе я сказал Вам по забывчивости (ἐκ λήθης), что кодекс (шифр не указывается, но рукой П. В. Никитина помечено: *Agitur de Cod. Petropolit. Bibl. publ. DLII*. — И. М.) принадлежал еп. Порфирию. Это не так. Рукопись — из собрания архим. Антонина. Краткое описание будет опубликовано в находящемся в печати Отчете»⁹⁵. Наконец,

⁹¹ Там же. Ф. 36. Он. 1. Д. 257. Л. 2–3.

⁹² СПФ АРАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 261. Л. 1–1 об.

⁹³ Никитин П. Сказания о 42 Аморийских мучениках и церковная служба // Зап. Имп. Академии наук по Ист.-филол. отд. 1905 г. Т. 7. 1, 42 с.

⁹⁴ СПФ АРАН. Ф. 36. Он. 1. Д. 227. Л. 2–2 об.

⁹⁵ Там же. Л. 1. Следует отметить, что в архивном деле содержится и сделанная П. В. Никитиным копия с Греч. 552 (л. 3–13: *Cod. gr. Petropolitanus Bibl. Imp. publ. DLII*), с попыткой передать характер почерка и киноварных инициалов и титулов. Содержатся здесь и копия текста службы аморийским мученикам, снятая Н. П. Поповым для П. В. Никитина с греческой рукописи Сино-

письмом от 22 августа 1905 г. П.-Керамевс извещает П. В. Никитина о получении его публикации, которую считает «уникальным образцом агиологической литературы с филологической точки зрения»; поражается обширным знаниям автора, тщательности и методичности издания, от которого он получил истинное наслаждение; высказывает пожелание, чтобы публикация была доступна читателям греческих библиотек, и просит побудить Академию выслать некоторое количество экземпляров в адрес лиц и учреждений, указанных в его списке (прилагается длинный список)⁹⁶.

Еще два письма А. И. П.-Керамевса к П. В. Никитину датируются 14 февраля 1904 г. и 6 сентября 1904 г. Первым из них⁹⁷ П.-Керамевс препровождает сделанные им «в самом Ивирском монастыре» разночтения ивирской рукописи гомилий патриарха Фотия по изданию Аристархиса («Эти заметки будут полезны для труда покойного Ернштедта; прошу Вас, располагайте ими свободно по своему усмотрению»), а также сообщает о том, что гомилии о нашествии росов до Аристархиса были изданы в I томе журнала *Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια* ватопедским монахом Иаковом, который дал и описание ивирской рукописи (хотя более подробное ее описание содержится в разделе *Addenda et corrigenda* II тома каталога Ламброса); Аристархис переиздал эти гомилии, в первый раз в указанном журнале *Ἐκκλησ. Ἀλήθεια*, во второй — в своей двухтомной публикации. Во втором письме⁹⁸ П.-Керамевс извещает Никитина о том, что в III томе *Ἐκκλησ. Ἀλήθεια*, который он когда-то давал «покойному Ернштедту», он нашел вложенными листы «печатных исправлений», сделанных Ернштедтом, и, не зная, нужны ли они еще, возвращает их Никитину.

Что касается последнего, восьмого (наиважнейшего по содержанию), письма к В. П. Никитину, писанного П.-Керамевсом 1 ноября 1909 г. «глубокой ночью» (τῇ βαθεΐᾳ νύκτι), то оно, мне кажется,

дальней библиотеки № 451 (л. 15–20 об.), а также сопроводительное письмо Н. П. Попова (недатированное, с объяснением особенностей передачи текста в копии — л. 14–14 об.); письмо пространное и очень интересное. В нем, в частности, Н. П. Попов пишет, что в Москве мало людей, которые интересуются греческими рукописями, и совершенно нет профессиональных копиистов с греческого. «Поэтому всякие справки, каких просят заграничные и отечественные ученые, приходится делать самому» (Н. П. Попов заведовал Отделом рукописей Синодальной библиотеки).

⁹⁶ СПФ АРАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 48.

⁹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 261. Л. 3–4.

⁹⁸ Там же. Л. 5.

заслуживает быть приведенным полностью (к сожалению, в моем не-совершенном переводе):

Ваше Превосходительство, многоуважаемый г-н Никитин! Желяя Вашему любезному Превосходительству от глубины души всяческих благ, я прежде всего должен признать ту милость, благодаря которой я нашел с Вашей стороны покровительство в обоих страстно желанных для меня вещах. С одной стороны, «краткость жизни» торопит меня с печатанием каталога (греческих рукописей. — *И. М.*) Имп. Публичной библиотеки — меня, всегда помнящего о сошествии (как бывает, внезапном, особенно если принять во внимание мой почтенный возраст) в могилу. Тем более что печатание каталога будет для меня источником немало-го дохода, ибо Его Превосходительство г-н Дм. Кобеко пообещал когда-то полистное вознаграждение, не превышающее, правда, сумму в 40 рублей. С другой стороны, я охотно признаю старый мой долг перед Академией, долг не материальный, конечно, а нравственный, связанный с порфирьевскими и своими собственными работами, о котором я вспомнил в эти дни, перечтя адресованное мне письмо (№ 1048, от 19 сентября 1896 г.) с ее (Академии. — *И. М.*) предложением подготовить в течение нескольких десяти-летий полное издание великого филолога (μεγαλόφιλόλογου) Фо-тия и постановление Академии по этому делу, как оно явствует из сохранившегося у меня печатного протокола (§ 150) заседания (ИФО. — *И. М.*) от 2 октября 1896 г. Ибо надо иметь мужество при-знать, что я вот уже 15 лет с трудом хранил необъяснимое молча-ние по отношению к Академии. Так что пора мне освободиться от содержащегося в том письме завуалированного упрека. Ведь при-чина молчания (я охотно признаюсь в этом Вам, президенту (*sic!*) сего ученого учреждения) не во мне, а в другом человеке. Еще ког-да я получил сие официальное и столь почетное для меня письмо, над Фотием уже трудился старший (? σενάτωρ) из Аристархисов и великий логофет Ставракис⁹⁹, давно уже хорошо знакомый мне и по дружеским связям, и по опыту, и по письмам его. Муж сей известен как великий правительственный чиновник, первейшее в патриархате должностное лицо из отцовской смены (? ἐκ πατρικῆς διαδοχῆς), а следует сказать — и как друг тщеславия и неуживчиво-сти (? τρόλου δυσκοινομήτου). Узнав откуда-то, возможно от моих

⁹⁹ Имеется в виду греческий ученый Ставракис Аристархис (1836–1925), из-вестный своей публикацией гомилий патриарха Фотия. Здесь и далее текст письма П.-Керамевса преисполнен труднопереводимой иронией в адрес Ставракиса.

ученых друзей в Константинополе, о порученной мне Академией работе, он, или с целью запугать (? *πρὸς πτόησιν*), или по какому-то иному зловредству, поспешил мне запретить ее, устроив (в виде компенсации? — И. М.) по рекомендации тогдашнего патриарха Константина V неожиданное для меня награждение меня турецким орденом Меджидие 3-й степени!¹⁰⁰ Столь тонкая уловка сего мужа действительно притормозила тогдашний мой порыв, за который, я думаю, я прекрасно бы пострадал, имея в виду непосредственные связи сего мужа с Зиновьевым и Победоносцевым¹⁰¹.

И вот, наконец, появилось его ужасное издание¹⁰², в результате которого, я думаю, имя Фотия оказалось глубоко опозоренным. Фантастические «83 речи и гомилии»! В сравнении с ними фальсификатор Константин Симонидис предстает как какой-то пигмей низкопробный. Соединив воедино надерганные отовсюду куски текстов, разделил Аристархис декады несуществующих гомилий, определив для них (что смелнее всего) даты и дни оглашений в церкви! Известное четверокнижие против манихеев напч умник разделил на 15 гомилий, взяв за основание из смехотворной страстишки (? *τὴν ἀφορμὴν ἀπὸ γελοίου λαβὼν παθήματος*) кодекса XV в. из собрания швейцарского города Женевы, в котором какой-то его читатель записал (*κατεχώρισε*) выборочно 15 отрывков сочинений против манихеев. Отсюда чудо-издатель предположил равное по числу деление! Когда-то, возражая приснопамятному другу Вас. Гр. Васильевскому в триестовском журнале «Новый день», я высказал гипотезу (*εἶπον εἰκαστικῶς*), что нет ничего удивительного, если когда-нибудь наконец будет найдена эпитафия Фотия горячо любимому им Григорию Сиракузскому. Аристархис же, украв гипотезу (*τὴν εἰκασίαν κλέψας*), хорошо приправив ее и выставив на стол своим читателям, поставил эту, страшно сказать, приправу эпитафии к Григорию на брожение (т. 2, стр. 396–403); а составлена она из пяти отрывков различных посланий Фотия и игнатиевского жития Псевдо-Никиты Пафлагонского!

¹⁰⁰ Действительно, в формулярном списке П.-Керамевса отмечено, что он «имеет турецкий орден Меджидие 3 степени». См.: ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1904 г. Д. 90. Л. 14 об.

¹⁰¹ По-видимому, имеются в виду дипломат и востоковед, действительный тайный советник И. А. Зиновьев, бывший в 1897–1909 гг. послом в России в Константинополе и всем известный обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев.

¹⁰² Имеется в виду издание: *Αριστάρχης Σ. Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντίνου πόλεως λόγοι καὶ ὁμιλίαι ὀγδοήκοντα τρεῖς*. Т. 1–2. Κωνσταντινούπολις, 1900–1901.

Прошло уже 10 лет, Ваше Превосходительство, а никто из разумных судей так и не предпринял, как следовало бы, суда над Аристарховым монстром, ибо всем хорошо известен склочный характер (? τὸ ἀνίσχυον) сего мужа. Один только Папагеоргиу¹⁰³ осмелился опубликовать простой перечень ошибок, неверных чтений, явных или предположительных поправок, имя же Аристархиса и он, опасаясь его, едва лишь упомянул. Но Аристархов Фотий уже обречен на забвение, а если где-то и упоминается¹⁰⁴, то только благодаря наличию в нем подлинных гомилий. И так как этот своего рода козел отпущения остается бесполезным и оскверненным (ἀχρήστου γοῦν αὐτοῦ μένοντος καὶ βδελυτομένου οἷον εἰ τράγου τινὸς ἀποδιοπομπαίου), то с точки зрения критической и филологической назрела необходимость заняться теперь ими (гомиями Фотия. — *И. М.*), довести дело до реализации. А посему Академия объявила об этом и правильно, и мудро. Я же, оставаясь свободным и освободившись от всякого этического и дружеского долга по отношению к Аристархису, также счел нынешнее время подходящим, чтобы, если Бог пожелает, с началом мая приступить к работе, столь разумно на меня ранее возложенной, отдать плоть и кровь свою этому более чем 50-летнему, поистине благочестивому фотиевскому чаю Академии, благодаря которому и благословение Всевышнего будет России за то, что пробуждает поминовение Фотию, первым распространившему в ней веру Христову и первым щедро одарившему ее божественной иерархией из Византии. И главной моей заботой будет, помимо прочих запланированных мною трудов, собственноручно переписать на Афоне уникальный и драгоценный ивирский кодекс Фотиевых гомилий, равный прототипу (? ἴσον τῷ πρωτοτύπῳ). А то, что хранится в других библиотеках (Лигарид и иерусалимский кодекс), мы, к счастью, имеем под руками здесь. Так что мудрым попечением и наблюдением Вашего Превосходительства и благородной заботой Академии ученый мир и других стран (? τοῦ λοιποῦ) будет владеть тем, о чем давно уже страстно мечтает, — с тем, чтобы таким образом не меньше православные души ныне живущих (среди которых и душа ныне славно патриаршествующего Иоакима III) воздали ей (Академии? — *И. М.*) благодарность и хвалу, да и другие души, ныне почивающие на небесах, как то: Константина Типальдоса Ставропольского, Евгения Вулгариса

¹⁰³ Имеется в виду греческий палеограф и исследователь текстов Петрос Папагеоргиу (1859–1914).

¹⁰⁴ Отметим и мы, что издание Ст. Аристархиса указано без всяких критических оценок в справочнике И. Караяннопулоса: *Καραγιαννόπουλος Ι. Ε. Πηγαὶ τῆς βυζαντινῆς ἱστορίας*. Β' ἔκδ. Θεσσαλονίκη, 1971. Σ. 215.

и Никифора Феотокиса, боголюбиво епископствовавших в России, а также епископа Порфирия Успенского, Августа Наука, Куника, Ернштедта, Васильевского и прочих, — чтобы возрадовались. К ним следует добавить небезызвестных Академии Константина Икономоса, почтенного издателя амфилохий Фотия, и Николая Валеттаса, проницательного исследователя его посланий¹⁰⁵.

Но для осуществления дела от Академии потребуется (думаю, это сочтет верным и справедливым и Ваше Превосходительство) приготовить до мая, если возможно, 2 письма: одно — к Его Превосходительству г. Кобеко, с тем чтобы, если он одобряет, продлил мне законный отпуск на 4 месяца (ибо на некоторое время я поеду также в Каир и Иерусалим); другое — к Его Святейшеству Иоакиму III, с сообщением о благочестивой цели академической миссии и с просьбой о его отцовском попечении для успеха дела. Потребуется и третье письмо — от министра иностранных дел к послу в Константинополе, представителю Его Величества, с тем чтобы и он в той или иной ситуации действовал разумно, снабжая меня письмами к лицам, исполняющим консульские обязанности в Фессалонике и Иерусалиме...

PS. Для точности издания гомилий необходимо будет зафотографировать если не весь кодекс, то по крайней мере большую его часть, ибо его письмо полно стенографических знаков, вводящих в заблуждение даже самого опытного и знающего палеографа. Возможен ли для Академии требуемый для этого расход? А. И.-Керамевс¹⁰⁶.

Как видим, у «преклонного возрастом» ученого (53 года!) было еще в запасе немало весьма серьезных проектов, которые могли бы прославить и его, и русскую науку. Как известно, командировка А. И. П.-Керамевса в 1910 г. состоялась: в формулярном списке о его службе в ИПБ есть запись о том, что с 15 апреля 1910 г. по 15 сентября 1910 г. им предпринята командировка на Афон и в Египет «для исследования рукописей тамошних библиотек»¹⁰⁷. Но практически ничего

¹⁰⁵ Непонятна путаница в именах: речь, конечно, идет о Софоклисе Икономосе (1808–1877) и Иоанне Валеттасе (1814–1900), известных своими публикациями сочинений Фотия.

¹⁰⁶ СПФ АРАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 282. Л. 80–83.

¹⁰⁷ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1904 г. Д. 90. Л. 25. Ср.: Шилов Л. А. Пападопуло-Керамевс Афанасий Иванович. С. 402. Удивительно неверными представляются сведения А. А. Дмитриевского о том, что «с этой целью (т. е. с целью завершения сбора материалов для V тома Каталога иерусалимской библиотеки. — И. М.) в 1909 г. он (А. И. П.-Керамевс. — И. М.) даже отправился

не известно о результатах этой последней заграничной поездки ученого. Лишь в бумагах В. Н. Бенешевича удалось наткнуться на следы ее. В черновике своего «Предисловия» к «Греческим рукописям Афонских монастырей» В. Н. Бенешевич, рассказывая о перипетиях издания рукописей архим. Порфирия Успенского, отмечает, что 6 февраля 1910 г. А. И. П.-Керамевсу было поручено «точно определить те рукописи, к которым отд<ельное?> описание еп. Порфирия относится, а затем эти отождествления внести в указатель. А. И. Пападопуло-Керамевс съездил на Афон и *привез оттуда много снимков, которые теперь не удалось найти* (курсив мой. — И. М.)»¹⁰⁸.

Так что и у В. Н. Бенешевича не было четкого представления о всей полноте задач, поставленных перед П.-Керамевсом Академией. Неужели все наработанные за время поездки материалы, включая «массу снимков», постигла та же судьба, что и все его прочие бумаги, — быть употребленными на отопление комнаты вдовы ученого?! Как бы то ни было, все затраченные П.-Керамевсом огромные усилия оказались тщетными: внезапно подступившая безжалостная болезнь не оставила ему никаких надежд на осуществление задуманных им проектов, включая фотиевский.

Вернемся, однако, снова к неопубликованным письмам П.-Керамевса. Есть лишь два, но весьма дружеских его письма, адресованных все тому же В. Н. Бенешевичу, оба писаны по-гречески. В одном из них (от 4 октября 1904 г.) он радуется, что его молодой корреспондент признал отстаиваемую им, П.-Керамевсом, датировку какой-то рукописи XIII веком (уточняется, что она наверняка была написана в конце столетия), и дает некоторые весьма ценные библиографические сведения о Павле Эвергетине, жившем, по его мнению, в XI в.¹⁰⁹ Во втором (открытка, датированная 27 декабря 1909 г. и писанная по-гречески очень трудно читаемым почерком)¹¹⁰ речь идет о пожелании

в последнее путешествие в Иерусалим, Каир, Афины и в Константинополь». См.: Дмитриевский А. А. А. И. Пападопуло-Керамевс... С. 42.

¹⁰⁸ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 1. Д. 31. Л. 5–6. В деле содержится также записка к Бенешевичу на бланке Издательства РАН от 13 августа 1922 г., в которой говорится: «Многоуважаемый Владимир Николаевич! Типография мне наконец сообщила данные о ходе печатания “Греческих рукописей Иверского (*sic!*) монастыря” А. И. Пападопуло-Керамевса. Первые 11 листов были напечатаны в 1901 г., $\frac{3}{4}$ 59-го листа в 1912 году». Подпись неразборчива (Там же. Л. 4).

¹⁰⁹ Архив СПБ ИИ РАН. Ф. 261. Д. 11 (без пагинации, в связке прочих бумаг).

¹¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 215. Л. 1 (открытка содержится в папке с «письмами неустановленных лиц»).

Бенешевича, чтобы Пападопуло-Керамевс проанализировал какое-то сочинение Карла Крумбахера (его «Историю византийской литературы»?) с точки зрения истории литературы. К сожалению, пишет П.-Керамевс, некоторые работы по изданию препятствуют ему взяться за это, но если Бенешевич настаивает, то он согласен встретиться с ним и обговорить дело¹¹¹. Что касается Крумбахера, то П.-Керамевс восторгается его трудолюбием, но не может не отметить, что тот сознательно недооценил византийскую литературу.

Небольшим, но весьма интересным является единственное известное мне письмо А. И. Пападопуло-Керамевса к Я. И. Смирнову от 16 января 1902 г., в котором он поздравляет Смирнова с расшифровкой одной надписи и подтверждает, что предложенная им трактовка надписи «вполне удовлетворительна»¹¹².

Наконец, весьма важной частью эпистолярного наследия А. И. П.-Керамевса являются, как мне кажется, его 10 греческих писем к академику В. В. Латышеву (1855–1921), сохранившихся в личном фонде последнего¹¹³. Два из них датируются еще 1887 г. и посланы из Иерусалима. 17 октября 1887 г. он извещает (л. 1) о своевременном получении письма Латышева от 8 августа, а также «Книги о приобретениях в 1883 г. СПб. библиотеки, среди которых фигурируют многочисленные и очень важные рукописи, переданные ей Порфирием Успенским»¹¹⁴; спрашивает, издана ли «переведенная Вами моя небольшая заметка о Данииле Эфесском»¹¹⁵; сообщает, что «сегодня»

¹¹¹ Может быть, результатом этой договоренности и была статья П.-Керамевса «Προσθήκαι τινας εἰς τὴν Geschichte der byzant. Literatur, γεγόμεναι μετὰ τὴν ἔκδοσιν ἀμέσως, 1897» (BZ. Bd. 19. 1910. S. 260–264), хотя в заглавии и указывалось, что «добавления... сделаны непосредственно после выхода издания, в 1897 г.»?

¹¹² Архив ИИМК РАН. Ф. 11. Д. 281 (ксерокопия письма предоставлена Л. Г. Климановым).

¹¹³ СПФ АРАН. Ф. 110. Оп. 2. Д. 42 (17 л.).

¹¹⁴ Речь идет, несомненно, об «Отчете Имп. Публичной библиотеки за 1883 год» (СПб., 1885), где дан краткий обзор собрания рукописей Порфирия Успенского, поступившего в ИПБ.

¹¹⁵ Речь идет о статье А. И. П.-Керамевса «Когда жил Даниил, митрополит Эфесский, автор Хождения по св. местам», опубликованной в «Записках» ИРАО (1887. Т. 2. С. 293–298). Сохранилось интересное письмо В. В. Латышева к И. В. Помяловскому от 11 июля 1886 г., проливающее свет на историю этой публикации. Пользуясь случаем, публикуем его (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 928. Л. 69–70): «Многоуважаемый Иван Васильевич! На днях ὁ φίλος κόρυς

высылает Латышеву надписи с Хиоса, добавив: «Прошу доложить нашему археологическому обществу (имеется в виду Имп. Русское археологическое общество. — *И. М.*), присоединив статью о надписи, содержимое которой неудобоваримо для меня, но удобоваримо для желудка Вашей любезной учености». Впрочем, из письма от 28 октября (л. 2–3) узнаём, что ни предыдущее письмо, ни надписи с Хиоса не были своевременно отправлены, так как болезнь жены помешала П. -Керамевсу завершить работу над хиосскими надписями. Только сегодня, получив «жалобное письмо» Латышева, он собрался отослать обещанное (следуют подробные и очень важные указания о том, что

Κεραμεύς прислал мне небольшую статью (на скверном французском языке) о времени жизни Даниила, митрополита Эфесского, автора недавно изданного Дестунисом (Пр. Пал. Сборн. Т. 3) “Хождения по св. местам”, с просьбою прочитать ее в одном из заседаний Археол. общества и затем передать ее для напечатания в Журн. Мин. Нар. Просв. Первая часть его просьбы не представляется мне подлежащею обязательному исполнению, так как 1) до первого заседания еще очень далеко, 2) статья, как весьма специальная, не в состоянии будет заинтересовать гг. членов, между которыми многие, наверное, и не слыховали о существовании такого митрополита и его труда. Напечатать ее, по-моему, стоит, так как в ней есть новые данные для византийской церкви и литературы и приложен полный текст одной грамоты, собственноручно написанной Даниилом, со снимком его почерка; притом, так как Κεραμεύς состоит членом Арх<еологического> общества, а к Журн. Мин. не имеет никакого отношения, то статье его, по моему мнению, уместнее появиться (конечно, в русском переводе, который уже сделан мною) в “Записках” Арх<еологического> общества. Правда, содержание ее не археологическое, но появление ее в “Записках” легко можно оправдать тем, что она трактует об авторе сочинения, небезынтересного и для археологов. Если Вы согласитесь со мною, то будьте любезны черкнуть два слова гр. Толстому (сам я не могу этого сделать за незнанием его гунгербургского (?) адреса, который Вам, наверное, известен), чтобы он при подборе статей для 2-го выпуска “Записок” оставил для Κεραμεύς около полулиста (не более). Статья будет мною переслана Вам или ему по первому требованию; теперь ее не посылаю, так как не успел еще обработать перевода грамоты Даниила, который (перевод), по-моему, необходимо приложить. Если же Вам покажется неудобным помещать статью в “Записках”, то, по получении Вашего ответа, я перешлю ее, согласно желанию автора, Л. Н. Майкову... В. Латышев». А уже в письме к И. В. Помяловскому от 21 июля 1886 г. он пишет: «Прилагаю на Ваше благоусмотрение статью Κεραμεύς с покорнейшею просьбой распорядиться, при наборе ее, о присылке корректуры ко мне» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 928. Л. 71).

нужно делать с этим материалом¹¹⁶, а также уведомление о намерении выслать в адрес И. В. Помяловского «другие надписи, из Симы и других мест»).

Остальные 8 писем к В. В. Латышеву писаны уже в Петербурге (по адресу: Фонтанка, 93, кв. 17) и отражают совместную работу двух ученых по изданию агиологических и эпиграфических памятников. Письмом от 2 сентября 1906 г. (л. 4–5) П.-Керамевс благодарит Латышева за поправки к печатающимся агиологическим текстам¹¹⁷, сообщает, что он с большой пользой (καρποφόρος) прочитал все новые надписи из Южной России, опубликованные Латышевым¹¹⁸, и дает фактически рецензию этой публикации, тем более важную, что сделанные им исправления не были преданы гласности. Так, в надписи № 39 ему кажется невозможным «странное» слово Μαρσῶ, и он предлагает читать это слово Μανασῶ или Μανασῆ (в знаке он различает 2 соединенные буквы: N и A); прочитанное Латышевым имя Γε(ώ)ργ[ι]ου он считает более точным писать так: Γεόργην (= Γεώργην). Да и по поводу имени Μαρϋαρίτος из надписи № 38 П.-Керамевс замечает, что ударение в нем должно ставиться на последнем слоге (Μαρϋαρίτῶς), ибо, говорит он, «у нас и поныне есть имена женского рода, оканчивающиеся на ῶ и на οῶ и склоняющиеся (в родительном падеже) на ῶς и οῶς. Из древнего ῶ, например Σαλφῶ. У Дамиана была жена по имени (в именительном падеже) Μαρϋαρίτῶ». Аналогичным образом в письме от 25 января 1908 г. (л. 11–12) П.-Керамевс дает развернутое и убедительное, на мой взгляд, прочтение одной из надписей, вызвавших затруднение у Латышева и опубликованных во 2-м выпуске 3-го тома «Трудов Комиссии»¹¹⁹.

¹¹⁶ Опубликован в статье В. В. Латышева «Неизданные надписи острова Хиоса, сообщенные г. Пападопуло-Керамевсом» (Записки ИРАО. 1890. Т. 4. С. 1–13).

¹¹⁷ Речь идет об издании: Сборник палестинской и сирийской агиологии, издаваемый Аф. Ив. Пападопуло-Керамевсом с русским переводом В. В. Латышева. Вып. 1 // ППС. 1907. Т. 19. Вып. 3 (224 с. греческого текста и 250 с. русских переводов). В предисловии П.-Керамевс благодарит Латышева за указание «на некоторые недосмотры, вкравшиеся при печатании» (с. VIII).

¹¹⁸ Имеется в виду статья: Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (с 20 снимками) // ИИАК. Т. 18. 1906. С. 95–137 (П.-Керамевс пользовался отдельным оттиском, имевшим самостоятельную пагинацию).

¹¹⁹ В списке трудов В. В. Латышева мне не удалось найти такой публикации. См.: Винберг Н. А. Список трудов академика В. В. Латышева // СА. Т. 28. 1958. С. 36–51. Проверка «Записок Русского археологического общества»

Новая тема — материалы будущего знаменитого латышевского «Минология»¹²⁰ — затрагивается в письме от 12 февраля 1980 г. (л. 6–7). П.-Керамевс сообщает важную для Латышева информацию о содержании греческой рукописи № 17 Иерусалимского патриархата («Помимо уже изданного жития Павла, у меня есть копия жития Анатолия Константинопольского, и, если желаете, он в Вашем распоряжении. Мне неизвестно, издал ли кто-то, кроме меня, какой-то другой текст из этого кодекса. А сколько таких текстов могут быть известны из других рукописей, мы узнаем из каталогов необолландистов¹²¹»), но особенно — о содержании московской Синодальной рукописи № 376 (по каталогу архим. Владимира), с подробными библиографическими характеристиками житий Мартиниана, Агапита, Поликарпа, Пиония, Менигна («Есть еще у меня копия мученичества Менигна, тоже неизданного; копия не моей руки, а кого-то другого»), Тарасия («Есть и моя собственноручная копия жития Тарасия Константинопольского, тоже неизданного»), Ионы, Вараксисия, Авраамия, Феофана Исповедника и т. д. («Вот все, что пока вспомнил. Готов дать любую другую информацию, а также означенные копии. Если хотите иметь и некоторые из иерусалимских копий, пожалуйста»)¹²².

Латышев, разумеется, «хотел», в связи с чем П.-Керамевсу пришлось обращаться с просьбой о снятии копии с иерусалимской рукописи № 17 к известному ученому архидиакону Клеопе Кикилидису из Иерусалимского патриархата. В письме от 21 ноября 1908 г. (л. 9) он извещает Латышева: «Копия в Иерусалиме делается. Архидиакон Клеопа пишет мне, что нужно добавить еще 20 рублей, ибо кодекс

и «Известий Археологической комиссии» с публикациями Латышева тоже ничего не дала.

¹²⁰ Menologii anonymi byzantini saeculi X quae supersunt / Sumptibus Caesareae Academiae scientiarum e codice Mosquensi 376 Vlad. edidit B. Latyšev. Petropoli, 1911–1912. Fasc. 1–2.

¹²¹ Имеется в виду издание: *Analecta Bollandiana*. Bruxelles, 1882 sqq.

¹²² Некоторую дополнительную информацию, касающуюся, в частности, житий Дометия, Марии и Марина, а также мученичества св. Георгия, П.-Керамевс сообщает в одном недатированном письме (л. 17) и в открытке от 9 апреля 1909 г. (л. 16). В предисловии к I тому «Минология» В. В. Латышев воспроизводит все эти сведения и выражает благодарность А. И. Пападопуло-Керамевсу (Menologii... Fasc. I. P. VI–VIII). О современной обширной библиографии знаменитого Синодального кодекса № 376 см.: *Фонкич Б. Л., Поляков Ф. Б.* Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. С. 121–123.

большой и многостраничный». О том же — в письме от 24 февраля 1909 г. (л. 14–15):

В середине января я получил письмо великого архидиакона Клеопы, извещающего меня об отправке еще 25 листов требуемой копии, но они до сих пор не дошли до меня. Сегодня получил газеты из Константинополя, в которых сообщается новость о том, что иерусалимский патриарх помирился с святогробской братией. Так что и Клеопа останется и далее библиотекарем, и копия будет завершена. Итак — терпение и надежда на обретение требуемого. Что же касается вознаграждения, оно да будет выполнено, когда я новым письмом подтвержу восстановление Клеопы. Правильным было бы послать ему всю обещанную сумму с просимой им прибавкой. Полагаю, что на списывание остается лишь август (т. е. августовская минея. — *И. М.*), то есть небольшая часть кодекса¹²³.

Наконец, еще одной совместной работы двух ученых — «Материалов для истории архиепископии Синайской горы»¹²⁴ — касается П.-Керамевс в письме от 21 ноября 1908 г. (л. 8–9). Вернее, письмо посвящено лишь приложению к публикации, содержащему дополнения и изменения к издаваемой «Истории Синайской архиепископии» патриарха Досифея по второй ее редакции. П.-Керамевс просит Латышева написать в типографию В. Ф. Киришбаума, в которой печаталось издание, и попросить еще два листа на указанное приложение, а также, отвечая на вопросы Латышева, очевидно наблюдавшего за печатанием, дает пояснения к приложению: вместо предисловия к нему лучше дать эпилог в конце 2-го листа, исключив из него указатель имен (так и было издано); дает, со ссылкой на словарь Софоклиса, толкование слов *μάγγιλον* и *ἐναμβρόνεσθαι*; заверяет, что встречающееся на с. IX имя автора собственноручной пометы на полях Хрисанфа

¹²³ В своем латинском предисловии В. В. Латышев пишет: «Totius autem codicis Hierosolymitani apographum eodem anno 1909 Ath. Papadopoulos-Kerameus qua solet esse erga nos benignitate nobis praestitit, partim a Cleopa Coecylide patriarchae Hierosolymitani archidiacono, partim ab aliis amicis eius et discipulis Hierosolymis degentibus confectum sumptibus classis historiae et philologiae Academiae scientiarum Petropolitanae» (Menologii... Fasc. I. P. II).

¹²⁴ Материалы для истории архиепископии Синайской горы, издаваемые с предисловием А. И. Пападопуло-Керамевсом, с русским переводом В. В. Латышева // ППС. 1908. Вып. 58. 1-я половина (греческий текст); 1909. Вып. 58. 2-я половина (русский перевод).

уже исправлено на Досифея (на этом настаивал Латышев?)¹²⁵; подчеркивает, что и слово *μλεζάζης*, видимо смущавшее Латышева, может остаться в печатном тексте (в конце русского перевода Латышевым добавлен «Объяснительный указатель восточных слов», среди которых фигурирует и «безазии» — «торговец бязью»), и т. д.

Рассмотренные документы и письма, несмотря на всю их скудость, ярко демонстрируют одну истину: включение греческого ученого в среду русских византинистов было естественным и плодотворным как для той, так и для другой стороны. Именно в петербургский период жизни Афанасия Ивановича Пападопуло-Керамевса им была опубликована большая часть его трудов, многие из которых — непреходящего значения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ι. Свидетельство о рождении Α. Ι. Παπαδοπούλου-Κεραμεύσα (ΟΑΔ ΡΗΒ. Φ. Ι. Οπ. Ι. 1904 γ. Δ. 90. Λ. 77)

Ὁ ὑποφαινόμενος ἱερεὺς Ἰωάννης Κ. Ταμβάκης ὁμολογῶ, ὅτι ἀνεδέχθη ἐπὶ Τουρκοκρατίας, ἐπὶ τοῦ μακαρίτου Δημητριάδος μητροπολίτου Γαβριήλ, ἐν τῇ ἡμετέρᾳ ταύτῃ πολίχνῃ Δρακίων, ἔτει 1856-ω, ὁκτῶ ἡμέρας μετὰ τὴν γέννησιν, ἐν τῷ καθ' ἡμᾶς ἱερῷ ναῷ τοῦ ἁγίου Νικολάου, ἐκ τῆς ἱερᾶς κολυμβήθρας, κατὰ τὸν τύπον τῆς ἡμετέρας ὀρθοδόξου ἐκκλησίας, τὸν φέροντα τὸ παρὸν πιστοποιητικὸν βαπτίσεως ἔγγραφον κ. Ἀθανάσιον Ἰωάννου Παπαδοπούλου Κεραμέα, γεννηθέντα ἐν τῇ πολίχνῃ ταύτῃ Δρακίων τῇ 26 ἀπριλίου τοῦ χιλιοστοῦ ὀκτακοσιοστοῦ καὶ πεντηκοστοῦ ἔκτου σωτηρίου ἔτους ἐκ γονέων ὀρθοδόξων, νομίμως διὰ τοῦ ἱεροῦ γάμου συναφθέντων ἐν Δρακίους, τουτέστι τοῦ εὐλαβεστάτου ἱερέως Ἰωάννου Παπαδοπούλου Κεραμέως, τοῦ ἐκ Κυδωνιῶν τῆς Μικρᾶς Ἀσίας, καὶ τῆς συζύγου αὐτοῦ πρεσβυτέρας μακαρίτιδος Μαρίας, τῆς ἐκ Δρακίων, τῆς ἐκ γένους Νικολάου Κατόπῃ· ἀνάδοχος δέ ἦτο ὁ ἐκ Δρακίων μακαρίτης Κωνσταντῖνος Σφύρας καὶ ἡ σύζυγος αὐτοῦ Μαρία, ἀμφοτέρωι ὀρθόδοξοι. Διὸ καὶ εἰς ἔνδειξιν ὑποφαινομαι

¹²⁵ Впрочем, открыткой от 24 ноября 1908 г. (л. 13) П.-Керамевс снова высказывает пожелание, чтобы в печатном варианте осталось (δεὸν νὰ μένῃ) именно имя Хрисанфа, так как «помета — его, а не Досифея». Латышев прислушался к этому указанию.

Ἐν Δρακίους (Δῆμος Νειλίας) ὁ ἱερεὺς

Ἰωάννης Κ. Ταμβάκης

Πρωτοπάπας

Ἡ ἀνάδοχος

Μαρία Κ. Σφόδρας

Τῇ 2-α αὐγούστου 1895

II. Письмо А. И. Παπαδοπουλο-Κεραμεвса к Π. В. Никитину

от 1 ноября 1909 г.

(СПФ АРАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 282. Л. 80–83 об.)

Ἐξοχώτατε καὶ πολυσέβαστέ μοι

Κύριε Νικῆτιν

τῇ Ὑμετέρᾳ φύλῃ Ἐξοχώτητι

πᾶν ἀπὸ μέσης ψυχῆς εὖχομαι ἀγαθόν.

Πρῶτον μὲν χάριτας ὁμολογῶ, Ἐξοχώτατε, δι' ἣν εὖρον οὕτως εὖνουν παρ' Ὑμῶν προστασίαν ἐπ' ἀμφοτέρων τῶν ποθητῶν ἐπιθυμειῶν μου. Εἰς μὲν γὰρ τοῦ τῆς Δημοσίας Αὐτοκρατορικῆς Βιβλιοθήκης καταλόγου τὴν ἐκτύπωσιν βιάζει με τὸ «βραχὺς ὁ βίος», διαπαντὸς ἀναμνησκόμενον καὶ τὴν πρὸς τάφον ἐν οὗτῳ προκεχωρηκυῖά μου ἡλικία βάδισιν ὡς εἰκὸς ἀπρόοπτον ἄλλως δέ ἢ τοῦ καταλόγου ἐκτύπωσης ἔσται μοι καὶ πόρου τινὸς εὐπόρου πρόξενος, τῆς Αὐτοῦ Ἐξοχώτητος τοῦ κ. Δημητρίου Καβέκου προϋποσχεθέντος ἐν καιρῷ ὠρισμένην τινὰ κατὰ φύλλον ἀμοιβὴν οὐχ ὑπερβαίνουσαν τὸ τεσσαράκοντα ρουβλίων ποσόν

Εἶτα δέ σύμφημι θαρρούντως, ὅτι τὴν περὶ ἄλλων τινῶν πορφυριανῶν τε καὶ μὴ σχεδιαζομένων ἐν τῷ Ἀθῶ ἐργασιῶν μου καλὴν ἀφορμὴν ἔσχον ἀπὸ τῆς ἐν ταῖς ἡμέραις ταύταις ἀναμνήσεως παλαιᾶς μου πρὸς τὴν Ἀκαδημειαν ὀφειλῆς, ταύτης δὲ οὐχ ὑλικῆς, ἠθικῆς δέ, ἀπὸ τε τῆς ἐπαναγνώσεως τοῦ πρὸς ἐμέ γράμματος αὐτῆς (ἀριθ. 1048, Σεπτ. 19, ἔτ. 1896), τοῦ σκοπὸν ἔχοντος τὴν ἀπὸ δεκάδων τινῶν ἐτῶν ποθυμένην αὐτῇ ὀλικὴν ἔκδοσιν τῶν ὀκτωκαίδεκα γνησίων καὶ μόνον ὀμιλιῶν τοῦ ἐν πατριάρχαις ἀγίου καὶ μεγαλοφιλόλογου Φωτίου, τῆς πρὸς τοῦτο ἀκαδημεικῆς (*sic!*) ἀποφάσεως, ὡς τὸ παρ' ἐμοὶ σφῳζόμενον ἐντυπον δηλοῖ πρακτικόν, γενομένης ἐν § 150 τῆς συνεδρίας τῆς 2ας Ὀκτωβρίου ἔτ. 1896-ου. Δέον γὰρ γενναίως ὁμολογεῖν, ὅτι βαρέως ἐχεμύθως ἔφερον τὴν ἐμὴν ἐπὶ δέκα ἤδη καὶ πέντε ἔτη ἀνερμήνευτον, οὐ καλῶς γε, ἀφεθεῖσαν τῇ Ἀκαδημείᾳ σιωπῇ μου. Καιρὸς οὖν ἀπαλλαγῆναι με ἀπὸ τῆς ἐντεῦθεν αἰνιττομένης ἀκαδημεικῆς μομφῆς· ἡ γὰρ σιωπῇ, θαρρούντως γὰρ ἐξομολογοῦμαι νῦν Ὑμῖν προεδρεύουσι τοῦ σοφοῦ ἐκεί-

νου καθιδρύματος, τὴν αἰτίαν οὐκ ἂν' ἐμοῦ, ἐτέρωθεν δὲ ἔχει. Ὅτε γὰρ τὸ ἐπίσημον καὶ οὕτω τιμητικὸν ἐκείνῳ ἔλαβον γράμμα, ὃ τι περὶ τὸν Φώτιον ὁ ἐξ Ἀρισταρχῶν σενάτωρ καὶ μέγας κατηγοράζετο Σταυράκης ὁ λογοθέτης, ἦν αὐτὸς γινώσκων εὖ ἀπὸ χρόνου μακροῦ, ἀπὸ τε φιλίας καὶ πείρας καὶ γραμμάτων αὐτοῦ ἐκείνου. Γνωστὸς ὁ ἀνὴρ ὡς μέγας ἄρχων κυβερνητικὸς, τοῦ δὲ πατριαρχείου πρῶτιστος ἐκ πατρικῆς δι-
αδοχῆς ὁφικιάλιος, εἰρήσθω δὲ καὶ ὡς φίλος κενοδοξίας καὶ τρόπον δυσοικονομήτου. Οὗτος, ἄγνωσθ' ὅθεν, ἴσως μέντοι ἀπὸ τινος τῶν ἐν Κ/πόλει ἐλλογίμων φίλων μου, τὴν ἀνατεθεῖσάν μοι μαθὼν ἀκαδημεικὴν ἐργασίαν εἴτε πρὸς πτόησιν εἴτε δι' ἄλλο τι πονήρας ἔσπευσε κωλύσαι με ταύτης, διενεργήσας τὴν συστάσει τοῦ τότε πατριαρχούντος Κωνσταντίνου τοῦ Ε'-ου ἀνέλπιστόν μοι τοῦ τουρκικοῦ διασήματος Μετζιτιέ 3-ης τάξεως ἀπονομήν! Τὸ οὕτω λεπτοφυὲς διπλωματικόν τοῦ ἀνδρὸς τέχνασμα ἀνέστειλεν ὄντως τὴν τότε ὁρμήν μου· ἦν γὰρ οἶμαι καλῶς ἐγὼ πονήσαι, τοῦ ἀνδρὸς τὴν πρὸς Ζηνόβιεφ καὶ Ποπεδονόσσοφ σχέ-
σιν ἄμεσον πτοηθεῖς. Τέλος ἐφάνη ἡ φρικώδης αὐτοῦ ἔκδοσις, δι' ἣς, οἶμαι, τὸ Φωτίου ὄνομα βαθέως ἐκηλιδώθη. Φαντασιώδεις «Λόγοι καὶ ὁμιλίας 83»! Ὁ πλαστογράφος Κωνσταντῖνος Σιμωνίδης παραβαλλόμε-
νος πρὸς ἐκείνον νῆνός τις οἶονεῖ εὐτελὲς ἀναδείκνυται. Τεμάχη ἔνθεν κάκειθεν εἰς ἓν συνενώσας διεῖλεν ὁ Ἀριστάρχης εἰς δεκάδας ἀνυπάρ-
κτων ὁμιλιῶν, ὁρίσας αὐταῖς, τὸ ἱλαρώτατον, καὶ χρονίας καὶ ἡμέρας ἐπ' ἐκκλησίας ἐκφωνήσεων! Τὸ γνωστὸν κατὰ Μανιχαίων τετράβιβλον διεῖλεν ὁ εὐφυὲς εἰς πεντεκαίδεκα κεχωρισμένους ὁμιλίας, τὴν ἀφορμὴν ἀπὸ γελοίου λαβὼν παθήματος, ἀπὸ κώδικος 15-ου αἰῶνος τῆς ἐλβετικῆς πόλεως Γενεύης, ἐν ᾧ τοῦ κατὰ Μανιχαίων συγγράμματος πεντεκαίδεκα κατ' ἐκλογὴν εἰς τις τοῦτου ἀναγνώστης κατεχώρισε τεμάχη. Ἐντεῦθεν ὁ θαυμάσιος ἐκδοτὴς τὴν ἰσάριθμον ἤκασε διαίρεσιν! Ἄλλοτε πάλιν ἀντι-
λέξας ἐγὼ τῷ ἀειμνήστῳ φίλῳ Βασ. Γρ. Βασιλειέβσκη ἐν τῇ τεργεσταίᾳ «Νέα Ἡμέρα» εἶπον εἰκαστικῶς, ὅτι οὐ παράδοξον, ἂν εὕρεθῃ ποτε καὶ τέλος ἐπιτάφιος τοῦ Φωτίου εἰς τὸν αὐτῷ θερμῶς φιλούμενον Γρηγόριον τὸν Συρρακούσης ὁ δ' Ἀριστάρχης τὴν εἰκασίαν κλέψας, ἀρτύσας εὖ καὶ ἐπὶ τραπέζης τοῖς αὐτοῦ θεῖς ἀναγνώσταις, καρύκευμα, φρικῶδες εἰπεῖν, ἐπιταφίου εἰς Γρηγόριον πρὸς βράσιν ἐπέδειξε (τ. 2, σ. 296–403). Τοῦτο δὲ συντέθεται ἐκ πέντε τεμαχίων διαφόρων ἐπιστολῶν τοῦ Φωτίου καὶ τοῦ ἰγνατιακοῦ βίου Ψευδονικήτα τοῦ Παφλαγόνος!

Δέκα παρῆλθον ἡδὴ ἔτη, Ἐξοχώτατε, καὶ οὐδεὶς τῶν φρονίμων κρι-
τῶν ἐπελάβετο τῆς ὡς δεῖ κρίσεως τοῦ ἀρισταρχείου τέρατος πάντες γὰρ εὖ οἶδασιν τὸ ἀνήσυχον τοῦ ἀνδρὸς μόνος ὁ Παπαγεωργίου τολμηρῶς ἐξέ-
δωκε πίνακ' ἀπλοῦν σφαλμάτων, παραναγνωσμάτων, διορθώσεων φα-
νερῶν ἢ εἰκαστικῶν, τὸ δὲ τοῦ Ἀριστάρχου ὄνομα πτοηθεῖς καὶ καὐτὸς

μόλις πως ἐμνημόνευσε. Ἀλλ' ἤδη ὁ ἀριστάρχειος Φώτιος καταδεδίκασται εἰς λήθην, καὶ εἴ που μνημονεύεται, χάρις ταῖς ἐν αὐτῷ προχείρος (*sic!*) γνησίαις ὁμιλίαις. Ἀχρήστου γοῦν αὐτοῦ μένοντος καὶ βδελυττομένου οἶονεὶ τράγου τινὸς ἀποδιοπομπαίου, εὐκαιρον ἀπὸ τε κριτικῆς καὶ φιλολογικῆς ἐπόψεως τὸ πρέπον νῦν αὐταῖς διενεργηθῆναι, εἰς πραγμάτων δὲ φέρειν καὶ ὅτι περὶ τούτων ὀρθῶς τε καὶ σοφῶς ἡ Ἀκαδημία προαπεφάνετο· μένων δὲ ἀγῶ ἐλεύθερός τε καὶ πάσης ἀπηλλαγμένος (πρὸς?) Ἀριστάρχην ὀφειλῆς ἠθικῆς τε καὶ φιλικῆς, εὐκαιρον ὥσαύτως ἔκρινον τὸν νυνὶ τρέχοντα χρόνον, ἦν θεὸς βούλῃται, τοῦ Μαΐου ἀρχομένου, τοῦ οὕτως εὖνως προανατεθειμένου μοι ἀπάρχασθαι ἔργου, ὅστ'α (*sic?*) δὲ καὶ σάρκα διδόναι τῇ ὑπερπεντηκονταετῇ τῷ ὄντι εὐσεβεῖ τῆς Ἀκαδημείας φωτιακῇ ποθήσει· δι' ἣν καὶ εὐλογία τοῦ Ὑψίστου ἔσται τῇ Ῥωσίᾳ διὰ τὸ ὅπερ ἐγερεῖ μνημόσυνον τῷ Φωτίῳ, τῷ πρώτῳ τὴν Χριστοῦ πίστιν διασπείραντι ἐν αὐτῇ καὶ ταύτης τὴν θείαν ἱεραρχίαν πρώτῳ ἐκ Βυζαντίου γενναίως χαρίσαντι. Καὶ εἰς Ἀθῶν μὲν, ἔξω τῶν ἄλλων τινῶν ἐν σχεδίῳ μου ἔργων, κύριον ἔξω μέλημα χειρὶ ἰδίᾳ μεταγράψασθαι ἴσον τῷ πρωτοτύπῳ τὸν μοναδικὸν ἐν τῇ Ἰβήρῳ μονῇ τῶν φωτιακῶν ὁμιλῶν πολυτιμὸν τε κώδικα· ὃ τι δὲ λοιπὸν ἐν ἄλλαις τισὶ σέσωσται βιβλιοθήκαις (Λιγαρίδην καὶ κώδικα ἱεροσολυμίτην) πρόχειρον εὐτυχῶς ἔχομεν ἐνταῦθα. Οὕτω τοίνυν σοφῇ τε τῆς Ὑμετέρας Ἐξοχότητος ἀντιλήψει τε καὶ ἐφορείᾳ, γενναίᾳ τε μερίμνῃ τῆς Ἀκαδημείας, κτήσεται τοῦ λοιποῦ κόσμος ὁ λόγιος ὃ, τι ἀπὸ μακροῦ ποθεῖ χρόνον, ἵν' (*sic!*) οὕτως οὐχ ἦττον καὶ ζώντων μὲν ψυχαὶ ὀρθόδοξοι, ἐν αἷς καὶ ἡ τοῦ νῦν δεδοξασμένως πατριαρχούντος Ἰωακεῖμ τοῦ Γ-ου, χάριν ἐκείνη συνομολογῶσι καὶ ἔπαινον, ψυχαὶ δὲ ἕτεραι τανῶν ἐν οὐρανοῖς μεμακαρισμέναι, Κωνσταντίνου Τυπάλδου τοῦ Σταυροπόλεως, Εὐγενίου Βουλγάρεως καὶ Νικηφόρου Θεοτόκη θεοφιλῶς ἐν Ῥωσίᾳ ἐπισκοπησάντων, Πορφυρίου ἐπισκόπου τοῦ Οὐσπένσκη, Αὐγούστου Νάουκ, Κοῦνικ τε Γέρνσντετ, Βασιλειέφσκη τε καὶ λοιπῶν συνευφραίνωνται προστιθέσθω<σαν> τούτοις καὶ οἱ οὐχὶ τῇ Ἀκαδημείᾳ ἄγνωστοι. Κωνσταντῖνος ὁ ἐξ Οἰκονόμων, ὁ τῶν Ἀμφιλοχίων Φωτίου σεβάσμιος ἐκδότης, καὶ Νικόλαος ὁ Βαλέττας ὁ τῶν ἐπιστολῶν αὐτοῦ ὀξύνος ἰχνευτής.

Ἀλλ' εἰς ἐκτέλεσιν τοῦ πράγματος δεῖσει (οἶμαι δὲ ὀρθόν τε καὶ δίκαιον κρίνει τούτο καὶ ἡ Ὑμετέρα Ἐξοχότης) ἀπὸ προσώπου τῆς Ἀκαδημείας δύο προετοιμάσαι ἐν καιρῷ γράμματα, πρὸ τοῦ Μαΐου, εἰ δυνατόν, τὸ μὲν πρὸς τὴν Α. Ἐ. τὸν κ. Καβέκον, ὅπως, εἴπερ ἐγκρίνει, τὴν ἀπουσίαν νόμιμον ἄδειαν εἰς τέσσαρας παρατείνει μῆνας (μεταβῆσομαι γὰρ διὰ χρόνον βραχὺν καὶ εἰς Καῖρον καὶ Ἱεροσόλυμα)· τὸ δὲ πρὸς τὴν Αὐτοῦ Παναγιότητα τὸν Οἰκουμενικὸν Πατριάρχην Ἰωακεῖμ τὸν Γ'-ον, γνωρίζον τούτῳ τὸν τῆς ἀκαδημεικῆς ἀποστολῆς εὐλαβῇ σκοπὸν καὶ

τὴν εἰς εὐδόωσιν αὐτοῦ πατρικὴν αἰτούμενον μέριμναν. Δεήσει μέντοι καὶ τρίτου ἀπὸ τοῦ ἐπὶ τῶν Ἐξωτερικῶν Ὑπουργοῦ πρὸς τὸν ἐν Κ/πόλει τὴν Αὐτοῦ Μεγαλειότητ' ἀντιπροσωπεύοντα πρέσβυν, ὅπως καὶ οὗτος ὃ τι ἐν τοιαύτῃ κεκανόνισται περιστάσει εὖνως πράξῃ, ἐφοδιάζων τέ με καὶ γράμμασι πρὸς τοὺς ἐν Θεσσαλονίκῃ καὶ Ἱεροσολύμοις τὰ προξένου τελούντας ἔργα.

Καὶ ταῦτα μὲν, εἰ καὶ τολμηρά πως, ἔγραψα θαρρούντως, τῇ Ὑμετέρα σοφωτάτῃ καὶ εὐνοτάτῃ μοι Ἐξοχότητι εὐχόμενος δὲ αὐτῇ πᾶν ποθεινὸν ἱκετεύω τέλος ἀξιώσας συμπαθῶς συγκεχωρηῆσθαι εἰ τι φλόαρον ἢ περιττὸν ὧδε γέγραπται.

Ὁ τῆς Ὑμετέρας Ἐξοχότητος
πρόθυμος δοῦλος καὶ φίλος
ἐγγνώμων

Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς

Фонтанка, 93, кв. 17.

Τῇ βαθείᾳ νυκτὶ τῆς 1-ης Νοεμβρίου,
ἔτους 1909-ου.

ΥΓ. Ἐν μοῖρᾳ ὑστερογράφου προστίθηναι, ὅτι διὰ τὸ ἀκριβὲς τῆς τῶν ὁμιλιῶν ἐκδόσεως ἀναγκαῖον ἔσται φωτογραφῆσαι, εἰ μὴ ὅλον, τὸ μέγιστον ὅμως τοῦ κώδικος· τούτου γὰρ ἡ γραφὴ πλήρης σημείων ταχυγραφικῶν καὶ τὴν ὀξυσημένον παλαιογράφου πεῖραν καὶ γνῶσιν ἐξαπατώντων· δυνατὴ δὲ τῇ Ἀκαδημίᾳ ἢ πρὸς τοῦτο χρηζομένη δαπάνη;

Α. Π. Κεραμεύς.

III. Рукописный диалог между

Α. И. Пападопуло-Κεραμεвсом и Хр. М. Лопарёвым
во время заседания Русского археологического общества
13 апреля 1890 г.

Подлинный «рукописный диалог», состоявшийся между Α. И. Π.-Κεραμεвсом и Χρ. Μ. Λοπαρέвым во время заседания Русского археологического общества 13 апреля 1890 г., сохранился в бумагах Λοπαρέва¹²⁶. Вначале Λοπαρέв записал чернилами: «Сия переписка происходила между мною и греческим ученым Παπαдопуло-Κεραμεвсом 13 апреля 1890 года во время заседания Русского археологического общества». Видимо, приписка эта была сделана

¹²⁶ СΠΦ ΑΡΑΝ. Φ. 107. Οπ. 1. Δ. 125. 5 л.

позднее, на свободном верхнем поле, так как далее идут их собственноручные карандашные записи, которые здесь и воспроизводятся в их подлинном виде, с прибавлениями в квадратных скобках инициалов «действующих лиц».

[L.] M. Papadopoulos-Kerameus, j'ai envoyé jadis à Vous un exemplaire de mon édition intitulée «Ioannis Comneni medici Vita Ioannis Cantacuzeni»¹²⁷.

[P.-K.] Je regrette que je n'ai rien reçu.

[L.] En ce cas j'ai l'honneur de vous le représenter; c'est malheureusement, que je ne l'ai pas en cette minute. Votre adresse?

[P.-K.] Cet ouvrage doit être très intéressant. L'auteur m'intéresse. Vous avez vu certainement mon article dans le Δελτίον d'Athènes.

[L.] Non, excusez moi, quel article avez vous imprimé?

[P.-K.] Cet article porte le titre: Le dernier descendant des Comnènes d'après un document officiel du métropolitain d'Héraclée Néophyte, 1695¹²⁸. Il y est question justement sur votre auteur et sur l'origine de sa famille.

[L.] Ah, c'est très intéressant, je vous prie, si vous avez un exemplaire, vous rendez moi les services les plus graves...

[P.-K.] Malheureusement la direction du Δελτίον ne donne pas des tirages à part; mais je peux vous prêter mon exemplaire.

[L.] Non, je ne veux vous faire les incomodités et je lirai cet article chez M. G. Destounis. Je n'ose pas d'user de votre bonté, et je peux faire la connaissance de cet article dans le livre chez Destounis. Pardonnez, que j'écris français très faiblement et je donne peut-être des phrases peu polies.

[P.-K.] Vous écrivez le français mieux que moi. Mon article se trouve dans le VII ou VIII fascicule. Permettez-moi maintenant à vous faire observer que dans la préface de votre savante édition du texte de Basile Boznia-koff vous m'avez fait un petit tort. Vous corrigez la date d'un document du Patriarche Jérémie I, et vous tachez l'attribuer à Jérémie II¹²⁹. Il parait que

¹²⁷ Имеется в виду публикация: Ioannis Comneni medici Vita Ioannis Cantacuzeni Romaeorum imperatoris / Edidit graece Chrysanthus Loparev Samarovens. Petropoli, 1888.

¹²⁸ Точное название: Παπαδόπουλος Κεραμεύς Α. Ὁ τελευταῖος Κομνηνὸς κατ' ἐγγράφον ἐπίσημον τοῦ μητροπολίτου Ἡρακλείας Νεοφύτου (1695) // Δελτίον τῆς Ἱστορ. καὶ Ἐθνολογ. Εταιρίας. 1889. Τ. Β'. Τεύχος 8. Σ. 667–679.

¹²⁹ См.: Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока / Под ред. Хр. М. Лопарёва // ИПС. 1887. Т. 6. Вып. 3. С. 72, примеч. 3.

vous n'avez pas compris mes remarques. Silvestre patriarche d'Alexandrie n'a fait que sanctionner le document de Jérémie I; c'est pour cela qu'il a mis sa signature.

[L.] Oui, vous avez raison, et c'est déjà que M. Bézobrazow a indiqué ma faute dans le «Journal de Ministère de l'Instruction publique». Je m'ai hâté et j'ai admis la faute. Pardonnez-moi généreusement.

[P.-K.] Non, ce n'est pas grand'chose. Des telles fautes nous viennent souvent. Je désire maintenant connaître l'article de Mr. Bézobrazof.

[L.] M. Bézobrazow a écrit un passage très bon sur le tome cinquième de l'édition de Miclosich et Müller «Acta et diplomata graeca medii aevi»; je vous communiquerai aussitôt, en quelle année et quel mois parut cet article¹³⁰.

[P.-K.] Vous m'obligerez beaucoup. Je vous remercie d'avance.

[L.] Je vous enverrai (*sic!*) le dimanche un exemplaire de Vita Ioannis Cantacuzeni et la remarque sur le passage de M. Bézobrazow. Donnez moi l'indication de votre adresse.

[P.-K.] Кирпичный пер., д. 2, кв. 28.

[L.] Vous écrivez russe très beau et directement (*sic!*).

[P.-K.] Non, je commence à apprendre. Et je cherche à trouver un moyen de l'apprendre vite si c'est possible. J'aime la Russie, et puisque j'estime beaucoup les savants russes qui s'occupent (*sic!*) aux études classiques, byzantines et néogrecques, j'aime à étudier leurs ouvrages et tirer un profit pour mes propres études.

[L.] C'est digne de gloire et est le signe du génie éminent, quand un savant ne veut contenter de la littérature de son peuple et veut savoir, comment traitent des questions historiques les savants des nations diverses. Je suis très heureux de faire la connaissance de vous.

[P.-K.] Je possède une longue lettre inédite de J. Comnène, et, en cas que vous désirez continuer vos études sur cet auteur, je suis disposé à vous offrir une copie de cette lettre pour la publier comme vous voulez. APK¹³¹.

¹³⁰ См.: ЖМНП. Ч. 257. 1888. Май – июнь. С. 410–417.

¹³¹ Аналогичный диалог состоялся между Лопарёвым и Пападопуло-Керамевсом два года спустя, на заседании Археологического общества 11 января 1892 г. (СПФ АРАН. Ф. 107. Оп. 1. Д. 126. Л. 5): «[L.] Monsieur, j'ai composé une pièce intitulée "Le poète Byzantin Manuel Philes à l'histoire de la Bulgarie au XIII–XIVe siècles" (речь идет о публикации: Лопарёв Хр. М. Византийский поэт Мануил Фил. К истории Болгарии в XIII–XIV вв. СПб., 1891. — И. М.), que j'aurai l'honneur de vous présenter d'après l'adresse: Grande Marskaya 12, кв. 42 (П.-Керамевс жил в то время по адресу: Большая Морская, д. 12, кв. 42. — И. М.). [P.-K.] Благодарюс (*sic!*). Керамевс».

IV. Надгробное слово Хр. М. Лопарёва на похоронах А. И. Пападопуло-Керамевса

Развернутый и проникновенно написанный некролог Хр. М. Лопарёва А. И. П.-Керамевсу, широко известный и использованный в нашем обзоре, был опубликован им в 19-м томе «Византийского временника», собранном в 1912 г., но вышедшем только в 1915 г.¹³² Можно было бы подумать, что и написан некролог непосредственно после смерти П.-Керамевса (18 октября 1912 г.). На самом деле это не так. О времени написания некролога можно судить по открытке Хр. Лопарёва, отправленной 19 июня 1914 г. редактору «Византийского временника» В. Э. Регелю (по адресу: Озерки, ст. Финляндской ж. д., Ольгинская, 5) и ныне хранящейся среди бумаг Регеля в Российском государственном историческом архиве¹³³: «Глубокоуважаемый Василий Эдуардович! Некролог А. И. Пападопуло-Керамевса я наконец написал, хотел бы послать Вам, но Вы как будто говорили мне, что собираетесь летом на Афон. Пересылать Вам я передумал. В случае, если Вы еще в Озерках, черкните мне, а если будете в Петербурге — пожалуйста ко мне за рукописью. Желаю Вам всего самого лучшего. Ваш Хр. Лопарёв».

Некролог, таким образом, написан отнюдь не по следам печального события. И тем не менее сохранился документ, относящийся непосредственно к завершению петербургского — и вообще жизненного — пути А. И. Пападопуло-Керамевса, — надгробное слово, произнесенное Хр. М. Лопарёвым во время погребения умершего на Смоленском кладбище Петербурга (СПФ АРАН. Ф. 107. Оп. 1. Д. 42). И хотя некоторые мысли, высказанные в надгробном слове, были воспроизведены и развиты в позднее написанном некрологе, оно отражает сиюминутность события и, являясь самостоятельным образчиком жанра *oratio funebris*, заслуживает опубликования.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

К славным именам греков, нашедших в России вторую родину и во всяком случае могилу, к препод. Максиму Греку, братьям Лихудам, Дестунисам и многим другим, ныне прибавилось новое славное имя Афанасия, в лице которого мы хороним большую ученую силу, горячего поборника и стремительного борца за святое

¹³² Лопарёв Хр. Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс // ВВ. Т. XIX (1912). 1915. Отдел 3. С. 188–212.

¹³³ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 33. Л. 117.

дело православия и неутомимого труженика на ниве научного знания.

И ныне к бездыханному телу твоему приспел издалека славный и единокровный брат твой, чтобы лобызать твои холодные уста последним целованием¹³⁴. Скрамная семья византинистов стоит теперь перед открытою могилою, напутствуя тебя в путь в иной мир своими молитвами¹³⁵. Дорогой друг мой! Я хочу думать, что наши теплые отношения при жизни не прекратятся и за гробом; и я поблизости от тебя готовлю себе могилу, и, быть может, про нас когда-нибудь скажут, что их и могила не разлучила.

Трудна и не увенчана была лаврами твоя продолжительная жизнь в России. Прославившись в Смирне, Иерусалиме и Константинополе своими учеными трудами, ты был вызван в Россию русскими людьми и, однако, не был обеспечен вызвавшего тебя страною в своем существовании и жил только печатанием своих обширных материалов из области Святой Земли и вообще Православного Востока. И надо было знать и видеть тебя: ты думал только о святынях Византии, в жертву им ты приносил и свои силы, и свое здоровье, обращая день в ночь и ночь в день. Уже тогда ты надорвал себя. Прошли года, прошли десятилетия. Покинув родину, покинув священную почву Византии, ты все еще оставался у нас не у дел. Средства Императорского Православного Палестинского общества как будто стали оскудевать, и ты уже не мог получать по 50 р. с печатного листа. Ты стал читать в университете курс новогреческой литературы, кроме того, ты состоял деятелем в одном иностранном

¹³⁴ Речь идет о брате А. И. Пападопуло-Керамевса, Константине Ивановиче Пападопуло-Керамевсе, бывшем тогда преподавателем духовного училища в г. Бугуруслане Самарской губернии.

¹³⁵ В опубликованном некрологе Лопарёв отмечает, что литургия и отпевание проходили в греческой церкви св. Димитрия Солунского и на них присутствовали вице-директор Имп. Публичной библиотеки Н. П. Лихачёв, греческий посланник, «русская семья византинистов» и греческая колония в Петербурге. «От церкви траурная процессия направилась на Смоленское кладбище, где и нашел себе место вечного упокоения этот преутруженный τῆς ἐπιστῆλης σκαλαρεὺς. Здесь на могиле присутствовали: арх. Софроний Дука, К. И. П.-Керамевс, проректор университета Ф. П. Браун, С. А. Жебелёв, П. В. Безобразов, В. Н. Бенешевич, автор настоящих строк (т. е. сам Хр. Лопарёв. — *И. М.*), один из последних учеников покойного кавказский грек г. Лагинопуло, дальняя родственница покойного и его наследница Е. Г. Масленникова со своим сыном и небольшое число греческих его соплеменников. Когда гроб был опущен в могилу, мы произнесли надгробное слово» (ВВ. Т. XIX. С. 193–194).

торговом обществе, разбрасывая, а не концентрируя свои могучие силы знания.

Бескорыстное служение науке, подорвавшее твое и без того некрепкое здоровье, но не давшее тебе обеспечения в жизни, наконец в 1904 г. было оценено с высоты Трона. Благополучно царствующий Государь Император, во внимание к твоей неусыпной и многополезной деятельности, Высочайше повелеть соизволил определить тебя библиотекарем Богословского отделения в Императорскую Публичную библиотеку — доселе невиданная почесть ученому византинисту.

Зимний холод сменился весенним теплом. Ты вновь воспрянул духом, оставил службу в торговом обществе и посвятил себя исключительно учено-педагогической деятельности. Улыбнулось наконец и тебе счастье, но увы! уже только на последок дней твоих.

Ты пламенел в вере и, как истинный сын православной церкви, смело шел в бой с инославными учителями. На моих глазах происходил диспут православия с католичеством, и что же? Оба противника сейчас смежили свои очи в полном покое. Не есть ли это знаменательное указание на то, что борьба, окончившаяся смертью боровшихся, была борьба равносильная и ненужная?

Любовь к книге, любовь к знанию, любовь к прошлому твоей родины, любовь к православию, любовь к истине — вот твоя характеристика, дорогой усопший. Ἡ γοῦν μνήμη τοῦτου τοῦ γενναίου τῆς ἐπιστήμης σκαπανέως εἴη ἡμῖν ἐς αἰεὶ ἱερά. Аминь.

Хр. Лопарёв

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ И СМЕРТЬ В. Г. ВАСИЛЬЕВСКОГО (ГЛАВА ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ МОНОГРАФИИ И. М. ГРЕВСА)*

В С.-Петербургском филиале Архива РАН хранится неизданная монография известного русского историка-медиевиста Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) под названием «Василий Григорьевич Васильевский, профессор и академик. Опыт биографии (1838–1899)»¹. Рукопись (автограф И. М. Гревса)² не датирована, но из слов «умерший 30 лет назад В. Г. В-ский» (с. 108) видно, что писалась она в 1929 г., именно к 30-летию со дня смерти ученого³. В ней И. М. Гревс, ученик В. Г. Васильевского и его преемник на кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета Петербургского университета, сам ставший «родоначальником петербургской школы медиевистики»⁴, с необыкновенной теплотой и любовью рисует проникновенный психологический портрет своего учителя, прежде всего как

* *Опубликовано:* ВВ. Т. 58 (38). 1999. С. 220–236. В настоящем сборнике название статьи частично изменено.

¹ СПФ АРАН. Ф. 726 (И. М. Гревс). Он. 1. Д. 22. Л. 103а–385 об.

² В фонде И. М. Гревса есть и машинописная копия этой монографии (Там же. Д. 22а. 358 л.), но пользоваться ею надо с большой осторожностью, часто автор машинописи даже не понимал, что он перепечатывает: не понят текст, перевраны имена и названия, почти полностью опущены иностранные вставки и сноски и т. д.

³ Подтверждается это и перепиской И. М. Гревса, собиравшего именно в этом году материалы для написания монографии. Например, письмом из Харькова от 13 июня 1929 г. В. П. Бузескул извещает И. М. Гревса о высылке ему четырех писем (в копии) Васильевского, высказывает свое впечатление от личности и трудов ученого и в заключение подчеркивает: «Очень интересуюсь Вашей книгой о В. Г. Васильевском. Желаю скорейшего ее окончания и выхода в свет» (СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 37. Л. 14–15 об.).

⁴ *Каганович Б. С.* Русские историки западного Средневековья и Нового времени (конец XIX – 1-я пол. XX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995. С. 8 (гл. 1 этой неопубликованной диссертации посвящена И. М. Гревсу).

гениально одаренной личности и прирожденного педагога, а вместе с тем обладателя уникальных человеческих качеств и безграничного обаяния, пользуясь при этом, главным образом, собственными впечатлениями от долгого и близкого общения с ним, но также многочисленными некрологами В. Г. Васильевскому⁵ и доступной ему (И. М. Гревсу) перепиской ученого⁶. («Архив его, — пишет И. М. Гревс, — вовремя не был собран с надлежащим вниманием и полнотою; письма рассеяны и, вероятно, в большинстве случаев потеряны; исчезли среди бурных перипетий последних лет многие официальные документы о его профессорской и ученой службе; главный памятник — его труды»⁷.)

Разумеется, будучи историком латино-западной цивилизации и прежде всего в ее средневековую эпоху, И. М. Гревс сделал основной упор на разбор трудов В. Г. Васильевского именно в этой области, на раскрытие его знаменитых лекционных курсов по «средней истории», византийская же «ипостась» В. Г. Васильевского как исследователя намечена в монографии лишь эскизно⁸. Тем не менее (или, может быть, именно поэтому) труд И. М. Гревса представляет интерес и для византинистов, ибо дает нам почувствовать очарование еще «неизвестного Васильевского». Особое внимание, ввиду приближающегося 100-летия со дня кончины ученого, привлекает послед-

⁵ Как известно, И. М. Гревс был и сам автором одного такого некролога (*Гревс И. М.* Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки // ЖМНП. Ч. 324. 1899. С. 27–74).

⁶ В личном фонде И. М. Гревса хранится 13 адресованных ему писем В. Г. Васильевского за 1884–1899 гг. (СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 41. 21 л.), множество копий И. М. Гревса с писем В. Г. Васильевского к Л. Н. Майкову (Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 1, 2, 20–22, 52–74, 81–99), к В. И. Ламанскому (Там же. Л. 14, 16–19, 23–28, 75–80 об.), уже отмеченные письма В. П. Бузескула (при отсутствии высланных им И. М. Гревсу копий писем В. Г. Васильевского; возвращены обратно?), а также масса других подготовительных материалов.

⁷ Там же. Л. 108.

⁸ О В. Г. Васильевском как византинисте см. в изданных работах последнего времени: *Литавин Г. Г.* Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838–1899) // ВВ. Т. 55 (80). Ч. 1. 1994. С. 6–10; *Заливалова Л. Н.* В. Г. Васильевский: ученый в свете материалов архивных собраний Москвы и Петербурга // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 36–44; *Герд Л. А.* В. Г. Васильевский: портрет ученого в свете его неизданной переписки // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 52–67.

няя, седьмая глава книги, которая так и называется: «Последний год жизни. 1898–1899» (л. 378–385 об.). Нельзя без волнения следить за перипетиями этого последнего года в жизни ученого, когда в расцвете творческого дарования и в разгар многих научных предприятий его настигает коварная и малопонятная болезнь, на которую он сам смотрел «с покорным недоумением» (л. 383). «Острое сострадание берет за сердце; жизнь не воздала ему по заслугам», — резюмирует пронзительными словами И. М. Гревс (л. 299). Нечто providentialное ощущается и в самой смерти В. Г. Васильевского: стремясь всю жизнь и всей душой в «благодатную Италию», он, наконец, выезжает в нее, но только с тем, чтобы умереть там и найти в ней упокоение.

Текст главы публикуется полностью, без изъятий (отточия принадлежат самому автору), в том виде, в каком он содержится в автографе рукописи И. М. Гревса, с сохранением индивидуального, не всегда «удобоваримого» стиля. Некоторые редакционные дополнения публикатора приводятся в квадратных скобках.

[И. М. Гревс]

**Последний год жизни [академика В. Г. Васильевского]
(1898–1899)⁹**

(л. 378) Лето 1898 года В. Г. В-ский проводил недалеко от Петербурга (точно не помню где), и там он опасно заболел воспалением легких и расстройством почек. Я не раз упоминал, что он начал хворать рано. Возможно, что описанные нами тяжелые условия жизни в отрочестве и ранней юности в общежитии духовного училища и семинарии, а потом несколько полуголодных лет после студенчества подорвали уже его организм, здоровый от природы. Он болел за границей очень серьезно. Затем настали опять несколько лет нужды; далее пошел многолетний усиленный труд, недостаточная забота о себе и отсутствие внимательного ухода близких при истощающем напряжении и нервных волнениях от общественных и домашних причин.

Когда я узнал его, ему было сорок с небольшим лет, но он имел вид уже пожилого человека, часто похварывал, простуживался, страдал кишечником. Письма его полны указаний на недуги, и учебный год он всегда кончал в изнеможении, рвался на отдых вне города, обожал

⁹ СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 378–385 об.

зеленую тишину. Я довольно часто бывал у него на даче и нередко находил его нездоровым. В частности, он страдал еще ревматизмом ног, который постоянно мучил его. От него он лечился ваннами в Одессе, как упоминалось выше, летом 1884 года. Когда я к осени 1892 года вернулся из двухгодичной командировки за границу, я нашел его очень изменившимся, ослабевшим и состарившимся. Он лечился неаккуратно и не любил советоваться с известными врачами. Был у него домашний доктор, Митропольский, давний хороший приятель, но не знаю, насколько искусный врач. Встревоженный его состоянием, я убедил его обратиться к своему знакомому доктору М. М. Шершевскому, талантливому терапевту и тонкому диагносту. В. Гр-ч после долгих отказов согласился. Шершевский тщательно осмотрел его, нашел организм расшатанным, не определил в настоящем ничего угрожающего, советовал быть осторожным, но сообщил мне, что он заметил у него следы страдания (*sic!*) спинного мозга, которое неожиданно счастливым образом остановилось; дальше [оно] могло [бы] грозить ему полным калечеством, даже слепотою. В. Гр-ч не испугался, шутя говорил: «Коли прошло, так слава Богу, незачем и вспоминать». Около шести лет после того он провел более или менее сносно¹⁰, но вот в 1898 г. разразился роковой недуг: это было начало конца, ему оставалось лишь менее года жизни¹¹. //

(л. 378 об.) В. Гр-ча привезли с дачи среди лета в Петербург больного, и он поселился сначала у старшего своего ученика В. Э. Рееля, у которого был на Васильевском острове свой небольшой дом с садом¹², где гораздо лучше можно было ему устроиться на время выздоровления, чем в его высокорасположенной и мрачной квартире на Загородном проспекте. Поправка шла медленно. 18 июля он стал выходить на балкон, 28 мог несколько шагов пройти пешком

¹⁰ Хотя здоровым уже по-настоящему он с тех пор себя не чувствовал. Он пишет Л. Н. Майкову 6 января 1895 г.: «Более всего желаю Вам доброго здоровья: пожелание самое заурядное и ходячее, но с моей стороны оно сопровождается искреннею теплотою и глубокоосознанностью (*sic!*), ибо я сам все более и более научаюсь ценить это утрачиваемое мною благо» [СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 22].

¹¹ Можно вспомнить, как протекал этот год, так как остался ряд писем к Л. Н. Майкову, которому он тогда часто писал, так как и тот тоже хворал, и В-ский умоляет его не подниматься к нему на четвертый этаж. Кроме того, я лично много раз виделся с В. Гр-чем и мог наблюдать за его болезнью, занятиями и настроением [см. примеч. 6].

¹² В десятой линии (№ 15) между Большим и Средним проспектами.

по саду Регеля¹³, и ему разрешены были лечившим его врачом Влад. Адольф. Штанге прогулки в экипаже на острова. Перебраться на собственную квартиру удалось только 10 августа (целый месяц он пользовался гостеприимством В. Э. Регеля). Но он продолжает чувствовать себя плохо; выезжает кататься в Александровский парк, но подниматься к себе в четвертый этаж не может, его вносят на руках с большою охотою и любезностью швейцар и старший дворник¹⁴. Ему бы хотелось провести август и часть сентября за городом, например, в Ораниенбауме или в доме приглашавшего его проф. И. В. Помяловского в Гатчине, но консультировавший его проф. Л. В. Попов нашел сильное расширение сердца и запретил всякое передвижение.

Его тяготит неподвижность и запрещение занятий. Праздность взаперти наводит тоску, и он начинает строить планы, так сказать, «лучшего будущего». Еще среди лета (28 июля 1898 г.) читаем в одном письме целый проект¹⁵:

Хорошо было бы уехать из Петербурга на тяжелое осеннее время, хотя путешествие в Крым или на пресловутую Ривьеру не особенно рекомендуется, ибо сопряжено с утомлением. Ввиду всего этого в свои бессонные часы ночью я стал придумывать собственные планы. Если болеть после выздоровления, то болеть с пользою и удовольствием, для себя и для других. Не поехать ли мне просто за границу, не побывать ли в Италии, в Риме? Не взять ли отпуск, а то и командировку на целую зиму? Ведь, пожалуй, и умирать будет стыдно, не выдавши голубого итальянского неба. Можно будет заглянуть в Ватиканскую библиотеку, хотя зимой там заниматься почти невозможно и об открытиях мечтать поэтому не дозволяется. А не худо было бы напасть еще раз на какого-нибудь Кекавмена¹⁶.

¹³ В-ский, шутя, называет его «василеостровским Боткиным»: он пользовался большою известностью в интеллигентных кругах на Острове, где и сам жил. Это был очень знающий специалист и хороший человек.

¹⁴ Он острит по этому поводу, говоря, что пользуется «любовью народною в своем доме». Его, в самом деле, любили простые люди, и не за подачки, а за внимательность, простоту и доброту, за бесхитростное признание равноправия.

¹⁵ Привожу сейчас и ниже большие выписки из писем, так как они отлично характеризуют состояние духа В. Гр-ча. Доктора предупреждали, что придется еще долго возиться с болезнью, и не обнадеживали, что выздоровление наступит полное; он огорчался, но не терял терпения и кротости.

¹⁶ Он вспоминает найденную им и обработанную ценную византийскую рукопись. [Речь идет о московской Синодальной рукописи Греч. № 436. См.

По возвращении я бы официально уже оставил редакцию¹⁷ и поселился бы где-нибудь поблизости Академии, чтобы увеличить вереницу плетущихся по субботам в известном направлении по Университетской набережной старичков почтенного вида, очевидно, посвятивших себя высшим созерцаниям. Прежде всего я занялся бы изданием первого выпуска своих «Исследований», которые известны публике по второму выпуску, и затем и другого, неоконченного... Вот мои мечты. Они еще были подогреты полученным мною из Старой Руссы известием, что В. И. Модестов получил командировку в Италию на три года. Откуда сие быть, не могу сообразить, но присутствие в Риме такого в нем старожила и моего приятеля, очевидно, было бы для меня весьма кстати¹⁸.

Надежда на выздоровление, желание поправиться не вызывается у него // (л. 379) трусливым цеплянием за жизнь при ощущении пропадающего здоровья, а неослабевающею тягою к работе, волнующею его острою памятью, что многое еще надо сделать, никак нельзя оставить важных материалов неопубликованными, дорогих мыслей невысказанными и необоснованными. Через несколько дней планы его меняются (1 августа):

Теперь я уже на острове Корфу¹⁹. В Риме месяцы декабрь и январь неблагоприятны для жительства, а на острове, по рассказам, гуляют в летнем платье даже в первый день января²⁰. Отсюда я проеду в Афины, чтобы постоять перед Акрополем и проникнуться теми чувствованиями, о которых говорила телеграмма Вильгельма II Бисмарку. Вы, впрочем, ничего не сообщайте Вашему приятелю, Высочайшему велосипедисту из Павловска²¹, а то он пожелает, чтобы я представился его сестрице, жительствующей в столице Греческого королевства²². Возвратиться можно будет через

публикацию: Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus / Ed. B. Wassiliewsky et V. Jernstedt. Petropoli, 1896.]

¹⁷ Журнал Министерства народного просвещения.

¹⁸ В другом письме он говорит, что пока поехал бы в Финляндию готовиться к заграничному путешествию (1 августа) [письмо к Л. Н. Майкову от 1 августа 1898 г. (СПФ АРАН. Ф. 726. Он. 1. Д. 22. Л. 84)].

¹⁹ Разумеется, в мечтаниях бессонных ночей.

²⁰ Коллеги, приятели и знакомые навещали его, и каждый давал свой совет.

²¹ Здесь намекается на президента Академии, великого князя Конст[антина] Конст[антиновича], владельца Павловска, увлекавшегося велосипедным спортом [годы жизни 1858–1915].

²² Подразумевается королева греческая Ольга Константиновна [1851–1926].

Константинополь. Разве это не похоже на мечтания? Хорошо, если бы хоть часть их осуществилась?

И здесь В. Гр. стремится в места, связанные с историческими великими воспоминаниями, близкими к его научным работам. О здоровье или, вернее, о болезни говорится лишь вскользь, между прочим. А недуг идет своим чередом, то ухудшаясь и заставляя его сильнее страдать, то давая короткие отдыхи, как бы щадя больного, облегчая его мучения. Он вообще редко жаловался на судьбу, переносил страдания стойко и мужественно, но, не переставая думать о других, к своей беде относился с добрым юмором.

Настойчивое, взволнованное стремление (неодолимая потребность) вернуться к прерванным занятиям охватывало В. Г-ча эти месяцы всякий раз, как ему становилось хоть несколько легче в болезни, которая более полугода держала его на краю могилы. И он проявлял здесь нечасто встречающуюся силу жизни и энергию дела. Он сейчас же переставал смотреть на себя как на больного, сердился на заботы и предостережения окружающих, раскрывал свои материалы, садился за стол, окружал себя фолиантами, брался за перо, страхался упустить остающееся время (верно, ощущая приблизившийся конец), ловя возможность произнести недосказанные слова.

Он не жалел себя в такие критические месяцы, когда только строжайшая осторожность могла предотвратить резкое ухудшение и продлить уже сосчитанные дни. Он все решительнее рвался за границу — в Италию, и очень раздражался против д-ра Штанге, который все откладывал разрешение на выезд, отговариваясь тем, что надо укрепить. Мне доктор признавался, что он боится отпускать его, так как катастрофа может грозить в дороге, что организм В. Гр-ча в полном расстройстве, надежды на выздоровление нет и он «живет уже в долг» (так выражался Штанге). Но В. Гр-чу в середине зимы стало несколько лучше, и силы прибавились. Приглашенный на консультацию известный доктор Л. Б. Бертенсон нашел возможным для больного выехать в Италию, но советовал подождать начала весны, которая рано начинается в благодатной стране.

Уже в январе начались приготовления, но дело оттягивалось, погода была // (л. 379 об.) холодная, и состояние больного колебалось, но он покорно ждал выезда и только просил врачей и своих поторопиться. Душа его страшно рвалась в Италию, и он очень любил в эти дни говорить о ней. Во время командировки в молодые годы безденежье не дало ему достигнуть Италии, потом жизнь до конца отрывала от нее, теперь недуг грозит отнять последнюю надежду увидеть ее

на склоне дней. Зная мое пристрастие к стране, он все говорил мне: «Приходите почаще: вы еще расскажете мне об Италии; ваша любовь к ней живит мою душу, делает меня опять здоровым и молодым». Он читал книги об Италии, изучал путеводители, пытался учиться практически итальянскому языку, но отчаявался (*sic!*) — мало времени и не до того. Он шутиливо пишет об этом Майкову (9 янв. 1899):

Не имея надежды научиться итальянской речи, я решил возобновить свои — тоже небольшие — познания во французском разговорном языке. С этой целью я купил «*Lettres à une inconnue*» Мериме и читаю их — иногда забавным образом велух. Хороший писатель. Только очень жаль, что он всё писал к дамам, а мне бы желательно было найти у него материал для разговора в библиотеке и с учеными. Впрочем, есть полезные сведения. В том и в другом томе встречаются письма из Канн (*Cannes*) от первой половины февраля с сильными жалобами на холод и дурную погоду. А меня посылал на Ривьеру ранее²³.

С осени 1898 г. В. Гр-ч, конечно, не читал лекций и в «Журнале Мин. Нар. Просв.» его заменял с горячею готовностью помощник его по редакции Э. Л. Радлов [1854–1928], большой его почитатель. В-ский постоянно выражал ему свою душевную благодарность и перед отъездом настойчиво хлопотал, чтобы обеспечить его своим преемником как редактором журнала²⁴, но оставаться в бездействии В-ский не мог, несмотря на болезнь. За составом и выходом очередных книжек журнала он следил все-таки тщательно, сам писал или пытался дописывать собственные недоконченные статьи. Можно было

²³ [СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 87.] В. Гр-ч хорошо знал много иностр[анных] языков, но говорил на всех плохо (тому виною деревенское детство в духовной семье и семинарское образование). Помню, когда я спрашивал приехавшего в Петербург в свои молодые годы нынешнего известного французского византиниста, историка искусства Милле [Габриель Милле приезжал в Петербург в феврале 1896 г. в связи с планами совместной русско-французской экспедиции на Афон. — И. М.], как понравился ему В-ский, он отвечал, что, конечно, это замечательный ученый, но он какой-то равнодушный (*peu enthousiaste*): а он просто стеснялся своего «*mauvais français*».

²⁴ Желание его состоялось, но только после смерти В-ского. Э. Д. Радлов пробыв редактором ЖМНПр до прекращения его, но он ни за что не соглашался принять редакторство даже после отъезда В-ского за границу, не принимал от него хотя бы части предлагавшегося ему редакторского вознаграждения, которое В-скому тяжело было получать, не работая на правах (?).

застать его наклоненным над письменным столом, старающимся не замечать болей и изнурения, работающим из последних сил.

Именно в эти тяжелые предсмертные месяцы В. Гр-чем были написаны последние две его работы — некролог по скончавшемся (*sic!*) незадолго до него самого старшего его товарища по Академии и по византийским занятиям Аристе Аристовиче Кунике [1814–1899] и отчет-характеристика о пятилетнем существовании и деле руководимого им ученого журнала — «Византийский Временник»²⁵.

А. А. Куник достиг в 1899 г. своего 85-летия. В-ский должен был непременно помянуть его первым: Куник был ближайший «специалист» и патриарх византиноведения (если последнее и не было исключительным его делом), а потом его инициативе и деятельной поддержке В-ский был обязан постановкой в 1889 г. его кандидатуры, как академика. Это было «*noblesse oblige*». Между тем захватывал страх: вдруг окончательно слягу, не успею, не выйдет. А задача — ответственная и сложная: Куник — оригинальная личность, и он прожил долгую деятельную ученую жизнь. Надо его достойно оценить, а для этого многое пересмотреть в короткий срок. //

(л. 380) Это было для В-ского серьезное беспокойство и забота. А. А. Куник болел уже с конца 1898 года. В. Гр-ч справляется у Майкова (17 янв. 1899): «Что Арист Аристович? До меня доходят тревожные слухи... Он не должен умирать в мое отсутствие²⁶ и не примирившись со мною вполне». Речь идет в последних словах о неудовольствии по отношению к нему Куника в связи с каким-то ученым спором или академическим вопросом. В-ский мог иногда не сдержаться в полемике, а Куник в старости стал подозрителен и обидчив. Должно быть, сразу сговориться не удалось, потом В. Гр-ч заболел, и инцидент не был вполне исчерпан. Это огорчает его, а навестить старика мешает собственная хворость²⁷.

А. А. Куник скончался [18 января 1899 года]²⁸. В. Г. В-ский с печалью пишет (22 янв. 1899):

²⁵ [См.: ВВ. Т. VI. 1899. С. 619–636 (некролог А. А. Кунику); Приложение. С. 1–23 (отчет «Византийский временник за пять лет, 1894–1898»)].

²⁶ То есть покамест В-ский будет поправляться сам за границей.

²⁷ [СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 88.] В этом же письме В. Гр-ч тревожился о повторной болезни своего коллеги по Академии и по ЖМНП В. К. Эрнштедта, который пережил его лишь года на три. Всегда думает о других.

²⁸ [У И. М. Гревса здесь пробел; в машинописной копии указана дата «18 января»; см.: Там же. Д. 22а. Л. 333.]

Арист Аристович все-таки умер, когда не нужно было ему этого делать. По крайней мере, я лично молил Бога, чтобы его дни продолжились, по меньшей мере, на год, дабы я, воротившись из-за границы, имел возможность с ним вполне примириться. Может быть, это оказалось бы трудным, ибо он становился капризным. Однако же я узнал, что мое к нему письмо в декабре произвело на него приятное впечатление. Он поверил искренности моего уверения, что я никогда не переставал уважать его и даже любить, что я все-таки считаю себя способным ценить ученые заслуги не хуже кого-нибудь другого, что только злобствующие на меня лица, в сущности даже один мне лично похвалившийся, старались внушить ему всяческие против меня подозрения²⁹, а любил я его точно так же, как и Вы, со всеми его достолюбезными чудачествами, потому что с ним были связаны воспоминания если не самых юных и лучших дней, то начального ученого поприща³⁰.

Надо было браться за некролог. Непременный секретарь Академии ([Н. Ф.] Дубровин) требовал скорейшего представления его для доклада на заседании Академии в память Куника, врачи запрещали, родные отговаривали, В. Гр-ч чувствовал, что сил не хватает, он волнуется, но на нем лежит долг, и он не может ему изменить. Ему помогают при собирании сведений, но всё припомнить, систематизировать и писать должен он сам, а болезнь редко отпускает свои злые когти. Несколько писем к Майкову полны тревожений по поводу этого некролога. Он хочет сделать дело хорошо, как приличествует одному крупному ученому, говорящему о другом. Между тем материала много, оставленного Куником, но мало биографических данных о нем самом. Ему дорого стоила эта работа, он страшно напрягался, но недоволен тем, как выходит: есть начало, есть конец, но середины нет, то есть не успеть разобрать всех трудов Куника, связанных с византиеведением (что ему особенно хотелось). Он советуется с Майковым, что делать, одобрил ли тот печатать то, что сложилось при таких тяжелых условиях. Трогательно читать эти совестливые волнения одного почти умирающего о том, чтобы почтить достойно другого, только что умершего³¹.

²⁹ В. Гр-ч называет Щеглова [*пробел*]. Очевидно, то была злостная сплетня.

³⁰ [СПФ АРАН. Ф. 726. Он. 1. Д. 22. Л. 89.]

³¹ Минутами он приходит в отчаяние: «Право же, мне нужно скорее уезжать, а то я сгину от одних тревожных размышлений — что, когда, как?

Работа была сделана и появилась в печати уже как посмертная статья³². Нет надобности специально говорить здесь о ней — она переносит нас к труду жизни другого ученого, замечательного эрудита, с огромными сведениями по многим научным областям, оригинала и чудака, но способного к удивительному беспристрастию, немца, бывшего, как говорили, // (л. 380 об.) не вполне шутя, главою русской партии в Академии. Скажу, однако, что в ней воплощаются присущие В. Гр-чу до гробовой доски качества — пиззета (*sic!*) к науке и к тем, кто честно отдает свою жизнь бескорыстному служению ей, и замечательного умения понимать своеобразие и заслуги каждой научной индивидуальности. Интересно привести одну подробность относительно общественно-этических воззрений Куника. Ему противны были милитаризм и шовинизм, и он вооружился против русских планов завоевания, во что бы то ни стало, Константинополя. Когда ему возражали, что это ключ от нашего дома и без него мы будем и в военном, и в экономическом рабстве от иностранных держав, он отвечал: завоевывайте св. Софию идеально, как всю Византию, изучая ее прошлое, так и знаменитый храм, исследуя его лучше других археологически и художественно. Остальное приложится вам. В. Гр-ч не мог не чувствовать уважение к такому благородному повороту идей.

Прикованный если не к постели, то к комнате, В-ский ни на минуту не забывал Академии, радел об ее интересах. В частности, он прилагал глубокую думу и энергичный почин и в описываемые последние месяцы жизни к замещению освободившихся мест выбором новых достойных членов.

Прежде всего выдвигалась им кандидатура известного филолога, сравнительного языковеда И. А. Бодуэна де Куртенэ. Научная компетенция его была несомненна, но он вызывал неодобрение своим импрессионистским неровным характером и «правой» части Академии не нравился своим, хоть и не всегда последовательным (может быть, это и не нравилось), но резким радикализмом воззрений. В-ский, поддерживая кандидатуру Бодуэна, устроил у себя «дипломатический» обед, пригласив Майкова, Ламанского и Шахматова с целью убедить одного из главных противников, В. Р. Розена, не противиться выбору.

Проснешься ночью, начнешь раздумывать, ни к чему не придепшь, но совсем потеряешь сон и спокойствие» (28 января) (СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 90).

³² Читалось в отсутствие В. Г. В-ского в общем собрании Академии наук 6 февраля 1899 г. Напечатано в «Византийском временнике», т. VI, в одном выпуске с некрологом самого В. Г. В-ского, написанным П. В. Безобразовым.

Это не удалось — все они были плохие дипломаты, и Розен свою позицию отстоял: «атака была отбита», пишет В-ский, и кандидатура не прошла.

Другая попытка В. Гр-ча оказалась удачною. Дело касалось кафедры русской истории. В-ский отстаивал с большою энергиею выбор молодого тогда, но уже определенно выдвинувшегося ученостью, широкою образованностью, крупным талантом и замечательною трудовою выдержкою А. С. Лаппо-Данилевского³³. Кандидатура была по существу вполне твердая и достойная; но он был молод — это нарушало обычаи, а потом были желающие из старших и заслуженных и соперники из русских историков поколения Лаппо-Данилевского. Потом можно было опасаться, что уединенная замкнутость его и горделивый индивидуализм оттолкнет ряд голосов. Надо было устранить препятствия. В-ский считал его неотложно желательным членом Академии: он хорошо предвидел, какой он будет деятельный и авторитетный сочлен. Он говорил, что Лаппо-Данилевский рожден академиком. Тут уж он действовал без всякой дипломатии: прямо стоял за своего кандидата.

Как энергично он действовал, видно все так же из писем к Л. Н. Майкову. // (л. 381) Прежде всего, надо было установить право русской истории, как выставленной для замещения кафедры. Она была недостаточно представлена [в Академии]: Куник умер, он занимал кафедру (ее и предстояло заместить), и работы его касались лишь главным образом древнейшего периода. Интересы Дубровина также имеют специфический характер и ограничиваются новыми временами; сам В-ский себя настоящим русским историком не считал, а предмет в русской Академии должен быть центральным. «Так, как теперь, не должно продолжаться: нужен крепкий и свежий деятель в силах руководить работою по всей русской истории, особенно центральными частями ее (Московский период и XVIII в.)... именно в том направлении, в каком идет наиболее горячая работа — учреждения, социально-экономический строй, в соединении с хорошим знакомством с архивами здесь и в Москве». Таким и лучшим, по его убеждению, представлялся Лаппо-Данилевский — самостоятельный, выдающийся ум, уже несомненный знаток, человек, могущий рассчитывать (по

³³ Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919), академик с 1899 г. [Неточность: в 1899 г. избран лишь адъюнктом ИАН; ординарный академик — с 1905 г.]

возрасту своему) на долгую работу, притом безукоризненной (*sic!*) по нравственной физиономии человек (*un homme intègre*).

Так он прежде всего открыто выразил свое мнение одному из тех, которые (он мог думать) претендуют по праву на занятие ближайшего свободного места в Академии, заслуженному ученому, лучшему после него византиеведу — Федору Ивановичу Успенскому. Он указывал тому, что неоспоримо принадлежит ему наследство самого В-ского после его смерти³⁴; двух же византистов (*sic!*) иметь в Академии одновременно неуместно, при отсутствии должным образом широко подготовленного русского историка. Затем Ф. И. Успенский занимал крупное почетное место вдали от Петербурга — он был директором Русского археологического института в Константинополе, — и это затрудняет его немедленную кандидатуру. Ф. И. Успенский, конечно, предоставил ему действовать по его убеждению и академической кафедры не добивался. Выбирать в академики иногородних и уже знаменитых русских историков, Ключевского или Иконникова, было неудобно, так как им могла быть предложена лишь ординатура, а тут освобождалось только место адъюнкта. Более молодым русским историкам, притязавшим на роль конкурентов, В-ский также откровенно объяснил свое предпочтение им Лаппо-Данилевского, готового всецело отдаться академической работе, к которой, по понятиям В-ского, он всю свою ученою физиономию предназначался³⁵, хотя он и знал, что нелегко убедить людей в таких случаях, когда ставится личный, даже высокий и благородный интерес.

Упоминая об этом факте, так как он характерен для В-ского и ценен для биографии как его самого, так и Лаппо-Данилевского. Он радовал за дело, казавшееся ему важным и принципиально правильным, не щадя усилий даже в такой момент, когда ему, опасно больному и истощенному, неприятные переговоры, даже столкновения могли грозить тяжелыми осложнениями. Радея об интересах Академии, он не хотел уезжать, оставляя вопрос в неопределенном состоянии, и ему удалось продвинуть желанную кандидатуру до своего отправления, //

³⁴ Это ему уготовано, и (он, должно быть, думал) — это не заставит себя ждать, а Федор Иванович долго (*sic!*) переживет его. Последнее он прямо сказал тому, и это оказалось верно. Избранный в академики после В-ского, он жил деятельною научною жизнью еще 30 лет после него (Ф. И. Успенский, 1845–1928).

³⁵ В-ский ссылался и на то, что таков был предсмертный завет К. Н. Бестужева-Рюмина, высказанный ему и Л. Н. Майкову.

(л. 381 об.) причем им самим составлена была записка с мотивированным предложением. Он мог ехать спокойным по данному вопросу³⁶, а Лаппо-Данилевскому такую авторитетную инициативую оказалась обеспечена двадцатилетняя ученая деятельность в Академии, соответствующая его знаниям, его научному темпераменту и желаниям, вплоть до его преждевременной смерти в 1919 году³⁷.

Время шло, и нетерпение В-ского ехать выросло. Он хотел непременно смотреть на свою поездку не как на преследующую исключительно цели здоровья, а ставил ей и научные задачи (не то, что старался закрыть глаза на свое положение, а надеялся, что лучше станет на юге). Он строил целый план, что видно из полуофициального письма его к Л. Н. Майкову (8 января 1899 г.), которое тот должен был показать в Академии и в Министерстве при хлопотах, которые брал на себя:

Так как [врачи] не воспрепятствуют мне умственных занятий, а только рекомендуют осторожность и умеренность, то мне думается, что поездкою в Италию, более или менее продолжительным пребыванием в Риме, Флоренции и Венеции, а на возвратном пути в Женеве, Мюнхене и, может быть, в Вене, я мог бы воспользоваться для осуществления давнишних моих замыслов и мечтаний относительно ближайшего моего ознакомления с сокровищами Ватиканской и Венецианской библиотек, а также и других — по части греческих рукописей византийского содержания. В Италии я до сих пор не был, но по опыту моих занятий в Парижской Национальной Библиотеке я знаю, как бывает полезно ознакомление с каталогами рукописей при возможности тотчас же проверить предположенный интерес манускрипта его рассмотрением, личным и непосредственным. Больших обещаний я не могу делать, своим мечтам я не позволяю далеко заноситься, имея в виду свои физические немощи, но ничто не мешает мне рассчитывать на счастье и удачу, которые

³⁶ В. Гр-ч писал Майкову 11 февраля: «Отлагать [выборы Данилевского] до моего возвращения из-за границы ввиду брешности всего земного мне стало казаться страшным. Пусть бы, по крайней мере, первый почин не ускользнул от меня. Итак, не согласились ли бы Вы на такую комбинацию, чтобы я перед своим отъездом написал и подписал представление о Лаппе, дабы оно могло быть внесено в отделение и затем до весны пройти дальнейшие стадии. Я полагаю, что успех нашего кандидата в отделении обеспечен» [СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 94].

³⁷ См. специально посвященную памяти А. С. Лаппо-Данилевского книжку «Русского исторического журнала» (1920. Кн. 6).

иногда были ко мне благосклонны — имею в виду открытие стратегика Кекавмена. На сем основании я решаюсь просить не только о заграничном отпуске, но и о командировании меня с ученою целью на четыре месяца служебных и три каникулярных, считая с февраля³⁸.

Желание его было исполнено соответствующею властью, что свидетельствует о почитании В. Г. В-ского и в высших сферах, так как всем было известно, что болен он почти безнадежно, но выехать удалось не раньше 6 марта.

Помню во всех подробностях этот день отъезда, который стал и днем последнего свидания. На Варшавском вокзале холодным вечером собралась небольшая группа товарищей, друзей и учеников В. Грча проводить его за границу. Он сидел в зале, весь закутанный, укрываясь от проникавшего в двери русского мороза, который еще не хотел уступать места теплу, с лицом, измученным и истощенным долгими страданиями, но с веселыми глазами и бодрою душою. Его поддерживала радостная надежда, что итальянское солнце возвратит // (л. 382) ему здоровье; он с чисто юношеским восторгом предвкушал наслаждение, которое должна была дать ему своєю природою, своими памятниками, своими научными сокровищами дивная страна, седалище давней, великой культуры, куда давно влекли его многие собственные работы и связанные с ними дальнейшие интересы³⁹. В прежние годы он часто сам посылал туда своих учеников с добрыми пожеланиями вглядываться и вдумываться в великую старину, рыться в архивах, «расширять свое миросозерцание», как он с шуткою в тоне, но справедливо по существу прибавлял.

Италия, действительно, не раз вдохновляла их мысль и направляла труд, после того, как именно ему удавалось впервые пробудить в них истинную любовь к науке, внушить им определенную задачу исторической работы. Теперь он возлагал твердые упования на ее чудодейственные свойства и для себя: он рассчитывал, что Италия быстро излечит его и откроет ему еще несколько лет хорошей старости, счастливой свободным научным трудом (после избавления от наиболее обременительных занятий), к которому он всегда так рвался и от которого его отрывали не одни болезни, но и лежавшие на нем

³⁸ [СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 86.]

³⁹ [Вычеркнуто примечание: Но всего более сияли в его умственных взорах образы Ватикана, Медичейской библиотеки *Lorenziana* во Флоренции и венецианского хранилища св. Марка.]

чрезмерные служебные и семейные обязанности. Жутко было каждому близкому видеть такую почти детскую радость и веру в человеке, очевидно обреченном на скорый конец. Почти ясно было, что он не вернется; но горечь последнего расставания примирилась при виде того, как желание жить не было унижено в шедшем к смерти В. Гр-че страхом перед нею, а одухотворялось потребностью усиленной умственной деятельности. Оно воплощалось не в мелочной тревоге об избавлении от опасности, а в разнообразных планах, где он найдет драгоценный памятник, что он будет продолжать и заканчивать, а потом искать, исследовать, начинать, писать...

Такая неумирающая вера в возможность для него возрождения и неустанное влечение к научному труду, казалось, помогали ему побеждать физические мучения и слагались в картину достойного и возвышенного угасания. Только такое нравственное настроение души давало ему, по-видимому, силы предпринять и перенести длинное [путешествие], утомительное и не для такого больного, как он, пойти напряженным усилием навстречу исполнению давнего горячего желания увидеть Рим перед смертью.

Первая часть путешествия прошла благополучно. Васильевские⁴⁰ остановились на двое суток [в Вене] в гостинице (*Grand Hôtel, Kärtharring*, 9). Оттуда я получил от него замечательно бодрое, милое письмо, очень меня обрадовавшее и самым фактом (памятью обо мне), и содержанием:

Доехал до Вены благополучнейшим образом. Просидев в четырех стенах с унылым и скучным видом на Загородный проспект и серенькое низкое небо в Петербурге, я сразу стал чувствовать себя лучше на более открытом пространстве. Уже под Вильной я заметил, что здесь и небо имеет другой цвет, и воздух другой. Хотя под Варшавой мы опять увидели снег, — оказалось, он только что выпал, но это не нарушило моего благосостояния... По земле Чешской ехать было радостно; хотя воздух был свежий, но солнце светило ярко, открывались // (л. 382 об.) широкие перспективы, окаймленные горами. Кроме радости я ничего не чувствовал: не было никаких болей, ни даже усталости. В ознаменование своего восторга я спросил за обедом⁴¹ шампанского и в посрамление

⁴⁰ В. Гр-ча сопровождали жена и взрослая дочь, и они пригласили с собой знакомого академического служителя Людвига, который был очень предан ему.

⁴¹ В вагоне-ресторане Международного общества.

всех докторов выпил сам полстакана и не только остался жив и здоров, но даже более повеселел...⁴²

Письмо заканчивалось надеждою на хороший исход всего странствия и нетерпеливо-радостным ожиданием предстоящего въезда в Рим. Доктора посылали его во Флоренцию, но он решил внутри себя прямо направляться к Вечному городу.

В Вене уже испортилась погода, и В-ский после короткой прогулки в экипаже в сторону Пратера просидел два дня больше всего в гостинице. Но настроение его не портилось. Время свое он занимал письмами. Письмо к Майкову (Вена, 9/21 марта) начинается, правда, печальным возгласом: «Расстался я с Вами, милые сердцу, расстался!» Однако тотчас же затем оно продолжается бодрым тоном: «Но я глядел вперед без страха и с надеждой... Подъезжая под Ораны, я послал первый привет весне. Положим, ее еще не было, но довольно было взглянуть на небеса, чтобы получить ее предчувствие... Другой цвет облаков, другой воздух...» Затем он рассказывает о различных перипетиях путешествия — при пересадках, в австрийской таможне, окрашивая все в комический цвет: ему весело, чувствуется даже задор.

И В. И. Ламанскому В. Гр-ч успел написать из Вены (тоже 9/21 марта). Тоже радуется доброму началу путешествия и своему хорошему самочувствию (ему гораздо лучше, чем в Петербурге). И он восхищается «землей Чешской»⁴³. Потом подтрунивает над ним, рассказывая, что Вл. Ив. рекомендовал ему давно не существующий отель «*Erzherzog Karl*», и они напрасно разыскивали его в Вене. По поводу этого эпизода в письме к Майкову он вспоминает слова И. П. Минаева, когда тот явился рассерженный, опоздав к обеду на дачу к В. И. Ламанскому в Шувалове, и «начал бранить славянофилов: заберутся Бог знает куда и толком не расскажут адреса». Потом он сообщает В. И. Ламанскому о своем свидании с И. В. Ягичем, посетившим его в гостинице в Вене. Он знал, как будет приятно тому, рассказывает, что Ягич был очень мил и внимателен, расспрашивал про него и выражал все время только одни дружелюбные чувства, добрые товарищеские

⁴² [СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 41. Л. 17–18 об.] Он и в маленьком письме к В. А. Штанге признаётся в этом своем акте свободомыслия против медицинской власти. В записочке из вагона (7 марта, за Вильной) к Майкову он тоже смеется над «недальновидностью» врачей [Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 95].

⁴³ [Там же. Л. 79.] Собственно говоря, он коснулся ее только краешком — в моравском конце.

воспоминания. Другим можно было вздохнуть спокойнее, прочитав эти первые вести из-за границы от уехавшего больного, которого они сопровождали с самыми плохими предвидениями.

Но это был короткий просвет. Вторая половина путешествия из Вены в Италию сложилась совсем иначе и по внешним условиям, и по внутреннему состоянию. В. Гр-ч сам описывает тяжелые впечатления в своих письмах. «Вторая часть пути — от Вены до Флоренции — не только не доставила такого удовольствия, как первая — напротив была тягостна. Главная причина — изменившаяся погода. Уже в Вене настал холод, затем весь путь до самой почти Флоренции мы совершили // (л. 383) под густым снегом, какого совсем не ожидали видеть в благословенной Италии». Несчастливым образом в тот год и в Италии запоздала весна, потом надо помнить, что пришлось ведь переезжать через Альпы, далее через Аппенины (*sic!*); В. Гр-ч говорит, что когда они спустились в Тосканскую равнину, снег перестал; но и вообще денек выдался исключительно неблагоприятный; ему объяснили, что это разразилась «совсем неслыханная (в такой сезон) по своей свирепости трамонтана».

В. Гр-ч пишет, что «дорога из Вены сокрушила его». Пришлось отменить первоначальное решение ехать прямо в Рим, которое он принял себе тайно от докторов, и остановиться во Флоренции. Ехать дальше он был не в силах, его вынесли из вагона в совершенном изнеможении, почти в дурноте. Он говорит, очевидно, придется засесть здесь надолго; Флоренция действительно стала последним местом его пребывания на земле. Он прожил там около двух месяцев. Эти месяцы были медленным умиранием; но и эти последние дни расставания с жизнью он остался таким, каким был всегда: не впадал в отчаяние, не страшился конца, не терял умственных интересов, читал, порывался к работе, думал о других, с добрыми чувствами и постоянными приветами обращался к друзьям, «протягивая к ним руку через Альпы»⁴⁴.

За В. Гр-чем очень ухаживали два молодых псаломщика русской церкви во Флоренции — Левицкий⁴⁵ и Бережков, посещали его ежедневно, исполняли все поручения, доставали книги, вообще облегчали ему материальные условия существования и трогали его своими

⁴⁴ [Так В. Г. Васильевский пишет и В. К. Ернштедту в недатированном письме из Флоренции: «Протягиваю правую академическую десницу через Альпы и дружески целую» (СПФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 33. Л. 38–39 об.).]

⁴⁵ [Протонерей Владимир Левицкий «с причтом» и хоронил В. Г. Васильевского (см.: Бибииков М. В. *Hic situs est...* // ВВ. Т. 55 (80). Ч. 1. 1994. С. 22–23).]

хлопотами и заботами. У него еще бывал давний флорентийский старожил, русский немец фон Фрикен, историк искусства и археолог, родственник петербургского профессора Форстена. Навещал его и старый друг В. И. Модестов, приезжая из Рима. Удалось найти порядочное жилище, куда и перевезли больного из гостиницы (*Hôtel Helvetia*, где ему было неудобно и неприятно).

В письме к В. И. Ламанскому (10 апреля) он описывает свой образ жизни. «Теперь мы живем на своей квартире, в одной из лучших новых улиц *via Magentia*, 15⁴⁶. Передние комнаты обращены на север, но позади есть выход в сад, в котором в хорошие дни светит и греет чудное солнце. За те часы, которые мне уже пришлось в нем провести, можно простить много Флоренции»⁴⁷. Такое горе: теплая погода все не устанавливалась; В. Гр-ч зяб в плохо отапливаемых комнатах, выходить почти не пришлось, она не могла очаровать тяжело страдающего мягкою, непобедимую красотой своего пейзажа и своего лика; она, скованная необычною непогодой, не могла ему улыбнуться, он не успел ее полюбить.

Из последнего письма к Л. Н. Майкову (20 мая нов. стиля), написанного за пять дней до кончины, извлекаем картину его последнего месяца. Это удивительное, полное духовности умирание.

Ему трудно писать, но потребность общения побуждает покрывать дрожащим почерком целые листы. Он все хочет обходиться без усиленного ухода, поменьше беспокоить окружающих⁴⁸. Дочь отпустил в Рим, «а то, — говорит, — самому побывать там, пожалуй, не придется», так, значит, пусть она побывает. Он радуется за друзей, что те у себя продолжают делать большое научное дело, шлет им пожелания успеха. На болезнь свою смотрит с покорным недоумением: «Болезнь // (л. 383 об.) моя приняла какое-то странное направление, я перестаю что-нибудь понимать и думал было прекратить сообщения о ней, в письмах. От крайней слабости сил я совсем потерял возможность произвольных движений... Мечтаю о том счастливом времени, когда немножко будет позволено пройтись на ногах». Но он терпит всё кротко, просит усаживать его

⁴⁶ В третьем, наружном концентре (*terzocerchio*), параллельно Арно, вблизи от пригородного парка *Cascine*.

⁴⁷ [СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 80–80 об.]

⁴⁸ «Дайте поддержать Вашу руку в своей», — так заканчивает он это письмо; может быть, чувствует, что в последний раз [Там же. Л. 99].

за стол, тогда пишет⁴⁹, читает книги, относящиеся к Италии, которые Бережков⁵⁰ достает ему из Национальной библиотеки или из известной читальни *Viuesseux* (*sic?*). Он пытается даже статьи доканчивать, привезенные из России, «начинает даже нечто соображать об одной рукописи в Генуе». Мысленный взор его постоянно тянется к России. Там готовились чествовать столетие со дня рождения Пушкина [*пробел*] мая. Он выражает надежду, что доживет до этого дня, и спрашивает, как и куда послать свое приветствие, интересуется новыми томами академического издания сочинений великого поэта. Он очень просит выслать во Флоренцию в «*Biblioteca Nazionale Centrale*» (*palazzo degli Uffizi, secondo piano*) лучшие издания русских классиков — «итальянцы очень любезны и интересуются всякою нашею диковиной».

В то же число (за пять дней до смерти) написал В. Гр-ч еще к В. И. Ламанскому. Хочу закончить его жизнеописание этим словом его к другу, ставшим прощальным: увидим сейчас, оно полно сильных просветов жизни, любви, мысли о деле, об умственных благах и о других.

Firenze, via Magentia, 8/20 Maggio, 1899. — Дорогой Владимир Иванович! Сам писать почти совсем не мог: с одной стороны, полный упадок сил, с другой, подкожное накопление воды до невероятных размеров в ногах делают то, что только на руках жены или Людвига могу добраться до стола, а с другой стороны, дочь свою я все-таки отпустил в Рим к Модестовым, с которыми она должна совершить путешествие в Неаполь и вернуться вместе с ними во Флоренцию, где некоторое время проживет и Василий Иванович. Что со мной делается, не знаю, но мой доктор не унывает, я же продолжаю ему доверять. Бывают мучительные ночи, но в 6 часов открываются ставни: свежий, но холодный воздух, много свету, а затем и солнце ощущаю и вижу из моей постели, и сердце радуется, хотя бы на короткий срок... После завтрака начинаются легкие занятия, прерываемые то припадками удущья, то дремотою. Теперь я стал прикасаться к Данте и почитать Савонаролу Виллари. Соображаю разные комбинации о рукописях. Мне пришла идея ходатайствовать перед факультетом о пособии для поездки в Италию

⁴⁹ Ламанскому заявляет: «Сегодня сижу на солнце и пишу к Вам в неудобной, правда, позе, но с душевным удовольствием».

⁵⁰ О нем тепло говорит: он кончил курс в Петерб. Духовн. Акад., — значит, слушатель В. И. Ламанского, даровитый человек, но жаль, мало подготовлен.

известному Вам Сахарову (Владимиру Николаевичу)⁵¹. Он мог бы по моим указаниям вступить в область византийской рукописной литературы и принести // (л. 384) мне прямую пользу...⁵² Чувствую, еще хранятся во мне где-то силы для работы. Дай Бог, чтобы я продолжался подле Вас еще несколько лет и завершил кое-что из начатого. Обнимаю Вас. Ваш от всего сердца⁵³.

Уже почти обессиленный приближающейся смертью, В. Гр-ч все-таки писал рукою, едва удерживавшее перо, еще другому, старшему ученику, работавшему в командировке в Германии над диссертацией, отвечая тщательно на его только что полученные научные вопросы. Он до самого конца мало думал о своей болезни, гораздо больше, во всяком случае, досадовал на нее, что она мешает работать и еще общаться с историческими сокровищами Италии, чем боялся, что она приведет его к могиле. Не выносил он мысли о специальной борьбе с недугом. Он мечтал не о дальнейшем путешествии в какой-нибудь лечебный пункт, а об исполнении своего паломничества в Рим, которое рисовалось ему необходимым актом его ученой жизни. Он умер почти у ворот великого города, как будто звавшего его к себе, не успев вступить на прославленную почву. Эта картина печально соответствует незавершенному, раньше, чем можно было, прерванному делу его жизни.

В. Г. Васильевский скончался 13 мая (ст. ст.) [1899 г.] в [про-бел] часов. Его успел застать в живых приехавший из Рима друг его В. И. Модестов, который и воздал ему последний долг. В. Гр-ч погребен на кладбище *cimitero degli Allori* около Флоренции по дороге к знаменитому монастырю *Certosa di val d'Ema*. Я посетил его могилу летом 1907 г., когда сам с своими учениками и ученицами ездил в Италию в научно-историческую экскурсию. Кладбище расположено около дороги на полугоре; оно разбито по форме плана античного театра. На одном из его полукругов лежит белая мраморная плита, покрывающая останки В. Гр-ча, с начертанным его именем на русском и латинском языке⁵⁴. Кругом растут цветы, и могила отенена задумчивыми кипарисами. Красивое, тихое место успокоения дорогого праха!

⁵¹ Это был студент — последний ученик В. Гр-ча, византинист, очень способный, о котором до последнего дня заботится его мысль.

⁵² Последние слова, конечно, приведены как лишнее побуждение помочь ему устроить работу для ученика.

⁵³ [СПФ АРАН. Ф. 726. Он. 1. Д. 22. Л. 19.]

⁵⁴ [Тексты воспроизведены: Бибииков М. В. *His situs est...* С. 22; Медведев И. П. *Nohog sepulcri* (размышления А. А. Васильева у могилы В. Г. Васильевского) // ВВ. Т. 55 (80). Ч. 1. 1994. С. 25.]

В. Г. В-ский оставил землю. Но не могло исчезнуть с ним дело, которое он вел, научно-историческое исследование и преподавание, как вообще не пропадает серьезный труд жизни большого ума, руководимого чистым сердцем. Этот труд давал недостаточно удовлетворения и душевного мира ему самому, но он влагал много блага в духовное существование и деятельность других. Положил ли начало В-ский особой своей школе византиеведения и медиэвистики (*sic!*) у нас? Чтобы ответить на это убедительно, требуется подвергнуть критическому изучению научную производительность следующих лет в этих областях знания, а также в соседних. За это пишуший данные строки не берется в настоящей книге.

Сейчас могу высказать по этому вопросу лишь несколько мыслей. Прежде всего замечу: не все зависит от человека в глубине оставляемого им духовного следа; многое обуславливается свойствами воспринимающей среды, стойкостью или изменчивостью ее. Следует, прежде всего, бросить взгляд на ближайшие, // (л. 384 об.) последовавшие за его смертью годы, хотя бы первые полтора-два десятка лет. В этих пределах воздействие его личности, его духа, его работы было очень большое в том тесном, но определительном для духовной культуры страны и ее общества кругу, внутри которого он действовал, кругу ученых и научных работников, академическом и университетском. Здесь, может быть, прежде всего он много сделал для самой организации научно-исследовательского дела и общего направления его дальнейшего движения и в таком смысле влиял на своих непосредственных коллег и сотрудников, старших (людей одного с ним поколения), находившихся с ним в последовательном общении, членов Академии и профессоров Университета, и младших, им привлеченных к работе. Они почувствовали себя без него ослабевшими и должны были в интересах продолжения общих начинаний взять на себя поддержание заложенных им традиций, и они разделили дело его между собою, причем и мысль его переживала в них.

В области византиеведения ученики его, ближайшие последователи его главной специальности, непосредственно продолжали его труд. Их было немного, но они все были «заряжены» шедшими от него вдохновениями и шли в проблемах, какие они себе выбирали, и методах исследования по проложенной и расчищенной им дороге⁵⁵.

⁵⁵ [В машинописной копии за этим следует абзац, отсутствующий в автографе И. М. Гревса: «В своей последней статье, дающей отчет о первом пятилетии

Очень было печально, что преподавание византийской истории прервалось в Петербургском университете после его смерти; но нельзя не видеть плода его же заветов, когда после 1905 г., когда университеты стали автономны, установлены были во многих из них если не отдельные кафедры, то курсы по византиеведению, последние могли подготовить новых представителей изучения эпохи, которая всеми, кому ведать надлежит, была признана важною ветвью «всеобщей» истории.

Что касается «медиевистики», то нет никакого сомнения, что дальнейший рост этой существенной отрасли исторической науки, и в области чистого исследования, и в области университетских занятий, пошел от сильного ствола, созданного В. Гр-чем. Тут дело, сделанное именно им, особенно заметно на работе его учеников, наследовавших ему в Петербургском университете и попавших в другие. Отрицать этот рост у нас в первую четверть XX века вряд ли возможно, и в числе насадителей всего течения роль его рядом с ролью Павла Гавр. Виноградова, роль крупная и благотворная, не подлежит никакому сомнению. Прибавлю еще, что метод В-ского отразился не только в сфере «*studia mediaevalia*», но учениками его были и прошедшие петербургскую школу представители древней и новой истории, также русской и славянской; воздействие от его трудов и общения с ним переходило и на тех, кто прямо у него не учился: я выше указывал, что и классики, романогерманисты, русские словесники — все искали у нас «научного наставничества» В. Г. В-ского. Во всех этих смыслах он был одним из сильнейших очагов и распространителем научного света не только «исторического», но и «гуманитарного» вообще.

Заметное, осязательное и длительное влияние В. Гр-ча простиралось на немногих. Но можно сказать с уверенностью, что из бывших его слушателей не только те, которые // (л. 385) сами стали профессорами или учеными специалистами, чтити его память и с удовлетворением и благодарностью сознавали себя в известном смысле его духовными питомцами. Многие из них долгие годы работали в средней

работы руководившегося им “Византийского временника” (см.: “Журнал Мин. Нар. Просв.”, 1899, март), он прямо называет своими учениками, выпедшими из его аудитории, группу лиц, которых делит даже на два поколения — старших В. Э. Регеля, Х. М. Лопарёва и П. В. Безобразова, и младших — А. А. Васильева и Б. А. Панченко. Они уже при его жизни показали себя серьезными учениками» (СПФ АРАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22а. Л. 353–354).]

школе, учителями истории, литературы или древних языков. Среди мужчин и женщин, трудившихся на педагогическом поприще, немало лиц сеяли дальше полученные от него семена; некоторые, может быть, еще до сих пор помнят врученные им идеи, знания, преподанные им советы. Через уста их всех слово В-ского продолжало звучать в сознании немалых следовавших за ним поколений, подтверждая истину того, что в них содержалось. Я не хочу преувеличивать, но надобно понимать, что трудно наглядно вскрыть, прощупать все пути преемства духовного предания и найти ясно все признаки его продолжающейся жизни и действительности; но нельзя возражать против высказанного выше положения, что дело большого человека должно хранить могучую живучесть и печальна та человеческая среда, которая не бережет даров прошлого, не понимает их, не впитывает их в себя; тем более достойна жалости та, которая их забывает или топчет.

Последние слова я обращаю не только в прошлое, но и в настоящее и будущее. Революция⁵⁶ круто повернула на совсем новую дорожку судьбы России, социальные и духовные, осудила и разрушила многое в прошлом, как злые или мертвые начала. Но порвать окончательно с ним она не может и не должна; отрицать все наследие веков было бы слепотою и неоправдываемою расточительностью. Есть нечто вечное, что связывает времена, что обуславливает передачу от поколения в поколение, из эпохи в эпоху плодов труда человеческого. Дело В. Г. В-ского направлено было на создание ценностей, нужных всегда и для всех. Он был представителем чистого знания, не такого, которое защищало бы интересы какого-нибудь привилегированного класса, политического строя, партии. Он искал достоверной истины, удовлетворяющей врожденной потребности человека, всякого человека знать истину. Таковая особенно должна быть дорога тому порядку, который строит благо для всех, стремится творить общество трудящихся, в котором всем обеспечено будет достойное человека существование. Для сторонников такого идеала личности, подобные В. Г. В-скому, должны быть дороги, как бы тесною и теоретичною ни казалась при беглом, поверхностном взгляде сфера их деятельности. В науке все нужно, ничего не пропадает в ней для блага всех, если только почитается в стране и благом свобода. В полном убеждении, что тут правда, я и считал важным долгом оставить

⁵⁶ [И. М. Гревс сначала написал «Наша революция», но затем вычеркнул слово «наша».]

закрепленным для новой России образ одного из добрых и редких работников старой.

Когда я ровно 30 лет тому назад писал свою скорбную заметку у свежей могилы В. Гр-ча и вспоминал направление научных идей его, только что ушедшего из жизни, мне невольно пришли на память несколько мест из оригинального сочинения // (л. 385 об.) знаменитого французского идеалиста, который был в числе любимых писателей скончавшегося. Говорю о книге Ренана «Будущее науки». Чувствую потребность закончить ими и настоящую книгу.

Совершенным был бы тот, кто одновременно являлся бы поэтом, философом, ученым, нравственным человеком, притом не в известные промежутки своей жизни и не в некоторые только моменты (это было бы посредственное совершенство!), но в глубоко взаимопроникновении во все протяжении своего существования, который был бы поэтом и одновременно философом, философом, но также ученым, словом, в котором все элементы человечности сливались бы в высшей гармонии (*L'avenir de la Science*, p. 11).

Так должно отразиться в личности то, что составит идеальное совершенство в человечестве; и передовые части человечества, как целые, прообразуют (*sic!*) в своих лучших чертах такой будущий высший тип человека⁵⁷. Ренан видит, что современная человеческая личность далека от такого совершенства. Но он думает, что жажда истины, отыскиваемой всеми путями познания, то есть именно то, что мы называем идейностью, лучше всего приближает человека к желанному состоянию, развивая в нем особенно сильно соответствующие мысли, чувства и склонности (*Ibid.* P. 17: «*Savoir est le premier mot du symbole de la religion naturelle*»). При таком высшем искании наука — высший светоч для человека. Потому-то Ренан называет ее «первою потребностью человечества» (*le premier besoin de l'humanité*) и верит, что она сможет поистине привести к улучшению положения человека на земле⁵⁸.

⁵⁷ *Ibid.* P. 12: «Le modèle de la perfection nous est donné par l'humanité elle-même; la vie la plus parfaite est celle qui représente le mieux toute l'humanité. Or l'humanité cultivée n'est pas seulement morale, elle est savante, curieuse, poétique, passionnée». [Цитаты приводятся И. М. Гревсом по первому изданию «Будущего науки» Ренана: *Renan E. L'avenir de la science: pensées de 1848*. Paris, 1890.]

⁵⁸ *Ibid.* P. IX.

Такие мысли всегда были созвучны В. Г. Васильевскому, потому что отвечали основному его настроению и выражали приемлемый им идеал. Он верил в творческую и действенную силу познания. Он не мечтал сам о совершенстве. Не требуется и людям, понимавшим и ценившим его, считать его таковым, чтобы сохранить о нем благодарное воспоминание и проститься с ним хорошими словами [писателя], которому он сочувствовал в его призыве развивать идейность в людях при помощи науки и работал сам для такой цели в своей сфере без тщеславия, чуждаясь эффекта, но всю данную ему большую силою.

«МЕНЯ МАНЯТ АРХИВЫ, ПОКА Я МОЛОД» (МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ Н. П. ЛИХАЧЁВА)*

В биографии нашего выдающегося историка, археографа и кол-лекционера Николая Петровича Лихачёва (1862–1936), несмотря на то что ему посвящена весьма большая литература¹, остается еще ряд малоизвестных, а то и вообще неизвестных страниц. Соответственно, в архивах хранится еще немало материалов, способных «заполнить лакуны» и ждущих своего включения в научный оборот. К последним как раз и относятся несколько писем как самого Н. П. Лихачёва, так и других лиц; они сохранились в личном фонде замечательного отечественного ученого Ивана Васильевича Помяловского (1845–1906)².

Из писем мы узнаём о тех обстоятельствах в жизни молодого Николая Петровича Лихачёва, которые подвигли его к судьбоносному решению покинуть свою «малую родину» (г. Казань) и переселиться в столицу Российской империи (Петербург), а также о тех двух самых первых его «благодетелях», которые этому способствовали. Речь прежде всего идет о вышеупомянутом И. В. Помяловском, талантливом филологе-классике, перешедшем в разряд византинистов и обогатившем византиноведение многочисленными публикациями в области агиологии и палестиноведения, который, занимая важные учебно-административные посты, сделал много полезного для отечественной науки, проявляя при этом, по свидетельствам его биографов, поразительное бескорыстие и безграничную отзывчивость именно в деле устройства судеб

* Опубликовано: ВИД. Т. XXIX. 2005. С. 278–284.

¹ Простоволосова Л. Н. Н. П. Лихачёв: судьба и книги. Библиографический указатель. СПб., 2002.

² ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1 (номера дел и указания листов см. ниже). Содержание писем «вскользь» затронуто в очерке Л. Н. Простоволосовой (см. примеч. 1) на с. 6–7 и в первой публикации моей статьи об И. В. Помяловском (см. примеч. 3) на с. 223–224. Здесь же, пользуясь случаем, мы излагаем материал полностью.

молодых ученых³. Что касается второго из упомянутых «благодетелей», то имеется в виду выдающийся специалист по византийской археологии, член-корреспондент Имп. Академии наук Дмитрий Федорович Беляев (1846–1901), который был сокурсником И. В. Помяловского по Петербургскому университету, профессором и деканом историко-филологического факультета Казанского университета, автором знаменитого трехтомного труда *«Byzantina»*, посвященного углубленной разработке «археологического» материала из Придворного устава (*De cerimoniis*) византийского императора Константина VII Багрянородного⁴.

Именно Д. Ф. Беляев первым обратился в 1886 г. к И. В. Помяловскому с письмом (без даты) следующего содержания:

Многоуважаемый и любезнейший Иван Васильевич! Позвольте Вашему благосклонному вниманию представить одного казанского магистранта, Николая Петровича Лихачёва, недавно блистательно выдержавшего экзамен на магистра русской истории и теперь приехавшего в Питер для изучения архивного материала по занимающему его вопросу о разрядных книгах. Так как Николай Петрович очень интересуется археологиею и нумизматикою, то он, зная Вашу компетентность в этих науках, просил меня познакомить его с Вами, в надежде на Ваши советы и содействие. Могу Вас уверить, что в Николае Петровиче Вы найдете вполне преданного своему делу и внимательного к Вашим советам молодого ученого, который будет Вам глубоко благодарен за всякое содействие и помощь в его научных стремлениях. Глубоко уважающий Вас и преданный Вам покорный слуга Д. Беляев⁵.

Несомненно, что И. В. Помяловский сделал все от него зависящее, чтобы помочь Николаю Петровичу. Об этом, в частности, мы узнаём из другого письма Д. Ф. Беляева к нему, от 22 июля 1887 г.: «От всей души благодарю Вас за ласковый прием, оказанный Н. П. Лихачёву. Он недавно был у меня и благодарил за доставленную ему возможность

³ Об И. В. Помяловском из работ последнего времени см.: *Медведев И. П.* И. В. Помяловский и его вклад в византиноведение (по материалам архива ученого) // *Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга*. СПб., 2004. С. 207–240; ср. с. 217–271 настоящего сборника.

⁴ О Д. Ф. Беляеве см.: *Шестаков С. Д.* Ф. Беляев (некролог) // *ЖМНП*. Ч. 336: Современная летопись. 1901. Июль. С. 9–31; *Жебелёв С.* Дмитрий Федорович Беляев // *ВВ*. Т. VIII. 1901. С. 351–355; *Мир русской византистики...* (см. Указатель имен).

⁵ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 562. Л. 112–112 об.

представиться Вам и пользоваться Вашими указаниями и компетентными советами, от которых он в восторге, как и вообще от Петербурга и его научных сил и богатств»⁶.

Благодарит Помяловского за содействие и сам Николай Петрович, посвящая его в свои планы. Так, в письме из Москвы от 22 сентября 1887 г. он пишет:

Ваше ласковое письмо, которое я получил по приезде сюда в Москву, очень меня успокоило. Я не знаю, как и благодарить Вас за Вашу доброту. По временам я совсем унываю относительно своей судьбы. Приобретение степени магистра не защищает от воинской повинности, а мне грозят два года солдатчины. Во что бы то ни стало надо заручиться местом в Министерстве народного просвещения. Необходимо раньше окончания диссертации искать или приват-доцентуры, или учительства <...> Наилучшим, почти единственным исходом из моего положения мне рисуется приват-доцентура (теоретически я имею на это право как магистр через три года по окончании курса) при С.-Петербургском университете (если только это возможно), с возможно меньшим числом лекций. Моя мечта — открыть в янв. 1888 года курс «источниковедение Русской истории» как наиболее мне знакомый и сподручный⁷.

О том же в письме из Москвы от 6 октября 1887 г.: «Меня очень тронуло сердечное письмо Ваше. От всей души благодарю Вас за советы, которыми надеюсь воспользоваться и в Петербурге <...> Меня преследовало крайне угнетенное состояние духа, которое только теперь, благодаря Вашему доброму письму, начинает немного рассеиваться <...> 6–7 ноября я надеюсь переехать в Петербург и первым делом явлюсь посоветоваться к Вам»⁸.

По-видимому, И. В. Помяловский был в курсе всех перипетий, связанных с защитой Николаем Петровичем магистерской диссертации «Разрядные дьяки XVI века»⁹. Так, еще 8 мая 1888 г. Д. Ф. Беляев пишет ему (Помяловскому):

Спешу уведомить Вас, что для Н. П. Лихачёва мы устроили всё, что только можно. Начальные листы его диссертации я предъявлю

⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 562. Л. 128.

⁷ Там же. Д. 957. Л. 2–3 (указан московский адрес Н. П. Лихачёва: Знаменка, д. Навродского. Меблир. комнаты Зигернкорн, № 10 — до ноября).

⁸ Там же. Л. 4–5 (с пометой И. В. Помяловского: «Отвн. 15/X-87»).

⁹ Опубликована в С.-Петербурге в 1888 г. в виде монографии (не без помощи И. В. Помяловского) и защищена в Казанском университете 5 февраля 1889 г.

факультету, и (мы) назначим рецензента, а Н. П. доплет остальные листы во время вакаций. Во всяком случае диспут мы устроим в начале или половине сентября, так что Н. П. далеко до закрытия на вакации в состоянии будет опять уехать в Питер, где, по-видимому, он так обжился, что ему хочется там пожить еще годок лишний. Очевидно, он так хлопочет и торопится потому, что ужасно боится попасть на два года в солдаты и, чего доброго, застрять там в случае войны и еще больше. Хоть Н. П. был бы, несомненно, прекрасным гвардейским артиллеристом, но все-таки жаль губить столько трудов и занятий для того, чтобы иметь одного хотя бы и прекрасного артиллериста¹⁰.

Сообщая Помяловскому о «видах» петербуржца Сенигова на защиту своей диссертации в Казанском университете, Беляев добавляет в письме от 8 ноября 1888 г.: «Не Лихачёв ли его подбил ехать к нам для компании, чтобы одному не скучно было трястись по горам правого берега Волги, по которым идет дорога до остановки льда на Волге? Так и не удалось Н. П. Лихачёву кончить свою книжицу до закрытия навигации, а на пароходе несомненно выгоднее было бы перевозить такую диссертацию, чем на лошадях»¹¹.

Дело с защитой магистерской диссертации обстояло непросто, о чем Николай Петрович сам поведал Помяловскому в письме из Казани от 21 января 1889 г. «То отношение к моим занятиям, которое я встретил в кружках петербургских ученых, а особенно сердечное участие, каким Вы удостоили меня, мне повредили: они избаловали меня»¹². Сообщив о «глухом недоброжелательстве, колкостях, едких намеках», которыми его «наградили» казанские коллеги, Николай Петрович пишет:

Если бы я не нашел в Петербурге Вас, Кобеко¹³, Толстого¹⁴, Гиля¹⁵, на которых вовсе не мог рассчитывать, может быть я счел бы нападки на меня (хотя бы и ни на чем не основанные) естественными

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 562. Л. 143–144 об.

¹¹ Там же. Л. 154–154 об.

¹² Там же. Д. 957. Л. 6.

¹³ Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918), государственный деятель, историк, библиограф, будущий директор Имп. Публичной библиотеки. См. о нем: Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биографический словарь. Т. 1. СПб., 1995. С. 260–265.

¹⁴ Толстой Иван Иванович (1858–1916), граф, государственный деятель, археолог, нумизмат, будущий министр народного просвещения.

¹⁵ Гиль Христиан Христианович (1837–1908), нумизмат, с которым Н. П. Лихачёв находился в переписке. См.: ОР РНБ. Ф. 904. Д. 210.

и понятными. Но теперь я разочаровываюсь в людях университета <...> Мне не раз намекали и раз даже прямо высказали, что после представления Государю¹⁶ и совсем посредственная работа должна сойти за хорошую. Вообще счастье видеть Государя, которого я удостоился, как это ни странно, но здесь мне очень повредило. Самое горячее желание мое поскорее уехать отсюда <...> Меня мают архивы, пока я молод, мне хочется исследовать. Архив Юстиции в Москве и Герольдии в Петербурге исследованы мною только поверхностно¹⁷.

Наконец, письмом от 8 февраля 1889 г. Н. П. сообщает Помяловскому: «Пятого февраля состоялся мой диспут. Он был очень удачен со стороны прений, но увы! степень магистра не развяжет мне рук. Свободные исследования, частные очерки по отдельным вопросам, о которых я мечтал, отошли в область фантазии»¹⁸.

Смысл этого не совсем понятного разочарования проясняется, если обратиться к письму Д. Ф. Беяева к Помяловскому от 12 марта того же года. «Н. П. Лихачёву, — пишет он, — к сожалению, не удалось получить степень доктора, хотя он, несомненно, рассчитывал на это и в этих видах написал такую большую книгу. Отзыв Корсакова¹⁹, который приготавливает рецензию для ЖМНП²⁰, был очень умеренный и отрезывает всякую возможность поставить вопрос об достоинении г. Лихачёва прямо степени доктора».

Не меньше волнений Николаю Петровичу пришлось испытать и с докторской диссертацией на тему «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве: Опыт исторического исследования»²¹. Об этих перипетиях мы снова узнаём прежде всего из писем Д. Ф. Беяева к И. В. Помяловскому.

¹⁶ О представлении Н. П. Лихачёва императорской чете и о реакции казанских газет на это событие см.: *Простоволосова Л. Н.* Н. П. Лихачёв... С. 7.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 957. Л. 6–8.

¹⁸ Там же. Л. 9.

¹⁹ Корсаков Дмитрий Александрович (1843–1919), специалист по русской истории, профессор Казанского университета.

²⁰ См.: *Корсаков Д. А.* Московский Разрядный приказ и книга Н. П. Лихачёва о разрядных дьяках XVI века // ЖМНП. Ч. 265. 1889. № 10. С. 290–325. О других многочисленных отзывах на книгу Н. П. Лихачёва см.: Хронологический указатель трудов Н. П. Лихачёва // *Простоволосова Л. Н.* Н. П. Лихачёв... С. 24 (№ 7).

²¹ Опубликована в С.-Петербурге в 1891 г., защищена в Казанском университете 3 мая 1892 г., а не 3 марта, как указано в каталоге выставки «Из коллекций Н. П. Лихачёва» (СПб., 1993. С. 276).

Из университетских новостей, — пишет он 4 сентября 1891 г., — могу сообщить Вам только относительно Н. П. Лихачёва: его подбили здесь Фирсов и Осокин²² представить последнюю его работу о бумаге в качестве докторской диссертации. Корсаков же находит, что эта работа в качестве диссертации представлена быть не может, так как эта работа не по русской истории, а по русской и общей палеографии и археологии. В факультете по этому вопросу, вероятно, будет много жарких споров и, пожалуй, неприятностей. Я пробовал было уговорить Ник. Петр-ча оставить эту мысль, но он страстно желает поскорее получить степень доктора, особенно ввиду стесненных домашних обстоятельств. Придется, должно быть, расхлебывать эту кашу, которую Фирсов, быть может, заварил для того, чтобы создать прецедент для своего сына, так как Фирсов никогда спроста ничего не делает, а Ник. Петр. может оказаться в не совсем приличной для него роли. Пока еще Н. Петр. официально своей диссертации не представил, он дожидается предварительного суждения о ней отдельных членов факультета²³.

Из письма от 23 сентября 1891 г.: «Н. П. Лихачёв представил-таки свою “Бумагу” в качестве докторской диссертации и уехал в деревню, где будет ждать решения факультета. Хотя Корсаков сильно противится, но большинство членов факультета, очевидно, будет на стороне другого историка, Фирсова, который и подал мысль представить “Бумагу” в качестве докт. диссертации»²⁴. Из письма 31 января 1892 г.: «Дело о диссертации Н. П. Лихачёва еще не дебатировалось в факультете, так как Корсаков и Фирсов отзыв еще не представляли и представят, вероятно, к концу 6-месячного срока. Предсказать, как кончится его дело, трудно; я во всяком случае, как обещал Н<иколаю> П<етровичу>, так и буду действовать, т. е. в его пользу, ввиду как достоинства самой книги его, так и ввиду его преданности своей науке и удивительного трудолюбия»²⁵.

И наконец, радостная весть в письме Беляева от 10 мая 1892 г.:

Из наших новостей самую интересною для Вас, конечно, будет защита Лихачёва. Он защищался очень хорошо, тактично и сдержанно, так что сам Корсаков признал его защиту удовлетворительною,

²² Фирсов Николай Алексеевич и Осокин Николай Алексеевич, профессора Казанского университета.

²³ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 81–81 об.

²⁴ Там же. Л. 83.

²⁵ Там же. Л. 94–95 об.

хотя и остался при прежнем мнении относительно диссертации. Объявление о признании Николая Петровича доктором было встречено рукоплесканиями, и Николай Петрович был, конечно, очень рад, что дело его кончилось вполне благополучно и даже гораздо лучше, чем я ожидал, так как, несмотря на все меры и увещания, я опасался, что Корсаков будет возражать резко и раздражительно. Слава Богу, ничего такого не было, и диспут прошел вполне благопристойно и прилично. Что будет Лихачёв делать дальше, не знаю. Теперь он поехал в деревню к отцу отдыхать на лаврах и проживет там, по-видимому, все лето, а потом уже отправится в Москву и в Питер искать пристанища для дальнейших занятий²⁶.

Откликнулся и сам Николай Петрович. В большом недатированном (кто-то карандашом поставил неверную дату — 1891) письме он так описывает процедуру защиты:

3 мая, после долгих ожиданий и волнений состоялся, наконец, мой диспут, окончившийся в 6¼ часов вечера. От оппонентов мне удалось отбиться. С официальными я честно переломил копыя, а неофициальный — проф. Н. П. Загоскин²⁷ — был жестоко побит. Свои возражения он начал с таким задором, таким тоном и такими огульными порицаниями, что я чуть-чуть было не растерялся <...> Меня спасли чьи-то молитвы. Загоскин допустил несколько грубейших промахов в области литературы предмета и попал в западню, расставленную мною по поводу одного акта. Я воспользовался всем этим и не только отбил нападение, но в азарте сам перешел в наступление, и из положения экзаменуемого моментами переходил в роль экзаменатора. Такой успех не прошел мне даром. Казанские газеты сочли долгом заступиться за своего «публициста» и осыпали меня руганью. Посылаю Вам статейку²⁸.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 563. Л. 102–102 об.

²⁷ Загоскин Николай Павлович (1851–1912), специалист по истории русского права, профессор Казанского университета.

²⁸ Там же. Д. 957. Л. 14–14 об. Действительно, к письму приложена вырезка из казанской газеты от 5 мая 1892 г. со статьей «По поводу диспута Н. П. Лихачёва», без подписи, но из письма Н. П. Лихачёва мы узнаем, что составлена статья была неким Мандельштамом: «Он из поднадзорных и ненавидит меня уже по одному тому, что я еще в университете был известен за отъявленного ретрограда, почему на одной сходке — по поводу оскорбления Фирсова — мне даже было предложено возражать со стороны правительства» (Там же. Л. 14 об.). В газетной статье, в частности, говорилось следующее: «...Добросовестные кропатели и архивные рабочие, конечно, нужны для науки. И те

«Не подумайте, — заключает Николай Петрович свое письмо (а вместе с ним и мы нашу статью), — что я действительно отрицал обобщение в науке, я только сказал, что прошла пора выбора широких тем для диссертаций, и сказал это по поводу того, что Загоскин упрекал меня в мелочности моих работ»²⁹. Налицо, таким образом, еще один эпизод в вечном споре исследователей-источниковедов и представителей «теоретической истории», адептов «внеисточникового» исторического знания, — эпизод, изрядно «сдобренный» к тому же идеологическими пристрастиями.

и другие в наших глазах очень почтенны и заслуживают всякого уважения, *пока знают свое место* (курсив мой. — И. М.). Но когда вместо того, чтобы скромно сознаться в недостатке своего дарования и, не добиваясь ни ученых степеней, ни кафедр, оставаться почтенными чернорабочими в науке, они собственное бессилие возводят в принцип и заявляют с кафедры, что “пора широких обобщений в науке миновала”, мы готовы признать за ними мужество, но... не научное» (ОР РНБ. Ф. 608. Он. 1. Д. 957. Л. 16).

²⁹ Там же. Л. 15.

С. Ф. ПЛАТОНОВ КАК УЧЕНИК ВИЗАНТИНИСТА В. Г. ВАСИЛЬЕВСКОГО*

Мне уже приходилось выступать в научной печати с утверждением, что византистика как одна из тех областей гуманитарного знания, в которых Россия не только вышла на мировой уровень, но и стала в каком-то смысле лидером, обретя свое собственное лицо, создав свою собственную «систему координат» в науке и добившись общезначимых результатов, приобрела особый статус в научном пространстве нашей страны; в силу своего высокого научного рейтинга русские историки-византисты оказали формирующее воздействие на представителей целого ряда других специальностей и в известной мере определили оригинальные черты отечественной исторической науки¹.

Не является в этом отношении исключением и С. Ф. Платонов, который одним из своих учителей называет византиниста № 1 в России — Василия Григорьевича Васильевского (1838–1899). В воспоминаниях о годах своей студенческой молодости С. Ф. Платонов, правда, весьма недоброжелательно отзываясь о преподавателях древних языков (латынь преподавали О. А. Шебор и «надоедливый старичок лет под 70» Г. И. Лапшин, греческий — «проф. Люгемиль и доц. Ернштедт»)², в результате чего «древние языки, — пишет Сергей Федорович, — на нашем курсе не могли нас привлечь к себе, и из 104 первокурсников классиками стали только 4»³; сам Платонов сделал выбор в пользу «русской истории как специальности»⁴. Зато

* Опубликовано: Памяти акад. С. Ф. Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 21–28.

¹ Медведев И. П. Петербургское византиноведение: Страницы истории. СПб., 2006. С. 5.

² Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни: Исторический журнал. Кн. 2. 1921. С. 107.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 120.

...очень светлым периодом моей юношеской жизни, — пишет он, — стал III курс, «самой важной для нас новинкой» которого явился курс В. Г. Васильевского по всеобщей («средней») истории, главным содержанием которого было падение Римской империи и образование варварских государств, а помимо того — курс специальный «Русско-византийские отрывки», во время которого Васильевский знакомил нас с результатом своих специальных разысканий, с теми текстами, над которыми работал, и с теми приемами исследования, к которым сам привык. Попутно он склонял желающих к писанию рефератов и внимательно разбирал подобные работы⁵.

Правда, и здесь («с первого взгляда») для Платонова в новом профессоре не показалось ничего замечательного («небольшой человек великорусского типа, с добродушным улыбающимся лицом, с курчавою головою и густой бородою, немножко застенчивый, небрежно одетый <...> говорил нескладно»), но «скоро почувствовалось, что перед нами умный и талантливый человек»⁶.

Несомненно, что и профессор не мог не обратить внимания на незаурядность студента Платонова, ибо в начале ноября 1880 г., — пишет Сергей Федорович, —

...обратившись лично ко мне, сидевшему на первой скамье, спросил, не желаю ли я взять тему о местожительстве готов-тетракситов. Я не уклонился и в две недели обработал реферат, воспользовавшись всеми относящимися к делу греческими текстами и постаравшись всеми силами о том, чтобы не повторить рабски исследования об этом предмете самого Васильевского (в «Житии Иоанна Готского»). Васильевский помещал тетракситов «несколько выше Анапы и ближе к Керченскому проливу», а я поселил их прямо на Таманском полуострове. Я обставил свое изложение цитатами из Прокопия и «*Geographi graeci minores*», приложил к реферату самодельную карту Крыма и Тамани и около 17-го ноября отдал свое произведение Васильевскому. Он передал реферат для рецензии и возражений студенту моего курса Кирсанову и на 10 декабря назначил обсуждение реферата в аудитории. Так как Кирсанов не сладил с темою (*sic!*), то за меня принялся сам Васильевский и целый час посвятил разговору со мною перед моими сокурсниками. Это было первое мое знакомство с Васильевским, послужившее началом долгих и близких моих отношений с незабвенным учите-

⁵ Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний... С. 120.

⁶ Там же. С. 121.

лем. Тетрадку свою с замечаниями на полях Васильевского я храню и доселе, как один из ценных памятников моей умственной жизни и начала моих научных работ. От одного из младших моих товарищей я слышал много лет спустя, что и Васильевский не забывал моего задорного реферата и по этой работе составил обо мне доброе мнение⁷.

Меня, автора настоящей статьи, всегда интересовало, что же такое Платонову удалось «накопать» в своем реферате, а еще больше — как ему удавалось справиться с греческими источниками, если греческий сам по себе «не мог его привлечь». Возможность составить об этом представление неожиданно появилась: из прослушанного мною доклада А. И. Алексеева о фонде С. Ф. Платонова в Отделе рукописей РНБ на Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию со времени кончины ученого (Санкт-Петербург, 19–20 июня 2008 г.), я узнал, что текст реферата в целости и сохранности находится в фонде, с помощью А. И. Алексеева получил к нему доступ и даже поручение со стороны Алексея Ивановича опубликовать текст реферата, что я, конечно же, постарался осуществить⁸.

Пока что ограничусь некоторыми сведениями о самой рукописи (хранится в Отделе рукописей РНБ: Ф. 585. № 1241. 31 л.). Речь идет о собственноручно написанном С. Ф. Платоновым реферате на тему «О местонахождении готов-тетракситов», причем в двух вариантах — черновом (1-я тетрадка в 15 листов, с датировкой «11–16 ноября 80 года») и чистовом (2-я тетрадка в 15 листов), с пометой «17 ноября 1880 г. Читан 10 декабря 1880 г.», с присоединением изготовленной им самой карты Крыма и Тамани (названия древние). Надо сказать, что даже беглого просмотра текста было достаточно, чтобы убедиться: Сергей Федорович вполне прилично владел греческим, обладал красивой греческой скорописью, свободно переводил тексты (значит, не так уж плохи были преподаватели греческого К. Я. Люгемиль и В. К. Ернштедт!) и, что немаловажно, — проявил подлинное критическое мастерство при интерпретации источников. Уделив особое внимание «показаниям» Прокопия Кесарийского относительно народов, обитавших на восточном берегу Черного моря, и мнениям ученых, отличавших готов-тетракситов от готов крымских и помещавших первых или около Анапы (Брун, Куник), или же несколько выше Ана-

⁷ Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний... С. 121–122.

⁸ Медведев И. П. Студенческий реферат С. Ф. Платонова «О местопребывании готов-тетракситов» // АДСВ. Т. 40. 2011. С. 390–408.

пы и ближе к Керченскому проливу (Васильевский), С. Ф. Платонов высказывает свое мнение в следующих выражениях: «Сознавая всю недостаточность нашей эрудиции, мы, однако, осмеливаемся, на точном, как нам кажется, понимании слов Прокопия, поместить тетракситов несколько севернее, а именно — на нынешнем Таманском полуострове», — мнение, к которому приходит (естественно, без всяких представлений о своем предшественнике Платонове) современная наука⁹.

Вообще, все те (правда, не очень многочисленные) данные, которыми мы располагаем (они получены, главным образом, из эпистографии), свидетельствуют о том, что В. Г. Васильевский оказал большое влияние на С. Ф. Платонова, на его судьбу как ученого и уж во всяком случае весьма ощутимо поспособствовал его научной карьере. Одно то, что он провел на кафедре еще не защитившегося Сергея Федоровича, говорит о многом, а в 1890 г. Васильевский, редактор «Журнала Министерства народного просвещения», пригласил, как известно, Платонова к себе в помощники. Давая в письме к Виктору Карловичу Ернштедту высокую оценку сотрудничеству последнего в ЖМНП, Платонов тем не менее просит ускорить сроки представления рукописей в типографию, чтобы, «говоря словами Васильевского, не являть другим зрелище внутренней безурядицы»¹⁰, и таких ссылок на афоризмы Васильевского (а тот был мастером их выдавать) у Платонова хоть отбавляй.

По-видимому, именно для В. Г. Васильевского сообщает в письме к И. В. Помяловскому киевский профессор-византинист Юлиан Кулаковский о защите докторской диссертации С. Ф. Платоновым в Университете св. Владимира.

⁹ См., например, определение В. П. Будановой (со ссылкой на того же Прокопия Кесарийского — BG. IV. 4, 9, 12; 5, 5, 19, 20; 18, 22): «Тетракситы — ветвь готского племени (обитавшая) на Таманском полуострове»: Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1999. С. 231; Она же. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 371. См. также: Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 30–38 (вопрос о локализации тетракситов на Таманском полуострове здесь, впрочем, не поднимается).

¹⁰ Письмо от 28 июня 1892 г. (СПФ АРАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 165. Л. 10 об. – 12).

Сегодня увенчали мы лаврами докторства Вашего сослуживца Платонова, — *пишет он*. — Оба оппонента были с ним чрезвычайно любезны, очень хвалили его книгу и своим замечаниям не давали тона нападок или упреков. Иконников входил в детали, а Голубовский поделился с ним интересными соображениями насчет причин (вероятных) поведения западной Северщины в Смутное время, желая знать его мнение по этому возбужденному им вопросу. Затем последовала похвала книги от Завитневича, и диспут закончился провозглашением С. Ф. доктором русской истории. Публики было очень много, так что я даже подивился многолюдству. После диспута был дружеский обед у Иконникова, затянувшийся на очень долгое время, так что я только к 9 часам попал домой¹¹.

Остановимся еще на одном эпизоде, весьма показательном с точки зрения особого отношения С. Ф. Платонова к своему учителю. 13 мая 1899 г. умирает во Флоренции Василий Григорьевич Васильевский, которого привезли сюда лечиться от тяжелой болезни, и это буквально потрясло научную общественность¹². Естественно, не мог остаться в стороне от этого горя и С. Ф. Платонов. Еще 1 января 1899 г. он пишет В. С. Иконникову: «Болезнь В. Г. Васильевского (ему, к счастью, лучше) переложил на мои плечи его обязанности в Ученом комитете. Давняя наша приязнь заставляет меня не уклоняться от этого бремени, но нести его даже с некоторым рвением, а это уносит и силы и время»¹³, а уже в его письме к другу В. Г. Дружинину от 29 июля 1912 г. содержится уникальная (по крайней мере, для меня) информация о том, что он (Платонов), как и многие другие¹⁴, также посетил могилу любимого учителя. «Очень меня тронуло твое намерение, — пишет Сергей Федорович, — отвезти крест на могилу Васильевского! Очень сочувствую! Там его, вероятно, с охотой вделают в могильную плиту. Только помни: кладбище *Allori* — “для схизматиков”. Оно за городом. Всего лучше извозчик, хотя, помнится, есть и трамвай. Нам могилу показали сразу; но на всякий случай прилагаю чертежик по памяти»¹⁵.

И наконец, именно С. Ф. Платонову принадлежит один из самых проникновенных некрологов В. Г. Васильевскому, в котором он тонко

¹¹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 908. Л. 84–84 об.

¹² Об этом см.: *Медведев И. П.* Петербургское византиноведение... С. 158–191.

¹³ Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. М., 2003. С. 55–56 (№ 88).

¹⁴ Например, И. М. Гревс, А. А. Васильев и др.

¹⁵ Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками. Т. 1. С. 167 (№ 348).

воссоздает ту особенную ауру, которая образовалась вокруг Васильевского как «учителя науки», к ученикам которого Платонов всегда причисляет и себя. Он характеризует Васильевского как «удивительного человека по качествам ума и сердца, по необыкновенно счастливому сочетанию умственной силы с моральной красотой». По словам Платонова, «исключительно одаренный природою, Васильевский не скрывал данного ему таланта, но все свои благородные способности всецело отдал на служение науке и русскому просвещению». Подчеркивая разностороннюю ученость и широту умственного кругозора Васильевского, Сергей Федорович особо выделяет его мастерство в «изучении текстов и их критике, в восстановлении фактов и определений хронологических, в вопросах права, политики, социальных явлений, психологических настроений и всяких иных сторон исторического кризиса». «Все это, — говорит Сергей Федорович, — находило свое место в исследованиях знаменитого историка, и ко всему он относился с полной компетентностью и в то же время с осторожностью и сдержанностью глубокого ученого».

По убеждению Сергея Федоровича, Васильевский обладал тончайшей наблюдательностью, удивительным талантом вычитывать в сухих летописях то, чего другие не замечали.

Эта сторона ученого таланта В. Гр. Васильевского, — *заключает Сергей Федорович Платонов*, — можно сказать, сверкала, как грань алмаза, и пред теми, кто вчитывался в его статьи, и пред теми, кто имел завидную долю слушать его спец. курсы в Университете. Не владея гладкою фразою, он, однако, покорял себе аудиторию и увлекал ее великолепными образцами ученого анализа. Неизменная оригинальность сюжета, изящество построения, стройность и сила аргументации, своеобразная красота языка, как будто умевшего переносить в современность достоинства архаического красноречия и даже его манерность; наконец, бесподобный юмор, которым был так богат этот строгий ученый, — вот всем известные свойства его трудов¹⁶.

Думается, что все эти удивительные свойства творческого гения Васильевского были в полной мере усвоены его талантливыми учениками, в том числе и С. Ф. Платоновым, навсегда определив особенности его «технологии» исторического исследования и свойственной ему «иерархии исследовательских процедур».

¹⁶ Платонов С. Ф. Сочинения. Т. I. 2-е изд. СПб., 1912. С. 191–192.

В. Э. РЕГЕЛЬ КАК ОСНОВАТЕЛЬ И РЕДАКТОР «ВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕННОКА»*

Нельзя не испытать некоего странного чувства при ознакомлении с судьбами творческого наследия видного отечественного источниковеда и «организатора науки» Василия Эдуардовича Регеля (1857–1932). Имя вроде бы известное (особенно специалистам), но явно остающееся в тени других, более громких имен русского византиноведения. Не будь недавних статей Л. П. Лаптевой о нем (честь ей и хвала за это!)¹, можно было бы говорить и о забвении. Мало что известно о его биографии и его семье, об обстоятельствах смерти, нет научно выверенного списка его трудов². Даже, казалось бы, бесспорное детище всей его жизни — всемирно известный журнал «Византийский временник» — почти всегда связывают с именем другого человека — академика В. Г. Васильевского, причем это характерно не только для нашего времени³, но и для «тех времен»: лишь в 1905 г., после десятилетнего, более чем успешного, руководства журналом В. Э. Регель

* Опубликовано: Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 157–180.

¹ *Лаптева Л. П.* Регель Василий Эдуардович // Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 291; *Она же.* В. Э. Регель как византист // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 130–140. См. также: *Lapťevová L. P.* V. E. Regel — ruský badatel Kosmy Pražského // *Slovanský přehled*. 1977. Č. 2. S. 170–176.

² На эту роль не может претендовать небольшой список работ Регеля, приложенный к краткой биографической справке о нем в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Имп. Санкт-Петербургского университета» (1898. Т. 2. С. 145).

³ На титульном листе юбилейного 55-го (80-го) тома «Византийского временника» (М., 1994) значится: «Основан академиком В. Г. Васильевским в 1894 г.», а в очерке о В. Г. Васильевском, опубликованном в этом же томе, утверждается, что он «добился выделения из фондов Академии средств на издание специального академического византиноведческого органа — “Византийский временник”»; см.: *Литаверин Г. Г.* Василий Григорьевич Васильевский — основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838–1899) // ВВ. Т. 55 (80). Ч. 1. 1994. С. 20.

был наконец утвержден в качестве единоличного редактора на заседании Историко-филологического отделения Императорской Академии наук 2 марта по докладу академика П. В. Никитина, «за неимением в составе Академии специалистов по Византии»⁴.

Конечно, будучи учителем В. Э. Реголя (как и целой плеяды других выдающихся русских византистов), поддержав своим авторитетом и именем начинание своего ученика (уже по своему статусу молодой приват-доцент не мог претендовать на роль единоличного редактора журнала) и действительно участвуя в этой работе, В. Г. Васильевский может, конечно, считаться *spiritus rector* нового византиноведческого журнала (как и всей петербургской школы научного византиноведения). И тем не менее роль «крошки Цахеса», навязываемая этому великому ученому, на наш взгляд, совсем ни к чему. Изучив вопрос специально (и во имя справедливости), мы со всей определенностью должны признать: старый «Византийский временник» — всецело «дело рук» В. Э. Реголя, от зарождения у него «счастливой мысли основать при Императорской Академии наук повременное издание, предназначенное для изучения судеб Византии, с которыми так тесно... связано наше духовное бытие»⁵, до создания концепции и всех мельчайших технических деталей воплощения этой идеи в жизнь, потребовавшего от ученого и колоссальных душевных и физических усилий, и больших материальных затрат⁶, и фактического принесения

⁴ СПФ АРАН. Ф. 127. Оп. 1. Д. 115. Л. 3. Неужели действительно все дело в том, что фамилией Реголя была Реголь, а не Линейкин? Об этом нам поведал (со слов А. А. Васильева, якобы именно так прореагировавшего когда-то на сетования В. Э. Реголя) проф. И. Шевченко. Скорее решающую роль играло при этом «реформатское» вероисповедание Реголя, что многими считалось неприемлемым для «православного» византиноведческого органа и о чем мы снова узнаем от А. А. Васильева. См.: Васильев А. А. Мои воспоминания о В. Г. Васильевском // СК. Т. 11. 1940. Р. 211, note 1. Ср.: *Fonkič B. L., Poljakov F. B. Schicksale der byzantinischen Philologie in Russland im 20. Jahrhundert* // *La Filologia medievale e umanistica greca e latina nel secolo XX*. Roma, 1993. Р. 800, nota 129.

⁵ См. обращение государственного контролера, действительного тайного советника Т. И. Филиппова к президенту Академии наук вел. кн. Константину Константиновичу от 17 мая 1893 г.: *Медведев И. П.* К истории основания «Византийского временника»: Неизвестные документы и факты // РХВ. Вып. I. 1997. С. 228.

⁶ Реголь не только «в течение двух десятилетий без жалования и вообще без всякой материальной компенсации редактировал «Византийский временник»»

в жертву этому делу своей научной карьеры, столь успешно начавшейся и столь много обещавшей.

Целенаправленная поисковая работа в архивах позволила нам выявить целый комплекс документов первостепенной важности, в которых не только получили свое адекватное выражение общая концепция журнала, его программа, включающая в себя политическое, идеологическое и научное обоснование необходимости его издания, но и ярко отразилась роль В. Э. Регеля как подлинного творца «Византийского временника» (он, правда, уже тогда предполагал назвать журнал «Византийским обозрением», и лишь в угоду академику А. А. Кунику, считавшему это название слишком будуарным, слишком рассчитанным на рекламу, «было придумано название Временник, все-таки отзывающееся некоторым почтенным архаизмом»⁷). В этом своем начинании В. Э. Регель получил энергичную поддержку со стороны государственного контролера Т. И. Филиппова, «августейшего Президента» ИАН вел. кн. Константина Константиновича и всего Историко-филологического отделения Академии наук, которое, «относясь с полным сочувствием к предложениям Филиппова и Регеля и одобряя их в принципе», на заседании 19 мая 1893 г. «положило ходатайствовать перед г. министром народного просвещения об ассигновании нужных на это издание средств».

(см.: *Лаптева Л. П.* В. Э. Регель как византинист. С. 130), но и наверняка тратил на него средства из семейного бюджета. Правда, возможности для этого у него были: его отец — известный ботаник Э. Л. Регель — занимал хорошо оплачивавшийся пост директора Императорского Ботанического сада, да и сама семья (потомственных дворян) располагала значительными земельными владениями и доходами. Помимо указанных Лаптевой документов о покупке В. Э. Регелем земель (Там же. С. 140, примеч. 53), отметим и мы попавшиеся нам в фонде Регеля (РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 124) ведомости о доходах с его 60-квартирного дома по Средней Подъяческой улице, д. 15, на 1 сентября 1901 г. (л. 7–9), эскизы и планы участка под дом «коллежского асессора Вильгельма Эдуардовича Регеля» по адресу: В. О., 10-я линия, д. 15 (где и размещалась редакция «Византийского временника») (л. 1–5 об., 10–11). Основная же усадьба семьи находилась в Озерках, по ул. Ольгинской, д. 5.

⁷ Об этом вспоминает В. Г. Васильевский 5 лет спустя в некрологе А. А. Кунику (см.: ВВ. Т. VI. 1899. С. 631). А. А. Куник, чувствуется, вообще не очень-то верил в возможность издания в России специального византиноведческого журнала. Не желая, однако, выглядеть «ретроградом», он (хоть и с неохотой) поддерживал инициативу Регеля, призвав тем не менее «не обязываться безусловно изданием ежегодно определенного числа выпусков» (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. 1893 г. Д. 140. Л. 197).

Обо всем этом нами подготовлена специальная, уже здесь упоминавшаяся публикация, включающая в себя издание всего «пакета» основных программных документов по учреждению журнала (в том числе обоснование и предварительную программу, составленные В. Э. Регелем)⁸. Здесь же нам хотелось представить материалы малоизученного регелевского фонда, хранящегося в Российском государственном историческом архиве (ф. 1033), которые как раз и отражают поистине титаническую деятельность Регеля по обеспечению ритмичного функционирования журнала, его бесперебойному выпуску в свет, формированию редакционного «портфеля», по привлечению к сотрудничеству всех наиболее крупных отечественных и зарубежных (по преимуществу греческих) ученых. Правда, единого и упорядоченного редакционного фонда документов по истории «Византийского временника» не существует, документы перемешаны с прочими бумагами разного времени и рассредоточены по разным папкам — «единицам хранения». Больше всего материалов (текущая переписка с ИАН, с типографией, с авторами и сотрудниками ВВ, с различными зарубежными учреждениями, счета типографии и ведомости на выплату авторских гонораров и т. д.) содержится в делах 27, 30, 32, 34–40; единичные документы можно встретить в делах 16, 17, 19, 21, 23, 24 (суммарно составленная опись изобилует «глухими» обозначениями единиц хранения, «неустановленными лицами» и просто ошибочными идентификациями⁹).

Нагляднейшим примером работы В. Э. Регеля (как редактора) с авторами являются более полусотни писем и открыток русского ученого-пасхалиста, знатока технической хронологии Д. А. Лебедева, опубликовавшего на страницах ВВ целый ряд своих трудов, и прежде всего замечательное сочинение «Из истории древних пасхальных циклов: 19-летний цикл Анатолия Лаодикийского» (на месте редактора надо было быть сильно убежденным в выдающихся достоинствах произведения, чтобы единственному его автору выделить 240 печатных страниц в одном только — 18-м — томе журнала). В этих письмах (д. 32) — богатейший спектр всевозможных тем: от сложнейших астрономическо-математических выкладок и вопросов летосчисления до обсуждения внешнего вида отдельных оттисков («в обложках

⁸ *Медведев И. П.* К истории основания «Византийского временника»: Неизвестные документы и факты.

⁹ Попробуйте, например, узнать в Э. Т. Бегяерте Г. П. Веглериса (д. 30) или в Р. Фернстедте П. Ернштедта (д. 36).

синего, и голубого или фиолетового цвета, но не зеленые, не зеленоватые и не красные, непременно на веленовой бумаге») и написания имени автора («Священника Димитрия Лебедева, прошу непременно напечатать Димитрия, не “Дмитрия”»)¹⁰.

Столь же характерны для работы редактора с иностранными авторами многочисленные письма греческого ученого с о. Сими (д. 23 и 40) Демосфена Хавьяраса. Высказывая всякий раз свое восхищение журналом, которым, по его мнению, столь достойно руководит его «архисиндактис» (в письме от 23 марта 1912 г. Хавьярас подчеркивает, что он мог бы публиковаться и в каком-либо другом журнале, но предпочитает ВВ, «чрезвычайно уважая его» — д. 40, л. 100), этот автор частями шлет свою пространную статью «Συλλογὴ Χριστιανικῶν Ἐπιγραφῶν», фотоматериалы к ней, а также оттиски своих опубликованных статей¹¹, дожидаясь уведомления о получении очередной порции и часто используя оказии. Однажды, например, он переслал продолжение статьи («достаточно длинное») через «Его превосходительство г. Афанасия Пападопуло-Керамевса» — и зря, так как последний не передал рукописи, она затерялась, и автору пришлось возобновлять ее (письмо от 24 марта 1912 г.)¹²; в другой раз — через Г. П. Веглериса, который был в 1912 г., по свидетельству Хавьяраса, «ὁ Γενικὸς Πράκτωρ τῶν Ῥωσικῶν Ταχυδρομείων» в г. Смирне (письмо от 4 декабря 1912 г.)¹³. Аналогичны письма других греческих ученых

¹⁰ Подробнее о содержании этой переписки см. с. 441–459 настоящего сборника.

¹¹ См., например: РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 158 («Работа неустановленного лица», как обозначено в описи, — это оттиск статьи Д. Хавьяраса «Ὁ Ῥόδου Κωνσταντῖος καὶ ἡ Παναγία τῆς Λίνδου» с пометами автора и его дарственной надписью: «*Monsieur W. Regel etc etc etc. St. Petersbourg, Russie*»).

¹² Там же. Д. 40. Л. 100. Ср. также письмо Хавьяраса от 24 июня (7 июля) 1913 г. (Там же. Д. 24. Л. 68).

¹³ Там же. Д. 40. Л. 96а–в. Тут же (л. 101) письмо Веглериса из Смирны от 21 мая 1912 г., в котором он (с ошибками в русском) сообщает: «При сем посылаю Вам письмо к Вам г. Χαβιαράς'а из Сими, который, не зная Ваш адрес, просил меня послать Вам его. Но так как теперь этот остров занят итальянцами (*sic!*) и непосредственных сообщений нет, можете посылать мне его письмо, и я отсюда отправлю ему через Родос. Нас здесь теперь не узнавать (*sic!*), Смирна превратилась в лагерь, все почти коммерческие операции остановились и ни (*sic!*) знаем, что будет с нами. Ждут занятия Хиоса и Метелен, но, видимо, итальянцы не спешат, и это много злит турок, которые продление это считают убийственным для себя».

к Регелю: Г. Ламбакиса от 21 августа 1899 г. из Афин с сообщением о высылке статьи о Дафнийском монастыре «для замечательного журнала Византийский Временник, который с величайшим интересом читается нашими коллегами» (высказывается просьба прислать недостающие 1-й выпуск III тома, а также 3-й и 4-й выпуски V тома; сообщается, что уже получены 1-й и 2-й выпуски VI тома)¹⁴; Адамантиос Адамантиу, который в четырех своих французских письмах к Регелю из Афин и Мистры с 1906 по 1910 г. сообщает важные сведения о своей работе над Морейской хроникой, археологических раскопках в Мистре, о своем назначении эфором христианских древностей и все время обещает прислать для опубликования в ВВ свое обширное исследование о византийских романах, и в частности об «Имберии и Маргароне» (намерение, которое так и не осуществится)¹⁵; А. Мистакидиса, который в письме из Константинополя от 8 (12) ноября 1906 г. напомнил Регелю о своем давнем знакомстве с ним у его покойного учителя Папарригопулоса, извещает о высылке для ВВ своих «Σύμψικτα ἢ Ἀνάμικτα» и просит изготовить 50 отдельных оттисков¹⁶; Сп. Ламброса, который в своем немецком письме из Афин от 26 мая 1895 г. обещает прислать осенью для опубликования в ВВ письма Никиты Рендакия и другие статьи (впрочем, главной целью письма было при посредстве Регеля добиться от Петербургской Академии наук рекомендательных писем к настоятелю русского монастыря на Афоне, рукописное собрание которого Ламброс собирался заново каталогизировать, так как с первого посещения им монастыря в 1880 г. количество рукописей здесь увеличилось с 300 до 1000)¹⁷; и др.

Нередко статьи присылались с рекомендательными письмами известных ученых. Так, Хр. Лопарёв в письме от 25 мая 1906 г. пишет: «Приношу Вам рукопись молодой византинистки Ольги Николаевны Ермаковской, которую усердно прошу напечатать в “Византийском временнике” по возможности в ближайшее время. Предполагаю в скором времени привезти Вам и свою публикацию о Мануиле I

¹⁴ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 158. Л. 69–70 (автор просит также передать какое-то вложение в конверт Пападопуло-Керамевсу, адрес которого ему неизвестен). Ср. письмо председателя Афинского Христианского археологического общества от 23 июля 1902 г., который извещает об отправлении труда генерального секретаря Общества и директора музея г. Ламбакиса с просьбой упомянуть о нем в ВВ и с благодарностью за присылку журнала (Там же. Д. 24. Л. 67).

¹⁵ Там же. Д. 29. Л. 11–18.

¹⁶ Там же. Д. 40. Л. 95.

¹⁷ Там же. Д. 32. Л. 15–16.

Комнине»¹⁸. В. Н. Бенешевич, действуя через неперменного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга (он был в плохих отношениях с Регелем), порекомендовал в ВВ уже упоминавшийся труд Д. А. Лебедева «19-летний цикл Анатолия Лаодикийского», став фактически «крестным отцом» этого ученого¹⁹. Ф. И. Шмит в письме к Регелю от 2 мая 1913 г. пишет: «Мой коллега приват-доцент Черноусов, читающий у нас в Университете и на Высших женских курсах обязательные курсы византийской истории, написал статью об историке Дуке (политическое и религиозное мирозерцание) и желал бы ее поместить в Виз. Вр. Если статья (листа 1^{1/2}–2) может быть принята и помещена в одном из ближайших выпусков, не откажите уведомить меня по возможности скоро»²⁰. Он же письмом от 2 ноября 1915 г. из Харькова «препровождает» в ВВ рецензию, написанную его ассистентом Д. П. Гордеевым на айналовский сборник. «По причинам личного свойства, — пишет он, — я не считаю возможным дать рецензию этого сборника; между тем он безусловно заслуживает по своему значению того подробного разбора, которому его подвергнул Д. П. Гордеев. Прошу Вас уведомить меня, считаете ли Вы статью подходящею. Если бы Вы, паче чаяния, нашли ее неподходящею, будьте добры не уничтожать рукописи, а вернуть ее мне»²¹. Уже не для ВВ, а для регелевского «Византийского обозрения» рекомендует Ф. И. Шмит другую работу Д. П. Гордеева.

Наш Университет, — *пишет он Регелю 21 августа 1916 г. из Харькова*, — командировал этим летом на Кавказ моего ассистента Д. П. Гордеева (Вашего сотрудника). Успех превзошел все ожидания: Д. П. удалось получить прекрасные (очень четкие и довольно крупные) фотографии с знаменитой, но не изданной до сих пор, апсидальной мозаики Гелатского собора и составить ее описание. Эти драгоценные фотографии и статью нужно напечатать. Вопрос только в том, кто согласится дать *5 таблиц хороших фотографий на хорошей бумаге* (выделено Шмитом. — *И. М.*). Так как памятник — чисто византийский, греческий, XII века, мы решили прежде

¹⁸ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 21.

¹⁹ С. Ф. Ольденбург, правда, в письме к Регелю от 3 марта 1911 г. ссылается на «поручение Конференции Имп. АН» (Там же. Д. 27. Л. 7), но из писем Д. А. Лебедева к Регелю мы знаем, что «пробивал» дорогу в печать этому труду именно В. Н. Бенешевич.

²⁰ Там же. Д. 37. Л. 43.

²¹ Там же. Л. 46.

всего допросить Вас — не будете ли Вы добры сообщить мне, на что можно рассчитывать²².

Основу формирования редакционного «портфеля» составляла, однако, заказная система, весьма эффективно действовавшая, если судить по тому, что этот «портфель» был всегда переполнен на несколько томов вперед. Были тем не менее и отказы, которые тоже по-своему интересны. Вот, например, прелюбопытное письмо с Афона от 12 мая 1895 г., которое хочется привести целиком.

Вы изволили выразить желание, — пишет Регелю библиотекарь русского Пантелеймонова монастыря инок Матфей, — чтобы я принял участие в Вашем достопочтенном журнале «В. В.» сообщением сведений о том, что делается у нас на Афоне. Исполнение Вашего желания было бы для меня весьма лестно, но ведь Вы знаете, что я человек неученый, во-первых, а во-вторых, у нас на Афоне, как и Вам известно также, ничего не происходит такого, что бы интересовало ученый мир: «Тишь да гладь да Божья благодать», как говорится. Если иногда и случаются кое-какие монашеские передрыги, то ведь эти факты имеют весьма проблематическое отношение к византийской истории. Впрочем, искренне сочувствуя основанному Вами самостоятельному органу по византиноведению и желая ему всякого преуспевания, я очень был бы рад послужить Вам в этом всем, что окажется мне по силам. Вы упоминаете и о возложенной на Вас, действительно трудной, задаче — издания восточных актов, собранных покойным еп. Порфирием, для чего нужно проверить их с подлинниками. Как Вы сами лично изволили убедиться, видеть эти документы на месте — не всегда даже можно рассчитывать. Полагаю, что о возможности видеть оные надо иметь предварительно положительные сведения, просто — обещания монастырей, к которым, к каждому, надо обратиться письменно, полуофициально, не придавая особенного значения этому сличению с корректурными листами. Так думается мне. Повести же дело сразу, приехать сюда с официальными грамотами — шуму выйдет много, но толку, можно предположить, мало. Могут встретиться бесчисленные затруднения, препятствия, на устроение которых такие доки греки.

Не посетуйте на меня, если я осмелюсь сделать замечание и относительно издания «В. В.». В среднем греческом шрифте, который употреблен для отдела критики и библиографии, некоторые буквы,

²² РГИА. Ф. 1033. Он. 1. Д. 37. Л. 49.

как то: α γ λ — взятые из большого шрифта и потому на первый раз режут глаза неприятной пестротой, нестройностью. Так, Ἰωάννου τοῦ Παλαίουλόγου и проч., — выходит, как будто везде «а» подчеркнута: Νικόλαου, Χιλανδαρίου. И относительно бумаги: нужно бы хоть чуть-чуть покрепче, а то уж очень дрябла, клочковата. Усердно желая Вам полного здоровья и добрых успехов в ученых трудах Ваших, за которые многие скажут Вам спасибо, остаюсь с истинным почтением готовый к услугам Вашим смиренный инок *Матфей*, библиотекарь Русского Пантелеймонова монастыря. Св. Афонская Гора²³.

Наиболее частыми были отказы вести библиографию. Тот же Хр. Лопарёв 25 мая 1906 г. пишет Регелю: «Что касается до библиографии, то я вновь прошу Вас подыскать кого-либо для ведения отдела “Агиография”, так как я не могу быть в курсе этой области»²⁴. А. А. Васильев открыткой из Юрьева от 8 декабря 1907 г. также уведомляет Регеля: «Относительно библиографии дело не очень просто: у меня так много теперь различного дела, что за библиографию отвечать не могу. Постараюсь сделать. Во всяком случае лучше было бы подыскать кого-либо другого для “Истории и географии”. Только кого? Вероятно, среди молодых найти можно. Надо было бы подумать об этом»²⁵. Аналогичным образом реагирует на приглашение Регеля известный своими сочинениями по истории вселенских соборов профессор Московской духовной академии А. П. Лебедев, который 31 января 1895 г. пишет из Сергиева Посада:

Милостивый государь, господин редактор! Благодарю Вас за внимание ко мне. Взять на себя ведение отдела библиографии по византинологии в Вашем журнале, как Вы предлагаете, я не могу, потому что я не обладаю большими знаниями по этой части, — мои

²³ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 17–18. Прочитываем еще одно письмо с Афона, датированное 10 августа 1906 г.: «Глубокопочтимый Василий Эдуардович! Выражаю Вам искреннюю мою признательность за ежегодно присылаемый Вами экземпляр гениальных трудов Ваших “Византийского современника”. Считаю себя счастливым, что в мое время библиотека нашего Скита украшается такими редкими произведениями, как Ваш “Византийский современник”. Да поможет Вам Бог совершить этот колоссальный труд для пользы всем идущим к свету. С глубоким уважением к Вам настоятель Русского св. Андреевского Скита на Афоне архимандрит Иосиф со всею о Христе братиею» (Там же. Л. 28).

²⁴ Там же. Л. 21.

²⁵ Там же. Д. 30. Л. 119.

знания ограничиваются лишь церковно-исторической стороной Византии, да и эти знания не особенно обширны. Что касается помещения во «Временнике» каких-либо моих статей, то я не отказываюсь от этого; спешу, однако ж, заметить, что мои статьи по византийской церковной истории редко носят специальный характер, большую же часть имеют свойства популярных очерков, что, сколько знаю, мало соответствует целям «Временника»²⁶.

Показательна в этом отношении эволюция сотрудничества с ВВ Ф. И. Шмита. Приглашенный в 1913 г. вести отдел библиографии по искусству, он с жаром принялся за работу и уже к маю пообещал представить «полную (по возможности) библиографию за 1910–1912 годы» (письмо из Харькова от 29 февраля 1913 г.)²⁷; «Как я Вам писал на днях (18.III), — пишет он Регелю 22 марта 1913 г., — у меня летом будет достаточно времени и охоты прочесть и не одну, и не три, а хотя бы и десяток книг и дать о них отчет в Виз. Вр. Книга *Tafrahi*, о которой Вы теперь сообщаете, меня интересует, и если на нее нет других претендентов, то пришлите и ее, вместе с *Van Millingen and Brown*»²⁸; «Только что получил 1 вып. XX тома, радуюсь его окончанию и усиленно готовлю библиографию для второго выпуска. В конце мая моя рукопись будет совершенно закончена» (из письма от 2 мая 1913 г.)²⁹; «Вернулся я в Харьков (из заграничной поездки. — И. М.), приступил к работе и спешу уведомить Вас об этом: жажду корректур, книг для рецензирования и указаний, когда должна быть готова следующая библиографическая статья» (письмо от 24 августа 1913 г.)³⁰; «Благодарю Вас за содержащиеся в письме Вашем от 15 с. м. сведения. Корректуру библиографии я получил и вернул в типографию... Прилагаю рецензию на присланную мне книгу *W. S. George, The church of S. Eirene*» (письмо из Харькова от 18 ноября 1913 г.)³¹, и т. д. (в фонде много расписок Ф. И. Шмита за получение гонорара из ВВ). Но уже в 1914 г. тон его писем меняется:

К моему великому сожалению, — пишет он 8 мая 1914 г., — я должен констатировать, что библиографию для следующего тома ВВ я совершенно не в состоянии сдать Вам теперь, весной, как

²⁶ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 14.

²⁷ Там же. Д. 37. Л. 31.

²⁸ Там же. Д. 38. Л. 27.

²⁹ Там же. Д. 37. Л. 43.

³⁰ Там же. Л. 26.

³¹ Там же. Л. 28.

я предполагал. Печатание первых двух частей моей докторской диссертации и приготовление к печати третьей ее части³², а также всевозможные экзамены, заседания и пр. и пр. отнимают так много времени и сил, что приступить теперь к обработке собранных уже библиографических материалов мне невозможно. Я надеялся, что смогу закончить ее в апреле — мае, отложив диссертацию на июнь, который хотел провести в Харькове. Теперь же, по состоянию здоровья жены моей, я должен буду уехать отсюда в первых числах июня и должен гнать печатание диссертации. Я надеюсь, что если я Вам представлю рукопись библиографии в сентябре, существенного ущерба для дела не будет. За напечатанную только что библиографию я гонорар за два листа уже получил вперед, как Вы припомните; осталось мне получить только за неполный третий лист. Так как целый ряд моих рецензий уже набраны для XXI т., в размере около печатного листа, и так как теперь к лету деньги весьма, конечно, нужны — то не окажется ли возможным уплатить вместе гонорар и остаточный за библиографию XX т., и за рецензии XXI тома. Всего, должно быть, около 60–70 р.³³

Положение усугубилось в результате «германского плена» Ф. И. Шмита, вернувшись из которого в Харьков он пишет Регелю в письме от 14 февраля 1915 г.: «Библиография, о которой Вы пишете в письме от 17 II, совершенно готова, но рукопись находится... в Германии, и получить ее совершенно нельзя. В Берлине же находятся и материалы, на основании которых она составлялась. Здесь у меня осталось немного. Что есть, я могу выслать через неделю или полторы, но помещать придется с оговоркою о причинах неполноты»³⁴. Важное, наконец, для понимания конкретных условий сбора библиографических материалов для ВВ письмо к Регелю Ф. И. Шмит шлет из Харькова 1 октября 1915 г. В нем, сообщая об издании в 1911 г. в Петрограде Л. Егиазаровым и Р. Мартиросянцем «Памятников древнеармянской архитектуры», он пишет:

Об этом сочинении отчета в ВВ дано не было; между тем, по сообщенным мне сведениям, публикация эта, совершенно даже специалистам неизвестная и недоступная, имеет громадное значение для истории византийского зодчества. Нет ли возможности

³² О драматической судьбе этих исследований Ф. И. Шмита см.: Банк А. В. Ф. И. Шмит: (К 90-летию со дня рождения) // ВВ. Т. 30. 1969. С. 319.

³³ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 37. Л. 37.

³⁴ Там же. Л. 40.

прислать мне книгу?³⁵ Я пользуюсь случаем, чтобы еще раз указать на то тяжкое положение, в котором я оказался, взявшись за библиографию: я рассчитывал на то, что редакция мне будет приходить на помощь, присылая мне хоть часть новинок, и именно в этих посылках я видел желательное вознаграждение за скучный и кропотливый статистический труд; а на самом деле оказалось, что я должен на собственные средства приобретать тот материал, о котором даю отчет, дабы не опозорить себя слишком явною неполнотою своей библиографии. Мне такая операция просто не по средствам, ибо гонорар вовсе не окупает расходов: я не имею в своем распоряжении библиотеки, которой я мог бы сбывать купленные книги. Получается ненормальное положение, что я знаю, по слухам, о том или другом новом сочинении, но ничего не могу о нем сказать, т. к. не имею возможности с ним ознакомиться! Я уже писал Вам обо всем этом и извиняюсь, что опять докучаю тем же. Но что же делать! Ведь читатели пишут не Вам, редактору, не на Вас возлагают ответственность за неудовлетворительную библиографию, а обращаются ко мне, подписавшему библиографическую статью, упрекают меня, что я недостаточно слежу за «литературой». Они не понимают того, что я могу знать о той или другой новинке, но недостаточно, чтобы о ней писать, иногда недостаточно, чтобы ее просто назвать. Я полагаю, что если желательно, чтобы библиография по истории византийского искусства, в том широком значении термина «византийский», которое принимал я до сих пор, велась дальше, редакция должна прийти мне на помощь, доставляя мне хоть то, чего я сам не могу своими средствами достать... Добавлю, что я не видел еще, например, «Памятников древнерусского искусства», изданных Имп. Академиею художеств, хотя там чуть не подряд все статьи должны быть разобраны именно в ВВ. Я совершенно уверен, что Академия без всяких разговоров предоставила бы редакции ВВ экземпляр для отзыва, если бы только редакция о нем попросила. Вышло ведь уже 4 тома — пора

³⁵ Познакомившись позднее с этим изданием, Ф. И. Шмит изменил о нем мнение: «О книге Егiazарова и Мартиросьянца прошу Вас не беспокоиться — я ее достал, материала для рецензии она не представляет», — пишет он в письме 27 января 1916 г. (РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 37. Л. 50). В этом же письме Шмит уведомляет Регеля: «Книгу Кондакова получил, рецензию напишу — но это дело громоздкое и нескорое: отделаться несколькими страничками тут нельзя, а нужно пересмотреть весь вопрос и рецензировать оба тома». Регель, однако, уже оставил в это время ВВ.

бы их рассмотреть! Но в Харькове нет, во всем городе, ни одного экземпляра³⁶.

Вообще раздел критики и библиографии ВВ доставлял много хлопот редактору, который обложил своеобразным «библиографическим налогом» или «барщиной» не только отечественных, но и зарубежных ученых, не скупясь при этом на гонорары. Например, отличающийся особой полнотой раздел греческой библиографии (гордость редакции!) долгие годы вел А. И. Пападопуло-Керамевс, а после него — Никос Веис, не прерывавший своей деятельности даже в трудные годы империалистической войны и посылавший свои материалы из Берлина или Мюнхена через Голландию. Так, своим греческим письмом от 28 сентября 1914 г. (писал он и по-немецки) он извещает Регеля о том, что в июле ездил в Грецию на похороны матери, а между тем разразилась война, и ему пришлось претерпеть *ὁλόκληρον Ὀδύσσειαν παθῶν*; что германское правительство запретило пересылку за границу всяких не по-немецки писанных текстов и ему, Веису, оказалось невозможным пересылать корректуру. «Лишь сегодня, — продолжает он, — снова началась свободная отправка текстов, писанных не по-немецки, да и то лишь в нейтральные государства. Этого, впрочем, достаточно, чтобы мы наладили связь. Я написал сегодня профессору Лейденского университета в Нидерландах г. Д. К. Гесселингу и попросил его пересылать мне все письма и корректуры, которые Вы и типография отправите к нему для меня»³⁷.

Не обходилось и без скандалов, особенно при публикации «острых» материалов и разгромных рецензий. Именно таковой была, например, рецензия П. В. Безобразова на II том «Истории Византии» Ю. А. Кулаковского (Киев, 1912)³⁸. Получив XVIII том ВВ, Кулаковский шлет Регелю из Киева полное обиды послание от 11 ноября 1913 г., в котором говорится:

Мне было очень горько читать про свое произведение такой жестокий и грубый отзыв в специальном издании по византиноведению. Я сначала пал духом и молчал. Отвечать Безобразову ввиду его грубости и резкости я не хочу. За некоторые поправки я ему должен быть благодарен и в своем экземпляре поправил в трех местах свой текст. А что касается до метода, то я обратился к *Marquart*'у в Берлин и получил от него очень ученый ответ,

³⁶ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 37. Л. 45.

³⁷ Там же. Д. 30. Л. 55–56 об.

³⁸ ВВ. Т. XVIII (1911). 1913. С. 43–74.

который начинается так: *«Rufen Sie Ihren Kritikern nur so: si ta-cuisse!...»* Позволю себе прибавить, что мне кажется, что резкость в отзывах допустима только тогда, когда оказывается налицо научная недобросовестность, которой Безобразов не пытался доказывать. А если ему не нравится самый способ изложения по источникам, то это не дает ему еще права глумиться, что он сделал. Хотя Безобразов свободен в своих суждениях, но ведь он выступает в журнале, который может иметь свой взгляд на то, что допустимо в отношении своих сотрудников, каковым являюсь и я³⁹.

Еще более серьезным (на сей раз уже и в отношении самого редактора ВВ) был демарш В. Н. Бенешевича «по начальству», каковым являлся для В. Э. Регеля академик П. В. Никитин. В письме к последнему от 5 февраля 1914 г. Бенешевич «доносит» (привожу текст письма целиком):

Глубокоуважаемый Петр Васильевич! Считаю долгом обратить Ваше внимание на то, что в «Виз. Временнике» перепечатывается уже вот второй раз часть из напечатанного уже сочинения Красножена: «Толкователи кан<онического> кодекса вост<очной> церкви» (2-е изд.: Юрьев, 1911). Сравните: 1) в Виз. Вр., т. XVII, 225–246, и «Толкователи», стр. 99–100, 96–98, 100–128. Перепечатка сделана так, что, по-видимому, в наборе для Виз. Вр. давались прямо печатные страницы с некоторыми вычерками. Наглость Красножена и попустительство Регеля тем более отвратительны, что сочинение Красножена ни малейшей научной ценности не представляет. Он подал его на премию в Академию, и я покажу, что автор заслуживает премии — бубнового туза на спину; но ведь часть премии в виде гонорара он уже получил, дополучит при содействии Регеля и остальную часть, да и третье издание своей макулатуры сделает на счет Академии и под ее флагом. Покорнейше прошу Вас принять решительные меры к обузданию шайки из двух друзей. Это позор для Академии печатать Красножена! Искренне преданный Вам В. Бенешевич. 5. II. 1914 г. СПб.⁴⁰

Невольно задумываешься: не сыграл ли этот «донос» Владимира Николаевича (хотя бы и продиктованный лучшими побуждениями)

³⁹ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 72–73. Свои жалобы на П. В. Безобразова (а также А. А. Васильева) за враждебное отношение к нему и к его книге Кулаковский высказывал и в письме к В. Н. Бенешевичу от 24 апреля 1913 г. См.: СПФ АРАН. Ф. 192. Он. 2. Д. 96. Л. 1–2 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 36. Оп. 2. Д. 4.

свою роль в оставлении В. Э. Регелем «Византийского временника»? Впрочем, непростая история взаимоотношений Регеля и Бенешевича восходит к более раннему времени и тесно связана с начавшимися задержками и перебоями с выходом ВВ. В архиве Регеля есть несколько его весьма содержательных записок в III отделение Имп. Академии наук по делам издания журнала. В первой из них (март 1906 г., на бланке редакции ВВ) читаем:

Согласно программе, утвержденной III отделением, каждая книжка ВВ состоит из трех отделов, из которых второй отдел должен заключать в себе критику и библиографию. Первые 10 лет составлением библиографии были заняты 3–4 сотрудника, но в настоящее время эта работа распределена между 15 сотрудниками. Хотя библиография и отличается в настоящее время полнотою, но сложная работа составления ее 15 лицами замедляет выход журнала. Вследствие этого собравшиеся сотрудники и решили большинством голосов издавать срочные книжки журнала без библиографии и только в конце каждого года выпускать одну дополнительную книжку, содержащую одну библиографию в той системе, какая была принята для XI и XII томов. Представляя о вышеизложенном на усмотрение III отделения, имею честь покорнейше просить о последующем по сему делу постановлении меня уведомить. Если бы III отделение не считало возможным изъявить согласие на изложенное ходатайство сотрудников ВВ, то, по моему мнению, придется возвратиться к прежней системе составления библиографии по странам при содействии 3–4 сотрудников, которая практиковалась с полным успехом в течение первых 10 лет существования журнала, и хотя и давала более скромные результаты, но обеспечивала более или менее правильный выход книжек. При этом считаю долгом присовокупить для большей наглядности, что, как видно из отчета, представленного мне из типографии Академии 9 сентября 1905 г., к тому времени было набрано: весь отдел I в количестве $11\frac{1}{2}$ листов, из отдела II вся критика — $4\frac{7}{8}$ листа, а из библиографии только $1\frac{1}{2}$ листа, отдела III — $3\frac{1}{8}$ листа. Приложение — $5\frac{1}{2}$ листов, а всего $26\frac{1}{2}$ листов. В том же отчете типография просила прислать дальнейший оригинал, и выход книги за 1905 г. задержался исключительно библиографией, которая и до сего времени не представлена в Редакцию в полном объеме. *Редактор*⁴¹.

⁴¹ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 27. Л. 8.

В рукописной копии (автограф Реголя) сохранилась его записка в III отделение от 31 октября 1907 г., в которой говорится:

ВВ с 1894 по 1904 гг., в течение 11 лет, издавался по образцу, утвержденному III отделением. Каждый год выходил один том, на обложке и на общем заглавии которого ставился тот год, к которому относится том. При этом последняя книжка каждого тома с общим заглавием всегда выходила в апреле месяце следующего года. XII том, относящийся к 1905 г., появился в мае месяце 1906 г. К немалому моему удивлению, на обложке и общем заглавии 1905 год, правильно мною поставленный, был заменен 1906 годом. Вследствие этого 1905 г. остался без тома, что и подало повод к многочисленным недоразумениям... Если выход книжек ВВ все более замедляется, то вина за такое замедление падает на Типографию Академии, и вообще при установившихся в последнее время порядках этой типографии всякое более или менее правильное издание журнала становится невозможным. Редактор *В. Реголь*⁴².

Разъясняя причины задержки тома XIII за 1906 г., Реголь в своей очередной записке в III отделение от 25 декабря 1907 г., между прочим, пишет:

2. Типография Имп. АН с самого начала декабря месяца совершенно приостановила набор, направление корректур и печатание ВВ. Вследствие этого вся деятельность Редакции на продолжительное время совершенно парализована, тем более что сотрудники журнала, не дождавшись получения ими в декабре месяце обещанных им корректур сверстанных листов для окончательного их исправления, разъехались и возвратятся только во второй половине января месяца 1908 года. 3. После выхода т. XII журнала типография отобрала у Редакции одного из лучших постоянных наборщиков, поставила его на срочные работы по изданиям В. Н. Бенешевича, которые продолжались до настоящего времени, и этим

⁴² РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 27. Л. 9–10 об. В ответе от 15 декабря 1907 г. за подписью неперменного секретаря С. Ф. Ольденбурга значилось: «Конференция (Имп. Академии наук. — *И. М.*) признала необходимым поместить на обложке тома XIII Виз. Вр., под титулом “Том XIII”, дату (1906), а выход самого тома датировать “С.-Петербург, 1907”, ту же часть заявления (*В. Э. Реголя. — И. М.*), которая касается Типографии АН, положено оставить без последствий» (Там же. Л. 6).

затормозила правильное появление не менее срочных книжек периодического журнала⁴³.

По-видимому, именно с этого времени В. Э. Регель принял решение исключить из числа сотрудников ВВ В. Н. Бенешевича — и напрасно, потому что библиографический отдел по истории права оказался явно ослабленным (вел его П. В. Гидулянов). Во всем этом (и особенно в истории с уходом В. Э. Регеля из «Временника») еще немало тайн. О некоторых из них мы узнаём из последней записки Регеля в ИФО от 15 апреля 1912 г.⁴⁴

В течение 12 лет, — *говорится в ней*, — с 1894 г. по 1906 г., ВВ выходил более или менее правильно, и этим была наглядно доказана возможность появления периодического издания подобного рода. В представлении от 31 октября 1907 г. я впервые вынужден был довести до сведения Конференции, что если выход книжек ВВ все более замедляется, то вина за такое замедление падает на Типографию Академии, и вообще при установившихся с 1906 г. порядках в этой Типографии всякое более или менее правильное издание журнала становится невозможным. В ответ на это мною было получено письмо г. неперменного секретаря от 15 декабря 1907 г. за № 371, в котором он уведомил меня, что часть заявления, которая касается Типографии Академии, положено оставить без последствий. Затем в январе месяце 1910 г. я имел честь донести Конференции, что в конце 1908 г., когда набор журнала еще более замедлился, я случайно узнал от г. и. о. управляющего Типографией, что в конце 1907 г. от г. неперменного секретаря по поручению Историко-филологического отделения последовало распоряжение по Типографии о сокращении набора для ВВ до 40 листов в год, а так как программа мною была составлена для 50–60 листов в год, то результат такого распоряжения, мне не сообщенного, сказался в том, что в 1910 г. набирался только XV том журнала за 1908 г. В ответ на мое донесение я получил письмо г. неперменного секретаря от 26 мая 1910 г. за № 1753 с сообщением о том, что Конференция утвердила заключение особой Комиссии для рассмотрения некоторых вопросов по изданию журнала, по которому, между прочим, число листов, печатаемых на ассигнованные на издание ВВ средства, должно простираться от 40 до 45, но при этом не возбраняется на средства не академические печатать приложения

⁴³ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 27. Л. 11–12 об.

⁴⁴ Там же. Л. 19, 26, 25–25 об. (в такой последовательности).

в потребном количестве листов, причем таковые, по усмотрению Редакции, могут быть печатаемы и в других типографиях, кроме академической, но обязательно в таком же формате и на такой же бумаге. Ввиду такого постановления Историко-филологического отделения, программа журнала мною была изменена и были приняты с моей стороны возможные меры к тому, чтобы журнал вновь издавался в срок. Для этого не только пропущен XVI том, посвященный указателю к томам I–XV, согласно постановлению Отделения, но XVII и XVIII томы для ускорения издаются каждый том только в одном выпуске, из них XVII том даже без библиографии. К сожалению, принятые мною меры оказались бесполезными и набор и печатание журнала производились настолько медленно, что в настоящее время набирается только XVIII том за 1911 год. Хотя Редакция и обязана, согласно постановлению Историко-филологического отделения от 5 мая 1910 г., издавать от 40–45 листов в год, но по справке в Типографии оказалось, что ею в действительности было набрано в 1910 г. — 28 листов и в 1911 г. — 32 листа. По объяснению г. и. о. управляющего Типографией, такое замедление происходит оттого, что Типография не имеет машин для печатания.

Для более наглядного представления о том, как медленно, за неимением машин, ведется в Типографии печатание журнала, имею честь объяснить, что 5 ноября 1911 г. мною были доставлены в Типографию листы, указатель и обложка XVII тома, а также и оглавление приложения к нему, с разрешением их печатать. По справке, наведенной мною в Типографии 28 ноября 1911 г., оказалось, что в этот раз из XVII тома еще не были напечатаны: 22-й лист, поступивший в типографию 10 октября 1911 г., 23-й лист, поступивший туда 17 октября 1911 г., 24-й и 25-й листы, поступившие туда 24 октября 1911 г., 26–28-й листы, оглавление и обложка ко всему тому, введение оглавления, приложения, поступившие туда 5 ноября 1911 г. По моей настоятельной просьбе наконец XVII том вышел около 5 декабря 1911 г., но без приложения к нему, несмотря на то что приложение значилось на обложке и в оглавлении XVII тома. Вследствие этого пришлось приложение выпустить отдельно от тома, и оно вышло только на Рождестве 1911 г. За все это время набор журнала был почти совсем приостановлен, вследствие того, что, по объяснению г. и. о. управляющего, в Типографии были другие, более срочные работы, а по объяснению наборщика, не было шрифта, так как указанные подписанные листы XVII т., а также 4 листа XVIII тома не были отпечатаны. Такое положение продолжалось также и в январе, и в феврале месяцах 1912 г. по той простой причине, что у наборщика не было шрифта для набора, и хотя

XVII том уже был отпечатан, но отдельные оттиски статей не были напечатаны, так как не было машин, а потому нельзя было разобрать шрифт. Это печальное положение окончилось только в начале марта месяца 1912 г., когда наконец отдельные оттиски были напечатаны и шрифт освободился. До того же времени наборщики были без дела, так как в Типографии не было шрифта, а шрифт не освобождался потому, что в Типографии не было машин.

Сообщая о вышеизложенном, имею честь повторить, согласно моему представлению от 31 октября 1907 г., что при установившихся с 1906 г. порядках в Типографии Имп. АН всякое более или менее правильное издание «В. В.» становится невозможным. Дальнейшее издание журнала в этой Типографии, за неимением в ней машин для печатания, будет равносильно совершенному закрытию его как периодического издания. К тому же такой способ издания журнала отнимает всякую охоту заниматься не только у сотрудников, но также у Редакции. Для наглядного примера указываю на то, что статьи по библиографии заказываются заблаговременно, но так как Типография за неимением машин часто приостанавливает работу на продолжительное время, то уже случилось, что первая по порядку статья по богословию появлялась через один год после представления ее в Редакцию и вследствие этого совершенно теряла свое значение. Сотрудники ставят это в вину Редакции и отказываются от дальнейшей работы, а Редакция лишается возможности бороться с этими недостатками, так как Типография, по утверждению г. и. о. управляющего, не имеет машин.

Журнал «В. В.» издается на особый кредит в 3500 рублей, а потому полагаю, что набор и печатание его свободно могут быть переведены в другую типографию, которая имеет машины и не имеет других, более срочных работ, препятствующих изданию этого журнала.

Вследствие оно (*sic!*) имею честь покорнейше просить Конференцию о разрешении перевести набор и печатание журнала «В. В.», начиная с XX тома, в другую типографию по усмотрению Редакции. *Редактор.*

Разрешение, по-видимому, было получено (документа мы не имеем), так как в 1913 г. ВВ печатается уже в Юрьеве, в типографии Матиссена, а переход Регеля в Юрьевский университет в качестве профессора по кафедре всеобщей истории (1915 г.) вообще привел его к мысли об оставлении ВВ и основании нового журнала (будущего «Византийского обозрения»). Последней точкой в его деятельности

как редактора ВВ было его письмо от 19 февраля 1915 г. (на бланке ВВ, машинопись) новому редактору журнала академику Ф. И. Успенскому, которое гласило:

Милостивый государь Федор Иванович! Получив по приезду в гор. Юрьев в начале февраля с. г. письмо от 6 декабря 1914 г. и собрав все необходимые справки в типографиях, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что в настоящее время в двух типографиях набираются следующие томы журнала «Византийский Временник»: совершенно закончен набор XIX т. (1912 г.); заканчивается набор XXI т. (1914 г.), где главным образом осталось набрать одну статью акад. В. В. Латышева; набирается т. XVI, содержащий указатель к томам I–XV, рукопись которого уже находилась на рассмотрении Конференции И.-филол. отделения Академии.

Из вышеизложенного Ваше Превосходительство усмотрите, что Ваша деятельность, очевидно, начнется с очередного XXII т. (1915 г.). Высказываю уверенность, что Ваша долголетняя опытность и Ваше имя будут служить верным залогом усовершенствования журнала. С удовольствием прочел я в Вашем письме и упоминание о наших давних дружеских отношениях, возникших и сложившихся на почве наших общих интересов и занятий в области византиноведения. При этом присовокупляю, что по выходе в окончательном виде т. XIX (1912) и XXI (1914 г.) журнала я представляю полные отчетные сведения. Прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности. *В. Регель*⁴⁵.

Итак, каков итог? Несмотря на все уже отмеченные задержки и «издержки», мы имеем главное — 21 полновесный, по объему намного превышающий первоначально намечавшиеся 40–45 печатных листов, монументальный том «Византийского временника», кладезь византиноведческой мысли⁴⁶, без которого невозможно теперь представить историю мирового византиноведения (знаменитая, всем

⁴⁵ СПФ АРАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 40. Л. 2.

⁴⁶ «Горем» назвал Ф. И. Шмит утрату во время своих переездов ящика с подборкой ВВ («Не имея под руками полную серию Виз. Вр., чрезвычайно трудно работать византинисту») и долго добивался сначала от Регеля, а затем от Ф. И. Успенского бесплатного или льготного приобретения недостающих томов (РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 37. Л. 25, 33; СПФ АРАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 40. Л. 13).

понятная аббревиатура *IV*), подлинный «нерукотворный памятник» Василию Эдуардовичу Регелю⁴⁷. И ни слова благодарности ни от современников, ни от потомков. Грустно.

Основание Регелем в Юрьеве нового журнала «Византийское обозрение» было неоднозначно воспринято российской научной общественностью. Показательно в этом отношении письмо Е. Зернина из Харькова от 8 февраля 1916 г. (письмо рукой его жены и лишь подписано им):

Наконец-то Вы откликнулись, глубокоуважаемый Василий Эдуардович!.. Что моя рецензия не попала в первый том «Византийского обозрения», с основанием которого я Вас поздравляю и полного успеха которому от души желаю, меня мало огорчает. Хуже другое. Вы до сегодняшнего письма ни звуком не обмолвились мне об основании Вами нового журнала. Об этом я узнал только в середине января из письма Х. М. Лопарёва. А между тем еще в декабре я писал А. А. Васильеву, что мною отослана рецензия на книжку Веттенгофера в «В. В.». Правда, о том, что рецензия послана Вам, я не обмолвился. Вот из этого чего не вышло бы! Хотя, конечно, рецензия была заказана именно Вами. Буду очень рад познакомиться с первым томом Вашего издания. На какие же средства оно издается? Насколько мне помнится, в разговоре с Вами относительно возможного ухода Вашего из прежней редакции я имел в виду не столько основание нового органа по византиноведению, сколько журнала, вокруг которого могли бы объединиться наши медиевисты вообще. Боюсь, что на два издания, посвященные истории Византии, у нас в России соков не хватит. Кстати, по словам Ф. И. Шмита, недавно вернувшегося из Петрограда, и Византийский временник не собирается так скоро замерзнуть. По крайней мере в распоряжении его новой редакции уже есть материалу на один том⁴⁸.

⁴⁷ Совершенно права Л. П. Лаптева, напоминая, что Регель вложил в ВВ не только весь пыл своего редакторского гения, но и исследовательский талант, и нам еще предстоит выявить в анонимной массе всевозможных сообщений, библиографических статей, да даже и в отредактированных его рукой исследованиях других авторов — регелевское (см.: *Лаптева Л. П.* В. Э. Регель как византист. С. 133).

⁴⁸ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 145–146. В деле есть еще два письма Е. Зернина к Регелю. Из одного (л. 142) мы узнаём о том, что уже в 1913 г. ВВ печатается в Юрьеве, в типографии Маттисена, второе же (от 26 сентября 1916 г. из Харькова) гласит: «Давно уже не имел вестей от Вас, глубокоуважаемый

Многие, по-видимому, вообще восприняли появление в Юрьеве «Византийского обозрения» как замену или как продолжение ВВ, и понадобилось специальное постановление ИФО (от 23 ноября 1916 г.) с разъяснением этого заблуждения и с уточнением, что «выходящий в Юрьеве под редакцией проф. В. Э. Регеля журнал Византийское обозрение... представляет собою совершенно самостоятельное издание». Основания для такого смещения тем не менее были: генетическая связь нового журнала со старым несомненна хотя бы потому, что к нему перешла значительная часть издательского портфеля ВВ (некоторые статьи, ранее печатавшиеся в ВВ, нашли свое продолжение или завершение в ВО), да и многие авторы и сотрудники ВВ предпочли новый журнал⁴⁹, поставив тем самым в труднейшее положение редактора ВВ. Так, перешедший полностью к сотрудничеству с ВО П. В. Безобразов достаточно откровенно пишет Регелю в письме от 24 октября 1916 г.: «Ив. Ив. Соколов спрашивает меня по телефону о положении Византийского обозрения. Я ему ответил, что 1916 г. у Вас уже переполнен и надежда может быть только на 1917 г. Если его произведение кажется Вам малоинтересным, посоветуйте ему

Василий Эдуардович! Что делается в петроградо-юрьевском византийском миру? В каком положении Виз. Врем., не слышали? Почему не выходит II т. Вашего журнала? Когда получу еще летом обещанную корректуру своей статьи о Русской Правде? Откликнитесь! Преданный Вам Е. Зернин».

⁴⁹ Показательно в этой связи письмо к Регелю французского ученого Л. Брейе из Клермона от 19 мая 1916 г. с обещанием рецензировать ВО во французских изданиях так же, как он это делал для ВВ. Пользуясь случаем, публикуем это важное письмо целиком: «Monsieur et cher Collègue: Je vous prie d'agréer mes remerciements pour l'aimable envoi du premier fascicule de la Revue Byzantine, dont je ferai la recension dans la Revue Historique comme je le faisais pour les Vizant. Vremennik. J'ai annoncé immédiatement votre publication dans la Revue Historique et dans le Journal des Savants. C'est avec le plus grand plaisir que je recevrai les publications des byzantinistes russes et je travaille dans la mesure de mes forces à m'assimiler plus complètement votre langue. Les analyses des Vizant. Vrem. que j'avais données jusqu'ici étaient un peu trop sommaires à mon gré. Vous pourrez voir par le dernier numéro de la Revue Historique (t. CXXII, p. 214–222) que ces analyses seront désormais plus développées. Je me propose en outre de publier dans le Journal des Savants un compte-rendu détaillé de l'importante étude de M. Loparev, qui a été, je crois, publiée à part, sur les Vies des Saints Byzantins. Veuillez agréer, Monsieur et cher Collègue, avec mes remerciements, l'hommage de mes sentiments les plus distingués. L. Bréhier, Professeur à l'Université de Clermont» (РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 43).

обратиться к Фед. Успенскому, который в статьях очень нуждается, но двигается вперед очень медленно»⁵⁰.

Можно не сомневаться, что В. Э. Регелью с его опытом и издательским талантом вполне удалось бы наладить издание ВО, если бы ход событий в стране не поставил перед ним непреодолимые преграды⁵¹. В фонде есть две открытки от П. А. Яковенко из Юрьева (от 10 и 14 декабря 1916 г.) с извещением о том, что совет Юрьевского университета заслушал представление историко-филологического факультета «о субсидии» на издание «Византийского обозрения» и постановил ходатайствовать об ассигновании 5000 руб. «Сообщая Вам об этом постановлении Совета, — добавляет он в первой из открыток, — приношу Вам пожелания полного успеха. Дело теперь за согласием Министерства»⁵². И хотя соответствующего документа мы не имеем, ходатайство Университета было наверняка удовлетворено, о чем говорит успешное начало функционирования журнала. После Февральской революции аналогичное ходатайство было направлено во Временное правительство (безрезультатно), а 9 апреля 1918 г. Регель обращается с «докладной запиской» к «г-ну Народному Комиссару по народному образованию А. В. Луначарскому»⁵³, которая (машинописный черновой экземпляр) гласит:

Заслуженный профессор Юрьевского университета Василий Эдуардович Регель доводит до сведения г-на Народного Комиссара по народному образованию, что с 1915 г. при Историко-филологическом факультете Университета под его редакцией издается журнал под названием «Византийское обозрение», которое посвящается византиноведению в области истории церкви, филологии и истории литературы, истории и географии, права, искусства и археологии. Этот журнал обратил на себя должное внимание

⁵⁰ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 30. Л. 34–35. (В деле содержится более 20 писем и открыток П. В. Безобразова к В. Э. Регелью за 1887–1917 гг., отражающих весьма тесные деловые и дружеские связи двух ученых.)

⁵¹ И. Андреев, благодаря Регеля за присылку «Византийского обозрения» письмом от 2 мая 1919 г., восклицает: «Удивляюсь как чуду выходу его: теперь все ученые издания стали невозможны. Недавно я наводил справку, и мне объявили 500 р. с листа на приличной бумаге, с греческими примечаниями. Статья о Ключевском у меня готова, только не переписана и не попала к Вам потому, что на душе все время ад» (Там же. Д. 29. Л. 20).

⁵² Там же. Д. 38. Л. 29–31.

⁵³ Документ упомянут в статье: *Лантева Л. П.* В. Э. Регель как византист. С. 138.

не только в России, но и за границей, где появились подробные отзывы в французских журналах, например в «*Revue historique*». В настоящее время этот журнал является единственным в мире по этому предмету, который действительно выходит, тогда как другие периодические издания по этой части приостановлены вследствие войны. По ходатайству Совета Юрьевского университета Временное правительство осенью 1917 г. назначило Университету на издание этого журнала в 1917 году (*sic!*) субсидию, но, несмотря на ходатайство, возбужденное проф. Регелем в декабре месяце 1917 г. в Департамент Народного Просвещения, деньги до сего времени в Университете не получены. Ввиду сего т. III журнала за 1917 год до сего времени не вышел, несмотря на то что печатание его было окончено еще в конце того года. Вследствие сего профессор Регель ходатайствует: 1) Сделать распоряжение о выдаче ему 10 000 рублей⁵⁴, чтобы готовый III том журнала за 1917 год мог быть вывезен из Юрьева⁵⁵; 2) На издание журнала в 1918 г.⁵⁶ назначить субсидию⁵⁷ таком размере (*sic!*) 10 000 рублей. При сем прилагается т. II журнала. 9 апреля 1918 года (далее от руки написано и зачеркнуто Регелем: «Заслуженный профессор Юрьевского Университета Василий Эдуардович Регель», и адрес, снова напечатанный на машинке: «Петроград, Озерки, Ольгинская ул., 5». — *И. М.*)⁵⁸.

Не думаю, что выход в свет III тома «Византийского обозрения» осуществился в результате положительного рассмотрения ходатайства Регеля Луначарским (хотелось бы вообще побольше узнать об обстоятельствах этого выхода, о тираже, о том, что еще оставалось в издательском портфеле, и т. д.), а события, связанные с эвакуацией Юрьевского университета в Воронеж⁵⁹ (помимо всего прочего!), положили конец и этому последнему начинанию Регеля. По-видимому, даже став ректором Воронежского университета, он уже не делал попыток наладить выпуск журнала.

⁵⁴ Следует зачеркнутое: назначенных Юрьевскому университету на...

⁵⁵ Вместо вычеркнутого: который будет вывезен вместе с имуществом университета.

⁵⁶ Следует зачеркнутое: ввиду крайнего повышения цен на бумагу и печатание.

⁵⁷ Следует зачеркнутое: в увеличенном.

⁵⁸ РГИА. Ф 1033. Он. 1. Д. 28. Л. 3–3 об.

⁵⁹ Среди бумаг Регеля содержится ряд интересных документов, связанных с эвакуацией университета. См., например: Там же. Л. 2–2 об.; Д. 38. Л. 28.

Несколько слов о научных материалах в фонде Регеля. Что касается рукописей из издательского портфеля ВВ, то их немного. И это понятно: сама технология не предполагала возвращения рукописей из типографии после набора (посылался ведь один рукописный экземпляр). Сохранились лишь по каким-то причинам не опубликованные материалы или же избежавшие уничтожения после набора: неизвестный доселе Каталог греческих рукописей Вазелонского монастыря, составленный на греческом языке А. И. Пападопуло-Керамевсом (автограф последнего)⁶⁰; его же анонимная (авторство отождествлено по почерку), без заглавия (фрагмент?), статья на греческом языке об унциальных рукописях, в частности привезенных Тишендорфом (Пападопуло-Керамевс показывает несовершенство датировок новейшими палеографами недатированных поздних унциальных рукописей)⁶¹; третья и четвертая части уже упоминавшейся греческой статьи Демосфена Хавьяраса о топонимии и эпиграфике о. Симы⁶²; греческая статья Маргаритиса Тумбалидиса о топографии Аркадиуполя в византийскую эпоху (сохранилось и сопроводительное письмо автора от 12 апреля 1896 г., в котором он пишет, что узнал от кого-то из Петербургской духовной академии о выходе с 1894 г. ВВ и решил послать свое исследование об Аркадиуполе; ему, впрочем, еще не посчастливилось видеть ВВ, поэтому он не знает, как оформить статью)⁶³; рукопись статьи Гавриила Ласкина «Заметки по древностям Константинополя», в которую входят такие «заметки», как «С какой поры известно на Востоке изображение Божьей Матери, сидящей на троне?» (полемика с Н. П. Кондаковым, Ласкин — за IV в.), «План Дафны и Халки», «План Хрисотриклина и соседних зданий, до Василия Македонянина», «Куртины и Арея» (полемика с Д. Ф. Беляевым), «Существовал ли особый дворец Вуколеон?» (полемика с Лабартом, в результате которой Ласкин приходит к выводу: 1) в Константинополе не существовало отдельного дворца, носившего название Вуколеонта, 2) это название относится к частным покоям царей, расположенным к югу от Хрисотриклина, 3) этим покоям принадлежат фундаменты, открытые близ железной дороги к западу от ворот Ахор-Капу, 4) на том месте, где Лабарт предполагает дворец, могла быть церковь

⁶⁰ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–9 об. Опубликовано нами: Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. С. 430–445.

⁶¹ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 24. Л. 48–50 об.

⁶² Там же. Д. 20. Л. 67–88; Д. 23. Л. 175–193.

⁶³ Там же. Д. 21. Л. 100 (письмо на греч. яз.); 101–115 (текст статьи).

«Панагии Вукелеонта или Одигитрии»), «Бродячий рассказ о золотых воротах» (между прочим, Ласкин в пользу соображения о действительности похода Олега в союзе с Симеоном в 913 г. ссылается в этой заметке на примеч. 550 к своему известному переводу сочинений Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах»)⁶⁴; рукопись рецензии того же Гавриила Ласкина на книгу Рихтера *«Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte»* (Wien, 1897; оценка с точки зрения топографии Константинополя, с карандашными исправлениями Регеля)⁶⁵; анонимная заметка о статье Хюбшмана (*H. Hübschmann*) «*Armeniaca*» (*Strasburger Festschrift*. 1901. S. 69–79) — по-видимому, автограф Н. Я. Марра⁶⁶; подготовительные материалы к работе по теме «Пальмирские тессеры» с выписками из книг и заметками (автограф М. И. Ростовцева?)⁶⁷, и т. д.

Очень много в фонде всякого рода подготовительных материалов к изданию актов афонских монастырей, как известно, интенсивно публиковавшихся в самом ВВ и в приложениях к нему начиная с 1903 г. Отметим лишь следующие материалы: тщательно составленные самим Регелем статистические подсчеты актов по монастырям Афона с указанием (отдельно) снимков Севастьянова и Сакелларидиса (на л. 128 об. дан общий подсчет: греческих актов — 453, славянских — 181, «смесь» — 100; на л. 129 запись: «Всего 750 снимков по два рис. = 1500 снимков»)⁶⁸; часть корректуры актов Хиландарского монастыря с пометой Регеля: «3-я корр. Послать мне (вместо зачеркнутого: *Louis Petit*. — И. М.) еще одну корректуру. В. Регель»⁶⁹; переписка Регеля с издателями актов Э. Курцем и В. Кораблёвым (почему-то нет писем Л. Пти), а также с учеником Крумбахера и руководителем основанной Крумбахером программы по изданию «Корпуса греческих

⁶⁴ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 14. Л. 10–20; Д. 15. Л. 144–145 об.

⁶⁵ Там же. Д. 14. Л. 2–9.

⁶⁶ Там же. Д. 16. Л. 132. Ср. также рецензию на книгу Г. Тер-Мкртчяна «*Armeniaca*» (1903): Там же. Д. 14. Л. 124.

⁶⁷ Там же. Д. 24. Л. 231–239. Тут же (л. 240–247) отпечатки статьи: «Δωρεῖς οἴτου Ταρσῶ» (By M. Rostowzew, reprinted from the «Numismatic chronicle», Vol. XX, pages 96–107. London, 1900 [сама статья — на франц. яз.]).

⁶⁸ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 16. Л. 125–129. Обследование севастьяновских материалов Регель осуществил уже в 1889 г., когда он работал в московском Румянцевском музее, о чем он написал А. А. Кунику в письме от 5 мая 1889 г. (по-немецки): СПФ АРАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 737. Л. 1–6 (отмечено наличие 33 документов на 40 листах и подчеркнуто, что «о негативах ничего не известно»).

⁶⁹ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 24. Л. 248–255 об.

документов Средневековья и Нового времени» Паулем Марком. В своем письме из Мюнхена от 12 июня 1911 г. (мы издаем письмо целиком в приложении к данному обзору) Пауль Марк обращается к Регелю с предложением о координации действий по изданию афонских актов, подчеркивая недопустимость любой конкуренции в этом деле и плодотворность объединения усилий редакции двух *Schwesterzeitschriften* (BB и BZ) на благо «византийской науки»⁷⁰.

Немало в фонде данных и о занятиях Регеля актами Ватопедского монастыря на Афоне, которые были изданы, как известно, вне рамок BB: его копия хрисовула имп. Иоанна V Палеолога 1344 г. с пометой «Списан с подлинника 3.XI.96 (у Порфирия нет)»⁷¹; его же копия хрисовула Стефана Душана 1346 г. (списаны только те места, которые отсутствуют в издании Флоринского, вырванный лист которого с текстом документа хранится тут же) и копии других документов⁷²; его же прориси с подписей некоторых актов Ватопедского монастыря⁷³. Как показывают материалы фонда, занимался он и актами Русика⁷⁴, а также актами внеафонских монастырей: им списаны (частично) типиконы Петрицонского монастыря и Константинопольского монастыря Пандократора⁷⁵, а также (частично) каталог патмосских актов, составленный Иерофеем Флоридисом в 1868/69 г. и опубликованный в греческом журнале «Пандора» (1868/69, т. 19; 1869/70, т. 20)⁷⁶. Для истории работ Регеля на Афоне важны также письма к нему Агафодора из Карей от 19 и 29 октября 1896 г. В первом из них Агафодор одобряет намерение Регеля продолжить работу в Зографе, но советует известить ватопедского архимандрита Хрисанфа о том, что задерживается. «Я убедился, — пишет он, — что ватопедцы готовят Вам хрисовулы, ибо вызвали с Карей туда их антипросопа, который, уезжая, сказал мне, что его вызывают в монастырь для показания

⁷⁰ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–6. Между прочим, Пауль Марк напоминает в письме о своих родственных связях с Регелем.

⁷¹ Там же. Д. 20. Л. 43 об.

⁷² Там же. Л. 46, 47, 49, 50б, 53б–56, 58–60 об. Среди бумаг Регеля то и дело встречаются листы, вырванные из более ранних печатных изданий афонских актов (Флоринского, Терновского). Видимо, Регель возил их с собой на Афон и использовал при копиях текстов для ускорения работы.

⁷³ Там же. Д. 16. Л. 69.

⁷⁴ Там же. Л. 40 (список актов Русика с указанием 54 снимков).

⁷⁵ Там же. Д. 21. Л. 150–153.

⁷⁶ Там же. Д. 24. Л. 45–47 (без указания оригинала, с которого списан текст).

Вам хрисовулов, которые состоят в ведении его, и их там разобрать некому»⁷⁷.

В заключение — несколько слов о «вневременниковых» материалах регелевского личного архива. Их множество, и почти все они относятся к «современникову» периоду научной деятельности Регеля. Большинство из них отражают колоссальную работу, проделанную Регелем во время его знаменитой четырехгодичной (1884–1888) командировки за границу, когда он объехал Малую Азию, Европейскую Турцию, Грецию, Европу, посетил Константинополь, Афины, Фессалонику, о. Патмос, острова Архипелага, Берлин, Лейпциг, Вену, Рим, Мадрид, Барселону, Париж, Лондон, Оксфорд⁷⁸. Его «рапорты» в Министерство народного просвещения, дневники, записные книжки и богатейшая переписка этого времени могли бы послужить великолепным источником для будущего исследования этой регелевской одиссеи. А в ней было все: напряженный и плодотворный труд в монастырских архивах, в рукописных собраниях, сенсационные находки важных документов и остатков древних городов, почти детективные истории во время его путешествия по отдаленным местностям Турции, когда без конвоя было рискованно продолжать путешествие.

Во время моей экскурсии, — пишет он в отчете от 29 января 1888 г., — было 2 таких случая, когда разбойничьи шайки поджидали меня, и только благодаря осторожности мне удалось избежать от (*sic!*) их физического нападения. Полиция Османской империи относится крайне недоверчиво ко всем путешественникам, обозревающим развалины древних городов, усматривая в деятельности исследователей действия иностранных шпионов. Неоднократно эти представители полицейской власти порывались насильно арестовать меня, и только энергичный протест спасал от ареста⁷⁹. Невежественное население, видя в археологах соперников по отысканию сокровищ и кладов, скрывает многое от них, а за предметы,

⁷⁷ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 29. Л. 7–9. На обратной стороне конверта Регель записал по-гречески, что он завершает работу в Зографе и возвращается в Ватопед. Нечто подобное и во втором письме (Там же. Л. 5–6).

⁷⁸ Вкратце об этой поездке см.: *Лантева Л. П.* В. Э. Регель как византист. С. 131–133.

⁷⁹ Опуская пространный пассаж об аресте его помощника в г. Мидии, который две недели отсидел в свином хлеву.

порою мало стоящие, запрашивает невозможные цены: например, за копию с одной надписи до 60 р.⁸⁰

Но было также множество приятных официальных и дружеских контактов, например с участием Регеля в банкетах, устроенных Греческим филологическим обществом в Константинополе 23 сентября 1886 г. «в Димархии, в Мниматакиях», а 31 сентября этого же года — на Принцевых островах (в пригласительном билете помечено, что встреча на борту парохода, в 8.30 утра)⁸¹. О Регеле писали и греческие газеты. Так, в одной не отождествленной нами газете («Константинополис»?), вырезка из которой (с пометой Регеля «14 april 87») хранится в фонде, читаем (в моем переводе):

Византинист Г. Регель (греки называли Регеля его немецким именем Вильгельм в форме Γουλιέλμος. — *И. М.*), профессор истории в Петербургском университете, какое-то время назад приезжавший сюда для участия в работе конгресса Греческого филологического общества⁸², прислал из Мадрида, где он сейчас изучает богатейшие собрания греческих рукописей в библиотеках этого города, письмо Его Святейшеству Вселенскому патриарху, которым поздравляет его с восхождением на патриарший трон и благодарит за помощь со стороны греческого клира в осуществлении своей научной миссии. В письме этом, которое г-н Регель написал по-гречески, он, помимо прочего, выражает свою признательность православному клиру, который оказывает ученым, занятым научными и археологическими изысканиями, гораздо большую помощь, чем клиры других вероисповеданий. Регель — сын пользующегося в Петербурге большим уважением и отмеченного особыми почестями со стороны царя по случаю 70-летия управляющего Ботаническим садом Петербурга и автора многих научных трудов⁸³.

Из содержащихся в фонде научных материалов В. Э. Регеля отметим следующие: черновики его известных статей «О городе

⁸⁰ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 16. Л. 117–118. Один иеромонах с Патмоса (Кирилл) пишет в письме от 8 июля 1886 г. о том, что он сильно огорчился, узнав, что Регеля обокрали (Там же. Д. 40. Л. 8).

⁸¹ Там же. Л. 40, 41.

⁸² Видимо, упомянутые банкеты и проводились в рамках этого конгресса, связанного с 25-летней годовщиной Общества и сопровождавшегося выставкой. См. печатное извещение об этом от 2/14 сентября 1886 г., подписанное новым президентом Общества К. Каллиадисом (Там же. Л. 38).

⁸³ Там же. Д. 38. Л. 7.

Даскилии»⁸⁴ и «О местоположении древних Абдер» (причем черновик второй статьи составлен Регелем на немецком языке, хотя опубликована она на русском)⁸⁵; составленные также на немецком черновики статей о хрисовуле Андрея Палеолога из архива герцогов Альба в Мадриде⁸⁶ и о грамоте императора Генриха IV от 29 апреля 1086 г. о Пражской епархии, хотя тут же имеется лист с концовкой статьи на русском и с пометой: «Составил В. Регель. Перевел... (имя переводчика неразборчиво)»⁸⁷; черновик записки Регеля с обоснованием необходимости экспедиции на Афон из трех человек и со сметой расходов на 10 месяцев «для проверки копий Порфирия Успенского и пополнения материала»⁸⁸; черновик работы Регеля «*Analecta Byzantino-Russica*» на французском языке, без начала и конца⁸⁹; черновик статьи Регеля (его автограф) «Народные песни из Патмоса»⁹⁰, и хотя он начинает статью словами: «Нижеследующие песни записаны нами во время нашего пребывания на о-ве Патмосе весною сего (т. е. 1886. — И. М.) года», а в выписке из журнала ученого комитета от 23 февраля 1887 г. подчеркивалось, что он «записывал непосредственно из уст народные греческие песни»⁹¹, записывали для него песни и другие лица. Так, в этом же деле содержатся записи народных песен с Патмоса, сделанные рукой постоянного регелевского корреспондента (в фонде — множество его писанных по-немецки писем к Регелю) Якоба Зерлентиса с посвящением Регелю («*Seiner Hochwohlgeboren Herrn, Herrn Dr Wilhelm von Regel zur Erinnerung an Patmos. Patmos um 20. Juni 1886. Jacob Zerlentis*») и с завершением в эпистолярном стиле («24/8. 1886. *Auf Wiedersehen!*»)»⁹². Не Регелем, кажется (но для него, конечно), записаны и Ἑρωτικά τραγούδια с Наксоса и с Пелопоннеса⁹³.

⁸⁴ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 14. Л. 142–147 об.

⁸⁵ Там же. Д. 18. Л. 3–11 об.

⁸⁶ Там же. Л. 12 и сл.

⁸⁷ Там же. Д. 17. Л. 3–62.

⁸⁸ Там же. Д. 14. Л. 120–121.

⁸⁹ Там же. Д. 19. Л. 30–77 об.

⁹⁰ Там же. Д. 22. Л. 149–150. Сборника таких песен на о. Патмос, упоминаемого в статье Л. П. Лаптевой «В. Э. Регель как византист» (с. 132), нам среди бумаг Регеля не встретилось.

⁹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 150. Д. 10. Л. 187–188. Ср.: Лаптева Л. П. В. Э. Регель как византист. С. 132.

⁹² РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 22. Л. 122–141.

⁹³ Там же. Д. 24. Л. 70–73.

В фонде много заготовок Регеля к рецензиям на книги А. А. Васильева, из которых видно, с какой тщательностью он подходил к рецензированию (составляются даже таблицы с учетом достоинств, недостатков, опечаток и т. д.); очень много и скопированных им греческих текстов из венских (например, *Vind. theol.* 43, f. 113–147^v; *Vind. theol.* 134 (65), f. 263–270; *Vind. hist.* 38 (31), f. 111–126)⁹⁴, ватиканских (*Vat.* 698, s. f.; *Vat.* 1190, f. 580–582; *Vat.* 1357, f. 51–53)⁹⁵, оксфордских (*Bodl. Barocc.* 110, f. 136–136^a; *Barocc.* 194, f. 95)⁹⁶, лондонских (*British Museum Burney* 75, f. 179–314)⁹⁷, венецианских (*Marc.* 129, f. 5–8^v) и многих других еще не отождествленных нами рукописей⁹⁸, а также его выписок из греческих и латинских документов арагонского архива (*Archivio de la Corona de Aragon, Cartas Reales Autografas*)⁹⁹ и из научной литературы.

Подводя итог, следует еще раз со всей определенностью сказать, что по существу все, что сделано Регелем как исследователем (за исключением, может быть, его участия в издании актов афонских монастырей), сделано им до того, как он добровольно взвалил на себя этот тяжкий крест — «Византийский временник», ставший главным творением его жизни.

⁹⁴ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–40 об.; Д. 21. Л. 25–50 об.

⁹⁵ Там же. Д. 21. Л. 51–71.

⁹⁶ Там же. Л. 72–76 (может быть, и тексты, скопированные на л. 81–99, тоже оттуда?).

⁹⁷ Там же. Л. 116–123 об.

⁹⁸ См., например: Там же. Д. 22. Л. 25–36.

⁹⁹ Там же. Д. 19. Л. 120–165 (списывая на л. 145–148 греческий текст хрисовула Андрея Палеолога, Регель помечает: «Списано мною по подлиннику, хранящемуся в *Archivos Municipal*, так как у *Capmany* много ошибок и недостает подписи императора. Подлинник на пергамене»). По-видимому, Регель пользовался изданием *Antonio de Capmany y de Montpalau* «*Memorias historicas sobre la marina, comercio y actes de la antigua ciudad de Barcelona*», чтобы ускорить работу). См. также содержащиеся в отдельном конверте прориси Регеля с документов арагонского архива (Там же. Д. 22. Л. 153–160).

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Ι. Извещение В. Э. Регелю от 18 марта 1909 г.
об избрании его действительным членом
Афинского Византийского общества
(РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 20. Л. 119)**

Πρὸς τὸν Κύριον Κύριον W. Regel
Ἀκαδημαϊκόν. Εἰς Πετροῦπολιν.

Ἀξιότιμε Κύριε

Τὸ Διοικητικὸν Συμβούλιον τῆς Βυζαντιολογικῆς Ἑταιρείας κατὰ τὴν συνεδρίαν αὐτοῦ τῆς 12 Μαρτίου 1909 κατὰ πρότασιν κ. κ. Νίκου Ἀ. Βέη, Κ. Γ. Ζησίου καὶ Κ. Ῥάλλη ἐξελέξατο Ὑμᾶς τακτικὸν αὐτῆς Ἑταῖρον.

Εὐχαρίστως ἀναγγέλλοντες τὴν ὑμετέραν ἐκλογήν συγχαίρομεν καὶ διατελοῦμεν μετὰ τιμῆς καὶ ὑπολήψεως.

Ἐν Ἀθήναις τῇ 18 Μαρτίου 1909

Ὁ Πρόεδρος
Κ. Ζησίου

Ὁ Γενικὸς Γραμματεὺς
Δρ Νίκος Α. Βέης
Ὁδ. Μαυρομυχάλη 38

**II. Письмо Пауля Марка к В. Э. Регелю из Мюнхена
от 12 июня 1911 г. с предложением о сотрудничестве
в издании актов афонских монастырей
(РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–6)**

Hochgeehrter Herr Professor!

Vor einigen Wochen habe ich mir erlaubt, Ihnen meinen letzten Bericht über den Stand des von Professor Krumbacher unter den Auspizien der Internationalen Association der Akademien unternommenen byzantinischen Urkunden Corpus zu übersenden. Aus diesem Berichte werden Sie ersehen haben, daß das ursprünglich vorgesehene Einteilungsprinzip nach Empfängern bzw. Landschaften, auf die sich die Urkunden beziehen, aufgegeben wurde, und nun die Urkunden nach Ausstellern angeordnet werden sollen, dh. die Kaiserurkunden, die Patriarchen — und die Privaturkunden u. s. w. je in einzelnen Bänden zusammengefasst werden sollen. Diese Einteilung empfiehlt sich für ein Corpus, wie das unsere, aus den verschiedensten kri-

tischen Gründen; mitbestimmend aber war, daß bei dieser auf unserm Gebiet neuartigen Anordnung jede Konkurrenz mit älteren und, was noch wichtiger ist, mit neueren Einzelausgaben vermieden wird; diese Einzelausgaben aber sind meines Erachtens nicht nur nützlich, sondern geradezu notwendig neben dem Corpus. So begrüße ich denn auch das Lebhafteste den Fortgang der von Ihnen geleiteten trefflichen «Actes de l'Athos» und bin überzeugt, daß die beiden Angaben, die Ihrige und die künftige im Corpus, sich vortrefflich ergänzen werden. Wer sich speziell für die Kaiserkanzlei interessiert, wird zum Kaiserband des Corpus greifen müssen und hier auch chronologisch eingeordnet die einzelnen nach dem Athos gerichteten Kaiserprivilegien finden; der Historiker des Athos und aller damit zusammenhängenden Fragen wird das Material in Ihren Actes suchen und finden.

Bei dieser idealen Art gegenseitigen Ergänzung hielte ich nun auch eine gegenseitige tatkräftige Unterstützung für möglich und erlaube mir in dieser Sache an Sie zu schreiben; denn vorläufig sind wir die Bittenden. Ihre Akademie hat das Corpus-Unternehmen von vornherein freundlich begrüßt und auf der Versammlung der Association in Paris 1901 war geplant, Ihre Athosurkunden an unser Corpus anzureihen. Das ist nun unmöglich geworden, nicht nur durch unser neues Einteilungsprinzip, sondern auch dadurch, daß Sie, womit Sie natürlich vollkommen recht hatten, selbständig und unabhängig die Ausgabe der Actes de l'Athos begonnen haben.

Bei der neuen Lage der Dinge dagegen und bei dem dadurch gegebenen Ausschluß jeglicher Konkurrenz läge die Möglichkeit gegenseitige Unterstützung in dem Austausch des Materials. Und so wird in diesen Tagen die Bayerische Akademie an Ihre Akademie das Gesuch richten, ihr die in Russland gesammelten Photographien von Athosurkunden leihweise in einzelnen Partien zu übersenden, natürlich in einer Ihnen beliebigen Reihenfolge, so daß der Gang Ihrer Ausgabe in keiner Weise gestört wird. Am Leichtesten wird Ihnen das Fallen für diejenigen Urkunden, die Sie bereits herausgegeben haben (z. B. Batopedi, Zographon etc.); auch diese bereits herausgegebenen Urkundenphotographien wären uns sehr willkommen, da ich zunächst die Technik der Urkunden untersuchen soll und dazu Vergleichsmaterial nötig habe. Bei Übersendung von Photographien, die Sie noch nicht herausgegeben haben, haftet unsere Akademie natürlich dafür, daß sie nicht ohne Ihre Zustimmung verwertet und publiziert werden. Aber es wäre in unseren und auch in Ihrem Interesse sehr wichtig zu erfahren, welche Urkunden Sie in Photographien besitzen und welcher Art diese Photographien sind — denn wir wollen unser Möglichstes tun, auch unsererseits Photographien am Athos ausführen zu lassen; wenn wir genau wissen, welche Urkunden Sie bereits besitzen, so könnten wir Doppelaufnahmen vermeiden

und vielmehr Ihr Material vervollständigen; denn wir sind selbstverständlich gerne bereit, alle Aufnahmen, die wir erhalten werden, in demselben Masse Ihnen zur Verfügung zu stellen, wie Sie es freundlich mit Ihren Aufnahmen tun würden. Bisher habe ich Aufnahmen nur von 2 Chrysobullen von Pantokrator und von 5 Stück von Xeropotamu, die Ihnen zur Verfügung zu stellen, mir ein Vergnügen sein würde.

In diesem Sommer geht von Deutschland aus eine Expedition nach dem Athos, der ich den Auftrag geben werde, alle ihr erreichbaren Urkunden zu photographieren; freilich wäre es mir sehr wertvoll zu erfahren, von welchen Klöstern Sie noch keinerlei Aufnahmen besitzen, da ich dann den Auftrag geben könnte, in erster Linie in diesen Klöstern zu photographieren — was wiederum ebenso Ihrem als unserm Unternehmen zu gute kommen wurde.

So bitte ich Sie denn herzlichst und unter Berufung auf Ihren Freund und meinen verehrten Lehrer Krumbacher das Gesuch unserer Akademie bei der Russischen freundlich und wohlwollend unterstützen zu wollen; ich hoffe viel von solchem Zusammenarbeiten für unsere beiden Unternehmungen und für die uns gemeinsame byzantinische Wissenschaft überhaupt; auch benutze ich gerne die Gelegenheit, um Ihnen meinen guten Willen und jegliche Art von Unterstützung zuzusagen, um das Verhältnis zwischen den Redaktionen der zwei Schwesterzeitschriften, des Viz. Vremennik und der Byz. Z., möglichst eng und herzlich zu gestalten; bei gegenseitiger Fühlungnahme und Freundschaft werden beide am besten gedeihen.

Zum Schluß gestatten Sie mir, Sie auf eine gewisse persönliche Beziehung zwischen uns aufmerksam zu machen: mein verstorbener Vater war der Bruder von Frau Fanny Bohnstedt und ich weiß noch aus seinen Erzählungen, daß er Ihren Herrn Vater und wohl auch Sie gekannt hat; auch meine Mutter, die im Hause Bohnstedt Erzieherin war, erinnert sich Ihres Herrn Vaters. Natürlich kenne ich auch meine Vettern Bohnstedt (speziell Max B.) und bin sehr eingeladen, sie in Petersburg zu besuchen; wenn ich auch dieses Jahr nicht dazu komme, so hoffe ich doch ein nächstes Mal dann auch Ihre persönliche Bekanntschaft machen zu können. Diese persönlichen Dinge haben mit dem Thema dieses Briefes allerdings nichts zu tun, aber ich wollte die längstgehegte Absicht, mich Ihnen gewissermaßen vorzustellen, endlich bei dieser Gelegenheit ausführen.

So hoffe ich denn auf Ihre gütige Unterstützung und eine freundlich zusagende Antwort und allgemein auf gute weitere Beziehungen, für die stets dankbar sein wird.

Ihr sehr ergebener

Paul Marc

**III. Выдержка из письма Э. Курца к В. Э. Регелю из Риги
от 29 июля 1911 г. с рекомендациями ответа
на письмо Пауля Марка
(РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 41–42)**

...Was nun den Brief von Paul Marc betrifft, so ist meine unmassgebliche Ansicht folgende: 1) seine Bitte um Angabe der im Besitz der Akademie vorhandenen Photographien von Sevastianov kann erfüllt werden (also, soviel ich weiss, Russikon 29 №, Zographu 28 №, Chilandari 15 №, Philotheu 12 №, Kastamonitu 4 №, Iwiron 3 №, Paulu 7 №, Esphigmenu 6 №). 2) seine Bitte wegen Überlassung der bereits in den unter Ihrer Leitung erscheinenden Actes de l'Athos benutzten und abgedruckten Sevastianovschen Photographien (also Esphigmenu, Chilandari, Zographu und hoffentlich am Ende des laufenden Jahres auch Philotheu und Paulu) kann nicht gut abgeschlagen werden; natürlich, wie er selbst will, allmählig und gegen Austausch; so könnten wir uns sogleich gegen 6 № Esphigmenu die 5 Münchener № von Xeropotamu ausbitten. Auch die 2 Münchener № von Pantokrator müssten wir einverlagen; vielleicht geben dieselben für die Ausgabe von Petit, die nur auf Abschriften «eines armseligen Athos-Mönches» beruht, einige Nachträge oder Besserungen, die man in der III Abteilung des Viz. Vremennik veröffentlichen könnte. 3) Im Übrigen empfiehlt es sich abzuwarten, was sein der Leipziger Athosexpedition (Jantsch) erteilter Auftrag für Erfolg haben wird! <...> E. Kurtz

В. Э. РЕГЕЛЬ О СВОИХ ЗАНЯТИЯХ В МОСКОВСКИХ АРХИВАХ*

Весьма важным событием в российской исторической науке конца XIX в. стало опубликование (в 1891 г.) в Санкт-Петербурге («по распоряжению Имп. Академии наук» и в типографии ИАН) сборника «*Analecta Byzantino-Russica*». Его автор — Василий Эдуардович Регель (1857–1932), один из наиболее ярких представителей прославленной петербургской школы византиноведения, основатель и редактор всемирно известного журнала «Византийский временник»¹ — так объясняет в предисловии происхождение труда: «Материалы, собранные в настоящем томе, — результат непредвиденного случая. Во время моих исследований по византийской истории XII века в архивах и библиотеках Патмоса, Рима, Мадрида, Лондона и Москвы² я стал собирать также все имеющее отношение к истории России. Сконцентрировав свое внимание на этом, я решил объединить собранное в отдельном сборнике»³. Так появился на свет весьма увесистый том, содержащий целый пласт византийских памятников, непреходящих по значению и ценности с точки зрения российской истории: «Сказание об обращении руссов в христианство», источником которого послужило «Житие Владимира Святого»; записки о поставлении русских епископов, письма иеромонаха Исидора, занимавшего митрополичью кафедру в России с 1437 по 1442 г.; грамоты Константинопольского патриархата, в частности с утверждением за Иваном Грозным царского титула и с установлением на Руси патриаршества; и т. д.

Тот факт, что все греческие тексты памятников были опубликованы в греческом оригинале без перевода на русский язык, а предпосланный их изданию обширнейший комментарий автора, переросший в целое исследование, написан по-французски, оказал труду не

* Опубликовано: Исторические записки. Вып. 11 (129). 2008. С. 372–385.

¹ См. об этом с. 372–406 настоящего сборника.

² Опубликовано в кн.: *Regel W. Fontes rerum byzantinorum*. Т. 1–2. Petropoli, 1892–1917.

³ *Regel W. Analecta Byzantino-Russica*. Petropoli, 1891. Р. I (далее: *Analecta*).

очень хорошую услугу, ограничив его доступ к отечественным ученым, на которых он прежде всего и был рассчитан. Забытым и сегодня его назвать, конечно, нельзя (сочинения, например, такого известного в наши дни исследователя, как Б. Л. Фонкич, прямо-таки испещрены ссылками на него), но символично и то, что в недавно опубликованном серьезном «историко-культурном и технологическом исследовании» «Шапка Мономаха», в котором подробно изложена «общая историография» на этот счет⁴, мнение В. Э. Регеля лишь упомянуто, в то время как его обстоятельный источниковедческий экскурс в изучение вопроса о так называемых Мономаховых регалиях, включая «шапку Мономаха», экспертизе не подвергается (чувствуется, что автору исследование Регеля по каким-то причинам оказалось недоступным, а сам Василий Эдуардович почему-то объявлен «французским ученым»)⁵.

С другой стороны, как это почти всегда бывает, опубликованный материал — это лишь «верхушка айсберга», а исследователю истории науки хочется знать все привходящие обстоятельства обнаружения этого материала и предварительные этапы по его обработке, т. е. познать «подводную часть айсберга». О знаменитой четырехгодичной командировке В. Э. Регеля за границу (в 1885–1888 гг.), когда он объехал Малую Азию, Европейскую Турцию, Грецию, всю Европу, посетил Константинополь, Афины, Фессалонику, о. Патмос, острова Архипелага, Берлин, Лейпциг, Вену, Мадрид, Барселону, Париж, Лондон и Оксфорд, мною рассказано в специальной статье о Регеле⁶. Что же касается его исследований в московских архивах, которые и составили основу рассмотренного труда, то как раз этому и посвящается данная статья.

Источником сведений об этих исследованиях В. Э. Регеля являются его неопубликованные письма, писанные на немецком и адресованные в Императорскую Академию наук в лице академика Ариста Аристовича (Эрнста Эдуарда) Куника (1814–1899)⁷ в мае 1889 г.

⁴ Жилина Н. В. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001.

⁵ Там же.

⁶ См. примеч. 1. Тем не менее историю этого грандиозного научного путешествия еще предстоит написать, чему сейчас препятствует закрытие Российского государственного исторического архива (РГИА), в котором хранятся дневники и записные книжки В. Э. Регеля, которые он вел во время путешествия.

⁷ См. о нем: Медведев И. П. Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006 (см. Именной указатель).

(хранятся в С.-Петербургском филиале Архива РАН)⁸. Из них мы узнаём, что исследования свои в Москве (проживал по адресу: Москва, Большая Лубянка, Гостиница Билло, 38) Регель осуществлял по заданию Академии наук. Предполагалось обследование трех учреждений на предмет выявления нужных материалов: Главного архива Министерства иностранных дел (изучение греческих документов, отражающих историю установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством в лице Константинопольской патриархии); Румянцевского музея (экспертиза хранившихся здесь негативов и фотографий афонских актов из коллекции П. И. Севастьянова); Государственной Оружейной палаты (с целью изучения так называемой шапки Мономаха). Применительно к этим учреждениям и попытаемся рассмотреть содержащуюся в письмах информацию, хотя в них она основательно «перемешана».

О работе в Московском главном архиве Министерства иностранных дел В. Э. Регель сообщает уже в самом первом письме от 5 мая 1889 г. (л. 1–6), причем сразу же речь идет об ознакомлении с «документом», уже известным, по-видимому, адресату (т. е. Кунику), а именно — с соборной грамотой, утвердившей царский титул Ивана IV (ныне: РГБ. Ф. 181. № 175)⁹.

В архиве, — пишет В. Э. Регель, — я был очень любезно принят бароном Бюлером (*Bühler*)¹⁰. Документ доставил мне много хлопот, несмотря на сличение текста (*Collation*) г-ном академиком Науком¹¹;

⁸ СПФ АРАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 737. 32 л. (всего в деле 15 писем и 1 телеграмма). Далее все ссылки — в тексте статьи.

⁹ Издана В. Э. Регелем в его книге: *Analecta*. Р. 75–79 + Tab. I–II. О современном состоянии изучения грамоты (с передатировкой с 1561 г. на 1560 г.) см.: *Фонкич Б. Л.* Из истории утверждения царского титула Ивана IV: Соборная грамота 1560 г. // *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России. М., 2003. С. 373–376.

¹⁰ Имеется в виду Бюлер Федор (Фридрих) Андреевич (род. 3 апр. 1821 г., с. Мануйлово Ямбургского у. Петербургской губ. — ум. 10 мая 1896 г., г. Москва), гофмейстер, директор Главного архива Министерства иностранных дел, почетный член Имп. Академии наук с 1 дек. 1878 г.

¹¹ Наук Август Карлович (Иоганн Август) (1822–1892), филолог-классик, ординарный академик Имп. Академии наук с 1863 г. В предисловии к своей книге В. Э. Регель высказывает благодарность Науку за то, что тот дважды просмотрел корректуры всего текста книги. См.: *Analecta*. Р. II.

копия все еще не готова. Издание Оболенского¹² ниже всякой критики, в подписях, например, он читает Εὐλλος вместо Γρηγόριος.

Что касается фотографирования документа, то Бюлер хотел мне навязать своего фотографа Левитского, но тот мне совсем не подходит: за две только фотографии (верхней и нижней части документа) он потребовал с меня 250 рублей! Тогда я обратился в Фотоателье Шерера и Нальхольца, которое ту же самую работу взялось сделать за 60 рублей. Обе фотографии — в натуральную величину, по 500 экземпляров в виде фототипического отпечатка (*in phototypischem Abdruck*)... Трудность в том, что фотограф представляет в качестве *conditio sine qua non* требование, чтобы документ был доставлен к нему в Фотоателье, иначе он отказывается вывозить столь большой аппарат (*so eine grosse Photographie auszuführen*). Бюлер же не хочет и слышать о том, чтобы документ был вынесен за ворота. Но раз я работаю в интересах науки, пора бы прекратить ставить мне палки в колеса (л. 1–2).

О трудностях работы в архиве Регель сообщает и в письме от 8 мая: Бюлер «потерял совершенно голову», так как ждет визита в архив персидского шаха, да и вообще «о том, как тяжело здесь работать, — пишет он, — Вы можете судить по тому, что я сегодня пришел в 11, а служащий — лишь в 12 с половиной». Следует информация о хранящихся в архиве греческих документах, из которых больше всего датируются временем царствования Романовых, а более раннего времени лишь восемь документов, «один из которых, — пишет Регель, — наш документ 1561 г., а самый интересный — документ о поставлении первого русского патриарха Иова при Феодоре Иоанновиче¹³; он содержит еще больше подписей, чем наш документ 1561 г. Постараюсь в среду убедиться, что из этих документов издано. Надеюсь найти здесь “Акты сношения России с Востоком” Муравьева¹⁴. От писем Мелетия Пигаса, которые я издаю по двум рукописям¹⁵, здесь в архиве нет и следа» (л. 7–8).

¹² Имеется в виду изд.: Оболенский М. А. Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем 1561 года. М., 1850.

¹³ Издан Регелем: *Analecta*. P. 85–91 + Tab. III–IV. О современном состоянии изучения документа см.: Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России. С. 373–384 (№ XXVI), 385–390 (№ XXVII).

¹⁴ Имеется в виду изд.: Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. 1–2. СПб., 1858–1860.

¹⁵ *Analecta*. P. 92–115.

Более подробные сведения о греческих грамотах архива Министерства иностранных дел содержатся в письме Регеля от 12 мая: уточняется их количество (800), но

...я ограничусь, — пишет он, — только восемью, из которых самая интересная — документ 1590 г. с признанием Иова в качестве русского патриарха. Он содержит 100 подписей, среди них одна славянская — митрополита Валашского. Я его уже целиком списал, но не все подписи еще расшифровал. До сих пор документ был известен лишь в русском переводе, например в «Русской исторической библиотеке» (т. XII), очень дефектном, подписи по большей части ошибочные, частично вовсе опущены (л. 11).

Упоминается и о проблемах с фотографированием грамоты 1561 г. и с позицией руководства архива в лице барона Бюлера,

...с которым, — пишет Регель, — я намучился... Сегодня я захватил с собой в архив фотографа Панова. Он согласен сфотографировать документ за 200 руб., но когда я сказал о цене, затребованной Шерером и Нальхольцем, он снизил цену до 100 руб. Затем я пошел к Шереру и Нальхольцу и потребовал от них окончательного решения. Они согласились начать фотографирование в архиве в понедельник или вторник, запросив за 500 экземпляров около 70 руб. Это исключительно дешево. Вы видите, что я не жалею ни времени, ни усилий, чтобы достичь цели несмотря на все преграды (л. 10–10 об.).

Наконец, письмом от 17 мая В. Э. Регель извещает Куника, что «фотографирование документа 1561 г. счастливо завершилось, а именно — полностью, со всеми подписями и печатью. Больше 70 р. в любом случае он не будет стоить. Успенский¹⁶ рекомендует мне заказать и фотографию 1590 г. (о патриархе Иове с 100 подписями), но так как у меня нет для этого полномочий, то я не могу решиться на это. Если Вы также за это, то еще не поздно» (л. 19–19 об.). «Документ 1561 г. получился очень хорошо» (из письма от 20 мая, л. 21); «Сегодня вечером получил Вашу телеграмму о желательности фотографирования (целиком или частично) документа 1590 г. Спасибо! Придется задержаться» (из письма от 23 мая, л. 23).

¹⁶ Имеется в виду Федор Иванович Успенский (1845–1928), в то время профессор Новороссийского университета. О встречах с ним В. Э. Регель упоминает также в другом письме и по другому поводу (см. ниже).

Работа в архиве Министерства иностранных дел была, таким образом, выполнена, а издание вышеупомянутых грамот — гарантировано. Сложнее обстояло дело с экспертизой хранившихся в Румянцевском музее негативов и фотографий афонских актов из коллекции П. И. Севастьянова¹⁷. Ясно, что работа эта была поручена Регелю академической «Порфириевской комиссией» с целью подготовки к изданию собранных Порфирием Успенским копий актов афонских монастырей (изучив их, В. Э. Регель пришел к выводу об их непригодности в качестве основы издания, в связи с чем ему и пришлось заняться фотографиями П. И. Севастьянова)¹⁸.

Сообщив письмом от 5 мая (все тот же 1883 г.), что он «сейчас идет в Румянцевский музей», Регель приводит сначала данные о фотографиях афонских актов Севастьянова по каталогу Викторова (всего 33 документа на 40 листах, «о негативах ничего не было известно») ¹⁹, а затем удостоверяет Куника, что «нашел здесь 205 негативов», дает их список по монастырям (Русик — 48, св. Павла — 13, Ивирский — 22, Зограф — 39, Хиландар — 32, Филофей — 19, неразобранных — 28, всего — 205) и добавляет: «Среди них есть масса в высшей степени ценных хрисовулов, по большей части XIII и XIV веков, причем некоторые сохранились в двух, трех и даже четырех негативах» (фотографии планируется делать также в фотоателье Шерера и Нальхольца, цена снимков с 205 негативов в одном экземпляре станет 153 р. 75 к., в двух экземплярах — 246 р.) (л. 2 об. — 3). 12 мая Регель сообщает о своей встрече с Ф. И. Успенским, «который находится сейчас здесь в Москве и который спросил меня об актах: не те ли это акты, которые

¹⁷ О Петре Ивановиче Севастьянове (1811–1867) и его знаменитых коллекциях см. в последнее время: *Papoulidis C. P. I. Sévast'janov et ses collections // Αφθέρωμα στὴ μνήμη τοῦ Σωτήρη Κίτσα. Θεσσαλ., 2002. Σ. 407–420* (с указанием всей обширной литературы по данной теме). Каталог его коллекции фотографий актов, снятых им в монастырях Афона во время экспедиции 1859–1860 гг., см.: *Granstrom E., Medvedev I. Photographies de documents athonites (collection P. I. Sévast'janov) // RĖB. T. 33. 1975. P. 277–293.*

¹⁸ Позднее, правда, Регель, не довольствуясь даже фотографиями Севастьянова, предпринял неоднократные и длительные поездки на Афон с целью более глубокого и наиболее точного отображения хранящихся там монастырских актов, создав, таким образом, прочную базу для собственной серии «*Actes de l'Athos*», обеспечившей мировое византиноведение ценнейшим источниковедческим материалом на многие десятилетия вперед.

¹⁹ См.: *Викторов А. Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881.*

исследовались им и Флоринским²⁰. Естественно, он видел 40 снимков, и я оставил его в убеждении, что речь шла именно о тех самых. Как он будет раздосадован, когда узнает, что есть еще 165! За мои хлопоты Вы, надеюсь, дадите мне привилегию взять часть их в мою *Bibliotheca Historiae Byzantinae*?» (л. 10 об.)²¹.

«Когда я в субботу получил негативы и стал нумеровать их, — пишет Регель 14 мая, — у меня возникло смутное подозрение, которое я, уважаемый г-н академик, не хочу скрывать от Вас; не находятся ли петербургские афонские акты (имеется в виду, конечно же, нынешняя коллекция фотографий афонских актов, хранящаяся в Российской Национальной библиотеке, Ф. 680. — И. М.) в связи со многими негативами Румянцевского музея?» «К сожалению, — продолжает В. Э. Регель, — я слишком мало знаком с актами Публичной библиотеки. К тому же я еще не смог ознакомиться с книгой Флоринского, чтобы сказать об этом нечто более определенное. Да и негативы очень трудны для чтения (снова дается их список. — И. М.). Уж не попало ли в Публичную библиотеку что-то помимо тех отпечатанных 40 снимков?» (л. 13–14)²².

Продолжение темы — в письме от 17 мая.

Незнакомый с предысторией негативов, — пишет Регель, — я всегда считал, что Публичная библиотека располагает своими собственными негативами, и был далек от мысли, что и здесь могли находиться негативы. Книга Флоринского, наконец, попала в мои руки, чтобы подтвердить мое подозрение. Я считал своим долгом сразу же проинформировать Вас (когда я телеграфировал, издержки были уже 10–15 руб.). Естественно, дело не так плохо, как оно мне на первый взгляд показалось. За скромную цену

²⁰ Имеется в виду: Флоринский Т. Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П. И. Севастьянова. СПб., 1880.

²¹ По-видимому, реакция Куника на эту претензию была неоднозначной, о чем мы узнаём из письма Регеля от 17 мая. «Мое замечание относительно печатания актов в запланированной мною *Bibliotheca Historiae Byzantinae* не было столь серьезным, как Вы его восприняли. У меня и без того достаточно материалов, а с афонскими документами предстоит еще долгая возня. Разумеется, прежде всего надо думать о порфириевских материалах» (л. 20).

²² Как мы теперь знаем, «подозрение» Регеля оказалось вполне оправданным, ибо так оно и случилось. См.: Granstrom E., Medvedev I. Photographies de documents athonites... Свое «подозрение» Регель подкрепил телеграммой от 16 мая: «По-видимому, снимки Публичной библиотеки сняты негативов музея сколько новых неизвестно продолжать ли печатание?» (л. 16).

примерно в 150 руб. Академия получает полную коллекцию греческих афонских документов, которые ныне рассеяны по разным хранилищам (Румянцевский музей, Имп. Публичная библиотека, у Дестуниса и т. д.)²³. Но кроме того, среди них наверняка может оказаться много совершенно неизвестных документов. Все это дает богатый материал для порфириевского собрания. К сожалению, я пока не в состоянии дать Вам точный каталог здешних афонских документов или, скорее, негативов. Во-первых, негативы очень трудны для чтения, всякий раз нужно для этого подходить к окну. Во-вторых, у меня не хватает здесь для этого времени: здесь ничего нельзя добиться при трех-четыре часов работы и бесчисленных выходных. В-третьих, каталог Флоринского столь плох, что я абсолютно не в состоянии понять, что в Библиотеке и Музее совпадает. Нужно, стало быть, взять всю коллекцию с собой в Петербург, с тем чтобы составить затем более точное представление. А поскольку Вы, высокоуважаемый г-н академик, особенно интересуетесь негативами, то я обратил внимание и на другие негативы, здесь наличествующие. Доселе я молчал об этом, так как у меня не было такого поручения, да это меня и не особенно интересовало. Так вот, здесь есть негативы славянских афонских документов, а также греческих и славянских рукописей вообще. Сообщение о них содержится в каталоге Викторова. Если Вы желаете иметь что-то из этого, то прошу Вас уведомить меня заблаговременно, по крайней мере не позднее вечера среды, 24 мая. Если я не получу другого поручения, то в среду, а скорее всего в четверг, я, вероятно, отсюда уеду. Отчет я отошлю, согласно Вашему желанию, в Академию 20 мая. Вы можете быть уверены, что для меня, который был три с половиной года чиновником министерства, официальный отчет не составит труда. Копию его я Вам, во всяком случае, пришлю (л. 17–19)²⁴.

«Снимки получились очень хорошие, — сообщает Регель в письме от 20 мая. — Во второй тетради, которую я в одном из предыдущих писем обозначил как “разные”, с 28 негативами, я нашел в углу цифру

²³ Таким образом, сообщаемые Регелем сведения дают представление о происхождении нынешней коллекции фотографий афонских документов П. И. Севастьянова в Библиотеке Российской академии наук — № 564 и 565 «коллекции репродукций».

²⁴ Где-то ведь должен существовать и этот отчет! Об отсылке его в Академию с приложением копии для Куника сообщается в письме Регеля от 20 мая (л. 21).

1857. Вероятно, это негативы второго путешествия (Севастьянова). Моя работа сейчас ограничивается Архивом и Музеем. Предположительно, в четверг я закончу ее и уже вечером уеду. Если еще есть у Вас поручения, давайте» (л. 22 об.).

Еще один объект исследований В. Э. Регеля во время его московской командировки 1889 г. — так называемая шапка Мономаха, хранившаяся в Оружейной палате Кремля²⁵. «У Филимонова, — пишет он 12 мая, имея в виду хранителя Оружейной палаты, известного историка-археолога Г. Д. Филимонова, также занимавшегося изучением “шапки Мономаха”²⁶, — я был сегодня и осмотрел Шапку Мономаха. К сожалению, она была заперта, на следующей неделе он хочет ее распечатать, так что я смогу поближе ее исследовать. Заранее нельзя сказать ничего положительного, так как некоторые части явно более позднего происхождения» (л. 10 об. – 11). Действительно, в письме от 17 мая он сообщает:

Шапку Мономаха я, наконец, тоже сегодня внимательно осмотрел. Где я только ни встречал Филимонова, я тут же начинал ему надоедать и, наконец, заставил его снять печать (*die Siegel zu öffnen*). Впечатление такое, что первоначальный венец (*die ursprüngliche Krone*) относится к X–XIII векам, навершие (*der Aufsatz*) — к XVI–XVII, меховая опушка (*der Pelz*) — к XIX. Многочисленные дыры позволяют заключить, что судьба ее (шапки) была полна превратностей, а украшения не раз менялись. Является ли венец и ныне первоначальным, сказать пока еще трудно (л. 19 об.).

Наконец, еще один аспект деятельности В. Э. Регеля в Москве — посещение (в те дни, когда по каким-то причинам ему не работалось в уже указанных учреждениях) Синодальной библиотеки (ныне Синодальное собрание, хранящееся в Государственном Историческом музее в Москве)²⁷. В письме от 5 мая Регель сообщает, что в Синодальную библиотеку, куда он должен был наведаться по поручению академика Наука, он «еще не ходил» (л. 5); «В Синодальную библиотеку я еще не ходил, нет времени» (из письма от 12 мая, л. 11); но

²⁵ См. о ней уже упоминавшееся исследование: Жилина Н. В. Шапка Мономаха...

²⁶ Филимонов Г. Д. О времени и происхождении знаменитой шапки Мономаха // ЧОИДР. М., 1898. Кн. 2 (анализ взглядов Г. Д. Филимонова — в монографии Н. В. Жилиной).

²⁷ См. о нем: Фонкич Б. Л., Поляков Ф. Б. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. М., 1993.

уже 14 мая он уведомляет Куника о том, что «поехал в Синодальную библиотеку, где один благочестивый отец с очень ученым видом (отец Владимир)²⁸ устроил мне настоящий экзамен и, будучи удовлетворен, сказал мне, что во вторник я смогу увидеть желаемые рукописи» (л. 13). 17 мая он пишет: «Сейчас сходил в Синодальную библиотеку и начал работу для г-на академика Наука, которую завершу в субботу. Для меня здесь был бы нужен лишь документ греческого собора (Синода) от 1593 г. об избрании патриарха, который, однако, в греческом оригинале был уже издан Иерусалимским патриархом Досифеем в его Τόμος ἀγίας. Поэтому я не стану включать его в мои *Analecta*» (л. 19 об. – 20)²⁹.

Есть в письмах В. Э. Регеля немало и других любопытных подробностей о его пребывании в Москве, например о его тщетных поисках «повсюду» книги Гилярова («даже названия никто не мог вспомнить, а Ключевский определенно утверждал, что такой диссертации в Москве никогда не было; он сказал мне далее, что Гиляров долгое время занимался русскими летописями, чтобы получить ученую степень магистра, но работу не завершил и лишь отрывки из нее опубликовал в журналах» [л. 21])³⁰. Небезынтересно и то, что Василию Эдуардовичу пришлось пообщаться с знаменитым русским историком Василием Осиповичем Ключевским (1841–1911), но это уже другая история.

²⁸ Имеется в виду, конечно же, иеромонах Владимир (Филантропов) (1841–1916), в то время синодальный ризничий, автор знаменитого каталога «Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки: Рукописи греческие» (М., 1894. Ч. 1).

²⁹ Об этом документе и истории его изучения и издания см.: *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России. С. 377–399 (с собственным критическим изданием на с. 391–399).

³⁰ Не имеется ли в виду писатель-публицист и общественный деятель Никита Петрович Гиляров (1824–1884), удостоенный прибавления к своей фамилии «Платонов» за успехи в окончании Московской духовной академии? См. о нем: *Полный Православный богословский энциклопедический словарь*. [Репринт. изд.]. М., 1992. Т. 2. С. 644–645.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. Э. Регель о «шапке Мономаха»
(перевод с французского языка фрагмента из его кн.:
Analecta. P. LXXXVIII–XCVIII)*

Нам остается лишь рассмотреть... вопрос о регалиях, хранящихся под именем Владимира Мономаха в Оружейной палате в Москве. Мой краткий осмотр их достаточен, чтобы сделать вывод о том, что речь здесь могла идти о короне, известной с XVI в. под именем «шапки Мономаха», тогда как все прочие украшения — более позднего происхождения. Опровергнув уже широко распространенное мнение о том, что это корона великого князя Владимира Мономаха, мы тем не менее не можем принять безоговорочно, что имеем дело с короной, которая была послана из Византии Владимиру Святому. С тем, чтобы решить этот в высшей степени интересный вопрос, следовало бы, с одной стороны, сравнить указанную корону с византийскими коронами, принадлежащими соответствующей эпохе, и с другой — принять во внимание детали обработки самой короны.

Чехол (*la coiffe*) короны составлен из восьми золотых продолговатых пластин треугольной формы, соединенных их острыми краями под полусферой (*sous le globe*), на которой возвышается плоский золотой крест с жемчужинами на концах и в нижней части. На полусфере в кастах, снабженных шпеньками (*dans les creux pourvus d'ardillons*), находятся три больших камня — сапфир, топаз и рубин. Между камнями, в кастах с шпеньками, закреплены три больших жемчужины. Две из восьми пластин, образующих чехол, равны между собой. Каждая пластина украшена крупным камнем, два из которых — аметисты, четыре — изумруды, два — рубины. Камни окружены жемчужинами треугольной формы; семь пластин имеют по три жемчужины, восьмая — четыре, расположенных в форме креста. Опушка шапки — из собольего меха.

Тщательное и кропотливое рассмотрение короны покажет, что было три составляющих части, которые следовало строго отделять одну от другой: обшивка собольим мехом — от XIX в., полусфера (*le globe*) с крестом также принадлежала к более или менее продвинутой эпохе

* Принимая во внимание вспомогательный характер этого перевода, мы опускаем примечания автора.

(XVI или XVII в.), восемь золотых пластин составляли наиболее древнюю часть короны. Кажется, она неоднократно подвергалась переделке или изменению, ибо в пластинах имеются дыры, в которых должны были закрепляться украшения. Я попытаюсь рассмотреть и определить сначала форму, а затем функционирование этой первичной части.

Что касается формы древней части короны, то она в византийских коронах подверглась существенному изменению на протяжении веков. В древние времена Византийской империи на греческих монетах всегда изображалась диадема в форме повязки (*bandeau*), концы которой свисали позади головы. Начиная с Юстиниана I, диадема становится жесткой короной, или стеммой. Она состояла из золотого обода с вмонтированными камнями — жемчужинами и глазурями. С каждой стороны свисали подвески, состоящие из двух нитей с жемчужинами, спадающих на щеки; назывались они *κατασειστός*, *σειῶα*, *πρεπενδουλίᾱ* или *ὄρμαθοί*. Обычно корона замыкалась на макушке куском ткани, обогащенной жемчужинами и камнями. Стемма императоров завершалась крестом или султаном, отличаясь также от других корон пурпурным цветом ткани. Мы находим эти стеммы представленными на всех греческих монетах. До нас дошли также два подобных византийских обода. Прежде всего, это корона императора Константина IX Мономаха (1042–1054) в Национальном музее Пешта (*Pesth*), состоящая из восьми изумительно изящных золотых пластин, украшенных глазурью. Другая подлинная стемма византийского происхождения — это самая древняя часть знаменитой короны св. Стефана, покрытый глазурью и украшенный драгоценными камнями обод времен императора Михаила Дуки (1071–1078). С X в. входит в обиход еще одна разновидность императорской короны. Она также состояла из золотого обода (стеммы), украшенного жемчужинами и камнями, с подвесками с обеих сторон. Над ободом приподнимались две парные золотые дуги, перекрещивающиеся посередине, с шелковым пурпурным чехлом. В середине дуг находился круг, приподнятый на драгоценных камнях. Таким образом, корона имела форму правильно округленного полушария, облекая целиком голову. Короны сыновей императора (севастократора и кесаря) отличались от императорской тем, что они реже были украшены камнями и жемчужинами, прикрываясь лишь куском шелка. Время пощадило два замечательных экземпляра корон с дугами, соответствующих моделям греческих иконописцев и уж во всяком случае изготовленных под византийским влиянием. Это целиком венгерская корона св. Стефана, затем — сицилийская корона Констанции II, супруги

Фридриха II, умершей в 1222 г. Подобные короны более поздних времен также воспроизведены в миниатюрах.

Мы, стало быть, видим, что так называемая корона Владимира не представляет ни малейшего сходства с византийскими коронами ни X в., ни позднейших времен. Прежде всего, у нас отсутствует обод, или стемма, составляющая основу всех византийских корон. Ее особая коническая форма, скорее всего, сугубо восточноазиатского происхождения. Уже в древние времена был известен полусферический и остроконечный тип ассирийских и персидских корон, достигший расцвета при династиях Аршакидов и Сасанидов. Эта форма была заимствована и в Византии, главным образом, для легких головных уборов как императоров, так и представителей духовенства и других придворных сановников. Эти головные уборы назывались *καπελάκιον*, *σκιᾶδιον*, *τίαρα*, *τοῦφα*, *πῶλος*, *πυραμίς*, *καλύπτρα* и т. д. Обычно они изготавливались из шелковой ткани и имели, как мы уже видели, соответствующие атрибуты для каждой чиновной категории. Тогда как императорская корона увенчивалась крестом, прочие головные покрытия императоров отличались от всякого рода шляп других сановников, во-первых, драгоценным камнем на верхушке и, во-вторых, цветом пурпура. Никита Акоминат недвусмысленно утверждает, что этот пирамидальный вид головного убора — иноземного, а отнюдь не византийского происхождения. Для корон этот тип не привился. Лишь с X в. мы находим закрытую стемму с золотыми дугами.

Восемь золотых пластин, составляющих первичную часть «шапки Мономаха», украшены сканным покрытием (*de filigrane rehaussé*). Повнимательнее рассмотрев сканную орнаментацию (*les ornements de l'ouvrage en filigrane*), мы убеждаемся, что она ни в коем случае не может быть византийского происхождения. Одни лишь розетки мы встречаем в византийском искусстве, где они с самых отдаленных времен появляются в качестве некоего орнамента, общего для самых разных стилей. Что касается других орнаментов, то в них не видно ни малейшего следа византийского влияния. Достаточно для примера сравнить сканную орнаментацию (*les ouvrages en filigrane*) на короне Константина IX Мономаха (1042–1054), хранящейся в музее Пешта. Примем еще во внимание византийские сканные произведения Императорского Эрмитажа, происходящие из прирейнских стран и датирующиеся XII и XIII вв.; их можно увидеть в секции «Средние века и Ренессанс», зал эмалей и церковной утвари, а именно: крест № 113, мощи № 114 и ларчик (*une caissette*) № 68; затем — найденные в России вещи, зал русских находок, витрина № 9. Даже беглый просмотр достаточен,

чтобы убедиться, что орнаментация восьми золотых пластин ни в чем не похожа на вышеупомянутую скань. Цветы в орнаментах пластин указывают, как кажется, на их персидское происхождение. Чтобы убедиться в этом, можно было бы, например, сравнить персидские сканные произведения Императорского Эрмитажа, Никопольский зал, шкаф № 79, полочка 5, № 1028 и 1029. Поскольку персидский стиль также допускает розетки, сходство с ним орнаментики сканного произведения становится еще более очевидным. Что касается приспособления крапанов (? *grampans*) и боковых орнаментов золотых пластин, то мы не находим их ни в византийском стиле, ни в персидском, ни в арабском, ни в османском. Как византийское искусство, так и искусства персидское и арабское всегда опирались в ходе своего развития и процветания на постоянные и установившиеся традиции. Процесс изготовления находился в руках корпораций, а мастера были обязаны строго следовать образцам, находившимся в употреблении. Как следствие, все художественные произведения Средневековья всегда предстают в ясном стиле, отработанном до мельчайших деталей. Напротив, сканная орнаментация восьми золотых пластин является лишь слабыми реминисценциями персидского стиля, а вообще-то — так сказать, не содержит следов никакого стиля.

Из сказанного следует, что корона не могла происходить ни из Византии, ни из Персии или Малой Азии во времена, когда искусство там находилось в стадии своего наивысшего развития. Скорее всего, нам остаются две гипотезы с целью объяснить ее происхождение. Во-первых, она могла принадлежать эпохе полного упадка стиля; во-вторых, возможно, что она происходит из некоей страны, где еще не существовало сложившегося стиля (*de style déterminé*). Первая из этих гипотез, скорее всего, привела бы нас в XVII в., отличительной чертой которого на Западе было смешение всевозможных стилей. Но корона ведь уже существовала к концу XVII в., ибо послужила моделью для второй «шапки Мономах», изготовленной для двойной коронации Петра и Ивана. Более того, Вельтман доказал, что корона находилась в целостности и сохранности еще во времена междоусобицы в начале XVII в. Наконец, документы и предание утверждают, что «шапка Мономах» уже существовала на протяжении всего XVI в. Стало быть, остается лишь вторая гипотеза, согласно которой корона могла быть изготовлена в Средние века в стране, не располагавшей еще у себя художественным стилем. Таким образом мы смогли бы выйти к северному региону области стилей византийского, арабского и персидского, к северному побережью Черного моря и моря Каспийского. Если бы

корона была изготовлена в Киеве, преобладающее влияние византийского стиля не замедлило бы проявиться. Но поскольку мы не находим никакого признака присутствия в ней этого последнего, а только лишь слабые реминисценции стиля персидского, то нам придется отнестись происхождение короны далее на Восток, к Каспийскому морю.

Таким образом, формальные и функциональные особенности «шапки Мономаха» как будто указывают, что она никогда не видела Византии. Скорее всего, она восточно-варварского происхождения и, аналогично хранящейся в Оружейной палате Казанской короне, должна происходить с Волги или из соседних областей Каспийского моря. Этот вывод, к которому я пришел в результате тщательного осмотра и сравнения короны, был уже изложен письменно, когда мне удалось найти прямое подтверждение моему мнению.

В вышеупомянутом письме монаха Паисия к великому князю Василию III от 1525 г., с которым мне пришлось ознакомиться в самый последний момент, сказано: «прародителя своего, Великого Князя Владимира Мономаха, ардарила, рекше шапку», то есть: «от своего предка, великого князя Владимира Мономаха, ардарила, то есть шапку». Таким образом, мы имеем здесь для короны название «ардарила» или «ялдарила» (*yaldarila*), переведенное на русский словом «шапка». Слово это, будучи, очевидно, татарского происхождения, заставило меня прибегнуть к разъяснениям г-на Радлова, члена Императорской Академии наук, который соблаговолил оказать мне свою помощь: «ялдарила» — чтение, которое мы находим в одной рукописи, — есть, без сомнения, русское искажение татарского «юльтракли» (? *yultrakli*) или «юльтраули» (*yultrauli*). «Юльтрак» означает украшение или мишурный бриллиант (*cliquant brilliant*), «ли» (*li*) — причастие «имеющий» (*ayant*). Мы имеем, стало быть, форму прилагательного «*yultrakli*», дополненную существительным «*beuruk*» (шапка); «*yultrakli beuruk*» — это шапка с бриллиантовыми украшениями.

Это объяснение по всем пунктам подходит к самой древней части короны, составленной восемью золотыми пластинами. Татарская шапка всегда завершается острым верхом, будучи внизу обшита мехом. Следовательно, восемь золотых пластин составляли первоначально украшение острроверхой татарской шапки. Это объясняет нам наличие двух названий, использовавшихся для обозначения короны Владимира Мономаха, — татарского «*yultrakli*» (т. е. *beuruk*), головного убора, украшенного золотыми пластинами с бриллиантами, и русской «шапки» вместо «венца» (короны), которым всегда обозначалась византийская корона. Вполне вероятно, что эта драгоценная «шапка»

была послана в дар одному из русских великих князей каким-то татарским ханом. Со временем она подверглась всякого рода изменениям, нижняя часть (т. е. собственно шапка) была утрачена, осталась лишь верхняя часть, составленная из восьми золотых пластин. Когда великие князья приняли царский титул, они дополнили шапку навершием с крестом, чтобы придать сходство с императорской короной. В этом измененном виде примитивная татарская «шапка» и сохранилась до наших дней как царская корона.

Стало быть, желая отождествить «шапку Мономаха» с короной, которая была послана из Византии Владимиру Святому, допускают ошибку. Последняя, должно быть, погибла вместе с другими украшениями во время захвата и разграбления Киева татарами в 1240 г. «Шапка Мономаха» — гораздо более позднего происхождения. Она должна датироваться XIII–XV веками, и, по-видимому, это именно она впервые упомянута в 1356 г. в завещании великого князя Ивана II просто как «шапка». Лишь начиная с XVI в. предание (*la légende*) недвусмысленно идентифицировало ее под именем «шапки Мономаха».

С учетом сказанного, полагаю в достаточной степени доказанным то, что легенда о Владимире Мономахе, начало которой относится к XVI в., ни в коем случае не может претендовать на то, чтобы быть принятой в качестве подлинной. Она переносит на Владимира Мономаха, во-первых, отправку регалий Владимиру Святому, во-вторых, экспедицию Владимира, сына Ярослава, в 1043 г., не говоря уже о массе выдуманных подробностей, и, наконец, указывает в качестве якобы регалий этого великого князя предметы, которые все более позднего происхождения и никак не могли принадлежать ему. Текст восстановленной мною грамоты важен тем, что позволяет нам показать полное отсутствие (*le manqué total*) исторического фона легенды и признать ее подлинную связь с Владимиром Святым. Этот последний упомянут здесь лишь вкратце, как и его связи с Византией, ибо более детальное исследование не преминуло бы увести меня слишком далеко. Хочется верить, что другие ученые, гораздо более сведущие в области археологии и нумизматики, а также располагающие более обширными историческими источниками, чем мои, будут иметь случай сказать последнее слово.

ТРУДЫ В. В. БОЛОТОВА НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (ПРЕРВАННЫЙ ПРОЕКТ)*

Самым болезненным вопросом в истории отечественной науки, пожалуй, всегда была весьма ощутимая изолированность от мировой науки, прежде всего из-за языкового барьера в виде трудно преодолимого для европейца русского языка, и как результат — далеко не все ее достижения, какими бы выдающимися они ни были, доходили до европейских ученых. Особенно характерным это было для ученых типа В. В. Болотова, не склонных афишировать свою научную деятельность, публиковаться на иностранных языках, вести широкую международную переписку, выезжать за рубеж с научными целями (впрочем, в отличие от многих своих коллег, Василий Васильевич вообще никогда не бывал не только за границей, но и в других городах России, за исключением родных мест, сосредоточив всю свою деятельность в стенах С.-Петербургской духовной академии).

Ясно, что сразу же после потрясшей всю научную общественность России преждевременной смерти В. В. Болотова (5/18 апреля 1900 г.)¹ со всей остротой встал вопрос о судьбах творческого наследия ученого.

Одни из его учеников (А. И. Бриллиантов) стали готовить к печати его неопубликованные труды², другие (например, московский ученик Болотова — Д. А. Лебедев) стали разыскивать, собирать и копировать

* *Опубликовано*: ХВ. Т. 2 (VIII). (Новая серия). СПб.; М., 2001. С. 359–365.

¹ См., например: Венок на могилу в Бозе почившего ординарного профессора С.-Петербургской духовной академии, доктора церковной истории, Василия Васильевича Болотова. СПб., 1900. О шквале некрологов и статей, вызванных непоправимой утратой, а также о рукописном наследии ученого в целом см. в последнее время: *Герд Л. А.* В. В. Болотов: Обзор рукописного наследия // *Мир русской византистики: Материалы архивов С.-Петербурга*. СПб., 2004. С. 256–285.

² *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви / Посмертное издание под ред. проф. А. И. Бриллиантова. Т. 1–4. СПб., 1907–1917 (репринт: М., 1994).

письма ученого³, третьи (В. Н. Бенешевич) вообще задались целью пробить брешь в «языковой блокаде» трудов Болотова путем подготовки их издания на иностранных языках.

Именно эта, доселе неизвестная попытка облегчить доступность творческого наследия В. В. Болотова европейским ученым и интересует нас в данном случае больше всего. Речь идет о том, что при обследовании в последнее время архивного фонда нашего выдающегося ученого В. Н. Бенешевича (1874–1938) нами выявлен комплекс материалов о неосуществившемся проекте Бенешевича по изданию некоторых статей В. В. Болотова на немецком языке в лейпцигском издательстве *B. G. Teubner*. Материалы содержатся в двух папках (718 л. и 794 л.) и включают в себя как уже выполненный рукописный перевод на немецкий язык некоторых трудов В. В. Болотова (подробнее об этом — позднее), так и переписку с издательством Тойбнера⁴. Отдельные части этих материалов вложены в бумажные обложки, на одной из которых (Д. 75. Л. 420) рукой В. Н. Бенешевича (простой карандаш) помечено: «Труды В. В. Болотова, перевод. Для издания их фирмой *B. Teubner* в Лейпциге до 1914 г. под ред. В. Н. Бенешевича (издание не осуществилось)».

Из переписки (Д. 76. Л. 702–732) явствует, что инициатива издания В. В. Болотова на немецком языке исходила от В. Н. Бенешевича, обратившегося в издательство Тойбнера, с которым у него были давние отношения по закупке издаваемых этим издательством книг и журнала *Byzantinische Zeitschrift*⁵, с соответствующим предложением (отпуск или черновик письма в деле отсутствует). Судя по всему, в этом несохранившемся письме В. Н. Бенешевича уже было предложено содержание (указаны статьи Болотова, подлежащие переводу) и названа кандидатура переводчика — жена В. Н. Бенешевича Амата (Людмила) Фаддеевна Бенешевич (1888–1967), дочь знаменитого антиковеда акад. Ф. Ф. Зелинского, отменный знаток немецкого языка

³ См. об этом в статье: *Медведев И. П.* Мир ученого одиночества: священник Димитрий Лебедев // Деятели русской науки XIX–XX веков: Исторические очерки. Вып. 1. СПб., 2000. С. 227–261; ср. с. 431–461 настоящего сборника.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 192 (В. Н. Бенешевич). Оп. 1. Д. 75 (718 л.) и 76 (794 л.). В дальнейшем ссылки на номер дела с указанием соответствующих листов — в тексте статьи.

⁵ В д. 76 есть счета от Тойбнера за книги (список возглавляют сочинения Прокопия Кесарийского — л. 717, 719) и за тома VII и XXII *Byz. Zeitschrift* (л. 715, 718).

(как, впрочем, и многих других)⁶. В ответном письме Б. Г. Тойбнера от 13 февраля 1913 г. высказывалось согласие с предложенным проектом и выражалась радость по поводу того, что перевод трудов Болотова берет на себя супруга В. Н. Бенешевича, ибо сам Тойбнер «не знает никого в качестве переводчика» (л. 733–734). Следуют уточнения условий договора о переводе трех статей (письма Тойбнера от 14 марта 1913 г. — л. 731 и от 25 марта 1913 г. — л. 725–726) и присылка как инструкции о правилах оформления рукописи (л. 710: уведомление о высылке памятки, от июля 1913 г.; л. 706–709: печатный текст самой памятки), так и самого договора.

Машинописный текст «Договора (*Vertrag*) между фрау-профессором Бенешевич в С.-Петербурге, с одной стороны, и издательством *B. G. Teubner* в Лейпциге, с другой стороны» (л. 729–730), датированный 10 марта 1913 г. и подписанный (подписи подлинные) А. Ф. Бенешевич и Б. Г. Тойбнером, предусматривал (§ 1) обязательство «фрау-профессора» подготовить перевод избранных статей В. Болотова, а именно: 1) Из церковной истории Египта, 2) *Theodoretiana*, 3) О Рустике, с небольшим биографическим очерком и указателем (других) опубликованных работ Болотова (оговариваются права наследников); (§ 2) обязательство издателя отпечатать статьи в формате и оформлении по образцу «*Useners Kleinen Schriften*»⁷, с первичным тиражом «самое большое» 800 экз., а позднее — «*nach bestem Ermessen festsetzen*»; (§ 3) обязательство «авторши» (*die Verfasserin*) до 1 апреля 1914 г. представить полностью и отчетливо напечатанную на одной стороне листов рукопись, с полным оглавлением, а позднее держать корректуру (первую — за оплату, а дальнейшие — безвозмездно); (§ 4) обязательство издателя выплатить «авторше» гонорар из расчета 30 марок за каждую тетрадь из 16 страниц (как в случае с первичным тиражом, так и с позднейшими), а также предоставить «авторше» от каждого тиража по 20 экземпляров отпечатанного труда в ее личное распоряжение; (§ 5) обязательство издателя «в случае успеха» предусмотреть и перевод других сочинений В. В. Болотова.

Таким образом, Аамате Фаддеевне предстояло перевести три огромных, многосложных, состоящих, как известно, из различных церковно-

⁶ О ее непростой судьбе см.: Вольфшун Л. *Amata mea* // Звезда. 1997. № 4. С. 178–184; Петербургские чтения — 97. СПб., 1997. С. 563–566.

⁷ Имеется в виду издание: *Usener H. Kleine Schriften*. Bd. I–IV. Leipzig; Berlin, 1912–1914.

исторических очерков и дополнений статьи. Из них первая («Из церковной истории Египта») включала в себя четыре очерка (I. Рассказы Диоскора о Халкидонском соборе; II. Житие блаженного Афу, епископа Пемджеского; III. Архимандрит тавеннисииотов Виктор при дворе константинопольском в 431 г., с *Appendix*-ом «Параволань» ли?; IV. День и год мученической кончины св. евангелиста Марка), опубликованные в «Христианском чтении»⁸. Вторая статья была разросшимся в своеобразную диссертацию отзывом В. В. Болотова о сочинении Н. Н. Глубоковского «Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь и литературная деятельность», удостоенном Св. Синодом премии митрополита Макария (отзыв В. В. Болотова, вместе с его *addenda-correctenda* и с его же *addendis superaddenda*, превратился в особые *Theodoretiana*, занимающие в отдельном отгиске 164 страницы)⁹. Наконец, третья под общим заглавием «Письмо и две записки о неоконченной работе о Рустике» представляет собой материалы, относящиеся к предмету его предполагавшейся докторской диссертации «Рустик, диакон римской церкви, и его литературные труды», и включающие в себя письмо В. В. Болотова к И. Е. Троицкому о работе над «Рустиком» и его два наброска (от 1883/4 и от 1890 г.)¹⁰. Трудно сказать, какими соображениями руководствовались Бенешевичи при отборе подлежащих переводу статей. Пожалуй, лишь тема Рустика понятна как долженствовавшая вызвать особый интерес со стороны европейцев.

Ясно, что проект издания трудов В. В. Болотова на одном из европейских языков был с восторгом воспринят его учениками. «И западные ученые, и все русские почитатели памяти В. В. Болотова будут, несомненно, очень благодарны Вам за предпринимаемый перевод трудов его на немецкий язык», — пишет В. Н. Бенешевичу А. И. Бриллиантов, присовокупляя от себя всяческие советы, замечания, библиографические дополнения к трудам Болотова¹¹, а Д. А. Лебедев, почти в тех же выражениях отмечая значение этой работы, добавляет:

⁸ ХЧ. 1884. № 11–12. С. 581–625; 1885. № 1–2. С. 9–94; 1886. № 3–4. С. 334–377; 1892. № 1–2. С. 63–89; 1892. № 5–6. С. 335–361; 1892. № 7–8. С. 18–37; 1893. № 7–8. С. 122–174; 1893. № 11–12. С. 405–434.

⁹ ХЧ. 1892. № 7–8. С. 58–164.

¹⁰ ХЧ. 1890. № 3. С. 380–391. Материалы хранятся ныне в архивном фонде ученого в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки: Ф. 88. Оп. 1. Д. 85 (наброски и выписки к «Рустике», 53 л.); Д. 194. Л. 55–64 (письмо к И. Е. Троицкому от 11–12 апреля 1896 г.).

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 37 (письмо не датировано, но на приложенном конверте пгтамп: 11.9.13).

Готов оказать Вам всякое возможное содействие при их издании. В частности, моя переписка с В. В. Болотовым велась преимущественно по поводу его *Theodoreiana* и Дня кончины св. Марка <...>, но в его письмах есть много поправок и дополнений к этим статьям. Не знаю только, целесообразно ли будет в немецком издании снабжать эти статьи довольно большими извлечениями из писем. Но некоторые явные ошибки исправить необходимо. Некоторые из этих ошибок указаны были мною, и сам В. В. Болотов признал правильность этих указаний (дается огромный список исправлений. — И. М.) <...> Приветствуя Ваше решение издать труды В. В. Болотова в немецком переводе, не могу однако не высказать пожелание, чтобы Вы не оставили намерения издать собрание их и в оригинале¹².

Проблем, однако, встало перед переводчицей в процессе ее работы над указанными архисложными во многих отношениях текстами более чем достаточно. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Тойбнера В. Н. Бенешевичу от 20 сентября 1913 г. (Д. 76. Л. 722). Приведем его текст в оригинале и в нашем переводе.

Leipzig den 20. Sept. 13.

Sehr geehrter Herr!

Ich komme heute auf Ihre sehr gefällige Zuschrift vom 20. Aug. d. J. zurück und möchte Ihnen anheimgeben, es mit den in den Schriften Bolotovs angeführten Zitaten und den orientalischen Sprachen so zu halten, dass Sie jedenfalls die Transcription und dann, wenn Sie die Beifügung der Originalschrift für wesentlich halten, auch diese geben. Hoffentlich habe ich dann die entsprechenden Lettern, sodass da keine Schwierigkeiten entstehen. Praktisch liegt die Sache ja m. E. so, dass die wenigsten Leser mit den Originalschriften etwas anzufangen wissen werden, dass aber die, die die Originalsprachen kennen, ja auch aus der Transcription meist wissen, was gemeint ist. Aber wo Sie, wie gesagt, die Beifügung der Originalschrift für irgendwie wesentlich halten, kann sie ja erfolgen.

Mit vorzüglicher Hochachtung

ganz ergebenst

B. Teubner¹³.

¹² СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 1–5 (письмо от 21 января 1913 г.). Ср. также письмо Д. А. Лебедева к В. Н. Бенешевичу от 28 октября 1913 г., в котором он приводит извлечения из писем В. В. Болотова и перечень важнейших ошибок (Там же. Ф. 192. Оп. 3. Д. 73. Л. 81).

¹³ Письмо на бланке издательства, машинопись, подпись подлинная.

[Лейпциг, 20 сентября 1913 г.

Уважаемый Господин!

Сегодня я снова возвращаюсь к Вашему любезному письму от 20 августа сего года и хотел бы представить Вам (право?) так поступать с приведенными в сочинениях Болотова цитатами на восточных языках, чтобы Вы, применяя в любом случае транскрипцию, тогда, когда сочтете существенно важным приведение текста в оригинале, давали и его. Надеюсь, что для этого у меня найдутся соответствующие литеры, так что никаких трудностей не будет. На практике ведь дело, по-моему, обстоит так, что лишь очень немногие читатели смогут что-то предпринять с оригинальными текстами, а те, что знают языки оригинала, и из транскрипции прекрасно узнают, что имелось в виду. Но там, где Вы, как я уже сказал, сочтете приведение текста в оригинале в какой-то степени существенно важным, оно, конечно, может иметь место.

С уважением преданный Вам *Б. Тойбнер*.]

В ходе работы над переводом текстов пришлось также внести изменения в их состав, а именно — поменять *Theodoretiana* на другое многосложное исследование В. В. Болотова — «Михайлов день. Почему собор св. архистратига Михаила совершается 8 ноября? (Эртологический этюд)» (работа включает в себя очерки: I. Положение вопроса; II. Почему память усекновения главы Предтечи — 29 августа? У абессин, у коптов; III. Отголоски у армян и на Западе; IV. Почему праздник зачатия Предтечи — 23 сентября? Рождество Предтечи. Архаический след. «По-ассирийски»; V. 8 сентября и 9 декабря, Праздник ангелов; VI. Почему праздник Преображения — 6 августа? «Собиратели дидрахм». Путь распространения праздника; VII. Христианские праздники как миссионерское средство; VIII. Известие у Евтихия и его критики; IX. Проверка деталей. Кесарион — Кронии; X. Праздник Крещения Господня в древности, следы его. Тезисы; а также специальный *Appendix* к этюду «Михайлов день» под заглавием «Следы древних месяцесловов поместных церквей»)¹⁴. В деле есть письмо издательства (на сей раз за подписью Крюгера) от 30 декабря 1913 г. (Д. 76. Л. 727), из которого мы узнаём, что замена обосновывалась со стороны переводчицы тем, что перевод *Theodoretiana* «оказался невозможным» (уж не из-за представленных ли исправлений Д. А. Лебедева?), в связи с чем потребовалось и продление срока представления

¹⁴ ХЧ. 1892. № 11–12. С. 593–644; 1893. № 1–2. С. 177–210. Есть отдельный оттиск.

всей работы (издатель, как, впрочем, и упомянутый в письме «тайный советник Шварц»¹⁵, дает свое согласие и на то и на другое). Приводим текст письма (перевод излишен).

Frau Professor Dr. W. Beneschewitsch, St.-Petersburg.

Hochgeehrte Frau!

Da sich die Uebersetzung der Bolotov'schen «Theodoretiana» als untunlich erwiesen hat, bin ich, ebenso wie Herrn Geheimrat Schwartz, gern damit einverstanden, dass dieser Artikel durch den «Michaelis Tag» ersetzt wird; ebenso kann ich einer event. Termin Verlängerung gern zustimmen.

Krüger.

Как явствует из рассматриваемых нами материалов, А. Ф. Бенешевич в принципе выполнила свою работу. Хотя и в несколько разрозненном виде, все указанные выше труды В. В. Болотова (за исключением, разумеется, *Theodoretiana*) наличествуют в деле (вернее, в двух делах: № 75 и № 76), будучи полностью переведенными на немецкий язык (автограф А. Ф. Бенешевич). Так, первый из них («*Aus der Kirchengeschichte Aegyptens*») содержится в д. 75 на листах (восстанавливаю нормальный порядок) 1–419, 475–634, 420–474 и в д. 76 на листах 407–701 (отделенным оказался очерк «*Tag und Jahr des Martyrertodes des hl. Evangelisten Markus*») и 735–793 (А. *Ignatiana bei den Kopten* — экскурс в конце «Жития бл. Афу»); второй (т. е. «*Michaelis-Tag*», хотя заглавие статьи вообще отсутствует в рукописи) — в д. 76 на листах 1а–197 и 291–406; наконец, третий («*Ein Brief und zwei Notizen Prof. Bolotov's seine unvollendete Arbeit über Rusticus betreffend*») — в д. 76 на листах 248–282 (с примечаниями А. Ф. Бенешевич к вышеуказанным материалам, на л. 283–290). Переведена была также библиографическая справка, написанная Болотовым в свое время по просьбе И. Е. Троицкого в связи с предстоящим избранием в члены-корреспонденты Имп. Академии наук («Список статей и заметок проф. В. В. Болотова, напечатанных в “Церковном вестнике” и “Христианском чтении” за 1880–1893»¹⁶ = *Verzeichnis der Schriften und Notizen Professor W. W. Bolotov's, welche gedruckt worden sind im «Zerk. W.» und «Chr. Ct.» von 1880 bis 1893, mit Anmerkungen ad instar retractationum.* — Д. 76. Л. 198–235). Завершаются материалы

¹⁵ Имеется в виду выдающийся немецкий канонист Эдуард Шварц (1858–1940), с которым В. Н. Бенешевича связывало давнишнее творческое сотрудничество.

¹⁶ ХЧ. 1907. № 2. С. 250–263.

заметкой на немецком языке, начатой В. Н. Бенешевичем (его почерк) и продолженной А. Ф. Бенешевич, за подписью «А. В.» (Л. 241–246).

Спрашивается, почему Амата Фаддеевна выполнила свою работу «в принципе»? А дело в том, что «до кондиции» свой перевод, выполненный в целом, по-видимому, добросовестно и качественно, она все же не довела: в тексте перевода немало (небольших, правда) лакун, или заполненных ею же (простой карандаш) неперевоенными словами и фразами из подлинного болотовского текста, или вообще не заполненных; текст перевода явно не редактировался В. Н. Бенешевичем, как это планировалось ранее; лишь в самом начале текст, писанный рукой Аматы Фаддеевны, правлен рукой Владимира Николаевича (см., например, л. 5 дела № 75, где им отчеркнут абзац и помечено сбоку: «*Kleindruck!*»). Причиной незавершенности работы по совершенствованию и редактированию перевода послужила, скорее всего, разразившаяся мировая война, «поставившая крест» на всем этом проекте в целом. Во всяком случае, ни в позднейшей переписке, ни в каких-то других бумагах участников проекта нет никаких следов его продолжения. Наверное, было бы хорошо, если бы за это дело взялся какой-нибудь самоотверженный и сведущий во всех этих предметах человек, который бы и довел его до логического конца, тем более что и *Aedes B. G. Teubneri*, если не ошибаюсь, продолжает свою деятельность и в наше время.

МИР УЧЕНОГО ОДИНОЧЕСТВА: СВЯЩЕННИК ДИМИТРИЙ ЛЕБЕДЕВ*

Помнит ли кто-нибудь из нынешних историков, даже византинистов, имя ученого конца позапрошлого и первой трети прошлого века Дмитрия Александровича Лебедева? Вряд ли! Другие громкие имена на слуху, в том числе и с фамилией Лебедевы (везло российскому византиноведению на Лебедевых), а между тем слова «гигант науки», употребленные в заглавии одного из первых изданий данной статьи, — отнюдь не наша выдумка: так характеризовали Д. А. Лебедева восхищенные его талантами именитые современники, и те материалы о нем, которые нам встретились в последнее время в ходе обследования архивов русских византинистов, действительно показывают ученого как весьма незаурядную личность.

Начнем, однако, с печатного свидетельства. В декабрьском выпуске «Церковного вестника» за 1915 г. (№ 40–52, с. 1231–1232) напечатан был отчет (анонимный) о «необычайном и исключительном по своему содержанию и обстановке ученом диспуте», который состоялся 7 октября того же года в актовом зале Московской духовной академии.

На кафедре диспутанта, — *говорится в отчете*, — предстал скромный, низенького роста, в синей потрепанной ряске с простым белым крестом соборный священник г. Можайска о. Димитрий Лебедев. Судя по наружности, нельзя было и допустить, чтобы в этом сереньком, провинциальном батюшке таилась великая ученость, чтобы в лице маленького о. Д. ученому собранию Совета Академии мог предстать гигант церковно-исторической науки. Уже краткие сведения послужного списка о. Лебедева давали всем понять, что этот человек был не случайным прислужником науки, а ее ближайшим лучшим другом. Академию он окончил в 1898 г. со званием действительного студента Академии, степени кандидата богословия был удостоен только в 1904 г. и то по второму разряду. Но длинный

* Опубликовано: Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 1. СПб., 2000. С. 227–267.

перечень его ученых трудов за это время совершенно не соответствовал его школьной аттестации...

Любовь к научным занятиям зародилась в о. Д. еще в студенческие годы. Уже тогда он вел переписку с В. В. Болотовым. Имея природную склонность к математике, о. Лебедев приложил свои таланты, любознательность и труд к исследованию Православной Пасхалии, и в связи с этим научным интересом изучил в совершенстве астрономию, сирийский, латинский, греческий, французский, английский и немецкий языки, историю ранней церкви и занялся исследованием древних пасхальных циклов и летоисчислений и сделал много ценных и важных для науки открытий. Чтобы судить о степени и ценности его научных познаний, стоит только принять во внимание, что таких хронологов истории и пасхалистов на протяжении девятнадцативековой (а мы теперь добавим — и двадцативековой. — *И. М.*) истории можно насчитать только единицы. Его учеными трудами заинтересовались за границей, его научные открытия удивляли западных ученых...

Оппонентами выступили: проф. С. И. Соболевский и о. инспектор <Московской духовной> Академии архимандрит Иларион. Но, несмотря на то, что в качестве рецензентов были выдвинуты Советом Академии такие научные силы, — диспутант оказался почти неуязвим. С. И. Соболевский, ученый, филолог, знаток греческой словесности, от внимательного взора которого не ускользает даже неправильно поставленное ударение, признал о. Д. хорошим, безукоризненным филологом, умеющим не только передавать точно перевод текста, но и различать тончайшие оттенки в его понимании. Поэтому С. И. ограничился только указанием некоторых мелких неточностей, которые не столько ставились в упрек о. Д., сколько замечались для безукоризненной чистоты его ученого труда.

О. Иларион пытался было путем логических построений подорвать основательность научных тезисов его книги, возражать против аргументации его выводов. Но спокойные, уверенные ответы диспутанта только еще более открыли присутствующим, какими знаниями и какой обширной ученостью обладает о. Д. Лебедев. Его тактичные, умелые разъяснения только вызывали у внимательно слушающих студентов дружные аплодисменты. Оба оппонента признали, что имеют дело с действительно научной силой. О. Иларион в заключение назвал о. Д. не просто ученым любителем, но «аристократом» науки, умеющим выбирать в ней самое ценное, интересное и важное. А проф. С. И. Соболевский признал, что настоящий диспут является лучшим свидетельством того, что Русская земля может давать миру великих ученых.

Было бы чрезвычайно любопытно узнать, кому принадлежит этот отчет. Уж не Бенешевичу ли? И не только потому, что листок с отчетом из «Церковного вестника» с его (Бенешевича) пометой «дек. 1915» встретился нам именно в бумагах последнего¹, но и потому, что, как это теперь выясняется, наш выдающийся ученый В. Н. Бенешевич (1874–1938) вообще играл в жизни этого человека роль настоящего ангела-хранителя, особенно в наступивших вскоре жестоких для существования их обоих в советской России временах. Сам постоянно находясь под дамокловым мечом советской репрессивной системы², В. Н. Бенешевич при первой возможности приходит на помощь своему давнему другу, пытаясь облегчить бремя житейских невзгод этому чрезвычайно скромному и совершенно беспомощному перед лицом жестокой реальности человеку.

Так, едва освободившись после пятилетнего заключения на Соловках и в Ухто-Печорском «исправительно-трудовом» лагере, Бенешевич обращается 3 октября 1933 г. к президенту Академии наук А. П. Карпинскому с ходатайством о помощи «для моего давнишнего приятеля по научной работе, священника, профессора б. Московской духовной академии, Д. А. Лебедева» и дает ему блестящую характеристику, некоторые выражения которой (вроде «научной силы особой ценности») как бы специально взяты из вышеупомянутого отчета о диспуте: «Это — первоклассный знаток хронологии астрон<омической> и тех<нической>, а также историк церкви, продолжатель работ в духе знаменитого проф. В. В. Болотова». Сообщив, что «в настоящее время Лебедев вернулся из Сибири, куда был сослан в 1930 г. за то, что у него нашли около 28 руб. серебром», Бенешевич просит:

1) чтобы ему (Лебедеву) дали возможность спокойно жить на месте и в с. Спирове, где осталась его библиотека и живет его дочь,

¹ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 45. С таким же успехом можно предположить авторство В. Н. Бенешевича в отношении небольшой, тоже анонимной заметки о Д. А. Лебедеве в 24-м томе «Нового энциклопедического словаря» (Пг., б. г. С. 171), в списке сотрудников которого Бенешевич указан. О Д. А. Лебедеве здесь сказано, что это «видный церковный историк (род. в 1871 г.), священник, кандидат Московской духовной академии» (указан ряд работ, в том числе и опубликованных в 1915 г.).

² См. теперь новое издание всех моих ранее опубликованных статей о В. Н. Бенешевиче: *Медведев И. П. Судьба ученого: Владимир Николаевич Бенешевич*. М., 2020. (Монфокоп. Вып. 6).

и по всему СССР, 2) чтобы ему дали какой-нибудь паек для поддержки, 3) чтобы ему дали научную работу по его специальности, или вообще подходящую. Последнее для него самое существенное, и тут, может быть, АН была бы самым естественным источником помощи; по остальным же пунктам надо бы просить помощи в КСУ, написав в М<оскву> т. Воронову³. Но, конечно, Вам виднее, что и как надо сделать, вся суть в том, чтобы своевременно спасти от гибели научную силу особой ценности, выдающуюся (сообщает и адрес Лебедева: «почт. ст. Стрел<лепки>» Слободы, с. Спирово, М. Д. Лебедевой для Д. А. Лебедева». — И. М.)⁴.

С аналогичным письмом В. Н. Бенешевич обращается спустя несколько дней (10 октября 1933 г.) и к академику Н. Я. Марру; черновик его также сохранился в бумагах автора. Живописуя собственные невзгоды, Владимир Николаевич пишет: «Конечно, для меня ясно, что моя песенка, как научного работника, спета, и Вы это тоже отлично понимаете. Жалкое чириканье под сапогом мистификаторов-громил ничего не стоит; работать для печатания за гран<ицей> не смогу, т. к. средств нет даже на переписку того, что уже сделано. Только мысль о жене и детях заставляет жить, а потому надо и чирикать» — и добавляет: «Вот еще в моем положении один человек и притом выдающийся, это свящ<енник> Д. А. Лебедев, кот<орого> Вы, вер<оятно>, помните. Он отбыл 3 года в Сибири за то, что у него нашли 28 р. сер<ебром>, и теперь вернулся, написал мне, и вижу, что тоже чирикает. Вот судьба уникального у нас специалиста! Счастлив А. И. Бриллиантов, что уже умер и даже не видел, как разгромлена его драгоценная библиотека!»⁵

Разумеется, ни А. П. Карпинский, своим нонконформизмом в «академическом деле» скомпрометировавший себя в глазах властей, ни тем более Н. Я. Марр (в 1934 г. он умирает) ничем не могли помочь в данном вопросе. Но Бенешевич не отступает и предпринимает еще один демарш, следы которого обнаруживаются в Москве, в бумагах неизвестного В. Д. Бонч-Бруевича, благодетеля самого Бенешевича. В фонде Бонч-Бруевича, хранящемся в Отделе рукописей РГБ (Ф. 369. Карт. 239. Ед. хр. 9), содержится ряд документов, имеющих отношение к герою нашего повествования. Во-первых, письмо Бенешевича

³ Речь идет об одном из руководителей Комиссии содействия ученым при Совете Народных Комиссаров Союза ССР Е. П. Воронове.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 192. Он. 2. Д. 19. Л. 9–10.

⁵ Там же. Л. 3–6.

(автограф, фиолетовые чернила) к Бонч-Бруевичу от 30 марта 1934 г., которое гласит (л. 28):

Многоуважаемый Владимир Дмитриевич! Прилагаю две копии с документов об исходатайствовании пособия Д. А. Лебедеву, кажется, еще в 1925 г. и прошу Вас не отказать в Вашей помощи этому замечательному научному работнику в настоящее время. Он — священник, отбыл 3 года ссылки и живет теперь у своей дочери, учительницы в с. Спинове Волокол<амского> р<айона> Московской обл<асти> (почт. ст. Стрелецкие Слободы). Полуслепой, но полный энергии к научной работе. Конечно, специальность его такая, что трудно найти ему применение, да и сан затрудняет, но все же остается то, что человек серьезно и немало поработал. И не от него зависит то, что ему нет применения; впрочем, может быть и найдется.

С глубоким уважением

В. Бенешевич

P. S. Не откажите отослать мне оба документа по минованию в них надобности.

Из письма явствует, а две приложенные к письму копии документов действительно подтверждают, что данный демарш Бенешевича об «исходатайствовании пособия Д. А. Лебедеву» был отнюдь не первым. Машинописный текст копии (недатированной) обращения в Центральную Комиссию по улучшению быта ученых (ЦКУБУ) группы академиков (их имена и подписи в копии отсутствуют, но из следующего документа мы узнаём, что имеются в виду академики С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, И. Ю. Крачковский, Ф. И. Успенский и Н. П. Лихачёв, автором же обращения — в этом нет никакого сомнения — был В. Н. Бенешевич) гласит (л. 29):

Нижеподписавшиеся обращают внимание ЦКУБУ на крайне бедственное положение одного из замечательнейших, но в настоящее время оставленных в пренебрежении тружеников науки: живущего в селе Спинове Волокол<амского> уезда Московской губ<ернии> Дмитрия Александровича Лебедева, который был в 1915–16 гг. профессором Московской Духовной Академии. Это — человек поразительных знаний, обладающий особенностью (*sic!*) к астрономии и потому с исключительным успехом работающий в области технической хронологии. Специальность Д. А. Лебедева — история христианства преимущественно в эпоху I–IX веков, но и в позднейших периодах, равно как и в других областях истории в вопросах филологических и литературных, он является большим

знатоком. Об этом свидетельствуют уже напечатанные им труды, около 20, разного размера, но все драгоценные для науки. Совершенно поразительны средства, которыми располагает для работы Д. А. Лебедев, в виде знания громадного количества новых языков, несколько восточных (арабского, еврейского, сирийского, коптского) и, конечно, латинского и греческого, но еще поразительнее его умение справляться со сложнейшими вопросами хронологии и истории, которое дало ему право выступать с успехом против виднейших представителей западноевропейской науки, каковы Ад. Гарнак, Гинцель и др. Его дарования и научные открытия были по достоинству оценены таким выдающимся авторитетом по истории Востока, как покойный академик Б. А. Тураев. Благодаря его поддержке ряд работ Д. А. Лебедева увидел свет до войны и был встречен как крупное событие в специальной науке не только у нас, но и за границей. Магистерский диспут 7 октября 1925 г. (ошибка! надо: 1915. — *И. М.*) дал случай оппонентам Д. А. Лебедева назвать его художником науки, умеющим выбирать в ней самое ценное, интересное и важное. А проф. Московского университета С. И. Соболевский прямо заявил, что этот диспут является лучшим доказательством того, что Русская земля может давать миру великих ученых. Следует гордиться, что русская наука обладает в области изучения хронологии таким деятелем, каких немного можно насчитать за последние три столетия и на Западе.

Обремененный семьей, заброшенный в глухой медвежий угол, лишенный средств к жизни и не умеющий справляться с ее тяготами особенно в нынешнее время да еще после смерти преданной супруги, проф. Д. А. Лебедев стоит на пути к гибели, если ему не будет немедленно оказана самая энергичная помощь.

Нижеподписавшиеся просят ЦКУБУ 1) начать немедленно высылку проф. Д. А. Лебедеву хотя бы небольшого пособия, 2) издавать проф. Д. А. Лебедеву постоянное ежемесячно пособие в размере 50–60 руб<лей>.

Можно питать полную уверенность в том, что получение самой скромной поддержки не даст погибнуть замечательному ученому, который и теперь в голоде, а зимой и в холоде, не прерывает напряженной научной работы, но для переписки своих работ затрудняется истратить средства на покупку даже бумаги.

И наконец, третий документ — также недатированная машинописная копия ответа на обращение академиков, причем адресованная именно Бенешевичу, — гласит (л. 30):

РСФСР

Во Всесоюзную Академию наук

Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совнарком

Управление Делами

Управление Делами ЦЕКУБУ, в ответ на коллективное письмо академиков Ольденбурга, Ферсмана, Крачковского, Успенского и Лихачёва об оказании помощи Д. А. Лебедеву, — сообщаем, что по докладу Управления Делами, утвержденному Председателем ЦЕКУБУ А. Б. Халатовым, Д. А. Лебедеву назначено с 1-го июля по 1-е октября (1925 г.? — *И. М.*) денежное академическое обеспечение по 60 руб. в месяц, о чем одновременно он ставится в известность.

После 1-го октября возможность оказания ему дальнейшей поддержки находится в связи с прохождением общего вопроса об академическом обеспечении в будущем бюджетном году.

Управляющий делами *Халатов*

За зав. канцелярией *Визирова*⁶.

Судя по тому, как о деле Д. А. Лебедева упоминается и в датированном 31 июля 1925 г. письме В. Н. Лазарева В. Н. Бенешевичу из Москвы («О нашем разговоре относительно Лебедева помню и при первом удобном случае постараюсь в данном направлении что-нибудь сделать»)⁷, эти последние документы (ходатайство академиков и ответ чиновников из ЦКУБУ) действительно должны датироваться 1925 г., как вспоминал В. Н. Бенешевич в письме к Бонч-Бруевичу, хотя в этом случае не совсем понятно упоминание о выделении «КУБУ» пособия Лебедеву в его письме к А. И. Бриллиантову, датированном 5 декабря 1923 г.: «С весны прошлого года мое материальное положение несколько улучшилось. Получал я сначала американские посылки, а потом зачислен был и в КУБУ (по 3 разряду) и получал деньги и паек <...> Приходилось для этого часто ездить в Москву»⁸. Как бы то ни было, какие-то суммы Д. А. Лебедев получал от ЦКУБУ еще в 1926–1928 гг., о чем свидетельствуют его письма к В. Н. Бенешевичу (от 9 сентября 1926 г.: «Не знаю, будет

⁶ Аналогичная копия, адресованная акад. Ф. И. Успенскому, обнаружена нами также в бумагах В. Н. Бенешевича (СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 95). По-видимому, такие копии были посланы всем подписавшим ходатайство академиком.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 99. Л. 1–2.

⁸ ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 237. Л. 93.

ли мне удобно писать в Цекубу уже в 3-й раз, хотя бы и в виде благодарности, тем более что беспокоюсь-то я в сущности не о том, скоро ли получу деньги, а только о том, получу ли я их, не передумают ли там»⁹; от 7 августа 1926 г.: «Еще в начале июля получил извещение из ЦКУБУ о назначении мне обеспечения, благодарен, но до сих пор я еще не получил самих денег»¹⁰; от 29 февраля 1928 г.: «Еще 4 февраля получил я из ЦКУБУ 100 р. единовременного пособия, тем, вероятно, дело и ограничится, а немного уж у меня осталось от этой суммы»¹¹). Что же касается ходатайства в 1933 г., результаты его менее очевидны: хотя письмом от 18 января 1934 г. Лебедев благодарит Бенешевича «за присланное Вами пособие», его оговорка «а ведь Вы сами нуждаетесь»¹² заставляет думать, что присланное пособие было, скорее всего, личной помощью В. Н. Бенешевича (сохранилась его посланная Лебедеву 21 декабря 1933 г., но вернувшаяся назад с припиской карандашом «В Спинове такой слободы не имеются» открытка, в которой В. Н. Бенешевич пишет: «Многоуважаемый Дмитрий Александрович! С сентября от Вас нет вестей, я писал Вам 25 сентября. Очень меня беспокоит Ваше молчание, и прошу Вас немедленно написать мне о Вашем здоровье и житье. Знаю, что о Вас писал в Ком. сод. при СНК президент АН СССР, и хотелось бы надеяться, что это помогло Вашей работе и спокойствию Вашей жизни. Меня по-прежнему живо интересуют Ваши работы, и я думаю, что не должны же они пропасть зря. Мне кажется, хорошо было бы их получить даже в незаконченном виде: я бы их сохранил и мог бы использовать их для ходатайства о Вас пред людьми влиятельными в пользу науки. Сам я ничего не значу и места не имею. Напишите мне сразу открытку, а уж письмо подробное потом. С чрезвычайным приветом В. Бенешевич»¹³).

Действительно, сохранившиеся многочисленные письма Д. А. Лебедева к Н. Н. Глубоковскому, А. И. Бриллиантову и В. Н. Бенешевичу отражают во всей полноте бедственное положение ученого в период с 1917 по 1934 г. (достается, между прочим, «проклятым большевикам», например, за введение особых «пропусков» на Николаевской железной дороге, сделавших невозможным для Лебедева регулярное

⁹ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 14.

¹⁰ Там же. Л. 28.

¹¹ Там же. Л. 26.

¹² Там же. Л. 29.

¹³ Там же. Д. 8. Л. 1.

посещение московских библиотек, Духовной академии и Сергиева Посада)¹⁴, а письмом к В. Н. Бенешевичу из Семипалатинска от 2 сентября

¹⁴ См., например, из писем Д. А. Лебедева к Н. Н. Глубоковскому (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 570) от 29 июня 1919 г. (л. 35): «Никаких “цветов” не жду я в сей своей печальной осени, ничуть не похожей на прошлогодною, и чем дальше идет время, тем положение мое становится все тяжелее и безнадежнее. И сдается мне, что для меня наступил уже сырой и холодный октябрь, который скоро сменится совсем уж беспросветным ноябрем. Ездил я в середине этого месяца опять в свое разоренное гнездо в Сергиевом Посаде. Не без приключений пытался было я попасть на поезд и в Чисмене и в Волоколамске, но пришлось опять ехать на Клин. А на обратном пути вышло недоразумение относительно подвода и пришлось часть пути пройти пешком»; (л. 35 об. – 36 об.): «Настроение у меня, несмотря на эти прекрасные июльские дни, очень тяжелое. Работа, даже самая пустяшная, прямо валится из рук <...> Даже письма пишу с трудом <...> Плохо стало здесь и насчет продовольствия: оно на исходе, достать негде <...> сам я остался без средств <...> Ждем мы каких-то Деникиных и Колчаков, а скоро ли они придут, и придут ли, кто знает! А если останутся еще на зиму большевики, то нам, м. б., предстоит гибель. Нужно бы мне было еще съездить в Сергиев Посад; но не знаю, удастся ли. Большевики выдумали “пропуски”»; от 28 сентября 1919 г. (л. 39–40 об.): «Сегодня мне исполняется 48 лет = 17 532 дня <...> Я все еще здесь и не знаю, какими судьбами могу попасть в Сергиев Посад <...> Большевики опять выдумали пропуски по жел. дорогам, и никто пропуска мне в Клину не дал. Не знаю теперь, что и делать <...> прежнее для меня не может вернуться ни в коем случае. А если мои писания, и написанные и задуманные, останутся без движения и могут погибнуть, то это, конечно, тоже мучает меня, но в таком положении я не один, а “на миру и смерть красна”»; от 10 марта 1921 г. (л. 43–43 об.): «Угнетает и та мысль, стоит ли теперь вообще что-либо писать <...> Дождемся ли мы когда-нибудь если не конца проклятого большевизма, то хоть возобновления сношений с границей. Что-то там теперь делается в научном мире? Можно, конечно, работать и со старыми книгами. Но все же обидно, что, пожалуй, так и умрешь, не узнав, dokonчил ли *A. Harnack* свою “Историю древнехристианской литературы”»; от 8 апреля 1921 г. (л. 44): «На днях получил новое подтверждение, что в Москву нет проезда, в особенности по Николаевской жел. дороге <...>, только по особому разрешению гг. большевиков»; от 25 мая 1921 г. (л. 47): «Наконец-то большевики стали опять давать билеты без “удостоверений” и оказалось возможным побывать в Москве и Сергиевом Посаде»; от 22 декабря 1921 г. (л. 51–52): «Жил я эти месяцы как бы разобщенный со всем научным миром <...>, и это причиняет мне новые страдания <...> Пишу я, не зная, какая судьба постигнет мои писания, увидят ли они когда-нибудь свет. Пишу только потому, что нужно же чем-нибудь убивать время и как-нибудь оправдывать свое жалкое существование»; из писем Д. А. Лебедева к А. И. Бриллиантову от 23 декабря 1921 г.: «Один за другим

1933 г. он сообщает сведения об обстоятельствах своей ссылки в Сибирь, о пресловутых 28 рублях 50 копейках «серебром»: «Как видите, и я в изгнании и живу здесь третий год. Но теперь — и именно только 31 августа я отпущен и собираюсь на родину», — пишет он¹⁵.

Спрашивается, не остается ли под некоторым вопросом идентичность и объективность суперлативных и хвалебных оценок научного творчества Д. А. Лебедева, данных ему в ходатайствах академиков и В. Н. Бенешевича и, казалось бы, вполне естественно (этого требовали и сам жанр, и обстоятельства) содержащих известную дозу преувеличений? Сомневаться в высоких научных достоинствах литературной продукции ученого «батюшки», однако, не приходится: при знакомстве с опубликованными трудами Д. А. Лебедева, что называется, невооруженным глазом видна заключенная в них бездна учености, имена его восторженных почитателей говорят также сами за себя, а его богатейшая неопубликованная ученая корреспонденция скрывает целый особый мир — грандиозный и таинственный, в котором жил этот удивительный человек, — мир, наполненный всевозможными историко-хронологическими, астрономическими, математическими калькуляциями, бесконечными объяснениями и сопоставлениями календарных систем, пасхальных циклов, различных «летоисчислений» и «эр». Как-то трудно представить, что могла или может существовать какая-то иная, более высокая концентрация одаренности, учености и погруженности в этот непростой, а для нас, надо признать, даже и почти непостижимый мир. Невольно охватывает чувство острого

сходят со сцены последние представители русской богословской науки, очень жаль Е. И. Евсеева, одного из ближайших учеников В. В. Болотова. Возродится ли она после глупого (?) большевистского погрома» (ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 237. Л. 88 об.); от 29 апреля 1921 г.: «В тех невзгодах, какие переносим мы — последние представители молодой еще, но уже умирающей русской богословской науки, — виноваты, по-моему, не одни только проклятые нахалы большевики, но и наши архиереи, бросившие нас на произвол судьбы, не подумав о том, что же будет далее, если подлая власть = насилие не будет свергнуто русским народом, откуда будут брать тогда священников, да и самих архиереев. Сами-то они, епископы, как-то существуют, и по-видимому не особенно бедствуют (если не попадают в тюрьму). Большинство народа, хотя и мирится с большевистским насилием и как будто даже ему и сочувствует, все еще хочет оставаться православным и расположено делать пожертвования в пользу церкви. Как ни тяжело теперь положение и архиереев, им все же не угрожает смерть от голода, (и так далее. — И. М.)» (Там же. Л. 75).

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 53–54 об.

сожаления, что, будучи опубликованными на почти «нечитабельном» для европейца русском языке, а в значительной мере и вообще неопубликованными, труды этого ученого остались очень мало востребованными мировой наукой¹⁶. Уверен, что те из знатоков и специалистов по технической хронологии, которые не пожалеют усилий на освоение «материка по имени священник Лебедев» (включая непременно его очень трудные для прочтения письма-трактаты), будут щедро вознаграждены новым знанием. По существу, все им написанное — и опубликованное, и особенно не опубликованное — заслуживает быть собранным воедино, заново изданным и подвергнутому полноценной интерпретации — задача, которую мы, разумеется, не можем ставить перед собой, тем более в рамках настоящего очерка. Самое большее, на что мы можем в данном случае претендовать, — это познакомить научную общественность с еще неизвестными, насколько я понимаю, архивными материалами по истории издания главнейших трудов Д. А. Лебедева и предложить (кажется, впервые) их по возможности полный список.

Так, наиболее крупный труд Лебедева, который был защищен во время вышеупомянутого диспута в стенах Московской духовной академии в качестве магистерской диссертации и который вошел в золотой фонд научной литературы по технической хронологии, а именно сочинение на тему «Из истории древних пасхальных циклов: 19-летний цикл Анатолия Лаодикийского», а также ряд других сочинений Лебедева были опубликованы на страницах «Византийского временника» (см. список трудов)¹⁷. Переписка автора с главным редактором этого журнала В. Э. Ригелем (1857–1932), датирующаяся 1911–1916 гг., хранится в РГИА¹⁸ и включает в себя более 50 открыток и писем ученого. В них достаточно полно отражен процесс создания сочинений, движения рукописей и корректур, бесконечных уточнений и дополнений к первоначальному тексту статей. Выясняется, что и здесь «крестным отцом» многих опубликованных в «Византийском временнике»

¹⁶ Признаюсь, мне было приятно констатировать, что главнейшие сочинения Д. А. Лебедева (в нашем списке № 5, 9, 10, 18, 21) весьма интенсивно использованы в знаменитой работе Грюмеля (*Grumel V. La chronologie. Paris, 1958*), даже если автор не всегда соглашается с нашим героем.

¹⁷ С сожалением отметим, что именно работы Д. А. Лебедева «блещут своим отсутствием» в выпшедшей в свое время антологии «Византийского временника». См.: *Византийская цивилизация в освещении российских ученых (1894–1927)*. М., 1999.

¹⁸ РГИА. Ф. 1033 (В. Э. Ригель). Оп. 1. Д. 32.

и в «Христианском Востоке» трудов Лебедева был Бенешевич (который, кстати, был на 3 года моложе своего подопечного). Так, уже в первом письме к Регелю из Можайска от 17 августа 1911 г. священник Лебедев пишет (здесь и далее сохраняю стиль и орфографию автора): «В. Н. Бенешевич сообщил мне, что посланная мною через него в Академию наук статья “Из истории древнейших пасхальных циклов: 19-летний цикл Анатолия Лаодикийского” передана для напечатания в “Византийский Временник”. Через В. Н. Бенешевича я высказал желание править сам корректуру своих статей, посланных через него. Если статья моя еще не началась, или же если и началась, но напечатано из нее лишь немного, то покорнейше прошу Редакцию непременно прислать мне корректуру»¹⁹. Эту информацию дополняет и письмо Лебедева из Можайска от 11 октября 1911 г., где он говорит: «...свою статью о цикле Анатолия я послал чрез проф. В. Н. Бенешевича на рассмотрение в Академию наук в не совсем законченном виде, не написаны приложения Б, В, Г, Д (приводятся заглавия. — *И. М.*), прислать ли их прямо в Редакцию или в Академию наук?»²⁰

Письмом от 22 ноября 1911 г. он извещает Регеля о том, что свою статью «Павлин и Зинон, епископы Тирские» он «теперь переписывает по заказу проф. В. Н. Бенешевича для нового журнала “Восток христианский”»²¹, но именно Бенешевич, как мы узнаём из письма Лебедева от 18 февраля 1912 г., посоветовал оставить эту статью для «Византийского временника» (где она и была в конце концов опубликована, см. № 13 списка трудов Д. А. Лебедева. — *И. М.*), но, добавляет Лебедев, «просил прислать ему для “Христианского Востока” заметки на книгу А. П. Дьяконова (имеется в виду книга А. П. Дьяконова “Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды”. — *И. М.*), и я не знаю, как теперь быть. По содержанию эти заметки пожалуй больше подходили бы для В. В. (здесь и опубликованы, см. № 6 списка. — *И. М.*) <...> Не увидите ли с В. Н. Бенешевичем и не решите ли вопрос, как мне быть с той статьей?»²². Открыткой от 25 ноября 1913 г.

¹⁹ РГИА. Ф. 1033 (В. Э. Регель). Оп. 1. Д. 32. Л. 33.

²⁰ Там же. Л. 34 об. В одном из писем Лебедева к Бенешевичу (от 2–7 февраля 1909 г.) говорится: «А. И. Бриллиантов, советуя мне обратиться с моими писаниями в “Византийский временник”, называет Вапе имя, как ученого, который согласен написать отзыв о моей статье» (СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 1. Д. 126. Л. 14).

²¹ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 36–37.

²² Там же. Л. 64–65.

Лебедев ставит Регеля в известность, что полученную на днях корректуру четвертой главы своей статьи «Циклы Анатолия по В. В. Болотову» «отправил сегодня профессору В. Н. Бенешевичу, который еще раньше изъявлял согласие просмотреть эту корректуру и попытаться указать, у кого из армянских историков взята В. В. Болотовым приводимая мною выписка. Ему я напишу, чтобы он переслал эту корректуру Вам»²³. Упоминает Лебедев (в открытке от 22/23 декабря 1913 г.) и о том, что 16–17 декабря «был по случаю в Петербурге и виделся с В. Н. Бенешевичем. Ему не удалось пока найти, какую [нрзб.] имел в виду В. В. Болотов. Я просил его переслать корректуру в типографию»²⁴.

Особый интерес к творческому наследию В. В. Болотова (1853–1900) у обоих приятелей вполне понятен: под редакцией В. Н. Бенешевича его женой Людмилой Фаддеевной Бенешевич в 1913 г. были переведены на немецкий язык и предназначались для опубликования в издательстве *B. G. Teubner* статьи В. В. Болотова (1. *Zur Kirchengeschichte Aegyptens*; 2. *Theodoretiana*; 3. *Über den Rusticus*) с биографическим очерком, в количестве 800 экземпляров²⁵, труд, радостно встреченный Д. А. Лебедевым и А. И. Бриллиантовым²⁶, но,

²³ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 76.

²⁴ Там же. Л. 84.

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 1. Д. 75 (718 л.) и 76 (794 л.). В этих делах содержится как уже готовые тексты переводов, так и переписка между Б. Г. Тойбнером (иногда за него расписывался *Krüger*) и В. Н. Бенешевичем. Об этом проекте по переводу трудов В. В. Болотова см. теперь нашу статью на с. 423–430 настоящего сборника. См. также: СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 73 (содержит материалы В. Н. Бенешевича о В. В. Болотове, подлинные письма последнего, открытку Д. А. Лебедева к Бенешевичу от 28 октября 1913 г. с упоминанием извлечений из писем В. В. Болотова и с перечнем важнейших опечаток в них — л. 81, а также рукопись Д. А. Лебедева с его исправлениями к сочинениям Болотова «К Михайлову дню» и «Следам»).

²⁶ «И западные ученые, и все русские почитатели памяти В. В. Болотова будут, несомненно, очень благодарны Вам за предпринимаемый перевод трудов его на немецкий язык», — пишет А. И. Бриллиантов Бенешевичу (СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 37), а Д. А. Лебедев, почти в тех же выражениях отмечая значение этой работы, добавляет: «Готов оказать Вам всякое возможное содействие при их издании. В частности, моя переписка с В. В. Болотовым велась преимущественно по поводу его *Theodoretiana* и Дня кончины св. Марка <...>, но в его письмах есть много поправок и дополнений к этим статьям. Не знаю только, целесообразно ли будет в немецком издании снабжать эти статьи довольно большими извлечениями из писем. Но некоторые явные опечатки исправить

по-видимому, из-за событий, связанных с началом Первой мировой войны, оставшийся неопубликованным. Что касается самого Лебедева, то все его творчество ориентировано на идеи Болотова, исходит из них, что, как мы видим, нашло свое отражение даже в заглавии одной из его работ (№ 10). Привлеченный А. И. Бриллиантовым к участию в подготовке осуществляемого им посмертного издания «Лекций по истории древней церкви» В. В. Болотова, Д. А. Лебедев явился редактором и автором обширных примечаний к разделу V во II выпуске «Лекций» (см. № 2 в списке печатных трудов Д. А. Лебедева) — работа, которая находит свое отражение в пространных и в высшей степени содержательных письмах ученого, адресованных А. И. Бриллиантову²⁷ (например, в письме от 3 мая 1910 г. он сообщает, что решил «всю историю споров о пасхе поместить в одном отделе, разделив его на три эпохи»²⁸, что, как мы видим, и осуществлено в печатном издании²⁹). Важные, наконец, сведения о бумагах Болотова, полученные им от Бриллиантова, сообщает Лебедев в письмах к В. Э. Регелю от 19 марта и 7 июня 1913 г.³⁰, а для В. Н. Бенешевича реферирует содержание писем, полученных им от Болотова в 1893–1894 гг. (рефераты и извлечения хранятся в архивном фонде В. Н. Бенешевича)³¹. Впрочем, задача, которую ставили себе Д. А. Лебедев, А. И. Бриллиантов и В. Н. Бенешевич, заключалась вообще в спасении рукописного и эпистолярного наследия Болотова. Вот что, например, пишет Лебедев Бриллиантову в письме от 26 декабря 1916 г.:

Я не имею точных сведений о судьбе писем В. В. Болотова к А. П. Лебедеву. О том, что А. А. Спасский сжег свою переписку, говорил мне П. А. Флоренский. Спасские об этом не заговаривают,

необходимо. Некоторые из этих ошибок указаны были мною, и сам В. В. Болотов признал правильность этих указаний (дается огромный список исправлений. — *И. М.*) <...> Приветствуя Ваше решение издать труды В. В. Болотова в немецком переводе, не могу однако не высказать пожелание, чтобы Вы не оставили намерения издать собрание их и в оригинале» (СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 1–5: письмо от 21 января 1913 г.).

²⁷ ОР РНБ. Ф. 102 (А. И. Бриллиантов). Оп. 1. Д. 235. Л. 2–95 об.

²⁸ Там же. Л. 75.

²⁹ В репринтном воспроизведении II выпуска «Лекций» (М., 1994) почему-то отмечено, что оно осуществлено с издания 1907 г. (см. оборот титульного листа).

³⁰ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 88–89 и 80–82 (в такой последовательности).

³¹ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 105–123.

а мне неловко их об этом спрашивать. Говорят, что отношения между А. П. Лебедевым и А. А. Спасским в последнее время были не особенно дружественные, чем объясняется, вероятно, и появление примечания А. П. Лебедева в Правосл. собес. 1907, 379 и его статьи о Константине В<еликом> с резкой критикой актовой речи А. А. Спасского. Библиотека была завещана А. П. Лебедевым не лично А. А. Спасскому, а лицу, занимающему кафедру общей церковной истории Моск. Дух. Академии в момент его смерти. Взяты ли были А. А. Спасским и письма В. В. Болотова к А. П. Лебедеву, я не знаю. Возможно, что они находятся у моск. священника П. П. Сахарова, кажется, моего товарища по Академии. Как-нибудь постараюсь увидеть его в Москве и разузнать всё³².

Интересные сведения в письмах Д. А. Лебедева содержатся о его диссертационных делах. Так, в письме к В. Н. Бенешевичу от 31 января 1913 г. он пишет:

Мои — главным образом киевские — друзья (С. Л. Епифанович и о. Анатолий) всё побуждали меня держать устные экзамены, чтобы приобрести права магистратства, имея в виду водворить меня на освободившуюся с назначением о. Анатолия инспектором Московской Духовной Академии кафедру истории древней церкви в Киевской Духовной Академии. Но это оказалось не так просто; и я теперь решил, кажется, окончательно, что никаких экзаменов держать не буду, если суждено мне остаться кандидатом, то и останусь им³³.

Однако уже письмом к В. Э. Регелю от 5 ноября 1915 г. он извещает, что

...свое сочинение «19-летний цикл Анатолия Лаодикийского», как Вам, вероятно, уже известно, я представил в Московскую Духовную Академию на степень магистра и 7 октября защитил ее. От держания новых устных экзаменов меня освободили. А теперь о. Инспектор Академии архим. Иларион (он поднял все это дело) пишет мне, что меня уже представили кандидатом на кафедру истории древней церкви на место безнадежно больного (и теперь уже уволенного в отставку) профессора А. А. Спасского, и торопит писать пробную лекцию. Отсюда Вы конечно легко поймете, почему статьи мои о пасхальной хронике и о «византийской» эре от сотворения мира

³² ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 236. Л. 81–82.

³³ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 5.

и до сих пор остаются не вполне законченными. Одну из них я имею в виду представить на степень доктора церковной истории и потому оттисков их прошу заказать 200 или даже (если это обойдется не слишком дорого) и 300³⁴.

Тем не менее, как это явствует из письма Лебедева к Н. Н. Глубоковскому от 29 июня 1919 г., вопрос о теме докторской диссертации и в это время не был решен:

На этом же собрании (ученого совета Московской духовной академии, 12 июня 1919. — *И. М.*) я представил свой «Список» (имеется в виду обстоятельная статья Д. А. Лебедева «Список епископов первого вселенского собора в 318 имен», см. № 22 в списке печатных трудов Д. А. Лебедева. — *И. М.*) на степень доктора, представил без рукописного дополнения, которое не успел переписать. Совершенно сознательно иду на скандал. Будь что будет. Рецензентами назначены И. В. Попов и С. И. Соболевский. На собрании ни того ни другого не было, и я не знаю, получили ли они и теперь мою «диссертацию»³⁵.

Дело с докторской диссертацией затягивалось (еще 16 июня 1921 г. Д. А. Лебедев сообщал А. И. Бриллиантову: «От А. Н. Орлова узнал я, что С. И. Соболевский уже представил отзыв о моем сочинении, а И. В. Попов не мог представить»)³⁶ и кончилось, по всей видимости, ничем.

Трогательна в устах ученого «батюшки» его постоянная забота о достаточном количестве отдельных оттисков его журнальных статей и та тщательность, с которой он оговаривает их внешний облик (например, статьи о «19-летнем цикле Анатолия Лаодикийского»): 100 экземпляров на веленовой и 100 на простой бумаге, все оттиски в обложках синего, голубого или фиолетового, но никак не зеленоватого и не красного цвета, с двойной пагинацией для удобства цитирования (как на оттисках Болотова и немецких)³⁷, с заглавием и его расположением на титульном листе — «как на брошюре Б. А. Тураева»³⁸, с указанием на правильность обозначения автора: «...на главном листе мое имя прошу напечатать так, как у меня отмечено:

³⁴ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 122–123.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 570. Л. 35 об.

³⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 237. Л. 78.

³⁷ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 36–37.

³⁸ Там же. Л. 34 об. – 35.

“Священника Димитрия Лебедева” (прошу непременно напечатать Димитрия, не Дмитрия)»³⁹.

Конечно, столь заботливое отношение со стороны автора к данной статье обусловлено и тем, что она предназначалась для защиты в качестве магистерской диссертации. Даже ее внушительный объем (в отдельном оттиске это была целая монография в 240 страниц) не в последнюю очередь вызывался, как это отмечает сам автор, требованием ученого совета Московской духовной академии или рукописи в 400–600 страниц, или статьи в 10 печатных листов, что было весьма непростым делом для сочинения с астрономическими вычислениями⁴⁰. Однако и в отношении других, более скромных работ наблюдается та же тщательность, особенно когда дело касалось качества набора. Так, в письме к Регелю от 6 сентября 1912 г. Лебедев пишет:

Корректуру статьи «Павлин и Зинон», подписанную Вами, я не решился послать в Типографию Маттисена — куча ошибок, и я опасюсь, что в типографии не поймут моих указаний и ошибки окажутся и в окончательном наборе. <...> В типографии едва ли сумеют справиться с арабским шрифтом, в котором так много букв, похожих одна на другую. Но я опасюсь, что неправильно наберут опять и еврейскую транскрипцию сирского шрифта. Сирские списки, в особенности *Index coenobii Nitriensis*, по своей исправности занимают одно из первых мест в числе сохранившихся списков Никейских отцов, и будет досадно, если имя Зинова Тирского по ним будет набрано неверно⁴¹.

Интересны соображения Лебедева о специфике своих работ, которые часто превращались (по ходу их написания) из простых рецензий в обширные, развернутые исследования. В письме от 23 марта 1914 г., обсуждая поставленный перед Регелем вопрос о необходимости сохранения разросшейся рецензии на книгу Зееберга (№ 12), он предлагает следующий выход:

Если таких размеров статья совершенно неприемлема в качестве рецензии, то я просил бы Вас принять ее в качестве исследования. По содержанию она больше походит на исследование, чем заметки о книге Шоо, или даже о книге А. П. Дьяконова. Границы между исследованием и рецензией вообще иногда трудно определимы.

³⁹ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 64–65.

⁴⁰ Там же. Л. 37.

⁴¹ Там же. Л. 50–51.

Например, моя заметка «Еще о цикле Псевдо-Анатолия» (№ 9. — *И. М.*) представляет собою в сущности рецензию о статье Анслома. Даже и самое исследование о цикле Анатолия выросло у меня из случайной заметки по поводу разбираемого у меня во II главе примечания Дюшена. Равным образом и статья «Павлин и Зинон» (№ 13. — *И. М.*) первоначально представляла собою только разбор одного примечания у *Schwartz, Zur Gesch. d. Ath.* VI.. Если Вы согласны принять мою статью в качестве исследования, то я приделаю к ней небольшое предисловие, с которым она могла бы быть помещена в 1-м отделе. Если же для Вас больше желательна именно рецензия о книге Зееберга, то прошу Вас подвергнуть мою статью тем сокращениям, каким найдете нужным⁴².

Любопытны довольно откровенные оценки Лебедевым работ некоторых его зарубежных коллег, в частности Гинцеля, о котором он «вообще не особенно высокого мнения. Но обойти его труд молчанием в статье, имеющей появиться в конце 1911 года или позже, было бы неудобно»⁴³, разбор некоторых историографических недоразумений (*Harnack* и др.) о пасхе в Галлии, о подлинности так называемой «книги Анатолия»⁴⁴ и т. д. Зато проникновенных слов удостоился один из его коллег по случаю его смерти:

24 января, — пишет Лебедев в письме от 30 января 1914 г., — скончался в Москве инспектор 1-й Московской женской гимназии Николай Васильевич Степанов, о книгах которого я собираюсь написать заметки. Конечно, напишу я их теперь; но жалко, что нельзя будет убедить ни в чем самого их автора. Написал бы я о нем и коротенький некролог, но не знаю, годится ли он для Византийского Временника: он не был его сотрудником, хотя его работа о Никифоре относится к истории Византии. Покойный — математик по образованию — интересовался хронологией и мог все-таки плодотворно работать в этой области. Непреходящее научное значение имеет, по-моему, его работа над «Лунным течением». Мечтою его было написать историю русского времяисчисления, — нечто сделано им в этом отношении, но конечно еще больше осталось сделать. Это был единственный человек в Москве, с кем я мог вести разговоры

⁴² РГИА. Ф. 1033. Он. 1. Д. 32. Л. 101–102.

⁴³ Там же. Л. 33. Речь идет о книге: *Ginzel F. K. Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie.* Leipzig, 1911. Bd. 2 (имеется еще два тома этого труда: 1906. Bd. 1; 1914. Bd. 3).

⁴⁴ РГИА. Ф. 1033. Он. 1. Д. 32. Л. 52–53.

по вопросам хронологии. Было ему всего 56 лет, но он производил впечатление совсем старого человека. Очень жаль его. Чувствую теперь себя одиноким не только здесь, но и в Москве⁴⁵.

Чрезвычайно ценны, наконец, сообщаемые Лебедевым сведения о тех его работах, которые были опубликованы, но еще больше — о тех, которые были написаны, но не опубликованы (одни из них дошли до нас, другие — не дошли и, возможно, погибли), наконец, о тех, которые были задуманы им, но не написаны. Попытаемся «разнести» здесь эту информацию по соответствующим рубрикам:

I. Сведения об опубликованных работах:

1. «Средники: К вопросу о происхождении этой старообрядческой секты» (№ 3 в списке печатных трудов). В письме Д. А. Лебедева к Н. Н. Глубоковскому от 17 июня 1908 г. говорится, что ответ на его (Глубоковского) письмо от 15 июня «уже в существе дела *steht geschrieben* в заметке “Средники”, написанной осенью 1906 г. по поручению проф. И. В. Попова (пока не опубликована). Вопрос о рождестве Христовом спустя 5500 лет от сотворения мира — очень древнего происхождения» (следует целый трактат о перипетиях этого вопроса, начиная с «отца христианской хронографии» Юлия Африкана, впервые высказавшего эту точку зрения). Само письмо Д. А. Лебедева заслуживает отдельной публикации⁴⁶.

2. Развернутая рецензия на книгу Э. Зееберга об Антиохийском соборе 324/325 г. (№ 12). В письме к Н. Н. Глубоковскому от 29 октября 1913 г. Д. А. Лебедев сообщает, что только еще собирается писать рецензию для «Византийского временника»⁴⁷, а почтовой открыткой к нему же от 15 марта 1914 г. уведомляет: «...до сих пор я еще не кончил своей библиографической заметки об *E. Seeberg*; статья будет довольно большая»⁴⁸. То есть статья была включена В. Э. Регелем почти в последний момент в 19-й том ВВ, сформированный еще в 1912 г.

3. Статья «К истории времяисчисления у евреев, греков, римлян» (№ 14). В письме к Н. Н. Глубоковскому от 3 сентября 1911 г. Д. А. Лебедев сообщает:

Сейчас пишу статью «К вопросу о времяисчислении евреев, греков, римлян» по поводу только что вышедшего 2-го тома *Ginzel* [F. K.].

⁴⁵ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 100.

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 570. Л. 14–22 об.

⁴⁷ Там же. Л. 32.

⁴⁸ Там же. Л. 31.

Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie [II. Band. Leipzig, 1911]. С евреями покончил, то же почти и с греками, но за римлян путем еще и не принялся. Взялся я за эту работу потому, что с Гинцелем я в очень многом не согласен и о его труде держусь не особенно высокого мнения. Иделер и в особенности Унгер стоят, по-моему, несравненно выше его как хронологи⁴⁹.

В письме к А. И. Бриллиантову от 22/23 ноября 1911 г. он уведомляет: «Статью свою о 2-м томе Гинцеля я еще в конце прошлого месяца отправил В. Н. Бенешевичу и скоро получил от него сообщение, что она передана в ЖМНП»⁵⁰; в письме от 30 декабря 1913 г. информирует Н. Н. Глубоковского: «В. Н. Бенешевич говорил мне, что в первой половине 1914 г. должна появиться в ЖМНП моя статья о *Ginzel*'е, посланная мною еще в конце 1911 года. Боюсь, как бы опять не отложили ее печатание»⁵¹, а в письме к В. Э. Регелю от 6 мая 1914 г. он уже констатирует: «Рецензия о II томе Гинцеля начинает печататься в ЖМНП»⁵². Автор, таким образом, рассматривал эту обстоятельную статью как рецензию.

4. Рецензия на III том книги Ф. К. Гинцеля (№ 19). О ней информация содержится в письмах Д. А. Лебедева к В. Э. Регелю:

III том Гинцеля получен мною еще в июне, и теперь я пишу о нем рецензию и, вероятно, скоро книгу. Написано 40 страниц не особенно убористого письма. Если угодно, могу прислать эту заметку для Вашего журнала, хотя наиболее важный отдел ее касается азиатского календаря. Ошибок в этом томе у Гинцеля еще больше, чем в I и II; например, он сочинил два азиатских календаря, что я и отмечал в своей рецензии, но касаться и взглядов Гинцеля относительно христианских пасхальных циклов не вижу надобности, раз мною предположен о них ряд особых статей (письмо от 16 июля 1914 г.)⁵³;

Заметка о III томе Гинцеля <...> уже окончена была 19 июля — в тот самый день, как Вильгельм II объявил нам войну. Но я не знаю, как быть с нею в это тревожное время. Первое время я даже прямо боялся ее посылать, думая, что — как писали раньше — немцы могут занять Петербург. Теперь пишут, что это невозможно. Но все же крайне трудно предвидеть, какой ход примет эта общеевропейская война. Поэтому я и теперь не решаюсь послать единственный

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 570. Л. 27–28.

⁵⁰ Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 235. Л. 119.

⁵¹ Там же. Ф. 194. Оп. 1. Д. 570. Л. 34.

⁵² РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 103.

⁵³ Там же. Л. 106.

экземпляр этой заметки, и, может быть, перепишу ее тогда, когда можно будет прямо приступить к ее печатанию или когда все успокоится. В заметке этой 63 страницы нумерованных и 3 добавочных, всего 65 страниц. Письмо не особенно убористое: строк по 25 на странице (письмо от 30 июля 1914 г.)⁵⁴;

«Сейчас отправил на Ваше имя заметку о Гинцеле» (письмо от 8 августа 1914 г.)⁵⁵; «Напечатана ли теперь моя рецензия на III том *Ginzel*'я, и скоро ли я могу рассчитывать получить ее оттиски?» (письмо от 5 ноября 1915 г.)⁵⁶.

II. Сведения о написанных, сохранившихся, но не опубликованных сочинениях Д. А. Лебедева:

1. Статьи для «Богословской энциклопедии», вышедшей под редакцией Н. Н. Глубоковского, неопубликованная часть которой хранится в РГИА: «Кириопасха»⁵⁷, «Летоисчисление»⁵⁸, «Луна пасхальная»⁵⁹, «Лунное течение»⁶⁰. Судя по письмам Д. А. Лебедева к Н. Н. Глубоковскому, статей для «Богословской энциклопедии» Лебедевым было написано и отправлено больше, чем нами указано (мы пользуемся при этом сведениями, любезно предоставленными в наше распоряжение Т. А. Богдановой). Так, извещая Н. Н. Глубоковского письмом от 25 мая 1905 г. из Можайска о согласии написать для «Богословской энциклопедии» статью «Кириопасха», он предлагает еще статьи «Круг Луны», «Круг Солнца», «Лунное течение» и «по другим отделам пасхалии и хронологии». «Особенно интересной, — пишет он, — будет статья о *Круге Солнца*, которую попытаюсь поместить и в Богословском вестнике» (следует изложение содержания планируемой статьи)⁶¹, но все ли они были написаны, неизвестно. Еще 3 сентября 1911 г. он спрашивает Глубоковского: «Получили ли (через Бриллиантова) исправления и дополнения к Правосл. Богосл. Энциклопедии? Не пора ли мне приняться за переделку статьи о “Лунном течении”?»⁶² — и прилагает дополнение к статье «Круг Солнца». Как бы то

⁵⁴ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 111.

⁵⁵ Там же. Л. 121.

⁵⁶ Там же. Л. 123.

⁵⁷ Там же. Ф. 834. Оп. 4. Д. 468. Л. 137–140.

⁵⁸ Там же. Л. 79–93.

⁵⁹ Там же. Л. 58–58 об.

⁶⁰ Там же. Л. 3–10.

⁶¹ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 570. Л. 1–1 об.

⁶² Там же. Л. 27–28.

ни было, за исключением небольшого, но весьма ценного исправления к параграфу «Антиохийский собор» в статье «Каноны поместных соборов» из 8-го тома «Богословской энциклопедии»⁶³, до публикации статей Д. А. Лебедева в этом издании дело не дошло (последний, 12-й том обрывается на слове «Константинополь»).

2. Рукопись заметки Д. А. Лебедева (автограф) под названием «Списки ариан в 'Н φιλάρχος, 'Ενὸς σφμάτος, 'Н πίστις ἡμῶν и у Созомена»⁶⁴. Видимо, заметка должна датироваться 1921 г., ибо именно в этом году (28/29 октября) Д. А. Лебедев шлет А. И. Бриллиантову развернутое письмо с изложением идей заметки, которую он усматривает в

... опровержении аргументации *S. Rogal'*ы и *O. Seeck'*а за первенство послания 'Н φιλάρχος <...> Предполагал я, собственно, написать особую статью «Томос Александра Алекс<андрийско-го> и Хронология событий начальной истории арианского спора до вмешательства в него Константина В<еликого>», но бумага у меня остается в ограниченном количестве, перьями пишу уже, по большей части, чужими <...> Поэтому и решил я не переписывать <...> Работа не пропала совсем даром. Прежде всего я убедился окончательно, что первенство 'Н φιλάρχος ничем и доказать невозможно⁶⁵.

В чем тут дело — предлагаю разбираться специалистам.

3. Статья «О реформах в нашем богослужении» найдена среди бумаг В. Н. Бенешевича, без указания автора (отождествлено нами по почерку)⁶⁶. В ней Д. А. Лебедев выступает против попыток реформировать богослужение, внести новшества «в древний устав нашего богослужения» в духе упрощения и сокращения обряда, но особенно — против попыток перевести богослужение с древнеславянского языка на русский, считая, что «это в сущности была бы не реформа, а крайне легкомысленная и опасная для единства церкви революция, разрушающая весь характер и все значения для народа нашего богослужения». По мнению Лебедева: «Наш церковнославянский язык —

⁶³ См.: [Православная] Богословская энциклопедия. Т. XII. СПб., 1911. С. 910.

⁶⁴ ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 235. Л. 129–132 об.

⁶⁵ Там же. Л. 82–84.

⁶⁶ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 1. Д. 98. Л. 1–3 (впрочем, наше «палеографическое» отождествление автора подтверждается тем, что в деле содержится лист от пакета с надписью: «Профессору Владимиру Николаевичу Бенешевичу от свящ. Д. Лебедева, Стрелецкая слобода, Моск. губ., с. Спирово»).

великое сокровище нашего духа <...>, родной славянский язык понятен всякому русскому человеку». «Иные реформаторы, — пишет он, — доходят в своих предложениях до искажений самого канона св. Евхаристии, предлагая, чтобы тайные молитвы священника, положенные по чину литургий св. Иоанна З. и св. В. В., читали вслух народу» (на поле рукой Бенешевича помечено: «Это рассуждение не убедительно»).

III. Сведения о написанных, но не опубликованных и не сохранившихся (?)⁶⁷ сочинениях Д. А. Лебедева:

1. Статья о Пасхальной хронике. Так, в письме к В. Н. Бенешевичу от 31 января 1913 г. Лебедев извещает: «Статья о Пасхальной хронике еще не кончена. Но главное уже написано. Осталось теперь решить вопрос об авторах хроники»⁶⁸. Письмом от 6 мая 1914 г. он уведомляет В. Э. Регеля: «Кроме *посланных* (курсив мой. — И. М.) XI-и глав о Пасхальной хронике я предполагаю написать еще и XII-ю, в которой дам опыт реконструкции 532-летнего *εορταστικὸς κύκλος* Пасхальной хроники, и одно-два приложения (о прологе Феофила Александрийского и, может быть, об Иринее)»⁶⁹. О том, для какого органа предназначалась работа, мы узнаём из других писем, адресованных Лебедевым В. Э. Регелю: «Свою работу о Пасхальной хронике я предполагал поместить в Виз. временнике, потому что она входит в серию работ “Из истории древних пасхальных циклов” <...> Если же эта статья велика для Виз. обозрения <...> то я мог бы ее напечатать в Сергиевом Посаде на свой счет, в долг, если не удастся поместить ее в Богословский Вестник. А потому я и просил бы Вас возвратить мне эту рукопись» (из письма от 8 апреля 1916 г.)⁷⁰. Последним свидетельством об этой статье является письмо Лебедева к В. Н. Бенешевичу от 9 июня 1926 г., где он, спрашивая о судьбе регелевского «Византийского обозрения» и о застрявших там его статьях, добавляет: «Так же, в сущности, стоит у меня дело и с работой о Пасхальной хронике. Она начала печататься в Лаврской типографии (т. е. в Сергиевом Посаде. — И. М.), и листа два или три были уже напечатаны, конечно, с поправками и дополнениями против (?) оригинала. Но я не знаю,

⁶⁷ А может быть, хотя бы некоторые из них где-то существуют и однажды обьявятся?

⁶⁸ СПФ АРАН. Ф. 192. Он. 2. Д. 103. Л. 5 об.

⁶⁹ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 103.

⁷⁰ Там же. Л. 133.

найду ли я у себя напечатанные листы, да и сам оригинал напечатанных листов остался в типографии»⁷¹.

2. История арианского спора, о которой Д. А. Лебедев упоминает в письме к В. Э. Регелю от 30 января 1914 г.: «Ведь у меня написано по истории начала арианского спора около 500 стр., но только очень немногое из того появилось в печати»⁷².

3. Статья «Список Никейского собора в хронике Михаила Сирийца». В письме к Н. Н. Глубоковскому от 13 июля 1919 г. Д. А. Лебедев упоминает: «Переписал дополнительную статейку к своему “Списку в 318 имен” (имеется в виду № 22. — *И. М.*): “Список Никейского собора в хронике Михаила Сирийца”»⁷³.

4. Климентины. В письме к Н. Н. Глубоковскому от 29 июня 1919 г. Д. А. Лебедев упоминает: «Свои копии конца гомилий Псевдо-Климента <...> я, как оказывается, забыл в Посаде». И через несколько строк: «Дело и с Климентинами не подвигается»⁷⁴, а в только что упомянутом письме к Глубоковскому, сообщая о переписке предыдущей «статейки», Д. А. Лебедев добавляет: «Думаю, что после этой механической работы примусь и за продолжение своих других работ научных о Климентинах или о календаре Кесарии Палестинской, но пока ничего не вышло»⁷⁵. Наконец, в письме к нему же от 8 апреля 1921 г. Лебедев сообщает: «Работа над Климентинами подвигается, хотя и не особенно бойко. Написано всего страниц 100 и записано уже самое главное»⁷⁶.

5. Статья «Пасха 303 г. и календарь Кесарии Палестинской». В письме к В. Э. Регелю от 14 декабря 1911 г. Лебедев спрашивает, не подойдет ли для «Византийского временника» его статья «Пасха 303 года и календарь Кесарии Палестинской»⁷⁷. Статья упоминается также в его письмах к Н. Н. Глубоковскому от 13 июля 1919 г. (см. выше, п. 3) и к А. И. Бриллиантову от 12 марта 1921 г. («В 1919 году весною обработал заметку “Пасха 303 г. и календарь Кесарии Палестинской”»)⁷⁸.

⁷¹ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 9.

⁷² РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 99.

⁷³ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 570. Л. 37–38.

⁷⁴ Там же. 35 об. — 36.

⁷⁵ Там же. Л. 37–38.

⁷⁶ Там же. Л. 44 об.

⁷⁷ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 39.

⁷⁸ ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 237. Л. 85 об.

6. Статья «К вопросу о происхождении вавилонской 60-ричной системы счисления». Упоминается в письме Д. А. Лебедева к А. И. Бриллиантову от 12 марта 1921 г. как написанная весной 1920 г.⁷⁹

7. Статья «К вопросу о происхождении эры Анниана (по поводу статьи *Charpman* в *Journ. of Theolog. Studies*, 1908)». Упоминается как изданная весной 1920 г. в письме Д. А. Лебедева к А. И. Бриллиантову от 12 марта 1921 г.⁸⁰

8. Статья о Евсевии Кесарийском. Упомянута в письме Д. А. Лебедева к А. И. Бриллиантову от 12 марта 1921 г. («Осенью и в начале зимы (1920 г. — *И. М.*) написал большую статью «Евсевий Кесарийский [*нрзб.*] оригенистам [?] <...> Зиму пришлось провести без огня, и отчасти и поэтому работа над Евсевием двигалась так медленно, а потом и прекратилась»)⁸¹ и к Н. Н. Глубоковскому от 22 декабря 1921 г. («С конца сентября (имеется в виду, очевидно, 1920 г. — *И. М.*) начал я писать работу об Евсевии Кесарийском (излагается содержание. — *И. М.*)»)⁸².

9. Заметка об ассианских (элефантинских) папирусах, в связи с переходом на «новый стиль». Упоминается в письмах к А. И. Бриллиантову от 22 ноября / 5 декабря 1923 г. («Осенью, по поводу “перехода на новый стиль”, интересовался я ассианскими (элефантинскими) папирусами и написал о них заметочку. Гинцель и тут остался верен себе и — напутал. А что касается грегорианской пасхалии, то эти папирусы против нее: евр. пасха по ним могла быть 7–8 мая (и т. д.) <...> Парфёнов предложил мне написать заметку для него по поводу предполагавшегося тогда перехода на “новый стиль”. Отказываться от этого предложения <...> я не считал себя вправе. Написал я довольно много и еще больше заготовил материала для будущей работы»)⁸³ и к В. Н. Бенешевичу от 15 ноября 1927 г. («Разыскал потом свою статейку об ассианских папирусах и есть намерение переписать ее — конечно, с необходимыми изменениями — и послать Вам. Но тут пришло письмо от издателя календаря г. Парфёнова и пришлось написать ему довольно длинное письмо. Статья в календарь на 1928-й год будет о великом индиктионе»)⁸⁴.

⁷⁹ ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 237. Л. 85 об.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Л. 85 об. — 86.

⁸² Там же. Ф. 194. Оп. 1. Д. 570. Л. 51 об.

⁸³ Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 237. Л. 93–94.

⁸⁴ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 23 об.

10. Статья («нечто») об *opus imperfectum in Mattheum*. Упомянута в письме Д. А. Лебедева к А. И. Бриллиантову от 22 ноября (5 декабря) 1923 г.⁸⁵ (или под этим «нечто» имеется в виду предыдущая заметка, см. пункт 9?).

11. Статья «К вопросу о символе Лукиана». Упомянута в письме Д. А. Лебедева к В. Н. Бенешевичу от 10 июня 1926 г. («Я, вероятно, уже писал Вам, что начал уже переписывать — понятно с дополнениями и поправками свою работу “К вопросу о символе Лукиана” <...>, но переписка остановилась невядалеке от начала <...> Поэтому я и не мог ничего передать для Вас Н. Л. Туницкому, и отчасти из-за этого я был у него в последний раз. Не знаю, скоро ли примусь за переписку этой статьи»)⁸⁶.

12. Статья о богоявлении. Упомянута в письме Д. А. Лебедева к В. Н. Бенешевичу от 27 октября 1927 г.: «Писал Вам мало потому, что все это время писал о богоявлении. Работал по временам не только с интересом, но и с увлечением. Теперь статейка эта доведена до некоторого конца. При переписке многое придется изменить. Но и в настоящем виде это произведение будет, надеюсь, не хуже многого такого, что идет под флагом науки не только у нас, но и за границей. В конце концов, предлагаю вот что» (следует подробное изложение смысла статьи)⁸⁷.

13. Статья о св. Кирилле Иерусалимском. Упомянута в письме Лебедева к В. Н. Бенешевичу от 7 августа 1926 г.: «Ваше предложение (о присылке статей в “Сообщения Палестинского общества”. — И. М.) поставило меня в затруднение. Из написанных у меня подходящих к журналу Палестинского общества статей подходила бы по размерам статья о св. Кирилле Иерусалимском (о дате его поучений)»⁸⁸.

14. Общий очерк о календарях. В вышецитированном письме к Бенешевичу от 7 августа 1926 г. Д. А. Лебедев, говоря о статье о св. Кирилле Иерусалимском, делает не очень вразумительную оговорку: «Но она (статья о Кирилле) относится к истории церкви <...> и потому решил я написать [нрзб.] общий очерк о календарях <...>, где вовсе не предполагал дать чего-либо оригинального, помимо [нрзб.] о своей гипотезе о календаре Кесарии Палестинской (ср. пункт 5. — И. М.). Но в первый же день работы (4 июля) сделал

⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 570. Л. 93–94.

⁸⁶ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 9 об.

⁸⁷ Там же. Л. 22.

⁸⁸ Там же. Л. 28.

не лишенное интереса [нрзб.] относительно календаря тирского. Статью эту (ее копия у меня [нрзб.] в 16 страниц) я послал по указанному Вами адресу, т. к. на Академию наук здесь [нрзб.] не принимают. Пока я еще ничего не знаю о судьбе этой статьи»⁸⁹.

15. Статья об иудейском календаре. Упоминается в письмах Д. А. Лебедева к В. Н. Бенешевичу от 19 мая 1926 г. («рукопись об иудейском календаре захвачу с собой»)⁹⁰, от 9 июня 1926 г. («То, что писал я Вам об иудейском календаре, в сущности, не подходит к журналу Палестинского общества <...> есть повод думать, что календарь этот изобретен в Вавилоне: величина месяца 29 д. 12 ч. 793 кл. могла быть взята и у Птолемея, но также и у вавилонских астрономов»)⁹¹ и от 29 февраля 1928 г. («Пишу всё об иудейском календаре»)⁹².

16. Статья «О так называемой константинопольской эре». Фактически это не вышедшее в свет продолжение статьи «Так называемая византийская эра от сотворения мира» (см. № 23 в списке печатных трудов Д. А. Лебедева). В письме к В. Э. Регелю от 21 марта 1916 г. Лебедев по поводу этой работы пишет:

Прошлым летом Вы действительно запрашивали меня об объеме моей статьи о византийской эре от сотворения мира, но не просили прислать немедленно ее конец. Я ответил, что мог, и об этой статье и об статье о пасхальной хронике. Окончание этих работ замедляется вследствие частых переездов в связи с магистерством и переходом на новое положение. По чисто научным основаниям мне хотелось бы раньше увидеть в печати статью о византийской эре. Но, к сожалению, для докторской степени ее, пожалуй, найдут слишком малой по размерам (по числу страниц). Поэтому постараюсь в первую очередь окончить Пасхальную хронику⁹³.

«Что же касается византийской эры, — информирует он Регеля письмом от 8 апреля 1916 г., — то конец ее я, может быть, напишу нынешним летом или осенью (в Академии будет удобнее ее писать, здесь у меня нет никаких нужных книг)»⁹⁴. Поскольку регелевский журнал «Византийское обозрение», в котором была опубликована первая часть статьи, прекратил свое существование, ее продолжение так

⁸⁹ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 28.

⁹⁰ Там же. Л. 12.

⁹¹ Там же. Л. 9.

⁹² Там же. Л. 26.

⁹³ РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 130.

⁹⁴ Там же. Л. 133.

и не вышло в свет. Упоминание о ней мы встречаем в письме Д. А. Лебедева к В. Н. Бенешевичу от 9 июня 1926 г.:

Не лучше ли будет сначала послать Вам (для «Сообщений Палестинского общества»? — *И. М.*) работу о т. н. Константинопольской эре, тем более что сейчас имеется повод к переписке и дополнению этой работы. Нужно будет в ней кое-что прибавить по поводу скопированных мною статей Рюля и Зеенка, а главное — внести и то, что сообщил я Вам в письме о первоначальном значении оснований, антиохийское происхождение которых могу теперь подтвердить и цитатами из Элии Нисивинского. Препятствием тут является то обстоятельство, что первая половина этой статьи была уже набрана и сверстана в типографии Маттисена в Юрьеве для Византийского обозрения, а я не знаю, сохранились ли у меня все ее корректурные листы: при корректуре я делал некоторые дополнения. Не вышла ли [нрзб] книжка журнала с этой моей статьей? (В университетской библиотеке ее нет.) И вот я не знаю, переписывать ли всё, или только конец статьи. Если Вы поедете за границу, то не найдете ли возможным справиться об этом в Юрьеве, нельзя ли даже просто туда написать теперь. Конечно, если больше нечего будет делать, я примусь за переписку этой статьи <...> Пусть лучше увидит свет хоть что-нибудь, чем ничего⁹⁵.

Как видим, еще в 1926 г. Д. А. Лебедев не знал о том, что по крайней мере первая половина статьи (больше 50 печатных страниц!) была опубликована в III томе «Византийского обозрения» за 1917 г. (№ 23)⁹⁶.

IV. Задуманные, но не осуществленные сочинения Д. А. Лебедева:

1. Руководство по пасхалии и хронологии. Упоминается в его письмах к В. Н. Бенешевичу от 22 июля 1912 г. («Хотел было я написать к сентябрю руководство пасхалии и хронологии и представить его на Макарьевскую премию. Но вижу теперь, что придется отложить эту затею до 1914 г.»)⁹⁷, к Н. Н. Глубоковскому от 29 октября 1913 г. (собирается давно написать популярную книжку об основах технической хронологии — «без этих основ пасхалия — здание без

⁹⁵ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 9 об. — 10.

⁹⁶ О весьма драматической судьбе этого регелевского издания и, в частности, его III тома см.: *Медведев И. П.* В. Э. Регель как основатель и редактор «Византийского временника» // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 171–173; ср. с. 393–395 настоящего сборника.

⁹⁷ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 1.

фундамента», — да все не выберет времени. «Да и средств нет для напечатания. Типография есть здесь, в Можайске, но в ней, конечно, нет греческого шрифта»⁹⁸ и снова к В. Н. Бенешевичу от 15 ноября 1927 г. («Собирался я было приняться ни больше ни меньше, как за составление руководства по хронологии, и уже прочитал для этой цели то, что написано у Гинцеля о времяисчислении вавилонян» и т. д.)⁹⁹.

2. Работа о I Вселенском соборе. Упомянута в письме Д. А. Лебедева к А. И. Бриллиантову от 28 октября 1921 г. («предположенная для этого <года?> работа о первом вселенском соборе не продвинулась дальше предисловия. Придется отложить ее до 1925 г.»)¹⁰⁰.

3. Статья об армянском церковном годе по В. В. Болотову. Упомянута в письме Д. А. Лебедева к В. Н. Бенешевичу от 22 июля 1912 г. («Отдел из письма В. В. Болотова об армянском церковном годе думаю скопировать для одного из дальнейших выпусков Христианского Востока»)¹⁰¹.

4. Заметка о «Матфее К[нрзб.] и Исааке Аргире», которую Д. А. Лебедев обещал В. Э. Регелю прислать для «Виз. временника» «в будущем», упомянута в письме от 14 декабря 1911 г.¹⁰²

5–7. Серия работ «Из истории древних пасхальных циклов», включающая в себя 1) «Cursus paschalis Виктория Аквитанского», 2) «*Laterculus Augustalis*» и 3) «112-летие цикла св. Ипполита». В письме от 5 мая 1912 г. Д. А. Лебедев спрашивает В. Э. Регеля, не примет ли редакция ВВ вышеназванную серию работ, а по поводу последней из них оговаривается: «Это история западной пасхалии, едва ли имевшей какое значение для истории Византии, но и в другой журнал <...>» и т. д.¹⁰³ То, что об этих работах сообщается как о уже написанных, еще не значит, что они действительно были написаны. Скорее всего, они существовали пока что в голове автора, так и не дождавшись своего воплощения.

8. Рецензия на сочинение епископа Варнавы Беляева (нижегородского викария) на тему «Св. Цецилия». Упомянута в письме

⁹⁸ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 570. Л. 32.

⁹⁹ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 23 об.

¹⁰⁰ ОР РНБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 237. Л. 82.

¹⁰¹ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 1.

¹⁰² РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32. Л. 39.

¹⁰³ Там же. Л. 55–56.

к Н. Н. Глубоковскому от 3 марта 1921 г. («Пока я этого сочинения не получил»)¹⁰⁴.

Разумеется, произведенный нами подсчет творческого наследия Д. А. Лебедева, наверное, и не очень точен, и не очень полон. Сам он оценивал его еще менее оптимистично в письме к В. Н. Бенешевичу от 29 февраля 1928 г.: «Умру я, не выполнив и $1/_{10}$ задуманного»¹⁰⁵. Увы!..

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список научных трудов Д. А. Лебедева

1. Почему праздник Пасхи 25-го марта называется «Кириопасха» // БВ. 1905 (май). С. 118–128.
2. Редактор и автор обширных примечаний к разделу V («Споры о времени празднования пасхи») во II выпуске «Лекций по истории древней церкви» В. В. Болотова (Посмертное издание под ред. проф. А. Бриллиантова. СПб., 1910. С. 428–451).
3. Средники: К вопросу о происхождении этой старообрядческой секты // ЖМНП. Н. с. Ч. 33. 1911. Май. С. 106–156.
4. Антиохийский собор 324 года и его Послание к Александру, епископу Фессалоникийскому // ХЧ. 1911 (июль – август). С. 831–858.
5. Из истории древних пасхальных циклов: 19-летний цикл Анатолия Лаодикийского // БВ. 1911 (1913). Т. 18. С. 148–389.
6. Рец. на кн.: *Дьяконов А. П.* Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды // БВ. 1911 (1913). Т. 18. С. 74–95.
7. Евсевий Никомидийский и Лукиан // БВ. 1912 (апрель). С. 722–737; (май). С. 180–189.
8. К вопросу о коптских актах 3-го вселенского Эфесского собора и их герое архимандрите Тавеннисисоты Викторе // ХВ. 1912. Т. 1. Вып. 2. С. 146–202.
9. Еще о цикле Псевдо-Анатолия // БВ. 1912 (1915). Т. 19. С. 152–187.
10. Цикл Анатолия Лаодикийского по В. В. Болотову // БВ. 1912 (1915). Т. 19. С. 188–223.

¹⁰⁴ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 570. Л. 41 об.

¹⁰⁵ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 103. Л. 26.

11. Рец. на кн.: *Schoo G.* Die Quellen des Kirchenhistorikers Sozomenos // ВВ. 1912 (1915). Т. 19. С. 1–34.
12. Рец. на кн.: *Seeberg E.* Die Synode von Antiochien in Jahre 324 // ВВ. 1912 (1915). Т. 19. С. 55–146.
13. Из эпохи арианских споров: Павлин и Зинов, епископы Тирские // ВВ. 1913 (1914). Т. 20. С. 1–56, 117–188.
14. К истории времяисчисления у евреев, греков, римлян // ЖМНП. Н. с. Ч. 51. 1914 (июнь). С. 262–299; Ч. 52 (август). С. 159–228; Ч. 53 (сентябрь). С. 95–153.
15. Рец. на кн.: *Степанов Н. В.* Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской кормчей // ВВ. 1914 (1915). Т. 21. С. 151–172.
16. К вопросу об антиохийском соборе 324 года и о великом и священном соборе в Анкире // ТКДА. 1915. Кн. 1 (январь). С. 75–117.
17. День Рождества Христова по хронологии св. Ипполита Римского // ХЧ. 1915. Т. 243. Ч. 1 (январь). С. 76–96.
18. Еще об Анатолии и Псевдо-Анатолии // ВО. 1915. Т. 1. С. 83–103.
19. Рец. на кн.: *Ginzl F. K.* Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. III. Band. Leipzig, 1914 // Там же. С. 1–34.
20. О пасхе 22 марта. Пг., 1915.
21. Рец. на кн.: *Степанов Н. В.* Исследование «лунного течения». М., 1913 // ВО. 1916. Т. 2. (Отдел II). С. 1–47.
22. Список Епископов первого вселенского собора в 318 имен // Записки Императорской Академии наук по историко-филологич. отделению. Сер. 8. 1916. Т. 13. № 1.
23. Так называемая «византийская эра» от сотворения мира // ВО. 1917. Т. 3. С. 1–52 (объявлено продолжение, не вышедшее в свет).

О Ф. И. УСПЕНСКОМ И ЕГО ГЛАВНОМ ТРУДЕ*

Появление epochального труда «История Византийской империи» одного из крупнейших историков-византинистов «всех времен и народов» академика Федора Ивановича Успенского на одном из южно-славянских языков представляется актом символического значения, своего рода данью признательности этому ученому за его выдающийся вклад в разработку славянской проблематики в контексте византийского историко-культурного ареала. Византинист «милостью Божией», ученый, для которого, по словам знаменитого французского исследователя Эмиля Легра, «*l'histoire byzantine n'a pas de secret*»¹ и который, по мнению другого известного европейца — *Aurelio Palmieri*, своими фундаментальными исследованиями в самых различных областях византийской истории создал себе, наподобие Горация, *monumentum aere perennius* (Пальмиери особенно восхищался «аристократической манерой Успенского трактовать историю», его «искусством группировать факты, соотносить крупные события, иллюстрировать их тщательными учеными исследованиями, в то же время возвышаясь до философских размышлений, которые заставляют живо почувствовать характерную физиономию Византии»)², — этот ученый был также выдающимся знатоком славянского мира в его прошлом и настоящем, одушевлялся идеей «славянской взаимности», выдвинутой еще его университетским учителем Владимиром Ивановичем Ламанским, был горячо предан интересам славянства, оставаясь в то же время «совершенно свободным от крайностей славянофильства»³.

* Опубликовано: Послесловие к трехтомному сербскому изданию «История Византийской империи» Ф. И. Успенского (на сербском языке): *Успенски Ф. Историја Византијског царства од 11. до 15. века. Источно питање*. Београд, 2000. С. 957–962.

¹ ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1532. Л. 20 (письмо Э. Легра к И. В. Помяловскому из Парижа от 23 августа 1887 г.).

² *Palmieri A. La Russie et les byzantines à Constantinople*. S. 1., s. a. P. 7–8.

³ *Готалов-Готлиб А. Г. Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель* // ВВ. Т. 1 (26). 1947. С. 116.

Ф. И. Успенский прожил долгую и насыщенную творческую жизнь (1845–1928)⁴. Выходец из Костромской губернии (родился 7 февраля 1845 г. в погосте Горки Галичского уезда в семье пономаря местной церкви), он учился в Галичском духовном училище, затем (1860–1866) в Костромской семинарии, а в 1872 г. окончил курс на историко-филологическом факультете С.-Петербургского университета, после чего был оставлен для приготовления к профессорскому званию. Как ученый, Успенский сформировался в школе В. Г. Васильевского (1838–1899) — основоположника научного византиноведения в России, хотя непосредственными его учителями по университету были профессор русской истории К. Н. Бестужев-Рюмин, известный славист В. И. Ламанский и филолог-классик К. Я. Люгебиль. Слушал Ф. И. Успенский и курс византийской литературы, читанный Г. С. Дестунисом, который выступил и оппонентом Успенского на защите магистерской диссертации, а позднее давал отзыв и на докторскую⁵.

Магистерскую диссертацию «Никита Акоминат из Хон» Ф. И. Успенский защитил в 1874 г., после чего стал штатным доцентом незадолго до этого основанного Новороссийского университета (г. Одесса), после защиты докторской диссертации в 1879 г. на тему «Образование второго болгарского царства» он избирается профессором, а в 1894 г. назначается деканом историко-филологического факультета названного университета, где он проработал в общей сложности 20 лет (1874–1894). За все эти годы напряженной исследовательской и педагогической деятельности Успенский реализовался как «крупнейший ученый, страстно преданный науке, очень строгий к себе и весьма требовательный по отношению к своим ученикам»⁶. Впечатляет широкая программа его исследований, включавшая изучение греческих и славянских рукописей в библиотеках Парижа,

⁴ О Ф. И. Успенском в последнее время см.: *Басаргина Е. Ю.* Ф. И. Успенский: обзор личного фонда // Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 45–57; *Медведев И. П.* О Ф. И. Успенском как редакторе «Византийского временника» // Там же. С. 57–61 (ср. с. 469–476 настоящего сборника); *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: очерки истории. СПб., 1999 (здесь же вся основная библиография об ученом).

⁵ См. об этом: *Шукурова А. Э.* Из эпистолярного наследия Г. С. Дестуниса: письма к Ф. И. Успенскому // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 569–573.

⁶ *Готалов-Готлиб А. Г.* Ф. И. Успенский как профессор... С. 115.

Лондона, Оксфорда, Рима и Флоренции, выявление неизданных сочинений византийских авторов, создание на этой основе целого ряда работ, среди которых и такой шедевр, как «Очерки по истории византийской образованности» (1891), признававшиеся критикой по глубине замысла, по богатству содержания, по новизне материала и освещению главным, лучшим произведением Ф. И. Успенского⁷.

Отличительной чертой ученого всегда была его страстная озабоченность судьбами византиноведения как научной дисциплины в целом: «Успех в научной области, — говорил он, — зависит не столько от достижений отдельных лиц, как от планомерной, направляющейся к общей цели работы всех занимающихся той же наукой; необходимо объединение и работа по плану»⁸. Он первым из византистов обосновал идею образования Византийского общества (в национальном масштабе) и идею издания специального византиноведческого органа, призванного объединять и координировать всю научную деятельность в данной области. И пусть на первых порах это не нашло понимания (даже у В. Г. Васильевского)⁹, но идея была высказана и вскоре претворена в жизнь сначала за рубежом (при создании в 1892 г. крумбахеровского *Byzantinische Zeitschrift*), а затем и в России (основание в 1894 г. академического издания «Византийский временник»)¹⁰.

Закономерно поэтому (и к большому счастью для науки) было то, что в 1894 г. именно 50-летний Ф. И. Успенский, в расцвете сил и таланта, назначается директором нового и единственного русского научного гуманитарного учреждения за рубежом — Русского археологического института в Константинополе (1894–1914), оставившего глубокий след в истории мирового византиноведения

⁷ См., например: Бузескул В. П. Общий очерк научной деятельности Ф. И. Успенского // Памяти академика Федора Ивановича Успенского (1845–1928). Л., 1929. С. 42.

⁸ Успенский Ф. И. Из истории византиноведения в России // Анналы. Т. 1. 1922. С. 118.

⁹ Там же. С. 121–124.

¹⁰ Впрочем, и самому Ф. И. Успенскому удалось кое-что сделать в этом отношении: по его инициативе при Историко-филологическом обществе, учреждению которого он немало содействовал и председателем которого он являлся, была образована Византийская секция (1890 г.); ясно выраженный византиноведческий характер носил и ученый орган этого общества — «Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете».

и славистики¹¹. По мнению академика С. А. Жебелёва, «в жизни и деятельности Ф. И. Успенского Русский археологический институт в Константинополе занимает такое исключительное место, что как-то невольно в неразрывное целое сливаются представление об ученом учреждении, с одной стороны, и образ его организатора и бессменного, в течение без малого 20 лет, руководителя — с другой»¹². Действительно, личная жизнь ученого в эти годы целиком отождествляется с работой Института, его любимого детища, которому он отдавал все свои силы и способности; ни одна работа не велась в Институте без прямого участия в ней Ф. И. Успенского. Ему принадлежит обработка большинства материалов, добытых археологическими экспедициями и всеми остальными научными исследованиями Института. Он написал за это время огромное количество монографий, статей, рецензий. Им подготовлены и написаны также ежегодные отчеты о деятельности Института, печатавшиеся в очередных номерах «Известий» Института. Он заботливо относился к выращиванию новых сил на поприще русского византиноведения и среди многосторонней, целиком его поглощавшей работы находил время для систематического чтения лекций молодым ученым, прикомандированным к Институту университетами и научными учреждениями, в том числе из Европы и южнославянских стран (Болгарии, Сербии)¹³. В начале 1910 г. Успенский подает министру народного образования докладную записку, где высказывает мысль о необходимости «направить программу деятельности института в сторону славянских государств», настойчиво отстаивает идею совместных исследований славянских древностей Балканского полуострова русскими, сербскими и болгарскими учеными под эгидой РАИК.

Годы работы Ф. И. Успенского в Константинополе совпадают с созданием им другого его любимого детища — фундаментального трехтомного синтетического труда «История Византийской империи», который он называл главным делом своей жизни. В отличие

¹¹ См. недавно появившийся, талантливый очерк об этом учреждении: *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе...

¹² *Жебелёв С. А.* Ф. И. Успенский и Русский археологический институт в Константинополе // Памяти академика Федора Ивановича Успенского (1845–1928). С. 53.

¹³ *Горянов Б. Т.* Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении // ВВ. Т. 1 (26). 1947. С. 37.

от других «историй Византийской империи», в изобилии начавших появляться в это время, труд Успенского не был поверхностно-бесстрастным, по существу, летописным изложением событий по преимуществу политической истории (как, например, трехтомная «История Византии» Ю. А. Кулаковского, 1910–1915)¹⁴ или сведением воедино университетских лекций (как, например, «Лекции по истории Византии» С. П. Шестакова, 1913; «История Византийской империи» А. А. Васильева)¹⁵, не был лишь популярным пересказом событий, хотя и преследовал цель быть общедоступным по изложению; это был поистине выстраданный, глубоко концептуальный труд, в основе которого лежал громадный, собранный в течение многолетней подвижнической деятельности ученого материал, упорядоченный в виде некоей «продуманной и тщательно взвешенной системы» событий внутренней и внешней истории Византии. В сущности, это была первая попытка глубокого осмысления начал византийской истории, из которых слагались главные элементы «византизма» как особой, сложной по своему происхождению и составу цивилизации.

Характерным является также и то, что автор труда очень часто обращает внимание читателя на те явления прошлого в жизни Византии, в которых, по его мнению, нельзя не увидеть некоторых «уроков» для современности. Так, придавая особое значение выяснению славяно-византийских отношений, Ф. И. Успенский в конце предисловия, писавшегося в октябре 1912 г., подчеркивает: «Пусть читатель вдумается в содержание глав, посвященных южным славянам, и поищет там иллюстраций к переживаемым ныне печальным событиям на Балканском полуострове!» Успенский имел в виду события второй Балканской войны, но, наверное, слова его злободневны и для нас, живущих уже в XXI столетии.

Ф. И. Успенскому не довелось увидеть свое детище изданным целиком. Лишь I том вышел, наконец, в 1913 г. в дорогом, роскошном издании фирмы Брокгауза – Ефрона. Это же издательство вело подготовку к печати второго тома, работа была почти вся отпечатана и с набора сделаны матрицы. Первая мировая война и последовавшие за ней революционные события задержали печатание тома. По словам

¹⁴ См. недавнее переиздание труда: *Кулаковский Ю. А. История Византии*. Т. 1–3. СПб., 1996 (охватывает период с 395 по 717 г.).

¹⁵ См. переиздание: *Васильев А. А. История Византийской империи*. [Т. 1–2.] СПб., 1998.

автора, «из складов фирмы Брокгауз – Ефрон листы II тома поступили на рынок и стали расходоваться в качестве оберточной бумаги». Так как значительная часть уже напечатанных материалов пропала, фирма была вынуждена отказаться от продолжения этого издания и уступила автору право печатания II и III томов, предоставив в его распоряжение все сохранившиеся материалы: матрицы, отпечатанные листы и иллюстрации к тексту. Ф. И. Успенский воспользовался своим правом и издал в 1927 г. за свой счет первую часть второго тома объемом 520 страниц.

Работа по изданию была возобновлена лишь в 1945 г., когда отмечался столетний юбилей ученого и Отделение истории и философии АН СССР приняло решение издать все три тома «Истории Византийской империи», так как даже вышедшие тома к тому времени уже стали библиографической редкостью. Издание было начато с неопубликованного третьего тома (вышел в свет в 1948 г.), а не со второго, так как во второй части второго тома имелся довольно существенный пропуск. Значительная часть III тома была написана Б. А. Панченко¹⁶, который по просьбе Ф. И. Успенского подготовил восьмой раздел этого тома, «Ласкари и Палеологи». Дальше третьего тома издание тогда не двинулось, но обнаруженные в результате долгих и тщательных поисков в С.-Петербургском филиале Архива РАН авторская рукопись труда (Ф. 116. Д. 57. 308 л.; Д. 58. 252 л.) и корректура (д. 268)¹⁷ позволили московскому издательству «Мысль» осуществить в 1997 г. полное издание труда, с которого, очевидно, и производился ныне издаваемый перевод на сербский язык.

¹⁶ Борис Амфианович Панченко (1872–1920), талантливейший русский византист, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, ученик В. Г. Васильевского, по окончании университета в 1894 г. получил научную командировку в Германию, изучал римское право в Берлине и Лейпциге. В 1895 г. он приехал в Константинополь, чтобы принять участие в первоначальном обустройстве института и в экспедиции на Афон. В начале 1900 г. он вновь оказался в Константинополе и на этот раз навсегда связал свою судьбу с судьбой РАИК: в 1901 г. по предложению Ф. И. Успенского поступил в РАИК исполняющим обязанности ученого секретаря, а в 1904 г., после защиты магистерской диссертации, был утвержден в этой должности, которую занимал до своей смерти. Подробнее о нем см.: *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе... С. 101–108.

¹⁷ Подробные сведения об этих материалах см.: *Лебедев Н. С.* Научное рукописное наследство академика Ф. И. Успенского // ВВ. Т. 1 (26). 1947. С. 109–113; *Басаргина Е. Ю.* Ф. И. Успенский: обзор личного фонда. С. 46–49.

Первая мировая война и разрыв России с Турцией прервали деятельность Русского археологического института в Константинополе, и Ф. И. Успенскому пришлось, оставив в Константинополе свою личную библиотеку и имущество, неожиданно вернуться в Петроград, где он и провел все остальные годы своей жизни (скончался 10 сентября 1928 г. в больнице имени Нечаева, бывшей Обуховской, похоронен на Смоленском кладбище). До последних дней Ф. И. Успенский неутомимо работал над сохранением традиций и развитием любимой науки, он так до конца и не смог примириться с тем, что Институт в Константинополе прекратил свое существование.

О Ф. И. УСПЕНСКОМ КАК РЕДАКТОРЕ «ВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕННОКА»*

Как известно, лавров себе на этом поприще Федор Иванович не снискал: четыре тощих выпуска за 13-летний срок на посту редактора ВВ — это, конечно, настоящая агония старого регелевского «Временника». Ясно, что это была не вина, а беда Ф. И. Успенского, вызванная как субъективными причинами (перенос значительной части портфеля во вновь основанный Регелем журнал и переход многих авторов к сотрудничеству с ним), так и объективными («глубокие несоответствия» византиноведческих занятий «с переживаемыми настроениями», как он сам это обозначил). Тем не менее намерения, с которыми он приступил в 1915 г. к исполнению обязанностей редактора ВВ, заслуживают внимания. О них можно судить по его «циркулярному письму», в большом количестве отпечатанному (на бланке редакции ВВ) и разосланному по различным адресам (на обороте одного из неотправленных экземпляров набросан от руки перечень лиц, к которым направлялось это обращение и среди которых значатся: В. Н. Бенешевич, Д. В. Айналов, М. И. Ростовцев, Н. Н. Глубоковский, И. И. Соколов, И. С. Пальмов, В. В. Латышев, Н. П. Кондаков, Х. М. Лопарёв, Б. В. Фармаковский, Я. И. Смирнов, А. И. Малеин, И. А. Карабинов, Н. В. Покровский, Н. П. Лихачёв, Б. А. Тураев, М. Р. Фасмер)¹.

Письмо гласит:

Милостивый государь! Великая война, которая ведется Россией и на турецком фронте, должна существенным образом изменить наши отношения к Ближнему Востоку и привести нас в теснейшее

* *Опубликовано:* Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 57–61.

¹ СПФ АРАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 40. Л. 4. Здесь же хранится еще 6 экземпляров этого письма-обращения (л. 5–10). Встречается оно и в бумагах В. Э. Регеля, с датой от 29 мая 1915 г. и с собственноручной пометой Успенского внизу слева на поле: «Его Превосходительству В. Э. Регелю» (РГИА. Ф. 1033. Оп. 1. Д. 36. Л. 34).

соприкосновение с центральными областями старой Византии. На издаваемом Имп. Академией наук «Византийском Временнике» не могут не отразиться грядущие перемены: представляется делом настоятельной необходимости расширить его программу и посвящать более внимания таким отделам, которые ранее могли казаться не столь обязательными. Весьма желательно, чтобы все русские и зарубежные ученые, которым дороги успехи в области изучения Византии, объединились в названном периодическом издании: их дружная работа приведет к тому, что этот русский орган сделается средоточием византиноведения. Обращаясь к Вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой способствовать своим сотрудничеством в «В. В.» достижению указанной цели, долгом считаю уведомить, что в настоящее время Редакция приступила к составлению очередного, XXII тома, печатание коего начнется в сентябре текущего года. Письма, статьи для помещения в «Византийском Временнике» и сочинения для отзыва прошу направлять в Имп. АН в Редакцию «В. В.» (в регелевском экземпляре дописано рукой Успенского: «Канцелярию Конференций». — *И. М.*). Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности. *Ф. Успенский.*

Письмо, впрочем, явилось результатом совещания в ИФО 29 апреля 1915 г., на котором *Ф. И. Успенский* выступил с докладом о программе «своего» ВВ, состоящей из следующих пунктов (черновой набросок документа, датированный 23 апреля 1915 г., хранится среди его бумаг²):

1) Ввиду последовавших в текущем году перемен в составе редакции ВВ возникает мысль о придании этому академическому изданию большего оживления, систематичности и преследования некоторой определенной программы. 2) Переживаемые нами военные события, вследствие коих должны произойти важные перемены в наших отношениях к Ближнему Востоку и к византиноведению, смогут подавать повод к мысли о привлечении к академическому органу наших союзников, французов и англичан, и о допущении статей на иностранных языках. 3) Организация очередного, XXII т. Его состав и содержание. Обращение к лицам,

² СПФ АРАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 40. Л. 3 (автограф *Ф. И. Успенского*, чернила). В деле содержатся также письмо непрямого секретаря Академии наук *С. Ф. Ольденбурга* к *Ф. И. Успенскому* от 22 мая 1915 г. и вырезка из печатного протокола заседания ИФО от 29 апреля 1915 г. (ст. 147) с кратким изложением доклада *Успенского* в духе его программы.

занимающимся Византией. 4) О возбуждении ходатайства насчет увеличения средств на 2 т. рублей.

Очевидно, что Федор Иванович надеялся снова, как и во времена своего директорства в РАИК, воспользоваться политической конъюнктурой в интересах науки. Рискованным, правда, представлялся намечавшийся разрыв традиционных связей с немецкой византистикой. Неоднозначной была и реакция русских византистов на разосланное им письмо. Большинство из них приняло его, по-видимому, к сведению; поблагодарил за его присылку А. Малеин (письмо от 31 мая 1915 г.)³, и лишь бывший сотрудник Ф. И. Успенского по РАИК Ф. И. Шмит «разразился» обстоятельным, в значительной мере «программным» письмом из Харькова от 29 мая 1915 г. (на бланке Музея древностей Имп. Харьковского университета, автограф, чернила), которое гласит (Там же. Л. 12–13):

Глубокоуважаемый Федор Иванович! Только что получил я циркулярное Ваше письмо от 26 мая, из которого я узнал, что Вы находитесь в Петрограде и что Вы взяли в свои руки В. В. Так как письма, адресованные мною Вам в Одесский университет, в Академию наук, по-видимому, не дошли, я хочу попытаться написать Вам по указанному в циркуляре адресу. Прежде всего относительно В. В.: я, конечно, вполне в Вашем распоряжении, и если Вам будет угодно оставить мне отдел библиографии по искусству, я готов его вести и дальше. Но в таком случае позвольте мне изложить Вам некоторые *desiderata*, о которых не раз была речь в переписке с В. Э. Регелем. В. Э. Регель предоставлял мне добывать библиографические сведения, где и как мне было угодно, и приходил мне на помощь присылкою тех или других изданий лишь после усиленных, повторных, настойчивых просьб с моей стороны, когда я точно указывал и имя автора, и заглавие, и пр. Из присылаемых в редакцию книг и оттисков я ничего не получал — а авторы на меня были в претензии, что я о них умолчал в библиографии! В переписке и в обмене я состою ведь только с крупными и известными византистами, а таких вовсе не слишком много. Кроме того, западноевропейские периодики предоставляют авторам так мало оттисков, что приходится весьма экономно расходовать их, и на меня может иной раз не хватать оттиска даже у знакомого автора. Такой случай был не так давно с весьма интересными статьями Далтона об эмалях купленной П. Морганом коллекции Звенигородского —

³ СПФ АРАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 40. Л. 14.

я этих статей так и не видал, так как соответствующего английского периодика в Харькове нет...

До настоящей войны можно было — ввиду прочно укоренившегося благоговения перед немецкой маркой — мириться с тем, что Визант. Врем. — лишь второй сорт *Byz. Ztschr.* в библиографии, как и в прочем. Специалисты, дескать, библиографические сведения почерпнут из *Byz. Ztschr.*, а доморощенные любители, сидящие в захолустье и немецких журналов не читающие, те могут и подождать и удовольствуются перепечаткою из *Byz. Ztschr.* Теперь все это изменится: Вы прекрасно пишете в своем циркуляре, что русский орган должен сделаться средоточием византиноведения. Но в таком случае русский орган должен быть хорошо осведомленным и оставить систему перепечаток.

Второе: будет ли впредь ВВ щедрее на иллюстрации? У меня есть интересные неизданные материалы; разрабатываются другие, тоже неизданные, моим ассистентом Д. П. Гордеевым. Все это идет в Московский Светильник, потому что Оловянишников дает сколько угодно прекрасных таблиц. Мы очень хорошо знаем, что нашим работам вовсе, собственно говоря, не место в Светильнике, обслуживающем духовные круги и вне духовных кругов мало распространенном. Им место в В. В., но до сих пор у В. В. были такие ничтожные средства, что издавать там какие-либо памятники искусства нельзя было. На днях должен выйти номер Светильника с моим изданием апсидальных мозаик равеннской ц. *S. Michele in Affricisco* — семь прекрасных больших таблиц! Д. П. Гордеев приготовил почти совсем статью о миниатюрах одного лондонского сирийского Евангелия — потребуется около десяти таблиц; можно ли на них рассчитывать в Виз. Вр.? Назревает чрезвычайно ценная работа об эмалях Хахульской иконы — опять потребуются таблицы; поместить ли работу в Виз. Вр.?

В Вашем циркуляре говорится о расширении программы Виз. Вр. Ни в географическом, ни в хронологическом расширении программа Виз. Вр. не нуждается, если я правильно понимаю дело, а только в расширении живого материала: чтобы впредь Хрисанф Мефодиевич печатал свои диссертации в ином месте, а на страницах Виз. Вр. читатель находил статьи, имеющие теснейшее соприкосновение с центральными областями старой Византии, с их историей и археологией.

Наконец, разрешите мне обратиться к Вам с личною просьбою. У меня недостает томов I–IV, VI, VII, XI и XVI Виз. Вр.-ка. В. Э. Регель обещал мне — и устно, и письменно — распорядиться высылкою этих томов, или бесплатно, или со скидкой. Так как Ака-

демия (по крайней мере, русское отделение) вообще на рассылку своих изданий специалистам не скупится, я в обещании В. Э. Регеля не видел ничего необычного. Но В. Э. Регель или забыл, или не хотел, или не смог исполнить его. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы сочли возможным уведомить меня, возможна ли присылка мне как постоянному сотруднику означенных томов.

Мне остается только извиниться, что я не просто поблагодарил Вас за присылку циркуляра, а написал целое длинное письмо. Как в Константинополе по Институту, так теперь по Временнику я снова подпадаю под Ваше начальство; зная, как Вы радели об Институте, я предполагаю, что так же Вы будете радеть о Временнике, а потому счел допустимым утрудить Вас своими желаниями и вопросами. Пропу Вас и принять и передать Надежде Эрастовне сердечные приветы жены и мои. Глубоко Вас уважающий и искренне преданный *Федор Шмит*.

О практических действиях Ф. И. Успенского можно также судить на основании тех документов, которые сохранились в деле 40 его личного фонда (Ф. 126. Оп. 3: «Материалы по ВВ»). В нем содержатся: «Примерная смета на напечатание книги по образцу В. В.» типографии В. Ф. Киршбаума от 16 ноября 1915 г., адресованная Ф. И. Успенскому (л. 15); набросанный его рукой состав XXII тома ВВ (л. 18–20); представленные по просьбе Успенского интересные данные книжного склада Академии наук от 6 февраля 1916 г. со списком лиц и учреждений, которым рассылался ВВ, со сведениями по тиражу (513 экз.), из которого 13 экземпляров шло в Главное управление по делам печати, 419 — на книжный склад Академии наук, 81 — оставались в распоряжении редакции ВВ и т. д. (л. 21–22); выдержка из печатного приложения к протоколу XIV заседания ИФО от 23 ноября 1916 г. об издании ВВ, в которой говорится: «“Византийский временник”, издание Отделения исторических наук и филологии Имп. Академии наук, выходит в настоящее время под редакцией акад. Ф. И. Успенского. Выпуск его временно задержан был типографскими затруднениями, но в скором времени будет разослан очередной номер журнала. Выходящий в Юрьеве под редакцией проф. В. Э. Регеля журнал “Византийское обозрение” не является ни заменой, ни продолжением ВВ, как это было понято некоторыми лицами, но представляет собою совершенно самостоятельное издание»; ряд писем в редакцию ВВ с предложениями об обмене, с заявками на подписку, с благодарностью за присылку XXII тома ВВ и т. д. (л. 26–28, 40).

Важна выписка из протокола от 26 апреля 1922 г. о выступлении Ф. И. Успенского на заседании РАН, которая датирована 10 мая 1922 г., подписана С. Ф. Ольденбургом и гласит следующее:

События последних лет нанесли большой ущерб византиноведению и в России, и в западноевропейских странах. Достаточно указать на то, что из трех научных органов, посвященных византийским занятиям, два совсем перестали выходить — это ВЗ и Известия Р. А. И. в Константинополе, а третий, т. е. ВВ, не может даже в сокращенном против программы виде появиться с некоторой правильностью. Между тем степень организации, которая была отмечена хотя бы в редакции ВВ, и состав сотрудников этого журнала, и в особенности значительные достижения, какие приобретены византиноведением к началу великой европейской войны, — все это побуждает не терять надежды на возможность оживления упомянутых занятий. Важность переживаемого момента в приложении к русскому византиноведению увеличивается теми обстоятельствами, что, по всем вероятностям, немецкий журнал не будет более выходить и, следовательно, русскому академическому изданию предстояло бы объединить византийские занятия. Но прежде всего следовало бы придать В. В. программу и размеры, каких он достиг до войны, т. е. до 1914 г. ... Необходимо усилить редакцию журнала привлечением прежнего редактора В. Э. Регеля, имя которого тесно связано с организацией Временника и достигнутыми успехами. Затем прошу разрешения войти в сношение со славянскими, греческими и некоторыми византинистами на Западе на предмет выяснения условий участия их в русском органе по византиноведению. Само собой разумеется, в числе этих условий вопрос о языке будет иметь принципиальное значение.

И постановление Академии: «Положено разрешить, о чем сообщить акад. Ф. И. Успенскому и В. Э. Регелю. Непременный секретарь акад. С. Ольденбург»⁴.

Естественным было привлечение к изданию ВВ В. Н. Бенешевича, вообще ставшего для Ф. И. Успенского в 20-е гг. его «правой рукой» во всех его начинаниях⁵. Из письма Габриэля Милле

⁴ СПФ АРАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 40. Л. 31. Примерно в том же духе выдержано еще одно постановление РАН — от 13 сентября 1922 г., выписка из протокола которого (от 19 сентября 1922 г.) также хранится в деле (Л. 32).

⁵ Бенешевич, правда, считал, что его участие в этих «начинаниях» только вредило делу. Среди его бумаг сохранился перечеркнутый черновик, видимо,

к Бенешевичу от 27 июня 1926 г. мы узнаём, что именно Бенешевич сообщил французскому ученому о завершении работы над XXIV томом ВВ, в подготовке которого он, несомненно, принимал самое деятельное участие⁶. Его же рукой составлен черновик заявки непременно секретарю АН СССР от 30 апреля 1927 г. от Русско-византийской комиссии на издание ВВ (т. XXV) в объеме «по крайней мере до 20–25 п. л. + 10–15 таблиц»⁷. В выписке из протокола заседания АН СССР от 25 мая 1927 г., адресованной Ф. И. Успенскому, значится: «Разрешить увеличение на 2 листа очередного выпуска ВВ. Академик-секретарь И. Крачковский»⁸.

Не сомневаюсь, что именно В. Н. Бенешевичем была предложена для опубликования в 25-м томе ВВ статья Г. В. Вернадского, что вызвало специальное постановление Президиума АН от 14 июня 1927 г., выдержка из которого, адресованная Ф. И. Успенскому (с датой 22/VI-1927), гласит: «1) Разрешить печатание статей Айналова и Соколова в т. XXV ВВ. 2) Просить П. П. Сушкина переговорить с Успенским относительно Брунова. 3) Считать невозможным напечатание статьи Г. В. Вернадского. За непрямого секретаря акад. П. П. Сушкин»⁹. После смерти Федора Ивановича о Бенешевиче как естественном его преемнике на посту редактора ВВ речи не было: в Академии наук решили «просить акад. С. А. Жебелёва быть временным редактором ВВ и Председателем ВК» (выписка из протокола от 10 октября

неотправленного его письма к Ф. И. Успенскому (недатированное, черные чернила), в котором говорится: «Чрезвычайно огорчает меня то наблюдение, что моя личность представляется мне вредной для преуспевания РВК. Уже не раз бывало, что стоит мне уйти из дела, в котором вложена часть моей души, как это дело привлекало к себе симпатии Академии и принимало солидные размеры. РВК нуждается теперь в симпатиях Академии, чтобы развиваться в организацию соответственно серьезности своих задач. Если бы Вашим помощником был не я, Вам гораздо легче было бы добиться всех необходимых ресурсов; да и мне очень тяжело работать в сознании, что меня в лучшем случае не замечают, в худшем же, когда замечают, относятся только как к неизбежному злу. Поэтому я осмеливаюсь предложить Вам (как это мне ни горько и обидно) отставить меня из тов<арищей?> Предс<едателя РВК>» (СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 15. Л. 2).

⁶ Там же. Д. 120. Л. 4–5.

⁷ Там же. Ф. 126. Оп. 3. Д. 40. Л. 43–44. Здесь же машинописный экземпляр документа (л. 42).

⁸ Там же. Л. 45.

⁹ Там же. Л. 46.

1928 г., датированная 3 ноября 1928 г. и сохраняющаяся в фонде Ф. И. Успенского, содержит помету, сделанную рукой В. Н. Бенешевича: «получ. 6/XI-28»)¹⁰.

Старый ВВ благополучно скончался, хотя многим в это верилось с трудом. Еще в 1936 г. в письме к Бенешевичу С. Г. Каухчишвили вопрошает: «Как дела нашего “Византийского Временника”? Чем объяснить прекращение его издания?»¹¹ Риторический вопрос.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 126. Оп. 3. Д. 40. Л. 48.

¹¹ Там же. Ф. 192. Оп. 2. Д. 82.

УКАЗАТЕЛИ

Указатели составлены А. Г. Бондачем. В указателях приняты следующие обозначения: номер примечания указывается после номера страницы верхним индексом (и берется в скобки, если отсылка дана как к основному тексту, так и к примечанию); сокращение «пр.», набранное верхним индексом после номера страницы, означает примечание, продолжающееся с предыдущей страницы.

Рукописи, имеющие собственные названия (Венский Диоскорид и др.), приводятся в конце перечня рукописей соответствующего собрания; в скобках после названия указываются шифры таких рукописей, если они известны.

В указателе имен не учтены имена, входящие в состав названий монастырей, храмов, различных организаций (библиотек, университетов и др., за исключением издательств и фотоателье), премий, орденов, а также улиц и т. п. объектов. Не включены также имена домов и квартирохозяев. Имена литературных, мифологических и религиозных персонажей приводятся с пометами (в скобках) «лит.», «миф.» и «рел.» соответственно. Варианты написания имени или отдельных его частей даются в скобках; за основную форму обычно принимается та, в которой имя встречается в настоящем сборнике. Для монархов и представителей духовенства дополнительно к имени указывается — в кратком виде — титул или, соответственно, священный сан. У монашествующих лиц в скобках после монашеского имени приводится мирское имя, если таковое удалось установить. У монахов, более известных под светским именем, оно может ставиться на первое место.

При составлении указателей максимально учитывались косвенные упоминания и обиняки типа «его отец», «синодальная рукопись» и т. п. В конце указателя имен и подразделов указателя документов и рукописей приводятся наиболее характерные из таких упоминаний (прежде всего тех лиц, документов и рукописей, которые нигде в сборнике не названы прямо) в следующем виде: краткая цитата (при необходимости — с дополнениями по смыслу), номер страницы с первым упоминанием (в скобках) и отсылка к соответствующему имени или шифру в указателе.

УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТОВ И РУКОПИСЕЙ

ДОКУМЕНТЫ

Москва

Российская Государственная
библиотека.
Отдел рукописей

- Ф. 181. Д. 175 409⁽⁹⁾, 410–412
Ф. 270. Разд. Ша. № 4 (537) 397⁶⁸,
409, 412⁽¹⁷⁾, 414
Ф. 369. Картон 239. Д. 9 434–436
Ф. 704. Картон 1. Д. 13–18 179
Ф. 704. Картон 2. Д. 1–3 179

Российский государственный архив
древних актов

- Ф. 17. Оп. 1. Д. 58 доп. 33⁸, 36¹⁴
Ф. 52. Он. 2. Д. 5 410⁽¹³⁾, 411, 412

Российский государственный архив
литературы и искусства

- Ф. 1612 223¹⁷

Санкт-Петербург

Библиотека
Российской Академии наук.
Отдел рукописей

Основное собрание

- № 16. 5. 52 224²⁴

Собрание воспроизведений

- № 564 414²³
№ 565 414²³

Собрание текущих поступлений

- № 599 129²⁰
№ 600 129²⁰

Институт восточных рукописей
Российской Академии наук.
Архив востоковедов

- Ф. 120 277

Институт истории
материальной культуры
Российской Академии наук.
Научный архив

- Ф. 11. Он. 1. Д. 281 317¹¹²

Российская Национальная
библиотека.
Отдел архивных документов

- Ф. 1. Оп. 1. 1903 г. Д. 47 280, 281^(21–23),
282²⁴
Ф. 1. Оп. 1. 1904 г. Д. 90 275, 277⁽¹⁴⁾,
278^{15–17}, 279¹⁸, 280^{19, 20}, 313¹⁰⁰,
315¹⁰⁷, 322
Ф. 1. Оп. 1. 1913 г. Д. 50 280, 283^{(26–}
²⁸⁾, 284^(29, 30), 285, 286
Ф. 1. Оп. 1. 1916 г. Д. 119 289³³
Ф. 1. Оп. 1а. 1915 г. Д. 26 289³³

Российская Национальная
библиотека.

Отдел рукописей

- Ф. 88. Оп. 1. Д. 85 426¹⁰
Ф. 88. Оп. 1. Д. 194 426¹⁰
Ф. 102. Оп. 1. Д. 235 444^{28, 29}, 450⁵¹, 452^{65, 66}
Ф. 102. Оп. 1. Д. 236 445³³
Ф. 102. Оп. 1. Д. 237 437⁹, 440^{np}, 446³⁷, 454⁷⁹, 455^{80-82, 84}, 459¹⁰¹
Ф. 194. Оп. 1. Д. 570 439¹⁵, 446³⁶, 449⁴⁷⁻⁴⁹, 450^{50, 52}, 451^{62, 63}, 454⁷⁴⁻⁷⁷, 455⁸³, 456⁸⁶, 459⁹⁹, 460¹⁰⁵
Ф. 253. Оп. 1. Д. 49 273⁴
Ф. 253. Оп. 1. Д. 481 283²⁷
Ф. 253. Оп. 1. Д. 733 301⁽⁶⁸⁾
Ф. 542. Оп. 1. Д. 24 95¹⁹
Ф. 542. Оп. 1. Д. 25 18²⁹, 20, 95²⁰
Ф. 542. Оп. 1. Д. 29 96²¹, 97, 98⁽²⁵⁾, 99⁽²⁶⁾, 100⁽²⁹⁾, 101^(30, 31), 102-106
Ф. 542. Оп. 1. Д. 30 96²¹
Ф. 542. Оп. 1. Д. 65 95¹⁸
Ф. 542. Оп. 1. Д. 66 95¹⁸
Ф. 585. Оп. 1. Д. 1241 368
Ф. 608. Оп. 1 358²
Ф. 608. Оп. 1-2 223
Ф. 608. Оп. 1. Д. 10 225³⁵
Ф. 608. Оп. 1. Д. 11 225³⁵
Ф. 608. Оп. 1. Д. 12 225³⁵
Ф. 608. Оп. 1. Д. 13 225³⁵
Ф. 608. Оп. 1. Д. 14 225³⁵
Ф. 608. Оп. 1. Д. 380 224²⁴
Ф. 608. Оп. 1. Д. 381 224²⁴
Ф. 608. Оп. 1. Д. 382 224²⁴
Ф. 608. Оп. 1. Д. 383 224²⁴
Ф. 608. Оп. 1. Д. 384 224²⁴
Ф. 608. Оп. 1. Д. 385 225³¹
Ф. 608. Оп. 1. Д. 386 223²⁰
Ф. 608. Оп. 1. Д. 387 224²⁷
Ф. 608. Оп. 1. Д. 388 223²¹, 224²⁸, 225^{29, 30}
Ф. 608. Оп. 1. Д. 389 224²⁶
Ф. 608. Оп. 1. Д. 390 224²⁶
Ф. 608. Оп. 1. Д. 391 224²⁶
Ф. 608. Оп. 1. Д. 392 224²³
Ф. 608. Оп. 1. Д. 393 224²⁵
Ф. 608. Оп. 1. Д. 394 224²²
Ф. 608. Оп. 1. Д. 395 225³³
Ф. 608. Оп. 1. Д. 396 225³²
Ф. 608. Оп. 1. Д. 397 225³⁴
Ф. 608. Оп. 1. Д. 398 223¹⁹
Ф. 608. Оп. 1. Д. 444-499 225³⁶
Ф. 608. Оп. 1. Д. 502 306⁷⁷
Ф. 608. Оп. 1. Д. 506 224²⁸, 225^{np}, 230⁴⁵, 262¹⁴²
Ф. 608. Оп. 1. Д. 508 249⁹⁸
Ф. 608. Оп. 1. Д. 513 227³⁹, 242⁷⁸
Ф. 608. Оп. 1. Д. 523 248⁹²
Ф. 608. Оп. 1. Д. 552 243^{80, 81}
Ф. 608. Оп. 1. Д. 562 359⁵, 360⁶, 361^{10, 11}
Ф. 608. Оп. 1. Д. 563 230⁴⁹, 231^{50, 51}, 232⁵⁵, 248⁹³, 249⁹⁷, 250^{np}, 258^{128, 129}, 259¹³⁰, 260¹³³, 264¹⁴³, 363²³⁻²⁵, 364²⁶
Ф. 608. Оп. 1. Д. 596 236⁽⁶⁶⁾
Ф. 608. Оп. 1. Д. 620 239⁷⁴, 240⁷⁵
Ф. 608. Оп. 1. Д. 623 255¹¹⁶, 256¹¹⁸
Ф. 608. Оп. 1. Д. 748 229⁴⁴, 233⁵⁶, 234⁵⁸, 249⁹⁴
Ф. 608. Оп. 1. Д. 779 235^{61, 62}, 238⁷⁰, 258^{125, 126}
Ф. 608. Оп. 1. Д. 867 265¹⁴⁴, 266^{146, 147}, 267¹⁴⁸⁻¹⁵⁰, 268¹⁵¹
Ф. 608. Оп. 1. Д. 868 228⁴⁰, 235⁶⁵, 237⁶⁸, 246^{88, 89}, 250^{100, 101}, 251^{np}, 102-104, 106, 107, 252¹⁰⁸, 260¹³⁴⁻¹³⁶, 262¹⁴², 268¹⁵², 269^{np}, 153, 270¹⁵⁵⁻¹⁵⁷
Ф. 608. Оп. 1. Д. 892 228⁴³, 230⁴⁷, 232⁵⁴, 242⁷⁸, 243⁷⁹, 247⁹¹, 261¹³⁷⁻¹³⁹
Ф. 608. Оп. 1. Д. 894 238⁶⁹, 239⁷³
Ф. 608. Оп. 1. Д. 907 256¹²²
Ф. 608. Оп. 1. Д. 908 227^{38, 39}, 253¹¹², 255¹¹³, 256¹¹⁹⁻¹²¹, 257^{123, 124}, 370¹¹

- Ф. 608. Оп. 1. Д. 911 234⁵⁹
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 928 201⁷, 202^{np},
 317¹¹⁵, 318^{np}
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 929 201⁷, 202^{np}
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 957 360^{7, 8}, 361¹²,
 362^{17, 18}, 364²⁸, 365^{np., 29}
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 994 235⁶⁴
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 1103 242⁷⁷
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 1104 295^(51, 52), 296–
 298, 299⁽⁶²⁾, 301
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 1269 244⁸⁵, 245⁸⁶,
 246⁸⁷
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 1315 209²⁷, 226³⁷,
 241⁷⁶
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 1356 247⁹⁰
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 1375 243⁸²
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 1388 221¹², 228⁴²,
 302⁶⁹
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 1389 221¹²
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 1406 239⁷¹
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 1508 297⁵⁷
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 1514 235⁶³
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 1528 227³⁹
 Ф. 608. Оп. 1. Д. 1532 205⁽¹⁵⁾, 206⁽¹⁹⁾,
 207⁽²¹⁾, 208–216, 234⁵⁹, 462¹
 Ф. 648. Т. 1–2 58⁵
 Ф. 648. Т. 1 58, 59^{6, 8}, 60⁽⁹⁾, 62–68,
 69^(19, 20), 70⁽²¹⁾, 71–74
 Ф. 648. Т. 2 58
 Ф. 680. Оп. 1. Д. 114–120 413
 Ф. 850. Оп. 1. Д. 428 111⁹, 114¹⁹,
 115⁽²⁰⁾
 Ф. 904. Оп. 1. Д. 210 361⁵
 Ф. 906. Греч. 688 291–293
 Ф. 906. Греч. 893 123¹¹
 Ф. 906. Греч. 894 291^(42, 43), 293⁴⁶,
 294⁽⁴⁸⁾
 Ф. 906. Греч. 897 294, 295

Российский государственный
 исторический архив

- Ф. 733. Оп. 150. Д. 10 401⁹¹
 Ф. 834. Оп. 4. Д. 468 451^{38–61}
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 14 397^{64–66}, 401^{84, 88}
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 15 397⁶⁴
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 16 375, 397^(66, 68),
 398^{73, 74}, 400⁸⁰
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 17 375, 401⁸⁷
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 18 401^{85, 86}
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 19 375, 401⁸⁹, 402⁹⁹
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 20 396⁶², 398^{71, 72},
 403
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 21 375, 396⁶³,
 398⁷⁵, 402^{94–97}
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 22 396⁶⁰, 401^{90, 92},
 402^{98, 99}
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 23 375, 376, 396⁶²
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 24 290³⁷, 375,
 376¹², 377¹⁴, 396⁶¹, 397^{67, 69}, 398⁷⁶,
 401⁹³, 402⁹⁴
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 27 375, 378¹⁹, 386⁴¹,
 387⁴², 388^{43, 44}
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 28 395^{58, 59}
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 29 377¹⁵, 394⁵¹,
 399⁷⁷
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 30 375, 380²⁵,
 384³⁷, 394⁵⁰
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 32 287³¹, 375, 377¹⁷,
 378¹⁸, 380^{23, 24}, 381²⁶, 385³⁹, 392⁴⁸,
 406, 441¹⁹, 442^{20–23}, 443^{24, 25}, 444³¹,
 446^{35, 38, 39}, 447^{40–42}, 448^{43–45}, 449⁴⁶,
 450^{53, 54}, 451^{55–57}, 453^{70, 71}, 454^{73, 78},
 457^{94, 95}, 459^{103, 104}
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 33 329¹³³, 398⁷⁰, 403
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 34 295⁵⁰, 375
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 35 375
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 36 212³², 375⁽⁹⁾,
 469¹
 Ф. 1033. Оп. 1. Д. 37 375, 378^{20, 21},
 379³⁷, 381^{27, 29–31}, 382^{33, 34}, 383³⁵,
 384³⁶, 391⁴⁶

Ф. 1033. Оп. 1. Д. 38 375, 381²⁸, 394⁵²,
395⁵⁹, 400⁸³

Ф. 1033. Оп. 1. Д. 39 375

Ф. 1033. Оп. 1. Д. 40 375, 376^(12, 13),
377¹⁶, 400⁸⁰⁻⁸²

Ф. 1033. Оп. 1. Д. 43 393⁴⁹

Ф. 1033. Оп. 1. Д. 124 374^{np}.

Ф. 1033. Оп. 1. Д. 158 376¹¹, 377¹⁴

Санкт-Петербургский
институт истории
Российской Академии наук.
Научно-исторический архив

Ф. 261. Оп. 1. Д. 11 316¹⁰⁹

Санкт-Петербургский филиал
Архива Российской Академии наук

Ф. 1. Оп. 1а. 1822 г. Д. 33 49¹³

Ф. 1. Оп. 1а. 1854 г. Д. 90 56²⁵

Ф. 1. Оп. 1а. 1856 г. Д. 94 119³⁰

Ф. 1. Оп. 1а. 1893 г. Д. 140 374⁷

Ф. 1. Оп. 2. 1894 г. Д. 27 127¹⁷

Ф. 35. Оп. 1. Д. 1158 220⁶

Ф. 36. Оп. 1. Д. 227 310^{94, 95}, 331^{np}.

Ф. 36. Оп. 1. Д. 248 290³⁹, 291⁴⁰

Ф. 36. Оп. 1. Д. 257 310⁹¹

Ф. 36. Оп. 1. Д. 258 304⁷¹

Ф. 36. Оп. 1. Д. 261 310⁹², 311^{97, 98}

Ф. 36. Оп. 1. Д. 282 315¹⁰⁶, 323

Ф. 36. Оп. 2. Д. 4 385⁴⁰

Ф. 36. Оп. 2. Д. 48 311⁹⁶

Ф. 88. Оп. 1-2 II, 33⁵

Ф. 88. Оп. 1. Д. 3 15¹⁸

Ф. 88. Оп. 1. Д. 7 15¹⁶

Ф. 88. Оп. 1. Д. 8 15¹⁷

Ф. 88. Оп. 1. Д. 29 16¹⁹

Ф. 88. Оп. 1. Д. 138 16²³, 19³², 33⁸,
36¹⁴, 38¹⁶, 46⁹, 50¹⁴, 51¹⁷, 76², 79⁸

Ф. 88. Оп. 1. Д. 186 19³¹

Ф. 88. Оп. 2. Д. 6 79⁸

Ф. 88. Оп. 2. Д. 21 16²³, 21³⁴, 28⁹, 76²,
77⁴, 80^{9, 10, 12}, 81^{15-17, 19}

Ф. 88. Оп. 2. Д. 60 19³⁰

Ф. 88. Оп. 2. Д. 69 48¹¹, 51, 53

Ф. 88. Оп. 2. Д. 74 16²², 40²³

Ф. 88. Оп. 2. Д. 115 16²², 33⁶, 34⁹,
35^{10, 12}, 36¹³, 41^{25, 26}, 42²⁷, 50¹³

Ф. 95. Оп. 2. Д. 663 110⁸, 111⁽¹¹⁾, 112,
113¹⁵, 116, 117, 118^{np}), 119, 120

Ф. 95. Оп. 2. Д. 737 397⁶⁸, 409⁽⁸⁾, 410-
412, 413⁽²²⁾, 414⁽²⁴⁾, 415, 416

Ф. 95. Оп. 2. Д. 868 179, 182, 184,
188, 189, 191, 193, 194, 196, 198

Ф. 95. Оп. 2. Д. 908 122⁴

Ф. 95. Оп. 2а. Д. 201 117²⁷

Ф. 95. Оп. 2а. Д. 272 122⁸

Ф. 107. Оп. 1. Д. 42 329

Ф. 107. Оп. 1. Д. 125 326¹²⁶

Ф. 107. Оп. 1. Д. 126 328¹³¹

Ф. 107. Оп. 2. Д. 348 287³¹

Ф. 110. Оп. 2. Д. 42 317⁽¹¹³⁾, 318, 319,
320⁽¹²²⁾, 321, 322¹²⁵

Ф. 116. Оп. 1. Д. 57 467

Ф. 116. Оп. 1. Д. 58 467

Ф. 116. Оп. 1. Д. 268 467

Ф. 116. Оп. 2. Д. 266 305⁽⁷³⁾, 306

Ф. 118. Оп. 1. Д. 160-162 309

Ф. 126. Оп. 3. Д. 40 391^{45, 46}, 469¹,
470², 471⁽³⁾, 473, 474⁴, 475⁷⁻⁹, 476¹⁰

Ф. 127. Оп. 1. Д. 115 373⁴

Ф. 192. Оп. 1. Д. 25 123¹¹

Ф. 192. Оп. 1. Д. 31 309⁹⁰, 316¹⁰⁸

Ф. 192. Оп. 1. Д. 75 424⁽⁴⁾, 429, 430,
443²⁶

Ф. 192. Оп. 1. Д. 76 424^(4, 5), 425, 427-
430, 443²⁶

Ф. 192. Оп. 1. Д. 98 452⁶⁷

- Ф. 192. Оп. 1. Д. 119 433²
 Ф. 192. Оп. 1. Д. 126 442²¹
 Ф. 192. Оп. 2. Д. 8 438¹⁴
 Ф. 192. Оп. 2. Д. 15 475^{mp}
 Ф. 192. Оп. 2. Д. 19 434^{5, 6}
 Ф. 192. Оп. 2. Д. 37 426¹¹, 443²⁷
 Ф. 192. Оп. 2. Д. 82 476¹¹
 Ф. 192. Оп. 2. Д. 96 385³⁹
 Ф. 192. Оп. 2. Д. 99 437⁸
 Ф. 192. Оп. 2. Д. 103 427¹², 438¹⁰⁻¹³,
 440¹⁶, 444^{mp, 32}, 445³⁴, 453⁶⁹, 454⁷²,
 455⁸⁵, 456⁸⁷⁻⁸⁹, 457⁹⁰⁻⁹³, 458^{96, 98},
 459^{100, 102}, 460¹⁰⁶
 Ф. 192. Оп. 2. Д. 120 475⁶
 Ф. 192. Оп. 2. Д. 215 316¹¹⁰
 Ф. 192. Оп. 3. Д. 51 290⁽³⁸⁾
 Ф. 192. Оп. 3. Д. 73 427¹², 443²⁶
 Ф. 192. Оп. 3. Д. 95 292⁴⁴, 437⁷
 Ф. 216. Оп. 3. Д. 396 219³
 Ф. 216. Оп. 3. Д. 539 219³
 Ф. 216. Оп. 3. Д. 710 219³
 Ф. 726. Оп. 1. Д. 22 332¹, 333^{6, 7},
 334⁽⁹⁾, 335⁽¹⁰⁾, 337⁽¹⁸⁾, 338, 339²³,
 340⁽²⁷⁾, 341³⁰, 342^(np.), 343, 345⁽³⁶⁾,
 346⁽³⁸⁾, 347, 348^{42, 43}, 349, 350^(47, 48),
 352⁽⁵³⁾, 353, 354, 356
 Ф. 726. Оп. 1. Д. 22а 223¹⁶, 332²,
 340²⁸, 354^{np.}
 Ф. 726. Оп. 2. Д. 37 332³
 Ф. 726. Оп. 2. Д. 41 333⁶, 348⁴²
 Ф. 733. Оп. 1. Д. 87 290³⁵
 Ф. 733. Оп. 1. Д. 88 290³⁶
 Ф. 733. Оп. 2. Д. 33 349⁴⁴
 Ф. 733. Оп. 2. Д. 69 204^{13, 14}
 Ф. 733. Оп. 2. Д. 161 306⁽⁸¹⁾, 307, 308
 Ф. 733. Оп. 2. Д. 165 369¹⁰

Документ о поставлении первого
 русского патриарха Иова (410)
 см. Москва. Российский государ-

ственный архив древних актов.
 Ф. 52. Оп. 2. Д. 5

Коллекция [фотографий афонских
 актов] П. И. Севастьянова
 [в Москве] (севастьяновские ма-
 териалы) (397⁶⁸) см. Москва.
 Российская Государственная биб-
 лиотека. Отдел рукописей. Ф. 270.
 Разд. Ша. № 4 (537)

Рукопись Порфирия [с описанием
 рукописей Ивирского монасты-
 ря] (309) см. Санкт-Петербург.
 Санкт-Петербургский филиал
 Архива Российской Академии
 наук. Ф. 118. Оп. 1. Д. 160–162

РУКОПИСИ

Готская рукопись

Упсала

Uppsala universitetsbibliotek

Codex Argenteus 67

Греческие рукописи

Афины

Εθνική Βιβλιοθήκη της Ελλάδος

Athen. gr. 1896 410

Metoch. S. Sepulchr. 529 314

Афон

Βατοπεδский монастырь

Vatoped. 588 290, 291

Vatoped. 1035 см. Vatoped. 588

Vatoped. 1935 (388) см. Vatoped. 588

Ивирский монастырь

Iber. 382 310

Iber. 684 308, 311, 314, 315, 325, 326

Ватикан*Biblioteca Apostolica Vaticana*

Vat. gr. 698 402
 Vat. gr. 1190 402
 Vat. gr. 1357 402
 Vat. gr. 2075 (Basil. 114) 157

Вена*Österreichische Nationalbibliothek*

Vind. Hist. gr. 38 (31) 402
 Vind. Hist. gr. 47 130²²
 Vind. Hist. gr. 48 130²²
 Vind. Theol. gr. 43 402
 Vind. Theol. gr. 134 (65) 402
 Венский Диоскорид (Vind. Med. gr. 1)
 219⁽⁵⁾

Венеция*Biblioteca Nazionale Marciana*

Marc. gr. fondo antico 129 402

Дублин*Library of Trinity College*

Cod. 199 (B. 4. 17) 157

Женева*Bibliothèque de Genève*

Cod. gr. 34 313, 324

Иерусалим*Πατριαρχική Βιβλιοθήκη*

Παναγίου Τάφου 17 320, 321⁽¹²³⁾, 325

Лондон*British Library*

Burney 75 402

Мадрид*Biblioteca Nacional de España*

Мадридский Скилица (Matrit. gr. vitr.
 26-2) 269, 270¹⁵⁴

Москва
Государственный
Исторический музей

Синодальное собрание
 (номера: основные — по каталогу
 архим. Владимира; в скобках —
 по каталогам архим. Саввы и
 Маттеи)

№ 126 (18/18) 215⁴⁰, 233⁵⁷
 № 295 (451 / 37a [t. II, cod. in 4°])
 310⁹⁵, 311^{np}
 № 339 (198/199) 416⁽²⁹⁾
 № 376 (183/184) 306, 320^(120, 122)
 № 379 (161/162) 223²¹
 № 381 (15/15) 215⁴⁰, 233⁵⁷, 234^{np}
 № 394 (293/280) 222¹³, 223²¹, 236^{np}
 № 398 (242/229) 224, 234⁽⁶⁰⁾
 № 406 (264/251) 179⁽⁸⁾, 180, 181,
 182⁽¹²⁾, 184, 185⁽²⁶⁾, 186, 187, 189,
 190, 192, 199⁽⁶⁷⁾
 № 436 (298/285) 336¹⁶

Мюнхен*Bayerische Staatsbibliothek*

Monac. gr. 62 124, 145, 147, 149

Оксфорд*Bodleian Library*

Bodl. Baroc. 110 402
 Bodl. Baroc. 194 402
 Bodl. Baroc. 205 124, 140

ПарижBibliothèque nationale de France

Paris. gr. 1093 224⁽²⁸⁾
 Paris. gr. 1319 124, 139
 Paris. gr. 1323 124, 140
 Paris. gr. 1339 124, 139
 Paris. gr. 1359 124, 139
 Paris. gr. 1712 91, 93¹³
 Paris. gr. 1741 307
 Suppl. gr. 131 124, 139
 Suppl. gr. 286 314, 325

Патмос

Μονὴ τοῦ ἁγίου Ἰωάννου
τοῦ Θεολόγου

Patm. 396 410

ПрагаNárodní knihovna České republiky

Cod. XXV C 23 189⁴⁰

Санкт-Петербург

Российская Национальная
библиотека

Греч. 1–15 292
 Греч. 1–663 294
 Греч. 16–21 292
 Греч. 16–59 292⁴⁴
 Греч. 21–663 292
 Греч. 21 292
 Греч. 47 292
 Греч. 60 292
 Греч. 66 123^(10, 11), 124^{np}, 137
 Греч. 527 310
 Греч. 537 294⁴⁸
 Греч. 552 310⁽⁹⁵⁾
 Греч. 615 293⁽⁴⁶⁾, 294
 Греч. 632 293
 Греч. 633 293

Греч. 634 293
 Греч. 635 293
 Греч. 642 293
 Греч. 664–770 294
 Греч. 678 291
 Греч. 679 291
 Греч. 680 291
 Греч. 771–773 294
 Греч. 774–991 294
 Греч. 1026–1044 295

Пурпурное Евангелие (Codex purpureus Petropolitanus imp. Theodorae) (Греч. 53) 294⁽⁴⁸⁾, 298⁽⁶¹⁾, 299⁽⁶³⁾

София

Научен център
за славяно-византийски проучвания
«Иван Дуйчев»
към Софийския университет
«Св. Климент Охридски»

D. gr. 340 (Kosin. 5) 304

Стамбул

Βιβλιοθήκη τοῦ Οἰκουμενικοῦ
Πατριαρχείου

Panaghia 82 234^{np}.

ФлоренцияBiblioteca Medicea Laurenziana

Laurent. Plut. LXX. 11 189⁴²

Афоно-ивирская рукопись [томилией Фотия] (308) см. Афон. Ивирский монастырь. Iber. 684
 Две рукописи [жития Феодора Эдесского] Московской Синодальной библиотеки (215⁴¹) см. Москва. Государственный Исто-

- рический музей. Синодальное собрание. № 126, 381
- Две рукописи [писем Мелетия Пигаса] (410) *см.* Афины. Ἐθνικὴ Βιβλιοθήκη τῆς Ἑλλάδος. Athen. gr. 1896; Патмос. Μονὴ τοῦ ἁγίου Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου. Patm. 396
- Документ греческого собора (Синода) от 1593 г. об избрании патриарха (416) *см.* Москва. Государственный Исторический музей. Синодальное собрание. № 339
- Иерусалимский кодекс [гомилий Фотия] (314) *см.* Афины. Ἐθνικὴ Βιβλιοθήκη τῆς Ἑλλάδος. Metoch. S. Sepulchr. 529
- Кодекс [Фотия] XV в. из собрания... Женевы (313) *см.* Женева. Bibliothèque de Genève. Cod. gr. 34
- Лигарид [его выдержки из гомилий Фотия] (314) *см.* Париж. Bibliothèque nationale de France. Suppl. gr. 286
- Пражская рукопись Летовника [Георгия Амартола] (189⁴⁰) *см.* Прага. Národní knihovna České republiky. Cod. XXV C 23
- Рукописи [жития Паисия Великого и повествования о чудесах Мины] Московской Синодальной библиотеки (223²¹) *см.* Москва. Государственный Исторический музей. Синодальное собрание. № 379, 394
- Рукопись [жития Григория Синаита] Московской Синодальной библиотеки (222¹³) *см.* Москва. Государственный Исторический музей. Синодальное собрание. № 394
- Рукопись [жития Феодора Эдесского] с Халки (234^{mp}) *см.* Стамбул. Βιβλιοθήκη τοῦ Οἰκουµενικοῦ Πατριαρχείου. Panaghia 82
- Рукопись А [жития Феодора Эдесского] (234^{mp}) *см.* Москва. Государственный Исторический музей. Синодальное собрание. № 381
- Рукопись с сочинениями Димитрия Хоматиана (124) *см.* Мюнхен. Bayerische Staatsbibliothek. Monas. gr. 62
- Рукопись с текстом сочинения Льва Диакона (91) *см.* Париж. Bibliothèque nationale de France. Paris. gr. 1712
- Синодальный греческий список Георгия Амартола (179) *см.* Москва. Государственный Исторический музей. Синодальное собрание. № 406
- Dubliner HS [der Umarbeitung des Photianischen Nomokanon] (157) *см.* Дублин. Library of Trinity College. Cod. 199

Латинские рукописи

Ареццо

Biblioteca Città di Arezzo

Ms. 405 225, 228

Лондон

British Library

Harley Ms. 3845 224

Harley Ms. 3941 224

Harley Ms. 5251 224

Аретинский кодекс [паломничества Сильвии Аквитанской] (225) *см.*

Ареццо. Biblioteca Città di Arezzo.
Ms. 405

Разноязычные рукописи

Санкт-Петербург

Российская Национальная библиотека

Ф. 958 (Собрание разноязычных рукописей)

№ 67 (Разнояз. Q. II. № 14) 58⁽⁴⁾

№ 121 (Разнояз. F. IV. № 163) 26,
29⁽¹¹⁾

Славянские рукописи

Москва

Государственный Исторический музей

Синодальное собрание

Синод. 148 185⁽²⁶⁾, 190, 192

Синод. 345 33

Ефремовская Кормчая (Синод. 227)
58, 178

Синодальная (Новгородская) Кормчая (Синод. 132) 219⁵, 461

Российская Государственная библиотека

Ф. 173 (Собрание МДА)

№ 90 224

Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева)

№ 42 185⁽²⁶⁾, 189, 192

№ 230 66⁽¹⁴⁾, 67, 68

№ 231 71

№ 232 71

№ 233 66⁽¹⁴⁾, 68, 69⁽²⁰⁾, 71

№ 235 66⁽¹⁴⁾

Ф. 304 (Собрание Троице-Сергиевой лавры)

№ 684 224

Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского)

№ 1191 195⁽³⁴⁾

Санкт-Петербург

Библиотека

Российской Академии наук

Основное собрание

№ 27. 1. 60 14¹⁰

Российская Национальная библиотека

Ф. 536 (Собрание ОЛДП)

Оп. 1. № 1806 (Q. 106) 231

Ф. 550 (Основное собрание)

F. IV. № 136 98²⁵

F. IV. № 235 100

F. IV. № 334 26, 28¹⁰, 29

Q. IV. № 35 98²⁵

Ф. 717 (Собрание Соловецкого монастыря)

№ 638 (835) 231, 232

№ 814 (924) 224

Рязанский список Кормчей (F. п. II. 1) 69¹⁹

Два списка славяно-русского перевода хроники [Георгия Амартола] (98²⁵) *см.* Санкт-Петербург. Российская Национальная библиотека. Основное собрание. F. IV. № 136; Q. IV. № 35

«Ефремовский список» [Кормчей] (58) *см.* Москва. Государствен-

- ный Исторический музей. Ефремовская Кормчая
- Пергаменный список [жития Саввы Освященного] (231) *см.* Санкт-Петербург. Российская Национальная библиотека. Собрание ОЛДП. № 1806
- Рукопись Иоанна Экзарха Болгарского (33) *см.* Москва. Государственный Исторический музей. Синод. 345
- Список [Повести временных лет] Императорской Публичной библиотеки конца XV в. (100) *см.* Санкт-Петербург. Российская Национальная библиотека. Основное собрание. F. IV. № 235
- Un manuscript de Jean l'Exarque de Bulgarie (33) *см.* Москва. Государственный Исторический музей. Синод. 345

Французская рукопись

Санкт-Петербург

Российская Национальная библиотека

Ф. 542 (Собрание А. Н. Оленина)
Д. 717 115²¹

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абаза 225³⁵

Абамелек-Лазарев С. С. 296⁵⁵

Абдул-Хамид II, осман. султан 262

Абрамович Д. И. 223¹⁷

Августин (Мовильон Б. О. де), иером.
(позднее архим.) 226, 295, 306

Августин Аврелий, еп. Гиппонский 288

Аверинцев С. С. 100²⁹

Авраамий, еп. Арбельский (Арвиль-
ский) 320

Агапит Исповедник, еп. Синадский 320

Агафодор (Буданов А. И.), иеросхим.
398

Адам Зерникав (Черниговский), мон.
211⁽⁶¹⁾

Адамантиос А. И. 377

Аделунг Ф. П. (Ф. фон) 22

Айналов Д. В. 224⁽²⁸⁾, 225³⁵, 226, 229,
230, 246, 251¹⁰⁷, 254, 261, 262⁽¹⁴²⁾,
263, 264, 270, 469, 470, 475

Акентьев К. К. 9⁽¹⁾, 10²

Аксаков И. С. 196⁽⁵⁷⁾

Александр, виз. имп. 15⁽¹⁸⁾

Александр I Павлович, рос. имп. 22,
43–51, 53, 55, 57, 80¹²

Александр II Николаевич, рос. имп.
111, 112, 116

Александр III (Бандинелли Роландо),
папа 70⁽²¹⁾

Александр III Александрович, рос. имп.
300, 362⁽¹⁶⁾, 400

Александр Александрийский, архиеп.
452

Александр Фессалоникийский (Солун-
ский), еп. 460

Александр Ярославич Невский, кн. ки-
евский, кн. владимирский 61

Александров А. И. (позднее Анаста-
сий, еп. Ямбургский) 239, 249^(95, 96)

Алексеев А. И. 368

Алексей I Великий Комнин, трапезунд-
ский имп. 305

Алексей I Комнин, виз. имп. 125, 144

Алляция (Аллаций) Л. 185⁽²⁹⁾, 190

Алмазов А. И. 226, 227, 239, 242⁽⁷⁸⁾, 243

Альба 401

Альбинован Педон 219

Альтеракис (?) Н. 116⁽²³⁾

Амартол Георгий, мон. 15, 16⁽¹⁹⁾, 20,
23, 98⁽²⁵⁾, 100, 179^(5, 8), 180, 181⁽⁹⁾,
182⁽¹⁴⁾, 183, 185⁽²⁶⁾, 186⁽³¹⁾, 187, 188,
189^(40, 42), 190, 192, 194–196, 199⁶⁷

Амфилохий (Сергиевский-Казан-
цев П. И.), архим. (позднее еп. Уг-
личский) 226, 296⁽⁵³⁾

Анакреонт (Анакреон) 86

Анастасевич В. Г. 57²

Анастасий см. Александров А. И.

Анастасий Библиотекарь, пресв., анти-
папа 64

Анатолий, патр. Константинопольский
320

Анатолий (Грисюк А. Г.), архим. (позд-
нее митр. Одесский и Херсонский)
445

Анатолий Лаодикийский, еп. 375, 378,
441–443, 445, 446, 448, 460, 461

Анатолий Лаодикийский (Пс.) 448,
460, 461

Андреев И. Д. 394⁵¹

Андрей (Верёвкин А. И.), схиархим.
377

- Андрей Палеолог, титулярный виз. имп. 401, 402⁹⁹
- Анниан Александрийский, мон. 455
- Анскомб А. 448
- Анслон см. Анскомб А.
- Антонин (Антоний) Плацентинский 222
- Антонин (Капустин А. И.), архим. 226, 247, 248, 310
- Анфертьева А. Н. 239⁷²
- Аполлон (миф.) 248
- Аргир Исаак 459
- Аристархис С. 311, 312⁽⁹⁹⁾, 313⁽¹⁰²⁾, 314⁽¹⁰⁴⁾, 324, 325
- Аристархисы 312, 324
- Аристин Алексей, диак. 62, 68, 69
- Аристотель 219, 289, 307
- Аристофан 86
- Аршакиды 419
- Ассопиос К. 119
- Афанасий Афонский (Авраамий), игум. 222, 234⁽⁶⁰⁾
- Афанасий Панагийот, мон. 235
- Афиани В. Ю. 25¹, 26, 29
- Афина (миф.) 275
- Афу, еп. Пемджеский (Оксиринхский) 426, 429
- Б**
- Байер Г. З. (Т. З.) 11, 13
- Байер Х.-Ф. 222¹³, 235⁶⁵, 236^{mp}, 369⁹
- Бакрадзе Д. З. 267
- Бандини А.-М. 188⁽³⁸⁾, 189⁽⁴²⁾, 192
- Банк А. В. 382³²
- Бароний Ц., кард. 26⁽⁴⁾
- Басаргина Е. Ю. 463⁴, 465¹¹, 467^{16, 17}
- Баттифоль (Батиффоль) П., аббат 298
- Беверидж (Беверегий) В. (У.), еп. Сент-Асафа 63
- Беглери (Веглерис) Г. П. 259⁽¹³¹⁾, 262, 305, 375⁹, 376⁽¹³⁾
- Бегьерт Э. Т. см. Беглери (Веглерис) Г. П.
- Безобразов П. В. 226, 243, 328, 330¹³⁵, 342³², 354^{mp}, 384, 385⁽³⁹⁾, 393, 394⁵⁰
- Белоброва О. А. 88²⁷, 99²⁷
- Белозёров М. П. 234
- Беляев Д. Д. 253, 254
- Беляев Д. Ф. 226, 230, 231⁽⁵⁰⁾, 232, 248⁽⁹³⁾, 249, 250^{mp}, 252⁽¹⁰⁹⁻¹¹¹⁾, 253^(mp), 254, 255⁽¹¹³⁾, 258, 259⁽¹³⁰⁾, 260⁽¹³⁶⁾, 261⁽¹⁴⁰⁾, 262–264, 358, 359⁽⁴⁾, 360–364, 396
- Беляев И. Д. 183⁽¹⁶⁾
- Беляева З. В. 253, 254, 255¹¹³
- Беляева Л. Д. 253
- Бенешевич (урожд. Зелинская) Л. Ф. (А. Ф.) 424, 425⁽⁶⁾, 426–430, 434, 443
- Бенешевич В. Н. 9, 10⁽⁸⁾, 123¹¹, 274⁽⁸⁾, 283, 287, 290⁽³⁸⁾, 292⁽⁴⁴⁾, 295, 300, 301, 309, 316⁽¹⁰⁸⁾, 317, 330¹³⁵, 378⁽¹⁹⁾, 385⁽³⁹⁾, 386–388, 424⁽⁴⁾, 425, 426, 427⁽¹²⁾, 428, 429⁽¹⁵⁾, 430, 433^(2, 3), 434–436, 437⁽⁷⁾, 438–441, 442⁽²¹⁾, 443^(26, 27), 444^(mp), 445, 450, 452⁽⁶⁷⁾, 453, 455–460, 469, 470, 474⁵, 475^(mp), 476
- Бенешевич Г. В. 434
- Бенешевич Д. В. 434
- Бережков Д. Н. 349, 351⁽⁵⁰⁾
- Березин А. С. 22, 77⁽⁶⁾, 78^(mp), 79⁽⁸⁾, 80
- Березин И. Н. 78^{mp}
- Березина А. Н. 78^{mp}
- Березины 78^{mp}
- Беренштам (Бернштам) Ф. Г. 270
- Беркгольц Е. Е. 111, 116, 117
- Бертенсон Л. Б. 255⁽¹¹⁵⁾, 338
- Берто см. Канель Э.-Ф.
- Берто (урожд. Канель) М. 22
- Бестужев-Рюмин К. Н. 344³⁵, 463
- Бибилов М. В. 255¹¹⁷, 349⁴⁵, 352⁵⁴
- Билинский И. Б. 285
- Биллярский П. С. 179⁽⁷⁾, 182¹⁴, 183⁽²¹⁾, 184⁽²⁴⁾, 185²⁶, 186³⁰, 187³⁵, 188, 189, 191, 192⁽⁴⁷⁾, 194, 197–199
- Бинер Ф. А. 58, 124, 137
- Бисмарк О. Э. Л. фон 337

Благовещенский Н. М. 218, 256
 Бларамберг И. П. 43
 Блок Г. П. 15¹⁵
 Блудов Д. Н. 112, 118, 193
 Бобринский А. А. 250
 Богданова Т. А. 451
 Бодуэн де Кургенэ И. А. 342, 343
 Бодянский О. М. 16, 183⁽¹⁶⁾, 185, 189, 190⁽⁴⁴⁾, 195⁽⁵⁵⁾
 Болотов В. В. 226, 236, 237, 423^(1, 2), 424, 425, 426⁽¹⁰⁾, 427⁽¹²⁾, 428, 429, 432, 433, 440^{mp}, 443^(26, 27), 444^(mp), 445, 446, 459, 460
 Большаков Т. Ф. 198⁽⁶⁶⁾
 Бонапарт см. Наполеон I
 Бонгард-Левин Г. М. 271¹⁵⁸
 Бонне Ж., аббат 331
 Бонч-Бруевич В. Д. 434, 435, 437
 Борис I, болг. кн. 65
 Борис Фёдорович Годунов, рус. царь 94¹⁷, 135, 145, 160, 161
 Борман О. Л. 269
 Боткин С. П. 336¹³
 Ботта Дж. К. К. 111
 Ботта Дж. С. 111
 Брадов Д. 309
 Браиловский Л. М. 269
 Браун Ф. А. 330¹³⁵
 Брейе Л. 393⁴⁹
 Бриллиантов А. И. 287, 423⁽²⁾, 426, 434, 437, 438, 439¹⁵, 442²¹, 443⁽²⁷⁾, 444⁽²⁸⁾, 446, 450–452, 454–456, 459, 460
 Брокгауз Ф. А. 78^{mp}, 119, 466
 Бронзов А. А. 245
 Брун Ф. К. 368
 Брунов Н. И. 475
 Брюнетьер Ф. 202
 Буданова В. П. 369⁹
 Будберг А. А. 283, 284
 Будде Е. Ф. 253
 Будилович А. С. 201^(2, 4), 217², 218⁽³⁾, 222¹⁴
 Бузескул В. П. 226^(mp), 332³, 333⁶, 464⁷
 Буле И. Ф. (И. Т.; И. Г.) 219

Бурния (Бурняс; Бурняс) Г. 293⁽⁴⁶⁾, 294⁽⁴⁷⁾
 Бычков А. Ф. 178², 226^(mp), 247⁹⁰, 280, 281, 298
 Бычков И. А. 123¹¹, 295
 Бюлер Ф. А. 409⁽¹⁰⁾, 410, 411

В

Вайгель Т. О. 134, 151
 Вакалопулос А. Е. 108⁽¹⁾
 Валеттас И. Н. 315¹⁰⁵
 Валеттас Н. 315, 325
 Вальсамон Феодор, диак. (позднее Феодор IV, патр. Антиохийский) 62, 64, 68, 157
 Варахсий Персидский, мон. 320
 Варнава (Беляев Н. Н.), еп. Васильсурский 459
 Варрон Марк Теренций (Варрон Реатинский) 219
 Василий I Македонянин, виз. имп. 396
 Василий III Иванович, вел. кн. московский 421
 Василий Великий, архиеп. Кесарии Каппадокийской 86, 453
 Васильев А. А. 226, 239, 240⁽⁷⁵⁾, 352⁵⁴, 354^{mp}, 370¹⁴, 373⁴, 380, 385³⁹, 392, 402, 466⁽¹⁵⁾
 Васильевская М. Я. 347⁴⁰, 351
 Васильевские 347
 Васильевский В. Г. 9, 103^{mp}, 136⁽³³⁾, 202, 223⁽¹⁶⁾, 226, 239, 240, 243, 251⁽¹⁰⁵⁾, 255^(114, 117), 256, 258, 260⁽¹³⁶⁾, 287, 295, 297⁽⁵⁹⁾, 298, 304, 313, 315, 324, 325, 332⁽³⁾, 333^(5, 6, 8), 334, 335^(10, 11), 336^(13–16), 337^(mp, 18, 20), 338, 339^(23, 24), 340^(26, 27), 341^(29, 31), 342⁽³²⁾, 343, 344^(34, 35), 345⁽³⁶⁾, 346⁽³⁹⁾, 347⁽⁴⁰⁾, 348^(42, 43), 349^(44, 45), 350⁽⁴⁸⁾, 351, 352^(51, 52, 54), 353, 354^(mp), 355–357, 366–371, 372⁽³⁾, 373⁽⁴⁾, 374⁷, 463, 464, 467¹⁶

Васильчиковы 225³⁵
 Ватенбах (Ватгенбах) В. 224²⁸
 Вебер А. Ф. 135, 165
 Вебер Э. 190
 Веглерис Г. П. см. Беглери (Веглерис) Г. П.
 Вей (урожд. Петропулу) Е. 384
 Вейс Н. А. 384, 403
 Вейнгарт (Вайнгарт) М. 186³¹, 189⁴⁰
 Вельнгофер М. 392
 Вельтер Г. 270
 Вельтман А. Ф. 420
 Венедикт, митр. Афинский 293, 294
 Вернадский Г. В. 270¹⁵⁴, 475
 Вернардакис Д. 112
 Веселовский Александр Н. 243
 Веселовский К. С. 145, 196
 Веттенгофер см. Вельнгофер М.
 Визирова 437
 Виктор Тавеннисийский, архим. 426, 460
 Викторий Аквитанский 459
 Викторов А. Е. 178², 412⁽¹⁹⁾, 414
 Виламовиц-Мёллендорф У. фон 238, 239⁷¹
 Виллари П. 351
 Вильгельм II Гогенцоллерн, герм. имп. 337, 450
 Вилье де Лиль-Адан Э. С. 265
 Винберг Н. А. 319¹¹⁹
 Виниери 293
 Виноградов П. Г. 354
 Висконти Э. К. 219
 Витт Ж. де 270
 Владимир (Филантропов В. И.), архим. (позднее еп. Ковенский) 182¹², 306, 320, 416⁽²⁸⁾
 Владимир Всеволодович Мономах, кн. киевский 70, 219⁽⁵⁾, 270, 408⁽⁴⁾, 409, 415^(25, 26), 417, 419–422
 Владимир Святославич (Владимир Святой), кн. киевский 23, 407, 417, 422
 Владимир Ярославич, кн. новгородский 422

Владиславлев М. И. 243
 Властарь Матфей, иером. 293⁽⁴⁶⁾
 Воеводский Л. Ф. 305
 Волков М. 110⁽⁷⁾
 Волконский С. Г. 20, 22, 91
 Володимер сын Всеволожь см. Владимир Всеволодович Мономах
 Вольтер Э. А. 226^{mp}
 Вольфцун Л. Б. 77⁶, 275¹⁰, 288^{mp}, 425⁶
 Воронов Е. П. 434⁽⁴⁾
 Воронцов С. Р. 22
 Востоков А. Х. 16, 36⁽¹⁵⁾, 67⁽¹⁵⁾, 73
 Вретос см. Пападопулос-Вретос А.
 Вулгарис см. Евгений (Вулгарис [Булгарис] Елевферий)
 Вяземский П. А. 231
 Вялова С. О. 265¹⁴⁴

Г

Гаврилов А. К. 209²⁷
 Газе К. Б. (Ш. Б.) 13, 16⁽²³⁾, 17⁽²⁴⁾, 18, 19⁽³²⁾, 20–22, 23⁽³⁹⁾, 24, 26, 27, 28⁽⁹⁾, 29, 30⁽¹³⁾, 44, 45, 46⁽⁸⁾, 47, 48, 49¹², 51–54, 55⁽²³⁾, 76⁽²⁾, 77–79, 80^(10, 12), 81, 91, 93^(13, 16), 96²⁴, 98²⁵, 102⁽³²⁾, 103^{mp 1}, 136, 187^{mp}
 Газе Х. Г., пастор (позднее суперинтендент Альпштедта) 17
 Гален 86
 Гальма Н., аббат 22
 Гардт И. 183⁽²⁰⁾
 Гарнак А. фон 436, 439¹⁵, 448
 Гедеон М. 273, 274⁷, 290, 291
 Гедеонов С. А. 198⁽⁶⁴⁾
 Гедеоновапори́д см. Гедеон М.
 Геерен А. Г. Л. 13
 Гейне Г. 202
 Геллий Авл 272
 Генрих IV, имп. Св. Рим. империи 401
 Георгий (Пс.-Амартол), мон. 181, 186⁽³¹⁾, 187, 188, 192
 Георгий Кипрский-Хузевит см. Георгий Хозевит

- Георгий Могила, митр. Молдавский 411
 Георгий Монах (Мних) *см.* Амартол
 Георгий
 Георгий Победоносец 320¹²²
 Георгий Синкелл, мон. 179⁵
 Георгий Хозевит, мон. 221
 Герасим Иорданский, мон. 221
 Герберштейн (Херберштейн) С. (З.) фон 70²¹
 Герд Л. А. 205¹⁶, 259¹³¹, 333⁸, 423¹
 Геродот 86
 Гесселинг (Хесселинг) Д. К. 384
 Гидулянов П. В. 388
 Гиероним *см.* Иероним Стридонский (Евсевий Иероним)
 Гиль Х. Х. 361⁽¹⁵⁾
 Гильдемейстер И. 230⁽⁴⁶⁾
 Гиляров 416
 Гиляров-Платонов Н. П. 416³⁰
 Гинзбург Г. И. 12⁴
 Гинцель Ф. К. 436, 448⁴⁴, 449–451, 455, 459, 461
 Глазов В. Г. 277, 278
 Глинка С. Н. 14¹¹
 Глубоковский Н. Н. 426, 438, 439¹⁵, 446, 449–451, 454, 455, 458, 460, 469, 470
 Гнедич Н. И. 31, 90
 Голицын А. Н. 115
 Голубев В. И. 285
 Голубева О. Д. 30¹⁶, 90¹, 96²²
 Голубовский П. В. 257, 370
 Гомер 83, 86, 91, 207
 Гомзеков А. 41²⁵
 Горацій Квинт Флакк 214, 218, 462
 Гордеев Д. П. 378, 472
 Горский А. В. (позднее прот.) 185²⁶
 Гортензия (Евгения Богарне), голланд. кор. 17
 Горчаков А. М. 109, 110⁽⁶⁾, 111¹⁰
 Горянов Б. Т. 465¹³
 Готалов-Готлиб А. Г. (Готалов А. Г.; Готлиб А. Г.) 462³, 463⁶
 Готьер дю Корель *см.* Кюрей Готье де
 Гранстрем Е. Э. 129¹⁹, 291⁽⁴¹⁾, 294⁴⁸, 295, 412¹⁷, 413²²
 Гревс И. М. 223¹⁶, 226^{оп}, 255¹¹⁴, 332^(1–4), 333^(5, 6), 334, 335⁽¹¹⁾, 338, 339⁽²³⁾, 340²⁸, 347, 352, 353⁽⁵⁵⁾, 354, 355⁽⁵⁶⁾, 356⁽⁵⁷⁾, 370¹⁴
 Гретсер Я., свящ.-иезуит 185⁽²⁹⁾
 Грефе Ф. Б. (Х. Ф.) 37, 39⁽¹⁹⁾, 92, 93⁽¹¹⁾
 Греч Н. И. 39²²
 Григора Никифор 23
 Григорий V (Ангелопулос Георгий), патр. Константинопольский 37, 39⁽²²⁾
 Григорий Асвеста, митр. Сиракузский (позднее митр. Никейский) 313, 324
 Григорий Палама, архиеп. Фессалоникский 23
 Григорий Синаит, игум. 222⁽¹³⁾, 234, 235⁽⁶⁵⁾
 Григорий Сиракузский *см.* Григорий Асвеста
 Григорович В. И. 130²²
 Гримм А. И. 37, 38⁽¹⁸⁾, 39⁽²²⁾, 40, 41⁽²⁵⁾, 42
 Грот К. Я. 226^{оп}, 305
 Грот Н. Я. 226^{оп}
 Грот Я. К. 226^{оп}
 Грушевой А. Г. 221¹⁰
 Грюмель В., мон.-ассумпционист 441¹⁷
 Губар П. В. 203⁽¹⁰⁾
 Гулянов И. А. 22
 Гумбольдт В. (Ф. В. Х. К. Ф.) фон 197

Д

- Д'Ансе де Виллуазон Ж.-Б.-Г. 17
 Давид (урожд. Капинаки) М. 80
 Давид Ж. 22, 75–78, 79⁽⁸⁾, 80^(9, 10), 81^(14, 20), 82^(оп. 1), 83, 84⁽²³⁾, 85, 86⁽²⁴⁾, 87^(25, 26), 88, 89⁽²⁹⁾
 Давид Ж. Л. 75, 76, 79, 81⁽¹⁴⁾
 Давид Э. 79, 80
 Далтон О. М. 471
 Дамагорас (Дамагор) 99

- Дамиан I (Касиотис Д.), патр. Иерусалимский 319, 321⁽¹²³⁾
- Даниил, митр. Эфесский 317⁽¹¹⁵⁾, 318^{пр.}
- Даниил II, архиеп. Печский 62¹¹
- Данилевский см. Лапто-Данилевский А. С.
- Данте Алигьери 351
- Деавсоврос В. 214
- Делор Ж. 80⁽¹²⁾
- Десянов И. Д. 300
- Демидов П. Н. 181¹⁰
- Демосфен 86
- Деникин А. И. 439¹⁵
- Деревицкий А. Н. 256, 261–264
- Дестунис Г. С. 88²⁷, 99²⁷, 117, 200, 203^(11, 12), 204⁽¹⁴⁾, 205, 216, 226, 287, 318^{пр.}, 327, 329, 414, 463⁽⁵⁾
- Дестунис С. Ю. 88⁽²⁷⁾, 99⁽²⁷⁾, 329
- Дёрпфельд В. 240
- Джеронимо Бонапарте см. Жером Бонапарт
- Джустициани И. А. (Дж.) 199⁽⁶⁹⁾
- Дильс Г. А. 105³⁷, 238
- Димитриевский см. Дмитриевский А. А.
- Димитрий II Хоматиан, архиеп. Охридский 124, 145, 147, 149
- Дионисий IV Серогланис (Комнин), патр. Константинопольский 308
- Дионисий V (Харитонидис Д.), патр. Константинопольский 400
- Дионисий Малый, мон. 64
- Диоскор, архиеп. Александрийский 426
- Диоскорид (Диоскурид) Педаний 219⁽⁶⁾
- Дмитриевская (урожд. Никонова) А. И. 256
- Дмитриевский А. А. 226, 228, 229, 232–234, 248⁽⁹³⁾, 249, 254, 256, 273⁴, 275¹¹, 276⁽¹²⁾, 283^(25, 27), 284²⁹, 301, 302, 308⁸⁵, 315¹⁰⁷, 316^{пр.}
- Дмитрий (Дмитрий) Иванович Донской, вел. кн. владимирский 193⁵⁰
- Добровский (Дубравский) И. (И.), аббат 35⁽¹¹⁾, 68⁽¹⁶⁾
- Дометий Персиянин, иеродиак. 320¹²²
- Дондуков см. Дондуков-Корсаков А. М.
- Дондуков-Корсаков А. М. 267
- Дону П. К. Ф. 193⁵⁰
- Досифей II (Нотара), патр. Иерусалимский 321, 322⁽¹²⁵⁾, 416
- Дрехслер Ф. 27⁷, 92⁹
- Дружинин В. Г. 226^{пр.}, 246, 370
- Дубровин Н. Ф. 341, 344
- Дубровский, аббат см. Добровский (Дубравский) И. (И.)
- Дука 378
- Дукакис К. Х. 301
- Душан см. Стефан Душан (Стефан Урош IV Душан; Душан Сильный)
- Дьяконов А. П. 442, 447, 460
- Дюбрюкс П. А. (П.) 43, 45⁷
- Дювиньо Б.-Э.-М. 20
- Дюканж Ш. 12, 98, 125, 144, 185²⁸
- Дюшен Л., аббат 448

Е

- Евангелиду Т. Е. 301
- Евгений (Болховитинов Е. А.), архиеп. Псковский, Лифляндский и Курляндский (позднее митр. Киевский и Галицкий) 60, 72–74
- Евгений (Вулгарис [Булгарис] Елевферий), архиеп. Славянский и Херсонский 119, 206⁽¹⁹⁾, 209⁽²⁷⁾, 210⁽³⁰⁾, 211⁽³¹⁾, 212, 214^(37, 38), 215⁽³⁹⁾, 314, 325
- Еврипид 84²³, 86, 252
- Евсевий Кесарийский (Памфил), еп. 86, 193^(49, 51), 221, 225, 230⁴⁸, 455
- Евсевий Никомидийский, архиеп. Константинопольский 460
- Евсеев Е. И. см. Евсеев И. Е.
- Евсеев И. Е. 440^{пр.}
- Евстафий Солунский (Фессалоникийский), архиеп. 86
- Евтихий (Саид ибн аль-Битрик), патр. Александрийский 428
- Евфимий Великий, иером. 221, 233
- Евфимий Чудовский, мон. 178²

Евфросиния (Пределава Святославич-на) Полоцкая, игум. 188³⁹

Егиазаров Л. 382, 383³⁵

Екатерина II Алексеевна (София Августа Фредерика), рос. имп. 12, 207, 209²⁷, 214³⁸, 215³⁹

Епифанович С. Л. 445

Ермаковская О. Н. 377

Ермолаев А. И. 29, 100

Ернштедт В. К. 203, 204⁽¹⁴⁾, 224²⁸, 226^(mp), 234^(mp), 235, 238, 243, 257, 258, 295, 306, 307, 308^(85, 88), 309⁽⁸⁹⁾, 311, 315, 325, 337^{mp}, 340²⁷, 349⁴⁴, 366, 368, 369

Ернштедт П. В. 375⁹

Ж

Жабрева А. Э. 91²

Жебелёв С. А. 201⁽²⁾, 217², 220⁽⁸⁾, 223, 226, 252^(109, 111), 330¹³⁵, 359⁴, 465⁽¹²⁾, 475

Жером Бонапарт, вестфальский кор. 81⁽¹⁸⁾

Жилина Н. В. 408⁽⁴⁾, 415^{25, 26}

Жуанвиль Жан де 105

Жуенвиль де см. Жуанвиль Жан де

З

Завитневич В. З. 257, 370

Загоскин Н. П. 364⁽²⁷⁾, 365

Зайцев А. И. 75, 81

Залеман К. Г. 226^{mp}

Заливалова Л. Н. 333⁸

Залусские 293

Замысловский Е. Е. 243

Звенигородский А. В. 471

Зееберг Э. 447–449, 461

Зеек О. 452, 458

Зеенк см. Зеек О.

Зелинский Ф. Ф. (Т.) 226, 424

Зенгелис К. 105³⁷

Зерлентис Я. 401

Зернин Е. 392⁽⁴⁸⁾, 393^{mp}

Зиновьев И. А. 313⁽¹⁰¹⁾, 324

Зинон, еп. Тирский 442, 447, 448, 461

Зонара Иоанн, мон. 62, 68, 69, 98, 100, 195⁽⁵⁵⁾

И

И. Куропалат см. Скилица Иоанн

Иаков, мон. 311

Ибн Фадлан Ахмад ибн Аббас 101⁽³¹⁾

Ибн Фодлан см. Ибн Фадлан Ахмад ибн Аббас

Иван (Иоанн) II Иванович, вел. кн. владимирский 422

Иван (Иоанн) IV Васильевич (Иван Грозный), рус. царь 407, 409⁽⁹⁾, 410¹⁴

Иван (Иоанн) V Алексеевич, рус. царь 420

Иванов А. А. 236, 237

Иваск У. Г. 201⁶

Игнатий Диакон, митр. Никейский 290, 291⁽⁴⁰⁾

Игнатъев П. Н. 285, 286

Игорь, кн. киевский 97, 101⁽³¹⁾

Иделер Х. Л. 450

Иеремия I, патр. Константинопольский 303, 304, 327, 328

Иеремия II Транос, патр. Константинопольский 303, 327

Иеремия IV, патр. Константинопольский 299⁶³

Иероним Стридонский (Евсевий Иероним), пресв. 193, 221, 230⁴⁸, 288

Извольский А. П. 315, 326

Изяслав Ярославич, кн. киевский 70

Иисус Христос 59⁸, 232

Иконников В. С. 257, 344, 370

Икономос К., свящ. 39²², 58, 315, 325

Икономос С. 315¹⁰⁵

Иларион (Троицкий В. А.), архим. (позднее архиеп. Верейский) 432, 436, 445

- Иларион Великий, мон. 221
 Илия (Минятий [Миньятис; Миниатис]), еп. Керницкий и Калавритский 207⁽²³⁾, 208
 Илия бар Шинайа (Нисибинский), несторианский еп. 458
 Илья (Илия), архиеп. Новгородский (позднее схиархиеп. Иоанн) 70
 Имберий (лит.) 377
 Иоаким I Пани, патр. Александрийский 303
 Иоаким III (Деведзис Х.), патр. Константинопольский 314, 315, 325, 326
 Иоаким V Дау, патр. Антиохийский 303, 304
 Иоанн, еп. Готский 367
 Иоанн I Цимиский (Цимиский), виз. имп. 94¹⁷, 95, 97, 269
 Иоанн II (Христос Продром), митр. Киевский 70
 Иоанн III Схоластик, патр. Константинопольский 64, 65⁽¹³⁾, 66, 67, 69, 124, 137
 Иоанн IV, митр. Киевский 70⁽²¹⁾
 Иоанн V Палеолог, виз. имп. 166, 398
 Иоанн VIII, папа 65
 Иоанн Антиохийский см. Иоанн III Схоластик
 Иоанн Драгослав 69⁽¹⁹⁾
 Иоанн Златоуст, архиеп. Константинопольский 59⁸, 288, 453
 Иоанн Креститель (Предтеча) 428
 Иоанн Лествичник, игум. 270¹⁵⁴
 Иоанн Лид (Лидиец) 18
 Иоанн Молчальник (Исихаст), еп. Колонийский 221, 233
 Иоанн Экзарх (Ексарх) Болгарский 32, 33⁽⁷⁾, 35
 Иоанн Эфесский (Ефесский), еп. 460
 Иов, патр. Московский 410, 411
 Иогансон Р. А. (Р.-Г.-А. А.) 285
 Иона Персидский, мон. 320
 Иосиф (Беляев И. И.), архим. 380²³
 Иосиф Флавий (Йосеф бен Маттיתяху) 230
 Иподимотопуло Е. 307
 Ипполит Римский 459, 461
 Ипсиланти А. (А. К.) 88²⁸
 Ириарта см. Ириарте Х.
 Ириарте Х. 188⁽³⁸⁾, 191
 Ириней Лионский, еп. 453
 Исидор, иером. (затем митр. Киевский; позднее кард., униатский патр. Константинопольский) 407
 Истрин В. М. 179⁷, 180, 181^(9, 11), 182¹⁴, 184²⁴, 185²⁶, 186^{30, 31}, 187³⁵, 192⁴⁷
 Иштван I Святой (Стефан I), венг. кор. 418

К

- Каганович Б. С. 332⁴
 Каждан А. П. 23³⁹, 103^{mp}
 Калайдович К. Ф. 32⁽¹⁾, 33^(5, 7), 34, 35, 36⁽¹⁵⁾, 37–40
 Каллиадис К. 400⁸²
 Калокир 26
 Канель А. (М.-К.-А.) 22
 Канель Э.-Ф. 20
 Каподистрия А. 109, 111
 Каподистрия И. (И. А.) 22, 45, 46, 108⁽¹⁾, 109, 111, 115⁽²¹⁾
 Карабинов И. А. 469, 470
 Каралли М. Д. 114
 Караллис см. Каралли М. Д.
 Карамзин Н. М. 9, 13, 14⁸, 16, 22, 25⁽¹⁾, 26^(3, 5), 27, 28⁽⁸⁾, 29, 31, 62, 70²¹, 92¹⁰, 100, 101³¹, 112^(12, 14), 193⁵⁰, 289
 Каратаев И. П. 196⁽⁵⁹⁾
 Караяннопулос И. 314¹⁰⁴
 Карепин А. А. 270
 Карначёв А. Е. 289³⁴
 Карпинский А. П. 433, 434, 438
 Карташёв (Карташов) А. В. 283, 285, 286
 Кассо Л. А. 279, 280

- Катифорос А., свящ. 208, 213⁽³⁵⁾
 Катопис Н. 275
 Катулл Гай Валерий 218
 Каухчишвили С. Г. 476
 Каченовский М. Т. 14¹¹, 22
 Кедрин Георгий, мон. 100
 Кекавмен 336, 337^{np}, 346
 Керамевс см. Пападопуло-Керамевс А. И.
 Кёлер Г. К. Э. (Е. Е.) 12⁽⁴⁾, 16, 22, 37, 39⁽¹⁹⁾, 43, 44⁴, 51, 52⁽¹⁹⁾, 53, 55
 Кёшпен П. И. 16, 22, 52⁽²⁰⁾, 57², 78^{np}.
 Кизерицкий Р. Г. 287⁽³²⁾, 288^{np}, 289
 Кикин П. А. 49, 50⁽¹⁴⁾, 51⁽¹⁶⁾
 Киприан, митр. Киевский 71, 72
 Кириак Отшельник, иером. 221, 224
 Кирилл, иером. 400⁸⁰
 Кирилл (Константин Философ), мон. 35¹¹, 63–67, 149, 249⁽⁹⁶⁾
 Кирилл II, еп. Туровский 32
 Кирилл II (III), митр. Киевский 61–63, 68–72
 Кирилл Иерусалимский, еп. 456
 Кирилл Скифопольский, мон. 231⁵², 233
 Кирилл Туровский см. Кирилл II
 Кириллова (урожд. Васильевская) М. В. 347⁴⁰, 350, 351
 Кириичников А. И. 226, 305
 Кирсанов 367
 Киришбаум В. Ф. 224²⁷, 321, 473
 Клапрот Г. Ю. 16, 22
 Клейгельс Н. В. 276
 Клеопа (Кикилидис), архидиак. (позднее митр. Назаретский) 320, 321⁽¹²³⁾
 Климанов Л. Г. 202, 317¹¹²
 Климент Римский (Пс.) 454
 Клоссиус В. Ф. фон 58
 Ключевский В. О. 344, 394⁵¹, 416
 Кобеко Д. Ф. 277, 278⁽¹⁷⁾, 279, 280, 281⁽²³⁾, 282, 283^(25, 27), 284–286, 288^{np}, 312, 315, 323, 325, 361⁽¹³⁾
 Ковалевский Е. П. 111⁽¹⁰⁾
 Ковалевский М. М. 257
 Кодин Георгий (Пс.) 125, 144
 Кодрикос П. 17
 Козлов В. П. 16²¹, 25¹, 26, 29, 32², 188³⁹
 Колчак А. В. 439¹⁵
 Коль И. П. (П.) 11
 Комбефис Ф., мон.-доминиканец 26, 27
 Комосария, боспорская царица 52⁽¹⁹⁾
 Кондаков Н. П. 9, 226–228, 231, 235, 237, 246⁽⁸⁹⁾, 249, 250⁽¹⁰¹⁾, 251^(np, 105, 107), 252^(np), 258, 259⁽¹³⁰⁾, 260, 262¹⁴², 265⁽¹⁴⁴⁾, 266, 267, 268^(151, 152), 269^(np), 270⁽¹⁵⁴⁾, 305, 383³⁵, 396, 469, 470
 Константин см. Кирилл (Константин Философ)
 Константин (Типальдос; Типальд), митр. Ставропольский 314, 325
 Константин I Великий, рим. имп. 445, 452
 Константин V (Валиадис К.), патр. Константинопольский 313, 324
 Константин VII Багрянородный (Порфиrogenет; Порфиородный), виз. имп. 15⁽¹⁸⁾, 94¹⁷, 98, 100, 101⁽³⁰⁾, 104⁽³⁴⁾, 158, 252, 359, 397
 Константин IX Мономах, виз. имп. 418, 419
 Константин Икономос см. Икономос К.
 Константин Константинович Романов, вел. кн. 277⁽¹⁴⁾, 337⁽²¹⁾, 373⁵, 374
 Констанция II см. Констанция Арагонская
 Констанция Арагонская, кор. Сицилии, имп. Св. Рим. империи 418
 Копитар В. (Е.) 62¹¹, 68⁽¹⁶⁾, 149
 Кораблёв В. Н. 397
 Коранс А. 17, 21, 22, 80⁽⁹⁾, 209²⁸
 Коркунов М. А. 184⁽²⁵⁾
 Коромилас А. 114
 Кортаев см. Каратаев И. П.
 Корсаков Д. А. 254, 362^(19, 20), 363, 364
 Корф М. А. 110, 111⁽¹⁾, 116⁽²²⁾
 Котельер (Котелерий; Котелериус) Ж.-Б. (И.) 215, 231, 233
 Коцебу О. Е. 16, 22
 Красножен М. Е. 385

- Красносельцев Н. Ф. 226, 228⁽⁴³⁾, 230, 231, 232⁽⁵⁴⁾, 242⁽⁷⁸⁾, 243, 247, 261–264
- Крачковский И. Ю. 435, 436, 437⁽⁷⁾, 440, 475
- Крашенинников М. Н. 225, 226, 228, 238, 239⁽⁷²⁾, 241
- Крокидас Е. см. Крокидас К. С.
- Крокидас К. С. 112^(12, 14), 113
- Круг Л. 22
- Круг Ф. И. (И. Ф.) 11⁽²⁾, 12^(5, 6), 13⁽⁷⁾, 14^(8, 10, 12), 15^(13, 14, 16–18), 16⁽²³⁾, 18, 19⁽³²⁾, 20–24, 27, 28^(8, 9), 32, 33^(4, 5, 8), 34, 35, 36^(14, 15), 37, 38⁽¹⁷⁾, 39, 40, 41⁽²⁵⁾, 44, 45, 46⁽⁸⁾, 47–49, 50^(14, 15), 51⁽¹⁶⁾, 52–56, 76⁽²⁾, 77, 78, 79⁽⁸⁾, 80^(10, 12), 81, 91, 96⁽²⁴⁾, 183⁽¹⁷⁾, 185⁽²⁷⁾
- Крузенштерн И. Ф. (А. И. фон) 16, 20, 22
- Крум, болг. хан 195
- Крумбахер К. 172, 217, 226, 227³⁹, 258, 306, 317, 397, 403, 405
- Крылов И. А. 289
- Крюгер 428, 429, 443²⁶
- Ксенофонт 84²³, 86
- Ксифилин Иоанн (Мл.) 84²³, 86
- Кузьминский В. В. 284
- Кулаковский Ю. А. 226, 227³⁹, 253⁽¹¹²⁾, 254, 256, 257, 369, 370, 384, 385⁽³⁹⁾, 466⁽¹⁴⁾
- Кумундурос А. 257
- Куник А. А. (Э. Э.) 11^{2, 3}, 12, 13⁷, 14⁽¹⁰⁾, 15, 16⁽²⁰⁾, 110⁽⁸⁾, 111, 112, 113⁽¹⁷⁾, 115, 116, 117⁽²⁹⁾, 118^(ип.), 119⁽³⁰⁾, 120, 121, 122^(3, 4, 6), 123⁽⁹⁾, 124, 125, 126⁽¹⁶⁾, 127⁽¹⁷⁾, 128–133, 135–175, 176⁽³⁸⁾, 178, 179, 181⁽¹⁰⁾, 182, 183, 184⁽²⁴⁾, 185⁽²⁷⁾, 187⁽³⁵⁾, 188, 189, 191–197, 198⁽⁶⁴⁾, 199⁽⁶⁷⁾, 226^{mp}, 315, 325, 340⁽²⁵⁾, 341, 342, 344, 368, 374⁽⁷⁾, 397⁶⁸, 408⁽⁷⁾, 409–412, 413⁽²¹⁾, 414⁽²⁴⁾, 415, 416
- Курц Э. Г. 226, 234, 397, 406
- Куторга М. С. 219, 287
- Кызласова И. Л. 270¹⁵⁴
- Кюрей Готье де 106

Л

- Лабарт Ш. Ж. 396
- Лаббе Ф., свящ.-иезуит 188³⁶
- Лавенский (Лабенский) К. К. 22
- Лавровский Н. А. 226^{mp}
- Лавс 223
- Лагинопуло О. 287³¹, 330¹³⁵
- Лазарев В. Н. 437
- Ламанские 225³⁵
- Ламанский В. И. 218, 220⁶, 243, 298⁽⁶⁰⁾, 299⁽⁶²⁾, 333⁶, 342, 343, 348, 350, 351^(49, 50), 352, 462, 463
- Ламбакис Г. 377⁽¹⁴⁾
- Ламбеций (Ламбек) П. 183⁽²⁰⁾, 191
- Ламброс С. 172, 238, 257, 258, 309–311, 377
- Лангле Л.-М. 22, 55⁽²³⁾
- Лаппо см. Лаппо-Данилевский А. С.
- Лаппо-Данилевский А. С. 343⁽³³⁾, 344, 345^(36, 37)
- Лангтева Л. П. 122³, 372⁽¹⁾, 374^{mp}, 392⁴⁷, 394⁵³, 399⁷⁸, 401^{90, 91}
- Лашпин Г. И. 366
- Лашпин С. И. 197⁽⁶³⁾
- Ласкари 467
- Ласкин Г. А. 396, 397
- Латышев В. В. 201⁷, 226^(mp), 232, 238, 254, 282, 295, 317⁽¹¹⁵⁾, 318^(mp), 319^(116–119), 320^(mp, 120, 122), 321^(123, 124), 322⁽¹²⁵⁾, 391, 469, 470
- Лебедев А. П. 380, 381, 444, 445
- Лебедев Д. А., свящ. (позднее прот.) 9, 10, 375, 376, 378⁽¹⁹⁾, 423, 424³, 426, 427⁽¹²⁾, 428, 431, 432, 433⁽²⁾, 434–438, 439¹⁵, 440, 441^(17, 18), 442⁽²¹⁾, 443^(26, 27), 444^(mp), 445–451, 452⁽⁶⁷⁾, 453–460
- Лебедев Н. С. 467¹⁷
- Лебедева А. А. 436

- Лебедева Г. Е. 244⁸⁴
 Лебедева М. Д. 433–435
 Лев VI Мудрый, виз. имп. 15⁽¹⁸⁾, 98, 99⁽²⁶⁾, 124, 126¹⁵, 161, 172
 Лев Диякон (Дьякон) 17^(24, 25), 18⁽²⁷⁾, 19⁽³²⁾, 20, 21⁽³⁵⁾, 22⁽³⁶⁾, 23, 25⁽²⁾, 26, 27⁽⁷⁾, 28, 29, 30^(12, 13), 31, 44⁽⁶⁾, 76⁽³⁾, 91⁽⁴⁾, 92^(7, 9, 10), 93^(13, 16), 94⁽¹⁷⁾, 95, 96^(21, 22, 24), 97^(np), 98–102, 103^(np), 105, 106⁽³⁸⁾, 107, 186⁽³²⁾, 187^{np}
 Левитский В. В. 410
 Левицкий В. И., прот. 255⁽¹¹⁷⁾, 349⁴⁵
 Левицкий И. В. 349
 Легран Э. 108⁽⁴⁾, 200⁽¹⁾, 201, 203^(11, 12), 204⁽¹⁴⁾, 205⁽¹⁶⁾, 206^(19, 20), 207^(21, 22), 208⁽²⁴⁾, 209⁽²⁸⁾, 210^(np, 29), 211⁽³²⁾, 212, 213, 214⁽³⁶⁾, 215⁽⁴⁰⁾, 216, 222¹⁵, 226, 234⁵⁹, 462⁽¹⁾
 Лепер Р. Х. 226, 295, 306
 Лерберг А. Х. 16, 22, 101³⁰
 Лермонтов М. Ю. 289
 Лерх П. И. 194⁽⁵²⁾, 197
 Леунклавий (Лёвенклав; Амельс-бурн) И. 134, 139, 151
 Либаний (Ливаний) 86
 Лигарид см. Паисий (Лигарид Панда-леон [Пантелеимон])
 Лингентали см. Цахариз фон Линген-тали
 Линейкин см. Регель В. Э.
 Липшиц Е. Э. 136⁽³⁴⁾
 Лисий 238
 Литаврин Г. Г. 21³⁵, 30¹², 92⁷, 103^{np}, 104³⁴, 333⁸, 372³
 Липутиранд Кремонский, еп. 100
 Лихачёв Н. П. 226, 244⁽⁸³⁾, 284²⁹, 289³⁴, 330¹³⁵, 358⁽¹⁾, 359, 360⁽⁷⁾, 361⁽¹⁵⁾, 362^(16, 20, 21), 363, 364⁽²⁸⁾, 365, 435, 436, 437⁽⁷⁾, 440, 469, 470
 Лихачёв П. Ф. 364
 Лихуд Иоанникий (Иоанн), иером. 329
 Лихуд Софроний (Спиридон), архим. 329
 Лобойко И. Н. 34, 35
 Лопарёв Х. М. 201², 216, 217^(1, 2), 221⁽¹¹⁾, 226^(np), 233⁵⁷, 234^{np}, 249⁽⁹⁹⁾, 250^{np}, 272⁽¹⁾, 275¹¹, 282, 283, 286, 287⁽³¹⁾, 294⁴⁸, 295, 303⁽⁷⁰⁾, 304, 326, 327^(127, 129), 328⁽¹³¹⁾, 329⁽¹³²⁾, 330⁽¹³⁵⁾, 331, 354^{np}, 377, 380, 392, 393⁴⁹, 469, 470, 472
 Луи-Наполеон Бонапарт см. Наполеон III
 Лукиан 84²³, 86
 Лукиан Антиохийский, пресв. 456, 460
 Лукулл Луций Лициний 100
 Луначарский А. В. 394, 395
 Лучипкий М. В. 257
 Люгебиль К. Я. (К. И.) 366, 368, 463
 Людвиг 347⁴⁰, 351
 Людмила (лит.) 94¹⁷
 Людовик IX Святой, фр. кор. 98, 105
 Людовик XIV Великий (Король-Солнце), кор. Франции и Наварры 188³⁶
 Людовик XVIII, фр. кор. 53
 Лященко А. И. 226^{np}

М

- Магдалино П. 253^{np}
 Май А., кард. 22, 113, 193
 Майков Л. Н. 225³⁵, 260¹³⁶, 318^{np}, 333⁶, 335^{10, 11}, 337¹⁸, 339, 340–343, 344³⁵, 345⁽³⁶⁾, 348⁽⁴²⁾, 350
 Майков П. М. 58⁵
 Макарий (Булгаков М. П.), митр. Московский и Коломенский 117
 Максим Грек (Триволис Михаил), мон. 329
 Максимиан Равеннский, архиеп. 229
 Малала Иоанн (также Пс.) 179⁵, 185
 Малеин А. И. 469–471
 Манасси (Манассия) Константин 98
 Мандельштам М. Л. 364²⁸, 365^{np}
 Мансветов И. Д. 226
 Мануил I Великий Комнин, трапезундский имп. 305

- Мануил I Комнин, виз. имп. 139, 377, 378
- Маразли Г. Г. 288
- Марасли см. Маразли Г. Г.
- Маргарона (лит.) 377
- Мария Вифинская (Марин), мон. 320¹²²
- Мария Георгиевна Романова (урожд. Глюксбург), вел. кн. 276⁽¹³⁾
- Мария Фёдоровна (Мария София Фредерика Дагмар), рос. имп. 362¹⁶
- Марк, евангелист 426, 427, 429, 443²⁷
- Марк II. 397, 398⁽⁷⁰⁾, 403–406
- Марр Н. Я. 397, 434
- Мартиниан, мон. 320
- Мартиросьянц см. Мартиросянц Р.
- Мартиросянц Р. 382, 383³⁵
- Масленников А. 330¹³⁵
- Масленникова (в браке Пападопуло-Керамевс) Е. Г. 274, 280, 282–286, 287⁽³¹⁾, 288^{np}, 316, 330¹³⁵
- Маттеи Х. Ф. фон 180, 182¹², 183²⁰
- Маттисен К. 390, 392⁴⁸, 447, 458
- Матфей, иером. 369⁹
- Матфей (Ольшанский М. П.), схимон. 200, 225²⁹, 235, 379, 380
- Матфей К(?) 459
- Машков 117
- Мегалос Э. см. Легран Э.
- Медведев И. П. 9⁽¹⁾, 10^(2, 3), 13, 14¹⁰, 15, 16^{20, 23}, 18–20, 21⁽³⁵⁾, 22⁽³⁶⁾, 23⁽³⁹⁾, 24⁴⁰, 25², 26, 27, 28^(8–10), 29, 30^(12, 15, 16), 31, 33^(4, 5, 8), 34, 36⁽¹⁴⁾, 37, 38⁽¹⁷⁾, 39, 40, 44⁽⁶⁾, 45, 46⁽⁸⁾, 47–49, 50⁽¹⁵⁾, 51, 55⁽²³⁾, 57¹, 58, 59, 61–66, 68, 71–73, 75, 76⁽³⁾, 78, 79, 81²⁰, 82⁽²¹⁾, 83, 88, 90, 91⁽⁴⁾, 92⁽⁷⁾, 94¹⁷, 95, 96^(22, 24), 97^{np}, 98⁽²⁵⁾, 100²⁹, 101³¹, 102⁽³²⁾, 103^{np}, 104, 105⁽³⁷⁾, 106³⁸, 107, 108⁽⁴⁾, 109, 110⁽⁷⁾, 111, 112, 113^{16, 17}, 115, 116^(23, 24), 117–119, 121, 122⁽⁷⁾, 124, 126¹⁶, 128, 129¹⁹, 130²³, 134–136, 179⁽⁵⁾, 180, 181, 182¹⁴, 185–187, 189⁴⁰, 191⁴⁶, 202, 203¹², 205, 209, 210⁽³⁰⁾, 213, 218, 222¹⁵, 223¹⁸, 225⁽²⁹⁾, 227³⁹, 230, 231, 233, 235⁶⁵, 236–240, 242, 244⁸³, 248, 251, 252, 254, 255⁽¹¹⁴⁾, 258⁽¹²⁷⁾, 259, 262, 268, 269, 271¹⁵⁸, 273, 274^(7, 8), 276, 282, 283⁽²⁵⁾, 287⁽³¹⁾, 288^{np}, 289³⁴, 290, 291, 293⁽⁴⁵⁾, 294⁽⁴⁷⁾, 295, 296, 297⁽⁵⁹⁾, 300–304, 308⁸⁵, 309–313, 314⁽¹⁰⁴⁾, 315¹⁰⁷, 316–318, 319⁽¹¹⁹⁾, 321, 328¹³¹, 330¹³⁵, 334, 339²³, 352⁵⁴, 358², 359³, 365^(np), 366⁽¹⁾, 368⁽⁸⁾, 369, 370⁽¹²⁾, 373^(4, 5), 374^(np), 375⁽⁸⁾, 378⁽¹⁹⁾, 381, 387⁴², 396⁶⁰, 397, 398, 400, 401⁽⁹⁰⁾, 402, 408⁽⁷⁾, 412¹⁷, 413⁽²²⁾, 417^{*}, 424⁽³⁾, 427, 431, 432, 433⁽³⁾, 434, 436, 437⁽⁷⁾, 441⁽¹⁷⁾, 442, 444^{np}, 446, 451–456, 458⁽⁹⁷⁾, 460, 463⁴, 470
- Мелетий I Пигас, патр. Александрийский 410
- Мелиоранский Б. М. 226
- Менгу-Тимур, хан Золотой Орды 62
- Менделеев Д. И. 222¹⁴
- Менигн Парийский 306, 320
- Мериме П. 339
- Меурсий И. (Мёрс Я. ван) 98, 99⁽²⁶⁾, 100
- Мефодий, архиеп. Моравии 35¹¹, 63, 65⁽¹³⁾, 67, 149, 249⁽⁹⁶⁾
- Меперский Н. А. 179⁵, 185²⁶, 195⁵⁴
- Миддендорф А. Ф. (А. Т.) 118, 119, 142
- Миклошич Ф. (Ф. К. фон) 126⁽¹⁶⁾, 167, 170, 173, 328
- Милле Г. 339²³, 474, 475
- Миллен де Гранмезон О.-Л. 18–20
- Миллер Б.-Э.-К. 184^(23, 24), 199
- Мина Котуанский 222, 223²¹
- Минаев И. П. 243, 348
- Минцлов Р. И. 117
- Мистакидис В. А. 272⁽³⁾, 273, 377
- Мисюревич О. Е. см. Петрунина О. Е.
- Митропольский Н. М. 335
- Михаил, архангел (рел.) 428
- Михаил, кн. см. Борис I
- Михаил VII Дука, виз. имп. 418
- Михаил VIII Палеолог, виз. имп. 69, 153, 300⁽⁶⁵⁾
- Михаил Сириец (Великий), сиро-яковитский патр. Антиохийский 454

Миценко Ф. Г. 226
 Модестов В. И. 255, 337, 350–352
 Модестовы 351
 Моммзен Т. 220, 226
 Мондессис Ф. см. Монцелезе Ф.
 Мономах см. Владимир Всеволодович Мономах
 Монтелиус О. (Г. О. А.) 266
 Монцелезе Ф. 208
 Монье А. 126⁽¹⁴⁾, 172
 Морган Дж. П. 471
 Морган П. см. Морган Дж. П.
 Морлтман А. Д. мл. 260⁽¹³²⁾
 Морозов М. А. 244⁸⁴
 Муравьев А. Н. 410⁽¹⁴⁾
 Муральт И. фон 77⁽⁶⁾
 Муральт Э. Г. (Э. фон) 77⁶, 123^(9, 10), 124, 137, 174, 180, 184⁽²⁴⁾, 185²⁶, 186³¹, 189⁴¹, 298
 Мустафа Нури-паша 265
 Мустафа-паша см. Мустафа Нури-паша
 Мюллер (Миллер) Г. Ф. (Ф. И.) 11
 Мюллер И. (Й.) 126¹⁶, 170, 173, 328

Н

Набгольц Б. И. 410–412
 Надеждин Н. И. 126¹⁶, 130²²
 Нальхольц см. Набгольц Б. И.
 Наполеон I (Наполеон Бонапарт), фр. имп. 75, 76, 81¹⁸
 Наполеон III (Шарль Луи Наполеон Бонапарт), фр. имп. 17
 Нардова В. А. 134³⁰
 Наср эд-Дин-шах (Насер ад-Дин), иран. шах 410
 Наталья Алексеевна (Вильгельмина Луиза) Романова (урожд. Гессен-Дармштадтская), вел. кн. 215
 Наук А. К. (И. А.) 226^{mp}, 238, 315, 325, 409⁽¹¹⁾, 415, 416
 Нейманн Ф. фон мл. 269
 Нектарий (Пелопидис Николай), патр. Иерусалимский 206, 208

Нелидов А. И. 260, 262–264, 270
 Нессель Д. де 190, 191
 Нессельроде К. В. (Нессельроде-Эресгофен К. Р. фон) 22, 45, 46, 51
 Нестор (миф.) 127¹⁷
 Нестор Летописец, мон. 14¹¹, 15, 16⁽¹⁹⁾, 100, 101, 105, 181, 182, 186
 Нибур Б. Г. 22, 183¹⁸, 193⁽⁵¹⁾, 194^{mp}
 Никита Пафлагонский (Пс.) 306⁽⁸⁰⁾, 313, 324
 Никитин П. В. 220⁸, 226^{mp}, 281⁽²³⁾, 282, 290, 291⁴⁰, 295, 304, 308⁸⁵, 309, 310^(93, 95), 311, 312, 314, 315, 323–326, 373, 385
 Никифор (Никифор I), митр. Киевский 70, 219⁽⁵⁾
 Никифор (Феотокис [Феотоки] Николай), архиеп. Славянский и Херсонский (позднее архиеп. Астраханский и Ставропольский) 207⁽²³⁾, 209, 315, 325
 Никифор I, патр. Константинопольский 12, 190, 448, 461

Никифор II Фока, виз. имп. 94¹⁷, 95
 Никодим 225
 Никодим (Цинцонис Н.), патр. Иерусалимский 300, 303
 Николай I, папа 65, 66
 Николай I Павлович, рос. имп. 109, 111⁽¹¹⁾
 Николай II Александрович, рос. имп. 276–278, 283, 284, 315, 326, 331
 Николь Ж. 126⁽¹⁵⁾, 172
 Новосельцев А. П. 104³⁴
 Нордгейм В. В. 388–390
 Норов А. С. 112, 113, 118, 119, 193

О

Оболенский А. П. 37, 39⁽²⁰⁾, 40–42
 Оболенский М. А. 110, 114⁽⁰⁸⁾, 179⁽⁸⁾, 180, 181, 182^(12–14), 183, 185, 187, 188, 410⁽¹²⁾
 Образцов И. Я., прот. 225³⁵

Олег, кн. киевский 101, 397

Оленин А. Н. 16, 18–22, 27⁽⁷⁾, 28, 29, 30^(15, 16), 31, 90⁽¹⁾, 91^(2, 3), 92^(9, 10), 93^(12–15), 94⁽¹⁷⁾, 95⁽¹⁸⁾, 96^(21–24), 97, 98⁽²⁵⁾, 99⁽²⁶⁾, 100⁽²⁹⁾, 101^(30, 31), 102, 103^(пр., 33), 104, 105⁽³⁷⁾, 106, 107

Оленины 18²⁹, 95¹⁸

Оловянишников В. И. 472

Ольга, кн. киевская 14, 269

Ольга Константиновна, греч. королева-консорт 337⁽²²⁾

Ольденбург С. Ф. 378⁽¹⁹⁾, 387⁴², 388, 435, 436, 437⁽⁷⁾, 440, 470², 474, 475

Омоль Т. (Ж. Т.) 226

Омон А. О. 224²⁸, 307

Орлов А. Н. *см.* Орлов А. П.

Орлов А. П., прот. 446

Орлов В. Г. 12

Орлов Г. В. 22

Орлов И. Г. 11⁽³⁾, 12

Орлов Ф. Г. 12

Орлов-Чесменский А. Г. 12

Орлова (урожд. Жеребцова) О. А. 225³⁵

Орлова (урожд. Ртищева) Е. Ф. 11⁽³⁾, 12

Орловы 12

Осокин Н. А. 363⁽²²⁾

Оттон I (Отго), греч. кор. 17, 109, 132, 140

П

П.-Керамевс А. И. *см.* Пападопуло-Керамевс А. И.

П.-Керамевс К. И. *см.* Пападопуло-Керамевс К. И.

Павел Каюмский 320

Павел Петрович Романов, цесаревич (позднее Павел I Петрович, рос. имп.) 215

Павел Эвергетин, мон. 316

Павлин, еп. Тирский 442, 447, 448, 461

Павлов А. С. 62¹¹, 65¹³, 122⁵, 135, 164, 200, 204, 205, 287

Павловский А. А. 247⁹⁰

Паги *см.* Пажи Ф.

Паджи Ф. *см.* Пажи Ф.

Пажи Ф., мон.-францисканец 12, 26⁽⁴⁾, 27

Пазини Дж. Л. 188⁽³⁸⁾

Паисий, мон. 421

Паисий (Лигарид Пандалеон [Пантелеимон]), митр. Газский 308⁽⁸⁵⁾, 314, 325

Паисий Великий, мон. 222, 223⁽²¹⁾, 224⁽²⁸⁾, 225^{пр.}

Палеология 467

Палладий Еленопольский, еп. 223

Пальмиери А. 462⁽²⁾

Пальмов И. С. 469, 470

Панайотакис Н. М. 17^{24, 25}, 18⁽²⁷⁾, 103^{пр.}

Панов М. М. 411

Панченко Б. А. 136³¹, 278, 306, 352, 354^{пр.}, 467⁽¹⁶⁾

Папагеоргиу П. 314⁽¹⁰³⁾, 324

Пападимитриу С. Д. 242

Пападопуло С. К. 285

Пападопуло-Вретос *см.* Пападопулос-Вретос А.

Пападопуло-Керамевс (урожд. Катопи) М. 275, 322

Пападопуло-Керамевс А. И. 131⁽²⁵⁾, 175, 225, 226, 233, 234^{пр.}, 272^(1, 3), 273⁽⁴⁾, 274⁽⁷⁾, 275^(9, 11), 276^(12, 13), 277–282, 283⁽²⁵⁾, 284⁽²⁹⁾, 285, 286, 287⁽³¹⁾, 288^(пр.), 289^(33, 34), 290⁽³⁸⁾, 291⁽⁴⁰⁾, 292⁽⁴⁴⁾, 293⁽⁴⁶⁾, 294, 295^(49, 52), 296⁽⁵³⁾, 297^(56, 58), 298⁽⁶¹⁾, 299⁽⁶²⁾, 300⁽⁶⁶⁾, 301, 302⁽⁶⁹⁾, 303, 304⁽⁷²⁾, 305, 306⁽⁷⁹⁾, 307^(82, 84), 308–311, 312⁽⁹⁹⁾, 313⁽¹⁰⁰⁾, 314, 315⁽¹⁰⁷⁾, 316^(пр., 108), 317^(111, 115), 318^(пр.), 319^(116–118), 320, 321^(123, 124), 322⁽¹²⁵⁾, 323–326, 327⁽¹²⁸⁾, 328⁽¹³¹⁾, 329⁽¹³²⁾, 330^(134, 135), 331, 376, 377¹⁴, 384, 396

Пападопуло-Керамевс Е. *см.* Масленникова Е. Г.

Пападопуло-Керамевс И., свящ. 275, 322

Пападопуло-Керамевс К. И. 330^(134, 135)

- Пападопулос А. см. Пападопулос-Вретос А.
- Пападопулос-Вретос А. 108^(1. 3), 109, 110^(6. 7), 111⁽¹¹⁾, 112¹³, 113, 114, 115⁽²¹⁾, 116^(22. 24), 117⁽²⁹⁾, 118, 119⁽³⁰⁾, 120, 207²³, 208²⁵, 210³⁰, 213³⁵
- Папандопуло-Керамевс А. И. см. Пападопуло-Керамевс А. И.
- Папарригопулос К. 158, 377
- Парфёнов Е. Г. 455
- Паспатис (Паспати) А. 266⁽¹⁴⁵⁾
- Пернице (Пернис) Л. А. А. 135, 176
- Перно Ю. 200¹, 207²¹, 208²⁴, 210^(пр., 29), 214³⁶, 215⁴⁰
- Петрова В. Ф. 223, 302, 306
- Петрунина (урожд. Мисюревич) О. Е. 109⁵
- Петрушевский Д. М. 256, 257
- Пётр I Алексеевич (Пётр Великий), рус. царь, рос. имп. 213, 296, 305, 420
- Пётр Могила, митр. Киевский, Галицкий и всея Руси 207⁽²³⁾, 208
- Пионий Смирнский, пресв. 320
- Платон 38, 83, 114
- Платон (Левшин П. Г.), архиеп. Московский (позднее митр. Московский и Коломенский) 214
- Платонов С. Ф. 218⁽⁴⁾, 246, 257, 366^(*, 2), 367⁽⁵⁾, 368^(7. 8), 369, 370⁽¹³⁾, 371⁽¹⁶⁾
- Плутарх 21, 84²³, 86, 99, 100²⁹, 219, 290
- Победоносцев К. П. 313⁽¹⁰¹⁾, 324
- Погодин М. П. 16, 35¹¹, 183⁽¹⁶⁾, 196⁽⁵⁷⁾, 198
- Погодин П. Д. 240, 259, 260, 301
- Погодина (урожд. Сеймонд; в первом браке Бэль [Бель]) С. И. 198
- Позняков Василий 303⁽⁷⁰⁾, 327⁽¹²⁹⁾
- Покровский Н. В. 469, 470
- Полевой Н. А. 14, 14⁹
- Полибий 86
- Полиевкт, патр. Константинопольский 14
- Поликамп Смирнский, еп. 320
- Политис Н. 308⁽⁸⁷⁾
- Поляков Ф. Б. 182¹², 296⁵³, 320¹²², 373⁴, 415²⁷
- Помяловская (урожд. Орлова) Е. М. 225³⁵, 268¹⁵¹
- Помяловские 225
- Помяловский В. Г., прот. 201, 217
- Помяловский И. В. 9, 200, 201^(2. 3. 6. 7), 202^(пр., 8), 203, 204, 205⁽¹⁷⁾, 206^(пр., 20), 207^(21. 22. 24), 208, 209⁽²⁸⁾, 210–214, 215^(40. 41), 216, 217^(1. 2), 218, 219⁽⁵⁾, 220^(7. 8), 221^(11. 12), 222^(13–15), 223^(17. 18. 21), 224^(24. 28), 225⁽³⁶⁾, 226^(пр.), 227⁽³⁹⁾, 228^(41. 43), 229, 230^(46. 48), 231⁽⁵⁰⁾, 232⁽⁵⁴⁾, 233⁽⁵⁷⁾, 234^(59. 60), 235⁽⁶⁵⁾, 236^(пр., 67), 237–241, 242⁽⁷⁸⁾, 243^(пр.), 244, 245, 246⁽⁸⁹⁾, 247⁽⁹⁰⁾, 248⁽⁹³⁾, 249⁽⁹⁹⁾, 250^(пр.), 251–253, 255–257, 259–261, 262¹⁴², 263, 265⁽¹⁴⁴⁾, 266, 267, 268^(151. 152), 269, 270, 271¹⁵⁸, 287, 294⁴⁷, 295⁽⁵²⁾, 296, 297, 298, 299^(62. 63), 300, 301, 302⁶⁹, 305–307, 317¹¹⁵, 318^{пр.}, 319, 336, 358⁽²⁾, 359⁽³⁾, 360^(8. 9), 361–364, 369
- Попов В. А. 253
- Попов Д. И. см. Попов Д. П.
- Попов Д. П. 16, 26, 29, 30⁽¹³⁾, 31, 92, 94^(пр., 17), 95⁽¹⁸⁾, 96⁽²⁴⁾, 103^{пр.}, 106, 107
- Попов И. В. 446, 449
- Попов Л. В. 336
- Попов Н. П. 311^{пр.}
- Порфирий (Успенский К. А.), архим. (позднее еп. Чигиринский) 129, 130, 131⁽²⁴⁾, 141, 142, 154, 155, 160, 173, 175, 309, 310, 315, 316, 317⁽¹¹⁴⁾, 325, 379, 398, 401, 412
- Порфирий I (Марудас П.), архиеп. Синайский, Фаранский и Раифский 261
- Порфирий Газский, еп. 221
- Пошю ди Борго К. О. (К. А.; III.-А.) 21, 22
- Предтеча см. Иоанн Креститель
- Прокопий Кесарийский 239, 367, 368, 369⁽⁹⁾, 424⁵
- Простоволосова Л. Н. 358^{1. 2}, 362^{16. 20}

Протасова см. Ростопчина Е. П.
 Пселл Михаил, мон. 23, 24⁴⁰, 243
 Пти (Пети) Л., мон.-ассумпционист
 (позднее католический архиеп.
 Афинский) 207²¹, 208²⁴, 215⁴⁰, 397,
 406
 Птолемей Клавдий 457
 Птоломей см. Птолемей Клавдий
 Пугалис И. Д. (Д.) 285
 Пупшин А. С. 94¹⁷, 351

Р

Радлов В. В. (Ф. В.) 421
 Радлов Э. Л. 339⁽²⁴⁾
 Разумный (Гаврилов) А. А. 285, 286
 Рауль Ж. К. 265¹⁴⁴
 Рауль-Рошет см. Рауль-Рошетт Д.
 Рауль-Рошетт Д. (Д. Р.) 16, 22, 43⁽¹⁻³⁾,
 44⁽⁵¹⁾, 45⁽⁷⁾, 46–49, 50⁽¹⁵⁾, 51, 52^(19, 20),
 53, 54, 55⁽²⁴⁾, 56⁽²⁶⁾, 193⁽⁵⁰⁾
 Регель В. Э. 9, 131²⁴, 212³³, 217, 226,
 243, 255, 258, 287³¹, 289, 295, 300⁶⁴,
 329, 335, 336⁽¹³⁾, 354^{mp}, 372^(1, 2),
 373^(4, 6), 374^(mp, 7), 375, 376^(11, 13), 377,
 378⁽¹⁹⁾, 379, 380⁽²³⁾, 381, 382, 383⁽³⁵⁾,
 384–386, 387⁽⁴²⁾, 388–390, 391⁽⁴⁶⁾,
 392^(47, 48), 393^(mp, 49), 394^(50, 51, 53),
 395⁽⁵⁹⁾, 396, 397⁽⁶⁸⁾, 398^(70, 72), 399⁽⁷⁷⁻⁷⁹⁾,
 400⁽⁸⁰⁾, 401^(90, 91), 402⁽⁹⁹⁾, 403–406,
 407^(2, 3), 408⁽⁶⁾, 409^(9, 11), 410⁽¹³⁾, 411⁽¹⁶⁾,
 412⁽¹⁸⁾, 413^(21, 22), 414^(23, 24), 415, 416,
 417^(*), 418, 421, 422, 441⁽¹⁹⁾, 442⁽²⁰⁾,
 443–445, 447–451, 453, 454, 457,
 458⁹⁷, 459, 469⁽¹⁾, 470–474
 Регель Г. см. Регель В. Э.
 Регель Э. Л. (Э. А.) 374^{mp}, 400, 405
 Редин Е. К. 201², 217², 220^(7, 8), 221, 226,
 246⁽⁸⁹⁾, 251¹⁰⁷, 268, 270
 Ремюза Ж.-П.-А. (Абель-Ремюза Ж.-
 П.) 22
 Ренан Ж. Э. 356⁽⁵⁷⁾, 357
 Рендакий Никита 377
 Решетило Д. Ф. 247, 248
 Риан П. Э. Д. де 228
 Ризенкампф (Розенкампф) И. 57
 Рихтер Ж. П. 397
 Ричль Ф. В. 220
 Ришельё А. Э. С. С. де Виньеро
 дю Плесси де (Э. О. де) 45
 Роговинский Н. П. 285
 Родзянко М. В. 285
 Родоконакис (Родоконаки) Д. 209²⁸
 Розен В. Р. 342, 343
 Розенкампф (урожд. Бларамберг) М. П.
 (М. Ф. В.) 74
 Розенкампф Г. А. фон 16, 57^(1, 2), 58⁽⁵⁾,
 59^(7, 8), 60^(9, 10), 61, 62⁽¹¹⁾, 63–67, 68⁽¹⁷⁾,
 69^(19, 20), 70⁽²¹⁾, 71–74
 Роман I Лакапин (Лакапен), виз. имп.
 15⁽¹⁸⁾
 Роман II, виз. имп. 15⁽¹⁸⁾, 104
 Роман Порфирородный см. Роман II
 Романовы 410
 Романцов см. Румянцев Н. П.
 Рославлев Н. 202⁽⁹⁾
 Ростовцев М. И. 269, 397⁽⁶⁷⁾, 469, 470
 Ростопчина (урожд. Протасова) Е. П.
 115
 Ротари, кор. лангобардов 125, 144
 Рошетт см. Рауль-Рошетт Д.
 Рудаков В. Е. 201², 202⁽⁸⁾, 217²
 Румынская М. Н. 10
 Румянцев Н. П. 16, 18, 19⁽³²⁾, 20–25, 28,
 29, 32, 33^(5, 8), 34, 35, 36⁽¹⁵⁾, 37, 38⁽¹⁷⁾,
 39⁽¹⁹⁾, 40⁽²⁴⁾, 41⁽²⁵⁾, 42, 44, 45, 50¹⁵,
 57, 59⁽⁷⁾, 60^(9, 10), 61, 63, 66, 67⁽¹⁵⁾, 68,
 71–74, 76, 91, 92, 93¹³, 96²⁴, 98²⁵,
 102³², 103, 136, 186, 187^{mp}, 196⁵⁸
 Румянцев С. П. 40⁽²⁴⁾, 41, 42
 Румянцов Н. П. см. Румянцев Н. П.
 Руслан (лит.) 94¹⁷
 Рустик, диак. 425, 426⁽¹⁰⁾, 429, 443
 Рычкова Н. А. 15¹⁵
 Рюль Ф. 458
 Рюс Ф. (Х. Ф.) 13

С

- Саблер (Десятовский) В. К. 245
 Савва (Тихомиров И. М.), архим. (позднее архиеп. Тверской и Капшинский) 182¹², 296⁽⁵⁴⁾, 297
 Савва Освященный, архим. 221, 231⁽⁵²⁾, 232⁽⁵⁴⁾, 233, 249
 Савонарола Джироламо (Иероним), мон.-доминиканец 351
 Саенко (урожд. Грязина) Л. П. 178¹
 Сакелларидис Г. 397
 Сампунский см. Стемпковский И. А.
 Сасаниды 419
 Сахаров В. Н. 352^(51, 52)
 Сахаров П. П., свящ. (позднее прот.) 445
 Святослав (Яков Светослав), болг. деспот 63, 68, 69¹⁹, 71
 Святослав Игоревич, кн. киевский 17, 25, 26, 27⁽⁷⁾, 30, 31, 91, 92⁽⁹⁾, 93, 94¹⁷, 95, 97, 101, 104, 269
 Святослав Ярославич, кн. киевский 190⁽⁴⁴⁾
 Севастьянов П. И. 129⁽¹⁹⁾, 131²⁴, 397, 406, 409, 412⁽¹⁷⁻¹⁹⁾, 414²³, 415
 Сен-Мартен А.-Ж. 22
 Сенигов И. П. 361
 Серафим Писидийский, архим. (позднее митр. Анкирский) 208
 Сергей Александрович Романов, вел. кн. 276, 280
 Сильвестр (Медведев С. А.), мон. 178²
 Сильвестр де Саси А. И. 22
 Сильвестр Критянин, патр. Александрийский 303, 304, 328
 Сильвия (Сильвания) Аквитанская (Аквитанка) 225⁽³¹⁾, 228⁽⁴³⁾, 229, 230
 Симеон I Великий, болг. царь 397
 Симеон Логофет 12, 179⁵, 180, 196
 Симеон Метафраст 304
 Симонидис К. 113⁽¹⁶⁾, 114, 294, 313, 324
 Синягин Н. К. 203⁽¹⁰⁾
 Сирбид (Цирбед) Ж. Ш. де 22
 Скараманга П. А. 118
 Скарлат Каллимаки, валахский господарь 79
 Скиада А. Е. 208
 Скилица Иоанн 269
 Смирнов Я. И. 240, 246, 250⁽¹⁰¹⁾, 251¹⁰⁷, 268⁽¹⁵²⁾, 269, 295, 317, 469, 470
 Сникс 305
 Соболевский А. И. 256, 287, 295
 Соболевский С. И. 432, 436, 446
 Соде К. 260¹³²
 Созомен (Саламан Эрмий Созомен) 452, 461
 Соколов И. И. 226, 244⁽⁸⁴⁾, 245, 246, 393, 469, 470, 475
 Соколов Ф. Ф. 220⁽⁸⁾, 238, 243
 Соловьёв В. С. 293
 Соловьёв Н. В. 203⁽¹⁰⁾
 Соловьёв С. М. 197⁽⁶¹⁾
 Соломон II, имеретинский царь 299⁶³
 Софоклис Е. А. 321
 Софроний (Дука), архим. 330¹³⁵
 Спасские 444
 Спасский А. А. 444, 445
 Срезневский И. И. 182, 187⁽³⁴⁾, 189, 190, 192, 219⁽⁵⁾
 Сретенский 135, 176
 Стасов В. В. 269^{np}
 Стебельский И., мон.-василианин 188⁽³⁹⁾, 192
 Стемпковский И. А. 43, 45⁽⁷⁾, 46⁽¹⁰⁾, 52¹⁹
 Степанов М. П. 280, 281
 Степанов Н. В. 448, 449, 461
 Стефан см. Иштван I Святой
 Стефан Душан (Стефан Урош IV Душан; Душан Сильный), серб. кор., царь 243, 398
 Стефан Чудотворец (Савваит), мон. 221, 224²⁷
 Стефани Л. Э. 118
 Страбон 86, 193⁵⁰
 Строганов С. Г. 197⁽⁶⁰⁾
 Строев П. М. 16, 183⁽¹⁶⁾, 184, 188
 Сульпиция Младшая 219
 Сухомлинов М. И. 219
 Суцос И. М. 109, 112

Сушкин П. П. 475

Сфира М. 275, 322, 323

Сфирас К. 275, 322

Сырку П. А. 209²⁸, 226, 240, 241, 287, 301, 309

Т

Тамвакис И., свящ. 275, 322, 323

Тарасий Константинопольский, патр. 320

Тафел (Тафель) Г. Л. Ф. 184⁽²²⁾Таценко Т. Н. 121^{*}, 122⁶Творогов О. В. 179⁵

Телемах (Телемак) (лит.) 208

Тер-Мкртчян Г. 397⁶⁶Терновский Ф. А. 398⁷²Тимофеев Л. В. 90¹Тимофей I, архиеп. (патр.) Александрийский 223²¹

Типпендорф К. фон 396

Тойбнер Б. Г. 424⁽⁵⁾, 425, 427, 430, 443⁽²⁶⁾

Толстой Д. А. 119, 154

Толстой И. И. 225³⁵, 226, 267, 297, 318^{np}, 361⁽¹⁴⁾

Толстой Ф. А. 57

Толстые 225³⁵

Том-Гаве Э. 153

Томадакис Н. В. 272⁽³⁾, 273⁵

Троилос (Троил) И. А. 208

Троицкий И. Е. 226, 243, 259¹³¹, 300⁽⁶⁵⁾, 426⁽¹⁰⁾, 429Трой К. 272²Трубецкой 225³⁵Трусов С. П. 202, 203¹⁰

Тумбалидис М. (позднее Анфим, митр. Преспанский и Охридский) 396

Туницкий Н. Л. 456

Тункина И. В. 44⁽⁵⁾, 45⁷, 52¹⁹, 78^{np}, 91², 295⁴⁹Тураев Б. А. 127¹⁷, 436, 446, 469, 470

Тургенев А. И. 28

Турн 219

У

Уваров А. С. 44⁴, 190⁽⁴⁵⁾, 192Уваров С. С. 22, 44⁴, 47–50, 53, 77⁽⁵⁾, 92, 93⁽¹¹⁾, 113Узенер Г. К. 233, 425⁽⁷⁾

Ульфила (Вульфила), еп. готов 65, 67

Унгер Г. Ф. 450

Ундольский В. М. 16⁽²⁰⁾, 113⁽¹⁷⁾, 178^(1–3), 179, 180, 181⁽¹⁰⁾, 182^(12, 14), 183⁽²¹⁾, 184⁽²⁴⁾, 185⁽²⁶⁾, 186^(30, 31), 187^(33–35), 188–190, 191⁽⁴⁶⁾, 192⁽⁴⁷⁾, 193⁽⁵⁰⁾, 194, 195^(53, 54), 196, 197, 198^(64, 66), 199⁽⁷⁰⁾

Урусов С. Н. 134, 152–154, 157, 158, 167

Урусова 225³⁵Успенская (урожд. Ващенко) Н. Э. 212⁽³³⁾, 473

Успенски Ф. см. Успенский Ф. И.

Успенский И. Я. 463

Успенский Ф. И. 9, 11⁽¹⁾, 32⁽³⁾, 212⁽³³⁾, 226^(np), 240, 247⁽⁹⁰⁾, 258–260, 265, 266, 278, 295, 301, 305, 344⁽³⁴⁾, 391⁽⁴⁶⁾, 393, 394, 411⁽¹⁶⁾, 412, 413, 435, 436, 437⁽⁷⁾, 440, 462, 463^(4–6), 464^(7, 8, 10), 465^(12, 13), 466, 467^(16, 17), 468, 469⁽¹⁾, 470⁽²⁾, 471–474, 475^(np), 476^(*, 3)

Ф

Фабрициус И. А. 183¹⁹, 191Файнштейн М. III. 106³⁹

Фармаковский Б. В. 226, 240, 469, 470

Фасмер М. Ю. Ф. (М. Р.) 469, 470

Фенелон де Салляньяк де Ла Мот Ф. 208

Феодор Анагност (Чтец) 308⁽⁸⁶⁾

Феодор Петрский, еп. 233

Феодор Эдесский, еп. (архиеп.) 215⁽⁴¹⁾, 222, 233⁽⁵⁷⁾, 234⁽⁵⁹⁾

Феодора, виз. имп. 294, 298, 299

Феодора Солунская, мои. 225

Феодорит Кирский (Киррский), еп. 426

Феодосий, диак. 221, 230⁽⁴⁶⁾
 Феодосий Великий (Киновиарх), архим. 221, 233
 Феодосий Печерский, игум. 70
 Феофан Исповедник, игум. 12, 98, 127, 154, 156, 184²², 320
 Феофил Александрийский, архиеп. 453
 Феофилакт (Русанов Ф. Г.), еп. Калужский и Боровский (позднее митр. Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии) 214
 Феофилакт Лакапин, патр. Константинопольский 14
 Феохаропулос Г. 114
 Фернстедт Р. см. Ернштедт П. В.
 Феррини К. 121, 168
 Ферсман А. Е. 435, 436, 437⁽⁷⁾, 440
 Фёген М. Т. 121², 122⁷
 Фёдор Иванович (Феодор Иоаннович), рус. царь 410
 Фил Мануил 328¹³¹
 Филимонов Г. Д. 270, 415⁽²⁶⁾
 Филиппов Т. И. 373⁵, 374
 Филострат Афинский (Флавий Филострат Старший; Филострат II) 84²³, 86
 Фирсов Н. А. 363⁽²²⁾, 364²⁸
 Фирсов Н. Н. 363
 Фихман И. Ф. 309⁸⁹
 Фишер В. 121¹
 Флобер Г. 228
 Флоренский П. А., свящ. 444
 Флоридис И. 398
 Флоринский Т. Д. 226, 243, 398⁽⁷²⁾, 413⁽²⁰⁾, 414
 Фонкич Б. Л. 9, 10, 182¹², 296⁵³, 320¹²², 373⁴, 408, 409⁹, 410¹³, 415²⁷, 416²⁹
 Формозов А. А. 94¹⁷
 Форстен Г. В. 350
 Форчеллини Э., аббат 289
 Фотий, патр. Константинопольский 64–69, 124^(пр., 12), 133, 137, 159–161, 306⁽⁷⁸⁾, 308⁽⁸⁵⁾, 311, 312⁽⁹⁹⁾, 313⁽¹⁰²⁾, 314, 315⁽¹⁰⁵⁾, 323–325

Френ Х. Д. (Х. М. И.) 22, 101³¹
 Фридрих II Штауфен, имп. Св. Рим. империи 419
 Фрикен А. Ф. фон 350
 Фролов П. К. 100
 Фролов Э. Д. 220⁸
 Фукидид 86, 112, 219
 Фурман Э. Б. 278, 279
 Фус (Фусс) Н. И. 49, 51⁽¹⁸⁾, 54
 Фус (Фусс) П. Н. (П. Г. фон) 56

X

Хавский П. В. 187⁽³⁵⁾, 195
 Хавьярас Д. 376^(11–13), 396
 Хаймбах (Геймбах) Г. Э. 127, 156, 174
 Халатов (Халатянц) А. Б. 437
 Хамди-бей О. 273
 Хапалов Я. Н. 437
 Харитон Исповедник, мон. 221
 Хаханов (Хаханашвили) А. С. 270
 Хитрово В. Н. 221⁽¹²⁾, 226–228, 268¹⁵², 269^{пр}, 295, 302⁽⁶⁹⁾, 303, 304
 Холодняк И. И. 201^{2, 3, 6}, 217², 225⁽⁸¹⁾, 228
 Хомяков А. С. 196⁽⁵⁷⁾
 Хониат (Акоминат) Никита 419, 463
 Хорис Л. (Л. А.) 22
 Хрисанф, архим. 398
 Хрисанф (Нотара), патр. Иерусалимский 321, 322¹²⁵
 Хрисостом см. Иоанн Златоуст
 Хюбшман Г. 397
 Хюльман К. Д. 13

Ц

Цамутали А. Н. 30¹⁵, 90^и, 91³
 Цанетти (Дзанетти) А. М. мл. 188⁽³⁸⁾, 191
 Цахариз см. Цахариз фон Лингенталь К. Э.

Цахариэ Т. В. Г. 122⁶, 134, 135, 163, 165, 177

Цахариэ фон Лингентали 122

Цахариэ фон Лингенталь (урожд. Мунке) Л. 162

Цахариэ фон Лингенталь К. Г. 121¹, 122⁶, 177

Цахариэ фон Лингенталь К. Э. 121⁽¹⁾, 122⁽⁵⁻⁷⁾, 123^(10, 11), 124, 125, 126⁽¹⁶⁾, 127⁽¹⁷⁾, 128, 129⁽¹⁸⁾, 130⁽²²⁾, 131, 132⁽²⁶⁾, 133⁽²⁷⁻²⁹⁾, 134, 135, 136^(32, 36), 137–177

Цахес (лит.) 373

Цветаев И. В. 201², 217²

Цейтлин Р. М. 32¹

Церетели Г. Ф. 226, 238, 239⁷¹

Цецилия (Кикилия) Римская 459

Цимисхий см. Иоанн I Цимисхий (Цимиский)

Ч

Чарыков Н. В. 315, 326

Черноусов Е. А. 378

Чижман Й. фон 126⁽¹³⁾, 146, 147

Ш

Шаблюовская (урожд. Беляева) З. Д. 253, 254

Шампольон Ж. Ф. 22

Шафарик П. Й. 117, 189⁽⁴⁰⁾

Шахматов А. А. 226^{np}, 342, 343

Шварц А. Н. 465

Шварц Э. 429⁽¹⁵⁾, 448

Шебор О. А. (И. А.) 366

Шевченко И. И. 17²⁴, 23³⁸, 136³⁵, 187^{np}, 373⁴

Шевырëв Б. С. 115

Шевырëв П. С. 115

Шевырëв С. П. 110, 111⁹, 113–115

Шевырëва (урожд. Зеленская) С. Б. 115

Шевырëва Е. С. 115

Шерадам С. 22

Шереметев С. Д. 249⁽⁹⁹⁾, 250^{np}

Шерер М. Н. 410–412

Шерплевский М. М. 335

Шестаков С. П. 186³¹, 252¹⁰⁹, 359⁴, 466

Шефферт 110⁽⁷⁾

Шилов Л. А. 275⁹, 276¹³, 315¹⁰⁷

Шилов Ф. Г. 202, 203⁽¹⁰⁾

Шильдер Н. К. 280, 281

Шифнер А. А. (Ф. А.) 110⁷, 111, 118

Шишков А. С. 37, 39⁽²¹⁾, 40, 41⁽²⁵⁾, 106

Шлёцер А. Л. 11–13, 15

Шлиман Г. (И. Л. Г. Ю.) 111, 112

Шлоссер Ф. К. 13

Шмидт И. А. Э. 87²⁵

Шмидт С. О. 31

Шмидт Э. см. Шмидт И. А. Э.

Шмит (урожд. Шпер [Шпеер]) П. С. 382, 473

Шмит Ф. И. (Ф. К. Э.) 378, 379, 381, 382⁽³²⁾, 383⁽³⁵⁾, 391⁴⁶, 392, 471–473

Шнейдер 266

Шоо Г. 447, 461

Шрёдер А. А. 22

Штанге В. А. 336, 338, 348⁴²

Штейнберг Д. И. 114

Штейнман И. Б. 218

Штрандман И. О. фон 20–22

Штриттер (Стриттер) И. Г. (И. М.) 11

Шубин Н. Э. 307

Шукурова А. Э. 463⁵

Щ

Щапов Я. Н. 58³, 62¹¹, 66¹⁴, 69^{18, 19}, 179⁴

Щеглов Д. Ф. 341⁽²⁹⁾

Щедрова И. М. 295⁴⁹

Щербина Г. С. 262⁽¹⁴¹⁾

Э

Эберхард Ж. М. 21, 81

Эверс И. Ф. Г. фон 16, 58

Эзоп 308⁸⁸

Элия Нисивинский *см.* Илия бар Шинайа

Эфрон (Ефрон) И. А. 78^{mp}, 466

Aucher J. B., mon.-mechitarista 193

Augustalis 459

В

Ю

Ювенал Децим Юний 219

Юлиан Отступник (Флавий Клавдий Юлиан; Юлиан II), рим. имп. 219, 291, 297⁽⁵⁶⁾

Юлий Африкан 449

Юстиниан I, виз. имп. 63, 64⁽¹²⁾, 69, 124, 137, 230, 418

Я

Ягич В. (И. В.) 269, 348

Языков Д. И. 14¹⁰, 16, 29, 94¹⁷, 106

Якоб Л. К. (Л. Г. фон) 57¹

Яковенко П. А. 394

Яковкин И. И. 285, 286

Якут (Йакут) ибн Абдаллах ар-Руми аль-Хамави Абу Абдаллах Шихаб ад-Дин 101⁽³¹⁾

Ярослав Владимирович Мудрый, кн. киевский 422

Balsamon *см.* Вальсамон Феодор

Bandini A. M. *см.* Бандини А.-М.

Barlaam (Jascinski), métr. de Kiev, de Galicie et de Petite Russie 207

Baronius C., card. *см.* Бароний Ц.

Basilius II Bulgaroctonus, imp. Byzantinus 153

Batalden S. K. 209²⁷, 214³⁸, 215³⁹

Beneschewitsch W. *см.* Бенешевич В. Н.

Bérésine A. *см.* Березин А. С.

Berta F. 188³⁸

Beverege *см.* Беверидж (Беверегий) В.

Beyer H.-V. *см.* Байер Х.-Ф.

Bézobrazow (Bézobrazof) *см.* Безобразов П. В.

Biener *см.* Бинер Ф. А.

Bobée A. 82^{mp}

Bohnstedt 405

Bohnstedt (geb. Marc) F. M. P. 405

Bohnstedt M. 405

Bolotov W. W. *см.* Болотов В. В.

Bongiovanni A. 188³⁸

Boris Godunoff *см.* Борис Фёдорович Годунов

Bozniakoff Basile *см.* Позняков Василий

Bréhier L. *см.* Брейе Л.

Brown *см.* Browne E. A.

Browne E. A. 381

Bühler *см.* Бюлер Ф. А.

Bulgaris *см.* Евгений (Вулгарис [Булгарис] Елевферий)

Burney Ch. 402

С

А

Alexander, Kaiser *см.* Александр

Alexius Comnenus *см.* Алексей I Комнин

Ali Pacha de Janina (de Tepelena) 211

Alibrandi I. 168

Allatius L. *см.* Алляций (Аллаций) Л.

Anchor J. P. *см.* Aucher J. B.

Athanasius Demetrieveitch 207

Attaliates Michael 190

Attaliota *см.* Attaliates Michael

Capmany de Montpalau i Suris A. de 402⁹⁹

Capodistrias J. *см.* Каподистрия И.
 Catherine II *см.* Екатерина II Алексеев-
 на (София Августа Фредерика)
 Catiforos A. *см.* Катифорос А.
 Cecaumenus *см.* Кекавмен
 Cecchi A. 269
 Chapman J. *см.* Dom Chapman (Chap-
 man J.)
 Chk. J. *см.* Холодняк И. И.
 Clavier É. 209²⁸
 Clemens Achridensis, *ср.* 147, 149
 Cleopa Coecylidis *см.* Клеопа (Кикили-
 дис)
 Codinus *см.* Кодин Георгий (Пс.)
 Comosarye, reine *см.* Комосария
 Comuto A. 213
 Constantinus Porphyrogenitus *см.* Кон-
 стантин VII Багрянородный (Пор-
 фиrogenет; Порфиородный)
 Coray *см.* Кораис А.
 Cotelier *см.* Котельер (Котелерий; Кот-
 елеригус) Ж.-Б.
 Crause A. 224²⁴
 Cureton W. 140
 Cyrill *см.* Кирилл (Константин Фило-
 соф)
 Czernikow *см.* Адам Зерникав (Черни-
 говский)

D

D'Arzès (Arzès; Darzès) Antoine *см.*
 Δαρκῆς (Δεϋκρές) Ἀντώνιος (Мар-
 канτώνης)
 Daunou *см.* Дону П. К. Ф.
 David Ch.-L.-J. *см.* Давид Ж.
 David J. *см.* Давид Ж.
 Deffner J. M. 167
 Delamarre L. 56²⁶
 Delort J. *см.* Делор Ж.
 Demetrius Chomatianus *см.* Димитрий II
 Хоматиан
 Destounis G. *см.* Дестунис Г. С.
 Didot A. F. 43¹

Didot F. 43¹, 270
 Didot H. F. 43¹
 Diels H. A. *см.* Дильс Г. А.
 Dimaras C. Th. 80⁹, 200¹
 Dom Chapman (Chapman J.) 455
 Du Bruix P. *см.* Дюбрюкс П. А.
 Du Cange (Ducange) C. *см.* Дюканж Ш.
 Dufour S. F. 117
 Dumas T. R. 268

E

Engelmann A. E. 142
 Eugène Bulgaris (Bulgari), archevêque
см. Евгений (Вулгарис [Булгарис]
 Елевферий)
 Eugenios Voulgaris *см.* Евгений (Вулга-
 рис [Булгарис] Елевферий)
 Eusebius *см.* Евсевий Кесарийский
 (Памфил)

F

Fabricius J. A. *см.* Фабрициус И. А.
 Ferrini *см.* Феррини К.
 Fögen M. Th. *см.* Фёген М. Т.
 Fonkič B. L. *см.* Фонкич Б. Л.
 Frähn Ch. M. *см.* Френ Х. Д.
 Fuss N. *см.* Фус (Фусс) Н. И.

G

Gardthausen V. E. 172
 Gavignet J.-P. 45⁷
 Gedeon *см.* Гедеон М.
 Georg Hamartolus, Mönch *см.* Амартол
 Георгий
 George W. S. 381
 Georgius Monachus (Hamartolus) *см.*
 Амартол Георгий
 Gildemeister J. *см.* Гильдемейстер И.
 Ginzel F. K. *см.* Гинцель Ф. К.

Giustiniani *см.* Джустиниани И. А.
 Golitzin A. N. *см.* Голицын А. Н.
 Gortchacoff *см.* Горчаков А. М.
 Gräfe Ch. F. *см.* Грефе Ф. Б.
 Granstrem E. *см.* Гранстрем Е. Э.
 Gregorius, Patr. *см.* Григорий V (Ангелопулос Георгий)
 Grégorius, patr. *см.* Григорий V (Ангелопулос Георгий)
 Gretser J. *см.* Гретсер Я.
 Grimm A. J. von *см.* ГРИММ А. И.
 Grumel V. *см.* Грюмель В.

Н

Hand F. G. 44⁴
 Hardt I. *см.* Гардт И.
 Harlesius Th. Ch. (Harleß [Harles] G. Ch.) 191
 Harnack A. *см.* Гарнак А. фон
 Hase C. B. *см.* Газе К. Б.
 Heimbach *см.* Хаймбах (Геймбах) Г. Э.
 Heimbach K. W. E. 174
 Hieronimus *см.* Иероним Стридонский (Евсевий Иероним)
 Hingray Ch. (Ch.-J.) 82^{np}
 Hirschfeld J. B. 154
 Homerus *см.* Гомер
 Horace *см.* Гораций Квинт Флакк
 Hübschmann H. *см.* Хюбшман Г.
 Huxley G. L. 193⁴⁹

I

Ignatius *см.* Игнатий Диякон
 Ioannes Cantacuzenus *см.* Joannes VI Cantacuzinus (Cantacuzenus)
 Ioannes Comnenus *см.* Jean Comnène Molyvdos
 Iriarte J. *см.* Ириарте Х.
 Iustinianus *см.* Юстиниан I

J

Jantsch H. 406
 Jean Comnen *см.* Jean Comnène Molyvdos
 Jean Comnène Molyvdos (ensuite Hiérotheos, métr. de Dristra) 216, 327^(127, 128), 328
 Jean Damascène, hiéromoine 295
 Jean l'Exarque de Bulgarie *см.* Иоанн Экзарх (Ексарх) Болгарский
 Jérémie I, patr. *см.* Иеремия I
 Jérémie II *см.* Иеремия II Транос
 Jernstaedt V. *см.* Ернштедт В. К.
 Jernstedt V. *см.* Ернштедт В. К.
 Joannes VI Cantacuzinus (Cantacuzenus), imp. Byzantinus 166, 216, 327⁽¹²⁷⁾, 328
 Joannes Antiochenus *см.* Иоанн III Схоластик
 Joannes Palaeologus *см.* Иоанн V Палеолог
 Justinian *см.* Юстиниан I

K

Kalaïdovitch (Kalaidowitsch) *см.* Калайдович К. Ф.
 Karst J. 193⁴⁹
 Kerameus *см.* Пападопуло-Керамевс А. И.
 Koeppen P. von *см.* Кёппен П. И.
 Köhler (Koehler) H. K. E. *см.* Кёлер Г. К. Э.
 Kollarius (Kollár) A. F. 191
 Konstantin Porphyrogennetos, Kaiser *см.* Константин VII Багрянородный (Порфирогенет; Порфирородный)
 Kopitar *см.* Копитар В.
 Korff de *см.* Корф М. А.
 Kosmas Pražský 372¹
 Krug Ph. *см.* Круг Ф. И.
 Krüger *см.* Крюгер
 Krumbacher *см.* Крумбахер К.

Kunik см. Куник А. А.
Kurtz E. см. Курц Э. Г.

L

- Labbe Ph. см. Лаббе Ф.
Lamansky V. см. Ламанский В. И.
Lambecius P. см. Ламбеций (Ламбек) П.
Laptěvová L. P. см. Лаптева Л. П.
Larousse P. 75¹
Latyšev B. см. Латышев В. В.
Legrand E. см. Лерран Э.
Legrand J. см. Mégalos (Legrand) J.
Leo см. Лев VI Мудрый
Leo, Kaiser см. Лев VI Мудрый
Leo des Isauriens (Leo III.), byz. Kaiser 176
Leo Diaconus см. Лев Диякон (Дьякон)
Leo Grammaticus 190
Léon le Sage, l'empereur см. Лев VI Мудрый
Lequien E. A. 82^{np}
Leunclajus см. Леунклавий (Лёвенклав; Амельсбурн) И.
Leunclavius см. Леунклавий (Лёвенклав; Амельсбурн) И.
Loboiko см. Лобойко И. Н.
Loparev Ch. см. Лопарёв Х. М.
Louis, Saint см. Людовик IX Святой
Lüdemann G. W. von 87⁽²⁶⁾
Matthaei Ch. F. de см. Маттеи Х. Ф. фон
Matthes J. 22
Mattheus, evangelista 456
Maurocordato (Mavrocordato) 211⁽³²⁾
McGeer E. 104³⁵
Medvedev I. см. Медведев И. П.
Mégalos (Legrand) J. 209²⁸, 210^{np}
Mégalos (née Porchereau) É. 209²⁸
Mégalos Ang. 209²⁸
Mégalos Ant. 209²⁸, 210^{np}
Meskov см. Машков
Methodius см. Мефодий
Michael Palaeologus см. Михаил VIII Палеолог
Michaud L.-G. 43²
Miclosich см. Миклопич Ф.
Miklosich см. Миклопич Ф.
Miller E. см. Миллер Б.-Э.-К.
Millingen A. van 381
Mingarelli (Mengarelli) G. L. 191
Mittarelli J.-B. (G. B.; N. G.), monaco camaldolese, abate generale 191
Monnier H. см. Монье А.
Mordtmann A. D. см. Мордтман А. Д. мл.
Morelli I. (J.; G.), abate 191
Muccioli J. M. (G. M.), francescano conventuale 191
Müller см. Мошлер И.
Muralt E. de см. Муральт Э. Г.

N

M

- Magdalino P. см. Магдалино П.
Maius см. Май А.
Malaxus (Malaxos) Manuel 164
Manuel, Kaiser см. Мануил I Комнин
Manuel, Patr. см. Μανουὴλ Β'
Marc (geb. Maurice) S. 405
Marc P. см. Марк П.
Marc W. 405
Markus, Evangelist см. Марк
Marquart (Markwart) J. 384
Neóphyte, métr. d'Héraclée см. Νεόφυτος, μέτρ. Ηρακλείας
Neophytus II, patr. Constantinopolitanus 140
Nessel D. см. Нессель Д. де
Nestor см. Нестор Летописец
Neumann см. Нейманн Ф. фон мл.
Nicephorus, patr. см. Никифор I
Nicole J. см. Николь Ж.
Niebuhr B. G. см. Нибуhr Б. Г.

О

- Obolenski (Obolensky) *см.* Оболенский А. П.
 Orsier (Orsier-Suarèz) J.-F.-M. 155, 158
 Ouspensky *см.* Успенский Ф. И.
 Ouvaroff *см.* Уваров А. С.

Р

- Pagus F. *см.* Пажи Ф.
 Palmieri A. *см.* Пальмиери А.
 Panagiotakis N. M. *см.* Панайотакис Н. М.
 Papadopoulo-Kerameus *см.* Пападопуло-Керамевс А. И.
 Papadopoulo-Vretos (Papadopoulo-Vretós; Papadopoulo Vretos) A. *см.* Пападопулос-Вретос А.
 Papadopoulos-Kerameus A. *см.* Пападопуло-Керамевс А. И.
 Papadopoulos-Kerameus *см.* Пападопуло-Керамевс А. И.
 Papadopolus-Kerameus A. *см.* Пападопуло-Керамевс А. И.
 Paparrigopulos *см.* Папарригопулос К.
 Papoulidis C. 412¹⁷
 Pasinus J. *см.* Пазини Дж. Л.
 Pavloff A. *см.* Павлов А. С.
 Pernice *см.* Пернице (Пернис) Л. А. А.
 Pernot H. *см.* Перно Ю.
 Petavius (Pétau) D., card. 190
 Peterson A. 117²⁹, 118^{np}
 Petit L. *см.* Пти (Пети) Л.
 Philes Manuel *см.* Фил Мануил
 Photius *см.* Фотий
 Pierre le Grand *см.* Пётр I Алексеевич (Пётр Великий)
 Pietro il Grande *см.* Пётр I Алексеевич (Пётр Великий)
 Pisaroff É. 207
 Pitra J.-B., card. 157, 168
 Platon *см.* Платон (Левшин П. Г.)
 Plutarchus *см.* Плутарх

- Poljakov F. B. *см.* Поляков Ф. Б.
 Pomialovsky I. *см.* Помяловский И. В.
 Pomialowsky I. (J.) *см.* Помяловский И. В.
 Pomjalowsky I. *см.* Помяловский И. В.
 Porchereau É. *см.* Mégalos É.
 Porphyrius, Bischof *см.* Порфирий (Успенский К. А.)
 Porphyrius (Uspenski), Archimandrit *см.* Порфирий (Успенский К. А.)
 Potlis M. 139

Q

- Quesneville D. 116²²

R

- Ramos E. 45⁷
 Raoul-Rochette D. *см.* Рауль-Рошетт Д.
 Regel V. E. *см.* Регель В. Э.
 Regel W. (W. von) *см.* Регель В. Э.
 Reitzenstein R. A. 307⁽⁸⁴⁾
 Renan E. *см.* Ренан Ж. Э.
 Rhallis G. A. 139, 140
 Richter W. M. von 213
 Rivautella A. 188³⁸
 Rogala S. 452
 Roman Lakapen, Kaiser *см.* Роман I Лакапин (Лакепен)
 Roman Porphyrogennetos, Kaiser *см.* Роман II
 Romanzof *см.* Румянцев Н. П.
 Rostowzew M. *см.* Ростовцев М. И.
 Rothari *см.* Ротари
 Rusticus *см.* Рустик

S

- Sakellarios (Sakkelarios) G. 167, 168
 Scaliger J. J. 190, 193
 Scheffert *см.* Шефферт

Schiltz V. 45⁷Schischkov *см.* Шишков А. С.Schlieman *см.* Шлиман Г.Schmidt E. *см.* Шмидт И. А. Э.

Schoell (Schöll) M. S. F. 190

Schöll R. 166

Schoo G. *см.* Шоо Г.

Schulze G. E. 141

Schwartz *см.* Шварц Э.

Scialoja V. 168

Seeberg E. *см.* Зееберг Э.Seeck O. *см.* Зеек О.Sevastianov *см.* Севастьянов П. И.

Sevastos A. A. 213

Sévast'janov P. I. *см.* Севастьянов П. И.Ševčenko I. *см.* Шевченко И. И.Silvestre, patr. d'Alexandrie *см.* Сильвестр КритянинSilvia Aquitana *см.* Сильвия (Сильвания) Аквитанская (Аквитанка)Sozomenos *см.* Созомен (Саламан Эрмий Созомен)Sretenski *см.* СретенскийStrahl Ph. C. 212³⁴Struve K. L. 82^{пр}

Т

Tafel G. L. F. *см.* Тафел (Тафель) Г. Л. Ф.

Tafrali O. 381

Teubner B. G. *см.* Тойбнер Б. Г.Theodora, imp. *см.* ФеодораTheodosius *см.* ФеодосийTheophanes (Theophanus) *см.* Феофан Исповедник

Theophylactus Achridensis, archiep. 149

Théotokis *см.* Никифор (Феотокис [Феотоки] Николай)

Thibaut J.-B., prêtre-assomptionniste 295

Tolstoi *см.* Толстой Д. А.

U

Urussow (Urussow) *см.* Урусов С. Н.Usener H. *см.* Узенер Г. К.Uspenski *см.* Порфирий (Успенский К. А.)

V

Vallarsius D., presb. 193

Van den Gheyn J., prêtre jésuite 235

Venier *см.* ВиниериVenieri Déplas *см.* Βενιέρη Δέπλα

Venus (myth.) 219

Vestes Theodorus 157

Villemain A. F. 43³Vlastaris Matthée *см.* Властарь Матфей

Voss (Voß) L. 117, 148–150, 155, 157, 163

W

Wassiliewsky B. *см.* Васильевский В. Г.Weber *см.* Вебер А. Ф.Weigel Th. O. *см.* Вайгель Т. О.Weingart M. *см.* Вейнгарт (Вайнгарт) М.

Winnock G., priest 87

Wostokoff *см.* Востоков А. X.

Z

Zachariae (geb. von Stünzner) E. 122⁶, 177Zachariae (Zacharia) von Lingen-thal K. E. *см.* Цахариз фон Лингенталь К. Э.Zachariae A. 122⁶, 177Zachariae Ed. 122⁶, 177Zachariae Em. 122⁶, 177Zachariae H. 122⁶, 177Zachariae L. 122⁶, 177

Zachariae M. 122⁶, 177

Zachariae Th. *см.* Цахариз Т. В. Г.

Zachariae a Lingenthal C. E. *см.* Цахариз фон Лингенталь К. Э.

Zachariae von Lingenthal (geb. Muncke) D. 122⁶, 177

Zachariae von Lingenthal C. *см.* Цахариз фон Лингенталь К. Г.

Zalingenthal *см.* Цахариз фон Лингенталь К. Э.

Zanetti A. M. *см.* Цанетти (Дзанетти) А. М. мл.

Zenghelis C. *см.* Зенгелис К.

Zerlantis J. *см.* Зерлентис Я.

Zernikow *см.* Адам Зерникав (Черниговский)

Zhishman J. (I.) *см.* Чижман Й. фон

Zhishmann *см.* Чижман Й. фон

Г

Γαβριήλ, μητρ. Δημητριάδος 322

Γεδεὼν Μ. Γ. *см.* Геденон М.

Γέρνσтет *см.* Ернштедт В. К.

Γρηγόριος, ἐπ. Πολιανῆς 410

Γρηγόριος ὁ Ναζιανζηνός (ὁ Θεολόγος), ἀρχιεπ. Κωνσταντινουπόλεως 291

Γρηγόριος ὁ Συρρακούσης *см.* Григорий Авеста

Δ

Δαβὶδ Γ. *см.* Давид Ж.

Δαρκές (Δεγκρές) Ἀντώνιος (Μαρκαντώνης) 208

Δοσίθεος (Κομάς), ἱερομόν. 115

Ε

Ἐβεράρτος Γ. Μ. *см.* Эберхард Ж. М.

Εὐγένια (Εὐβιένα) (λογοτεχν. χαρακτ.) 208

Εὐγενία *см.* Εὐγένια (Εὐβιένα)

Εὐγένιος Βούλγαρις *см.* Евгений (Вулгарис [Булгарис] Елевферий)

Εὐπλος *см.* Γρηγόριος

Εὐριπίδης *см.* Еврипид

Α

Ἀδὰμ Ζοφνικάβιος *см.* Адам Зерникав (Черниговский)

Ἀθανάσιος (Πολίτης), μητρ. Κερκύρας 293⁽⁴⁶⁾

Ἀριστάρχει *см.* Аристархисы

Ἀριστάρχης Σ. *см.* Аристархис С.

Β

Βακαλόπουλος Α. Έ. *см.* Вакалопулос А. Е.

Βαλέττας Ν. *см.* Валеттас Н.

Βασιλειέβσκη (Βασιλειέφσκη) Β. Γ. *см.* Васильевский В. Г.

Βέης Ν. Α. *см.* Веис Н. А.

Βενέδικτος, μητρ. Πάσης Ἑλλάδος καὶ Ἀθηνῶν *см.* Венедикт

Βενιέρη Δέπλα 293⁽⁴⁶⁾, 294

Βσεβολόβσκη Ν. Σ. 115

Ζ

Ζηνόβιεφ *см.* Зиновьев И. А.

Ζησίου Κ. Γ. 403

Θ

Θεόδωρος Ἀναγνώστης *см.* Феодор Анагност (Чтец)

Θεοφάνης Νικαίας, ἀρχιεπ. 290

I

Ἰγνάπιος *см.* Игнатий Διακον
 Ἰγνάπιος, πατρ. Κωνσταντινουπόλεως
 306⁸⁰
 Τουλιανός *см.* Юлиан Отступник (Φλα-
 βий Κλαвий Юлиαν; Юлиан II)
 Ἰωακειμ Γ' *см.* Иоаким III (Деведзис X.)
 Ἰωάννης Ζ' Παλαιολόγος, Βυζανт. αὐτο-
 κράτορας 380

K

Καβέκο Δ. *см.* Кобеко Д. Ф.
 Καποδιστριας Ἰ. *см.* Каподистрия И.
 Καραγιαννόπουλος Ἰ. Ἐ. *см.* Караянно-
 пулоc И.
 Καραμζιν Ν. *см.* Карамзин Н. М.
 Κασιώτη Μ. 319
 Κατόπης Ν. *см.* Катопис Н.
 Κεραμεύς *см.* Παπαдопуλο-Κερα-
 мевс А. И.
 Κίσσας Σ. 412¹⁷
 Κορρές Θ. Κ. 105³⁷
 Κοῦνικ *см.* Куник А. А.
 Κροкиδᾶς Κ. *см.* Крокидас К. С.
 Κωνσταντῖνος Ε' *см.* Константин V (Ба-
 лладис К.)
 Κωνσταντῖνος Τυπάλδος ὁ Σταυροπόλεως
см. Константин (Типальдос; Ти-
 пальд)
 Κωνστάντιος ὁ Μυτιληναῖος, μητρ.
 Ρόδου 376¹¹

Λ

Λάμπρος *см.* Ламброс С.
 Λέων ὁ Διάκονος *см.* Лев Διακον (Дья-
 кон)
 Λέων ὁ Σοφός *см.* Лев VI Μудрый
 Λιγαρίδης *см.* Паисий (Лигарид Панда-
 леон [Пантелеимон])
 Λουκιανός *см.* Лукиан

M

Μανουήλ Β', πατρ. Κωνσταντινουπόλεως
 139
 Μαργαριτά *см.* Κασιώτη Μ.
 Μπενεσσέβιτς Β. *см.* Бенепевич В. Н.
 Μπουρνιάς Γ. *см.* Бурния (Бурняс; Бур-
 нияс) Γ.
 Μυστακίδης Β. *см.* Μισταкиδης Β. Α.

N

Νάουκ Αὐ. *см.* Наук А. К.
 Νεόφυτος, μητρ. Ἡρακλείας (ἀργότερα
 Νεόφυτος Ε', πατρ. Κωνσταντινου-
 πόλεως) 327⁽¹²⁸⁾
 Νικήτιν *см.* Никитин Π. Β.
 Νικηφόρος, πρεσβ. 304
 Νικηφόρος Θεοτόκης *см.* Νικифор (Φе-
 отокис [Φеотоки] Николай)
 Νόννος (Ψευδο-) 291

Ξ

Ξενοφῶν *см.* Ксенофонт
 Ξιφιλίνος *см.* Ксифилин Иоанн

O

Οἰκονόμος ὁ ἐξ Οἰκονόμων Κ. *см.* Ико-
 номос К.

Π

Π. Κεραμεύς Α. *см.* Παπαдопуλο-Κερα-
 мевс А. И.
 Παναγιωτάκης Ν. Μ. *см.* Παναγιота-
 кис Н. Μ.
 Παπαγεώργιος *см.* Παπαγεоргиу Π.
 Παπαδόπουλος Α. *см.* Παπαдопуλος-
 Вретос Α.

Παπαδόπουλος Βρετός Α. *см.* Παπαδοпу-
λος-Βρετος Α.

Παπαδόπουλος Κεραμεύς Ι. *см.* Παπαδο-
пуло-Κεραμεвс И.

Παπαδόπουλος-Κεραμεύς (Παπαδόπου-
λος Κεραμεύς) Α. Ι. *см.* Παπαδοпу-
ло-Κεραμεвс Α. И.

Παπαδοπούλου Κεραμέως Μ. *см.* Παπα-
допуло-Κεραμεвс Μ.

Παππουδοφ Α. 377¹⁴

Παῦλος ὁ Πετριδης *см.* Павел Петрович
Романов

Πλούταρχος *см.* Плутарх

Ποπεδονόσσοφ *см.* Победоносцев Κ. Π.

Πορφύριος ὁ Οὐσπένσκη, ἐπ. *см.* Пор-
фирій (Успенский Κ. Α.)

Τ

Ταμβάκης Ι. Κ., ἱερεὺς *см.* Тамваκис И.
Τριαντάφυλλος Κ. Ν. 108¹

Τρωιάνος Σ. Ν. 124¹²

Τωμαδάκης Ν. Β. *см.* Томадакис Н. Β.

Φ

Φιλόστρατος *см.* Φилострат Αφινский
(Φλαβίη Φилострат Старший; Φι-
лострат II)

Φίλων ὁ Ἰουδαῖος (Φίλων ὁ Ἀλεξανδρεὺς)
290

Φώτιος, πατρ. Κωνσταντινουπόλεως *см.*
Фотий

Ρ

Ράλλης Κ. 403

Ροδολίνος (Ροδολίνος), βασιλεὺς (λογο-
τεχν. χαρακτ.) 208

Χ

Χαβιαράς Δ. *см.* Хавьярас Д.

Ψ

Ψευδονικήτας ὁ Παφλαγών *см.* Никита
Пафлагонский (Πс.)

Σ

Σimoniδης Κ. *см.* Симонидис Κ.

Σολοβιόβ *см.* Соловьѣв Β. С.

Συμεών Μεταφράστης *см.* Симеон Ме-
тафраст

Σφύρας Κ. *см.* Сфирас Κ.

Σφύρας Μ. Κ. *см.* Сфира Μ.

Автор [жития Афанасия Афонского] (235) *см.* Афанасий Панагиот
Архиепископ Синайский [в 1893 г.] (261) *см.* Порфирий I (Марудас П.)

Библиотекарь [Московского] университета (114) *см.* Штейнберг Д. И.

Брат [Давида Ж.] (79) *см.* Давид Э.

Братья [Орлова И. Г.] (12) *см.* Орлов В. Г.; Орлов Ф. Г.; Орлов-Чесменский А. Г.

Вселенский патриарх [в апреле 1887 г.] (400) *см.* Дионисий V (Харитонидис Д.)

Господарь [Валахии в феврале 1821 г.] (79) *см.* Скарлат Каллимаки

Дети [Бенешевича В. Н.] (434) *см.* Бенешевич Г. В.; Бенешевич Д. В.

Дочь [Васильевского В. Г.] (347⁴⁰) *см.* Кириллова М. В.

Жена [Васильевского В. Г.] (347⁴⁰) *см.* Васильевская М. Я.

Жена [Давида Ж.] (80) *см.* Давид М.

Жена [Шмита Ф. И.] (382) *см.* Шмит П. С.

Заведующий хозяйственной частью ИПБ [в 1915 г.] (285) *см.* Роговицкий Н. П.

И. о. управляющего Типографией [ИАН в 1908 и 1911 гг.] (388) *см.* Нордгейм В. В.

Иерусалимский патриарх [в 1909 г.] (321) *см.* Дамиан I (Касиотис Д.)

Исполняющий обязанности Синодального Ober-Прокурора [в октябре 1894 г.]
(245) *см.* Саблер (Десятовский) В. К.

Комментаторы академического издания карамзинского труда (26) *см.* Афиани В. Ю.; Козлов В. П.

Мать [Вейса Н. А.] (384) *см.* Вей Е.

Министр иностранных дел [Российской империи в 1909 г.] (315) *см.* Извольский А. П.

Министр народного образования [Российской империи в начале 1910 г.] (465) *см.* Шварц А. Н.

Министр народного просвещения [Российской империи в 1857 г.] (193) *см.* Норов А. С.

Министр народного просвещения [Российской империи в 1887 г.] (300) *см.* Де-лянов И. Д.

Митрополит Валахский [в 1590 г.] (411) *см.* Георгий Могила

Младшая дочь [Беляева Д. Ф.] (253) *см.* Беляева Л. Д.

Мой [Рауль-Рошетта Д.] государь (53) *см.* Людовик XVIII

Настоятель русского монастыря на Афоне [в 1895 г.] (377) *см.* Андрей (Верёвкин А. И.)

Невеста [Дмитриевского А. А.] (256) *см.* Дмитриевская А. И.

Непременный секретарь [Императорской АН в 1822 г.] (54) *см.* Фус (Фусс) Н. И.

Непременный секретарь [Императорской АН в 1854 г.] (56) *см.* Фус (Фусс) П. Н.
Непременный секретарь [Императорской АН в 1862 г.] (196) *см.* Веселовский К. С.

Непременный секретарь АН СССР [в 1927 г.] (475) *см.* Ольденбург С. Ф.

Отец [Лихачёва Н. П.] (364) *см.* Лихачёв П. Ф.

Папа римский [адресат послания митр. Киевского Иоанна IV] (70) *см.* Александр III (Бандинелли Роландо)

Персидский шах [в 1889 г.] (410) *см.* Наср эд-Дин-шах (Насер ад-Дин)

Пономарь местной церкви [отец Успенского Ф. И.] (463) *см.* Успенский И. Я.

Попечитель округа [Казанского учебного, в 1898 г.] (253) *см.* Попов В. А.

Посол [Российской империи] в Константинополе [в ноябре 1909 г.] (315) *см.* Чарьков Н. В.

Председатель Афинского Христианского археологического общества [в 1902 г.] (377¹⁴) *см.* Паллоудоф А.

Президент Академии [Императорской АН в 1857 г.] (193) *см.* Блудов Д. Н.

Противник [Пападопуло-Керамевса А. И. в диспуте о религии] (331) *см.* Бонне Ж.

Ректор Петербургского университета [в феврале 1890 г.] (243) *см.* Владиславлев М. И.

Священник [отец Газе К. Б.] (17) *см.* Газе Х. Г.

Секретарь [Императорской АН в 1822 г.] (49) *см.* Фус (Фусс) Н. И.

Современник [Розенкампа Г. А.] (57¹) *см.* Якоб Л. К.

СПб. градоначальник [в 1899 г.] (276) *см.* Клейгельс Н. В.

Старшая дочь [Беляева Д. Ф.] (253) *см.* Шаблиовская З. Д.

Султан [османский, в 1894 г.] (262) *см.* Абдул-Хамид II

Супруга [Погодина М. П.] (198) *см.* Погодина С. И.

Супруга [святц. Д. Лебедева] (436) *см.* Лебедева А. А.

Супруга Степана Петровича [Шевырёва] (115) *см.* Шевырёва С. Б.

Сын [Беляева Д. Ф.] (253) *см.* Беляев Д. Д.

Сын [Константина Порфирогенета] (104) *см.* Роман II

Сын [Масленниковой Е. Г.] (330¹³⁵) *см.* Масленников А.

Сын [Фирсова Н. А.] (363) *см.* Фирсов Н. Н.

Ученик [Васильевского В. Г.], работавший в командировке в Германии над диссертацией (352) *см.* Панченко Б. А.

Хан [уважение которого снискал митр. Киевский Кирилл II (III)] (62) *см.* Менгу-Тимур

Шведский офицер [предок Розенкампа Г. А.] (57) *см.* Ризенкампф (Розенкампф) И.

Beständige Secretär [Императорской АН в 1857 г.] (142) *см.* Миддендорф А. Ф.

Mein [Марка П.] verstorbener Vater (405) *см.* Marc W.

Meine [Марка П.] Mutter (405) *см.* Marc S.

Meine [Цахариэ фон Лингенталя К. Э.] gute Frau (162) *см.* Цахариэ фон Лингенталь Л.

Präsident der Gesetzgebungscommission (152) *см.* Урусов С. Н.

Russischer Generalconsul in Leipzig [в 1868 г.] (153) *см.* Том-Гаве Э.

Secretär der Akademie [Императорской АН в 1864 г.] (145) *см.* Веселовский К. С.

СОКРАЩЕНИЯ

АДСВ	— Античная древность и средние века
АН	— Академия наук
БАН	— Библиотека Российской Академии наук
БВ	— Богословский вестник
ВВ (= VV)	— Византийский временник
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины: Сборник статей
ВО	— Византийское обозрение
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека (с 1932 г. — им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИАН	— Императорская Академия наук
ИИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ИПБ	— Императорская Публичная библиотека
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАО	— Императорское Русское археологическое общество
ИФО	— Историко-филологическое отделение Императорской Академии наук
КСУ	— Комиссия содействия ученым при Совете Народных Комиссаров СССР
ОАД РНБ	— Отдел архивных документов Российской Национальной библиотеки (до 2005 г. — Архив Российской Национальной библиотеки)
ОИДР	— Общество истории и древностей российских при Московском университете (в 1837–1917 гг. — Императорское)
ОЛРС	— Общество любителей российской словесности при Московском университете

ОР БАН	— Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки
ПДП	— Памятники древней письменности [и искусства]
ППО	— Православное Палестинское общество (в 1889–1917 гг. и с 1992 г. — Императорское)
ППС	— Православный Палестинский сборник (в 1954–1993 гг. — Палестинский сборник)
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАИК	— Русский археологический институт в Константинополе
РАН	— Российская Академия наук
РБС	— Русский биографический словарь. Т. 1–25. СПб.; Пг.; М., 1896–1918
РВК	— Русско-византийская историко-словарная комиссия Российской Академии наук (с 1925 г. — Академии наук СССР)
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГБ	— Российская Государственная библиотека
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РНБ	— Российская Национальная библиотека
РФВ	— Русский филологический вестник
РХВ	— Россия и Христианский Восток
СА	— Советская археология
СККДР	— Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1–4. Л.; СПб., 1987–2017
Сопик.	— <i>Сопиков В. С.</i> Опыт российской библиографии... Ч. 1–5. СПб., 1813–1821
СПБИН РАН	— Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
СПФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
ТКДА	— Труды Киевской духовной академии
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук
УЗ РПУ	— Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова

XB	— Христианский Восток: Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки
XЧ	— Христианское чтение
ЦКУБУ (= ЦКУБУ)	— Центральная комиссия по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров РСФСР
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских
Basil.	— Basilicorum libri LX
BG	— <i>Procopius Caesariensis. De bello Gothico</i>
Byzantion	— Byzantion: Revue Internationale des Études Byzantines
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
DOP	— Dumbarton Oaks Papers
JGR	— Jus Graeco-Romanum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. Partes I–VII. Lipsiae, 1856–1884
Nov.	— Novella (-ae)
Nov. Just.	— Novellae Justiniani
ODB	— The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 1–3. Wash., 1991
REB	— Revue des Études Byzantines
RJ	— Rechtshistorisches Journal
SK	— Seminarium Kondakovianum: Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études Byzantines (в 1937–1940 гг. — Annales de l'Institut Kondakov)
ΕΕΒΣ	— Επετηρίς Εταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
ΚΕΦΣ	— Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς φιλολογικὸς σύλλογος

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΑ

Από τον συγγραφέα	9
Ο ακαδημαϊκός Filipp Ivanovič Krug και το αρχείο του	11
«Ιστορία» του Λέοντος του Διάκονου ως μία από τις πηγές της «Ιστορίας του Ρωσικού κράτους» του Ν. Μ. Karamzin (διευκρινίσεις για το σχόλιο)	25
Κ. F. Kalajdonič υπό το φως της ανέκδοτης αλληλογραφίας μεταξύ του κόμη Ν. Ρ. Rumjancev και του ακαδημαϊκού F. I. Krug.	32
Η ιστορία του συγγραφέα ενός γαλλικού βιβλίου για τις ελληνικές αρχαιότητες με αφιέρωση στον Ρώσο αυτοκράτορα.	43
Πρόσληψη του βυζαντινού δικαίου στη Παλαιά Ρωσία σύμφωνα με ανέκδοτα έργα του G. A. Rozenkampf	57
Jules David: μία πινελιά στο πορτρέτο ενός σχεδόν άγνωστου ελληνιστή.	75
Ο Alexej Nikolaevič Olenin ως βυζαντινολόγος	90
Τα ίχνη της Πετρούπολης στη βιογραφία ενός Έλληνα λόγιου: Ανδρέας Παπαδόπουλος Βρετός	108
Οι επιστολές του C. E. Zachariae von Lingenthal στο αρχείο του Α. Α. Kunik	121
Οι επιστολές του V. M. Undol'skij προς τον Α. Α. Kunik στο Παράρτημα της Αγίας Πετρούπολης του Αρχείου της Ρωσικής Ακαδημίας Επιστημών	178
Ρωσική συμβολή στη δημιουργία του «Bibliographie Hellénique» του Émile Legrand	200
Ο Ι. V. Pomjalovskij και η συμβολή του στις βυζαντινές σπουδές (με βάση τα στοιχεία του αρχείου του)	217
Α. Ι. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς: «Noctes Petropolitanae» του λόγιου αυτού Έλληνα (αδημοσίευτα έγγραφα και επιστολές). . .	272
Το τελευταίο έτος της ζωής και ο θάνατος του V. G. Vasil'evskij (κεφάλαιο από ανέκδοτη μονογραφία του Ι. Μ. Grevs).	332

«Τα αρχεία με καλούν όσο είμαι νέος» (ελάχιστα γνωστά γεγονότα από τη βιογραφία του N. P. Likhačjon)	358
Ο S. F. Platonov ως μαθητής του βυζαντινολόγου V. G. Vasil'evskij	366
Ο V. E. Regel' ως ιδρυτής και συντάκτης του «Vizantijskij vremennik»	372
Ο V. E. Regel' για τις σπουδές του στα αρχεία της Μόσχας	407
Τα έργα του V. V. Bolotov στα γερμανικά (διακοπτόμενο σχέδιο).	423
Ο κόσμος της λόγιας μοναξιάς: ιερέας Dimitrij Lebedev.	431
Περί του F. I. Uspenskij και του κύριου έργου του	462
Περί του F. I. Uspenskij ως συντάκτη του «Vizantijskij vremennik»	469
Πίνακας των εγγράφων και των χειρογράφων	479
Πίνακας ονομάτων	489
Συντμήσεις	521

Научное издание

Игорь Павлович Медведев

ИСТОРИКИ В ИСТОРИИ: ПОИСКИ И СВЕРШЕНИЯ
Сборник статей

2-е издание

Корректор О. Круподер

Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 07.04.2022. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 33. Тираж 100. Заказ №

Издательский Дом ЯСК

№ госрегистрации 1147746155325

Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК «Гнозис»»

Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)

Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел

Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru vk.com/gnosisbooks

